АБХАЗИЯ И АБХАЗЫ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

I

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа

Абхазия и абхазы в российской периодике

(XIX – нач. XX вв.)

КНИГА I

Составители: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.

Сухум
2005

63.52 (5 АБХ.) 1+63.3 (5 АБХ.) 1
А27

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–нач. XX вв.). Книга I. Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум. 2005 - 652 с.

В предлагаемый читателю сборник включены материалы из российской периодической печати об Абхазии и абхазах со времени вхождения Абхазии в состав Российской империи (1810 г.) до окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В нем в рамках обозначенного периода четко прослеживаются историко-политические, демографические и этнокультурные процессы, происходившие в Абхазии, в том числе такие судьбоносные для коренного населения, как упразднение государственности, депортация, колонизация. Особый интерес представляет информация о традиционной культуре и быте абхазов.

Книга предназначена для историков, этнографов, политологов, географов, филологов, а также всех, кто интересуется прошлым абхазского народа.

Редактор: **Л.Е. Аргун**

Издание частично профинансировано Сухумским отделением Фонда Сороса.

© Р.Х. Агуажба
© Т.А. Ачугба

От составителей

Я обогнул берега почти всей Европы
И части Азии, но роскошней,
Живописней страны, как Абхазия,
Я не помню, чтобы где-нибудь встречал.

Н. Гладкий
(Газ. «Одесский вестник», №200, 1866)

Российская периодическая печать XIX и начала XX столетий, исходя главным образом из политических и экономических интересов царизма, довольно широко освещала прошлое и современное Абхазии и сопредельных с ней регионов Черноморского побережья северо-западного Кавказа. В настоящее время в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии готовится к изданию многотомник материалов, извлеченных из русской прессы указанного периода по тематике интересующих широкую общественность Абхазии. Предлагаемый читателю научно-популярный сборник «Абхазия и абхазы в российской периодике» является первой книгой этого многотомника. Хотя многие из публикации, вошедшие в ней страдают субъективизмом, в целом, информация, которую они донесли представляет политический и научный интерес. В частности, она весьма полезна для исследователей-кавказоведов гуманитарного профиля, ибо по меткому замечанию Г. Чурсина, «абхазы сохранили много пережитков пройденных ступеней культурного развития, представляющих драгоценный материал для истории культуры, не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще».[1] Для нынешнего поколения абхазов осмысление опыта традиционного уклада жизни предков имеет исключительно важное научное значение в деле строительства независимого демократического государства в Абхазии.

---

[1] ***Г.Ф. Чурсин.*** *Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1956. С.4.*

Актуальность издания сборника обусловлена еще и тем, что во время грузино-абхазской войны (1992-1993 гг.) большая часть письменной источниковедческой базы об абхазах и Абхазии была уничтожена оккупационными властями Грузии в результате преднамеренного поджога Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа и Государственного архива Абхазии.

В книге представлены материалы из более двадцати русских газет и журналов, издававшихся с 1811 по 1878 гг., т.е., практически со времени вхождения Абхазии в состав империи (1810 г.) до окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Особо широко представлены в сборнике публикации из газеты «Кавказ», поскольку она выделялась содержательной информацией и тем самым внесла неоценимый вклад в изучение и популяризацию истории и культуры народов Кавказа.

Несмотря на разношерстность политических, идеологических и иных нагрузок, материалы русской периодики способствуют расчищению пути к истине, стертой временем из памяти; уяснению искаженной различными авторами сути событий, пережитых абхазским народом в указанный период.

В годы автономного функционирования Абхазии в составе Российской империи (1810-1864 гг.) добывать сведения об абхазах и Абхазии, особенно об ее внутренних регионах, было весьма сложно, поскольку в период русско-кавказской войны (1817-1864 гг.) Абхазия, этническая территория которая простиралась от р. Ингур до р. Хоста, т.е., до границы с Убыхией, фактически была зоной военных действий. Характеризуя военную ситуацию в Абхазии генерал Г.И. Филипсон в 1858 году писал: «Положение Абхазии не изменилось к лучшему, с тех пор как я ее оставил: также точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею».[2] Именно этим объясняется скудность отдельных сообщений периодической печати того периода об абхазах и их стране. При всем том, некоторые из

---

[2] ***Г.А. Дзидзария.*** *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975. С. 179.*

них содержат уникальную информацию о судьбе абхазских этнографических групп и территориальных общин, депортированных по окончании русско-кавказской войны.

После покорения Кавказа (1864 г.) и, особенно после известного Лыхненского (Абхазского) восстания (1866 г.), в русской прессе все чаще стали появлятся материалы об Абхазии, в частности, ценные с точки зрения историко-этнографической науки, статьи И. Аверкиева, Ф. Завадского, Л. Иоакимова, Я. Пасхалова, А. Эмухвари и др. Поскольку многие из этих материалов собраны непосредственно самими авторами, они свободны от всяких компиляций, чего не скажешь о некоторых публикациях более раннего периода. Материалы в сборнике в основном размещены в хронологической последовательности, за исключением некоторых, время публикации которых выходит за рамки отведенного в книге. К последним, в частности, относится статья «Абхазы» из «Нового полного географического словаря Русского государства» за 1788 год, создающая как бы общую историко-географическую картину дороссийской Абхазии.

Комментарии и примечания на страницах источников относятся непосредственно их авторам, а примечания, изложенные в конце книги – составителям.

Составители выражают благодарность за помощь канд.ист.наук Ларисе Цвижба и художнику Леварсе Бутба.

МАТЕРИАЛЫ

ИЗ СТАТЬИ «АБХАЗЫ»

Абхазы - вольный и многочисленный народ, живущий в Кавказских горах, язык коих ни с каким другим из известных, как только с черкасским некоторое, но и то небольшое сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном их языке Абсне называется; тапереж турки и черкасы называют ее Абаза, а грузины Абхазети. Новые географы ее Абхазиею именуют, и уповательно императора Константина Абасгия таж самая будет. В рассуждении прежнего и нынешнего состояния закона, об них можно сказать, что в Абхазии несколько тверже вкоренилась христианская вера, нежели между черкассами. В прежние времена жил народ сей только по западной, к Черному морю примыкающейся стороне Кавказских гор, по рекам прямо в сие море между Кубанью и Енгури впадающим. Последняя река отделяет его от мингрельцов. Большая часть народа живет и доныне в сей стране и составляет уезды: Хирпис, Чаши, Садс, Айбга и Ахшипсе, кои черкасам под общим именем Кушгашин, т.е. загорных, известны. Сими владеют некоторым образом турки посредством одного паши, который живет в лежащей к Черному морю небольшой крепости Сохум-Кала называемой, и выбирается из княжеской абхазской фамилии Мудавия. Один из прежних пашей назывался Абай, для того назвали грузины сей Абаю поданный уезд, по правилам языка Сабай; из сего у россиян произошел народ Сабайцы. За сими уездами, кои полуденно-западную часть Абхазии составляют, следуют на северо-западе уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с черкасскими уездами Бжана и Гатукай граничат. Надо сими содержат турки в небольшой к Черному морю лежащей крепости Сочук-Кале надзирателя; но ему сии абхазы столь мало повинуются, что прежнюю свою вольность в лесистых и гористых своих жилищах почти еще в целости сохраняют. Язык сих северо-западных уездов от языка, каким говорят в выше помянутых полуденно-западных, приметно отличен. Третья малая часть

абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между черкасскими уездами Кабардою и Безленом реку Куму, верхние части Кубани и впадающие в Кубань реки, Инджик и Уарпа или Арпа занимает, и живет по линии Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно. Деревни сей части суть: Бабукт на левой стороне Малка в 40 верстах на полдень от Георгиевской крепости; Женгемиркт на левой стороне малой Кумы в немногих верстах на западе от первой; Трамкт - небольшая деревня в пяти верстах от правой стороны Кумы, при северо-западной подошве горы Бештау, в 20 верстах на с.в. от Георгиевской крепости; Кличкт при ручье Калмурза Жилгазе недалеко от правого берега Кубани; Кетшее - несколько повыше непосредственно на сем берегу Кубани; Трамкт при ручье Теберте на левой стороне Кубани, к коему вышепоказанная также называемая деревня принадлежит; Лаукт при ручье Карданих; Арзланкт при ручье Хсаут; Биберт при ручье Марух, который также, как и обе теперь упомянутые, в правую сторону в реку Кичи-Инджака впадает, на левой стороне которого лежит Дударуквакт. Все сии упомянутые деревни общим именем черкасами и абхазами Тапанта, а татарами Алте-Кезек, т.е. шесть кусков называются, потому что в оных находится шесть княжеских фамилий, кои происходят от одного Ашахмата. За упомянутыми абхазскими деревнями следуют к западу еще четыре уезда: Зиди при Улу-Инджик, Барекай, Шеграй и Башилбай при Уарпе; все сии между Камою и Уарпой живущие абхазы суть поданные большой Кабарды, и ей дань платят, потому кабардинцы прежние свои жилища, отступя сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили. Язык сих северных абхазов с языком полуденных совершенно сходствует. Все сии народы по большей части магометане, но столь не сведущи во всем, что и о законе своем едва понятие имеют. Некоторые из них производят хлебопашество, но большая часть питается скотоводством, разведением винограду и других древесных и земных плодов.

"Новый и полный географический словарь Российского государства", часть I.
Москва. 1788. С.2-5

ИЗВЕСТИЯ ВНУТРЕННИЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 6 ДЕКАБРЯ

Прибывшая сюда правительница Мингрелии княгиня Нина Георгиевна была в минувшее воскресение 3 числа представлена их величествам государю императору и государыне императрице Елисавете Алексеевне вместе с сыном своим Георгием и малолетним сыном Абхазского владельца Дмитрием. Правительница сия есть та самая дщерь покойного царя Георгия, об отличных подвигах коей на пользу службы его императорского величества свидетельствовал главнокомандующий в Грузии генерал от кавалерии Тормасов от 30 мая сего года, сверх попечительности о внутреннем устройстве Мингрелии, в чем она совершенно преуспела, усердие ее ознаменовано многими полезными деяниями. Известно уже, сколь храбро и успешно она и сын ее, князь Леван Дадиан, подобный ей в усердии к его императорскому величеству, содействовали нам при взятии крепости Поти, в экспедициях на Имеретию и на Ахалцых, и в приобретении граничащей с Мингрелиею Абхазии в подданство всероссийской империи. Для приведения же в устройство внутренних дел Абхазии, она отправляла туда части войск своих, с помощью коих владелец Абхазский и зять ее Георгий Шарвашидзе, успел не только вытеснить мятежного брата своего Арслан-бека, удалившегося в Трепизонт, но и привесть в подданство России и повиновение себе несколько независимых Джихетских обществ. Не ограничиваясь сим, ее светлость предпринимала весьма трудный путь в крепость Сохум-Кале, и чрез благоразумные внушения примирила с Абхазским владельцем двоюродных его братьев Сослан-бека и Али-бека, довольно сильных в Абхазии и враждовавших против него в сообществе с Арслан-беком. Посредством сего примирения восстановлено в Абхазии спокойствие, а притом ее же соглашением Сослан-бек, ближайший родственник скончавшегося батумского владельца, когда призываем был обитателями Батума принять над ними правительство, сдал нам оный купно со всем владением своим. Сверх того, стараниям ее светлости, родительница Абхазского владельца Ребия-Ханум, согласилась отправиться к

соседственным с Абхазиею Цебельским князьям Маршаниибовым[1] , родным ее братьям, управлявшим независимыми обществами воинственного Цебельского народа, с тем, чтобы преклонить их вступить в подданство России и признать над ними зависимость Абхазского владельца.

"Северная почта" или "Новая Санкт-петербургская газета", декабря 6 дня 1811, №97.

ИЗВЕСТИЯ ВНУТРЕННИЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 9 ДЕКАБРЯ

...В дополнении к сказанному нами в последнем месте сей газеты о правительнице Мингрелии княгине Нине Георгиевне не излишним почитаем присовокупить еще выписку из донесения главнокомандующего в Грузии генерала от кавалерии Тормасова от 11 января 1810 года. "В особенности же заслуживают справедливого внимания подвиги правительницы Мингрелии и владетельного гурийского князя Мамия. Первый потому, что единственно неограниченной преданности ее к России и усердным ее стараниям должно отнести наклонение Сафар-Али-Бека вступить со всем Абхазским владением в вечное покровительство и подданство России. По сей причине Абхазский народ не участвовал во вспоможении осажденной крепости Поти, принадлежащей к Абхазии.

Северная почта" или "Новая Санкт-петербургская газета", декабря 9 дня 1811, №98.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АБХАЗИЮ

Краткие исторические сведения об Абхазии

Народ, живущий в Абхазии, был известен в древности греческому писателю Страбону под именованием *Chaliberi* или *Armeno Chalibes*. Но какого он

происхождения, сами абхазцы в том числе не согласуются: иные считают своими родоначальниками армян, другие же выходцев из Египта, а может быть и из Абиссинии, потому что они сами себя называют Абсне.

Бывши под владычеством разных держав, Абхазия, наконец, в половине 18-го столетия считалась данницею турецкого султана. В 1770 году, во время пребывания в сем крае генерала графа Тотлебена с российскими войсками, действовавшими против турок, владетельный князь Леван, происходивший из знатного рода Ширвашидзе, просил графа Тотлебена о принятии его под покровительство Российской империи, но переговоры не состоялись, были прерваны нападением буйных абхазцев на табун лошадей, принадлежавший российскому отряду. Спустя после сего несколько лет Леван Ширвашидзе принял магометанскую веру и получил от Порты в управление крепость Сухум-кале.

По смерти князя Левана Абхазия разделилась на уделы между детьми его. Но вскоре старший из них Келеш-бей, одаренный от природы умом, телесными силами и предприимчивостью, умел соединить в своих руках управление всем княжеством и обратить на себя внимание и благорасположение турецкого султана. Силою оружия он покорил себе джигетский народ, обитающий по берегу Черного моря, от монастыря Гагры до селения Мамая. Имев всегда при себе готовую к бою стражу от 400 до 500 ратников и некоторое число хорошо вооруженных галер, он держал в страхе всех жителей морского берега от Геленчицкого залива до Батума, находящегося в Турецкой Гурии и которым также управлял по родственным связям своим с пашою трапезонским. В 1779 году он занял крепость Анаклию и принудил князя мингрельского Григория Дадиана уступить ему оную, а дабы упрочить сии приобретения и иметь всегдашнюю поверхность над Мингрелию, он вслед за этим захватил старшего сына владевшего тогда в Мингрелии князя Григория и наследника дома Дадианов, малолетнего князя Левана под предлогом будто берет его в аманаты. Но российское правительство заставило его возвратить сего молодого князя. В 1806 или 1807 году Келеш-бей по связям дружбы и родства дал у себя пристанище

отрешенному Портой трапезонскому Теер-паше, сыну известного в истории Кавказской линии Батал-паши. Султан требовал выдачи его, но Келеш-бей, отговариваясь невозможностью нарушить право гостеприимства, ограничился только тем, что выслал его из своих владений, давши ему однако же все средства уйти в Россию. Порта, чувствуя себя не в состоянии наказать ослушника, вооружила против него собственного сына Аслан-бея, обещав сему последнему за голову отца обладание княжеством и другие почести. Желание независимости и самовластия сделало Аслан-бея отцеубийцею 2-го мая 1808 года[2]. Не имея однако же в народе достаточного числа приверженцев, с помощью коих он мог бы завладеть браздами правления, и видя себя в крепости Сухум-кале, где он заперся по совершении преступления, атакованным русскими, под защиту коих прибегло несчастное семейство Келеш-бея, он бежал к черкесам.

Старший брат его Сафар-бей, поддерживаемый российским правительством, признан владетелем, а для обеспечения его прав крепость Сухум-кале занята российскими войсками. Сафар-бей с семейством своим принял христианскую веру, старший же сын его, Димитрий, был взят в Санкт-Петербург и помещен в пажеский корпус.

Подстрекаемые Портою и Аслан-беем абхазцы взбунтовались в 1821 году по смерти Сафар-бея, но сын его князь Димитрий, пожалованный государем императором в чин полковника, был восстановлен в своем владении российскими войсками. Дмитрию наследовал брат его, нынешний владетельный князь Михаил.

Аслан-бей, скрываясь попеременно то у турок, то у черкес, продолжал всячески возмущать абхазцев, и наконец в 1824 году пламя бунта вспыхнуло вдруг по всей Абхазии. Для спасения себя с семейством мать владетельного князя, княгиня Тамара, принуждена была оставить свое местопребывания селение Соуксу[3] и искать убежища в крепости Сухум-кале, а князь Михаил заперся в небольшом укреплении близ Соуксу вместе с находившимися там двумя ротами российских войск, кои были оставлены для охранения владетельного дома. Неудачное нападение сухумского коменданта подполковника Михина с

одною ротою на жителей села Акопы[4], лежащей в 15 верстах от Сухума, с намерением захватить укрывающихся в оной бунтовщиков и потерпенная при сем случае во время отступления наших войск чрез густые леса потеря до 60 человек убитыми и раненными* , еще более придали дух непокорности мятежникам и бунт сильнее распространился. Для усмирения оного был послан отряд из 1400 человек пехоты и 3 орудий, под начальством генерал-майора князя Горчакова. Ему содействовал на левом фланге, со стороны моря, один фрегат и два брига, а на правом фланге - небольшой отряд мингрельского ополчения. От реки Кодары генерал Горчаков[5] был беспрестанно тревожим партиями мятежников, но он преодолел все препятствия и достиг крепости Сухума. Здесь представились новые затруднения, кои считались мятежниками непреодолимыми: дорога от Сухума до Соуксу, всего расстоянием 30 верст, была совершенно испорчена и заграждена завалами. Генерал князь Горчаков, видя пагубные последствия, которые могли бы произойти от неудачи сей экспедиции, и получив известие, что Соукский гарнизон, доведенный до крайности, не в силах даже противиться мятежникам, решился сделать десант в Пицунтской бухте, таким образом, минуя все препятствия, с другой стороны достиг селения Соуксу. Хотя экспедиция стоила большого пожертвования /сто человек одними убитыми/ ; ибо принуждены были предпринять оную в самое невыгодное время, то есть в июне, когда густота леса способствовала укрытию мятежников, а разлитие рек от дождей и таяния снегов усиливало их оборонительные средства, цель предприятия совершенно исполнилась. Бунтовщики, видя все планы расстроеными, прекратили неприятельские действия и смирились, а Аслан-бей снова принужден удалиться к закубанским черкесам, где и поныне скитается. С тех пор права настоящего владетеля подполковника князя Михаила Ширвашидзе признаются всеми абхазцами, но как увидим ниже власть его над народом, особенно над исповедающими магометанскую веру, кои составляют около двух третей населения, весьма ограничена.

---

* *В числе сих последних был и сам подполковник Михин*

А. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ

I. Физическое положение оной

1. Положение ее на земном шаре

Абхазия лежит между 42^0 и 44^0 северной широты и 57^0 и 59^0 восточной долготы.

2. Границы

Граничит к северу с хребтом кавказских гор, отделяющих от оной земли разных горских народов; к востоку с Мингрелией, к югу и к западу с Черным морем, а к северо-западу с черкесами, от коих отделяется рекою Гагрыпш и отраслями кавказских гор.

3. Пространство

Она простирается от самой северо-западной оконечности до юго-восточной на 120, а от восточной до западной на 150 верст. В окружности имеет около 8000 квадратных верст.

4. Горы

Хребет кавказских гор, простирающийся по верхней границе Абхазии от востока к северо-западу, сперва приближается нижними своими отраслями к морскому берегу только на верст 40, а потом постепенно суживает долину Абхазии так, что от крепости Сухум-кале до монастыря Бичвинда или Пицунта приметно сближается с берегом; от монастыря же до северо-западных границ Абхазии в некоторых местах врезается в море.

5. Свойство гор

От вершины главного хребта вниз верст 9 и более горы скалисты, круты и покрыты почти вечным снегом; далее показывается зелень и кусты между гранитными скалами, кои спускаются ниже, постепенно начинают заключать в себе известь с песчаником, облеченным глинистым слоем, а ближе к подошвам состоят местами совершенно из известкового камня, - покрыты же вообще густым песом, который постепенно к вершинам становится реже, потом превращается в кустарники, и наконец вовсе исчезает.

6. Воды

Черное море, которое с одной стороны омывает берега Абхазии, простирающиеся на значительном протяжении, в торговом отношении приносит важную пользу сей стране, служа средством к сбыту ее произведений и приобретению чужеземных, в коих жители терпят нужду.

Главная и самая выгодная бухта при крепости Сухум-кале. В оной самые большие суда могут стоять на якоре в расстоянии от берега от 200 до 400 сажен. Сия бухта с трех сторон защищена от ветров и подвергает суда сильной, но непродолжительной зыби. Дно морское - песок с илом. Пресной воды здесь достаточно и леса для строения и варения пищи изобильно... Вторая бухта, не столь выгодная, находится близ монастыря Пицунта или Бичвинда и доставляет военным судам довольно безопасное якорное стояние, за исключением того, что совершенно открыта со стороны юго-запада. Дно морское - ил и местами песок с илом. При высадке русских войск в 1824 году фрегаты останавливались на якоре в полверсте от берега: из чего заключить можно, что маленькие суда, углубляясь в бухте, могут стоять совершенно спокойно. Пресная вода и лес годный к кораблестроению находится здесь в изобилии.

Озера: а). Ачар-дзе. Небольшое озеро близ моря, от реки Абсты в версте с половиною, изобилует рыбою разного рода.

б).Энкит имеет около двух верст в длину и одной версты в ширину; находится близ моря, между монастырем Пицунта и рекою Бзыбь. Сие озеро также изобильно рыбою.

Реки. Все реки, протекающие в Абхазии, вытекая из Кавказского хребта, имеют направление от севера к юго-западу и впадают в море. Течение большей части рек весьма быстрое, и потому судам почти невозможно входить в устье оных, заносимые также весьма часто морским щебнем или илом. Вообще постель рек камениста, а берега круты и скалисты. Вода в больших реках годна для питья, в притоках или малых речках нездорова. Постоянное разлитие вод бывает здесь в исходе марта и в апреле, от таяния горных снегов и частых дождей. В сие время самые малые речки делаются непроходимыми. В июне также воды усиливаются от таяния снегов в верхних полосах гор. Броды находятся или при устьях или при истоках; первые

во время полноводия, а последние почти всегда удобны. Главнейшие реки в Абхазии суть следующие:

Галадзга - составляющая нынешнюю границу с Мингрелиею, или, как правильнее сказать (как будет объяснено ниже), с владением самурзаканским.

Маркула - по малой глубине и каменистому грунту не судоходна; примечательна тем, что в оной ловится множество белуг и осетров.

Кодор - исток в самом хребте Кавказа. Протекает в направлении от северо-востока к юго-западу по глубокому ущелью. Принимает в свои берега множество горных рек и за селением Цхоби или Дранди, впадает в море двумя рукавами, из коих южный имеет течение довольно медленное. Представляет возможность входить в оный с небольшими лодками.

Келасур - впадает в море близ крепости Тхобун. Имеет медленное течение, отчего вход в оную небольших лодок удобен, хотя и не на дальнее расстояние.

Гумиста - впадает в море близ развалин крепости Старый Сухум, к плаванию лодок неспособна.

Абста - вытекает из кавказской горы Ахи-боху или Плов -даг и хотя имеет быстрое течение, но с небольшими лодками можно входить в оную вверх на 4 версты.

Хапыта или Хапсти-цхали выходит из кавказской горы Хорча, впадает в Пицунтскую бухту, к сожалению, по причине быстрого своего течения не представляет возможности для входа в оную с лодками.

Мачиш - впадает тоже в Пицунтскую бухту; на несколько верст вверх к входу с малыми лодками удобна.

Бзыбь - примечательна тем, что несмотря на ее несудоходность, черкесы иногда входят в оную с небольшими лодками и скрываются в скалистых берегах ее, а в удобное время делают набеги на Абхазию.

Севадзе - за несколько верст до своего устья проходит чрез болото и от того ниже сего места заключает в себе воду для питья нездоровую.

Гагрипш - отделяя Абхазию с северо-запада от черкес, впадает в море близ развалин монастыря Гагры.

7. Качество земли

Южная обитаемая часть Абхазии, т.е. до крепости Сухум-кале, образует обширную долину, ограждаемую с севера кавказскими горами, покрытую дубовым и фруктовым лесом. Ближе к морю находятся большие болота, между коими и берегом моря растет лавровый куст, в все пространство от Сухум-кале до развалин крепости Гагры или до западной границы Абхазии, покрыто большей частью горами, усеянными лесом. Почва Абхазской долины, прилегающая к морю болотиста, а примыкающая к горам глиниста и камениста.

8. Климат

Таковая разность в местоположении делает различие в климате. Вообще южная Абхазия считается весьма нездоровою, как по причине больших жаров, так и вредных испарений, подымающихся из болот, кои будучи укрыты лесами, никогда не высыхают. Но наоборот, воздух в северной части, за исключением берега Черного моря, считается самым благорастворенным, и жители сих мест редко подвергаются болезням. Жары в первой простираются до 38^0, а во 2 части до 25^0, морозы же в первой до 8^0, а во 2-й до 15^0; небольшой снег выпадает в сей части в январе месяце.

9. Естественные произведения

Из царства животного: рогатый скот, овцы и всякого вообще рода домашние животные и птицы, в достаточном количестве, за исключением индеек, кои редки; дикие звери и птицы, как то: барсы, медведи, волки, кабаны, олени, каменные бараны, джираны, козы, куницы, бобры; фазаны, дрофы, стрепеты, перепелки и проч.; всякого рода рыба, коею наполнены реки и озера; разные насекомые, в особенности пчелы.

Из царства прозябаемого:

кукуруза, гоми, небольшое количество пшеницы; лес и всякого рода фруктовые деревья.

Из царства ископаемого:

свинец, добываемый в горе, находящийся близ истока реки Гумисты и в горе Иезвюст против деревни Анакуа. Из южных гор

Абхазии, которые вообще известкового свойства, достают глину для сосудов, известь, точильные камни, жернова и плиты.

II. Разделение Абхазии

Абхазия состоит из 4 обществ: 1-е - Абживцкаго или Абшивскаго, находящегося между реками Галадзгою и Кодором; 2-е - Цыбельдинскаго, занимающего места по реке Келасур, в самых неприступных горах; 3-е - Абхазское, простирающееся до реки Гумисты, наконец 4-е - Зубцкое или Бзыбское, заключающее в себе остальное пространство Абхазии по реку Гагрыпш.

К сим четырем присовокуплялось прежде общество или владение Самурзаканское, ныне вошедшее в состав Мингрелии по следующему обстоятельству: князь Манучар Ширвашидзе, родственник Абхазского князя и владетель Самурзакана, имел в супружестве сестру нынешнего мингрельского князя Левана Дадиана. По смерти Манучара мингрельский владелец как сильнейший успел обделать дела так, что удел Самурзаканский остался вдовствующей княгине под покровительством и главною его опекою.

Примечательнейшие места в Абхазии суть:

Крепость Сухум-кале, выстроенная на берегу моря из дикого камня на извести, она состояла из четырех четвероугольных бастионов, на кои можно ставить до пяти орудий. Бастионы соединены прямыми куртинами, длиною от 50 до 60 сажен, вышиною в 4 сажени и толщиною 5 футов. Сии куртины имеют узкие банкеты и бойницы для ружейной обороны. Два южных бастиона примыкают к морю, другие же два - к болоту, покрытому кустарником на 150 сажен от крепости, а далее густым дубовым лесом. К востоку от крепости находится поляна, на расстоянии 450 сажен оканчивающаяся горами, покрытыми лесом. Крепость имеет двое ворот - к востоку и к западу. Водою снабжает ее канава проведенная из двух ближайших речек: кроме сего имеется в крепости два колодца, на форштат, против восточных ворот также два; в сих четырех колодцах вода несколько солена, но употребляется без вреда как для питья, так и для пищи.

Развалины крепости Гагры, которые можно назвать, по справедливости, ключом Западного Кавказа. Место сие находится вблизи весьма тесного прохода по вдавшейся в море скале, служащей как бы оконечностью Кавказским горам.

Остальной берег Черного моря, простирающийся от Абхазии до крепости Анапы, занят черкесами, кои разделяются на многие независимые друг от друга поколения. Из них более известные, следуя от границ Абхазии к Анапе, суть джикеты (Пшихоави и Ясхыписвы), убыхи и гуаи. Они до сего времени признавали над собою верховную власть Оттоманской Порты, коей однако ж повиновались, в то время когда паши анапские, к управлению которых они сопричислялись, могли поддерживать требования своим оружием. Но как уже с давнего времени политический упадок Турецкой империи не дозволил султану содержать больших сил в сей дикой и необразованной стране, отделенной морем и чуждыми землями от прочих его владений, то паша анапский в последствии времени, не думая более о приведении их в покорность, довольствовался тем, что они не покушались ни на какие неприязненности против анапского гарнизона и споспешествовали сухопутными и морскими разбоями постыдной торговле турок людьми. Ныне, по заключенному с Турцией мирному договору, необузданные сии племена вместе с Анапою поступили во владение Российской империи. Но привыкши к своевольству и безначалию и по невежеству своему, не постигая выгод мирной и спокойной жизни, под защитою кротких и человеколюбивых законов, вероятно, употребят все усилия дабы воспрепятствовать прочному занятию их земли нашими войсками; к чему их столько же поощрять будут прежние удачи в ослушании против турецкого правительства, сколько тому споспешествует неприступность их жилищ в стране гористой и покрытой лесами.

Б. СОСТОЯНИЕ НАРОДА

Народонаселенность

1. Число народа

В Абхазии ныне считается 8720 дворов и около 52320 душ обоего пола, полагая по 6 душ на каждый двор именно:

1. Абживцкое или Абшавское общество состоит из 18 деревень, в коих насчитывается 1760 дворов, т.е. около 10560 душ обоего пола.

2. Цибельдинское заключает в себе до 30 деревень, в коих находится 2500 дворов, т.е. около 15 тыс.душ.

3. Абхазское состоит из 15 деревень, в коих числится 1340 дворов, т.е. около 8040 душ.

4. Бзыбское содержит в себе 33 деревни, в коих находится 3120 дворов и до 18720 душ. В укрепленной деревне сего общества Соуксу, имеющей 400 дворов и около 5 тыс.душ обоего пола, находится место пребывания владетельного князя подполковника Михаила Ширвашидзе.

Примечание. В Самурзаканском владении, ныне состоящем под владением Мингрелии, находится 1798 дворов и до 10788 душ.

2. Отношение народонаселения к пространству земли

Из сего отношения мы получим почти следующую пропорцию: $6^{3}/_{4}$, т.е. на каждые четыре версты причитается по 27 душ обоего пола.

3. Разделение народа по сословиям

Народ абхазский состоит из 3-х главных сословий: 1-е - крестьян, к коим причисляются рабы или пленные; 2-е - дворян и 3-е - князей, поместных и владетельных. Кроме сих трех сословий, есть еще 4-е называемое чинакма, которое составляя телохранителей владетельных князей, хотя и происходит из крестьян, но пользуется правами дворянства.

4. Свойства народа

Абхазцы имеют отличный от черкесов и менее правильный склад лица, смуглы, черноволосы, сухощавы, среднего роста, но стройны... они жестоки, недоверчивы и мстительны: питают кровавую вражду к соседственным горским народам; не имея законов и не страшась своего князя, они надеяются на одно только свое оружие, которое никогда не оставляют, впрочем подобно всем горским народам гостеприимны и суеверны.

5. Одежда

Абхазцы одеваются подобно черкесам: носят полукафтан, под которым имеют ахалух, штаны узкие, сверх которых надевают суконные чулки, подвязывая их под коленами разноцветными лентами; на голове носят башлык, обматывая концы оного в хорошую погоду вокруг головы наподобие чалмы; некоторые князья надевают низкие суконные шапки с меховым околышем. Вместо сапог имеют сандалы, многие ходят босиком.

6. Жилища

Абхазцы живут в домах, выстроенных из переплетенного хвороста и обмазанных глиною. Сии дома об одном этаже, из коих каждый принадлежит особому семейству, построены в недалеком расстоянии друг от друга; они окружены невысоким забором из хвороста и колючки; двор состоит из поляны, на которой нарочно оставлено несколько больших деревьев, под тенью коих семейство беседует летом.

7. Вера

Сохранившиеся до сих пор развалины многих церквей и монастырей доказывают, что абхазцы исповедывали издревле христианскую веру. Но турки, с давних времен, имея влияние на горские народы, старались посредством высылки мулл - проповедников корана, истребить христианский закон и наконец совершенно в том успели. Абхазцы, отставшие от христианства и не понимая достаточно закона Магометова, сохранили также и признаки идолопоклонства. Отец нынешнего владетельного князя принял христианскую веру со всем своим семейством, а

за ним окрестилась некоторая часть народа, но дядя владетеля и почти все князья и дворяне пребывают в магометанстве и оным оправдывают свои притязания на непокорность. Во всей Абхазии находится только одна церковь и один священник в деревне Соуксу при владетеле.

I. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО

1. Земледелие и хлебопашество

Абхазец обрабатывает только такое пространство земли, которое могло бы прокормить его в течение года, ограничивая все свои нужды одним настоящим временем. Место занимает где ему нужно, ибо разделения земель вовсе нет и споров в сем отношении не бывает.

Кукуруза и гоми, вот главнейшие и единственные роды хлеба, кои засевают в Абхазии; пшеницы весьма мало, и ячменя почти вовсе нет. Подробные сведения о количестве пахотной земли, посева урожая и тому подобное до сих пор не могли быть собраны; известно, что абхазцы не только не нуждаются в чужеземном хлебе, но еще кукурузу продают и выменивают на соль купцам, приходящим с разных мест Турции.

Вообще земля довольно плодородна, особенно в долинах и в местах, открытых для солнца.

Во всей Абхазии находится только одна мельница в селении Соуксу, а во всех других местах мелют хлеб жерновами.

2. Скотоводство

Скотоводство состоит большею частью из рогатого скота, который вообще небольшого роста, имеет почти высунувшие глаза, быстрые и сердитые, но мясо вкусное и жирное. Для хлебопашества употребляют по большей части волов, весьма немного буйволов, которых в Абхазии вообще мало. Овцы здесь отличной доброты и козы из лучших по западной части Закавказского края. Лошадей абхазцы имеют небольшое количество и употребляют их в поездках. Для перевозки вьюков имеют ослов.

Под луга абхазцы никогда не обращают полей и, несмотря на часто случающуюся суровость зимы, совсем не заботятся о запасе сена, отчего у них нередко бывает падеж скота.

Пастбища суть общие. В апреле месяце показывается трава и стоит до поздней осени в изобилии и отличной доброты.

3. Лесоводство

Леса в Абхазии состоят из дуба, сосны, клена, бука, чинара, тиса и самшита, несвойственно здесь называемого пальмовым деревом. Лес, находящийся близ развалин крепости Гагры, около монастыря Пицунтского и в окрестностях Сухум-кале годен для кораблестроения. Известно, что в 1816 году в бухте Пицунтской, с позволения владетеля, выстроен был греком бриг длиною в 120 футов, в котором киль был из целого дерева, что показывает редкую величину леса. Кроме сих деревьев, абхазские леса состоят из фруктовых и кустарников - яблоки, груши, сливы, каштаны, квиты, персики, абрикосы, орехи, тутовые ягоды, кизил и дерен, барбарис, виноград и проч. произрастают без всякого присмотра. Фрукты очень вкусны, в особенности яблоки.

4. Виноделие

Виноградная лоза растет изобильно, хотя и в диком состоянии везде на низменных отлогостях гор и равнинах. Виноград некрупный, но довольно сладкий. Народ добывает из оного очень крепкое вино в большом количестве. Из сего вина промышленники армяне гонят крепкую и довольно приятную водку.

5. Пчеловодство

Абхазцы охотно занимаются пчеловодством, и мед их отличен от нашего. Он есть произведение диких пчел, живущих в расселинах каменных утесов; цвет его внутри и снаружи палевой; воск и мед составляют почти одно кристаллизированное вещество, ароматом и вкусом приятное и ломаемое для приготовления в пищу как леденец, без отделения воска, находящегося в весьма малом количестве, липкости, свойственной обыкновенному меду, имеет гораздо в меньшем количестве* .

** Таковый мед, называемый каменным медом, находится во многих местах Кавказского края, но иногда бывает зеленого цвета.*

6. Рыболовство

Рыбою изобильны все реки и озера, находящиеся в Абхазии, и в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет особенной ветви промышленности.

Примечание. Шелководством абхазцы не занимаются, но тутовые деревья произрастают на их земле.

7. Рудные промыслы

Нет сомнения, что в горах абхазских скрываются металлы всякого рода, особенно железо. С давних времен найдена свинцовая руда в горе, около истока реки Гумисты и разрабатывается до сих пор: отломав камень, нужно только перетопить его один раз, и получается свинец отличной доброты. Такого же свойства и таким же образом достается свинец, содержащийся в горе Иезвюста, против деревни Анакуа. Сии руды никому особенно не принадлежат, но всякий, по мере надобности, отламывает из них нужное себе количество.

8. Мануфактуры

Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах Абхазии из железа, получаемого от турок или из Сухум-кале. Сие жилезо абхазцы отлично выделывают и приготовляют высокой доброты сталь. Есть мастеровые, кои искусно чернят серебро и золото для украшения оружий. Во всяком доме приготовляют для домашнего употребления толстое сукно серого и желтого цвета, также бурки и полотно из хлопчатой бумаги, доставляемой из Турции.

9. Торговля

Главнейший привоз товаров из турецких городов Батума и Трапезонда состоит в железе, соли, оружия всякого рода, шелковых, бумажных материях, сафьяне разных цветов и в порохе, в котором абхазцы чрезвычайно нуждаются. Сии товары выменяваются на кукурузу, буковое и так называемое пальмовое дерево, мед, воск и часто на пленников, захваченных у русских около крепости Сухум-кале или у мингрельцев. Главный торг

производится на устье южного рукава реки Кодор, куда приставали большие турецкие лодки. Но с 1827 года абхазцы начали приходить на сухум-кальский базар, где покупают соль, железо и разные красные товары, привозимые из Редут-кале[6] промышленниками армянами.

Абхазцы не имеют собственной монеты; ходячие у них деньги суть турецкие золотые и серебряные; весьма недавно начали они принимать и российскую серебряную монету.

В. СОСТОЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Система управления

Абхазия в нынешнем своем положении представляет народную массу, разделенную на 4 округа, из коих Цыбельдинский составляет особое вольное общество, не признающее над собою никакого владетеля* , а остальные три Абшавское[7], Абхазское и Бзыбское, хотя и признают по наружности общего владетеля поставленного Россией, полковника** князя Михаила Ширвашидзе, но власть его не распространяется далее собственного Бзыбскаго удела. Абхазский же округ повинуется родным дядям его Баталу-Тееру и Гасану беям, из коих последний имеет наибольшее влияние на народ; а Абшавский подвластен их двоюродному брату Али-бею. Приверженность сих владельцев к России доказана многими опытами. Но между дворянами и муллами находится немалое число преданных

** Оно было завоевано Келеш-беем, а теперь совершенно отклонилось от владетеля Абхазии, и, надеясь на свое богатство и неприступные горы, старается возмущать и другие общества. Цебельдинцы даже между собою не признают никакого владетеля и только богатая фамилия князей Моршани имеет на них некоторое влияние.*

***Выше напечатано подполковник ошибочно.*

туркам, с коими их связывает вера и торговые отношения. Большая же часть народа не имеют решительной привязанности ни к тем, ни к другим и буйную свою свободу считают всего дороже.

Древние обыкновения

Весь кодекс абхазский заключается в следующем: за смертоубийство, по древнему обычаю, преступник должен вознаградить родственников убитого 15-ю душами крестьян, лучшей лошадью с седлом, саблею или шашкою, ружьем и пистолетами. Если он же не в состоянии сего исполнить, то родственники убитого лишают его жизни и дальнейшего мщения не бывает уже со стороны родных. За воровство платится обиженному вдвое против цены украденных вещей, и кроме того, виновный должен отдать владетелю одного человека, если не имеет крестьян, то сам должен служить рабом.

Впрочем между исповедующими магометанскую веру муллы решают дела по корану, когда оные не подлежат решению самого владетеля.

2. Подати

По требованию владетеля или господина народ платит, сколько он назначит, и отбывает всякого рода повинности. С собственных крестьян князья ежегодно берут по одной корове, по одному кувшину с вином и третью часть урожая хлеба.

3. Военная сила и образ вооружения

Судя по числу дворов и положа со двора два человека, можно считать вооруженных около 17500 душ. Вооружение их состоит: в ружье, шашке и кинжале, многие имеют пистолеты.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВЕДОМОСТЬ
О ЧИСЛЕ ДЕРЕВЕНЬ И ДВОРОВ В АБХАЗИИ

1-е общество Абшавское (Абживцкое)

Деревня	двор	Деревня	двор
1. Урти[8]	60	10.Маркула	60
2.Кортмал	80	11.Жигерда	100
3.Пятгуа	80	12.Квитаур	20
4.Ешкит	60	13.Кендых	60
5.Поквеш	120	14.Самахарю	80
6.Губ	100	15.Тамыш	80
7.Чилоу	30	16.Пшьяк	50
8.Тхиноко	110	17.Атара	100
9.Мокв	80	18.Нярзык	40
		итого:	*1760*

2-е Цыбельдинское

1.Чижеуш
2.Чочорем
3.Моранба
4.Октипур
5.Жахас-Кер
6.Антхел
7.Када
8.Горгеул
9.Чала
10.Жинпал
11.Амзара
12.Вардак
13.Дал
14.Вишкаран
15.Агаш
16.Абгалавира
17.Абшдзир
18.Авушта
19.Арахумви
20.Ангара
21.Жика
22.Тахика
23.Абвидуквара
24.Судатал
25.Науш
26.Цихваликст
27.Апанча
28.Жумашта
29.Куджаахабла
30.Горгеул

Неизвестно в подробности, сколько каждая деревня заключает в себе дворов, во всем Цыбельдинском обществе считается их 2500.

3. Абхазское

1.Кодор	240
2.Хегрыпис	40
3.Дранда-Цхоби	100
4.Пшап	40
5.Багаз-яшта	40
6.Парнаут	30
7.Гурлытли	60
8.Мархеул	200
9.Эйбахудзе	40
10.Ашхел	40
11.Багстган	60
12.Акапа	200
13.Абжакуа	60
14.Бырц	20
15.Гума	120

4. Бзыбское

1.Ешара	100
2.Дзиета	65
3.Цацхаура	32
4.Акуа	79
5.Анакуа	180
6.Адцы	200
7.Аджинжара	90
8.Мицара	60
9.Куланурхуа	80
10.Соуксу	400
11.Архуа	40

12.Оберпахуа	60
13.Дрыпис	100
14.Дудрыпис	180
15.Ута	100
16.Чагургуа	30
17.Алуцхуа	100
18.Звандрыпис	200
19.Квадкамуа	50
20.Джаджирпин	30
21.Ордапырхуа	5
22.Буча	40
23.Одхера	35
24.Чабалурхуа	100
25.Папза	30
26.Мхерети	60
27.Барансиц	75
28.Блабхуа-Калдихвора	140
29.Пицунта-Бочвинти	100
30.Шимера	70
31.Азердан	49
32.Воса	80
33.Аспа	30
итого:	*3120*
всего:	***8720***

Газ. "Тифлисские ведомости",
1831, №24-29

РАПОРТ КОМАНДУЮЩЕМУ ЧЕРНОМОРСКОЮ ЛИНИЕЮ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ И КАВАЛЕРУ ФОН-ШТЕЙБЕНУ КОМАНДИРА ГЕЛЕНДЖИКСКОГО ОТРЯДА ВОЕННЫХ И ТРАНСПОРТНЫХ СУДОВ

17 числа сего месяца командир транспорта "Успех" из крепости Сухум-кале донес мне, что при следовании его вдоль берега в Геленджик 9 числа поутру, находясь между Зенга и Сучали от берега на расстоянии пяти миль, он завидел у себя под ветром две турецкие кочермы и пустился прямо к ним, но они, чтобы уйти от транспорта, к парусам прибавили по 6 весел на каждый и старались при тихом ON ветре убежать, тогда с транспорта начали по ним стрелять из фальконетов ядрами и после 4-часовой погони кочермы были настигнуты ближе фальконетного выстрела, но все продолжали уходить и не прежде ближайшая к транспорту спустила паруса, когда ядром попал и в нее; другая же кочерма от сей находилась около 2-х кабельтовых и когда командир транспорта послал гребное вооруженное судно арестовать 1-ю кочерму и стал брать ее на банштов, то вторая воспользовалась сим случаем (транспорт был в дрейфе) и стала уходить на парусах и на веслах; по взятии транспортом на банштов 1-й, он погнался за другой, стрелял по ней, но, имея артиллерию из фальконетов, при порядочной зыби изредка доставал ядрами и неверно; ночью потерял кочерму и на другой день не мог ее увидеть. Над шкипером сей арестованной кочермы турком Халил Османом с 6-ю матросами, турками же, составленное здесь призовое отделение из судовых командиров и офицеров учинило исследование по обстоятельствам дела, при чем оказалось, что приписанная одномачтовая кочерма прибыла из Трапезонта в Сухум-кале в прошедшем июле месяце, где выдержавши положенный терми карантина и по нагрузке соли, 3 августа отправилась в укрепление Бомборы (что видно из найденных бумаг сухумского карантина и брантвахты); сам шкипер кочермы и некоторые из матросов его сначала запирались в приставании к берегам черкесским, а уверяли, что заходили в Пицунду, но по изобличении их в пребывании у мест, коих он вовсе не знают, двое матросов сознались, что приставали на мысе Адлер для торговли с

черкесами, где шкипер выменял на товары черкешенку лет 14-ти; тогда в показании сем признался и подтвердил и сам шкипер кочермы, окончив торг свой с черкесами, шкипер кочермы думал возвратиться в Сухум-кале под благовидным предлогом, что имеет письменные виды от сухумского карантина, таможни и коменданта крепости, но, к несчастию его, встретился с нашим крейсером, от которого старался уйти, но после 4-часовой погони - настигнут, арестован и приведен в Геленджик. А потому, отделение призовой комиссии, на Геленджикском рейде состоящее, на основании инструкции, высочайше утвержденной в 14 день апреля 1832 года для крейсеров наших у берегов Абхазских, по 12 пункту, равно и за торг невольниками, признало турецко-купеческую кочерму, взятою командиром транспорта "Успех" между Зенга и Сучали, шкипер коей и 6 человек матросов добровольно сознались в непозволительной торговле с горцами, правильным призом, постановило поступить с ними по силе существующих постановлений, т.е. судно и груз на ней, состоящий из кукурузы, продать с публичного торга, о чем нашему превосходительству честь имею донести и докладываю, шкипер сей, Халил Осман, 1832 года был уже арестован на контрабандном судне, что продано под № 1, и содержался в Севастополе, а после дарованного ему вместе с прочими шкиперами и матросами правительством прощения, возвратившись в Трапезонт, опять принялся за такую же запрещенную торговлю с горцами, следовательно наказанием их лишением судов и товаров, на оных находившихся, не отклонило их от воспрещаемой торговли, а только с большими обманами начали производить оную, как оказалось из полученных им письменных видов в Сухуме с тем, чтобы на случай встречи с нашим крейсером уклониться от всякого на него подозрения. Ожидаю по сему почтеннейшего вашего соизволения на утверждение призов.

Подписал капитан-лейтенант Майгов 1-й, 9 октября 1834 года, № 729

Газ. "Кубанские областные ведомости",
24 февраля 1890 г., №8

СОГУМ-КАЛЕ
/из путевых записок о Кавказе/

Крепость Согум-Кале, принадлежавшая до 1810 года Турции, была столицею Абхазии и местопребыванием Келиш-бея и Цефер-бея[9]. Князь Келиш-бей, турок по религии, но душою преданный русским, искал нашего покровительства, нашей зашиты и желал передать нам крепость с превосходною бухтою и со всею Абхазиею. Сын его, Аслан-бей, преданный туркам и ненавидевший русских, не хотел видеть в руках наших свою столицу, почему и решился употребить ужасное средство для спасения столицы и едва ли не более из честолюбия и корысти - убить своего отца. Несколько безуспешных попыток не отвлекли его от отцеубийства. Злодейские замыслы его долго таились с ним в глубине лесов Абхазии, наконец ему и его сообщникам удалось избрать удобную минуту и напасть врасплох на старика-отца в то время, когда он выходил из своей дворцовой бани. Вторгшись в крепость вместе со своими единомышленниками, Аслан-бей поразил отца пистолетною пулею. После этого он не мог оставаться в крепости и тотчас Цефер-бей, второй сын, заступил место отца, сделался владетелем Абхазии и пашою крепости. Управляя Абхазиею, он столько же славился своею храбростью, как и мудростью по всему берегу Нодхаджи (так называют черкесы весь берег от Гагр до Анапы и до шапсугов). В честь его, один из холмов у рубежей Абхазии с Нодхаджи назван "шапкою Цефер-бея". Ему не смели противиться ни возмутительные цебельдинцы, ни черкесы: первые платили дань свою исправно, а вторые не делали набегов на пограничные его аулы. Все были им довольны. Абазинцы[10] не покидали своих аулов во время его управления, не переселялись в горы, и не искали ничьей посторонней защиты; даже самые черкесы желали его покровительства, и многие из них прибегали в его аулы.

В это время брат его Батал-бей занимался набегами и грабежами соседей -черкесов: он никого не страшился, а его, напротив, боялись все. Теперь он покоится у своего меньшого брата, Гассан-бея. Я часто видел его сидящим среди оруженосцев под плакучими ивами на площади перед дворцом

Гассан-бея: он слушает рассказы узденей и сам рассказывает про былые дни, про свои проказы молодчества, отпускает остроты, курит турецкий табак из своей коротенькой абазиночки с маленьким янтарным мундштучком и ходит в черной плисовой черкеске с шашкою, которой ручка оправлена вороненым серебром. Этот добрый старик от души предан русским, и готов пожертвовать для них всем, т.е. остатком своего здоровья от ран - свидетелей былого удальства, покрывающих все его тело. И в самом деле, нет места на его теле, где бы не было раны. Кто помнит последнее покушение русских отомстить... абазинцам за их проказы при князе Г., кто помнит случай, в котором мы потеряли коменданта согумской крепости, нашего полковника М., и почти целую роту солдат, тот вспомнит и Батал-бея, когда он страшным, могучим заклятие своим: "Месть тому вечная, кто осмелится пустить пулю в русских: кто пускает в них пулю, тот пускает ее и в меня," - остановил буйное неистовство раздраженных абазинцев, засевших в кусты по согумскому ущелью и поражавших со всех сторон градом пуль нашу роту. И теперь, бежит ли наш матрос или солдат к горцам, утащат ли абазинцы русского, князь Батал-бей должен отыскать его и найдет непременно, если только дадут ему знать вовремя.

Цефер-бею не совсем понравилось владычество турок, он тоже от души желал покровительства России, и в 1810 г. эскадра русских судов без всякого сопротивления со стороны крепости, без всякой потери с собственной своей стороны высадила десант, занявший крепость. Кн. Цефер-бей удалился в Сауксы, а гарнизон турецкий и все турки убежали в Требизонд; 300 человек турецкого гарнизона взяты военнопленными, а форштат и крепость были разграблены. Цефер-бей сделался впоследствии владетелем замиренных абазинцев, получил чин генерал-лейтенанта и орден св.Анны 1-й степени и перенес свою столицу в Сауксы. По смерти его сделался владетелем Абхазии сын его, теперь полковник Михаил-бей, а младший брат Цефер-бея, оставшийся ребенком после отца, Гассан-бей Шервашидзе владеет среднею Абхазиею под влиянием своего племянника, князя Михаила.

* * *

Столица князя Гассан-бея, владетеля средней Абхазии, находится в 8-ми верстах от Согум-кале: это деревня Келасуры, расположенная по берегу моря при начале цебельдинского ущелья. Дворец Гассан-бея у входа в ущелье закрыт ореховыми деревьями, плакучими ивами и огородами владельца. Подвигаясь по ущелью, увидите на левой стороне широко разлившуюся речку, на правом берегу которой разбросано на горе несколько саклей. На противоположном берегу в самой долине между саклями и огородами стоит княжеский дворец; своею архитектурою и внутренним расположением, он напоминает порядочный домик какого-нибудь жителя Тобольской или Оренбургской губернии. Вы найдете в нем тоже высокое крыльцо с лавками и перилами, те же большие сени с лавками по сторонам, одну горницу и потом опять крыльцо, вроде балкона. К стороне сеней и горницы примыкают клеть и кладовая, где живут жены владетеля; в горнице найдете две скромные сосновые софы, иногда прикрытые простыми персидскими коврами и подушками, да несколько стульев и в углу стол из простого дерева; только мангал, устроенный между двумя окнами в стене, выходящей на двор, напоминают о востоке.

Сидя на этих диванах, я часто слушал рассказы и воспоминания князя Гассан-бея о России. Он с особенным удовольствием отзывался мне о Казани, о казанском обществе, о тех удовольствиях, какие были доставлены ему предводителем дворянства покойным Д.И. Н-м и об игре на фортепиано Е.А. А-ной: приятная, беглая игра ее чрезвычайно нравилась ему, и он до сих пор не может забыть ее. Гассан-бей просил меня непременно написать к нашим общим знакомым в Казань и поклониться Е.А., что было весьма приятно исполнить мне. Ему очень нравится Россия и в особенности гостеприимное общество Казани. Разлив Волги напоминал ему о море, сосновый бор деревни Кулаевой - о лесах Кавказа. Я вполне верю ему, что он охотно променял бы свою дикую природу на красивые окрестности Казани, с ее добрым, радушным и тоже несколько азиатическим обществом. Он часто провожал меня в ущелье,

занимаясь вместе со мною ловлей насекомых. Иногда я встречал его в кругу черкесов и абазинцев, приезжавших к нему за решением своих тяжебных и судебных дел: тут переходил он от одной толпы к другой, делал наставления одним, подавал другим советы, нередко проводя таким образом целый день. Иногда я находил его с гостями черкесами или ногайцами, которых он угощал своим столом. Видел, как абазинцы бывшие у него в ауле в гостях, приходили к нему прощаться, причем они становились на колено и целовали полу его платья. Иногда же заставал его, как он, в простой одежде, в туфлях без чулок, беседовал с оборванными своими оруженосцами.

Забуду ли и вас, мои милые собеседники и проводники, Шёкал и Далтук? Шёкал, пастух Гассан-бея, веселый абазинец, которого и сам князь называет естественным плутом, часто забавлял меня своим искусным, совершенно натуральным шекалочьим криком и рассказами про марушек. Далтук, мой драгоман, вассал Гассан-бея, сопутствовал мне в моих прогулках; я посещал с ним сакли абазинцев и турок, составляющих главную свиту оруженосцев князя - верную и храбрую его защиту во всех случаях. При Гассан-бее довольно турок, которые вместе с абазинцами ведут торг разными турецкими материями: это и выходцы из Требизонда, которые, как уверяют, были даже в числе янычар или остатки тех турков, которые переселились в Анатолию, вслед за покорением Согума и Анапы.

В абазинских саклях я встречал совершенную простоту и даже бедность. Сакля их, сплетенная из хвороста, обмазанная снаружи глиною и часто выбеленная, разделяется на две части, из коих меньшая принадлежит женщинам; в мужской половине устроены по сторонам нары, усланные рогожами, пол в них глиняный, как в хатах у наших украинцев; в сакле находятся маленькие стулья, подобные тем, какие встречаются у сибиряков; посредине разложен огонь, где варят баранов, просяную кашу и пекут кукурузу.

Абазинцы очень гостеприимны и ласковы, но чрезвычайно бедны; угощение их ограничивается дикими плодами, кукурузою и т.п. Они весьма обязательны, но при всем том, горды; мне нередко случалось слышать от них следующее: "ты меня так обязал тем, что вылечил меня, что я теперь считаю тебя своим

братом; я старший брат, а ты младший, все, что я имею твое..." Я часто ездил верхом из Согума в Келасуры на присылаемом за мною сивом рысаке владетеля. Дорогою я встречался с абазинцами и абазинками, им приятно было слышать от меня: "уамшу бзи, угу бзи (здравствуй, здоров ли?)", и, по сказанным мною двум словам, они заключали и дивились, что я говорю по-абазински. Их жены не только не убегали [от] меня и не закрывались чадрою при встрече со мною, но часто даже нарочно шли тою дорогою, где бы им можно было пройти около меня. Абазинки носят точно такой же костюм, как турчанки, только вместо покрывала на голове, которым турчанки окутываются совершенно, оставляя открытыми глаза и нос, они покрывают лицо чадрою, род дымки, которая опускается сверху на лицо и падает к ногам. Я был в большой доверенности у абазинцев благодаря моему званию медика, потому что носящий его считается между... [ними] священною, неприкосновенною особой.

Дорога к Келасурам пролегает то густым лесом, то полями, засеянными пшеницею, кукурузою, просом, то выходит на берег моря. Перед Келасурами, по сию сторону речки, есть небольшой аул, расположенный на горе; Гассан-бей переселил туда часть жителей из большой своей деревни, для того, чтобы устроить чрез это самое защиту от враждебного ему племени цебельдинцев. На средине дороги виднеются остатки развалин? это, вероятно, был небольшой храм во времена генуэзцев. Кругом Келасур к Цебельдинскому ущелью найдете множество огородов с кукурузою, которую сеют тут во-первых, для того, чтоб иметь ее вблизи аулов, и во-вторых, для того, чтоб она могла служить препятствием цебельдинцам в случае их попытки сделать набег на Келасуры; за огородами поставлено несколько возвышенных будок, где ночью укрывается стража Гассан-бея для воспрепятствования набегам цебельдинцев. На горе, с правой стороны, есть старинное генуэзское укрепление; стены его тонки и поросли плющем, гранатовыми и другими деревьями. Близ этой крепости растет несколько кустов дикого жасмина. Посредине самой деревни есть источник с превосходною водою, а ближе к морю улица, состоящая из двойного ряда духанов, совершенно в турецком вкусе. Проходы между духанов закрыты сверху от

солнца; тут всегда увидите собрание абазинцев из всех соседних аулов: турки курят здесь наргиле, абазинцы - имеретинский табак из своих абазинок.

Абазинцы вообще, как и все жители Востока, любят кейф. Главная забота их состоит в том, чтобы только добыть оружие: шашку, винтовку, пару пистолетов, нож, также трубку и табак; остальное не состоит в числе примечательных вещей. Абазинец нередко пролеживает по целым суткам и более под кустом на своем лоскутке бурки без куска хлеба; часто найдете и таких, которые скрываются по неделе в лесах для охоты без всякого хлебного запаса. Летом и осенью стол их составляют груши, яблоки, виноград и другие плоды, а весною, с мая месяца, незрелая лыча (род слив). Они охотно едят все дикие неспелые плоды.

Надобно сознаться, что тамошние плоды, особенно виноград, достойны всякого внимания; из их винограда испытывали выделывать прекрасные шипучие вина: хорошо вымороженный и отстоянный чихирь (красное согумское вино из красного винограда), без сомнения, предпочтется всем обыкновенным винам. Я заметил, что все употребляющие в Согуме довольное количество чихиря, чрезвычайно полнеют и чувствуют себя совершенно здоровыми, что весьма естественно, потому что чихирь не содержит в себе никакой посторонней примеси. На вопрос мой Гассан-бею: от чего абазинцы не делают никакого запаса фруктов и огородных овощей на зиму? Он отвечал: "Что к этому трудно их приучить, потому что плоды сохраняются свежими до глубокой осени и даже до зимы (в январе еще можно находить хорошо сохранившиеся свежие яблоки).

Здесь вообще зелень является рано: в феврале и даже в конце января показывается новая зелень, а февраль уже богат цветами, в апреле можно собирать свежий виноградный лист, жирную траву и лычу, из чего наши делают хороший борщ для солдат, которым виноградный лист, жирная трава и лыча заменяют всякую зелень из крестообразных огородных растений. Хотя из огородной зелени можно бы очень успешно делать значительный запас на зиму, однако ж, не знаю почему, даже наши русские строго придерживаются в этом случае абазинских обычаев: вообще запасы зелени на зиму недолго

держатся в крепости. Да и много ли можно сделать запаса из этих ничтожных ротных огородов, расположенных позади крепостных духанов? Напрасно обвиняют добрую землю в том, что она не хочет ничего производить в огородах: г. А-с и, в последствии, г. Ш-ский и другие из крепостных жителей имели кое-что в своих огородах, между прочим, даже хорошие дыни и арбузы; имели, по крайней мере, столько зелени сколько с избытком нужно было для них; при всем неумении обрабатывать землю и рассаживать зелень, однако ж, и малые труды их награждались хорошо.

* * *

Я расскажу теперь, что такое крепостной форштат и сообщу понятие о том духане, который был моею месячною квартирой.

Форштат крепости состоит из одной улицы духанов, в которых живут грузины, мингрельцы, имеретины и отчасти турки, торгующие чихирем, водкою, ромом и всякой всячиной.

Духаны обыкновенно строятся из тонких досок, подобно тем лавочкам, которые воздвигаются у нас для мелочных ярмарок. Духаны разделяются на две, три и более частей; в одной части, в подвале, сложены бочки с вином, а по стенам развешаны кабаньи окороки и прочие припасы; другая часть устроена в виде кабака, где есть полки с разными мелочными вещами и вином, а на потолке висят небольшие головки сахара; третья часть, где лежат разные материи, устроена в виде лавочки, открытой на улицу. Есть также духаны и с отдельною горницею, как например, образцовый духан имеретинца Михелки, где обыкновенно собираются проводить время крепостные и флотские офицеры. Но всего чаще духаны состоят из двух частей: кабака и подвала, где к одной стороне приделываются нары для посетителей.

Мой духан, принадлежащий богатому турку Редзепу, состоит из четырех частей: большая часть или подвал, занята лазаретом, где помещались на устроенных из хвороста нарах до 15-ти больных цингою, желчною горячкою и перемежающеюся лихорадкою; вместо госпитальных тюфяков, там были набросаны древесные листья и трава, что прикрывалось

тюфяком или шинелью матроса за недостатком госпитальных принадлежностей; другая часть, смежная с первою и называемая кабаком, занята была аптекою и другими вещами; сам же я занимал остальные два отделения, т.е. лавочку, в которой прежде складывались красные товары и горницу, где некогда жил сам почтенный Редзеп. Пол моей горницы состоял из горбылей и полусгнивших досок, стены ее были обиты полусъеденным молью сукном, а стены лазарета парусиной. Все это нисколько не защищало нас от ветра, крепкого, холодного NO, постоянно дувшего каждую ночь из Согумского ущелья; сукно моей горницы отдувалось при этом случае в виде опухоли от стены, пропускало ко мне резкую струю воздуха. У меня было окно без стекол... Кровля моего духана, вместо драни, покрыта была сухим папоротником и хворостом, отчего во время дождя, в комнате моей было хуже чем под открытым небом. Двери духана отворялись в виде корабельных полубортиков; на нижней доске откинутой на улицу, я нередко принимал моих абазинцев, которые часто собирались ко мне и певали здесь свои песни; сюда же они приносили мне свои гостинцы: простоквашу буйволиц, яйца, сыр и проч.; я угощал их в свою очередь водкою, ромом и вином, до чего они большие охотники.

Хакуц, абазинец в полтора аршина ростом, с обнаженною головою, детина с лишком тридцати лет, часто забавлял меня своими песнями, иногда под скрыпку, сделанную из куска дерева, и на которой вместо струн, были натянуты лошадиные волосы: мой абазинский бард дарил меня своими песнями. Песни его состояли из описания старинных подвигов абазинцев, их князей, узденей; в похвале храбрости, оружию, коням; в описании набегов, в рассказах о любовных приключениях, о ревности мужей, о насмешках над обманутыми в любви. При воспевании подвигов Гассан-бея, мой Хакуц приходил в восторг, пел гораздо громче и выразительнее и, наконец, заключал свою песню обыкновенным припевом айриша, повторенным несколько раз. Затем следовала другая сцена: весельчаки, молодые духанщики, производили всеобщий смех, обливши бедного певца водою с крыши духана. Для абазинцев эта шутка была чрезвычайно потешна.

Иногда я забавлял и борьбою абазинцев: поверженный всегда приходил в особенную ярость и нередко раздражался до того, что готов был поразить своего противника первым оружием. Иногда смотрел я, как абазинцы и мингрельцы хвалились бросанием значительно больших камней: тому честь и слава, кто бросил камень далее других; эта игра употребительна и между греками. Иногда я должен был слушать музыку балалайки приятеля моего и соседа, беззубого булочника в два аршина ростом и вдобавок хромого; он целый день просиживал на откинутой крышке двери своего духана и наигрывал, изредка напевая одну и ту же песню; концерт его прерывался по временам покупщиками кукурузных его булок. Вечером, после ужина духанщиков, который состоял из гоми, куска курицы или мяса, кукурузы, кукурузного хлеба, кислого молока, фруктов и большого количества вина, я часто отправлялся к турку Амеру, весьма известному в этом краю, и всегда почти находил у него общество духанщиков. Выпивши по значительной порции чихиря, они принимались за свои песни, которые право, я слушал не без удовольствия: они довольно выразительны, разнообразны и нередко поются очень приятно, только всегда чрезвычайно громко. Иногда я проводил у Амера вечер вместе с абазинцами и князем Батал-беем, который часто ночевал у этого турка.

Форштат и крепость окружены болотом, гнездом согумских болезней. По всему форштату и далее до самого карантина, на пространстве более версты, доныне сохранились остатки турецкой каменной дороги для пешеходцев; на некоторых местах за форшатом, к холму Согумского ущелья, называемого Трапециею, также видны следы турецкой дороги. За карантином вытекает речка с прелестною водою. Весь форштат окружен был каналом, по которому проходили в 1810-м году турецкие чектармы и галеры с грузом; теперь этот канал засорен и местами пересох: в нем обыкновенно находят защиту от жары буйволы и крепостные свиньи. К самой стене крепости, за каналом и возле северного фаса стены удивительная нечистота и вечная грязь... На запад за крепостью, к старому Согуму, есть следы полузасоренных каналов, где тоже укрываются от жары буйволы Гассан-бея и его телохранителей. Пространство около крепости к западу, к востоку и отчасти к северу далеко покрыто

болотами, поросло лесом и служит неиссякаемым источником убийственных согумских недугов: перемежающейся лихорадки, желчной горячки, а за ними цинги, водяной и, наконец причиною смерти. Сколько народу погибло от этого неприятного болота. Нет ни одного человека, который, побывав или только переночевав в Согуме, не получил бы в июле месяце желчной горячки, а в августе и сентябре перемежающейся лихорадки. Не думаю, чтоб до 1810 года это болото было так гибельно: тогда все пространство за крепостию, до самой речки, за карантином было застроено духанами в две улицы с каменною дорогою посредине, а кругом с хорошим, чистым каналом; теперь же вместо этого, вместо двух улиц с каналом, найдете небольшой ряд весьма дурных духанов и вокруг них, с одной стороны, болото, а с другой море, на котором вместо чектарм и галер стоит отряд согумской экспедиции военных судов.

Согумский залив или бухта значительно обширен и может вместить в себе большой отряд военных кораблей; он открыт только южному ветру, который мало беспокоит здесь суда.

Крепость окружена толстою четырехугольною, довольно высокою каменною стенною, которая от времени и обстоятельств местами рассеялась, а местами развалилась, как например, южный угол - бастион открытый к морю. При занятии крепости в 1810 г. считалось в ней до 500 турецких домов, а теперь тянутся по южному фасу магазины, построенные в 1833-м году, и старое дворцовое здание, превращенное тоже в магазины: в нем сохранился еще купол бани, принадлежавшей дворцу пашей. По западному фасу уцелела часть общего здания, тоже принадлежащая дворцу: вверху квартируют там офицеры, а внизу одно отделение или одна комната, занята для гаупвахты, а другое для складки материалов. Близ южного угла виден домик с полусгнившим крыльцом, где помещается таможенный чиновник с канцеляриею.

Подле западной стены к углу находится крепостной лазарет с ветхим крыльцом и полом. Два отделения или две палаты лазарета разделены проходными сенями; в каждой палате вдоль стен положены больные на деревянных койках, тесно поставленных по две в ряд.

К северной и отчасти к восточной стене примыкают казармы, комендантская квартира и домики для прочих офицеров. Между казармами есть две комнаты с нарами, которые покрыты рогожами, набитыми травою и древесными листьями: комнаты сии назначены для больных солдат в околодке. Посреди крепости стоит деревянная церковь, а за нею возвышается дерево, которое было посажено отцом Гассан-бея для своего сына Батал-бея; оно приносит прекрасные груши. Вправо от церкви сохранилась могила отца Гассан-бея, сложенная из простых камней. Как дерево так и могилу указывал мне сам Гассан-бей. Надобно было читать его чувства в то время, когда он смотрел на эту могилу и на это дерево, между которыми возвышается русский храм...

И. И.

Газ. "Одесский вестник", 1839 г., №№30, 31, 33.

ИЗ ОБОЗРЕНИЯ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ, СОСТАВЛЕННОЕ Н.Н.РАЕВСКИМ

Полагаю нужным описать прежде всего действия черкесов и английских агентов, со времени окончания прошлогодней экспедиции до открытия настоящей.

В декабре минувшего года шапсуги и горные натухайцы собрались для наказания тех прибрежных натухайцев, которых они подозревали в тайных сношениях с нами. Главою собрания был Науд-Оглу Мамсыр. Отец Мамсыра турок, мать натухайка. Яндар-Оглу, живущий в 10 верстах от Новотроицкой, был до него главою сего племени; постоянный в преданности к России. он потерял свое влияние, несмотря на богатство и знатность. Между тем. Мамсыр, темного происхождения, но известный предприимчивостью, хитростью, набегами и особенно ненавистью к русским, приобрел это влияние. Племя Схупако с присягою признало его своим предводителем. Мамсыр живет в 50 верстах от Анапы на реке Псебепсе. Он ищет за Кубанью славы и

влияния, какие Шамиль приобрел в Дагестане. Мамсыр предводительствовал сборищами горцев во время прошлогодних движений отряда между Цемесом и Анапою.

Сборище вновь стеклось в урочище Гастагай между Джегою и предполагаемым фортом на вершинах Мескаги. Главными старшинами шапсугов были Камырз-Патоко, Нэзюэ-Шибланоко и Шюмаф-Бонязюэ, те самые, которые в экспедиции прошлого года предводительствовали ими. Тут явился англичанин Бель с переводчиком своим - Иоаннес-Лукко. Из англичан один Бель остался между горцами. Он у них под присмотром и служит заложником обещаний Сефер-бея и английских агентов; горцы поручили его шапсугу Хишта-Тляшекову. Сей последний живет на реке Аонемок, впадающей с правой стороны в Бакан(Адагум).

Собрание взыскало с тех, которых подозревало в сношениях с нами, пеню, состоящую из 24 коров или вещей, одинаковой с ними цены. Бель предложил отправить снова посланцев в Константинополь, для испрошения помощи от султана и для переговоров с Сефер-беем в Адрианополе. Мнение сие принято. Посланцем избран натухаец Хайземир-Айзеж, который отправился 28-го февраля на контрабандном судне, стоявшем в прошлом году на реке Озерейк между Анапою и Цемесом. С натухайским посланником отправился еще Иоаннес-Лукко.

Иоаннес-Лукко родом из тифлисских армян; познакомясь с Белем в Константинополе, он поступил к нему на должность переводчика, последовал за ним к черкесским берегам и был с ним взят на шхуне "Виксен". Он после сего находился с Белем в Одессе, откуда они, вместе освобожденные из плена, отправились в Константинополь. Решаясь снова ехать к черкесам, они купили лодку, нагрузили ее порохом и товарами и отправились сперва в Синоп, а оттуда в горы. Ныне Иоаннес-Лукко, при отъезде в Константинополь, снабжен от Беля разными письмами, географическими картами и проч.

Весьма было бы важно известить об этом обстоятельстве нашего посланника в Константинополе и вытребовать Иоаннес-Лукко, как поданного России. Я сего не сделал, потому что не имел разрешения вступать в непосредственные сношения с нашею миссиею. Агент наш Андрей-Хай (тот, который перехватил переписку Беля) уверяет, что посланец натухайский повез в Константинополь важные бумаги от Беля к английскому

посланнику Лорду Понсомби. Между тем, Сефер-бей все еще пользуется полною доверенностью черкес, обнадеживаемых им в скорой помощи со стороны султана и англичан, ободряет, волнует умы и вооружает их противу тех, которые входят в сношения с русскими. Хотя он и получает от турецкого правительства содержание, впрочем довольно скудное, но въезд в Константинополь ему запрещен. Только в окрестностях сей столицы происходят частые его свидания с агентами пропаганды и с приезжающими туда горцами.

К нашим берегам в продолжение прошедшей осени и зимы пристало только семь судов, все из Трапезонда и Синопа. Это показывает до какой степени уменьшилась контрабанда. В начале марта на одном из таких судов отправился натухайский уздень Хатавжуко-Необате с 27 черкешенками на продажу в Константинополь. Другое судно ушло с 6 женщинами.

Анапа. Я заехал в крепость Анапу единственно для того, чтобы удостовериться, были ли приняты все меры к перевозу морем в Тамань продовольствия и каменного угля для предстоящей экспедиции. Но адъютант его светлости князя Меньшикова, лейтенант Краббе и мичман 23-го флотского экипажа Апраксин, которым я предварительно дал это поручение, его уже исполнили.

Пароходам прибрежной линии поручено сообщение между восточными укреплениями. Движения пароходов не зависят от ветра; они одни, а не парусные суда, могут производить это сообщение правильно и постоянно. Но сего мало для укреплений на открытых рейдах; сообщение затруднительно даже для пароходов в продолжение всего времени между осенним и весенним равноденствием. В это время ветры редко позволяют пароходам приближаться к берегу, а если они и приблизятся, то надобно еще, чтобы волнение дозволило спустить на море гребные суда, а буруны и прибой позволили бы им пристать к берегу. В прошлую осень я не мог в течение двух месяцев перевезти в Цемес роту, оставленную в Шапсухо для окончания строения и тщетно посылал четыре раза за нею пароход. Одно средство к отвращению сих неудобств, которое принято по совету господина генерал-адъютанта Лазарева, это частное сообщение укреплений между собою посредством вооруженных

азовских лодок. Пользуясь несколькими часами попутного ветра или тихою погодою, эти лодки, на парусах или на веслах в продолжение всего времени от осеннего до весеннего равноденствия, могли бы переезжать малое пространство между укреплениями. Они содержали постоянное сообщение вдоль всего берега, от Вельяминовского форта до Новороссийской крепости.

В сие время не было сообщения между Вельяминовским фортом и фортом Александрия на Сочи потому, что Субаши и Псезуапсе не заняты. Равным образом нет сообщения между Новороссийскою крепостью и Анапою, потому что их разделяют 36 морских миль. Лодки же не могут проходить столь большого расстояния не изнуряя гребцов и не подвергаясь гибели в случае перемены погоды. Они могут проходить только от 10 до 12 миль. Главная турецкая контрабанда производится по берегу между Анапою и Новороссийском от того только, что до сих пор не заняты промежуточные пункты на столь обширном пространстве...

Порты Анатолии от Батума до Синопа имеют с давних времен торговые связи с восточными берегами Черного моря. Торговля сия как выгоднейшая обратила к себе капиталы Анатолийского купечества. Пресечение этой торговли нанесло большой урон сему купечеству, и долго оно еще не решится обратить капиталы на другой предмет и завести другие связи.

Компания английских купцов в Трапезонде участвует или, по крайней мере, покровительствует сей торговле как выгодному сбыту своих товаров. Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую Империю, работниками - трапезондские медные рудники и женами - восточные гаремы. Чем сильнее меры к прекращению сей торговли, тем более с увеличением риска увеличиваются и барыши; это дошло до того, что турецкие контрабандисты сознаются, что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупит всю потерю. Крейсерство военных судов опасно, потому что на пространстве более 500 верст только два порта. Контрабандист же, отправляясь из Анатолии на Кавказ, Феодосию или Керчь и пользуясь темнотою ночи, при первом попутном ветре поворачивается к Восточному берегу. По горам огни служат им маяками; судно о своем прибытии

извещает выстрелами: черкесы сбегаются и поспешно его выгружают; потом вытаскивают его на берег и покрывают ветками или, стянув судно в русло реки, просверливают дыру и потопляют его, чтобы оно не могло быть разбито артиллериею военных кораблей. Для возвращения в Анатолию, контрабандисты выкачивают из затопленных судов воду, затыкают дыры, мигом нагружают суда и ночью при попутном ветре скрываются в море от наших крейсеров. Султан давал строгие фирманы для прекращения сей торговли. Трапезондский паша исполняет их по возможности. Синопский же паша исполняет их по возможности и другие мелкие паши покровительствуют сей торговле и сами в ней участвуют.

Во всех гаремах горцы и контрабандисты имеют связи, а последние выдают себя мучениками за веру. Они доставляют горцам средства существовать независимо от нас, они поощряют сбыт русских пленных и угрожают нашим областям вторжением чумы. Но не тут еще конец делу: в случае преследования нашими крейсерами контрабандисты, в избежание наказания, привязывают балластовые камни на шею русским пленным и бросают их в море. Бежавшие из плена подтверждают это, говоря, что суда, нагруженные русскими невольниками, которые не достигнув Анатолии, были преследуемы, возвращались опять к Восточному берегу, но уже без невольников. Это сведение подтверждается еще следующим: много контрабандных судов, особенно сначала, были схвачены нашими крейсерами; на них находили товары, горских дев, - но никогда русских пленных.

Из вышеизложенного следует, что на Восточном берегу должно занимать укрепленными пункты: 1) относительно мест, к которым пристают контрабандисты, имея там давние торговые связи, и 2) относительно гребного сообщения...

В этих двух отношениях надобно занять укреплениями между Анапою и Цемесом берег у долины Суко, который от Анапы в 8 -милях и устье реки Оверейк, которая от Суко - в 12 милях. Оба эти пункта должны занимать не десантами, но сухопутно из Анапы.

Новороссийск. Вот ведомость о числе больных и умерших в гарнизоне со времени постройки форта.

В укреплении Новороссийск:

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	251	48	44	4	3
В январе 1839 г.	285	69	57	12	9
В феврале 1839 г.	253	21	10	11	12
В марте 1839 г.	242	26	10	14	12
Итого:	*1011*	*164*	*121*	*43*	*36*

В укреплении Новороссийск, как показывают цифры из среднего числа гарнизона, 247 человек заболевало средним числом в месяц 41 человек и умирало 9 человек.

Эта смертность не велика в сравнении с другими прибрежными укреплениями. Болезни значительнее в прибрежных укреплениях в первый год их построения: гарнизон, еще непривыкший к климату, помещается в новых строениях, испарения вновь перекопанной земли вредны для здоровья. Сверх того, должно принять в соображение, что гарнизон Новороссийска взят из действующего отряда, утомленного работами при построении Тенгинского и Вельяминовского фортов. Отряд прибыл в Цемес в начале сентября; в это время болота обыкновенно приходят в сильное брожение от летнего зноя; несмотря на то, во все время пребывания отряда в Цемесе, здоровье нижних чинов было удовлетворительно. Это показывает, что солонцеватые болота при устье Цемеса не вредны для здоровья. Солонцеватость же их полезна для пастьбы скота.

Появление неприятельского флота в Черном море, хотя невероятно, но и возможно.

На случай же появления хотя одного неприятельского фрегата в бухте Суджукской, нужно теперь же определить место прибрежной батареи, связать ее с общей системой укреплений и заранее следует построить печь для каления ядер. Что излишне на других пунктах, то необходимо для Цемеса, который

предназначен быть важным пунктом. Я поручил состоящим при мне инженер-полковнике Клименке и адъютанту его светлости князя Меньшикова инженер-поручику Баумгартену, составить проект об укреплении Цемеса против атаки со стороны моря. Не сделано еще предложение об устройстве карантина в Новороссийском порте, между тем как его немедленное построение там нужнее, чем где-либо на Восточном берегу. Суда преимущественно будут направляться на Цемес: во-первых, потому, что там будет расположен батальон, а не рота, как в других укреплениях; во-вторых, потому, что он есть военный порт для крейсирующей эскадры, и в третьих, потому, что там строится адмиралтейство, для которого будут подвозиться материалы и после туда будет постоянная доставка запасов для эскадры. Из предписания ко мне г.генерал-лейтенанта Граббе, прошлого 29-го сентября за № 2024, видно, что бывший командир Отдельного Кавказского корпуса представил следующее мнение на счет устройства карантинов: для ограждения укреплений наших на восточном берегу от внесения заразы посредством судов, приходящих в Закавказский край из Новороссийских портов, должно устроить карантинные заставы в Геленджике, Пицунде, Бомборах и Гаграх, по проекту береговой заставы. Для сего отпущено из Государственного Казначейства на их построение 40200 рублей и на ежегодное содержание по 3800 рублей серебром.

Осмеливаюсь изложить следующее мнение на счет карантинов Восточного берега. Я не постигаю их пользы для Пицунды, Бомбор и Гагр.

Рейд против Пицунды совершенно открыт ветру, грунт его ненадежен, и от большой глубины он вдруг переходит в мелководье. Посему, если на сей глубине при морском ветре судно станет дрейфовать на якорях, по причине дурного грунта, то оно немедленно разобьется на мелководье. Пицунда не есть теперь и не была в древности портом, и когда делают для нее распоряжение как для порта, то очевидно не обращают внимание на то, что настоящие укрепления и древний храм удалены версты на три от берега. Берег близ Бомбор есть продолжение берега Пицунды и представляет все те же неудобства; сверх того,

крепость Бомборы верстами двумя далее от берега, чем самая Пицунда. Я не могу признать Бомборы портом для новороссийских судов; однако же, суда довольно часто пристают там к берегу, по следующим причинам: в Бомборах учрежден большой госпиталь, куда морем привозятся больные из некоторых укреплений восточного берега и изо всех укреплений Абхазии; на открытом рейде больных во всякое время опасно выгружать и зимою почти невозможно; поэтому то суда их привозящие, часто с ними же возвращаются, а если успеют выгрузить больных, то предстоит неудобство перевозки их в телегах на расстоянии 5 верст. Наконец, как видно из рапорта г.корпусного командира г.военному министру от 15 декабря 1838 г. за № 2162, в Бомборах климат так вреден, что в тамошнем гарнизоне средним числом (выведенным их трехлетнего наблюдения) умирает ежегодно 111 человек из 748. Посему я не вижу необходимости иметь карантин и госпиталь в Бомборах.

Еще менее постигаю пользу карантина в Гаграх. Гагра лежит на рейде столь же опасном как и Пицундский или Бомборский: огромные утесы окружают крепость со всех сторон, исключая стороны, обращенной к морю; они так близко подходят к сему последнему, что крепость выстроена на косе, постепенно образовавшейся из морского прибоя, и поныне сей прибой по несколько раз в год повреждает стену крепости со стороны моря.

Осмеливаюсь представить предположение об учреждении карантинов на Восточном берегу. Они должны строиться только при безопасных рейдах и к которым суда пристают во всякое время. Таковы Тамань, Цемес, Геленджик и Сухум. Я изложил выше, почему необходим карантин в Цемесе. В Геленджике он предположен и сумма на это ассигнована; оно тем более основательно, что несмотря на занятие Цемеса, Геленджик всегда останется хорошим портом. Там могут свободно стоять на якоре четыре фрегата, а таких мест у нас мало на Черном море.

На всем пространстве между Геленджиком и границей Азиатской Турции мы имеем только один рейд, который может служить для судов безопасным убежищем во всякое время: это Сухум. Рейд сей довольно закрыт от морского берега, грунт его надежен; на нем спокойно стояли суда во время гибельной бури

30 мая прошлого года. Торговля на Восточном берегу вообще ничтожна, но если теперь пристают торговые суда, кроме контрабандных, то это в Сухуме, близ которого в Келасурах живет брат правителя Абхазии князь Дмитрий Шервашидзе.

Когда будет устроено сухопутное сообщение с Тифлисом, Сухум сделается портом Закавказского края. Климат Сухума вреден от того, что мы заняли турецкую крепость, расположенную на низменном месте. Сие неудобство можно отвратить перенесением крепости на соседнее возвышение, которое доходит до самого моря. Кроме того, турками были сделаны водопроводы в Сухуме; водопроводы эти не были поддержаны нами и образовали болото - источник всех болезней. Осушение этого болота не представит большого затруднения.

В Сухуме есть теперь карантин; по вышеизложенным причинам я полагаю, что будет там и всегда необходим.

В Анапе карантин необходим по следующим причинам: пристань сия важна, хотя по мелководью удобна лишь для малых судов; находясь в углублении Керченского пролива, она совершенно безопасна и одна служит для морского сообщения всей земли Черноморских казаков.

При том же и укрепления Восточного берега, за исключением Анапы, не имеют другого сообщения с Кавказом, как морем через Тамань. Там же отряды, действующие на Восточном берегу, собираются и садятся на военные корабли. Из этого ясно, что если чума окажется на Восточном берегу, то Таманская карантинная застава необходима для предохранения внутренней Империи от заразы.

Во всех других укреплениях Восточного берега карантинные меры могут ограничиться постоянным пребыванием в каждом укреплении двух гвардионов. Горцы не имеют беспечности турок, и только что у них появляется чума, они с ужасом, покидая больных и аулы, рассеиваются в разных местах. Посему чума не может таиться в горах. В случае ее появления среди черкес, всякое сообщение с ними может быть немедленно прекращено. Гвардионы покажут воинским начальникам карантинные предосторожности, и тогда каждое укрепление сделается строгим и безопасным карантином. Но кроме сообщения с

местными жителями прибрежные укрепления имеют еще сношения с вольными судами, на которых доставляются им провиант и разные припасы. Хотя суда эти и будут иметь свидетельства о следовании из благополучных мест, но их нельзя допускать в укрепление без карантинных предосторожностей. Надо быть уверенным, что суда сии не имели в открытом море сообщения с иностранными, не выдержавшими карантина, - иначе чума может быть занесена в самые укрепления. Для предупреждения сего необходимо, чтобы на каждом вольном судне, привозящем казенный груз к сим укреплениям, находились гвардионы по распоряжению г.Новороссийского губернатора.

Кроме карантинов при Тамани, Новороссийске, Геленджике и Сухуме, кроме предосторожностей, которые предполагаются для остальных прибрежных укреплений, должно обратить внимание на следующее: чума завозится весьма редко в закубанские земли из Царьграда и Анатолии, но сего еще недостаточно, чтобы считать в безопасном положении закубанский край, пока совершенно не прекратится контрабанда, привозящая с собой чуму на турецких судах. По сему необходимо поставить преграду заранее на пути ее в Черноморию. Прибрежная линия отделена от Черномории Кубанью и Кизилташским лиманом. Сухопутное сообщение идет только по дороге, ведущей Джематейскою косою, чрез Бугаз в Тамань. Тут карантин необходим. Я совершенно согласен с мнением покойного генерала Вельяминова, что должно Бугазскую карантинную заставу учредить на Джематейской косе, неподалеку от Благовещенской станции: на Бугазе нет ни пресной воды, ни подножного корму. Но с основанием Цемеса необходимо открыть новое сообщение через Кубань и там построить еще карантин. О сем сообщении думал уже покойный генерал Вельяминов. По направлению от Екатеринодара к Анапе оно проходит чрез Кубань близ урочища Джига, находящегося пред тем местом, где Кубань разделяясь на рукава, теряется в Кизилташском лимане.

По устроению укрепленного моста при Джиге, Анапа, Тамань, опасный Бугазский пролив и сыпучие пески Джематейской косы останутся в стороне, а сухопутное сообщение Екатеринодара с Цемесом сократится 96 верстами.

В заключение, я полагаю, что сумма, отпущенная на бесполезные карантины в Гаграх, Пицунде и Бомборах, должна получить следующее назначение: 1)вместо Гагры и Пицунды устроить на сии суммы карантины в Новороссийске и Джиге и 2)остальную часть, назначенную для третьего карантина в Бомборах, употребить на устройство госпиталя в Новороссийске...

Укрепление Александрийское. Внутренняя крутость бруствера одета плетнем, которого, по неимению вблизи материалов, нельзя поддерживать: в одном месте он обвалился на 30 сажен, а в другом - на протяжении 64 сажен; плетень наклонился от того, что концы кольев сгнили; в 4 амбразурах щеки, одетые фашинами, обрушились. Более важных повреждений нет, но исправить вышесказанное трудно, потом что материал, из которого сделан в 1836 году плетень и фашины, был привозим из-за хребта верст за 15.

Вот ведомость о состоянии здоровья гарнизона с 1-го декабря по 1-е апреля:

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	196	18	18	-	8
В январе 1839 г.	168	33	23	10	8
В феврале 1839 г.	135	34	16	18	10
В марте 1839 г.	108	69	33	36	14
Итого:	607	154	90	64	40

Примечание. В Александрийском укреплении из среднего числа гарнизона 151 человека заболевало в месяц средним числом 38 человек, а умирало 10, т.е. из гарнизона заболевало 4 человека, а из больных умирало также 4 человека.

Число больных и умерших было значительно в сравнении с прошлогодним. Это произошло от того, что рота, составляющая

ныне гарнизон сего укрепления, переведена туда из Анапы в прошлом году в такое время, когда уже нельзя было разводить огород. Поздний посев не уродился, недостаток овощей произвел цынгу, а непривычка к климату - другие болезни.

Сходство названий укреплений Александрийского и форта Александрия производит частые недоразумения. Сии незначительные форты не занимают важных пунктов, по моему мнению, они не заслуживают носит имя Его Императорского Величества.

Во время моего плавания, я беспрепятственно встречал суда под флагами всех европейских держав. Суда сии плыли из Константинополя и Анатолии к портам Новороссийским. Эти флаги утвердили меня в мнении, что Восточный берег должно считать в Европе, и что немедленное его покорение необходимо. Оно важнее покорения всех прочих стран Кавказа, стран, не имеющих соприкосновения не только с берегами Черного моря, но и с Персиею и Турциею, что доказано двумя последними войнами с сими державами.

Укрепление Геленджик. Геленджик занят в 1831 году. То, что осталось ныне от первоначальных построек, показывает недостаток знающего инженера.

Бруствер укрепления сделан из дурного дерну, малой профили и недостаточной толщины. Теперь он почти развалился, несмотря на то, что комендант употребляет все скудные средства свои, чтобы его поддержать. Внутри нет ни одного порядочного строения: нет ни офицерских казарм, ни порохового погреба, ни конюшен для артиллерийских лошадей, ни сараев для складки разных припасов, существующие же строения разбросаны без всякого порядка, везде теснота и грязь. Нет никакой возможности содержать это укрепление в порядке, который соблюдается в других по Восточному берегу.

На исправление этого укрепления нужно столько же работы как и для постройки вновь. В таком случае лучше было бы построить небольшой форт на другом месте, саженях 150 от берега, так чтобы стены старого укрепления образовали безопасное пространство для частных строений и огородов.

Вот ведомость о состоянии здоровья Геленджикского гарнизона с 1-го декабря по 1-е апреля сего года:

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	550	786	64	14	18
В январе 1839 г.	625	69	52	17	17
В феврале 1839 г.	615	50	54	5	10
В марте 1839 г.	590	80	56	24	14
Итого:	2380	985	226	60	59

Примечание. В четыре месяца из среднего числа гарнизона 596 человек заболевало в месяц средним числом 64, умерло 13 человек, т.е. заболевало из гарнизона 9 человек, а умирало из больных 5 человек.

Эта смертность и болезни значительны. Одна из главных причин - малочисленность гарнизона, в отношении к беспрестанным работам и обширности самого укрепления.

Для скрытия сношений с горцами я привез с собою на первый случай 2 тысячи пудов соли в Геленджик, принимая в соображение, что правительство для усмирения горцев желает установить с ними торговые связи, я почел долгом взять следующие меры. Желая показать горцам, что высочайшее соизволение на продажу им соли есть милость государя императора, я приказал объявить горцам, что нам известен их недостаток в соли и дорогая цена, за которую они покупают ее у контрабандистов, что я буду выменивать соль на их произведения, а не на деньги, и вдесятеро дешевле, чем они ее покупали до сих пор. Но при этом я им объявил, что открою торг соли только в тех укреплениях, где в продолжении зимы горцы не беспокоили гарнизонов. Таким образом, представляя им сию продажу, как награждение, я разрешаю ее в Александрийском укреплении (на Добе), в Геленджике, в Новотроицком, в Михайловском, в Тенгинском, Вельяминовском и в укреплении Св.Духа. В остальных же укреплениях, а в особенности в Анапе, я не допущу мены соли пока окрестные горцы не прекратят нападений. Наконец, я им объявил, что запрещу немедленно

торговлю и в тех укреплениях, где она уже допущена, если настоящее спокойствие гарнизонов нарушится враждебными действиями. Если же окрестные горцы останутся спокойными, то я буду ходатайствовать о разрешении доставлять им по выгодной цене все другие нужные им предметы. Вся торговля с горцами - меновая, но казна не может взять на себя этой торговли непосредственно и получать в обмен произведения горцев. Горцы не могут купить значительного количества соли за деньги. Это одна из причин, по которой я полагаю необходимым поселение прибрежных казаков. Они бы брали в обмен за соль изделия горцев и искали бы им сбыт в Новороссийских портах. Вот опыт первоначальных торговых сношений. Так как целью торговых отношений, кроме сближения с горцами, должно быть снабжение гарнизонов нужными припасами, и как в настоящем положении вещей, горцы не имеют других покупщиков своих произведений кроме сих гарнизонов, то я сделал следующее распоряжение. Мена представляется для собственной надобности как комендантам и воинским начальникам, так и всем офицерам, ротным артелям и, в частности, каждому из нижних чинов и живущим в укреплениях разночинцам. Сии последние не могут покупать прежде, чем гарнизон удовлетворит своим потребностям, и при том с тем, чтобы никто из частных лиц, как военный, так и разночинец, не перепродавал в укреплении по мелочи этих предметов, гуртом купленных им у горцев. Без сей последней предосторожности, вся мена сосредотачивается между несколькими лицами, имеющими более других денег, и без пользы для остальных жителей крепости. Покупая гуртом, чтобы продавать потом по мелочи в кредит, сии лица, по произволу, возвысят в укреплениях цены этой второй продажи.

Кроме того, я предписал комендантам и воинским начальникам доносить мне по два раза в месяц о ходе меновой торговли и представлять отчеты с обозначением, какие предметы и кем именно выменены у горцев, дабы видеть могущие произойти злоупотребления от сосредоточения сей торговли между несколькими лицами.

Начальникам укреплений предписано отпускать по требованию желающих казенную соль за установленную высшим

начальством плату по 40 коп. ассигнациями за пуд и на наличные деньги. Произвольное возвышение цены в одном укреплении против другого родило бы сомнение между горцами, которые стали бы колебаться: не зная, к чему сие отнести, они бы стали ходить из одного укрепления в другое, чтобы найти выгоднейшую цену.

Недостаток количества некоторых произведений или излишнее количество других чрезмерно увеличат или понизят цену предметов. Это или усилит притязания горцев, или отвлечет их от торговли. Постоянная цена нужна для приобретения постоянной их доверенности: цена эта будет руководить их в расчетах и отстранит при торговле ссоры, - неизбежные последствия давней ненависти и войны с нами.

Посему я собрал сведения о потребностях гарнизонов, о предметах торговли горцев, которым они могут найти сбыт в наших укреплениях, и наконец, по известиям, собранным на меновых дворах, о ценности произведений горцев я составил таксу. Вся меновая торговля будет производится по оной. В ней означена самая низкая и самая высокая цена на предметы могущие быть различной доброты.

Комендантам и воинским начальникам предписано строго соблюдать, чтоб не платили ни ниже, ни выше цены, определенной в утвержденной таксе. По мере доставления воинскими начальниками более положительных сведений, основанных на соображении местных обстоятельств, как правила меновой торговли , так и таксы получат изменения и пополнятся.

При сем прилагается такса и инструкция, данная воинским начальникам, для новой торговли солью. В инструкции подробно изложены правила сей мены и предписаны военные предосторожности, которые при ней должны наблюдаться.

Только что торговые сношения утвердятся и примут постоянный ход, я приступлю к обмену, который его сиятельство г. военный министр мне изволил секретно приказать письмом 15 января за № 25.

Я изложил выше затруднения прекратить совершенно контрабанду силою. Нет сомнения, что если мы будем снабжать горцев нужными для них произведениями, то контрабандисты не выдержат торгового соперничества. Подверженные

конфискации, они вынуждены повышать цены по мере опасности.

Когда торг солью перейдет исключительно в наши руки, горцы будут в совершенной от нас зависимости. Можно сказать утвердительно, что разрешением продавать соль правительство отыскало верное средство уничтожить контрабанду и с нею влияние Турции на горцев и, наконец, верное средство к покорению сих последних. Только цена мена соли казною получит самостоятельность, то остальные произведения сделаются предметом частной торговли русских. Но я полагаю, что казна должна взять на себя снабжение горцев еще двумя предметами, а именно: железом и медью.

Продажа железа горцам запрещена, между тем оно им столько же необходимо, как соль. Я полагаю весьма полезным, чтобы торг железом перешел в наши руки из рук турецких контрабандистов.

Железо - предмет, необходимый для бесчисленных употреблений, и посему весьма малая часть его обратится в делание оружия. У горцев не только нет недостатка в оружии, но они даже охотно продают его нашим казакам, и посему выгода продажи железа весьма превысит неудобства, которые представит незначительная часть на делание сего оружия.

Равным образом наша медь будет иметь большой сбыт в горах; по сие время жители получают ее из трапезондских рудников через турецких контрабандистов. По примеру отпуска соли в укрепления и дозволения гарнизону брать ее для мены, можно бы еще отпускать казенное железо и медь с назначением им цен для продажи.

Теперь вопрос: до какой степени можно дозволить русским поданным приезжать для торга в прибрежные укрепления? Выше сказано, что в случае появления чумы среди горцев, можно взять немедленно все предохранительные меры и пресечь всякое сообщение жителей с гарнизоном. Но в малых укреплениях Восточного берега нет и не предполагается иметь карантинов: суда, которые будут к ним приставать, могут иметь в открытом море сообщения с иностранными судами, не выдержавшими еще карантина в Новороссийских портах, и чрез сие сообщение занести заразу в прибрежные укрепления. Кроме того, в каждом

из сих укреплений невозможно иметь таможню, - и от сообщения с иностранными судами может вкрадываться контрабанда. В Анапе и Сухуме имеются карантины и таможни, но таможня в Анапе, по сие время все еще находится в ведении поощрителя торговли с горцами, Керчь-Еникольского градоначальника. Я полагаю, что в сих двух укреплениях можно дозволить русским поданным вести свободный торг с горцами с тем, однако же, чтобы Анапская таможня была отдана начальнику Прибрежной линии. В Новороссийске и Геленджике предполагаются карантины: с построением там таможни можно будет дозволить свободную торговлю русским подданным.

В остальные же укрепления, а полагаю, что не должно дозволять приставать судам, если не будем на каждом из них находиться гвардиона; это -единственный способ предупредить контрабанду и внесение заразы в прибрежные укрепления от тайного сообщения в открытом море.

Я с намерением упоминал о дозволении торговать исключительно одним русским подданным, по следующей причине: мне известно, что некоторые армяне и греки, записанные в наши гильдии, хотя турецкие подданные, испросили и получили от Новороссийского начальства право торговать с горцами. Они сим воспользовались, чтобы приставать к Анатолийским портам, и снабжали горцев мимо наших таможен турецкими произведениями и в том числе такими, которых продажа горцам строго запрещена. Кроме того, на них падает подозрение в вывозе невольников от черкес для продажи туркам.

Есть еще важнейшая причина предоставить одним русским торговать с горцами. На сие еще не обращали внимание. Армяне, живущие среди черкес, имея к ним свободный допуск, завладели всею торговлею, чтобы сохранить сию монополию, они всячески стараются удалить русских от соучастия в этом торге. Они имеют торговые сношения с контрабандистами, которые охотнее торгуют с ними чем с горцами, потому что они имеют большие капиталы, не нарушают условий и не притесняют их, как то делают иногда горцы.

Армяне сие, хотя и не враги наши, но и не желают примирения горцев, потому что оно ослабит их влияние. Кроме того, армяне

или по болтливости, или для поддержания доверенности в горцах сообщают сим последним предполагаемые нами военные действия. Например, цель вверенной мне экспедиции не может быть тайною, потому что всем шкиперам известно, куда будет подвозиться продовольствие. Субаши уже укреплена завалами.

Вот почему я полагаю необходимым отстранить от торговли с горцами как армян и греков, подданных Турции, так и армян живущих в горах.

Государь император узнал, что по примеру нескольких черкес, доверчиво приходящих лечиться в наши госпиталя, явилась в крепость Геленджик и одна больная черкешенка. В награду и поощрение такой доверчивости Его императорское величество всемилостивейше соизволил подарить ей цепочку для ношения на шее. В исполнение высочайшей воли я предписал отыскать упомянутую черкешенку и торжественно вручить ей всемилостивейший подарок. Согласно предписанию моему, Геленджикский комендант возложил знак монаршей милости на благодарную черкешенку. При сем присутствовали: гарнизон крепости, весь штаб и обер-офицеры, брат облагодетельствованной черкешенки, нарочно для сего призванный, и черкесы, находившиеся в тамошнем лазарете. Чувства сестры и брата ознаменовались трогательным излиянием благодарности. Слух об этом происшествии быстро распространился между удивленными горцами.

Мезиб. Устье реки сего имени находится в $6\,^{1}/_{2}$ милях к югу от Геленджика. Она составляется из слияния двух рек: Иного и Адерби, которые принимают название Мезиб после своего соединения. Сии три долины удобны для жительства и до занятия Геленджика имели значительное население. При устье Мезиба находится небольшое углубление берега, достаточное для пристани мелких судов. Прежде контрабандисты приставали туда часто; ныне, хотя вообще запрещенная торговля уменьшилась, но суда продолжают приставать к устью Мезиба. Во время настоящего проезда моего мимо этого места, я нашел там контрабандное судно. По нем сделано несколько пушечных выстрелов, из которых некоторые были удачны. Неизвестно, до какой степени повреждено ими это судно.

От Геленджика до укрепления Новотроицкого 17 миль. Я выше изложил о неудобствах сообщения на вооруженных лодках между пунктами, отстоящими друг от друга далее 10 миль.

Поэтому нахожу, что полезно было бы построить укрепление при устье реки Мезиб. Сверх выше сказанных причин, есть еще следующее обстоятельство: урочище сие известно у моряков под названием Фальшивый Геленджик, от того, что с моря вид берега Мезиба весьма похож на вход в Геленджикскую бухту. Моряки боятся входить в сию последнюю ночью или хотя бы в сколько-нибудь туманную погоду, чтобы не попасть на берег, вместо бухты. Занятие Мезиба, сверх других выгод, избавит моряков от ошибок, которые могут быть гибельны, особенно для крейсеров.

Мезиб нужно занимать не десантом, а сухопутно, направляясь из Геленджика. Построение там укрепления должно поручить тому отряду, который будет назначен для возобновления Геленджика.

Укрепление Новотроицкое. Из всех укреплений Восточного берега Новотроицкое найдено мною в наилучшем состоянии по всем частям. Чистота и порядок, в котором содержатся все строения и все части самого укрепления, способствуют их сбережению. Казармы, хотя и сырцового кирпича, сохранились в положении удовлетворительном. Но что в особенности порадовало меня - это здоровый и веселый вид нижних чинов, между которыми в продолжении четырех месяцев число больных было мало до невероятности, а смертности почти совсем не было. Вот ведомость об этом с 1-го декабря по 1-е апреля сего года.

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	177	5	5	-	1
В январе 1839 г.	174	5	5	-	-
В феврале 1839 г.	158	9	9	-	-
В марте 1839 г.	163	13	13	-	2
Итого:	*687*	*32*	*32*	-	*3*

Из сего видно, что в четыре месяца из среднего числа гарнизона в 159 человек, заболевало в месяц средним числом 8, умерших приходится менее одного человека в месяц, т.е. заболевало из гарнизона 20 человек, а смертности почти не было.

Приятным долгом считаю отдать полную справедливость отличному усердию и благоразумным распоряжением воинского начальника сего укрепления, Черноморского линейного № 4 баталиона штабс-капитана Мамонтова. Отличное состояние здоровья нижних чинов произошло между прочим от того, что офицер сей распорядился заведением обширных огородов и тем отвратил цынгу, которой, как видно из ведомости, вовсе не было в сем укреплении. Сверх того, он умел завести частные сношения с горцами, покупал у них рогатый скот, овец и свиней. Нижние чины не только имели всю зиму свежее мясо, но теперь завели себе такие стада, что могут ими одними быть обеспечены на целый год. Одним словом, состояние укрепления Новотроицкого показывает, что может сделать хороший воинский начальник для пользы службы и для сбережения нижних чинов в таком месте, где он на всяком шагу встречает препятствия к исполнению сего священного долга. Я нахожу штабс-капитана Мамонтова достойным примерной награды: это поощрит его и послужит для других офицеров поводом к соревнованию

Я полагал нужным поощрить между прибрежными казаками промышленность рыбной ловли. Полезно было бы для прибрежных казаков и для самого правительства одобрение промышленности, столь сообразной с родом жизни и службы сего поселения Черное море богато разного рода рыбою. Восточные берега его, подобно берегам Крыма, изобилуют анчоусами, сардинами и почти всеми рыбами Средиземного моря. В подтверждение моего мнения, генерал-адъютант Лазарев сообщил мне следующее: в 1837 и 1838 годах он на месте удостоверился, что на Восточном берегу ловля сия даст средство гарнизону иметь свежую пищу. Эта ловля - еще важнее зимою или в бурное время осени, когда подвоз свежего мяса почти невозможен.

Вследствие сего Его Превосходительство полагает завести при каждом укреплении по одному неводу с одной или двумя рыбачьими лодками, присовокупляя, что в особенности

Суджукский, Геленджикский и Сухумский рейды до того изобилуют рыбою, что команды некоторый крейсирующих судов не только сами пользуются ею, но обращают значительный ее избыток на продажу войскам.

Сверх того, Его Превосходительство считает занятие рыболовством полезным развлечением однообразной жизни гарнизонной и, что всего важнее, - предохранением от цынги, опустошающей укрепления Восточного берега и которая есть следствие недостатка свежей пищи. В крепостях, окруженных неприязненными народами, нет средства отвратить сего недостатка иначе, как рыбною ловлею.

Укрепление Михайловское. Оно построено в 1837 году на оконечности возвышения между двух рек: Вулана и Тешепса. Свойства местности заставили дать линии огня протяжение, несоразмерное с силами гарнизона. Между прочим, это послужило причиной непомерных болезней и смертности в прошлом году. С 1-го сентября 1837 года по 16-е апреля здесь умерло 254 человека из гарнизона и прикомандированных. Но тогда находилось там две роты, а теперь одна и то весьма не комплектная. Этому слабому гарнизону предоставлена защита укрепления, имеющего до 500 сажен длины линии огня. Сверх того, самый бруствер, со всеми земляными работами, получил большие повреждения: ружейные бойнгары, сделанные сверх бруствера из сырцевого кирпича, совсем разрушились и не могут быть починены; внутренняя крутость бруствера, одетая на глине дурным камнем местной породы, осыпалась во многих местах; банкеты заплыли, внутренность укрепления, не будучи нивелирована и усыпана щебнем, задерживает воду, отчего происходит всегдашняя грязь. Гарнизон, имеющий под ружьем 138 нижних чинов, не может исправлять и главных повреждений при беспрерывных работах. Это может иметь вредное влияние на здоровье нижних чинов, хотя ныне там болезни и смертность незначительны.

Я нашел в лазарете 11 больных. К сожалению, я не могу приложить здесь сравнительной ведомости, подобно тому как это сделано для других укреплений: она была уронена в море с парохода.

Дабы не допустить до повторения несчастного положения гарнизона в начале прошлого года, необходимо дать особенные средства для исправления Михайловского укрепления. При этом желательно было бы сообразить, нельзя ли будет уменьшить самое укрепление и дать ему менее растянутую фигуру? Если это окажется невозможным, то необходимо назначить для гарнизона сего укрепления две роты, вместо одной, и потому построить вновь помещение для одной роты.

При вступлении в командование Прибрежной линией, я объезжал укрепления и в особенности обратил внимание на то, что в одной только Анапе имеется священник. По штату его не полагается ни при одном Черноморском линейном батальоне, и гарнизоны крепостей не только лишены по праздничным дням служения божественной литургии и способа говеть, но последнего долга христианского - отпевания при погребении. Сие имело весьма вредное влияние во время смертности в Михайловском гарнизоне. Посему необходимо в каждой крепости иметь церковь и священника. Нельзя возложить на батальоны строение церквей, потому что каждый из них расположен в 4 и даже 5 укреплениях. Я полагаю необходимым употребить на сие казенные суммы: издержка, впрочем, будет незначительна. Церкви должны состоять из деревянного сруба, без всяких притязаний на архитектуру - греческую или римскую; она вообще не соответствует христианскому храму и делается совершенно неуместною, когда колонны и фронтоны деревянные.

Кроме сруба церкви, остальное должно быть возложено на линейные батальоны; оно состоит из следующего: иконостас простой, но приличный, наподобие иконостасов походных церквей; утварь церковная: потир, ложица, дискос, звездица и две тарелочки в небольшом виде, полное собрание богослужебных книг, одежды престольные, ризница священническая, пелены и воздухи. Все устройство на первый раз не будет превышать 3 тыс.руб.

На издержки сии можно употребить церковные суммы: в линейных батальонах таковых при 3 и 4 - находится их до 12.000 руб., суммы остающиеся от умерших: при одном 4-м батальоне находится до 11.000 руб. и, наконец, добровольные приношения,

которые все чины гарнизона сделают с радостью. Что же касается до священников, их должно выбирать по желанию из тех, которые служили уже при войсках, особенно отличившихся добронравием, рвением и способностью к назиданию воинов.

Для этого же назначения можно бы, кажется, пригласить из монашествующего духовенства тех, которые известны человеколюбием, твердостью и любовью к трудам христианским. Исполнение священнических обязанностей в крепостных церквях открыло бы им поприще деятельности, совершенно сообразной с их признанием. Кроме неоспоримых выгод для самих укреплений, - эти же духовные особы могли бы служить к распространению или, лучше сказать, к возобновлению христианской религии между горцами, что подвинуло бы вперед наши мирные сношения с жителями.

Так как эти обязанности довольно тяжелы, то священникам белого духовенства предоставить право, прослужив пять лет в крепости, просить другого назначения. Вообще доставить им возможные выгоды: жалованье полковых священников по грузинскому окладу, прислугу, все продовольствие, а для женатых - столовые деньги. По прослужении известного срока совершенно удовлетворительно - награждать их как знаками отличия, так и назначениям выгоднейших мест по епархиям.

После чрезмерной смертности в Михайловском укреплении, для сохранения здоровья воинских чинов Черноморской прибрежной линии повсеместно усилены возможные предосторожности, как то: соблюдение в казармах чистоты, опрятности, все способы к удалению из них сырости, к очищению и освежению воздуха: наблюдение за чистоплотностью людей, как в отношении их самих, так и одежды, не упуская из вида нужных предосторожностей при хождении людей в баню и купанье в море; употребление здоровой пищи из свежей провизии и овощей, от цынги предохраняющих, в соразмерности, предписанной медиками; старание избегать изнурительных работ, ободрение духа солдат введением народных забав, гимнастических игр и различных увеселений. Усугубление надзора медиков за больными и в особенности за цынготными, отделяя их совершенно от гарнизона.

Я прилагаю при сем два приказа, отданные мною по линии, в которых объяснил все нужные попечения о гарнизоне и предосторожности от неприятеля.

Джуб. Устье реки сего имени издавна известно, как главное гнездо контрабанды. Прежде туда приставало по 8 и 10 судов в год. Поэтому в 1833 году сделан туда десант под командой генерал-лейтенанта Малиновского, при чем сожжено два турецких судна. После этого контрабанда уменьшилась, но не прекратилась: суда продолжают приставать к Джубе, которая считается у контрабандистов одним из лучших мест на всем Восточном берегу. Живущий между черкесами англичанин Бель, которого переписка перехвачена в Анатолии агентом нашим Андреем-Хай, говорит, что лучшие пристани для контрабандистов суть: Джуб, Туапсе, и Мамай у Сочи.

Сверх удобств в морском отношении, есть другие причины, которые привлекают туда контрабандистов: близ устья сей реки живет Али-бей, который издавна был главным их покровителем. Али-бей - человек богатый, хорошей фамилии, пользуется влиянием на окрестных жителей и известен ненавистью к русским. Он имеет большие связи с турками. В 1829 году у него жил несколько времени турок, которого черкесы называли Ахмет-Пашою. В самом деле он был контрабандист, взят с судном нашими крейсерами в 1827 году и потом отпущен из Крыма в Анатолию. До заключения Андрианопольского мира он был послан турецким правительством для возмущения черкесов против России и пристал к Джубе. С ним было человек 30 людей и два малых орудия, из которых одно на полевом лафете. Ахмет-Бей, прожив несколько времени на Джубе, отправился на турецком судне в Суджукскую бухту и вышел против устья Цемеса. Оттуда он пошел с толпою черкес и с полевым орудием на северную покатость Кавказа, прошел через землю натухайцев и шапсугов, возбуждая их против русских. На Белой Речке он получил известие, чтобы они, приняв его за обманщика, не ограбили и не убили его, Ахмет-Бей, под предлогом домашних дел, отправился вверх по Белой Речке и потом по Псекупсу, поднялся с орудиями на хребет, шел по нем с большим трудом вправо, до вершин Джуба, и потом спустился к устью сей реки.

Прожив опять несколько времени у Али-Бея, Ахмет снова отправился в Суджукскую бухту, оставив своему хозяину оба орудия, которые и теперь находятся на Джубе. Из Цемеса Ахмет-Бей скоро уехал тайком в Константинополь и с тех пор не возвращался. В первую поездку свою на Цемес он женился на дочери Кири-Оглу, дворянина из фамилии Схупако, живущего в долине Цемеса.

Пребывание Ахмет-Бея, подарки его и частые сношения с контрабандистами, доставили Али-Бею довольно значительное для горца состояние и, вместе с тем, влияние на окрестных жителей. Ныне его называют князем, хотя он дворянин из фамилии Кас, союзной Схупако.

В феврале месяце этого года Али-Бей с братом своим Магометом отправился в Константинополь, куда повез на продажу шесть черкешенок. Между тем, он распустил слух, что едет просить помощи турецкого султана против русских. Недавно от него было уже оттуда известие. Он увещевает своих соплеменников употребить последние усилия в обороне и уверяет их в близкой помощи. Это известие волнует теперь горцев, но близкое открытие экспедиции, занятие Субаши и появление другого отряда на Цемесе лишили Али-Бея доверенности. Устье реки Джуб - в 4 милях от укрепления Тенгинского. Несмотря на эту близость, я полагаю нужным занять это укреплением, по причинам вышеизложенным. Сверх того, это будет иметь нравственное влияние на черкесов, которые имеют высокое мнение о храбрости и богатстве многочисленных жителей сей долины.

Укрепление Тенгинское. Оно сохранилось хорошо и содержится чисто. Маловажные повреждения в ружейных бойницах, сделанные из сырцевого кирпича, могут быть исправлены средствами гарнизона.

В укреплении Тенгинском гарнизон состоит теперь из 2 рот, из коих одна предназначается для одного из укреплений, имеющихся построить в сем году между Туапсе и Сочи.

Вот ведомость о состоянии здоровья нижних чинов с 1-го декабря по 1-е апреля сего года.

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	305	61	41	20	8
В январе 1839 г.	266	84	20	64	15
В феврале 1839 г.	249	89	25	64	30
В марте 1839 г.	200	77	10	67	31
Итого:	1020	311	96	215	84

Примечание. Из среднего числа гарнизона 255 человек заболевало, а в месяц средним числом 77, умирало 21 человек, т.е. из гарнизона заболевал 41, а из больных также умирал 4-й человек.

Эта смертность весьма значительна: причина ее - непривычка гарнизона к климату, позднее водворение, не дозволившее развести огородов, а отчасти и недостаток распорядительности батальонного командира подполковника Середина и упущения, происходившие от его лет совершенно расстроенного здоровья. Впрочем, таких болезней в прибрежных укреплениях можно, к несчастию, и впредь ожидать, до тех пор, пока не будет начальнику Прибрежной линии дано средств для постоянного наблюдения за положением лазаретов и за действиями медиков. Сии последние предоставлены теперь совершенно своему произволу без всякой проверки части ученой. Я могу видеть только хороши ли содержится госпиталь, но не в состоянии сделать заключения о неспособности или ошибках медика в лечении, а и то , и другое гибельно для больных. Это делает очевидной необходимость назначить особенного медицинского чиновника в должность старшего доктора при начальнике Прибрежной линии; тогда обязанностью сего чиновника было бы посещать, как можно чаще, все укрепления и доводить до сведения все беспорядки и упущения по лазаретам как по части содержания, так и по части собственно медицинской. Без того я не вижу средств отвратить этих непомерных болезней, губящих гарнизоны прибрежных укреплений.

В начале апреля явился в укрепление Тенгинское Навагинского пехотного полка рядовой Антон Девяткин, убежавший из плена. Он взят был в 1830 году около начала февраля во время экспедиции за Кубань, и жил на речке Нечепсухо в верстах 5 от моря. Он научился хорошо черкесскому языку и сделался, наконец, совершенным семьянином у своего хозяина.

Живут они почти все без исключения бедно. Дворяне проводят время в праздности, простолюдины работают и от того чаще живут в довольстве. Население по обеим сторонам хребта очень велико, но больших лугов нет. Сакли разбросаны поодиночке или по нескольку вместе. Хлебопашеством занимаются, но мало имеют для того удобных полей, однако количество собираемого хлеба достаточно для домашнего употребления. Скотоводство невелико по недостатку пажитей, особливо на побережье: кто имеет 30 штук рогатого скота и сотню баранов считается уже богатым. В лошадях большой недостаток. Прежде горцы получали в изобилии все предметы первой потребности из Турции.

В последнее время контрабанда значительно уменьшилась, и оттого горцы терпят нужду во многом особенно в соли. Вместе с увеличением бедности увеличились между ними беспорядки: беспрестанные воровства, разбои, ссоры, кончающиеся убийствами, а потом кровомщением, делают для многих положение это несносным. Большая, может быть, половина желает покориться, но не смеют сказать своего мнения от страха быть ограбленными за нарушение присяги. Люди беспокойные пользуются этим положением дел и стараются продолжать его для своих выгод.

Горцы вываривают соль из морской воды, но это для них трудно, потому что у них редки чугунные котлы, а медные скоро портятся, да при том самая соль горче и получается в малом количестве.

В железе мало недостатка; в вершинах главных рек есть много железных руд: куски собирают, складывают в большой костер вместе с сухим деревом и зажигают. Из слитков железа выковывают мелкие вещи для домашнего употребления и оружие. Для плавки железа собирается обыкновенно человек

500 и более. Между прочим такие мастера есть на Нечепсухо в 12 верстах от устья. Железо их твердо, но хрупко, кузнецов между ними много, хотя хороших мало.

Порох делают тоже сами в малом количестве. Они умеют вываривать селитру, но серу получают исключительно от контрабандистов. Они знают способ зернить порох, но он редко бывает хорош. Самая большая выделка - не больше двух пригорошней.

Свинцу у них нет совсем и привозной стал очень дорог. Денег горцы совсем не имеют и берут золотые и серебряные монеты как товар. С контрабандистами ведут торг меновой и для них весьма невыгодный. Суда пристают еще между крепостями и особенно между Сочи и Туапсе, но их теперь нет и 10-й части против прежних годов. Особенно боятся они азовских вооруженных людей. Судно, бывшее в Нечепсухо нагрузилось было и готовилось выйти в море в марте месяце в море, как вдруг казачья лодка, заметив его, подошла на близкое расстояние и после нескольких выстрелов пробила его из фалконета тремя ядрами... То же самое сделало на реке Ту какое-то мелкое крейсирующее судно. Контрабандисты провели месяца два или три в починке, а между тем шкипера разорились, платя своим матросам и в то же время черкесам за охранение.

Русских беглых и пленных в горах много, особливо первых. Они живут большею частью в нищете и нужде. Вывоз их в Турцию сделался редок, да и хозяева менее ценят их, потому что с увеличением числа прибрежных крепостей чрезмерно увеличились побеги из гор.

Горцы ожидают гостей из Константинополя, надеются на помощь султана и потому еще не говорят гласно о покорности. Ныне они ожидают нас между Туапсе и Сочи, но полагают также, что мы займем и Джубу. Для этого они имеют караулы по всему берегу. В прошлом году при занятии Туапсе они много потеряли убитыми и ранеными, при Шапсухо менее, но зато они там и дрались хуже. Ныне они возобновили присягу и хотят сделать последнее усилие для защиты остального пространства берега. Недавно приставал к берегу и ушел обратно контрабандист назвавший себя Мегмет-Али-Паша. Он выдавал себя за важного чиновника Порты и возбуждал черкес к сопротивлению. При

устьях более значительных рек сделаны завалы и выкопана канава; таких завалов есть три на Субаши.

Я сделал следующее распоряжение о сообщении между прибрежными укреплениями на Азовских вооруженных ладьях: им предписано ходить один раз в неделю (если погода не будет препятствовать) поочередно в каждое из соседних укреплений и перевозить туда людей, груз и бумаги, равным образом доставлять на обширном пути все то, что будет назначено для их укрепления. Ходить же далее соседнего укрепления строго запрещено. Офицеру, заведующему ладьей, предоставлено определить груз и число людей, которых можно взять, не обременяя ладьи.

До построения укреплений на Субаши и Псезуапсе я запретил ходить на ладьях между фортами Вельяминовским и Александриею (на Сочи), иначе по причине большого расстояния, ладьи подвергались бы опасности. По той же причине, до занятия на берегу пунктов между Анапою и Новороссийском, ладьи не должны ходить на сем пространстве. Дабы не подчинить казачьих команд прихоти воинских начальников укреплений, я представил исключительно офицерам азовских казаков распоряжаться назначением времени и очереди поездок. В случаях же экстренных, воинские начальники могут посылать ладьи и не в очередь, но не иначе, как давая предписание азовскому офицеру, который должен представлять оное начальству при осмотре укрепления.

Воинским начальникам предписано во всем содействовать командам азовских казаков, если сии будут иметь законную надобность как то: давать людей для вытаскивания баркасов на берег, назначать постоянно караул на блокгауз из 10 человек и из 25, в случае отсутствия азовской лодки.

Дабы сообщение между укреплениями не встречало препятствия от недостатков казаков, дабы воинские начальники всегда могли дать помощь сим казакам в случае появления галеры или контрабандного судна, наконец, дабы нижние чины научились ловить рыбу и находили в морских поездках развлечение, я предписал воинским начальникам обучать всех нижних чинов в укреплении находящихся морскому делу. Для сего между ними заведена очередь, из которой не исключаются и

цынготные, у коих болезнь сия еще не развилась. По мнению медиков, движение сие для них весьма полезно.

Распоряжение о приручении нижних чинов к морскому делу я счел тем более необходимым, что команды азовских казаков, находясь в продолжении трех лет на Восточном берегу, не были комплектуемы, и потому число людей оных значительно уменьшилось. Но и настоящего числа самих лодок недостаточно для выполнения их назначения. Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса отзывом от 28 февраля №413, по приказанию корпусного командира спрашивает меня сколько я полагаю необходимым построить вновь лодок для всей Прибрежной линии, начиная от Анапы до Сухума и как их распределить? На пространстве от Анапы до Дранд включительно у нас 17 прибрежных укреплений, считая в том числе предполагаемые в нынешнем году на Субаши и Псезуапсе. Для всех этих 17 укреплений мы имеем 10 вооруженных ладей и такое же число команд азовских казаков, т.е. менее, чем по одной на укрепление. Считаю излишним доказывать, что это недостаточно. Сверх содержания постоянного сообщения между прибрежными укреплениями, на вооруженные ладьи возможно ближайшее охранение берега его от приставания контрабандных судов. Опыт показал, что это прибрежное крейсерство может быть полезнее парусных военных судов для уничтожения контрабанды. Привыкнув к морю, ознакомившись с берегами, ободренные блистательным подвигом в прошлом году в Сочи, азовские казаки сделались предприимчивыми и страшными для контрабандистов и черкесских галер. Но опыт же показал, что они не могут вполне достигнуть своего назначения, если и в каждом укреплении будет по одной вооруженной лодке. Из многих я приведу здесь один пример: 6-го ноября прошлого года, против укрепления Тенгинского, показалось двухмачтовое контрабандное судно. Не в дальнем расстоянии от берега оно заштилило. За несколько часов перед этим азовская вооруженная ладья была послана в укрепление Михайловское, и потому воинский начальник принужден был ограничиться несколькими выстрелами по судну из крепостных орудий. Вскоре подул легкий ветер, и контрабандисты пристали беспрепятственно к Джубе. Будь при укреплении другая ладья, это судно

было бы неминуемо взято. Из сего примера и многих других видно, что необходимо иметь по две ладьи при каждом укреплении: тогда в отсутствие одной, другая будет во всегдашней готовности. Но для этого не нужно иметь двойного комплекта азовских казаков. Я выше изложил распоряжение мое о приучении нижних чинов из гарнизонов укреплений к морскому делу. В весьма короткое время образуется из них достаточно гребцов для второй ладьи при каждом укреплении. Тогда их можно посылать или пополам с казаками или, наконец, даже и одних. Это не может быть тягостью для гарнизонов, а послужит развлечением для нижних чинов; одним казакам обременительно делать еженедельные поездки в ближайшие укрепления. Доказательство сему: значительная убыль во всех командах в продолжение двух лет. Поэтому, пособие от гарнизонов не только сбережет казаков, но и даст возможность иметь сообщение между укреплениями чаще, а надзор за контрабандою бдительнее. Сверх выше сказанных двух ладей при каждом прибрежном укреплении я нахожу нужным иметь еще по две в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Порты сии, как места, где сосредоточиваются управления, имеют более других надобности в частых сообщениях. Сверх того, при этих местах и рыбная ловля может быть более обширна, нежели на открытых рейдах других укреплений. По вышеизложенному расчету, для 17 прибрежных укреплений нужно 40 вооруженных ладей и 20 команд азовских казаков. Значит нужно построить, вдобавок к прежним, еще 30 ладей и просить о высылке еще 10 полных команд.

В вышесказанном расчете я не полагал укреплений, которые могут быть впоследствии устроены на берегу. Для каждого из них потребуется равным образом по две ладьи и по одной команде казаков. Я испрашивал мнение г.генерал-адъютанта Лазарева: не нужно ли сделать каких-либо изменений в конструкции нынешних вооруженных ладей. Его Превосходительство изволил мне сообщить, что он признает сии ладьи совершенно удовлетворительными для их назначения и потому не находит нужным делать в их устройстве перемены.

Нечепсухо-Ту. От укрепления Тенгинского до форта Вельяминовского 22 $^{1}/_{4}$ мили со всеми изгибами берега. Это

расстояние делает затруднительным и опасным сообщение между сими пунктами на азовских ладьях. На всем пространстве есть две довольно значительные и весьма населенные долины: Нечепсухо и Ту; устье первой в $6^1/_4$ милях от укрепления Тенгинского и в 6 милях от второй. При устье Ту берег образует с южной стороны углубление, доставляющее мелким судам защиту, а речка Нечепсухо по глубине своей удобна для втаскивания судов. В проезд мой 14-го апреля мимо Нечепсухо, я нашел там двухмачтовое судно, втянутое в реку и обложенное зелеными ветками. По нем сделано с парохода несколько пушечных выстрелов на близком расстоянии, и надобно полагать, что судно совсем приведено в негодность, потому что некоторые выстрелы были очень удачны. Вообще Нечепсухо и Ту служат еще убежищем контрабандистов.

На основании вышеизложенных причин, я полагаю необходимым построить по форту при устье каждой из сих долин.

Форт Вельяминовский[12]. Хотя укрепление сие построено в начале прошлого года, но теперь уже все земляные постройки оного находятся в самом жалком положении. Осенью в прошлом году в иловато-глинистом грунте открылись под укреплением родники, против которых воинский начальник, по незнанию этого дела, не принял приличных мер. Зимою и весною родники усилились и обрушили большую часть наружной крутости бруствера, ружейные бойницы, построенные сверх сего последнего из сырцового кирпича, отчасти развалились вместе с валом, отчасти же размыты дождем.

Гарнизон форта состоит из двух рот, которые вместе не составляют одной комплексной; при сем том одна из сих рот назначается для гарнизона одного из укреплений на Псезуапсе или Субаши; несмотря на беспрерывные и трудные работы гарнизона. ему невозможно не только исправить повреждений укрепления, но и удержать оное от окончательного разрушения. На это нужны гораздо большие средства, нежели которые он может употребить. Постройка укрепления требует столько же труда и рабочих, сколько и первоначальное его построение. Между тем внутренние работы, при других причинах, произвели в гарнизоне сего форта весьма значительные болезни и смертность, как то можно видеть из прилагаемой ведомости.

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	284	130	88	42	17
В январе 1839 г.	226	135	48	87	34
В феврале 1839 г.	226	119	67	52	19
В марте 1839 г.	176	141	57	84	41
Итого:	*912*	*525*	*260*	*265*	*111*

Примечание. В форте Вельяминовском из среднего числа гарнизона 228 человек заболевало в месяц средним числом 131, а умерло 27 человек, т.е. заболевал 2-й, а из больных умирал 5-й человек.

Я не знаю подробностей инженерного искусства, но не сомневаюсь, что этой гибели гарнизона и разрушения укрепления можно было бы избегнуть, если бы приняты были настоящие меры немедленно после того, как показались в грунте родники. Не могу обвинить в этом воинского начальника укрепления: он - армейский офицер и еще менее меня знает инженерное искусство; он делал как разумел и что мог, но у него не было ни сведений, ни рук, ни материалов. По силе сего нужно ли доказывать, что необходимо поручить надзор за прибрежными укреплениями по части искусственной опытному штаб-офицеру инженерного ведомства? Находясь постоянно в ведении начальника Прибрежной линии, он ознакомится со средствами самого края, а имея в ведении своем все строительные материалы и инженерные инструменты, он может при частых посещениях укреплений, тотчас же принять надлежащие меры к исправлению повреждений, не допуская до разрушения. Сим одним назначением можно избегнуть излишних издержек, потери времени и, что еще важнее, трудных работ, бесполезно изнуряющих гарнизоны.

В последнее время в форте Вельяминовском было довольно спокойно: горцы приходят продавать гарнизону вино своего изделия и разные плоды, спрашивают соли и изъявляют желание покупать оную. В лазарете укрепления я нашел трех больных

черкес, четвертый недавно отправился домой и хотел возвратиться. Все они - свободные простолюдины, родом из вершин реки Псезуапсе. Я дал каждому из них денег, обласкал и поручил особенному надзору медика и воинского начальника.

Вообще заметно между окрестными жителями Туапсе менее ненависти и более мирных расположений.

О КОРАБЛЕКРУШЕНИЯХ И О ПРЕДОСТОРОЖНОСТЯХ ПРИ ПЛАВАНИИ ВДОЛЬ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА

Берега реки Туапсе еще усеяны обломками судов, следами гибельного прошлогоднего урагана. Сие кораблекрушение представило событие, может быть, единственное в морских летописях. Не говоря о бедствиях других судов, упомяну только о тендере "Скорый". Буря сорвав его с якоря, кинула его на мель у самого устья реки Туапсе. Вздутая дождем река неслась в море, а море, взволнованное бурей, удерживало ее стремление. Обоюдный напор волн взрыл мель, на которой остановился тендер и погружал его более и более. Наконец тендер исчез под водою. Между тем, река при устье прорыла новый фарватер, а когда все утихло, то на месте прежнего устья открылась насыпь, нанесенная бурей, а под насыпью зарыт тендер "Скорый" с 6 своими орудиями, зарыт так, что не осталось и признака его существования. После сей гибельной бури и во избежание, сколько возможно, подобного бедствия, приняты следующие меры предосторожности: командир каждого военного судна, приходя в укрепление и сдав на нем бумаги, получает другие, буде они приготовлены заранее, и немедленно снимается с якоря для отплытия; буде же не найдет там заготовленных бумаг, то соображаясь с погодой, немедленно вступает под паруса, условясь предварительно с начальником укрепления о времени изготовления бумаг сих, - времени, к которому он возвращается, если только погода или другие обстоятельства не задержат его в море. То же самое исполняется и командирами транспортов касательно привозимого и отвозимого груза. При сем не упускается из вида наблюдения ветра: абхазский ветер, как вообще ветры берегов горнистых, ночью дует с берега, а днем

на берег, несмотря на то, что в 30 милях далее, в море, он может быть, имеет совсем другое направление. Морской ветер не опасен, когда он не производит ни волнения, ни зыби, но едва заметна с моря крупная зыбь, не только при морском ветре, но и при береговом, то сие должно принимать за предвещение крепкого с моря ветра и ожидать его в скорости. Тогда командиры судов вступают немедленно под паруса и удаляются в море на такое расстояние, где они вне опасности от морского ветра и сильного на берег волнения. Они имеют ввиду, что при подобных обстоятельствах, особенно когда ветер крепчает прямо на берег, и при известном постоянном течении всегда выгоднее сниматься на правый галс, ибо течение, подхватывая судно из под ветра, много способствует ему к удалению от берега. При перемене погоды, командир судна немедленно снимается с якоря и держится под парусами, в ожидании возможности возвратиться к прежнему своему месту. Сие правило не касается, стоящих на якоре в Геленджике и Сухуме; первый пункт укрыт от морских ветров и волнения, а до второго, как доказано опытом, не доходят ветры, даже когда они, дуя с моря, и находят зыбь на его рейде. Излишне говорить о Новороссийском порте, которого достоинства уже всем известны. В продолжение времени между осенним и весенним равнодействиями, когда бывают самые сильные прибрежные бури, военные суда, становясь где-либо на якоре, при укреплении парусов берут у марселей по три рифы. С этой предосторожностью, при внезапной перемене и скрепчавшем ветре, все готово к снятию с якоря. Тут расчет, что ежели погода дозволит, то легче отдать риф, чем взять оный при необходимости, стоя близко к берегу и на другом грунте. Командиры судов могут на якорной стоянке при укреплениях заливаться водою, но при крепком ветре с моря, или когда гребное судно настигнуто у берега погодою, то, не ожидая его возвращения, они вступают под паруса.

Вследствие вышеизложенного, все эскадренные и судовые командиры на открытых рейдах держатся беспрестанно парусами, а не стоят на якоре, особенно по окончании нагрузки или выгрузки. Они подходят к берегу или держатся в виду оного на таком расстоянии, чтобы можно было оттуда делать им сигналы.

Субаши. Я осмотрел с парохода место предстоящего десанта.

Субаши есть небольшой горный ручей, впадающий в море саженях в 700 от устья довольно значительной реки. Шахе. Пространство между двумя реками образует хребет, оканчивающийся высокою и крутою горою, покрытою частым строевым лесом. Вершина сей горы показалась с парохода в верстах $1^1/_2$ от берега; от нее в море спускается покатость, изрытая скатами воды. Сначала она крута, потом составляет на полугоре уступ и, наконец, оканчивается узкою полосою земли, доходящей до самого моря близ левого берега Субаши. На самой оконечности этой полосы есть возвышенная голая площадка, на которой видны в некоторых местах рвы и завалы, сделанные горцами для защиты берега. Между сею площадкою, рекою Шахе и подножием гор правого берега находится довольно большая равнина, поросшая дремучим лесом, переплетенным плющем и виноградником.

В верстах двух от моря река Шахе делает крутой поворот. Долина ее начинает расширяться, и наконец, выйдя на прибрежную равнину, река течет между лесом и кустами в море по каменистому руслу. Перед устьем, как и большая часть рек сего края, она делает заворот, происшедший от морского прибоя. В этом месте она имеет брод, который однако же, делается непроходимым во время разлития реки от дождей, или когда сильный прибой с моря задерживает течение. Выше устья глубина реки неодинакова, но бродов нет ближе 2 верст от моря.

Левый берег долины Шахе чиже правого, но также лесист и подходит ближе к устью реки; прибрежные возвышения с этой стороны образуют два ряда хребтов, параллельных к берегу моря и разделенных узкими и глубокими долинами. Далее отрасли главной высоты спускаются к реке Шахе и упираются там, где она делает поворот в 2-х верстах от берега. Таким образом, прибрежная равнина, на которой будет десант, образует треугольное пространство со всех сторон окруженное высокими и лесистыми горами. Вся эта равнина может быть очищена артиллериею с флота, но многие ущелья, идущие с обеих сторон к реке Шахе параллельно к берегу, совершенно закрыты от выстрелов с моря.

Сюэпсе. Реку сего имени называют ошибочно: Вардан или Фагусе; первое есть название особого общества джигетов и всего

урочища, на коем они живут, а последнее - имя ничтожного ручья, впадающего близ Сюэпсе.

Я осмотрел это место согласно предписанию господина корпусного командира.

Устье Сюэпсе в 7 милях от будущего укрепления на Субаши и в 11 милях от форта Александрия (на Сочи). Долина Сюэпсе оканчивается довольно широким устьем, покрытым лесом. Она имеет большое население.

Так как до сих пор еще не было сообщения на азовских лодках между фортами Александрия (на Сочи) и Вельяминовским, то вообще контрабанда была более значительна на этом пространстве, нежели в других местах. В устье Сюэпсе я нашел два судна, из коих одно двухмачтовое и три черкесские галеры; по двухмачтовому судну стреляли с парохода из орудий большого калибра при плохой погоде и, вероятно, его испортили.

Вполне соглашаясь с мнением господина корпусного командира, я нахожу необходимым занять это место укреплением, по причинам, которые мною изложены выше.

Форт Александрия (на Сочи). Укрепление сие сохранилось довольно хорошо, исключая трех мест: на одном, прилегающем к глубокой рытвине, бруствер обрушился на протяжении 12 сажен, а в двух других обвалилась одежда внутренней крутости сажень на шесть. Последнее повреждение может быть исправлено гарнизоном, первое же, и главнейшее, требует больших средств и соображений инженера. В нынешнюю зиму и весну горцы беспрестанно тревожили форт Александрию, что, впрочем, для них было очень удобно: гора с северо-восточной стороны господствует над крепостью на дальний ружейный выстрел. Это тем более невыгодно, что на большей части укрепления нет ружейных бойниц, ни туров. Черкесы беспрестанно приходят на гору и стреляют в укрепление. При мне контузили рядового, но до сих пор еще ни одного не убили и не ранили. Напротив, вне крепости, в прикрытии пастбищ, бывают беспрестанные перестрелки, в которых мы теряем людей. Желательно было бы сообразить, нельзя ли пособить неудобному расположению крепости построением отдельного блокгауза на вершине горы: это успокоило бы гарнизон и отдало бы в наше распоряжение обширное пространство между горою,

фортом и рекою Сочи. Во всяком случае, необходимо, чтобы этот блокгауз, предоставленный собственной обороне, был так устроен, чтобы не требовал много людей для своей защиты, иначе это будет слишком обременительно для гарнизона самого форта.

Вот ведомость о состоянии здоровья нижних чинов гарнизона с 1-го декабря по 1-е апреля сего года.

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	426	120	98	12	3
В январе 1839 г.	430	88	79	9	3
В феврале 1839 г.	437	95	86	9	3
В марте 1839 г.	415	94	79	15	6
Итого:	1698	387	342	45	15

Примечание. В форте Александрия из среднего числа гарнизона 424 человек заболевало в месяц средним числом 96, а умирало 4 человека, т.е. из гарнизона заболевал 5-й, а умирал из больных 24- человек.

Из всего видно, что здесь смертность незначительная, несмотря на то, что число больных было довольно велико. Сие последнее произошло, между прочим, от недостатка свежего мяса и огородных овощей.

Горцы называют англичанами всех европейских агентов, приезжающих в горы. Это причиною, что все, в том числе и я, ошибочно донесли об убиении англичанина на Сочи.

Там убит польский ренегат Полинский, о котором, наконец, я мог собрать сведения.

Полинский был родом поляк. Он сначала служил в пехоте Мегмет-Али-Паши, где он выучился по арабски. Оттуда он был выгнан из службы и приехал в Константинополь, где определился поваром к купцу Борожис, называвшему себя капитаном персидской службы, с которым он поехал в Персию, где и поступил на службу. Спустя года четыре он возвратился в Константинополь (1835) с чином персидского капитана. Он знал

хорошо музыку, в войсках шаха служил капельмейстером. В Константинополе он открыл трактир, но в продолжении года обанкротился и поступил поваром к полковнику Констейтейн и капитану Кембель. Сопутствовал своим новым господам в их шестимесячном путешествии по Анатолии и по разным странам Малой Азии. Возвратившись в Константинополь, он поступил на службу к капитану Нейту, который, приехав из Лондона, ожидал случая отправиться путешественником в горы, куда в июне 1837 года они и прибыли. Проживши в горах пять месяцев (между шапсугами и натухайцами), Полинский был отправлен Нейтом, Белем и Лонгвартом в Константинополь с рекомендательными письмами к Банкер-Блак и генеральному консулу Картрейт. Месяца через два (в октябре 1837 года) он выехал из Константинополя и привез в горы 30 бочек пороху, разные подарки, как-то: часы, подзорные трубы и проч. и ящик для капитана Беля с дорожной аптекой.

Летом 1838 года он был убит пушечным выстрелом на Сочи. От роду Полинскому было лет 35; он был ловок, имел особенную способность к шутовству и знал множество языков как европейских, так и азиатских.

Укрепление Св.Духа. К особенному удовольствию моему, я нашел сие укрепление в отличном состоянии по всем частям. Считаю долгом отдать полную справедливость заботливости командира Черноморского линейного № 6 батальона майора Посыпкина. Сей отличный штаб-офицер вполне оправдал выбор г.Корпусного командира, когда Его Превосходительство во время прошлогоднего посещения изволил лично удостовериться в необходимости назначить туда надежного штаб-офицера. Прежних беспорядков не осталось теперь и следа: в укреплении все убрано и чисто, гарнизон хорошо обмундирован и, по возможности, выучен; нижние чины имеют вид здоровый и веселый. Майор Посыпкин женат, имеет семейство; в доме его собираются все офицеры укрепления и вместе проводят время, которое по недостатку развлечений, некоторые употребляли гораздо хуже. Желательно, чтобы во всех прибрежных укреплениях воинские начальники были люди женатые и семейные.

Вот ведомость о состоянии здоровья нижних чинов гарнизона с 1-го декабря по 1-е апреля сего года.

	Наличное число гарнизона к 1-му числу кажд.м-ца	Больных вообще	Больных кроме цингот ных	Больных цингот ных	Умер ших
В декабре 1838 г.	562	49	49	-	9
В январе 1839 г.	552	33	33	-	20
В феврале 1839 г.	541	42	30	12	17
В марте 1839 г.	521	24	14	10	10
Итого:	2176	148	126	22	56

Примечание. В укреплении Св.Духа из среднего числа гарнизона 544 человека заболевало в месяц средним числом 37, а умирало 17 человек, а из больных умирал каждый 3-й человек.

Из сего видно, что при малом числе больных смертность была значительна. Причиною сему то, что нижние чины прежде приведены были в такое положение, что все болезни сделались трудными. Я не сомневаюсь, что нынешний батальонный командир, при своей заботливости, уничтожит эту причину. Окрестные горцы (из племени азега) тайно приходят в укрепление Св.Духа для продажи своих произведений. Из них князь Куаташ Мамсыр Поэ приезжает часто за лекарствами для себя. Он человек лет 40 и хорошей фамилии.

Я получил там следующие сведения.

В начале марта нынешнего года собралось в долине Мзымта (Артокуадж) до 2 тысяч независимых азега. Под предводительством известного между ними дворянина Карандук они отправились тайно, и все пешком, во владение князя Михаила Шервашидзе. Пройдя ночью мимо нашего укрепления Бомбор, они напали врасплох на д.Чайдар, лежащую в 112 верстах от Соуксу, резиденции правителя Абхазии, разграбили и сожгли сию деревню до основания. Пока князь Михаил собирал своих людей для преследования, горцы успели уйти восвояси с добычею, отбитым скотом и 63 пленными.

Теперь, между азега, принадлежащими князьям Шервашидзе и независимыми сильная вражда. Она была и прежде, но дерзкий и счастливый набег на д.Чайдар еще более ожесточил обе стороны. Надобно знать, что прежде все пространство от реки Хамыш (в 6 морских милях к югу от Сочи) до границ Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе. Оно населено одноплеменным народом, называющим себя азега, а у нас известным под именем абхазцев. С некоторого времени часть этого народа, обитающая между рекой Хамыш и Гагрою, отложилась от князей Шервашидзе. Для своего усиления она вступила в тесный союз с джигетами, состоящими из трех обществ: Вардане, Саше и Убых. Все это пространство составляет теперь так называемую Малую Абхазию. Между тем, князья Шервашидзе, не имея возможности оружием принудить их к покорности, стараются пользоваться, по крайней мере, теми выгодами, которое представляет им это новое положение края. Они передают туда контрабанду, продают рабов и слагают на некоторых все разбои, которые делают или сами, или чрез своих подданных. Вместе с тем как та, так и другая сторона пользуются удобным случаем, чтобы напасть на нас и грабить друг друга, потому что это тоже одна из отраслей доходов правителя Абхазии. Впрочем, он или, лучше сказать, его подданные при этом более теряют, чем их противники. Будучи ближе к русским, князь Михаил и более связан, да и притом власть его слишком незначительна, а сам он лично человек ничтожный. В таком положении были дела до сего времени; теперь будет, вероятно, еще хуже: взаимному мщению не будет конца. Вскоре после нападения на д.Чайдар, князь Михаил послал галеру с вооруженными людьми к берегам независимых азега. Они пристали к северу от мыса Константиновского (Адлер, по-абхазски Лияш) и схватили на берегу двух людей, бравших морскую воду для вываривания из нее соли.

Теперь горцы в окрестностях укрепления Св.Духа в большой тревоге, они знают, что князь Михаил Шервашидзе собирается отомстить им в их пределах за последний набег на Чайдар. Все заняты приготовлением к защите и содержат караул во всех теснинах, ведущих в их землю.

К сожалению, я не знаю ничего о сборах правителя Абхазии, потому что его области не находятся во введенном мне управлении, хотя, как очевидно, она составляет нераздельное целое с остальной частью того же народа. Ходят слухи, будто князь Шервашидзе надеется, что ему будет дано пособие от наших войск, в Абхазии расположенных. Не думаю, что. возможно было идти нашим войскам в средину Малой Абхазии. Это дает мне новую причину оставаться при мысли, которую я изложил уже в другом месте, что на Малую Абхазию можно иметь влияние только посредством Большой и обратно. До тех же пор, пока обе сии части не будут соединены в одно целое, все действия наши будут разобщены без общей связи и без цели.

В заключение я должен еще раз коснуться предмета, о котором мое мнение не удостоилось одобрения непосредственного начальства. Убежденный в справедливости этого мнения, я вынужден его защищать и исполню это со всей откровенностью и смелостью, внушенными мне усердием. Если ошибаюсь, то добросовестно, и это отстранит от меня дальнейшие обвинения; если же я прав, то зачем же не принять полезной истины и от меня.

Правительство положило водворить на Восточном берегу вооруженное население. Это - единственная мера к столь необходимому покорению сего берега.

Всегдашнее правило римлян было, что водворение поселений не должно быть следствием завоевания, а лучшим способом к завоеванию; считаю излишним еще раз доказывать, что предполагаемое поселение, которому неприятель не дозволяет ни хлебопашества, ни скотоводства, которое не может иметь другого сообщения как морем, должно быть наследственно и с малолетства приучено к мореплаванию. Если поселенцы наследственно и с малолетства обращены к оружию, что признано столь полезным для сухопутного войска, то сие должно считать еще полезнее для нашего флота, потому что для моряка требуется с юных лет навык к морскому делу. Для поселения сухопутных войск нужно было огромное число поселян и огромные издержки. Если взять в соображение, что Черноморский флот состоит только из 15 тысяч матросов, то очевидно, что морские цехи и прибрежные казаки могли бы и без значительного

распространения снабдить из среды себя матросами весь Черноморский флот.

Анапские поселяне, не имеющие ни скотоводства, ни хлебопашества, не могут быть обращены в казаки - ни пешие, ни, еще менее, в конные: их немедленно надо обратить в казаки прибрежные.

Восточный берег занимает пространство между Имеретиею и Черномориею. Обе сии области столь же покорны, как и внутренние губернии России. Несколько часов плавания переносят суда с нужными потребностями из Новороссийских портов к Восточному берегу. Восточный берег в близком соседстве со всеми кавказскими войсками и с Черноморским флотом.

Черкесы - неприятель не европейский, борьба которого была бы равносильна.

Не должно ли удивляться после сего сопротивлению, которое у нас встречает важная мысль правительства об устройстве поселений на Восточном берегу?

Не могу представить, какого рода затруднения встретил неизвестный частный человек, который после открытия Америки, первый предложил завести там поселения. Воображение наполняло тогда Америку, уж и без того столь различную от Европы, всеми чудесами, всеми ужасами, которыми оно одаряет земли отдаленные и незнакомые. Эта же страна другого полушария, под знойным небом, населена уродливыми людоедами, с иным видом неизвестных растений, с тропическими зверями, и хищными, и ядовитыми, между которыми не было ни одной породы домашней. В то время мореплавание было в младенчестве: не умели ни строить кораблей, ни управлять ими, компас был едва известен. Чтобы достигнуть сей страны, нужно было вверяться гибельным бурям океана и опасным плаваньем обогнуть полувселенную. Вероятно этот человек, который первый предложил поселить европейцев в подобной стране, был заперт в сумашедший дом, а тем не менее Америку населили. Понимая вполне ответственность, которой подвергаюсь, я осмеливаюсь брать на себя исполнение предначертаний правительства и готов посвятить на это остальные годы моей службы. Для сего я прошу, чтобы кроме

обращения анапских поселян в прибрежные казаки, немедленно были сделаны предварительные распоряжения для поселения 160 семейств в Новороссийске и 40 в Александрийском укреплении, на Дообе. Они оба в Суджукской бухте.

Окончив обозрение Прибрежной линии посещением укрепления С.Духа, я остановился на заветном рубеже Абхазии.

Материалы собрал Е.Д. Фелицын

Газ. "Кубанские областные ведомости", 1890 г., №№35, 36, 38. 40-47.

Предполагаемое описание, найденное нами вместе с другими историческими документами в архиве кавказского военно-топографического отдела, очевидно, принадлежит к числу первых попыток, предпринятых русскими офицерами для изучения черноморского побережья, в конце 30-х или 40-х годов, при учреждении черноморской береговой линии. Хотя год составления и имя автора не обозначены в этом описании, но уже одно указание на тот факт, что оно составлялось в том же году, когда было построено укрепление на р.Туапсе делает совершенно излишним всякие другие пояснения для определения времени этого документа[12].

Е. Фелицын

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ СТРАНЫ, ЛЕЖАЩЕЙ К СЕВЕРУ ОТ РЕКИ СОЧИ-ПСТА ДО ВНОВЬ ВОЗВЕДЕННОГО НА ТУАПСЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Страна, заключающаяся между главным хребтом Кавказа, Черным морем, рекою Сочи и ограниченная с севера округом Туапсе, разделяется на две смежные полосы, отличающиеся одна от другой как физическим характером, так и населением. Первая, состоящая из земель береговых, занята несколькими независимыми обществами, как племени асадзуа или сочи (по

абхазски - джигеты), распространившимися из-за реки того же имени до округа Хизе, так и черкес, говорящих одним языком с убыхами, шапсугами и другими горцами западной части кавказского хребта, языком совершенно отличным от джигетского, который в употреблении до р.Бзыби. Отрасли гор, простирающиеся по описываемому прибрежью, понижаются по мере приближения своего к морю; по значительности населения здесь много земель возделанных, до Вардане однако встречаются места лесистые; начиная же с этого округа растительная сила как будто слабеет и леса заменяются по большей части кустарником.

Земля убыхов (по абхазски - Туахы) составляет второй отдел рассматриваемого края. Примыкая с одной стороны к снежным горам и ограниченная с другой рекою Сочи, страна эта представляет узкую полосу земли. В юго-западной - горы приближаются к морю на расстояние не более пяти верст, в других же местах удаляются от него до 20-ти, как показано с приблизительною верностию на прилагаемой карте. К северу убыхи простираются до прибрежного округа Гоайе.

Страна эта пересеченная высокими горами, образующими тесные ущелья, в то же время весьма лесиста и потому труднопроходимая, народонаселение в ней соответственно поверхности, меньше чем в полосе прибрежной.

Возвращаясь к последней, надлежит показать разделение ее на округа.

Округов сих семь: Псаха, Вардане, Хизе (по абхазски - Пшогия), Субаш, Чимтрипшь, Вея или Гоя и Мохупсе. Взаимные их границы обозначатся при рассмотрении каждого.

Примечание. Так как сообщения в этой гористой стране проложены большей частию по течению рек, на которых находятся и главнейшие аулы, удободоступность коих зависит от свойств долин и смежных гор, необходимо во избежание повторений, рассмотреть все это одновременно, пожертвовать в сем кратком обзоре систематическим порядком, требующим последовательного описания рек, дорог, селений и проч.

1.Округ Псаха или Чизма. Ограничен с южной стороны рекою Сочи, с северной простирается на полчаса езды (около трех верст) за реку Псаху, а к востоку примыкает, как и последующие округа, к земле убыхов.

За исключением незначительных ручьев протекает здесь река Псаха, имеющая исток в горах средней высоты, на час езды от развалин крепости Мамай-кале. Речка эта мелководна и даже в самые сильные дожди глубина ее не превышает полроста человека. Долина Псахи считается плодороднейшею частью всего округа. Местность близ устья довольно ровная и открытая, но она сильно укреплена завалами, ибо черкесы полагали, что здесь будет совершена в нынешнем году наша высадка; завалы состоят из двойного ряда толстых бревен, промежутки между которыми утрамбованы землею. (Показания бывшего в плену у горцев 39-го флотского экипажа лейтенанта Зорина).

Главнейшие аулы в сем округе следующие: Аул Псаха или Чизма Ахмет* начинается на расстоянии не более версты от устья описанной речки и, состоя из большого числа разбросанных саклей, простирается вверх по ее долине до самого истока.

Чизма Мисауст неподалеку от правого берега реки Сочи-псты, в расстоянии 3 $^{1}/_{2}$ верст от ее устья.

Селения эти получили свое название от места жительства двух старших членов весьма уважаемой фамилии Чизмы, братьев Ахмета и Мисауста. По фамилии этой и самый округ именуется Чизмою. Народонаселение в нем может простираться до 500 семейства.

Кроме береговой дороги, служащей жителям главнейшим продольным сообщением и при обыкновенном состоянии погоды везде удобопроезжаемой до Мохупсы, можно заметить еще следующие:

1.Дорога, отходящая в недальнем от устья Сочи-псты расстояния к убыхскому аулу Мутыхуаса, лежащему на той же реке. Пролегая по правому берегу последней, дорога эта на полутора часа езды (от 8-ми до 9-ти верст) идет широкой, ровной и почти безлесной долине, представляющей богатые пастбища;

** Аулы у черкес получают большею частию свои названия от округов, к которым принадлежат, от рек, близ которых находятся или от почетных фамилий, пользующихся у них особенным влиянием, от чего и происходит некоторая сбивчивость в названиях; ибо часто одно и то же место имеет их два или три.*

остальная я же часть пути затрудняется крутыми подъемами и спусками и с обеих его сторон подходит редкий, впрочем лес, состоящий большею частью из фруктовых дерев, обвитых виноградником.

2. Дорога, идущая от устья реки Псахи к убыхскому же аулу Питлу. По мере удаления от моря сообщение это, при начале своем удобопроезжаемое, становится более и более затруднительным, ибо самая долина, по которой оно направляется, стесняема горами, хотя и невысокими, превращается наконец в ущелье, представляющее значительные препятствия. Что касается до гор, смежных речке Псахе, то они во многих местах открыты и возделаны.

Округ Вардане Дзеша или Убышь - Хрыпшь. Начинается от предыдущего и простирается на час езды за речку Джабдзе.

Из рек и аулов, находящихся в сем округе главнейшие суть следующие:

1.Река Фагуа или Фагуркуа-дзе* берет начало в земле убыхов в высоких горах, отчего разлитие ее, происходящее от таяния снегов, бывает не ранее начала мая; ширина ее при устье около 5-ти сажен и местами она глубока. Близ падения реки этой в море долина ее суживается лесистыми высотами. От аула же Фагуа или Джеша, заимствовавшего последнее название от сильной дворянской фамилии того же имени, долина эта расширяется; она хорошо возделана, безлесна и только частые, разведенные по ней фруктовые сады могут доставить прикрытие обороняющемуся. Высоты, образующие нагорный берег реки Фагуа, большею частью возделаны и удобопроходимы.

** Основываясь на том, что между реками Псахою и Фагуа нет ни одной промежуточной, равно как и последней из означенных рек до Сочи, надо заключить, что она та самая, которая названа Мангонари рекою Варданом. При неопределенности наименований у черкес, называющих часто отдельные аулы и участки именем всего округа, к которому они принадлежат, офицер этот, как и с нами случилось, мог легко быть введен в заблуждение насчет настоящего названия реки Фагуа. Абхазцы же, от которых заимствовал заимствовал я эти сведения, уверяли меня после самых обстоятельных расспросов, что во всем округе нет реки, которая называлась бы собственно Варданом.*

Упомянутый аул начинается в расстоянии около 3-х верст от моря и разбросан вдоль по долине реки Фагуа на протяжении 3-х часов езды (примерно 18 верст).

Аул этот (Мангонариев Вардан) служит горцам, равно как и Субаш, главным рынком для торга с турками. По словам лейтенанта Зорина приходили туда в нынешнем году по 15-е июля две турецкие кочермы. Нагорный морской берег между устьями рек Псахою и Фагуа (Варданом) лесист, крут и пересечен тех же свойств оврагами.

2.Речка Легутей, текущая в узком, поросшем мелким лесом ущелье, теряется в прибрежном песку, не достигая моря. По ней рассеяно несколько небольших аулов, не имеющих особых названий, но заимствовавших одно общее от речки этой.

3.Ручей Нышь. На нем небольшой аул того же имени.

4.Река Лаупе. По долине ее того же названия аул, один из значительнейших в описываемом крае; в нем считается от 150 до 200 семейств.

5.Речка Джабдзе имеет устье свое на местности открытой; аулы, находящиеся вверх по ее течению, начинаются в расстоянии пушечного выстрела от морского берега. Место это представляет много удобств для десанта. На пространстве между речками Фагуа и Лаупе встречаются горы довольно высокие, покрытые сосновым лесом; за Лаупе край становится равнинным, даже низким и большею частию безолесым и в таком виде простирается за реку Джабдзе. Население здесь весьма большое; аулы многочисленны. Не ближе как в расстоянии часа езды от берега видны значительные леса и местность постоянно возвышается, но и тут селения довольно часты. По речке Джабдзе направляется к большому аулу Уцкуа удобнопроезжаемая для конных дорога. Совокупность населения в округе Вардане должна превышать 800 семейств.

Округ Хизе (по абхазски Пшагия), граничит с Варданом, тянется узкою полосою по морскому берегу и подходит к аулу Субашу на полчаса езды.

Примечательнейшая из речек здесь Боа-пста, на правом берегу которой, близ самого устья расположен аул Хизе, главнейший в округе. В нем считается до 200 саклей.

По Боа-пста идет дорога, удобная даже для езды в повозках; она выходит на убыхский аул Эбжноу.

Округ этот вообще гористее и лесистее предыдущего.

Замечательно, что в Хизе нет ни княжеских, ни дворянских фамилий: общество состоит из вольных простолюдинов, владеющих впрочем, крестьянами; в большом однако здесь уважении фамилия Дизаа.

Примечание. Права владельцев над их крестьянами у черкес, как у абхазцев весьма ограничены. Крестьянин редко работает на своего господина и единственная выгода, которую он ему доставляет, заключается в платеже двух или трех голов мелкого скота в год; кроме того, обращаются в пользу владельца деньги или вещи, за которые жених покупает свою невесту. Господин не имеет права ударить своего подвластного, а в случае если б он убил его, то по укоренившемуся обычаю родственники могут платить убийце кровомщением. Настоящими рабами у черкес наши пленные и бежавшие; горцы, высоко поставляя выгоду владеть русскими, взыскивали дорогую цену с того из своих соплеменников, который убьет военнопленного даже при покушении к побегу. Только в нынешнем году положили они общим советом предоставить каждому право лишать, в таком случае, русских жизни безвозмездно.

* * *

Округ Субаш простирается к юго-востоку на полчаса, а к северо-западу на час езды от аула того же имени.

Главнейшая здесь река Субаш-дзе или Шахе. Река эта, имеющая начало в главном хребте, отделяющем убыхов от абадзехов, превосходит величиною р.Сочи-пста и от таяния снегов в конце апреля и начале мая глубина ее становится столь значительною, что даже конному иногда невозможно чрез нее переправиться. Долина реки этой открыта, широка и от русла до высот, образующих долину, надо считать не менее полуверсты. Аул Субаш, заключающий от 150 до 200 домов, лежит на самой речке, в расстоянии примерно 3-х верст от морского берега. Почетнейшая здесь фамилия Аткевя. Окрестности этого места слывут вообще здоровыми.

По долине Субаш-дзе большею частью местами открытыми и удобопроходимыми идет дорога, ведущая в аул Дишан, один из значительнейших в земле убыхов. Хотя по приближению к

этому селению дорога направляется ущельем, но горы, его образующие, невысоки, безлесны и войскам везде доступны.

Округ Цыхрыпшь. Границы его отстоят в каждую сторону от главного аула не далее как на час езды.

Аул Цыхрыпшь лежит в расстоянии часа езды от моря, на небольшом ручье того же имени; он принадлежит дворянской фамилии Адех, между тем как две другие Ачимит и Асхаба владеют северною частью округа, названного по имени первого из них Цыхрыпшь. От Цыхрыпша отходит дорога, разделяющаяся на две ветви; из них одна выходит на сообщение между Субашем и Дишаном, а другая направляется на землю племени Кесиме.

Прибрежья сего округа состоят большею частью из мест открытых; по сближении же с убыхскими горами страна становится лесистою.

Округ Вея или Гоя. Гранича с предыдущим, округ этот простирается по берегу моря на три часа езды (около 18 верст); с восточной стороны примыкает к нему земля Кемме.

Главный аул Вея лежит на довольно значительной реке Вея-дзи. Она имеет свое устье на местности открытой и долину широкую на протяжении двух часов езды вверх по течению. Далее же край до того горист и пересечен, что сообщения почти непроходимы, аулов нет, а население рассеяно по отдельным саклям. Оно простирается до 300 семейств. Сильнейший по своему влиянию туземец князь Чезлаха.

Округ Мохупсы. Главнейший аул, имеющий одно название с округом, лежит на расстоянии полутора часа езды от моря на незначительном ручье Мохупсы.

По причине затруднительности низменного морского берега для сообщения с Туапсе дорога туда проложена окольная, горами.

Земля убыхов. По сделанном уже кратком очерке физическому состоянию земли этой, остается указать главнейшие находящиеся в ней аулы и сообщения.

Мутыхуасуа есть примечательнейший, как по величине, так и потому, что служит местопребыванием главе сильной княжеской фамилии Барзехов, Барзеху-хаджи. Аул этот лежит на правом берегу Сочи-псты, на расстоянии двух часов езды от ее устья; он принадлежал прежде джигетам и отнят у них убыхами тому назад лет сорок.

Дишан к северо-западу от предыдущего на высоте против Субаша.

Аулы Пинт, Уцкуа и Эбжноу, о которых уже было упомянуто.

Сообщения в земле убыхов вообще затруднительны и мало известны. Между главнейшими аулами Мутыхуасуа и Дишаном есть, однако, дорога удобопроезжаемая для конных; по протяжению ее встречается много аулов.

Весьма примечательно сообщение, идущее чрез главный хребет Кавказа из земли убых к абадзехам. Оно отходит от аула Дишана и, подымаясь вверх по ущелью Гогышкуа (по черкески большая дорога), достигает вершины горы Тубы, принадлежащей уже к основным горам. На переезд этот потребно летом день езды. Судя по тому, что вершины крутизн, образующих упомянутое ущелье, покрыты лесом и летом снег везде по пути сему тает, надо заключать, что хребет составляет здесь пониженную седловину. Спуск с горы Тубы (по имени которой называется и небольшое племя, живущее уже за перевалом горы) гораздо удобнее подъема; дорога направляется тут по ущелью значительной реки Шхагуаша, принадлежащей уже к бассейну Кубани.

Газ. "Кубанские областные ведомости",
1884 г. №50, 1885 г. № 1.

СТАТЬЯ ПАВЛА РОССИЕВА "У ЧЕРНОГО МОРЯ" (К ИСТОРИИ ПОКОРЕНИЯ КАВКАЗА В 1838 ГОДУ)

Путешествие Николая 1. - Царские слова. - Кавказский берег Черного моря. Черкесские гнезда. - 1838 год. - Форт Александрия-основа Сочи. - Шутка моря. - Житье-бытье гарнизонное. - Собаки. - Сцена из "Одиссеи". Перед Крымской компанией.

Неприветливо и грозно бывает Черное море осенью. Не дай Бог, если разгуляется! Бушуя без милосердия, оно разбивает ревучие валы свои о кавказский берег, который тогда делается недоступным для плавателей. И как раз в это время император Николай Павлович впервые посетил Кавказ в 1837 году.

Совершая переезд на пароходе от Керчи до Редут-Кале, в то время укрепления, а теперь заштатного городка Кутаисской губернии, высокий путешественник не раз подвергался смертельной опасности. По словам командира парохода, знаменитого в истории черноморского флота Михаила Петровича Лазарева, бури были так ужасны, что, подъезжая к берегу, приходилось выбирать скалу, " о которую пароход должен бы был не так жестоко разбиться". Несмотря на то, Николай Павлович гулял по палубе, завертываясь в свою старую шинель, пел молитвы и только однажды, кажется, не выдержав, сказал: "Какая погода!".

- Да, ваше высочество, кажется, не следовало бы вам путешествовать по Черному морю в сентябре, - заметил один из обычных государственных спутников, Алексей Федоров Львов (композитор, творец музыки к гимну "Боже, царя храни").

- Да, - сказал царь, - это правда но вся Европа знала, что я еду на Кавказ, и если бы я отменил бы свою поездку, то чтобы она сказала?

Посещение русским императором восточного берега Черного моря произвело на населявших его черкесов очень большое впечатление. Непримиримые горцы, для которых наставляло истинное наслаждение пустить меткую пулю в грудь русского, с благоговением приблизились к Ак-Царю (Белому Царю), бесстрашно ездившему верхом по горам. Из дальних аулов скакали черкесы на своих лихих конях, чтобы посмотреть на повелителя Гога и Магога, что живут в полуночной стране, по ту сторону Кавказских гор, и, как предсказал пророк, шлют свои отряды для покорения их, горцев.

Государь, между тем, обратил внимание на неоконченность черноморской береговой линии, которая досталась России от Турции по Адрианопольсокму миру 1829 г. Горцы: шапсуги, убыхи и другие, населявшие места нынешней Черноморской губернии, не желали признать над собою русскую власть. Когда генерал Раевский, в качестве командующего черноморской береговой линией, призвал горских старшин и стал объяснять им, кому они ныне подвластны, черкесы задали ему вопрос: "Да по какому же праву султан уступил нас? Мы никогда ему не принадлежали, ничего ему не платили, и никому принадлежать не хотим".

- Султан вас отдал в пеш-хеш: подарил вас русскому царю, - сказал Раевский.

- А, теперь понимаю, - отозвался шапсуг и, показывая на птичку, севшую на дерево, добавил: - генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее себе.

Было ясно, что с этими детьми вольности хлопот окажется немало и что много будет пролито крови, прежде чем они действительно подойдут под крыло русского орла.

Император Николай I указал, чтобы часть сил кавказского корпуса была направлена для прочного занятия форта с целью устройства укреплений и фортов в тех прибрежных пунктах, которые служили удобным пристанищем для иностранных судов и местами их торговли с горцами; приставали же к заболоченным устьям, впадающих в море рек, главным образом, английские и турецкие суда. Турки доставляли горцам хлеб, соль, оружие и порох.

"К северу от мыса Константиновского (ныне Адлер) нужно укрепиться при устье Сочи, Туапсе или в другом месте. При этом надлежит истребить ближайшие аулы", - такова была воля государя.

В то время командиром отдельного кавказского корпуса был генерал-адъютант Григорий Владимирович Розен I-й, участник Аустерлицкого и Бородинского боев и сражения под Красным, георгиевский кавалер и носитель золотой шпаги с надписью "за храбрость". Розен успел разработать проект военных действий в 1838 году, предлагая высадку десанта одновременно с двух сторон: от Черномории и Абхазии; план его получил высочайшее одобрение, но осуществил его генерал от инфантерии Головин, так как Розен 30 ноября 1837 года был назначен присутствовать в сенате.

По распоряжению генерал-лейтенанта Головина, во главе десантного отряда со стороны Черномории стал генерал-лейтенант Вельяминов, а со стороны Абхазии - генерал-майор Симборский 1-й. На делах его мы и остановимся, так как в итоге явился форт Александрия, зародыш будущего "русского Канна" - Сочи.

1-го апреля 1838 года на сборном пункте у крепости Сухум-Кале собрались и расположились лагерем: два батальона

Мингрельского егерского(теперь 16-го гренадерского великого князя Дмитрия Константиновича) полка, три батальона Эриванского карабинерного (теперь 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества) полка, первая пионерная рота Кавказского саперного батальона и сводно-горная батарея. Войскам дали двухдневный отдых, после чего они занялись печением хлебов и сушкой сухарей; тем временем, на рейде присоединились к уже стоявшим судам линейные корабли: "Императрица Екатерина II", "Иоанн Златоуст" и "Чесма", да подошли имеретинская, гурийская и мингрельская милиция. 7-го апреля генерал Симборский пригласил командующего десантной эскадрой контр-адмирала Артюкова, и они отправились на пароходе "Колхида" для обозрения берега Черного моря к северу от мыса Константиновского-Адлер и окончательного избрания нового пункта для высадки. Обозреватели разузнали, что в долине, по которой протекает река Сочи-пста, живет значительное число убыхов, ведущих торговлю с турецкими подданными, а близ устья Сочи имеет пребывание один из знатнейших черкесских князей Аубла Ахмет. Заглянув в дальнейшие урочища: Мамайка, Варданэ, Обиш, Харипшта и Пшага пароход "Колхида" возвратился на следующий день в Сухум. Симборский и Артюков избрали для высадки десанта устье Сочи, но так как "Колхида" заходила и гораздо далее на север, то горцы не знали, где приготовить "гяурам" встречу потеплее.

9-го апреля пришли из Одессы на Сухумский рейд три зафрахтованные для отряда купеческих корабля. Явились и абхазские милиционеры. Закипела работа: грузили тяжести на суда, заканчивались хлебопечение и сушка сухарей, принималось доставленное из Тамани сено, необходимое для корма лошадей и порционного скота. 11-го апреля отряд уже ждал попутного ветра, который подул ближе к полуночи: эскадра снялась с якоря. На высоте Адлерского мыса безветрие задержало эскадру до утра 13-го апреля, когда попутный ветер снова погнал ее и в 3 часа пополудни она уже находилась на высоте сочинского устья. Выстроившись в боевой порядок, суда стали на якоре в 250 саженях от берега. Немедленно, по сделанной предварительно диспозиции, первую часть десанта

посадили на гребные суда; в половине четвертого дан был сигнал открыть с кораблей огонь по берегу, усеянному завалами и занятому неприятелем, а через полчаса первое отделение десантных войск было уже на берегу. Устремясь на высоту, вправо от места высадки, русские заняли ее покатость и часть плоской вершины, невзирая на отчаянное сопротивление горцев, собравшихся в множестве на этом пункте. Абхазские милиционеры, бросившиеся было на прибрежную гору, были отброшены в долину. На горе держались карабинеры Мингрельского егерского полка, успевшие взвести туда горное орудие. Седьмая и восьмая егерские роты, имеретинцы и мингрельцы-милиционеры поддерживали жаркую перестрелку с черкесами, засевшими по лесистому скату отрога горы, составляющего почти прямой угол с горою, занятою карабинерами. В это время вышло на берег и второе отделение десанта.

Черкесы поставили было наших в опасное положение, из которого их вывело распоряжение генерала Симборского. Дав пехоте правого фланга подкрепление, командующий помог этим занятию половины селения Сочи, разбросанного на вершине горы, и в котором имеет местопребывание князь Аубла Ахмет. Однако, потребовалось еще много стойкости, напряжения сил и храбрости, чтобы окончательно прогнать с вершины и покатостей горы неприятеля и расположиться биваком на горе и между подножием ее и рекою, откуда можно было наблюдать долину и противоположный лесистый Сочинский берег. Три часа продолжалось сражение. Отряд занял предназначенное ему место. Прошла ночь. 14-го апреля вершины ближайших гор представлялись усеянными горцами; толпы конных и пеших черкесов тянулись по гребню со стороны Мамайки. Впоследствии оказалось, что горцы ожидали высадки русского отряда у Мамай-Кале, где и собрались в не меньшем числе, чем при устье Сочи. Между тем, отряд, оставаясь на занятых накануне местах, начал очистку леса, росшего в долине и отлогостям снежных гор... Черкесы, несмотря на картечный и ружейный огонь, беспокоили стрелковые цепи и резервы, прикрывшие рабочих, которые впрочем, делали свое дело. Истреблялась колючка, служившая горцам засадою, исправлялись лагерные

окопы, а на возвышенности, предназначенной для нового укрепления, уже выкорчевывались деревья под грозный гул морского прибоя. Не видя толку в перестрелке, горцы стали мало помалу покидать лесные опушки, по отлогостям гор, на расстоянии приблизительно двух ружейных выстрелов от цепей наших войск.

Князь Аубла Ахмет прислал в лагерь к генералу Симборскому лицо просить о возвращении жителям Сочи тел убитых и о размене пленного. Симборский согласился, причем просил посланного уговорить князя приехать самому в лагерь для переговоров и получения письменных условий, "на которых государь император изволит требовать от горцев покорности". Посланный ответил уклончиво; из ответа его, однако, можно было узнать, что горцы еще в сборе и ждут некоторых из отдаленных князей на совет. Посланный уехал. Следующий день (17 апреля) пришелся табельным, именно: был днем рождения наследника престола, будущего царя-освободителя. Эскадра отметила его салютационной пальбой, и в то время, когда эхо в горах отзывалось на пальбу, в лагерь впущен был князь Карондук Берзеков, свойственник владетеля Абхазии, князя Михаила (по-абхазски Хамит-бея), носившего звание генерал-адъютанта русской службы и родной племянник Хаджи-Берзека, который пользовался в здешних краях особым уважением, как по знатности рода, так и по военной славе.

Князь К. Берзеков был прислан обществом убыхов, жившим в трех часах езды от селения "Соча". Цель посольства была та же, что и вчера: просить тела убитых. Генерал Симборский приказал отдать их. Берзеков подтвердил слова посланного князя Аубла Ахмета, что горцы ждут в совет князей из дальних мест и решили дать взаимную клятву не входить с русскими ни в какие дружеские сношения, не продавать им и не покупать у них ничего; а чтобы удержать друг друга от нарушения клятвы, решено взять обоюдно аманатов. Несмотря на это, Берзеков объявил Симборскому, что он и большая часть его родных готовы оставить свои жилища и переселиться в Абхазию, куда их впрочем, направляло не столько желание покориться России, сколько кровная вражда с одной джигетской дворянской фамилией, жившей в селе князя Аубла Ахмета.

Генерал Симборский предложил князю Берзекову взять от него письменные условия и прочитать их при сборе всего убыхского общества, а потом склонить к покорности князя Ахмета, а, если можно, то и других старшин, и чтобы ответ был доставлен также письменно. Берзеков, дав свое согласие, принял от Симборского воззвание к горцам об их покорности и о выгодах, их ожидающих. К воззванию были присоединены и условия для покорившихся. На увещевания генерала Берзеков отвечал, что черкесы предвидят необходимость покориться, наконец, воле русского императора, но они еще не доведены до крайности и вдобавок еще надеются на благоприятное обстоятельство, которое может отдалить этот роковой для них момент, а, может быть, и вовсе оставить их в теперешнем вольном положении.

Таким образом, русские очутились в кругу непримиримых: горцы продолжали верить в счастливую звезду, которая вечно будет озарять их вольность: при случае они гордо выражали это. Когда переодетый русский, пробираясь с проводником чрез лесные дебри и по адским крутизнам с Кубани на берег Черного моря, стал вырезать однажды свое имя на дереве, то проводник сказал: "Столетия пройдут, прежде чем русский прочитает то, что ты вырезал!" (Это было сказано за четверть века до окончательного покорения Кавказа).

Как бы то ни было, на возвышенности близ устья реки Сочи появился новый русский форт. Он был заложен 23-го апреля 1838 года - в день ангела государыни императрицы Александры Федоровны и в честь ее был назван: "Александрия".

Прошел месяц обычного лагерного житья-бытья в неспокойной местности, захотелось морю сыграть злую шутку с эскадрой победителей, словно эта великая стихия была на стороне горцев и хотела оказать им помощь в борьбе их со страшным Гогом и Магогом. Рано поутру, 30-го мая, подул первый раз, что отряд находился в Сочи, слабый юго-западный ветер при сильной уже морской зыби, которая в полдень еще усилилась. Ветер свежел и разводил на море волнение. Оно росло и после заката солнца волны, вздымаясь на сажень, заливали берег, где сложен был строевой лес и некоторые материалы. Пала темнота непроницаемая. На рейде, кроме военных, находились и купеческие суда: "Св.Антоний и

Феодосий", "Царь Константин и Елена", "Георгий Победоносец", "Св.Николай", "Св.Иоанн", "Покров Пресв.Богородицы" и "Штанглиц". Поздно вечером заметили, что одно двухмачтовое судно дрейфует к берегу, на который оно было выброшено через несколько минут; вскоре за ним выкинуто второе двухмачтовое же, потом - трехмачтовое, а там наступила очередь и для остальных; так все семь торговых судов на берегу и оказались. Фрегат "Варна" и корвет "Мессемерия" держались еще на воде на якорях, но частым жжением фальшфееров извещали о близкой для них опасности. Немного спустя, сближение этих огней с берегом не оставляло никакого сомнения в том, что и 60-ти пушечный фрегат и 24-пушечный корвет сильно дрейфуют, и что им готовится одна участь с купеческими судами. После полуночи прибой выбросил на берег "Варну", а огни "Мессемерии" затерялись вдали - за Адлерским мысом. Спасшийся вплавь матрос известил, что и "Мессемерию" выбросило на берег за мысом, называемым Сочи-Бытх. Люди с купеческих судов все были спасены. Команды с фрегата и корвета спасти было гораздо труднее: им грозило море, их как добычу выслеживали горцы. Симборский направил отряды к тем местам, куда море выбросило "Варну" и "Мессемерию". Тяжкий путь предстоял этим спасательным отрядам, так как низменную часть берега заплескивали буруны, нагорная же часть представляла непроходимый лес и пересекалась оврагами. Черкесы были у цели раньше наших и успели захватить в плен 10 матросов с "Мессемерии"; к счастью, в это время подходила уже наша команда и находившиеся во главе, под командой штабс-капитана Багратиона Мухранского, милиционеры отбили у черкесов 4 человек. Рассветало. Морской прибой уменьшился. Наши принялись за устройство окопов. По мере того как работа подходила к концу, черкесы завязывали с нашими перестрелку все сильнее и нападения их с течением времени принимали характер все большей стремительности и упорства. Пахло грозным боем, и он грянул, и продолжался два часа. Дело доходило до атак в шашки. Черкесы заняли узкое пространство морского берега и нагорье. Наши отступили, выполнив, однако, свою задачу: почти весь экипаж "Мессемерии" был спасен.

Таким же геройским образом была спасена и команда фрегата "Варна".

Черкесы, ради обильной добычи, которая представлялась в фрегате и корвете, очертя голову, бросились в битву, немилосердно разили русских и падали сами сраженные русской пулей, русским ядром. Без всякого преувеличения писал генерал-майор Симборский в своем рапорте командиру отдельного кавказского корпуса генерал-лейтенанту и кавалеру Головину, от 2-го июля 1838 года: "Нельзя представить себе что-либо затруднительнее положения, в котором находился отряд с 30-го (мая) до полудня 31 мая. Считая в составе своем 6 батальонов пехоты, которые вместе с 450 челов. милиции не равнялись в совокупности наличным числом людей с одним комплектным пехотным полком, предстояла войскам этим необходимость на пространстве трех верст охранять в одно и тоже время на одном фланге лагерь с его госпиталем, огнестрельными и продовольственными материалами и возводимым укреплением; на другом - спасать экипаж корвета "Мессемерия"; в центре - экипажи фрегата "Варна" и купеческих судов с их грузом.

Но ежели воинская слава снискивается преодолением опасностей, самоотвержением всех и каждого, то в настоящем случае войска отряда покрылись ею все до единого, подвергаясь при спасении своих собратий с одной стороны - неизбежному урону от неприятеля, занимавшего многочисленными толпами вершину лесистого берега, с другой - быть поглощенными волнением моря и раздавленными в темноте множеством корабельных снастей, брусьев и других строительных материалов, сброшенных с судов во время их крушения, и выкидываемых бурунами на берег".

Так негостеприимно встретил русских кавказский берег Черного моря. Тягостно было и дальнейшее существование Александрийского гарнизона, которому пришлось разделить общую участь черноморского берега. "Не было на свете берега пустыннее кавказского, - писал Р.А.Фадеев, - населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый в блокаде нашими крейсерами, он казался с моря необитаемой землей: ни хижины, ни дымка на зеленом берегу, ни одного человека в голубых заливах. Только под ночь, когда разыграется буря или начнет стлаться туман, можно было иногда заметить на темном море очерк крадущейся под берегом кочермы. Если

она шла к земле, - на ней была военная контрабанда; если от земли - на ней были рабы. Никакое судно. занимающееся правильной торговлей, не смело приставать к этому краю. На море его встречали пушки наших крейсеров, на суше - винтовки и кинжалы горцев. Это был заколдованный берег, как в сказке, на который не дозволено ступать человеку."

Волю императора Николая Павловича (истребление ближайших аулов) исполнить было можно только отчасти. Дело в том, что не вновь возникшие укрепления (Вельяминовское - Туапсе, Свято-Духовское - Адлер, Гагры и др.) наводили страх на горцев, а горцы держали их в вечном страхе. По целым месяцам гарнизоны оставались отрезанными от всего и от всех, питаясь одной солониной да хлебом, крупою и картофелем.

Стоило выйти за стены укрепления, как меткая пуля горца из засады валила солдата. Плоховали неприятельские пули, - так губила болотная лихорадка. Трудно сказать даже, отчего более умирали люди. В береговые кавказские гарнизоны попадали большею частью проштрафившиеся солдаты, и редко кто из них преодолевал лихорадку и вообще оставался в живых.

Некоторое облегчение приносили гарнизонным беднягам крупные собаки, приученные открывать неприятеля, следить за его движениями и не подпускать к укреплению. Как был солдатский, так был и собачий паек. Четвероногие сторожа располагались каждую ночь вокруг укрепления и поднимали вовремя тревогу, почуяв горцев. Собаки так знали свою службу, что едва бывало, барабан ударит сбор, они тут как тут перед командой и бросаются в черкесские гайники, указывая стрелкам неприятеля. Разумеется, пули его летели и в собак, и раненых их солдаты приносили на шинелях в лазарет, где собак лечили не хуже, чем людей и заботливо за ними ухаживали.

Подстерегая неосторожных за чертою крепостных валов, горцы отваживались проникать и во внутрь укрепления, причем изобретали всевозможные способы. В летописи кавказского берега Черного моря, сохранился эпизод, похожий на приключения Одиссея на берегу Циклопов. Я говорю о том, как Одиссей, пронзив глаз Циклопа, пожравшему шестерых его спутников, хитростью спас себя и товарищей от его бешенства, а именно: гомеровский герой подвязав себя и других под баранами и рассказывает потом.

К выходу (из пещеры) все побежали
самцы, и козлы, и бараны...
Господин их (Циклоп), от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но глупый, он был
угадать неспособен,
Что у них под волнистой скрывается грудью...

Так, что же придумали горцы? (речь идет не о сочинском, а об адлерском укреплении). Однажды являются несколько горцев и сообщают по секрету, что они отбили у соседей стадо баранов, которых бы желали продать русским, но так как днем пригнать их нельзя, то они просят позволения пригнать ночью и пропустить в крепость. Комендант согласился на лакомую баранину, составлявшую, разумеется для гарнизона драгоценную редкость. Приняты были необходимые предосторожности, т.е. поставлено непременным условием число чабанов (пастухов) и проч., и у гарнизона заранее уже текли слюнки. Наступила темная ночь, послышалось блеяние и, наконец, стадо самым секретным образом стали впускать в отворенные крепостные ворота; все шло прекрасно, но лишь только бараны вошли, как из их среды поднялись люди, покрытые бараньими шкурами и прошедшие на четвереньках. Началась резня; мнимые бараны все были переколоты; крепость к счастью спаслась, потеряв, однако, значительную часть гарнизона. Вот с такими неприятелями приходилось нам иметь дело!

В 1839 году форт Александрия был переименован в «Навагинский!», что вызвало обидное чувство в генерале Симборском. В рапорте генералу от инфантерии Головину, от 17-го июня 1840 года, он, между прочим, ставил недоуменный вопрос: почему это сделано во имя полка: "который даже не был при высадке и сооружении форта его". От перемены названия житье-бытье сочинского гарнизона, разумеется не стало краше. Летом - лихорадки, зимою - цинга, скука, бездействие, отчужденность от всего мира, - все остальное по-прежнему и на более, чем десятилетие.

Но вот началась в 1853 году война с турками. За турок вступились французы, англичане, итальянцы. Союзный флот

появился у крымских берегов; это заставило снять гарнизоны, занимавшие укрепления на кавказском берегу Черного моря без малейшей пользы. Севастополь требовал сил, которые и были почерпнуты в лесистой, дикой, лихорадочной Черкессии. С 3-го по 5-е марта 1854 года происходило упразднение неудавшихся фортов на восточном берегу Черного моря. Туапсе, Адлер, Гагры, Анапа, Тамань, Новороссийск и так далее до Сочи включительно опустели. Навагинский гарнизон, как и прочие, появился в Новороссийске, откуда всех их послали на новые места.

Черкесы торжествовали. Опять они остались хозяевами мест... окружавших покинутый форт "Александрия". Время разрушало и разрушало его. Но на развалинах вырос впоследствии посад Даховский, который также был переименован в Сочи и Сочи стало "русским Канном", признанным иностранцами. История посада Даховского и посада Сочи - впереди.

Павел Россиев
Газ. "Новое слово", 1913 г., №8.

ПИСЬМО ВЛАДЕТЕЛЬНОГО КНЯЗЯ АБХАЗИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА М.ШЕРВАШИДЗЕ К ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ Н.Н.РАЕВСКОМУ, ОТ 27 ИЮНЯ 1839 ГОДА, ЗА № 89

Ваше Превосходительство!
Милостивый государь, Николай Николаевич!

На другой день после отъезда вашего превосходительства из укрепления Св.Духа, известный англичанин Белль, вместе с проживающим у убыхов турком Сулейман Оглы, прибыл в джигетское общество. Он узнал, что с горцами ведутся переговоры, и потому целью его приезда было помешать им. Желая, с моей стороны, воспользоваться этим случаем, чтобы привести в исполнение известное поручительство вашего превосходительства, я остался еще на несколько дней в

укреплении и всеми мерами убеждал князя Геч Эдирбея сдержать данное мне обещание, но когда в одной проволочке от нерешительности его протекло лишь время, то я приискал еще другого человека, крестьянина джигетского, известного по своей предприимчивости, и возложил на него то, что прежде на Эдирбея, не слагая и с этого последнего обязанности, которую он на себя принял. Впрочем для предосторожности и верного успеха, я не обнаружил Эдирбею того, что поручил крестьянину и обратно. Крестьянин этот обещал мне во что бы то ни стало исполнить обещанное в течение пятнадцати дней, полагая с 24 июня. За успех вполне ручаться не могу, но судя по предприимчивости и опытности в подобных делах нового лица, не отчаиваюсь, чтобы обещание его было несбыточное.

С другой стороны также, последнее время пребывания моего в укреплении Св.Духа я не проводил без действия, стараясь сколько возможно не допустить собравшихся горцев к взысканию штрафов с тех, кои имели сношения с нами и которые не выполняли заключенных условий, а равно расстроить союз джигетов с убыхами. В первом и весьма много успел, а последнем не имел удачи. Происки англичанина и Берзека-Хаджи сильно мне препятствовали; оба они подкрепляли свои убеждения полученными будто бы вновь письменными сведениями, что турецкий султан, египетский Магомет Али-паша и персидский шах объявили войну России, что войска последних соединились уже близ Эрзерума для совокупного действия и, наконец, что султанские войска не далее, как через два месяца непременно придут на вспомоществование горцам. Сочинители этих писем убеждают их не покоряться русским, но вместе с тем не препятствовать занимать берегов, ибо как они утверждают, турки обратно отнимут завоеванные нами пункты.

Всеми мерами я старался разузнать, кто сочиняет эти подложные письма и кроме того, что они присылаются из Турции, не получил другого о том сведения. Еще в бытность вашего превосходительства в Адлере получено известие, что одно из таких писем прислано турецким сераскиром к брату своему, вышеупомянутому Хасану Сулейман-Оглы, но когда сей последний прибыл к джигетам, то я узнал от него посредством знакомых, что это известие ложно, о чем не упустил объявить

между горцами, доказывая при том, что и прочие подобные же письма и слухи также ложны.

Присутствие мое в укреплении Св.Духа чрезвычайно не нравилось партии хаджи и англичанина; от них не могло укрыться, что у меня бывают многие горцы и что неудача их во взыскании штрафов происходит от убеждений моих. Не дождавшись выезда моего, собрание горцев и Белль отправились в другое джигетское общество Гечао[13], где также хотят взыскивать штрафы и где, как я надеюсь, они тоже ничего в этом не успеют, потому что Гечао последуют примеру аридлярцев[14] и потому что, кроме того, я и туда подослал таких, кои будут противиться сему. На другой день после отправления их, то есть 25 июня, я отплыл в Абхазию.

О чем имею честь донести до сведения вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга князь Михаил Шервашидзе.

Материалы собрал Е.Д.Фелицын

Газ. "Кубанские областные ведомости", 1889 г., №49.

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ Г.ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ОТ 16 МАРТА 1840 ГОДА ЗА № 2

Начальник 2 отделения вверенной мне Черноморской береговой линии, генерал-майор Ольшевский донес мне, что в октябре месяце прошлого года в укреплении Св.Духа приезжал владетель аула Лиаш, князь Арид Донигеа и объявил воинскому начальнику, что в первых числах октября англичанин Белль отправился с пленными и бумагами в Константинополь на контрабандной кочерме. Как и надобно было ожидать, Белль

уверял горцев, что едет для испрошения у султана войск в помощь им против русских.

Владетель Абхазии генерал-майор князь Шервашидзе объявил генерал-майору Ольшевскому, что еще не имеет обстоятельных сведений о бегстве Белля, а зная лично князя Арид Донегеа, мало ему доверяет. Я предписал начальнику 2 отделения узнать сколько вернее о выезде Белля.

Вследствие сего, рапортом от 20 ноября, за № 42, он донес мне, что по собранным достоверным сведениям, известие князя Арид Донигеа об отъезде Белля в Константинополь оказалось справедливым и что кочерма, возившая его, уже возвратилась, а куда высадила, неизвестно.

Белль в письмах своих убеждает горцев не покоряться русским и обнадеживает в помощи султана.

В последнее время я было совершенно потерял следы Белля. Зная, что голова его оценена и ежеминутно опасаясь измены горцев, Белль беспрестанно переменял место и распространял о пребывании своем самые противоречащие слухи. Надежда горцев на иностранную помощь весьма поколебалась, а как на этой надежде основан кредит Белля, то сей последний искал всеми мерами спастись бегством от грозившей ему опасности. Теперь ему это удалось и нет сомнения, что он уже более не возвратится.

Я не имею никакого известия о пребывании в горах никаких других иностранцев и полагаю, что теперь их там нет, - да и мало вероятности, чтобы кто-нибудь, узнав от Белля об опасности их положения у горцев, решился к ним ехать.

Между тем, у самих горцев усиливается несогласие. Хаджи-Берзек с большою партиею убыхов и шапсугов до 2000 человек ходил к джигетам для собрания положенного общею присягою штрафа с тех, которые имели с нами сношения. Владения князей Геча и Ареда, как менее сильные и ближайшие к убыхам, заплатили этот штраф. Но Хаджи-Берзек напрасно пробыл более месяца в сандрипшском владении князей Цумбаевых[15] и смежном с Абхазиею. Владетель Абхазии, генерал-майор князь Михаил Шервашидзе, зная важность сего обстоятельства, употребил чрез людей ему известных и преданных все средства, чтобы склонить жителей Сандрипша воспротивиться сему

взысканию. Это вполне удалось и таким образом. торжественная присяга, доселе свято исполнявшаяся между горцами, в первый раз открыто нарушена. Прибрежные джигеты, шапсуги, натухайцы более прежнего обнаруживают желание покориться, но в этом главное, до сих пор непреодолимое препятствие составляют убыхи и горные джигетские общества Аибга и Ахчипсоу. Глава этой враждебной партии - Хаджи-Берзек, старик богатый, предприимчивый и имеющий большое влияние в народе. Его аул в 10 верстах от укрепления Навагинского, на левом берегу реки Сочи. Доступ к нему удобен, но, к несчастию, Хаджи-Берзек весьма хорошо знает малочисленность прибрежных наших гарнизонов и совершенное неимение других войск для наступательных действий, даже самых ничтожных.

О всех сих обстоятельствах имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству во исполнение повеления от 2 июля 1839 года, за № 4009. Подписал генерал-лейтенант Н.Н.Раевский.

Материалы собрал Е.Д.Фелицын

Газ. "Кубанские областные ведомости",
1889 г., №50.

ДРЕВНИЙ ГЕНУЭЗСКИЙ ХРАМ В УКРЕПЛЕНИИ ДРАНДЫ [16]

Местоположение его и окрестностей чрезвычайно живописно. Это укрепленьице выстроено на горе; его окружают сады, посреди которых расположены две абхазские деревни, далее густой непроходимый лес, а за ним вдали синеет море. Если бы не убийственный климат Абхазии, если бы не жестокие лихорадки, то Дранды можно бы назвать раем; здесь вечное лето, множество плодов и цветов и всюду перед взорами открываются очаровательные виды. Ко всему этому, еще присоединяется генуэзский храм, находящийся в самом укреплении и сохранившийся превосходно. Невольно удивляемся прочности его кирпичных стен и сводов, на которых выросли и состарились фиговые и другие деревья, плющ обвил

его совершенно, но он стоит неразрушимо. Здание имеет в основании по 11 сажен в длине и ширину и 12,5 в вышину, построено точно также как и теперь строятся греческие церкви. Престол обращен на восток, а с западной, северной и южной сторон, большие двери. Алтарь был отделен шестью большими из белого мрамора колоннами, которых обломки лежат теперь в церкви и подле нее. Купол оснащен тридцати шестью готическими окнами большой величины; в них прежде были разноцветные и вызолоченные стекла, судя по множеству их обломков, находимых теперь между камнями, окружающими храм. Окна снаружи обделаны мрамором с рельефами и украшениями изящной работы. Внутренность храма была расписана альфреско картинами из св.истории и образами святых, частию до сих пор уцелевшими. Лучше прочих сохранился образ спасителя в куполе; образ архангела Михаила подле западных дверей; образ св.Нила на северной стороне и на южной; картина благовещения, где матерь божия изображена стоящею на коленях. Видны остатки еще многих других картин, но их трудно различать по многим стершимся и обвалившимся частям; краски вообще сохранились с удивительною свежестию.

Окрестные жители - абхазцы, не только христиане, магометане, но даже неисповедующие никакой религии (в Абхазии весьма много таких) имеют особенное уважение к этому храму и во всех важных случаях прибегают к нему. Особенно часто у дверей его зажигают восковые маленькие свечки, приносят в храм все найденное ими: подкову, гвоздь, камушек, ремешок, тряпочку и т.п.

Между овцами ближних отар показалась какая-то болезнь и для прекращения ее абхазцы принесли храму в жертву ягненка, зарезав его на пороге онаго. - Другой раз, женщина, кормившая грудью дитя, вдруг лишилась молока. Она пришла пред захождением солнца в храм, села посредине его и в продолжении получаса обливала груди свои водою из маленького кувшинчика, беспрестанно шепча какие-то слова. Впоследствии она сама выкормила ребенка.

С.Саблин.
Газ. "Кавказ", 1846 г., №8.

ИЗ ПОВЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА РОССИИ

Государь император, по ходатайству г.Наместника Кавказского о мерах, необходимых для пресечения тайных сношений контрабандистов по Абхазскому берегу Черного моря, в 10 день октября соизволил высочайше повелеть.

1).Сверх команд Азовского казачьего войска, ныне находящихся на восточном берегу Черного моря, для усиления крейсерства по берегам Мингрелии, Самурзакании и Абхазии, постоянно содержать еще три новые команды.

2).В каждой из сих трех новых команд имеет: офицера 1, урядника 1, приказного 1, канонира 1 и казаков 20.

3).Команды сии формировать и довольствовать на том самом основании, как формируются и довольствуются прочие команды Азовского войска, находящиеся в крейсерстве на восточном берегу Черного моря, - и

4).Команду Азовского войска, находящуюся теперь при Очамчирах в Абхазии, усилить 4-мя казаками, дабы они имели такой же состав, какой определен выше для формируемых вновь трех команд.

Газ. "Кавказ", 1848 г., №50

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ "В АБХАЗИИ"

В 6 верстах от деревни Анакуа.

В 1829 году Штаб Отдельного Кавказского корпуса препроводил в горную экспедицию образцы свинцовой руды, доставленной управляющим Имеретией, генерал-майором Гессе, отысканной близ истока реки Гумисты в 6 верстах от деревни Анакуа и в 15 верстах от Сухум-Кале. Руда эта, по испытании на тифлисском монетном дворе, оказалась состоящею из свинцового блеска с содержанием в пуде 23 1,5 фунта свинца и 3 золотников серебра. О прииске этом, нет в делах никаких более сведений, равно и того, чтобы он был кем-либо обследован.

Газ. "Кавказ", 1850 г., № 47

ИЗ СТАТЬИ "ГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА[17], ЖИВУЩИЕ ЗА КУБАНЬЮ"

Основываясь на различии языков, которыми говорят горцы, населяющие Закубанье и берег Черного моря, от устья Кубани вниз до Ингура, их можно разделить на три племени

1.Племя абазин, имеющее свой собственный коренной язык, ни с чем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря, от Ингура до р.Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой-речкой.

II.Племя черкес, говорящее несколькими наречиями коренного черкесского (кабардинского) языка, заселяет берег Черного моря, от р.Саше вверх до Анапы и все пространство земли между Кубанью и главным хребтом Кавказских гор.

III.Ногайские татары живут вдоль по Кубани; одноплеменные им карачаевцы занимают верховья реки Кубани и Тиберды, впадающей в первую; говорят они наречием языка татарского.

Кроме этих трех племен находится еще в горах народ имеющий свой собственный язык - это убыхи. Они занимают юго-западную покатость Кавказского хребта между реками Саше и Шахе.

Племена эти, различаясь языком, отчасти и верою, сходны между собой характером, образом жизни, одеждою и вооружением. Соседство турок или русских, степень самостоятельности, выгоды и невыгоды заселяемых ими земель и другие обстоятельства, хотя имели некоторое влияние на быт и на понятия разных горских племен, но не лишили их помянутого общего сходства.

Вера, господствующая между горцами, живущими за Кубанью и на берегу моря, магометанская. В Абхазии много новообращенных христиан. Следы христианства видны и у шапсуг. Часть же шапсуг, абазех и абазии идолопоклонники или не имеют никаких религиозных понятий.

Абазины и черкесы разделились на множество отдельных владений и обществ, частью связанных между собою узами родства и обоюдостию выгод, частью разделенных враждою.

1. Племени абазинского

а) Абхазцы повинуются владетелю из древнего рода Ач (Шервашидзе), занимают берег Черного моря, от р.Ингур до р.Бзыба. Самурзакань, присоединенная ныне к Мингрелии, составляла прежде один из 4-х округов Абхазии, от которой отделяется рекою Галидзгою. В 1808 году, еще Сефер-бей Шарвашидзе, сын Келеш-бея, с принятием христианской веры, отдал себя в подданство русских; после этого абхазцы несколько раз бунтовались, но были укрощаемы.

Жителей в Абхазии, не исключая Самурзакани, считают около 45 000 душ мужеского пола.

б) Садзы занимают берег Черного моря, от укр. Гагры до р.Саше. Они разделены на несколько обществ поселян, князей и дворян, не владеющих округами, в которых живут и которые носят название их фамилий. Князья и дворяне первенствуют между своими согражданами. Округов этих семь: Гечь, Цонтрапш, Ареда, Артгуадж или Эсхорша, Хамыш, Чужи и Чуа.

с) Саша на р.Саше или Соче, одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собою власть князя. Настоящий владетель Саше - Али Ахмет Облагу. Саша не суть чистые абазины - но они представляют смесь 3-х сопредельных племен: абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят. Садзев, вместе с сашею, полагают до 12 000 душ мужеского пола.

d) Цебельда, называемая черкесами Херпсе-куадж (аул Херпса), по имени родоначальника цебельдинцев Херпса Маршания, иногда и Цымпар. Живут цебельдинцы в местах недоступных на юго-западной покатости Кавказского хребта, по верховью Кодора. Часть их, вследствие семейного раздора между князьями Маршаниями, переселилась в место известное под названием Дал, неподалеку от прежнего своего жилья. В 1837 г. они изъявили покорность русскому правительству и приняли пристава. Владетели Абхазии считают цебельдинцев своими подданными, между тем, как ими никогда надлежащим образом не владели; напротив того, цебельдинцы часто вторгались в

Абхазию и производили в ней грабежи. Общей вражды между абхазцами и цебельдинцами не существовало: многие из них связаны родством. Жителей в Цебельде до 4 000 мужеского пола.

На юго-западной покатости хребта находится еще:

е) Псоу, между источниками Бзыба и Апсты, Айбага[18] у верховьев Псоу, Ачипсоу[19] у верховьев р. Медзилеты[20], Чугжуча[21] у верховьев р. Мцы. Четыре эти общества, известные у черкес, живущих на северной стороне гор, под общим названием медовеевцев, суть абхазцы, удалившиеся по разным причинам в неприступные места, сопредельные вечным снегам. Занимая места неудобовозделываемые, бедные пастбищами и произведениями земли, они нуждаются в хлебе, скоте и одежде. Только в селениях Ачипсоу и Чугжуча растут фруктовые деревья. Неприступность жилищ и крайняя бедность сделали медовеевцев хищниками, страшными своим соседям. С одноплеменными им абхазцами и садзами медовеевцы вступают в родство; иногда даже находятся с ними в дружеских сношениях, а иногда во вражде...

Медовеевцы не имеют никаких религиозных понятий; некоторые только из дворян исполняют обряды, предписываемые магометанскою верою, не заботясь о догматах веры.

Во всех 4-х селениях медовеевцев первенствует фамилия Маршаниев, разделившаяся на две линии, на Мос-ипов и Богор-Кан-ипов; первые живут в с.Псоу, последние в с.Айбоге, Ачипсоу и Чугжуче. Судя по местам, занимаемым медовеевцами, их нельзя полагать более 5 000 душ мужеского пола.

Абазинские общества, поселенные на северо-восточной покатости хребта:

f) Башилбаевцы живут у верховья Урупа. До 1834 года они враждовали с русскими, но в том году, вследствие набега, сделанного генералом Зассом, изъявили

покорность русскому правительству. Башилбаевцы признают над собою власть первостепенных узденей Маршаниевых* , прежде плативших дань бесленеевским князьям Кануковым, что ныне прекратилось. Жителей в Башилба 860 душ мужеского пола.

g) Там у верховьев Большой Лабы. Жители его, после набега, сделанного на них генералом Зассом, покорились. После этого они несколько раз отлагались, и вновь были приводимы в повиновение. Врожденная страсть к хищничеству и бедность, побуждающая их к воровству, делает весьма ненадежными обещания, даваемые ими нам в верности и преданности, после каждого наказания.

В Таме первенствуют уздени Заурумовы. Они магометанского вероисповедания: прочие же жители Тама дурно исполняют и наружные обряды, предписанные кораном. Тамовцы прежде платили дань кабардинским князьям, от чего теперь отказываются. Жителей в Таме 270 душ мужеского пола.

h) Кизылбеков аул, названный так по имени родоначальника его жителей - Кизылбека Маршания, находится за горою Ахмет, у верховья р.Андрюк. В 1834 г. кизылбековцы покорились, но после этого несколько раз отлагались. Сказанное на счет покорности о тамовцах можно применить и к кизылбековцам. В Кизылбековом ауле проживают три султана: кабардинский, шапсугский и султан Хапши, взимающий подать с его жителей. Жителей в ауле 220 душ мужеского пола.

i) Шегирей лежит у подошвы хребта Кавказских гор, над крутым и обрывистым берегом Малой Лабы...

В 1835 г. шегиреевцы добровольно изъявили покорность, потом отказались повиноваться, и после набега, сделанного

---

* *Маршании, равно и как абазинские фамилии Ловов, Дударуковых и Бабердов, суть княжеского происхождения. Переселившись с берега Черного моря на северную сторону Кавказских гор, они попали под власть князей черкесских, которые наложив на них подать, запретили им называться князьями. По изъявлении покорности русскому правительству, им присвоено достоинство первостепенных узденей.*

генералом Зассом, снова покорились. Шегиреевцы едва ли преданы корану, хотя и некоторые из дворян исполняют обряды, предписываемые Магометом. Дворянская фамилия Шюкуш, равно как и другие жители Шегирея платят дань беслинеевским князьям Шолоховым и Кануковым. Жителей в Шегирее 330 душ мужеского пола.

k) Баговцы живут в 3-х небольших селениях, расположенных по р.Ходзе, у лесистой подошвы горы Ашишбах. Они еще беднее шегиреевцев и, не имея лошадей, никогда не беспокоили Кубанскую кордонную линию. Первенствующие в Баге уздени Баг, данники бесленеевских князей Шолохов. Баговцы без положительных религиозных понятий. Их считают не более 300 душ мужеского пола.

l) Баракаевцы занимают в трех селениях утесистые берега р.Губс близ подошвы главного хребта Кавказских гор. Они богаче трех предыдущих обществ. Между ними есть смельчаки, которые нередко отправляются на воровство в наши пределы. Покорившись в 1835 г., в 1837 г. они отложились и поныне остаются непокорными. Трудная дорога и неприступность местоположения ограждают их от должного наказания за измену. Баракаевцы считаются данниками бесленеевских князей Шолохов, которым и платят подать. Признавая над собой власть первостепенных узденей Лях и Анчок, вступивших в родство с Даурами, одной из сильнейших абазехских фамилий, баракаевцы пользуются покровительством абазех. Часть жителей в Баракае исповедывает магометанскую веру. Число их простирается по предположению до 620 душ мужеского пола.

По несогласиям с соотечественниками три княжеские фамилии: Лови, Дударуковы и Биберды с узденями и дворянами, подвластными им выселились из Абхазии на северную сторону Кавказских гор и образовали три отдельные общества, от которых в настоящее время осталось только три селения.

m) Ловов аул на р.Куме по правую сторону Кубани. Общество это было многочисленно и богато, особенно табунами лошадей; но чума 1814 года, опустошившая Кавказ и уменьшившая число русских воинов на Кавказе, значительно убавила его народонаселение и богатство. Теперь в Ловом ауле считается до 980 душ мужеского пола совершенно нам покорных.

п) Дударуков аул, так же утративший прежнюю силу, поселен на левом берегу Кубани против Баталпашинской станицы. Жители его, которых считается до 870 душ мужеского пола, повинуются Дударуковым князьям, совершенно покорным русскому правительству. Жители аула Ловов и Дударукова суть ревностные магометане.

о) Бабердов аул существовал до 1829 г., когда в наказание за измену разорен русскими войсками. Часть жителей его отведена в плен, остальные погибли.

Между языком абхазским, которым говорят все абазины, живущие на южной стороне Кавказских гор и наречием, употребляемым абазинами, занимающими северный склон, есть небольшое различие.

Газ. "Кавказ", 1850 г., №94

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗ. "КАВКАЗ"

Убыхи, народ, славящийся между черкесами своим молодчеством и неустрашимостью занимают юго-восточную покатость Кавказского хребта между р.Саше и р.Шахе. По берегу моря, между устьями этих рек убыхи живут смешанно с шапсугами, составляя несколько отдельных обществ: Хизе, Уордане, Шлисткуадж и селения Зиеш, известные у соседей под названием Ардона. Дворянских фамилий у убыхов две: Дещен и Берзеки. Все дворяне ревностные магометане, между тем как часть народа продолжает поклоняться кресту. Убыхи говорят собственным языком, непохожим ни на одно из наречий языка абазинского или черкесского.

Народонаселение убых не простирается выше 5 или 6 000 душ мужеского пола.

Газ. "Кавказ", 1850 г., №98

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ГАЗ. "КАВКАЗ"

...Значительное скопище убыхов (до 3 тыс.человек) вознамерилось вторгнуться в Абхазию; начальник 3-го отделения береговой линии полковник Колюбакин, составив немедленно колонну из резервов в Абхазии расположенных, двинулся к угрожаемому пункту, ободряя и воодушевляя абхазцев к единодушной встрече неприятеля. 24 февраля убыхи спустились в ущелье Аури, в 12 верстах от Гамбор, но в тоже время были встречены абхазцами под начальством генерал-майора Кацо Маргани[22], поддержанными нашими войсками, после перестрелки, продолжавшейся несколько часов, неприятель, потерпев значительную потерю, обращен в бегство и прогнан в снеговые горы, где он много пострадал от стужи и снегов.

Между тем, получив сведения о сборе убыхов, вице-адмирал Серебряков посадил на пароход две роты, взятые из Новороссийска и Геленджика и поспешил к укреплению Навагинскому, где высадив эти роты присоединил к ним третью из гарнизона форта и направил их для разорения близлежащего аула Соча.

Майор Бибиков отлично выполнил возложенное на него поручение и предал аул пламени со всем имуществом жителей.

При этом мы имели 17 человек ранеными.

Газ. "Кавказ", отд."Известия с Кавказа", 1852 г., №19

СТАТЬЯ С.ЗВАНБА "ЗИМНИЕ ПОХОДЫ УБЫХОВ НА АБХАЗИЮ"[23]

Ежегодные походы убыхов на Абхазию заслуживают особенного внимания по многим обстоятельствам и в особенности по необыкновенным затруднениям с какими они совершаются. Земля, населенная убыхским племенем, мало способная к разведению хлебопашества, может однако же обеспечить продовольствием населяющее ее в настоящее время племя; но убыхи делают набеги на соседние племена и на Абхазию, не вследствие недостатка средств к

существованию, а из неугомонной страсти к приключениям и грабежу.

До 1824 года они делали набеги на Абхазию в каждое время года. В 1825 году партия убыхов, состоящая более чем из 1000 человек, под предводительством Сааткерея Адагва-ипа Берзека, предприняв поход в Абхазию в летнее время, при спуске на абхазские равнины, была замечена в горах пастухами. Предупрежденные абхазцы приняли меры предосторожности, дали партии спуститься с гор, заняли все горные проходы, чрез которые враги могли сделать отступление и уничтожили всю партию. Предводитель ее пал жертвою своего удальства. С тех пор убыхи делают на Абхазию набеги только в зимнее время, и постоянно делают их в следующем порядке.

Перед выступлением партии избирают предводителя. В это звание может попасть только человек известный уже своею храбростью. Происхождение тут не имеет никакого влияния. Избираемый человек должен быть человеком обстрелянным, который находился уже в нескольких походах простым воином, после начальником небольших партий от 10 до 30 человек и оказал примеры мужества и распорядительности. Кроме того, требуется от предводителя, чтобы он был крепкого телосложения, мог переносить голод и холод, и чтобы во всем служил примером для партии. Избранный пользуется во время похода безусловным повиновением, и каждый воин, без различия происхождения, переносит от него терпеливо брань и даже побои, за что в другое время тот же предводитель заплатил бы своею жизнью. Таково безусловное повиновение убыхов избранному вождю, тем более замечательно, что они по настоящее время не признают у себя никаких властей.

Новый предводитель назначает место для сбора. Выбирается обыкновенно какое-либо необитаемое ущелье, отстоящее не более как на один переход от последней деревни, лежащей на пути к той стране, куда намерена направиться партия. Сбор продолжается около двух недель. От похода никто не отказывается, исключая стариков и малолетних; партия должна заключать в себе от 800 до 3000 человек.

Желающие участвовать в походе должны иметь с собою необходимую одежду и съестные припасы. Одежда каждого

воина должна состоять из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар теплых носков, сшитых из войлока или горского сукна. Провизия состоит из следующих припасов: пшено (гомия), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. Такого рода провизии каждый человек может нести на себе месячную пропорцию и более. Кроме оружия каждый воин должен иметь с собою пару лыж. Для перевозки провизии и прочих тяжестей не берут ни лошадей, ни вьючного скота, а все, что необходимо в походе каждый воин несет на себе. От этого никто не освобождается, какого бы знатного происхождения он не был. Один только предводитель не несет провизии, потому что во время похода он по обстоятельствам должен перебегать от одного фланга партии к другому.

Когда кончится для сбора назначенный срок, то предводитель собирает воинов своей деревни или околотка и отправляется на сборное место. По получении о том известия, туда спешат тоже и все приготовившиеся к походу. Тут каждая деревня составляет отдельную часть. У всех прибывающих предводитель делает смотр провизии и платья. Горе тому, кто осмелиться прибыть без определенного количества провизии или одежды: его самым постыдным образом изгоняют из отряда.

Когда соберутся все, то предводитель проверяет число партии. Это делается двумя способами. Предводитель приказывает стать двум человекам друг против друга, взять палку одному за один конец, а другому за другой и приподнять ее выше головы, сам становится в стороне и приказывает всей партии проходить между этими двумя людьми, по мере того как воины проходят, он их считает. Эта поверка называется подпалочною. Другой способ поверки состоит в том, что предводитель приказывает прислать себе от каждой партии столько камушков или зерен кукурузы, сколько в части находится воинов, и сосчитав камушки или зерна, определяет число людей, поступивших под его начальство.

В собранной партии воины каждой деревни или околодка составляют особое отделение, которое называется отдельным огнем, по имени деревни или околодка. В таком отделении бывает от 10 до 100 человек и оно имеет своего старшину или начальника, который делает наряды и ведет очередь, кому из

воинов следует идти на стражу, на работы и т.п. В важных случаях он ходит к предводителю для совещания и за приказаниями; в обыкновенное же время посылает за приказанием каждый день по утру и в вечеру расторопных воинов. В каждом отделении назначаются кашевары и дровосеки. На обязанности их лежит приготовление пищи; дровосеки обязаны на ночлегах и дневках заготовлять дрова, строить шалаши, расчищать под них места, занесенные снегом, а так же расчищать по дороге встречающиеся снежные обвалы и другие препятствия, для этого они должны иметь топоры и лопаты. Впрочем при экстренных случаях, как например, когда встретится надобность навести мост, расчистить дорогу и т.п., то работают все без исключения. Собственной прислуги иметь никому не позволяется, но свойственное горцам уважение к людям пожилых лет, заставляет молодых прислуживать старикам, хотя бы те были гораздо ниже их происхождением.

Каждый воин имеет собственную провизию, но все одного огня едят вместе, и для того кашевары принимают ежедневно по ровной части провизию от каждого для приготовления пищи. Пища состоит из крутой каши, приготовленной из пшена, называемой паста или абыста, или супа с мясом и пшена, приправленного стручковым перцем. Суп этот есть самая необходимая пища для убыхов в зимних походах, она заменяет им водку, согревает и укрепляет их.

Расходовать провизию без ведома целого отделения строго воспрещается. Если кто-то по неопытности, или невоздержанности израсходует что-либо скрытно, то за это подвергается большому стыду и это считается предзнаменованием неудачи или какого-либо несчастья.

После поверки и осмотра партии предводитель назначает авангард и арьергард и на другой день убыхи выступают в поход. Со сборного места поднимаются к северо-востоку к снеговым горам, и дойдя до самого хребта, следуют по нем до того места, с которого можно уже спуститься на абхазские равнины.

В походе вся партия движется в две шеренги, т.е. по два человека рядом, плотно одна пара за другою. Переходить из назначенного места каждому строго воспрещается. Пока партия еще находится в своих пределах и не опасается внезапного

нападения, то авангард и арьергард не отделяется от главной силы. С вступлением же в места опасные, авангард и арьергард отходят от главной партии на полверсты и более, смотря по местности. Авангард высылает еще от себя вперед трех или четырех человек хорошо знающих местность. Люди эти, отойдя на некоторое расстояние, расходятся по обе стороны дороги, по которой должна следовать партия, осматривают овраги и леса и обо всем, что заметят дают знать авангарду, а тот с своей стороны, если сочтет нужным, уведомляет предводителя. Впрочем, если предвидится опасность, то предводитель всегда сам следует в авангарде.

Походы убыхов совершаются обыкновенно в январе или феврале месяцах. В это время ущелья в горах занесены снегом, по затвердевшей поверхности которого партия проходит без всякой опасности. Если же сделается оттепель или упадет свежий снег так обильно, что трудно по нем пройти, то пять или шесть рядов с правого фланга надевают лыжи, которых пару должен иметь каждый воин, идут вперед, протаптывают тропу и по ней движется вся партия.

Хотя партия следует по снежной и безлесной цепи гор, но ночлеги распределяются всегда в таких местах, где есть лес или кустарник, чтобы иметь огонь для варки пищи и для просушки промокшей во время дня обуви. Места ночлегов определяются еще до выступления партии в поход. По прибытии на место ночлега, если не предвидится опасности, все снимают с себя лишние тяжести и приступают к устройству шалашей, заготовлению дров, расчистке места и разведению огней. Шалаши устраивают всегда в виде четырехугольника, наподобие нашего каре, и наружную сторону оставляют открытою, чтобы в случае тревоги можно было без замешательства стать в ружья.

Если убыхи находятся в пределах враждебного им племени, или ежели по каким бы то ни было причинам, нужно принять воинскую предосторожность, то версты за три или четыре до места ночлега, они останавливаются и посылают из авангарда трех или четырех человек для осмотра местности, и когда посланные доставят сведение, что не имеется никакой опасности и следов неприятеля, то партия идет к месту, назначенному для ночлега. Авангард разделяется на несколько

пикетов и занимает все места, чрез которые мог бы пройти неприятель; партия же приступает немедленно к заготовлению всего, что нужно для ночлега, но арьергард останавливается от главной силы в таком расстоянии в каком следовал днем, и подобно авангарду, располагается на всех местах, чрез которые можно ожидать нападения врагов. Предводитель осматривает места, занятые авангардом и арьергардом, и не сменяет их другими людьми, пока не разведут в отряде огней и не устроят всего, что нужно для ночлега; когда все приготовления сделаны, то предводитель приступает к расчету сколько нужно людей для ночного караула, приказывает им первоначально переменить мокрую обувь , ведет сам на пикеты и в то же время спускает авангард и арьергард из занятых ими мест. Если мороз небольшой, то ночные караулы остаются без смены на целую ночь, в противном случае назначается две или три смены, но не более. Для ночлегов выбирают места неприступные, которых очень много в горах, поэтому в ночные караулы не много выходит людей. С рассветом партия снова выступает в поход.

Ежели погода благоприятствует, то партия никогда не делает дневок. Благоприятною же погодою считаются ясные бестуманные дни и крепкие морозы. Были примеры, что партия, застигнутая в половине дня метелью, не в состоянии будучи следовать вперед, ни возвратиться к прежнему ночлегу, должна была оставаться на месте и теряла много людей от стужи. Поэтому если до выступления из ночлега, заметят признаки непогоды, то остаются на месте несколько дней, иногда и несколько недель, до тех пор, пока не восстановится ведро. Таким образом, убыхи на переход в Абхазию употребляют от трех до пяти недель. Такая медленность в походе служит им в пользу: потому что абхазцы, хотя бывают всегда предупреждены о походе убыхов, но утомившись долгим ожиданием, полагают, что партия от непогод возвратилась обратно или взяла другое направление, пренебрегают предосторожностью и оставляют входы в свой край без надлежащих караулов.

Когда партия пройдет часть снежных абхазских гор и дойдет до места, где предполагает спуститься на абхазские равнины, то поворачивает направо к юго-востоку и, дойдя до самого перевала, где начинается лес, выбирает хорошую позицию в

расстоянии одного усиленного перехода от места, на которое хочет сделать нападение и располагается на ночлег. Если партия прибудет к месту перед вечером, то не располагается ночевать, а отдохнув немного и поужинав следует далее; если же прибудет поздно, что не в состоянии будет после отдыха прибыть на рассвете к селению, обреченному на грабеж, то останавливается ночевать и на другой уже день вечером выступает далее. Такой порядок соблюдается потому, что убыхи делают нападения только в ночное время, за полчаса до рассвета.

Перед самым рассветом предводитель делает расчет: всю партию делит на три части, первые две, в которые назначает самых отборных и опытных воинов - для нападения, в остальную часть отделяет людей старых, молодых и неопытных кашеваров и дровосеков, и из них составляет резерв, который подчиняется одному опытному воину и оставляет его на месте со всеми лишними тяжестями. Первые две части, назначенные для нападения, делит еще на три части, одну часть назначает в авангард, вторую для грабежа, а третью в арьергард. Тогда убыхи выступают и стараются прибыть на грабеж за полчаса до рассвета.

Ежели жители Абхазии предупреждены о нападении, то зовут соседей из ближайших деревень к себе на помощь и когда соберется значительное число вооруженных, то половина из них располагается скрытно в тех местах, по которым должны пройти убыхи, остальные же в ожидании неприятеля, помещаются в деревни, из которых выводят заблаговременно женщин, детей и стариков со всем домашним скарбом и прячут в безопасное место.

Партия хищников, двигаясь к предназначенной для грабежа деревне, выбирает обыкновенно самый тесный проход, чрез который караульные абхазцы пропускают ее свободно, не давая ни малейшего признака о своей там засаде. Когда же убыхи, подойдя к деревне, встретят там приготовленный отпор и убедятся, что абхазцы уже проведали о них, то поворачивают назад и попадают между двух огней. Таким образом партия бывает иногда разбита наголову.

Не лишним нахожу сказать здесь несколько слов о боевых качествах абхазцев и убыхов. Убыхи хорошо действуют массами в открытом поле, и в этом отношении имеют преимущество над

абхазцами; абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками, дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой сметливостью местоположением, и в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами.

Если абхазцы не проведали о прибытии партии, то она свободно спускается с гор, быстро проходит к деревне рядами в две шеренги, имея впереди авангард, в середине грабителей, а сзади арьергард. Подойдя к деревне авангард расходится вправо и налево, обходит беглым шагом деревню и останавливается, составив около деревни густую цепь. В то же время часть, назначенная для грабежа разделяется на две партии, по четыре и более человека, бросается в дома и захватив жителей врасплох, вяжет их, а в случае сопротивления убивает и забирает все, что попадется под руку.

Убыхи на месте грабежа остаются не более половины или трех четвертей часа. По данному предводителем сигналу, грабители оставляют деревню с пленными и всем, что успели захватить; арьергард, отступая, образует сплошную массу и составляет уже для отступления авангард, а часть его рассыпается по сторонам партии и прикрывает добычу. Бывший при нападении авангард теперь превращается в арьергард и удерживает натиск абхазцев, которые собираются наскоро при диком шуме грабежа. Но в такое короткое время абхазцы не могут собраться в значительном количестве и убыхи, отстреливаясь, отступают в порядке к своему резерву. Абхазцы в таких случаях зная, что убыхи не остаются долго на грабеже, торопясь как можно на помощь своим соотечественникам, не успевают даже надеть теплой обуви, и потому могут преследовать партию только до снежных гор, откуда возвращаются назад, подбирая по дороге убитых и раненых своих и неприятельских.

Когда убыхи увидят себя свободными от преследования абхазцев и дойдут до безопасного места, то предводитель их останавливает партию для кратковременного отдыха и заботится о снабжении пленных необходимою одеждою, потому что захваченные врасплох, во время сна, они бывают часто одеты более нежели легко. Каждый из убыхов дает им что-нибудь из своей одежды. Вообще они с пленными своими обращаются

очень человеколюбивы. Бывали примеры, что партия на обратном следовании, застигнутая вьюгой и метелью, останавливалась по несколько раз на одном месте, многие отмораживали себе ноги, но одежду выданную пленным назад не отбирали.

По прибытии на место ночлега партия занимает свои шалаши. Женщин отделяют особо, поручают надзору одного добросовестного старого воина и назначают ему в помощь караул. Такой порядок охранения пленниц продолжается на всех ночлегах во время следования партии обратно. Лекарь осматривает раненых и дает им возможное пособие, а предводитель назначает людей к носилкам раненых и убитых. От этой обязанности никто не увиливает, напротив, считает для себя священным долгом. На другой день партия выступает в таком же порядке, как следовала в Абхазию и на ночлеги останавливается в тех местах, на которых останавливалась при движении на грабеж.

По прибытии на свое первое сборное место, всех пленных и добычу оставляют в отдельном месте. Из среды партии выходит старый воин и произносит краткую молитву следующего содержания: "Боже великий! Благодарим тебя за дарованную нам победу и за хорошую добычу, и вперед просим твоего покровительства" и т.п. По окончании этой молитвы приступают к разделу добычи и совершившему молитву выдается из добычи одна из лучших вещей. Предводитель, по обычному своему праву, выбирает для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи. Остальная же часть добычи, за исключением людей, делится по ровной части между участвовавшими в походе, исключая однако ж кашеваров и дровосеков. На каждого убитого и взятого в плен назначают добычу вдвое более против прочих, в пользу их родственников. Лишняя часть добычи полагается на поминки по убитым, а для взятых в плен, на их выкуп. Обыкновенно пленных абхазцев никогда не бывает столько, чтобы они могли быть разделены поровну между участвовавшими в походе, до для раздела их, делят партию на столько частей, сколько имеется пленных и каждая часть получает по одному абхазцу. Впоследствии пленных продают и выручку за них делят между собою.

По окончании раздела добычи, партия выступает из сборного места и расходится по домам. Подходя к своим деревням они поют победные песни, стреляют из ружей и пистолетов и тем дают знать своим родным и знакомым о благополучном окончании похода. Об убитых и взятых в плен извещают родственникам следующим оригинальным образом: один из участвовавших в походе приближается к сакле убитого или взятого в плен, становится на возвышенном месте. вызывает одного из его семейства и спрашивает: - "Возвратился ли из похода такой-то?" Это значит, что названный воин не возвратился, что не возвратится он никогда, что в чужой земле посмеются и поругаются над его телом враги .. и тогда в семействе убитого убыха начинаются плач и громкие рыдания, словно на похоронах.

г. Сухум-Кале
Газ. "Кавказ", 1852 г., №33

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЦЕБЕЛЬДЫ

Экспедиция, предпринятая в августе 1851 года начальником черноморской береговой линии, г. вице-адмиралом Серебряковым для обзора местности, с целью проложить вьючную дорогу чрез Цебельду и главный хребет на кавказскую линию, следовала из Сухум-кале до устья р.Маджара, потом вверх по течению этой реки к укреплению Мрамбы, находящемуся в черте Цебельды, и оттуда, дойдя до устья р.Амткял, вверх по рекам Кадор, Ахалты, Марухи чрез главный хребет до Николаевского поста на р.Кубани и наконец по течению этой реки в Черноморию.

Прежде всего я представлю беглый очерк в орфографическом отношении Цебельды страны вовсе необследованной и заслуживающей особенного внимания по своему топографическому положению, с которым находятся в зависимости и самые геогностические наблюдения

Цебельда расположена на юго-западном скате главного хребта, вдаваясь мысом в абхазское владение, и представляет очертанием своих границ вид трех-угольника, в котором нижнее основание составляет кряж гор, идущих на южной границе с Абхазиею и вольною Сванетиею; боками своими прилегает с одной стороны к главному хребту, отделяющему с с в. от земли карачаевцев, и беглых кабардинцев, и с другой к западной ветви кряжа Амткял, составляющей левый берег р.Келасур, на западной границе с Абхазиею. Кряж Амткял при соединении с главным хребтом разделяет Цебельду от Псху с с в. стороны. Нагорный скат этой страны представляет систему отрогов главного хребта, идущих в разных направлениях и многими ветвями к юго-западу, мысу Цебельды; по направлению их возвышаются ряды гор с остроконечными вершинами, которые с приближением к главному хребту достигают линии вечных снегов. Эти громадные высоты поднимаются около верховьев рек, орошающих Цебельду, составляя пояс к главному хребту по направлению кряжей: Амткял, ветвеобразно идущего с севера на юг, и кряжа на южной границе Цебельды с вольной Сванетией. Кряж Амткял служит как бы пределом наибольшей возвышенности этого края. Горные ветви его, простираясь к юго-западу, представляют уступ гор отвесных с плоскими вершинами, местами приподнятых конусообразными горами меньшей высоты, а западная ветвь кряжа Амткял, продолжаясь к юго-западной границе Цебельды, составляет край этой возвышенности рядом гор Чижоуш, Агыш и Апианче. Все горные отроги и выступающие над ними высоты прорезаны продольными и поперечными ущельями; только отлогая покатость трех упомянутых выше гор к стороне Цебельды образует небольшие возвышенные вершины. По другую сторону этих гор: Чижоуш, Агыш и Апианче местность сильно понижается и самые отклоны их, обращенные к стороне Черного моря, довольно круты.

На глубине ущелий текут с стремительностью нагорные воды, и быстрое их течение убеждает в значительном склоне этого края к юго-западу. Снеговые вершины главного хребта и ближайших к нему отрогов служат источникам этих вод, многими ручейками и потоками, которые протекая по нагорному склону

Цебельды, опоясанному с трех сторон горами и высоко поднятому по средине кряжем Амткяла, сливаются в три глубокие долины: Чхалту, Амткял и Кодор. Из них две первые идут по обе стороны кряжа Амткял от севера к югу к долине Кодор, которая почти параллельна южной границе Цебельды, и составляет общий водоем всей этой страны.

Река Кодор образуется от слияния речек Секен, Клыч и Хыцкора, вытекающих из главного хребта на восточной границе с Карачаем; направляясь сначала на юго-запад и потом с небольшими изменениями к западу, отделяясь узкою полосою Дал и Секен от прочей части Цебельды. Усиленная на своем пути, кроме Чхалты и Амткял, множеством речек и ручейков, поворачивает к югу, в пределы Абхазии, где изливается широким руслом в Черное море, на расстоянии около 170 верст от истока.

От средины протяжения ее в Цебельде восстает долина р.Чхалты к северной оконечности трех-угольного очертания этой страны и разделяет кряж Амткял от гор, примыкающих к главному хребту. Снеговые воды упомянутых выше хребтов вливаются в эту долину двумя речками Марухою и Аденге; они бегут с стремительностью горного потока сначала на юго-восток, потом на юг, и приняв в себя ручейки, сбегающие с гор, впадают в реку Кодор, на протяжении около 100 верст от своего начала.

* * *

Кряж Амткял своим разветвлением образует реку того же имени, которая составляется из речек Большого и Малого Амткелей и Сочхи и впадают в Кодор при повороте его к югу.

При соединении кряжа Амткял с хребтом, идущим от востока к западу к укреплению Гагры, берет начало р.Келасур, которая протекает в верхних частях на границе Цебельды, далее продолжает течь чрез Абхазское владение, в прямом почти направлении с северо-востока на юго-запад и изливается в Черное море около 7 верст от Сухум-кале.

Между реками Келасур и Кодор впадает в Черное море р.Маджара; она вытекает на юго-западном выступе Цебельдинской возвышенности двумя потоками из гор Пырцха

и Авшепеда, прорезывает ими глубокие ущелья между горами Апианче, Агыш и Чижоуш и одним руслом течет в Абхазии по долине, местами окаймленной небольшими возвышенностями.

Все реки Цебельды - широки, быстры, с крутыми и отвесными боками, достигающими до 250 саж.высоты и по руслу их раскиданы огромные глыбы камней, которые округлены и, по-видимому, во время весеннего разлива, переносятся с места на место. Но крутизна этих боков не везде одинакова. Реки Кодор и Чхалта, изгибаясь к левому берегу, представляют с этой стороны большею частию скалы, отвесно восстающие над руслом; между тем круто падающие отклоны правого берега местами выдаются мысами, оканчивающиеся обрывами и с промежутками продольных небольших лощин по долинам этих рек. После поворота р.Кодор к югу, правый берег ее становится утесистым, а левый берег более отлогим.

По окраинам этих выступов и по карнизам скал пролегает тропинка на высоте более 100 сажен над руслом реки, - почти единственный путь в этом диком крае; переход по ней весьма затруднителен от беспрестанных подъемов и спусков чрез крутые овраги речек и ручейков, и местами едва возможен для одних пешеходов в лучшее время года, в самую благоприятнейшую погоду. Часто тропинка исчезает на крутизне отклонов гор, и только с помощью проводников-туземцев и устроенных ими бревенчатых узких мостиков можно продолжать путь. Но по местам непроходимых для других, цебельдинцы ходят легко, без устали, более 40 верст в день, неся на себе огромные вьюки и со свойственною ими ловкостию, проводят лошадей. К числу замечательных мостов принадлежит один из них, устроенный туземцами, чрез реку Чхалта при ее устье. Продольные брусья его одними концами упираются в землю и поддерживаются на двух сваях, связанных перекладиной, а другими концами находятся на весу. К висячим концам брусьев, как с того, так и с другого берега привязаны виноградными лозами другие продольные брусья, более тонкие, которые уже перехвачены на средине реки короткими брусками. На укрепленных концах первых брусьев, для большей стойкости, навалены еще огромнейшие камни, на всех продольных брусьях положена плетневая настилка. Этот качающийся мост около 20

сажен длиною, менее сажени шириною и висит более 2 сажен над рекою. Другие мостики утверждены на деревьях, растущих на крутых боках ущелья.

Вообще страна эта мало доступна, дика и мало обитаема; небольшое население ее заключено по берегам речек Сохчи и Малого Амткела и в нагорных равнинах Марамбы, на юго-западной оконечности Цебельды; также местами по реке Кодор и в нижней части долины Чхалты, верст на 20 от устья, где цебельдинцы скрываются в чаще леса и нередко на высотах, казавшихся неприступными человеку, так что одни огоньки, при вечерней темноте, свидетельствуют о приюте там обитателей этого края.

Жители здесь пользуются вообще умеренным и здоровым климатом, потому что нагорная местность этой страны защищена от влияния с одной стороны, холодных ветров севера, а с другой, от влажных ветров Черного моря. Но от различной степени возвышения почвы и расположения самих гор, климат изменяется внутри страны. На юго-западных нагорных равнинах освежаемых ветром. воздух сух, нет резких перемен в температуре дня и ночи. Благотворное действие этого климата оказывается на команде укрепления Марамбы, построенного правительством на этих равнинах. Далее к северо-востоку, по долинам, заключенным в тесных пространствах между горами, от близости снеговых гор, воздух более влажен и переходы от теплой температуры к холодной и сырой и обратно, после восхода и заката солнца, довольно быстры.

Состояние климата определяет степень и род растительности в этом крае. Марамбинские равнины почти безлесны и только окружающие их горы до реки Амткял включительно покрыты изреженным лесом, на который кроме климата имеет влияние вероятно также и известковый грунт земли. Вверх по долине реки Кодор, от поворота ее к югу, начинается густой лес и самых больших размеров достигает от устья реки Чхалты до ее верховьев. Лес приморских частей Абхазии, свойственных южному климату, составляет в этом крае переход к северному лесу, идя вверх по течению рек и, преимущественно здесь встречаются дуб, бук обыкновенный, ива, тополь, высокий клен, липа, сосна, ель и осина. Кроме того, в лесах по долинам рек,

закрытых от ветров, растут в диком состоянии: гранатовое дерево, грецкий орех, виноград, груша, персиковое и фиговое деревья. По долине Кодор часто заметно сближение южных плодоносных дерев с лесом северного климата и в особенности ближе к устью Чхалты, где в глубоких местах, стороны обращенной к югу, растут: виноград, фиговое дерево, персики, а на противоположной стороне широкую полосу при вершине крутой стены занимает сосна, ель и бук. От устья же Чхалты, вверх по течению ее, высокий лес из сосны, ели и бука покрывает всю эту широкую, мрачную долину, и линия этой растительности, из-за которой более и более обнажаются вершины гор, по мере приближения к главному хребту, оканчивается у его подножия, где разбросаны группы менее высоких деревьев елового леса, изредка березы и рябины.

Почва и климат благоприятствуют хлебопашеству, и посеянная туземцами кукуруза и просо вознаграждают труды их с избытком; но здесь заметно только несколько возделанных площадок и много земли, удобной для хлебопашества, остается еще необработанною.

Наконец, Цебельда заслуживает внимания археологов развалинами древних укреплений, которые расположены были на возвышенных пунктах над реками Кодор и Маджары, в окрестностях Марамбы и при устье Чхалты, на верху высокого мыса над долиною Кодор; кроме того есть следы дорог, высеченных местами в скалах.

* * *

Окончив все трудные переходы по гористой стране Цебельды и чрез главный хребет, составляющий ее северный предел, после семидневного пути из Сухум-кале, я представляю общий взгляд на пройденное пространство.

Сравнивая обширное расстояние от Сухум-кале до главного хребта с числом естественных обнажений, можно сказать, что их весьма немного. Горы большею частью разрушены и покрыты растительностью, землею и лесом, или представляют скалы мало доступные, при наглядном обзоре, весьма затруднитель-

ными переходами около них. Местами только на отклонах гор проглядывают сквозь зелень небольшие обнажения, но и те, при малом их числе и различном падении платов, не указывают последовательности горных пород. Принимая во внимание все эти препятствия для наблюдения, также трудности пути и быстрое следование партии, я должен был естественно ограничиться только одним перечнем замеченных горных пород. Составленный мною перечень по крайней мере послужит предварительным сведением о стране Цебельде и хотя некоторым основанием для последующих исследований. Краткий же очерк собранных мною замечаний о горных породах может быть выражен в следующих словах:

На пути из Сухума до Цебельды, как упомянуто выше, обнаруживаются только пески с гальками, которые ясно выказывают образование их в позднейшее время.

Рассматривая все осадочные породы, в общем составе Цебельды, видно, что каменноугольные и глинистые песчаники и глинистые породы разных видоизменений принимают большое участие в геогностическом строении этого края, а известняки составляют отдельное образование на юго-западной оконечности, и только подчиненными пластами входят в состав почвы внутри страны.

Из органических остатков я нашел раковины в литографическом камне, из рода Yn cerasmus весьма характеристическую для меловой формации, к которой и могут быть отнесены с некоторой вероятностью известняки с рухляками от урочища Коначхер до горы Апианче. Но внутри страны я не встречал окаменелостей, по которым можно было бы определить удовлетворительно относительную древность этих пород.

Сличая минералогические признаки мало измененных пород, местонахождение и самое належание их, видно, что рухляки с известняками новее других пород; ниже следуют сланцеватые глины с глинистыми песчаниками и рухляками; наконец, глинистый сланец, переслаивающийся также с каменноугольными и глинистыми песчаниками и плотными известняками, составляет нижние пласты этой почвы и появляется даже на отклоне главного хребта небольшим слоем.

Соответственно перемежаемости осадочных горных пород и степени влияния огненных, при восстании главного хребта и его отрогов, образовались столь разнообразные метаморфические породы (кремнистый, слюдяной и скварценый сланцы, кварцит, мрамор и др.), что составляют беспрерывный переход из одних в другие, и определение их легко может быть достигнуто, когда будет видна связь между ними.

Огненные породы (сиегнит, протогнит, диорит разных видоизменений, афанит, пироксеновый порфир, кварц и др.) не вышли на поверхность, а прикрылись метаморфическими сланцами; и потому, около главного хребта, где действие их было в наибольшей степени, находится в весьма большом развитии метаморфической породы. Самый наружный вид этих скалистых громад доказывает, что образованием плоских вершин он обязан наклонным пластам сланцев. Огненные же породы обнаруживаются на боках главного хребта и ближайших к нему гор, а с удалением от хребта идут по наклонной линии в основании его отрогов.

Кроме общего поднятия от главного хребта пласты горных пород расположились по отклонениям отдельно возрастающих гор, по направлению его отрогов. Наружное очертание этих гор резко отличается от главного хребта, и образованию острых беловатых вершин могли способствовать метаморфизированные известняки, распространенные в этой почве, а те слюдяные сланцы, которые находятся на вершине хребта и примыкающих к нему отрогов, встречаются здесь при основании. По мере удаления от главной оси поднятия, высота гор уменьшается, вершины их принимают менее острый вид и при основании слюдяной сланец делается глинистым сланцем, а далее глинистыми песчаниками и рухляками.

В заключении об этом крае, я должен упомянуть о присутствии здесь железных и свинцовых руд и каменного угля. По сведениям, сообщенным мне, железные руды находятся по р.Кодор, выше устья р.Чхалты, в урочище Демщышь и на р.Чхалте, около минеральных источников; свинцовые руды - в горах Имшия, близ р.Малого Амткяла, против урочища Лат; каменный уголь - на реке Марамба-ду, впадающей с левой стороны в р.Кодор, против устья Чхалты. Присутствие этих минералов подтверждается признаками сопутствующих им пород.

Теперь обращусь к северной покатости главного хребта, по которой мы следовали под прикрытием отряда генерал-майора князя Эристова по речке Северной Марухи и чрез речку Больш, Зеленчук до Кубани.

Эта сторона была менее подвержена геологическим переворотам и менее лесиста. Горы более или менее пологие, редко высокие, окружены широкими нагорными равнинами, перерезанными оврагами, и только один отрог, идущий непрерывной стеной к северу, и берега верховьев рек служат здесь представителями скалистых гор. Лес показывается здесь небольшими площадями, и преимущественно в оврагах и на низменности реки Зеленчук, а с приближением к р.Кубани вовсе прекращается. Хотя эта местность допускает более удобств по топографическому положению для исследования ее, но естественных обнажений здесь еще менее, и те большею частию или в круглых и глубоких обрывах, или на высоких упомянутых выше скалах и весьма редко на склонах гор. Остальное же пространство, как и самые горы, большей частью удлиненные с плоскими или округленными вершинами, покрыты сплошь растительною землею.

При следовании от главного хребта по направлению северного его отрога, я видел продолжение того же пласта кварца желтоватого цвета, обломки которого встречаются на всем его протяжении по долинам. На расстоянии около 15 верст от Марухского перевала и в стороне от нашего пути я заметил у опушки леса огромную глыбу конгломерата. Отбитые мною три куска оказались: белый кварц и сланцы кварцевый и слюдяной; те же породы, которые лежат на главном хребте. Судя по положению его, должен принадлежать к вершине этого отрога. Далее, отрог при вершине разрезан глубокой и узкой седловиной, и на продолжении его является красная полоса значительной ширины. Тот же пласт виден на обрывах р.Зеленчук и, перейдя ее, в малых отрогах, которые идут к стороне Кубани, постепенно сливаясь с равнинами. Находимые мною подобные куски, рассеянные по окрестным равнинам, состояли из глинистого железняка, который от влияния метаморфизма принял сланцеватое сложение, темно-красный цвет и проникнут

чешуйками и блестками слюды. На отклонах гор местами обнаруживаются: сланцеватая глина, глинистый сланец, мелкозернистый каменноугольный песчаник буро-желтого цвета; те же самые породы, которые входят в состав почвы Цебельды. Из огненных пород находил обломки сиенита, протогина и диоритного сланца.

После двух дней езды, на пространстве 150 верст, достигли берегов Кубани, к Николаевскому посту, который находится в 20 верстах ниже по течению реки от Хумаранского укрепления. Берега Кубани довольно возвышенны, круты и окружающие их степные возвышенности прорезаны оврагами.

В оврагах около Николаевского поста и далее по течению реки, в отклонах небольших гор и холмов правой стороны Кубани, видно обнажение пород с небольшим падением к северу. Породы эти состоят из каменноугольных песчаников желтого и светло-серого цветов, с прослойкой глинистого железняка светло-красноватого цвета, которые переслаиваются с сланцеватыми глинами зеленого и темно-серого цветов, местами окрашенных железной охрой. Между ними я заметил также толстый пласт конгломератового песчаника и наконец еще слой глинистого железняка на белом известняке.

На возвышенной равнине левой стороны Кубани против Николаевского поста выдвинут отвесными стенами отрог гор с плоскою вершиною, который как бы отрезан от своего начала. Он идет по направлению р.Кубани и постепенно приближаясь к ней, заметно понижается вдоль ее левого берега к с. Сличая обломки, найденного мною на некотором расстоянии от этого отрога, с породами правой стороны Кубани, можно заключить, что он представляет полный разрез этой части почвы. Все пласты с падением, а вместе с понижением отрога гор на левой стороне Кубани, весьма заметно утончаются, и мощные пласты его глинистого железняка и белого известняка, которые весьма резко очерчиваются своим наружным видом, выходят на правый берег около 20 верст ниже Николаевского поста в виде слоев в овраге возвышенного берега реки. Подобный же пласт железной руды, с лежащей под ним белою массою, заметен был в дальних горах на юго-западе Цебельды.

Тождество осадочных пород на обоих отклонах главного хребта и видимая связь их с породами Кубани могут привести к мысли о сходстве о геогностическом строении всего пространства от р.Амткял до берегов Кубани на 40 верст ниже Хумары.

Газ. "Кавказ", 1852 г., №№39, 40, 43

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ГАЗЕТЫ "КАВКАЗ"

Абхазские абреки Маршани, поселяясь на ур. Цум-Кур, в мало доступном месте, близ снежных гор, надеялись тревожить Абхазию своими набегами.

Исправляющий должность начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, желая предупредить эти замыслы, направил 23 июля, разными путями, две роты пехоты при одном орудии и до 500 человек милиции - на притон хищников, которые при появлении наших войск бежали ... за главный хребет, оставив в наших руках 2-х пленных и все свое имущество. Истребив сакли, отряд возвратился благополучно 25 числа в Сухум.

С таким же успехом был остановлен побег в горы нескольких цебельдинских князей распорядительностию пристава сего народа и усердною деятельностью капитана князя Баталбея Маршани.

Газ. "Кавказ", 1852 г., №57

ИЗ СТАТЬИ Г.С.[24] "ВОЗВРАЩЕНИЕ"

Вам, мои далекие петербургские приятели, вам, с которыми я когда-то делил озабоченную праздность светской жизни, хочу рассказать я, в виде отрывка из кавказского быта, одиссею моего настоящего возвращения в Тифлис. Вы знаете, или как следует приятелям, вы, вероятно, не знаете, что судьба отдалила меня нынешней осенью из столицы Грузии, что я побывал в Сунже,

где поклонился праху Слепцова, и в Малой Чечне, и даже, прошу заметить в Большой Чечне; видел вблизи боевую кавказскую жизнь, потом побывал на правом фланге, и в Черномории, и в Крыму; потом видел Черноморскую береговую линию, познакомился с натухайцами и шапсугами, слышал их гиканье и выстрелы, смотрел на Пицундский обновленный храм и наконец прибыл в Сухум-кале, где уже начал серьезно помышлять об обратном следовании к Тифлису.

Все это я надеюсь пересказать вам на досуге, греясь у камина, или когда-нибудь, в столбцах этой же газеты; но теперь я хочу представить вам только образчик здешних путешествий, я расскажу вам - как из Сухума я прибыл в Тифлис.

Во-первых, надо знать, что Кавказский край капризен в своих вечных противоречиях, то Черное море, не желая уступить в этом твердой земле с своей стороны, не менее капризно и своевольно до бесконечности. Так например, на Восточном берегу, положим вы приближаетесь к пристани. Пристань, как известно, есть место, где можно пристать, то есть, конец плаванию, конец морской болезни, конец томительному ожиданию. При виде пристани, вы по привычке думаете отдохнуть. Вы расправляете ноги, вы ободряетесь духом: не тут-то было... Подует какой-нибудь зюйд-вейст и вы не только не пристаете к берегу, но напротив того, вы удаляетесь, вы бежите от берега, как от чумы. Там страшный прибой угрожает вам неминуемой гибелью, и вы ищете спасенья посреди другой опасности, посреди самой бури...

Пристань Сухум-кальская удобнее всех. Небольшой ее залив защищен от главных господствующих на Черном море ветров. Судно может приютиться тут от непогоды и выгрузить свой товар во всякое время года. Но тут встречаются новые затруднения: таков уж Кавказ. С одной стороны он манит, с другой отталкивает. От Сухума до Редута предстоит сухопутная дорога, вся перерезанная реками и речками, требующими 42 мостов. Очевидно, что устройство правильного сообщения сопряжено тут с большими издержками и затруднениями в крае, населенным мирными, но не совсем приветливыми абхазцами, на самой родине лихорадок, на почве болотистой. Не видевшему края странно покажется, что необходимо учредить дорогу на твердой

земле между двумя портами. Но человек, привыкший к упрямству кавказской природы, с любопытством всматривается в титановскую борьбу труда с местностью, смотрит кто-кого переупрямит и, предугадывая будущее, терпеливо переносит лишения настоящего.

Я приехал в Сухум 24 октября после путешествия, которое было похоже на подвижной праздник, в котором Кавказ угощал своего начальника всем своим богатством - и неограниченной преданностью, и задушевным веселием и азиатской оригинальностью, и европейской роскошью, и чудной природой и даже войной и страхом, внушаемым русским оружием. Наглядевшись на кавказские чудеса, я спешил домой и отправился с двумя товарищами из Сухума в Поти на пароходе. Плавание предстояло нам часов 7 или 8. В Поти мы думали сойти на берег, там нанять верховых лошадей до Марани, проехать таким образом по левому бесприточному берегу Риона, потом начинающейся уже в Марани почтовой дорогой доехать на другой день до Кутаиса и через три дня очутиться в Тифлисе. Но человек предполагает, а море располагает. Пароход "Эльбрус", на котором мы находились, снялся с якоря 25-го в ночь. Погода стояла тихая, только небо заволокла тучами. Пароход тихо скользил вдоль каймы берега. Все улеглись спать и общее безмолвие прерывалось лишь мерным звоном часовых склянок. Не знаю долго ли мы спали, только пробуждение было самое неприятное. Пароход страшно качался и все снасти трещали от внезапных сотрясений. Стулья плясали и падали, посуда звенела, двери хлопали, ветер выл с ожесточением, со всех сторон слышались стенания больных. Осенняя буря разыгрывалась в полной силе. Между тем стало светло, покрапывал изредка дождь. Свинцовое небо не предвещало перемены к лучшему. Мы бросили якорь. Кто мог выполз на палубу. Мы стояли перед самым Редут-кале не более как в 2-х верстах от берега. В сизом тумане виднелись издали черные крыши, перед нами тоже на якоре качался другой пароход "Тамань". Одна отважная фелука подъехала к нам. Два смельчака бросились в нее. Мы видели как она то исчезала, то качалась на вершине волны. Вот она приблизилась к устью Хопи, к подводному завалу. Все притаили дыхание. На берегу толпился народ. Сильный порыв ветра, сильный натиск волны и гибель

неминуема. Вдруг раздался крик. Фелуку перевернуло. Но слава Богу, седоки отважно прыгнули в море, удержались на мели, с берега подоспели к ним на помощь, не дали им захлебнуться и на веревках втащили на твердую землю. Мы взглянули друг на друга и уже решили прибегнуть к этому, не совсем удобному способу причаливания, но погода становилась все хуже, зыбь все сильнее, фелука не осмеливалась выйти во второй раз в море, и наш добрый, заботливый капитан решительно объявил, что никого не пустит. Часа через два мы снова снялись и пошли далее в Поти. Тут буря сделалась еще свирепее. Волны с бешенством ударяли в борт, нагибая пароход на бок, то перескакивали через палубу, обдавая холодными струями больных, не нашедших места в каютах. Скоро мы бросили якорь перед Поти, но о том чтоб выйти на берег и помысла уже не могло быть. Небо становилось все пасмурнее, ветер казалось еще усиливался. Страшный голос бури, как дух каратель, носился и завывал по всему Черному морю. Между тем вечерело; наступила мучительная ночь. Силы наши истощились, стенания замолкли, никто не спал и не бодрствовал. Тяжелое утомление овладевало всеми, кроме морских офицеров и матросов, которые привыкнув к подобным праздникам, хладнокровно распоряжались, по обязанностям своей службы. В полночь капитан решился возвратиться в Сухум. Снова и еще сильнее начало перебрасывать нас с стороны на сторону, но все-таки уже становилось легче душе, при мысли о скором освобождении. Вдруг посреди непроницаемого мрака ночи, пароход остановился. Дым повалил с одного бока. Машина повредилась: уже думали, что котел лопнул, что посреди бури начинается пожар. Но неутомимый капитан, не смыкавший ни на минуту глаз, успел скоро пособить горю. Отскочивший медный винт он заменил деревянным, который два матроса вбивали постоянно. Через полчаса мы, прихрамывая и переваливаясь, поплелись в дальнейший путь и наконец в 4 часу по полудни мы вдруг почувствовали, что зыбь под нами утихает. Мы обогнули Кодорский мыс, защищающий Сухум-кале от южно-западных ветров. Скоро мы вошли на рейд и усталые, полуживые очутились снова на береге, который мы оставили только для того, чтоб прогуляться и иметь случай увидеть на деле, что такое буря на Черном море.

* * *

Итак, путешествие наше ограничилось прогулкой, но прогулкой, от которой мы долго не могли опомниться. Земля качалась под нашими ногами, голова кружилась: к счастью один офицер, бывший с нами на пароходе, радушно предложил нам свою квартиру. Тут было не до церемонии, мы опрометью бросились к предложенному крову и отдохнули наконец, в приятной беседе с некоторыми сухум-кальскими жителями. В разговоре мы узнали, что в близости от Сухума находятся развалины древнего римского города Диоскуриас, города давно исчезнувшего. Но в эту минуту нам вовсе было не до археологии. Нам пришла только в голову странная мысль, которая может иногда повторяться на Кавказе, а именно, та, что мы находились между двумя несуществующими городами, из коих один когда-то был, другой когда-то будет. И точно, Сухум-кале еще не город, но он непременно будет значительным городом, когда все начатое приведется в исполнение, когда убыхи усмирятся, когда вредный для здоровья папоротник истребится, когда болота высушатся и проведут канавы, когда окрест назначенные дороги получат надлежащее устройство. Теперь Сухум-кальское население разделено на три участка, отделенные целыми полями. В одном из них, вдоль берега возвышается каменная ограда крепости, к которой примыкает базар с турецкими лавками; с другой громоздятся небольшие домики жителей около таможни карантина; в третьем на довольно далеком от берега холме, выстроены больницы и казармы. К этому холму проведена большая улица, на которой со временем будут дома и где уже отстроено несколько казенных зданий. Вообще, куда не глянешь везде видна заботливость настоящего начальника отделения. Кстати, надо вам сказать, что здешние начальники отделений вовсе не похожи на известных нам мирных чиновников наших канцелярий и министерств. Черноморский берег разделен на 3 отделения, и начальники этих отделений, закаленные в бою воины, управляя краем, управляются частенько с неприятелем. Но на Кавказе это занятие привычное, которым никого не удивишь. Картечью пробивается просвещение в горы и суровые

берега Черноморья. Великое дело совершается медленно, но верно. Цель видна, успех несомненен. С человеком сладить не трудно, с видимой природой тоже сладить можно, наложив дороги, вырубив леса. Всего труднее одолеть врага, который испаряется из почвы, увлажненной соседством моря. От этой сырости, от застоя воздуха, удержанного оплотом гор, порождается лихорадка, эта бледная союзница кавказских горцев, которая хуже черкесской пули, хуже отмелей, прибоев и боры. Здесь хинин составляет почти предмет первой необходимости. Бедные люди складываются по 10 и 12 человек и выписывают хинин из Одессы гуртом, в явный ущерб местных аптекарей. Впрочем, по мере того как болота осушаются и климат становится здоровее.

Одна несносная особенность Сухум-кале та, что вечером поднимается на полях, разделяющих на кварталы, вой рыскающих шакалов или, как их там называют, чекалок. Вой этот похож на плач и вопли истерзанных детей. Ему вторят со всех сторон и на все голоса встревоженные собаки. Таким образом, каждый вечер и каждую ночь устраивается такая зверская опера, раздаются такие уныло раздирающие хоры, что не знаешь куда бы от них спрятаться.

Однако ж, несмотря на эту вокальную особого рода музыку, вечер прошел незаметно. Случайные, но приветливые наши знакомцы наделили нас советами и припасами, и фуфайками, и теплыми чулками для предстоящего нам на другой день путешествия. О море, в полном смысле слова, тошно было вспомнить. Мы решились ехать сухим путем, по дороге еще не устроенной, через Абхазию, Самурзакань и Мингрелию. Мы должны были ночевать первую ночь в Очемчирах - местопребывании Абхазского владетеля, вторую ночь в Зугдидах - столице Мингрелии и на третью попасть в Маран. Все эти планы впрочем не сбылись, и вы увидите почему.

Неудобства мореплавания навели нас на бедственное желание устроить наше сухопутное следование как можно удобнее, мы, разумеется, должны были ехать верхом, но верхом нельзя захватить ни самовара, ни кроватей, ни погребцов, ни чемоданов, ни ящиков. На "Эльбрусе" оставался вовсе не

принадлежавший нам тарантас. Оказалось возможным найти под него пять казенных лошадей. Тарантас был выгружен немедленно и страшным образом нагружен. Для себя же и своих слуг, мы наняли у абхазцев верховых лошадей по 4 р. 50 к. до Очемчир.

26 утром поезд наш тронулся, но увы, не при первом мерцании утренней Авроры, как предполагалось, а в 11-м часу. Проводник или чапурхан опоздал с лошадьми, потом седлали, закладывали, закусывали, прощались. Когда мы выехали уж приближался полдень. Погода была холодная и сырая, небо пасмурное. Изредка моросил мелкий дождь. Справа ветер бушевал по морю и страшный прибой шумно рвался на берег. "Эльбрус" и "Тамань" печально покачивались на рейде. Мы мысленно с ними простились, и отряд двинулся. Впереди чапурхан указывал дорогу, за ним в башлыках и бурках следовали мы, путешественники, туристы поневоле. Нас было трое, они да я. Один из них военный и не с малым значением здесь между военными, другой статский и не с малым значением здесь между статскими, третий русский литератор и ныне, кажется, вовсе без значения между русскими литераторами. Военный по всем правам был провозглашен начальником отряда. Впрочем, отряд был плохо вооружен. Огнестрельного оружия с нами не было, каждый имел только на себе шашку, но более для приличия, потому что здесь не носить шашки все равно, что в Петербурге ходить без жилета. С нами ехал до Анаклии, приютивший и угостивший нас в Сухуме, офицер Ведомства Путей Сообщения, недавно прибывший в край, при нем находился того же Ведомства кондуктор, отлично знавший и местность и восточные языки. За ними следовал находившийся при нас чиновник, и за чиновником наши слуги - представители трех различных народностей, типы в своем роде весьма замечательные, - москвич Петр Баратынский, ловкий малый, попавший прямо с Ходынки в Абхазию, уроженец Виленской губернии Бенедикт Стрига, молодой светло-курый парень с глупой улыбкой и хитрыми глазами, обладающий способностью спать на всяком месте и во всякое время и терять мгновенно все, что ни попадало в его руки, - наконец, третий, гуриец Христофор

Санакидзе, по прозванию сбогар, круглый как мячик, с вечно смеющимися глазами, меняющий поминутно места, философ и весельчак, нечто туземного Жилблаза. За ними тащился тарантас в виде подвижной пирамиды - так усердно наложили на него всякого добра. Над этой горой важно восседал штабной писарь, хладнокровно покручивая усы и поглядывая свысока на все житейские треволнения. Обрадованные мыслью, что мы покончили свои дела с морем, мы ехали в самом веселом распоряжении духа и тут же назвали неуклюжий наш тарантас Минервой в память же брака Юноны, а бричку Юноны, известной всей Чечне и по своим походным заслугам и по остроумной веселости ее хозяина, есаула Грабовского полка и близкого родственника Бальзака и Жакоба библиофила. Шествие наше замыкалось донским казаком, составлявшим наш арьергард. Когда-то я сказал, что в России никто не путешествует, что там люди только ездят из одного места к другому. Здесь же, на Кавказе, выходит наоборот. Здесь ездить нельзя, а волею или неволею надо путешествовать, здесь невозможно рассчитать ни времени приезда, ни времени пути. Здесь дорога обозначается не станциями, а препятствиями. Главное препятствие до Очемчир предстояло нам - неустроенная еще переправа через оба Кодора - большой и малый, через которые доныне переправляться всегда трудно, а во время дождей и разливов невозможно. Между тем мы подвигались. Дорога ограничивается большой просекой в лесу вдоль морского берега, - иногда она выходит на берег, иногда углубляется в чащу леса. Влево из-за облаков выглядывали снежные вершины Кавказа, - от подножия гор вплоть до моря растет дремучий лес, пересеченный шумными стремительными речками и реками. Мачтовые дубы, перевитые огромными виноградными лозами, теснятся друг подле друга. В 8 верстах от Сухума мы проехали через Келасур, местечко князя Дмитрия Шервашидзе, близкого родственника владетеля. Большой белый дом его с восточными балконами возвышается на холме, над бегущей к морю речкой. Внизу устроен базар - необходимая принадлежность каждого азиатского местечка, а кругом в лесу кое-где выглядывают сакли и запасы кукурузы огромными зонтиками вздернутые на деревья,

для безопасности от хищных зверей. Неглубокую речку мы проехали вброд и, миновав версты три или четыре, увидали толпу всадников, которая ехала к нам навстречу. Поравнявшись мы узнали самого князя Дмитрия, который ехал впереди с другим абхазским князем. Поздоровавшись, он объявил нам, что 300 абреков спустились с гор с намерением ограбить его имение, что он их отыскивает и спешит к милиции, находящейся под его начальством и которая тут недалеко в сборе. Осмотрев нас внимательно, он вежливо раскланялся и уехал в сопровождении своей свиты, между коей меня в особенности поразил один нукер с большим черным пластырем вместо носа. Весть о рыскающих вблизи 300 абреках была довольно неприятная. С нами не было ни конвоя, ни надлежащего оружия. Проехав версты две, мы вдруг услыхали топот скачущих лошадей. Нас догонял князь Дмитрий, которому вероятно пришли в голову те же мысли, как и нам. Он решился оставить свой дом, которому угрожала неминуемая опасность, чтоб проводить случайных гостей. Как вам покажется, вежливые до утонченности господа европейцы, подобная азиатская вежливость, не лучше ли она шарканья, поклонов и лицемерных речей. Беседа наша оживилась. Безносый нукер рассказал мне, как в схватке с горцами он имел неудовольствие лишиться главного украшения своей физиономии. Отъехав верст 25 от Сухума мы услыхали рев и вой Большого Кодора. Через малый мы уже переправились благополучно. Большой Кодор весьма широкая река и как все здешние реки по крутому своему падению чрезвычайно стремительна. Если лошадь спотыкается, то и конец, быстрое течение мгновенно унесет в море на пищу бакланам, стаями сидящих на волнах, как за большим обедом. У берега мы остановились. Первый въехал в воду кондуктор, как человек бывалый. Вдруг лошадь его споткнулась, и он упал. К счастью это было уж близ противоположного берега, где было уже мелко. Он успел вскочить на ноги и скоро очутился в безопасном месте. Абхазские князья начали распоряжаться. Во-первых, они выбрали для нашей переправы верную и высокую белую лошадь с азиатским седлом. Каждый из нас поочередно садился на эту лошадь и въезжал в воду имея по обе стороны обязательных князей. Один держал лошадь за повод, другой

погонял. Нам велено было или зажмурить глаза или глядеть между ушей лошади, иначе неминуемо сделалось бы головокружение, от которого можно было бы упасть в воду. Так переправились мы поодиночке и, проводив одного, князья возвращались за другим, и так мы все очутились на другом берегу. Даже мокрая минерва благополучно протащилась. Мы, разумеется, промокли до костей. Страх простуды и лихорадки заменил страх переправы - я поскакал вперед по направлению обещанной дачи какого-то абхазского дворянина. Со мной скакал, весь взмокший до галстука, кондуктор. Два туземца на конях встретились нам и спросили: "болшой вода?", чем вероятно ограничивались их познания в русском языке. Мы их успокоили, на всем скаку промчались мимо казачьего поста на самом взморье и очутились близ бедной сакли, перед которой арап сажал на лошадь дряхлого старика в красной феске. Мы подъехали к даче и к самому хозяину. Кондуктор сказал ему от меня по-турецки приличное приветствие. Старик отвечал, что он болен и должен ехать, но что весь дом его к моим услугам. Весь дом заключался в четырех плохо сложенных досчатых стенках, посреди коих на земле к счастью горел огонь. Старый помещик с итальянской фамилией, остатком прежнего генуэзского влияния - отправился величаво, как испанский гранд. Я обратился к арапу с каким-то вопросом. Но арап мгновенно исчез и вместо него явились два туземца, которые подложили новых дров и начали прислуживать. Князья и товарищи подъехали, за ними приплелась и минерва, из коей Бенедикт успел уже выронить два узла, к счастию провизия не пропала. Мы сели около огня, стали сушить платье и обувь, и между тем принялись завтракать и чистосердечно, с душевной благодарностью пили здоровье облагодетельствовавших нас князей. Тут мы расстались, но на всякий случай они оставили нам одного дворянина, который должен был проводить нас до Очемчир. Это предосторожность оказалась впоследствии вовсе не лишней. Высушив платье, подкрепившись, мы продолжали путь. Дорога углубилась в лес и мы имели случай восхищаться необыкновенной растительностью края. С обеих сторон переплетенные плющом и виноградом громадные деревья сплошной стеной как будто подпирали небо. Широкие

тени сгущались от наступающего вечера. Мало помалу мрачная ночь начала набрасывать на все предметы свое черное покрывало. Небо было покрыто тучами, ветер грустно завывал и нередко раздавался пронзительный вопль чакалки. Мы ехали молча, почти ощупью. Вдруг мы остановились. Под нашими ногами был овраг, в который мы чуть-чуть не упали. Проводник ошибся дорогой, следовало поворотить вправо и проехать по берегу. Мы повернули, но при повороте неуклюжая минерва со всех 4-х колес шлепнулась оземь и все наши пожитки разлетелись на стороны. Отпрягли лошадей, перевернули тарантас, снова навьючили, снова впрягли коней и снова тронулись. Проехав шагов двести, при подъеме минерва вдруг покатилась назад и перевернулась назад и перевернулась снова, только на другой бок, не было видно ни зги. К счастью у одного из нас был складной ахалцихский фонарь и несколько восковых свечей. Фонарь засветили. Все засуетились вокруг злосчастного тарантаса. Вдруг начальник отряда крикнул: "Господа, заряжены ли у вас пистолеты?". Мы отвечали утвердительно, хотя, как вы уже знаете, кроме шашки никто ничего не имел, и при свете фонаря увидали несколько человек горцев, которые неизвестно откуда вдруг очутились между нами, сурово на нас поглядывали из под руки и как бы советовались между собою. В эту минуту ливнем хлынул на нас дождь, ветер подул сильнее, погасив фонари и мы остались в совершенной темноте.

* * *

Сопровождавший нас дворянин, которому мы были поручены князем Дмитрием, вступил в жаркий спор с незванными гостями. Голоса их сливались с шумом дождя, с ревом бури и морского прибоя. За нами тарантас лежал на боку вместе с упряжными лошадями; вправо бушевало море, влево стоял стеною дремучий лес, впереди заграждали нам дорогу какие-то подозрительные люди, которых по ночному мраку и число даже было неизвестно. Я вспомнил тогда о вас, мои добрые дальние приятели, об вашей

веселой беседе, об уютных покоях, где мы нежились в спокойных креслах, где при свете карселевских ламп - так скоро проходили такие длинные вечера. С приятным воспоминанием смешивалась мысль, довольно неутешительная. Если действительно перед нами были абреки, - то сопротивляться без оружия было невозможно. Лучшее, что могло случиться то, что нас возьмут в плен, продержат год, два или три, почти без пищи и без платья, в отвратительной яме и потом отпустят за выкуп обратно восвояси, и, может быть, при том с некоторым изъяном - с отрубленным носом или выколотыми глазами. На поверку вышло, что перед нами были не абреки, а абхазцы, объяснявшие свое появление между нами тем, что они отыскивают украденную лошадь. Конечно, немного было странно отыскивать что-нибудь в такую непроницаемую ночь и в таком темном лесу, но мы не почли за нужное вступить в дальнейшие рассуждения. Искатели пропавшей лошади исчезли неизвестно куда, так как и явились неизвестно откуда; быть может они оробели пред значительностью отряда, быть может, и это вернее всего, они не смели ничего предпринять с людьми, находящимися под покровительством абхазских владетельных князей, что доказывало присутствие данного нам проводника, который по здешним обычаям, головой отвечал за нас.

Надо отметить, что вообще по понятиям почти всех кавказских туземцев, разбой и грабеж на дорогах не составляют гнусного преступления, а напротив того, доказывают дух молодечества и воинственности, в особенности приличный и похвальный в молодых людях. Мне нередко случалось самому спрашивать у некоторых старожилов: много ли вы разбойничали на своем веку, - точно таким же тоном, как в Петербурге я мог спросить: игрывали ли вы в Баден-Бадене в азартные игры? На такой вопрос мой собеседник обыкновенно скромно отвечал: в молодости.

Как бы то ни было, но мы были очень довольны, что на этот раз избавились от духа кавказской воинственности и от азиатской отваги. Тарантас подняли и снова поезд тронулся; мы повернули влево, в чащу леса, но тут опять случился подъем.

Непривычные лошади снова не сдержали тяжести экипажа, и в третий раз Минерва очутилась на боку. Засветили свечи, прикрывая их от дождя бурками, и тут прошел целый час утомительной работы. Лошади не хотели втаскивать тарантас на пригорок, пятились назад, фыркали. Одному из моих товарищей вдруг сделалось дурно: он дрожал от лихорадки и, ослабленный, лег на мокрую траву под дерево. Мы хотели подкрепить его джином, но бывшая с нами бутылка, зазвенев разбилась в темноте, и это лечение не осуществилось, впрочем, может быть, к пользе пациента. Наконец на руках перетащили все пожитки на вершину пригорка, подняв с помощью рук и лошадей, втащили и пустой тарантас. Странная процессия снова двинулась, трепетный свет свечей из-под бурок придавал ей нечто фантастическое, чему немало способствовали исполинские размеры абхазского леса и бурное завывание недалекого моря. Мы ехали гуськом, разглядывая дорогу и предохраняя Минерву от нового падения, которое просто ввергло бы нас в отчаяние. Становилось уже очень поздно - мы проголодались, промокли, выбились из сил. До Очемчир оставалось еще пятнадцать верст. Ни больной наш товарищ, ни мы не чувствовали в себе довольно бодрости, чтобы продолжать путь до назначенной цели. Проводники наши объявили нам, что можно переночевать, в трех или четырех верстах, в абхазской деревне Тамыш...

* * *

На другой день погода была сырая и холодная, но дождь перестал. Отблагодарив своего сурового хозяина, мы пустились снова в путь. Больной наш товарищ поправился, мы сами отдохнули и, благодаря буркам, в которых лежали как в теплых непромокаемых ящиках, не слишком озябли, и с новою бодростью приготовились на новые путевые впечатления.

Дорога до Очемчир или, правильнее, место, назначенное для дороги, стелется по морскому берегу между камышами. Лошадям довольно трудно продвигаться по глубокому песку; но подобного

ода препятствие входит в ряд обыкновенных, известных на вятой Руси. Об нем, следовательно, нечего распространяться. прочем, тут же у берега рассыпан в изобилии мелкий булыжник гравием, так что, когда сухумская дорога устроится и начатые аботы предположения осуществятся окончательно, то этому рю пособить будет весьма нетрудно. Часу в 11-м мы приехали Очемчиры - большое местечко с значительным турецким азаром. Влево, на довольно пространной площади, озвышается не совсем оконченный дом Владетеля, ыстроенный из каштанового дерева. У нас из каштана делают абакерки, а здесь строятся дворцы. Широкий балкон в урецком вкусе, изукрашенный кружевной резьбой, занимает ступами весь фасад здания, а с бока к нему примыкает наружная естница. Здесь предполагается зимнее пребывание Владетеля. етом он обыкновенно живет недалеко от Бамбор, в Соуксу, в ивописном ущелье.

Несмотря на наши помятые наряды и вовсе непредста-ительную наружность, мы, пока меняли нам лошадей, правились к балкону, на котором толпились нукера и прислуга няжеская, и просили доложить о своем приезде. Впрочем мы же все были хороши известны Его Светлости по Боржому, где ровели вместе часть лета; нас ввели в отделанную часть дома мы застали у Владетеля двух почетных гостей: начальника ерноморской береговой линии и начальника второго отделения. Они сидели в комнате, устланной роскошными коврами, перед ылающим камином. На столе стояла заманчивая закуска. Князь ринял нас со свойственным ему радушием, угостил роскошным автраком и предложил отдохнуть и переночевать, но мы все умали о скорейшем приезде в Тифлис, мы не путешествовали, ехали, знали, что нас ожидают и беспокоятся о нас.

О, если когда-нибудь в другой раз судьба приведет меня в тот чудный край, которого я видел берег и то через дождевую елену, я приеду не с тем, чтоб торопиться с отъездом, чтоб огостить под гостеприимным княжеским кровом, чтоб побывать в Бедии, и в Илори, и в древних храмах, которыми так богата

Абхазия; и в чудных ее ущельях и горах я прислушаюсь к народным поверьям, где язычество смешивается с христианским ученьем, и попирую на княжеских охотах и полюбуюсь широкими размерами неприкосновенного феодализма. Тогда я вам представлю не беглый путевой очерк, а целую картину страны, которой нет подобной в Европе и об которой живописный Пьемонт может дать только слабое понятие.

Но теперь казацкие лошади готовы (в Очемчирах казацкий пост). Княжеские лошади паслись в табунах, их ожидать нужно было бы сутки, а погода прояснилась, время было дорого. Солнечный луч блеснул на снеговых вершинах. Мы простились с абхазским дворянином - нашим провожатым, просили его кланяться князю Дмитрию и сам Владетель поблагодарил его за службу. С ним уехал и чапурхан, а мы после трехчасового приятного отдыха, раскланявшись с владетельным хозяином, опять сели на коней, несколько верст проехали мы по зеленеющей роще, а потом снова очутились на песчаном берегу нашего знакомца, Черного моря; прибой по-прежнему выл и рвался на прибрежные камыши. Мы протащились верст 20 без всякого приключения, кроме приключившейся усталости и настигнувшей темной ночи. Подъехав к турецкой деревеньке и переправясь на пароме через небольшую реку, мы остановились для ночлега. Я забыл сказать, что благодаря вниманию начальника второго отделения, с нами ехал из Очемчир переводчик, который тотчас же начал распоряжаться. Но увы! Турецкий духанщик, главный домохозяин деревеньки, неизвестно куда уехал. Оставшиеся в духане турчанки заперлись, по известным турецким обычаям попасть к ним в дом не было никакой возможности. Надо было довольствоваться каким-то брошенным сараем, однако ж не плетенным, а склоченным кое-как и весьма плохо из досок. Но ко всему можно привыкать, даже и к подобным картинам. Тотчас же развели огонь посреди сарая. Переводчик принес курицу надетую на палочку и начал вертеть ее над пылающим костром. Из этого вышел довольно вкусный шашлык. Кроме того, не знаю в силу каких убеждений и происков, турчанки прислали нам какую-то лапшу, крепко приправленную

орицей. Из минервы вытащили самовар, подали чаю. Мы оужинали и легли спать, кто на досках, кто на сырой земле.

На другой день 29-го октября утро было ясное, но морозное. Сверкающий иней блестел на зеленой траве бриллиантовой етью. Слева, по всему горизонту, рисовалась огромным олукруглым амфитеатром исполинская цепь гор, и белые ершины ярко вырезывались на голубом небе. Впереди нас, по давшемуся вправо полукружию, красовались на турецком ерегу Таврские горы, соединяющиеся Сурамским хребтом с авказскими гигантами. Никогда не видел я ничего поразительнее величественнее этой рельефной громадной карты. Какое-то лаголовейное и торжественное чувство овладевает душой при иде подобных картин. Величие бурного моря прекрасно огласовывалось с величием Кавказской природы. Мы ехали ерегом: пораженные и безмолвные. Проехав 7 верст, мы становились на казацком посту, - чтобы немного согреться. орошая, чистая, выбеленная комната с большой русской печью, досчатым полом, показалась нам чудом роскоши в сравнении нашими ночлегами. В особенности удивили нас крепкие плошные стены без щелей и дыр. И надо признаться, не без ависти взглянули мы на казаков и их теплое жилье, после чего ы снова потащились по глубокому песку вдоль приморского ерега. Так наконец доехали мы до Анаклии, - где широкая река Ингур впадает в море. Тут начинается Мингрелия и оканчивается Самурзакань...

Газ. "Кавказ", 1852 г.,
№№71, 72, 74, 76.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ "КАВКАЗ"

Его светлость князь наместник кавказский изволил отдать, оября 10, в Тифлисе, следующий приказ по отдельному авказскому корпусу:

3-го октября Магомет-Амин со скопищем до 2 тыс.человек горгся в землю джигетов.

Начальник Черноморской береговой линии, извещенный об этом, в то же время прибыл с резервом в укр. Св.Духа и 4-го октября выслал вверх по р.Мдзымт отряд под командой майора Бибикова, в числе 742 человека с двумя орудиями. 5-го числа войска эти, встретившись с неприятелем с 4-х верстах от укрепления, вступили с ним в упорный бой. Многочисленные толпы убыхов, осыпая отряд градом пуль, бросались неоднократно в шашки и подскакивали почти под самое дуло орудий, но встречая постоянно мужественную стойкость войск и живой огонь из орудий и ружей, обращали в тыл всякий раз с большою потерею. Майор Бибиков в течении 3-х часов хладнокровно отбивая атаки неприятеля, в стройном порядке возвратился в укрепление. Убыхи лишились в этих схватках более 20 человек убитыми, несколько раненых из лучших фамилий и на другой день, еще до рассвета разошлись по домам.

С нашей стороны убит 1 унтер-офицер, ранено нижних чинов 19 и контужен командовавший отрядом майор Бибиков.

Объявляя во вверенном мне войскам об этом молодецком деле, в котором небольшой отряд стойко встретил и мужественно отразил атаки неприятеля втрое сильнейшего, обязываюсь выразить мою признательность вице-адмиралу Серебрякову и благодарить майора Бибикова, капитана Стражица 1-го, штабс-капитана Середина и поручика Стражица 2-го, равно всех гг.офицеров и нижних чинов, в описанном деле находившихся.

Газ. "Кавказ", 1852 г., №71.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ "КАВКАЗ"

В № 76 нашей газеты, мы уже имели случай сообщить нашим читателям об удачном набеге, совершенном войсками правого фланга кавказской линии, под начальством генерал-майора Евдокимова, с 1-го по 9-е ноября.

Ныне получены известия о новом набеге, произведенном между 2-м и 9-м числами декабря.

Войска, в числе 5-ти батальонов пехоты, 16 сотен кавалерии, 4 сотен милиции при 16 орудиях, были сосредоточены в станицах Вознесенской и Лабинской. Целью предполагавшихся действий было выселение казильбековского Султана Ерикова и казильбековского племени.

Получив сведения, что соседние общества намерены воспрепятствовать переселению Султана, генерал-майор Евдокимов, с войсками, бывшими у него под рукою в ст.Вознесенской, двинулся 2-го числа к посту Шалоховскому, куда направлены были и другие отряды. Соединившись на уроч. Али-Карамурзина с колоннами полковников Ягодина, Войцывского, он переправил милицию за Лабу, где она и приняла Султана Ерикова, вышедшего со всем своим имуществом и 10-ти семействами подвластных.

На другой день полковник Мещеринов отряжен был для выселения башильбаевского аула Заур-бек Бгачева. Неприятель, чтобы воспрепятствовать этому, окружил аул и принудил жителей следовать за ним в горы. Атака кубанских казаков и милиции рассеяла партию и отбила пленных в числе 18-ти семейств. Сверх того выведено из разных ущелий еще 75 семейств башильбеевцев.

На обратном пути на уроч. Псенен захвачено казаками 1.300 штук баранов и сожжено все сено, найденное отрядом на пути.

9-го числа отряд был распущен; в три дня 7-го, 8-го и 9-го числа, войска сделали 139 верст.

Этот набег стоил нам 1-го убитого и 1-го раненого милиционеров. Вновь выселившийся Султан Ериков контужен в наших рядах.

Прямым следствием этого набега было выселение 103 семейств. Кроме того, истреблены аулы, имущество и баранкоши, сожженное сено лишило возможности непокорных прокормить, в продолжении зимы себя и свои стада - главный источник их богатства, и они по необходимости должны будут или выйти к нам или же уйти далее в горы, что не облегчит их участи.

Газ. "Кавказ", 1852 г., №83.

ИЗ ПИСЬМА О СУХУМЕ

Еще в 1847 году Сухум-кале, по высочайшему повелению, возведен на степень города. До того времени это была крепость, имевшая сообщение с Керчью только морем, а с Редут-кале и морем и посредством казачьих постов берегом моря сухопутно, крепость, с незначительным форштатом, душ в 200 обывателей, мелких торговцев и гарнизоном из двух батальонов, расположенным вне крепости, на ближайшей, господствующей над городом горе, под горою солдатская слободка семейных нижних чинов; домиков с 20-ть, в две линии.

И вот, в 51-году, с перемещением в новый город штаба начальника 3-го отделения черноморской береговой линии, положение его стало улучшаться. Менее нежели в два года явилось до 12 каменных строений, казенных и частных. Сделано шоссе вдоль главной продольной улицы. Слободка возросла до 40 домиков в четыре линии. Выстроен новый карантин. Народонаселение увеличилось до 300 душ жителей. А в настоящем году, с открытием почтовой дороги от Сухума до Редут-кале на пространстве 110 верст, соединившей его с прочими городами Закавказского края, он вступил в общий состав, общую семью их, как самый младший член.

Город расположен на берегу моря, на прекрасной равнине, имеющей в поперечнике сажен до 500, у подошвы гор, первую ступень которых занимает лагерь, казармы 11-го и 16-го линейных черноморских баталионов. От подошвы этой горы стелется незаметным скатом, до самой пристани главная продольная улица - шоссе, с бульваром по обе ее стороны. У берега моря, вдавшегося в материк, наподобие подковы, пристань, и предполагается маленький сквер, для гуляющей публики, выжидающей с прибытием парохода вестей от родных и знакомых. Вправо от пристани, по дороге к крепости, ряд лавок, влево новые каменные строения, лавки и дорога в карантин. Ныне город имеет каменных строений казенных шесть, частных шесть. Прочие деревянные, молитвенный греко-российской церкви дом в крепости один, и таковой же строящийся католический, вне оной.

В Сухуме замечателен ботанический сад, имеющий, по воле его светлости, князя наместника, прекрасную цель - служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений.

В 20-й день ноября, радостный день коронования государя императора, открыт в городе клуб, в нарочно для того устроенном доме, балом.

Я уже сказал, что город расположен на равнине у подошвы гор, которые идут амфитеатром. На вершинах некоторых постоянно виднеется снег. Все они покрыты богатою растительностию; по ущельям гор и берегу моря много зеленеющих растений. В нашем городе, на открытом воздухе, зимою цветут розы. Вообще местоположение и окрестности Сухума прекрасны. Но если природа хороша в Сухуме, то от чего же так боятся Сухума, от чего же в нем так болеют? Верно дурен климат! Климатом мы называем те чувствительные перемены в атмосфере, преобладание которых явно отличает одну местность от другой. Так мы говорим: климат сухой, влажный, умеренный, теплый, холодный. О Сухуме скажем, что здесь климат влажный, сырой и умеренно-теплый. В самом деле продолжительные дожди весною и осенью, частые летом и зимою, при сильной растительности не дают совершенно высыхать почве. В лесах она постоянно сохраняет влажность. Стоки из гор, не имея правильного излияния в море от засыпей речных устьев морским прибоем, наполняют прибрежные котловины, дельты рек Абхазии, Мингрелии, Гурии и образуют таким образом, по всему побережью упомянутых стран болота. Всякий знает ядовитое действие болот. В жаркое время года, днем, при сильном испарении по низменностям вы безопасны. Но в сумерки и ночью, при охлаждении атмосферы, все эти испарения оседают внизу. Если вы не имеете теплой одежды, лихорадка неизбежна.

Но успокойтесь. Уже многое изменилось в Сухуме.

Расчистка сухумской равнины от лесу, кустарников и пней, осушение болот отводными каналами, просеки по ущельям гор для удобнейшей вентиляции, новые строения, казенные и частные, новые ротные дворы с казармами для нижних чинов -

весьма улучшили помещение обывателей, офицеров и солдат, а это много значит в гигиеническом отношении, во всяком климате. К тому же, в противоположность лихорадочному свойству климата, что уже, как я сказал, много изменилось и от чего легко можно уберечься, я должен заметить о Сухуме, что это на всем восточном берегу Черного моря одно из лучших мест для людей, страдающих грудью.

Окрестности Сухума богаты не одною красотою местоположений. Производительные силы Абхазии велики. Здесь много есть богатства на поверхности земли, в недрах ее и в водах, омывающих нашу местность. Но недостаток предприимчивости владельцев, недостаток рабочих рук, в особенности мастеровых, недостаток частных капиталов, оставляют пока страну в первобытном состоянии.

Здесь родится хорошо кукуруза, гоми; могут произрастать пшеница и разные огородные овощи, кроме капусты, которая не дозревая от излишней влажности, гниет на корне, или идет в стебель. Но производство их ограничивается только местным потреблением. Кукуруза вывозится в незначительном количестве. Яблоки есть очень хорошие и много так, что часто составляют предмет вывоза. Персиков в урожайные года множество. Волошские орехи идут на вывоз. Каштаны и другие лесные фрукты и ягоды потребляются на месте. Виноделие из местного винограда, в последнее время значительно увеличилось и улучшилось. Количество выделываемого вина ныне доходит до 50 т. ведер., из которых две трети потребляются на месте. Остальное вывозится. Шелководством почти не занимаются. Строительные материалы: дуб, каштан, ясень, бук, чинар и др. потребляются на месте; за недостатком предприимчивости вывозу нет. Правда корабельный лес уже испытывали заготовлять здесь для флота, но операция не удовлетворила требований. К вывозу идет только ореховое дерево и пальма, и то в небольшом количестве.

Скотоводство и овцеводство суть принадлежности кочующего человека. В горах Абхазии и сопредельных стран только и занимаются этим, но развитие их незначительно. Пчел у местных горцев много, но мед бывает жидок, скоро скисает и нередко имеет от наркотических растений одуряющее свойство, почему и ценность

его ничтожна. В горах близ Сухума есть сребро-свинцовая руда. Многие реки содержат наносный золотой песок, но к добыванию металлов не было еще охотников. Звериные меха: лисьи шкурки, в особенности куньи, барсучьи, медвежьи, шакала и порешну (выдры) идут в торговлю ... Вообще, здесь мало еще сделано для развития какой-либо отрасли сельской, или заводской промышленности.

По случаю войны с Турцией деятельность в городе усилилась. Все подвинуто вперед в стратегическом отношении. Гарнизон увеличен, а усиление крейсирующей эскадры у абхазских берегов заметно оживило наш порт, и самое общество, в котором принято встречать моряков-удальцов.

На бухте часто видим целый ряд военных судов и пароходов, с которых мы уже не раз слышали гром орудий, после молебствия, в честь наших побед над турками.

В. Свешников
Газ. "Кавказ", 1853 г., №95.

ИЗВЕСТИЕ С ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ*

При упразднении в начале марта сего года некоторых постов на восточном берегу Черного моря, гарнизон гагринский оставлен был в этом пункте, впредь до разъяснения дел в Абхазии; в половине же апреля местное начальство признало дальнейшее удержание гагринского поста, по ходу обстоятельств, бесполезным.

Находившийся в Керчи греческий подданный, уроженец острова Идры, Саранто Фотия совершил при этом случае подвиг беспримерный: он вызвался безвозмездно, на принадлежащем ему судне "Св.Иоанн", отправиться в Гагры и вывезти оттуда гарнизон: достохвальное усердие его увенчалось полным успехом.

** Известие это, прямо относящееся к здешнему краю, не было ранее напечатано в "Кавказе" по причинам, совершенно независевшим от редакции.*

Прибыв по назначению 19-го апреля, Саранто Фотия узнал, что горцы в значительных силах обложили этот пост еще 9-го числа, но, встреченные мужественною обороною гарнизона, ожидали появления англо-французских кораблей для решительного нападения.

Посажению войск на судно погода не благоприятствовала; к сему можно приступить только 20-го числа в два часа пополудни и, по недостатку гребных судов, оно продолжалось до полуночи. Когда смерклось, горцы пытались на штурм, но были отбиты картечью. Между тем постепенно весь гарнизон был вывезен, кроме охотников, оставшихся для заклепания орудий и взрыва оборонительных верков.

Отважное это дело, при угрожающем натиске горцев, исполнено: поручиками черноморского линейного № 9 батальона Богаевским и Сезиневским, тифлисского артиллерийского гарнизона поручиком Безручкиным, 33-мя человеками нижних чинов и бывшим на судне "Св.Иоанн" русскоподданным греком Павлом Попандопуло. Они открыли очередную пальбу из орудий, которые заклепывались немедленно после выстрела; в то самое время начали поджигать строения, в коих расположены были огнестрельные запасы; когда же огонь разгорелся, подожгли проводники к минам, проведенным под стены поста, и благополучно присоединились к своим товарищам.

21-го апреля, с судна "Св.Иоанн" видны были последствия взрывов и пожаров; горцы не смели приближаться к развалинам, среди коих раздавались разрывы бомб и гранат.

23-го числа, вечером, гагринский гарнизон доставлен в Керчь, в числе 606 человек, с церковной утварью и иконостасом, 2-мя кегерновыми мортирами и полным комплектом оружия и боевых патронов.

При перестрелке с горцами и при самом упразднении поста, не было у нас никакой потери в людях.

Во все это время неприятельские суда не показывались и не были встречены судном "Св.Иоанн", ни при следовании его к Гаграм, ни на обратном пути.

Государь император, во всемилостивейшем внимании к доблестному подвигу шкипера Фотия соизволил пожаловать его кавалером ордена Св.Владимира 4-й ст. и назначить как ему, так и всему экипажу судна "Св.Иоанн", денежные награды.

Газ. "Кавказ", 1854 г., №40.

ИЗВЕСТИЕ С ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ*

Из Керчи нам сообщают об истинно геройском подвиге греческого шкипера Саранди Фотия, увенчавшемся, благодаря Бога, самым спасительным успехом.

При благополучном снятии отрядом черноморского флота гарнизонов из нескольких укреплений восточного берега Черного моря (о чем сообщено было в "Кавказе"), признано было необходимым снять и гарнизон укрепления Гагры, состоящий из 603-х человек, и предложено было произвести это посредством наемных коммерческих судов. По опасности сего предприятия, от всевозможного столкновения с большими неприятельскими судами, беспрерывно крейсирующими, с первых чисел апреля, между Крымом и восточным берегом Черного моря, не находилось на него охотников, как 10-го апреля, в страстную субботу, шкипер греческого судна "Иоанн", Саранди Фотия, предложил, чрез посредство находящегося в Керчи соотечественника своего г-на Манолеса, г-ну начальнику Черноморской береговой линии, принять на себя снятие и перевозку в Керчь гагринского гарнизона, на своем судне, без всякого за то вознаграждения. Г.вице-адмирал Серебряков с радостью принял этот великодушный вызов, причем С.Фотия повторял, что как он, так и матросы его, неустрашимые идриоты, в числе 12-ти человек, решительно отказываются от всякого денежного возмездия и объявил, что если бы оказался нужным, он готов пожертвовать собою за святое дело православия, поддерживаемое Россиею ее августейшим самодержцем. На следующий же день, т.е. Светлое Воскресение, 11-го апреля, Фотия с 12-тью своими паликарами принялись за приготовление судна к предстоящей экспедиции. Фотия за свой счет установил третью палубу в интрюме для лучшего размещения солдат; чрез три дня судно было готово на опасный подвиг, и, по распоряжению адмирала, снабжено бочонком пороха, ракетами и сигналами. Фотия объявил решительно, что в случае встречи с

---

* *В предшествующем № это известие помещено с меньшими подробностями.*

неприятельскими пароходами, он живой не отдастся им: если возможно, сцепится с одним из неприятельских пароходов, чтобы взять его абордажем, если нет, взорвет свое судно на воздух.

14-го апреля, в среду, бриг "Иоанн" выбуксирован был из Керчи и вскоре скрылся из виду. По причине противных ветров, Фотия не прежде, как в понедельник, 19-го числа в 4 часа пополудни, прибыл к крепости Гагра; бурная погода не позволила в тот день бригу подойти к берегу; но Фотия съехал на шлюпке на берег, передал коменданту предписания и попросил, чтобы гарнизон немедленно приготовился к переходу на судно. Во всю ночь, по причине бури, он должен был продержаться на парусах, в борьбе с волнами, и всю ночь слышал страшную пальбу гарнизона, отбивавшего нападение горцев, целыми тучами облегших Гагру. Утром 20-го числа, во вторник, ветер стих и позволил Фотию стать на якорь, на ружейный выстрел от крепости, на 30-ти саженях глубины. В час пополудни началась пересадка войск, которую Фотий производил лично на двух шлюпах и совершенно благополучно кончил в течении тринадцати часов, к двум часам пополуночи, при постоянной перестрелке гарнизона с горцами. Оставшиеся последними 3 офицера и 35 рядовых, до последней минуты продолжали пальбу и, переходя в шлюпку, зажгли фитили мин: снято было всего 640 человек, 2 бронзовые пушки, 2 крепостных ружья, 38.000 патронов, 3 бочонка спирту, вся аммуниция, съестные припасы и даже живность, и сверх того каждый солдат взял с собою по 60-ти патронов. Вслед за удалением гарнизона из Гагры, с брига увидели последовавшие один за другим четыре взрыва мин, причем, по всей вероятности, погибло несколько тысяч горцев.

Безветрие не позволило Фотию сняться с якоря ранее среды, 21 ч., в 4 часа пополудни он отплыл от Гагры с драгоценным своим грузом, - причем гагринский гарнизон, по примеру Фотия объявил решительную свою готовность скорее взлететь в воздух, нежели сдаться неприятелю, в случае встречи с ним. Ровно через двое суток, 23-го апреля, в пятницу, в день Св.Георгия и тезоименитства ее императорского величества, в 4 часа пополудни Фотия прибыл в виду Керчи. На пути "Иоанн"

видел неприятельские пароходы, но они, к счастию, не останавливали его, погнавшись за плывшим в тех же водах, большим сардинским судном, на котором, по величине его, вероятно надеялись найти более богатую добычу. Фотий стал же у Камыш-Буруна и, не имея возможности войти в Керчь, по причине наступившего совершенного безветрия, дал о себе знать несколькими выстрелами: из Керчи выслан был пароход, который к вечеру и пробуксировал к городу бриг "Иоанн".

Невозможно представить себе восторга жителей Керчи, при появлении у пристани судна бесстрашного Фотия. По сходе на берег, он встречен был и радостно приветствован керченским градоначальником, князем Гагариным и контр-адмиралом Вульфом; жители Керчи, толпою собравшиеся на берегу, подняли и понесли его на руках к квартире прибывшего в Керч, наказного атамана Войска Донского, генерала от кавалерии Хомутова, который встретил его на улице, с увлечением расцеловал и поздравил отважного сына Эллады, с совершенным им подвигом редкого самоотвержения и геройства. На другой день 603 молодца, гарнизон Гагры, выстроились на площади пред древним храмом св. Иоанна, где совершенно было благодарственное молебствие о чудесном их спасении, потом угощены и на расхват приняты жителями в свои квартиры.

В понедельник, 26-го апреля, жители Керчи дали шкиперу Фотию и его экипажу блистательный обед а тамошнем клубе, где с восторгом выразили ему всю благодарность свою за великое совершенное им дело. Подвиг Саранди Фотия, которого отец участвовал в борьбе за независимость Греции, радостно отзовется во всей России; военная история представляет мало примеров такого бесстрашия и такого самоотвержения в пользу христанских собратий, и Всевышний, видимо, благословил подвиг Фотия, безопасно прошедшего в виду неприятельских пароходов, как бы ослепив их жаждою корысти; из бывших в виду их парусных судов, при проходе брига "Иоанн", они погнались за самым большим, не разглядевши, на котором из них был груз самый драгоценный.

Од.В.

Газ. "Кавказ", 1854 г., №41.

ИЗ СТАТЬИ "АБХАЗИЯ И АБХАЗЦЫ"

...Я делился с вами впечатлениями, произведенными на меня шапсугами; я знакомил вас сколько мог, с их горами и образом жизни; теперь, на сон грядущий, я расскажу вам, что видел и узнал, подвинувшись дальше в Закавказье - в землю абхазцев, наших давнишних приятелей. И думаю, что теперь в особенности может интересовать вас Абхазия, как страна, сделавшаяся одним из пунктов, открытых со стороны моря для посягательств англо-французского флота, бродящего по Черному морю, и, от нечего делать бомбардирующего то ту, то другую из оставленных нами, или неукрепленных местностей.

От северо-востока на юго-восток, берегом Черного моря, миновав земли шапсугов и убыхов, вы въезжаете в Абхазию и на самой границе ее, за величественным отрогом кавказского хребта, составляющим у Гагр естественную преграду от воинственных убыхов и джигетов, вам представляется другой мир, другая, более привлекательная свежестью ландшафта, картина: там вы видели угрюмый, скалистый берег, пересекаемый многими ущельями, и почти обнаженные горы, кажется, спорящие за каждую малейшую площадку и готовые раздавить ее; здесь хребет Кавказа удаляется от морского берега и дает место плодоносным равнинам; на них вы видите вечно-неувядаемую зелень, особенно яркую в первые летние месяцы; даже высокие отроги Кавказа, спускающиеся к морю, здесь обременены растительностью и дышат свежестью...

Абхазия - один из прекраснейших уголков Закавказья; чем не наделена она от природы? И горы с покрытыми снегом вершинам, и вечно зеленеющие долины, и бездонные пропасти с неумолкаемыми водопадами, и непроходимые леса с бесчисленным множеством ручьев и речек и, наконец, вечно шумливое море с прекраснейшею, всегда безопасною Сухумкальскою бухтою, и все это в пределах Абхазии, на каких-нибудь ста двадцати верстах в длину и верстах на тридцать в ширину, если не менее. Любитель картин природы на каждом, так сказать, шагу будет тешить взор свой; у сельского хозяина, посвященного в таинства своего быта, разбегутся глаза при виде разнообразных источников к благосостоянию; минералог и даже

археолог, не без пользы могут постучать молотом в абхазские горы и опустить заступ в приморские равнины. Для всех званий и для всякого труда найдется здесь обильная и полезная пища. Но - грустно сказать - этот прекрасный уголок, освещаемый южным благодатным солнцем и освежаемый изобильными потоками, морем и близостью в настоящее время, в строгом смысле, ничто другое, как прекрасная картина, созданная великим живописцем - природою. Человек не позаботился еще оставить на фоне этой картины ни капли трудового пота: он здесь дитя природы и собирает на потребу себе только приготовленное самою ею. Так, табуны лошадей и стада рогатого скота и овец привольно разгуливают летом на горных возвышенностях, ища прохлады от зноя, а зимою в низменных долинах, защищаясь горами и лесом от стужи, и человек, хозяин их, не заботится, как у нас на Руси, ни о зимних сараях, ни о сене, ни о летнем водопое. Так, земледелец здешний не спешит с наступлением весны взяться за плут или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; он не боится неурожая, он знает.., что и на этой пол-десятине Бог дарует ему кукурузы и гоми весьма достаточно на годовую пропорцию для всей его семьи. Садовод не делает вокруг сада изгородей, не сажает деревьев, не укрывает их на зиму и весной с ножом в руке не очищает их от усохших ветвей. И без этих хлопот в вековых лесах Абхазии зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодоносные деревья, составляющие богатство и заботу русских садоводов, в таком изобилии и оттого в таком небрежении, что ставятся на одну степень с нашим дровяным лесом. И вы думаете, что абхазцу нечем полакомиться? Ему стоит только взобраться на дерево с дуплом взять из него сколько нужно сотового меда, приготовленного без всякого даже со стороны его желания. А рыбный стол разве редкость для него? В любом ручье он закинет сеть и вытащит десяток вкусных форелей... И так абхазцу не для чего трудиться; он обеспечен насущным куском хлеба, а за большим, по природе своей, и не гонится, и Абхазия, достойная лучшей участи, из века в век остается такою же, какой создал ее Господь Бог.

История Абхазии довольно темна. Народ ее хотя и говорит особенным самобытным языком, но не имеет письмен, стало быть у него нечего искать летописей, раскрывающих проявление

народной жизни в отдаленные от нас эпохи, с свойственным сему проявлению переворотами, изменяющими иногда на несколько веков, если не навсегда, судьбу самого народа. Краткие указания древних историков, слишком темные народные предания и часто противоречивые умозаключения некоторых позднейших писателей, выводимые из соображений не всегда имеющих непреложность истины, слабо освещают исторические судьбы Абхазии и, оставляя во мраке аллегорических сказаний первоначальное население и ряд последующих веков его жизни, приподнимают завесу на немногие события. Мы узнаем однако ж, что еще в отдаленной древности, при ближайших потомках Ноя, Абхазия является отдельным царством под именем Иниохия. Еще за YI веков до Р.Х. приморские берега ее заселяются выходцами с островов Греческого архипелага, привлеченные, подобно предкам своим - аргонавтам, выгодами торговли; здесь возникают значительные в свое время города: Севастополь или Диоскурия, в центре Абхазии; Никопс (Анакопия, Анакопир) при речке Гумиста, Питиус и другие; но пришельцы, обладая всеми выгодами положения страны и произведениями ее, не имели державного влияния на туземцев: абхазцы продолжают иметь своих правителей*. Едва только род человеческий получил возможность искупления, запечатленного смертью и воскресением Господа нашего Иисуса Христа, как Св.Первозванный Апостол Андрей спешит в Абхазию и возвещает ей Евангелие. Спасительное слово вдохновенного свыше сеятеля падает не на бесплодную почву: низвергаются языческие кумиры, строятся храмы Божии, учреждается епархия в Никопсе: христианство поет песнь победную... В половине пятого века грузины покоряют Абхазию и чрез сто лет уступают ее Византии; под ее протекторством цари абхазские простирают свое владычество на древнюю Колхиду и восседают на престоле грузинском, но чадолюбие царя

** Замечательный факт в истории народов. Во все века и во всех других странах мы видим, что или пришельцы сливаются с туземным народонаселением, подчиняясь его управлению и образу жизни, или туземцы подпадают под иго первых. И чрез ряд веков утрачивают свою самобытность.*

Александра 1-го губит Абхазию: в XY века она отпадает от Грузии и, управляясь независимым владетелем, вскоре, при распространившемся владычестве турок на Кавказе, стонет под их игом. Приморские колонии греческие гибнут, монастыри и храмы Божии разрушаются и на пепелищах их мы видим теперь только следы счастливых дней Абхазии. Наконец, в первые годы нашего столетия она присоединяется к закавказским владениям России, оставаясь до настоящего времени, в отношении внутреннего управления, в не-посредственной зависимости собственного владетеля.

Четырехвековое владычество турок в Абхазии не только изгнало неглубоко вкоренившееся здесь христианство, но не оставило и малейших следов просвещения, которое могло проникнуть к туземцам от греческих поселенцев - образованнейшего по тогдашнему времени народа. В религиозном отношении абхазцы делятся, в наше время, на три разряда: православных христиан, магометан и не исповедывающих никакой религии. Последний разряд многочисленнее двух первых. Не имея Священного писания на собственном языке и не понимая грузинского, на котором обыкновенно совершаются здесь обряды церковные, абхазцы, естественно, не могли быть проникнуты духом истинной веры и окрепнуть в ней; преследуемые же распространителями закона Магомета и не поддержанные христианскими соседственными нациями, испивавшими в то же время горькую чашу за Христа Спасителя, они не могли не последовать учению пророка. Но если христианство, при всех невыгодных условиях по своему существованию и распространению между народом, пришло в упадок, то и магометанство не имело и не имеет между ним ревностных поборников, несмотря на материальность этой религии, ласкающую грубого азиатца, скорее склонного к чувственным, нежели духовным наслаждениям. Как установления нашей церкви, так и коран Магомета плохо соблюдаются абхазцами: они редко являются в церковь, еще реже показываются в мечетях... Из древних православных храмов уцелело до настоящего времени два, в деревне Соук-су и Илорах; в них отправляется богослужение грузинскими и имеретинскими священниками. Последний храм древнее

первого, говорят построен еще в IY веке и богат древними иконами* . В нем время от времени совершается и поныне чудо Св. Великомученика и Победоносца Георгия: в день, посвященный памяти сего святого воина, чтимого почти всеми кавказскими горцами, 10-го ноября, перед утреннею, является иногда, Бог весть откуда, в запертой церковной ограде, оберегаемой стражею, священный бык с золоченными рогами. По благословению священника, по окончании церковной службы, бык этот закалывается и куски его мяса раздаются вроде артоса прихожанам, собирающимся для сего не только из всех мест Абхазии и Самурзакани, но даже из Мингрелии и Имеретии. Говорят, что мясо это спасительно от всех болезней и никогда не портится. Явление священного быка служит предзнаменованием спокойствия и хорошего урожая в продолжении следующего года и потому народ торжествует и празднует этот день с увлечением, по своему: составляются игры, скачки на лошадях и проч.; но если бык не явится, - народ расходится в унынии день 10-го ноября, составляющий эпоху для абхазца-христианина, проходит незаметным**. В Пицунде сохранился опустевший храм огромных размеров. По распоряжению и пожертвованиям нашего правительства, он приводится в первобытное благолепие и предназначен для кафедры абхазского епархиального епископа. В разных местах Абхазии есть еще несколько церковных развалин, но замечательнее всех, мне кажется, храм на высокой конусообразной горе близ развалин древнего Никопса, с уцелевшею еще неподалеку, на той же горе, башнею. Нужно было много усердия и неимоверных трудов для постройки сего храма, и существование его на такой значительной высоте, труднодоступной пешеходу, можно

** Кратковременное пребывание мое в Илорах, составляющих центр христианского населения Абхазии, не позволило мне осмотреть в подробности древностей Илорского храма, но я увидел в нем древние иконы Божией Матери и Св. Георгия, с богатыми украшениями и принесенными в дар первой двумя старинными кинжалами, осыпанными дорогими каменьями.*

*** Последнее явление быка было в 1851 году, после двухдневного ожидания.*

объяснить только гонениями на христианство, от которых оно искало убежище на неприступных возвышенностях, или дремучих лесах и глубоких пропастях. Мне не случилось осмотреть этих развалин, но я слышал рассказы, что никто из любопытных, посещавших внутренность их, не возвращался оттуда: он поражается невидимою силою. Если рассказы справедливы, то не действие ли это убийственного газа, исходящего из горы, имеющей, как говорят, на самой вершине большую трещину?..

* * *

Но гостеприимство также свято соблюдается абхазцем, как и прочими кавказскими горцами. Его кунак или только отрекомендованный ему гость, может быть уверен в совершенной безопасности под кровлею сакли; он будет успокоен и накормлен, как только позволяют средства хозяина, и хозяин горит со стыда, когда не имеет возможности помочь в нужде своему гостю. Мне случилось однажды выехать из Сухума налегке, морем, на небольшой лодке; отъехав верст более десяти, мы встретили сильный противный ветер и принуждены были пристать к берегу: скучно было сидеть на нем в ожидании погоды, в обществе двух неразговорчивых матросов, и я решился идти пешком на ближайшую почтовую станцию. День был, как нарочно, самый жаркий, а путь не короткий - верст более пятнадцати. На дороге я встретил абхазца, между нами завязался пантомимный разговор, и он предложил мне идти за ним в ближайшую деревню, версты за две в сторону от почтовой дороги, чтобы взять там верховую лошадь и доехать до станции. Устав до изнеможения, я охотно согласился и пошел вслед за абхазцем; мы углубились по едва заметной тропинке в чащу леса, шли около часу и наконец я был введен в абхазскую саклю и отрекомендован хозяину. На просьбу мою дать мне лошадь, он отвечал готовностью служить мне и, сказав что-то стоявшему вблизи оборванному мальчику, который тотчас скрылся, засуетился угощением меня: вынес под навес сакли низенький круглый столик, кое-как сколоченный из не выструганных досок,

положил на него порядочную кучу сваренной в воде гомии, небольшой ломоть собственного сыру. - нечто иное, как завяленный кусок заквашенного молока, вынес из сакли кувшин кислого и мутного вина и, дав мне умыть руки, пригласил откушать его хлеба-соли, хотя ни хлеба, ни соли тут вовсе не было. Долг вежливости требовал не брезгать радушным угощением и я принялся за предложенный стол, с трудом пропихивая в горло гомию и сыр, размачивая их вином, от которого драло горло... Хозяин присел на корточках недалеко от меня, вместе с собравшимся тут же порядочным кружком абхазцев, и кое-как отвечал на мои нехитрые вопросы. У меня в дорожном мешке случилась хорошая паюсная икра и я вздумал поподчивать ею моих собеседников, начиная с хозяина; он долго и со вниманием рассматривал ее и только после убедительных уверений моих, что это хорошая русская закуска, взял небольшой кусочек в рот, но в ту же минуту с отвращением выплюнул; другие же присутствующие, после него, не решились и попробовать моей икры. Поспешив закончить трапезу, я вновь обратился к моему амфитриону с просьбой о лошади: он опять повторил, что она скоро будет приведена и, попросив меня отдохнуть, сам исчез между саклями: вместе с ним исчез и рекомендатор мой. Долго мне пришлось отдыхать после абхазскою обеда; начинало вечереть, а ни хозяина моего, ни лошади не являлось; наконец истощив терпение, я отправился в другую саклю по соседству: меня встретил старик довольно благовидной наружности вопросом: «Тебе нужна лошадь и ты ждешь ее целый день?»

- Да. Сделай милость, помоги моему горю. Хозяин мой уже три часа не является и на него, кажется, мало надежды.

- «Зачем ты не пришел ко мне прежде? Ты давно был бы уже в дороге. Твой кунак услал свою лошадь в другой аул, но так как он не в ладах с соседями, то ему достать другую очень трудно. Вот он из стыда, что не может служить тебе лошадью, скрылся от тебя и явится не прежде, как отыщет лошадь, может быть завтра.»

С этими словами старик мигом оседал две лошади: одну для меня, другую для себя, и мы пустились на станцию...

Ближайшие к Сухуму поселяне могли бы обогатиться доставкою туда одних дров и строевого леса; им была предложена почти двойная плата противу получаемой

имеретинами и мингрельцами, единственными в Абхазии работниками, но и эта привилегия на них не подействовала. Вся торговля абхазцев, если это можно назвать торговлею, заключается в сборе и продаже винограда ими на винные заводы греков и мингрельцев, в приносе на базары Сухум, Келасуры и Очамчиры кур, свежих фруктов, звериных кож и воску в незначительном количестве. О древней торговле пенькою и льном нет и помину. Шелководством занимаются только поселяне деревни Илор и то в незначительном размере, и шелк, по дурной размотке, выходит низшего качества* . Абхазцы водят табуны лошадей, стада рогатого скота и овец, и об улучшении выродившейся породы нисколько не заботятся. Лошади н особенно коровы малы ростом, но первые отличаются неутомимостью в езде и всходят на скалы, как серны. Вся выгода абхазца от скотоводства ограничивается удовлетворением собственных потребностей, и он не помышляет, что мог бы извлечь более пользы, если бы занимался им рачительно и приводил бы на продажу свой скот хотя и на базар в Сухум-кале. В лесах водятся медведи, волки, свиньи, олени, дикие козы, лисицы, куницы, выдры и бесчисленное множество шакалов; иногда попадаются барсы. Абхазцы приносят на базар кожи этих зверей, особенно куньи, которые имеют хороший сбыт в Турцию, Грузию и даже Россию.

Абхазец немного заботится о своем жилище и не гонится за комфортом; для него достаточно заплести из хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клетушку в два отделения - мужское и женское и покрыть ее кукурузными листьями, папоротником или тростником, чтобы проваляться в ней около очага и зиму, и лето, на войлоке или бурке. Жилища князей и известных дворян отличаются, впрочем, некоторым

** Впрочем, абхазки ткут из него порядочную материю - дараи, употребляемую преимущественно на рубахи. Кусок этой материи, мерою в 7 аршин длины и 5 аршина ширины продают они от 70 коп. до 1 руб.30 коп. серебром.*

удобством: у них стены дома рубленные, потолки досчатые, устраиваются нары (тахты), заваленные одеялами и подушками и, вместо костров, камины.

О воинских доблестях абхазцев я скажу немного... Были примеры, что при ежегодных почти нападениях убыхов на пограничные селения абхазцев, нападениях скрытных н нечаянных, они отражали первых с значительным для них уроном. Абхазец, как и все кавказские горцы, от десятилетнего возраста до конца жизни, всегда вооружен кинжалом за поясом, шашкою у бедра и ружьем за плечами...

Постоянный костюм его состоит из оборванной черкески, вечно дырявой...из грубого сукна - изделия жен своих, такого же узкого и короткого нижнего платья с ноговицами другого цвета, островерхой шапки, всегда прикрытой башлыком, из которых приготовляемые в деревнях близ Очемчир славятся добротою отделкою, и самой плохой рыжей бурки; на ногах, не всегда однако ж, пастолы, - что-то среднее между русским лаптем и турецким башмаком, с тою разницею, что абхазский башмак - из сырой кожи, прикрепляется к ногам ремнями и вооружен шпорою. Князья носят черные иди красные чевяки. Впрочем, всякий порядочно одетый человек в Абхазии - князь. И здесь по платью встречают! ... Все достоинство женщины в глазах материального азиатца сосредотачивается в ней самой, в ее наружности, и потому удивительно ли, что на Востоке они и чистоплотнее и опрятнее, нежели мужчины? Но абхазские женщины - христианки, магометанки и язычницы - все одинаково, мне кажется, стоят выше многих. Турчанки, например, если и аккуратны, то потому, что весь век свой проводят в гаремах, не подвергаясь полевым и домашним черным работам; напротив, абхазки вскапывают землю под посевы, собирают плоды, заведывают всем домашним хозяйством, - и в тоже время вы видите на них чистенькие ситцевые платья, покроем на манер европейских, и белые, как снег, покрывала; вне работы на базарах и в праздники на тамашах (гуляньях) многие из них одеваются в шелковые платья и многие не без вкуса. Волосы заплетают в косу, повязывают платком, носят шали или греческие курточки; обуты в аккуратно сшитые чевяки, собственной работы. Хорошеньких личек своих, защищаемых от зноя

зонтиком, и черных острых глазок, при встречах с мужчинами они не прячут под ревнивые покрывала. И вообще, абхазки, не чуждаясь мужского общества, в ряд с мужчинами ловко ездят верхом на мужском седле, может быть потому, что об экипажах, кроме двухколесной арбы, мужья их не имеют понятия.

Сухум-Кале.
С. Пушкарев
Газ. «Кавказ», 1854 г., №60, 61.

ИЗ ПИСЬМА К.ЧЕРНЫШЕВА К А.П.БЕРЖЕ «ЕЩЕ ОБ АБХАЗИИ»

... Абхазцы берегут их [жен] в своей родине, гордятся их нравственностью и красотою, и ни под каким видом, ни за какие деньги не выпускают женщин или девушек за границу Абхазии: эти существа, по их понятиям, тесно связаны с родиной, которую они любят. Чистота нравов между женами необыкновенная. Ни рабство, ни тяжкие труды и работы не могут заставить жену забыть свой долг и изменить мужу. На это является впрочем мало охотниц и охотников, может быть и потому, что смерть от руки мужа неминуемо ожидает и жену и ее обольстителя; а это верный сигнал к бесконечному ряду убийств; по врожденному в абхазце чувству мести, которое в Абхазии также сильно развито, как и между другими народами Кавказа.

Надобно однако отличить жизнь абхазца по различию его состояния. Князь или богатый дворянин действительно проводит жизнь среди лени и бездействия; простолюдин же работает, и если он, невзирая на труды свои, остается беден, то это проистекает не от лени, а в отношения бедного, низшего класса к высшему, который грабит, разоряет его, на основании народных обычаев.

В Абхазии существует три главных сословия: крестьяне, дворяне и князья. Крестьяне разделяются на три разряда: 1. Обязанные доставлять известный доход с произведений своей землевладельцу; они не несут никаких служб, лично, своею

особою; это что-то вроде наших обязанных крестьян; 2.Обрабатывающие землю своего владельца, не имея собственной; эти исполняют все работы в доме господина, исключая черной, и соответствуют нашим крестьянам и дворовым, и 3.Неимеющие право носить оружие, исполняющие все черные работы при доме владетеля; это рабы, которых господин имеет право убить, продать, променять; они или состоят из взятых в плен горцев, или про исходят от перекупленных лиц разных племен, часто провозимых через Абхазию для продажи в Турцию; или из рабов, вышедших из Турции, или наконец из беглых мингрельцев, поселившихся в Абхазии. Кроме сказанных трех родов крестьян, еще есть четвертый, похожий на крестьян, но пользующийся уважением почти равным дворянам: это жители поселения около Соук-су - родового имения владетеля Абхазии; на обязанности их лежит служба дому владетеля, что-то вроде придворного его штата. Некоторые из них имеют даже крестьян и пользуются правами дворян.

Дворяне - лица, имеющие право владеть землею и крестьянами. Они не несут никакой повинности, кроме обязанности являться вооруженным по зову владетеля, для суда и защиты родины. Дворяне пользуются доходами с земель, им принадлежавших, и частию доходов с земель своих крестьян. Происхождение абхазских дворян весьма темно. Они или переселенцы из разных стран, заслужившие с древних времен особенное уважение туземцев, по своему богатству или собственными заслугами; или же пожалованные в это звание владетелем за верную службу его дому. Самая сильная дворянская фамилия в Абхазии - Маргани. Она пользуется и ныне особенным уважением народа и имеет на него большое влияние; но влияние это было бы гораздо важнее, если бы между членами фамилии Маргани не велась давняя родовая месть. Князей в Абхазии три рода: князья обыкновенные, князья владетельного дома Шервашидзе и сам владетельный князь. Первые, кроме прав дворян, имеют еще право владеть дворянами, которые несут относительно к ним ту же службу, какую несут крестьяне дворянам, исключая работ своею особою.

Князья владетельного дома не имеют никакой собственности, а зависят вполне от ласк и внимания владетеля Абхазии;

пользуются только от народа особыми наружными знаками уважения, целованием пол их платья и т.п. Исключение составляет князь Дмитрий Шервашидзе, который, как потомок настоящих владетелей Абхазии, имеет свою недвижимую и движимую собственность, своих князей, дворян и крестьян, и только в делах общих, касающихся родины, находится в зависимости от владетеля.

Владетель - это неограниченный властитель Абхазии: слово и ум его - закон для всей страны. От личного характера и отношений его к соседям зависит влияние его на народ и соседей, и отношения их к Абхазии. Обязанность его - судить и рядить всех абхазцев по существующим обычаям. Власть владетеля не простирается только на жизнь его подвластных, потому что смертная казнь не существует в Абхазии. Однако и тут отец[25] нынешнего владетеля переступил свою власть, казнив за ослушание и неповиновение двух князей из фамилии Дзапшипа. Народ не только не роптал, но смотрел на эту меру, как на меру необходимости, и все влияние этой фамилии, прежде сильной и влиятельной, ныне совершенно уничтожилось совершившимся над ее членами наказанием...

* * *

И действительно, кроме разности прав по земле, все сословия имеют равные права на свободу мнений, действий и уважение в народе. Особенным влиянием пользуются лица, заслужившие уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, - так что голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого, неопытного князя.

В делах народных никто не имеет голоса и веса; все они решаются словом и волею владетеля; но и тут власть владетеля не неограниченна. В случае неприязненных действий или отношений владетеля с соседними Абхазии народами, пограничные к ним абхазские фамилии никогда не поднимут противу них оружия в следствии родственных связей своих; они скорее пожертвуют родиною, нежели решатся участвовать в

опустошении земель своих иноземных родственников. Родство, феодальная связь в Абхазии так же важна, как и у прочих племен Кавказа. За обиду, насилие, честь, рану или смерть родного, - вся фамилия поднимает оружие и платит ужаснейшею местью врагу или обидчику.

Родовая месть развита в Абхазии как и между другими племенами; но в этой стране она имеет свои оттенки. Так, тотчас после убийства, родовая месть может быть остановлена вмешательством других фамилий, если они предложат в деле примирения свое посредничество. Тогда уже дело переходит на обсуждение народного суда.

Народный суд составляется из избранных обеими сторонами судей, известных по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующихся добрым мнением народа. Эта народные судьи называются медиаторами, и самый суд медиаторским.

Все затруднение посредников состоит в том, чтобы убедить враждующие стороны в выборе медиаторов и согласить их в этом выборе; но когда это препятствие устранено и судьи избраны, тогда самое производство суда идет весьма быстро.

Обе враждующие стороны собираются в избранном судьями месте (большею частию на обширной поляне около Соук-су - имения владетеля), располагаясь в противоположных углах и разделенное группой судей. На суд обе враждующие стороны являются невооруженными, во избежании пролития крови в случае жарких споров.

Медиаторы, находясь посредине, вызывают к себе первоначально со стороны обвинителей избранного ими оратора, который обязан изложить подробно весь ход дела. Потом выслушивают обвиненных. Ораторы обязаны говорить громко, чтобы обе стороны могли слышать слова и делать потом возражения. Эти лица обыкновенно выводят свои обвинения и оправдания с самых отдаленных времен, вставляют в свою речь обстоятельства, вовсе не относящиеся к настоящему делу и не жалеют в своих обвинениях ни чести, ни имени своих врагов. Выслушав обе стороны, судьи удаляют из своего круга ораторов и остаются одни, разбирают все обстоятельства, касающиеся только настоящего дела и постановляют решение, касающееся

только настоящего дела, которое объявляется судящими чрез старейшего по летам медиатора. Объявление производится тем же порядком; но прежде старец-медиатор излагает вновь пред тяжущимися ход дела, объявляет, что нашли судьи достойным внимания и что не касающимся дела, и спрашивает, не имеет ли какая-нибудь из сторон, что-либо добавить, не упущено ли что-либо медиаторами из виду, и когда получают в ответ, что тяжущиеся высказали все и не имеют ничего более прибавить, - тогда медиатор-оратор излагает им мнение суда и его решение. Противу медиаторов нет апелляции; судом их прекращается право мести и дальнейший иск пред владетелем.

В случае разногласия мнений между медиаторами дело излагается одним из них пред владетелем, который уже решает их недоразумения. Тяжущимся это разногласие не объявляется и до решения дела все диспута судей остаются тайною для тяжущихся. Подобным образом решаются все тяжебные, исковые и уголовные дела. Только нужно отличать состав медиаторского суда. Тяжебные дела и исковые не необыкновенной важности, разбираются судьями, избираемыми только тяжущимися. Уголовные же дела и тяжбы важные, например по владению недвижимою собственностию, разбираются утверждаемыми владетелем медиаторами; важные уголовные дела и дела родовой мести - медиаторами из «самых важных княжеских фамилий, и из стариков дворян и крестьян., под личным председательством владетеля.

За преступления существуют наказания: 1) денежная пеня (ее берут и произведениями земли, лошадьми, рогатым скотом и т.п.): а) в пользу невинного и оправданного судом; и б) в пользу владетеля (за воровство), 2)лишение свободы, 3) закование в цепи, и наконец, 4) изгнание из родины (вроде лишения политической жизни, или остракизма у древних греков).

Замечательно, что воровство, считающееся у других народов Кавказа удальством, здесь порок, который наказывается весьма строго, а именно: с вора взыскивается в пользу хозяина тройная стоимость украденного им, и кроме того, за воровство сто рублей штраф - в пользу владетеля. Это строгая мера была причиною, что воровство в Абхазии случалось редко; но в

настоящее время порок этот усилился именно потому, что коренные абхазские законы вообще начали терять свою силу. Замечательно еще и то, что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества, которые не имели достаточных средств к жизни и считая труд стыдом, для прокормления своего семейства пускаются в воровство.

Если для обвинения виновного нет ясного доказательства, то судьи прибегают к присяге. Этот обычай существует издавна; но вследствие неясного, темного понятия о святости присяги, она потеряла свою силу. Ныне верят еще присяге пред образом Божией Матери в стволе дуба (на Холодной Речке близ Бомбор). Народ до того чтет святость этого дуба, что даже владетель не имеет права взять силою безоружного, бежавшего под сень этого дуба и покровительство его святой иконы...

Я сказал выше, что между прочими наказаниями за преступление, существует у абхазцев обычай, вроде греческого остракизма - лишение политической жизни. Этот обычай заключается в том, что все родные отказываются от обязанности родовой мести за то лицо, которое подвергается изгнанию; каждый стыдится даже отвечать ему на обиду обидой или местью; избегает разговора и даже встречи с ним. Изгнанный однако пользуется правом гостеприимства. Это радушие ему должно казаться хуже явного преследования законом. Хозяин каждой сакли сажает его за особый стол во время обеда и ужина в углу сакли. В его присутствии вымывается стол, на котором обедал, - выбрасываются остатки его трапезы собаке, причем говорится: «от собаки собаке». В случае ночлега хозяин в его присутствии сжигает клочок войлока или бурки, на котором изгнанник спал. и явно, при каждой встрече или слове, выказывает ему свое презрение и пренебрежение.

Это изгнание продолжается до тех пор, пока не найдется сострадательное лицо, которое примет его под свое покровительство, и, лично своею особою не поручится пред родными изгнанного в его поведении и искреннем его раскаянии. Тогда отверженный вновь принимается в общество, вступает в свои права и принимает прежнюю фамилию.

К.Черныше Тифлис, 6-го октября 1854 г.
Газ. «Кавказ», 1854 г., №82, 83.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ИЗ АБХАЗИИ»

Между местным русским начальством в Абхазии уже несколько лет существуют мирные отношения. Но недавно один из джигетских князей Геч Решид, поссорившись с абхазскими помещиками Инолиповыми, напал на их имения с шайкой в 500 человек. Сторожевые пикеты абхазцев открыли горцев, но когда Геч Решид присягнул, что он собственно против Абхазии не имеет враждебных намерений, то они пропустили его без сопротивления. Джигеты бросились на ближайшие земли Инолиповых, захватили находившееся там имущество и несколько человек увели в плен.

Генерал-майор Миронов, извещенный довольно поздно о вторжении горцев выслал против них две роты на шхунах и азовских баркасах. Наши суда открыли хищников, когда они переправлялись уже обратно за речку Бзыбь, и провожали их несколько времени пушечным и штуцерным огнем.

Газ.«Кавказ», 1857 г., №30.

ИЗВЕСТИЕ ИЗ АБХАЗИИ

Г. Кутаисский генерал-губернатор доносит г. Главнокомандующему, что на рассвете 16-го мая войска наши заняли укр. Гагры.

Занятие это было произведено 3-мя батальонами Черноморской линейной бригады, перевезенными из Сухума морем на 4-х пароходных и 2-х транспортных судах и одной парусной шхуне. Все войска были накануне, в 11-ть часов до полудня посажены на суда и после 16-ти часового плавания, несколько замедленного трудным следованием ночью, высадились в совершенном порядке на берег при устье речки Гагрипши. Первый высаженный батальон (№ 1-го) немедленно занял оставленное нами в 1854 году укрепление и окрестные высоты.

Горцы, следившие за этим предприятием, начинали уже собираться толпами у Сочи и Адлера; но быстрая и неожиданная

высадка предупредила их покушения, так что они одним выстрелом не осмелились противиться занятию берега.

Бывшее укрепление Гагры найдено в полуразрушенном виде; но в самый день занятия оно приведено было по возможности в оборонительное положение; по уцелевшим бастионам размещены привезенные на судах орудия, и в настоящее время Абхазия по прежнему прикрыта с севера от хищнических набегов беспокойных ее соседей.

Газ. «Кавказ», 1857 г., №45.

ИЗ КУТАИССКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Разнородные страны, входящие в состав Кутаисского генерал-губернаторства, ныне принадлежат к вполне мирным частям Закавказского края, где война перестала уже считаться состоянием нормальным. Спокойствие только по временам нарушается хищничествами на границе турецкой и мелкими злодеяниями в пограничных областях Абхазии, Самурзакани и Цебельды. Но и здесь происшествия этого рода, как следы долговременного неустройства и междоусобий в крае, видимо уменьшаются, по мере того как водворяется в нем лучший внутренний порядок. В этом отношении сделан в последнее время заметный успех в Абхазии и Цебельде, где благие усилия владетеля и некоторых влиятельных лиц приносят уже свои плоды. В Цебельде восстановлено русское приставское управление и народный суд, для которых местопребывание избрано в верстах 9-ти впереди бывшего укрепления Марамбы, на возвышенном плато, господствующим над долинами Кодора и Амткала. Здесь, в средоточии большей части цебельдинского населения, на узле главных дорог этого края, на местности изобильной пастбищами и угодьями, - возводятся необходимые постройки для приставского управления и небольшое укрепленное помещение для гарнизона. С этой целью еще в мае месяце был собран под начальством генерал-майора Лорис-Меликова отряд, который вступил 14-го числа того же месяца в Цебельду, в сопровождении всей знати этого края, и приступил

к работам. Жители приняли войска с радушием, доставляют им продовольственные припасы, заводят знакомство с ними и торговлю. Народный суд открыл свои действия и тяжущиеся доверчиво обращаются к нему за решением. Надобно надеяться, что заложенное ныне небольшое укрепление сделается со временем центральным пунктом администрации и промышленности всей этой нагорной страны и вместе с тем будет служить убежищем от сухумских жаров и лихорадок.

Вместе с постройкой укреплений в средине Цебельды, деятельно разрабатываются войсками и дороги, которые должны обеспечить сообщения этой нагорной страны с Сухумом. Кутаисский генерал-губернатор князь Эристов, вместе с начальником войск в Абхазии, генерал-майором Лорис-Меликовым, лично осмотрел и определил направление для дороги в Абхазии, обратил также внимание и на открытие надежнейшего сообщения Сухума с Кутаисом, для чего избрано направление по нагорной части Самурзакани и Мингрелии. Казачьи посты уже перенесены на эту верхнюю дорогу и к успешной разработке ее приняты меры.

В самом Сухуме также приступлено к необходимейшим строительным работам и к очищению воздуха посредством осушения окружающих болот. В числе построек должны быть возведены и помещения для морской станции, учрежденной в Сухуме с той, целью, чтобы местное начальство имело в своем распоряжении средства, необходимые для наблюдения за контрабандою, так и для обуздания непокорных горских племен, живущих на морском берегу к северу от Абхазии до мыса Псезуаспе, от которого начинается уже северный отдел восточного берега, состоящий под наблюдением Константиновской морской станции. Морские средства, которые по новому высочайшему утвержденному положению, постоянно назначаются от черноморского флота в распоряжение кавказского местного начальства, дают возможность препятствовать непокорным горским племенам продолжать свободно запрещенные торговые сношения, под предлогом которых они и до сего времени еще промышляют продажею людей, и получают военные запасы и оружие.

Газ. «Кавказ», 1858 г., №57, отд. Военные известия.

ИЗ СТАТЬИ ДМ. БАКРАДЗЕ «ОЧЕРК О МИНГРЕЛИИ, САМУРЗАКАНИ И АБХАЗИИ»

Сведущие люди вероятно согласятся со мною, что самые замечательные места на Кавказе и в Закавказье лежат в западной Грузии и именно в тех областях, известных в древности под именем Колхиды и потом Лазики и впоследствии составивших Имеретию, Гурию, Мингрелию, Самурзакань и Абхазию, хотя впрочем две последние не входили в их состав. Тот не может иметь об них верного понятия, кто собственными глазами их не видел. Здесь сравнительно на малом пространстве природа принимает разнообразный и величавый характер; здесь невероятное обилие рек и потоков; здесь физиономия туземных населений, их языки и образ жизни правильно разграничены бассейнами рек; здесь во множестве встречаются архитектурные памятники давних времен, следы влияния эллинов и римлян, византийцев и абхазо-грузинских багратидов.

Я давно желал видеть эти места и на месте проверить свои географическо-исторические записки о Кутаисском генерал-губернаторстве. Мне представился удобный случай: г. генерал-губернатор, князь Г.Р. Эристов, в прошлом апреле должен был обозреть вверенный ему край; я находился в его свите... В прибрежиях моря весна - самое лучшее время для поездок: жары стоят умеренные и растительность не успела развиться; дожди непродолжительны и разливы рек не надолго останавливают.

Мы выехали 9 числа и направились в Мартвиль и Джвары, на Окум, Бедию и Мокви, на Сухум и Гагры; обратный путь мой шел чрез Зугдид, Цаиши, Хопи и Накалакеви. Таким образом я посетил почти все замечательные места в Мингрелии, Самурзакани и Абхазии, видел быстрое развитие растительного царства и старался всмотреться в образ жизни туземцев.

Общий характер края, посещенного мною таков, что он навсегда остается даже в памяти поверхностного наблюдателя. Высокий утесистый отрог главного кавказского хребта, протягивающийся от юго-востока на северо-запад, отделяет от себя значительные отрасли, которые отлого спускаясь к Черному морю, образуют местами возвышенные котловины и долины, местами же скалистые берега и теснины; некоторые из них

живописными мысами врезаются в море, образуя бухты. Почти все значительные ветви идут параллельно морю и несколькими уступами подымаются одна над другою; высочайшие из них лежат под снежным покровом, на высоте от 10.000 до 13.000 футов, открывая в местах обнаженных первобытные породы порфира, гранита и известняка. Вид их особо прекрасен с моря: они принимают разнообразные и прихотливые формы. Ущелья, по которым текут реки, открывают темные свои проходы и, извиваясь далее, исчезают в массах гор; долины стелятся иногда на довольно большое пространство и имеют исхолмленный или волнообразный вид; ближе к морю они делаются ровнее и обширнее. - Характеристическая особенность этих гор и долин вовсе не такова, какую мы замечаем в других местах Кавказа: черты их не суровы - напротив, они мягки и нежны; цвета их переливаются светло-голубыми и темно-синими красками, вследствие необычайного обилия испарений, поднимающихся с моря и из лесов и в ясные дни светлыми парами клубящихся в воздухе. Этот характер сохраняется почти круглый год. Масса снегов и ледников на высочайших вершинах дают начало чрезвычайному множеству рек и речек, из числа которых после Риона, самые значительные суть: Ингур, Кодор, Цхенис-цкали[26] и Бзыбь. Все они известны были древним грекам и римлянам и сохранили те же самые свойства, а некоторые из них даже самые названия. Прорезав ущелья, они сбегают с особенною быстротой и грохотом по узким каменистым руслам, пенясь и крутясь, и лишь на равнинах делаются спокойнее и шире. Кроме Риона одни только Ингур и Кодор допускают, и то в низовьях, возможность плаванья на каюках. Они прибывают в жаркую пору при таянии снегов в горах и особенно опасны при проливных дождях, которые здесь очень часты; цвет их из чистого и прозрачного делается мутным и грязным; незаметные потоки превращаются в бушующие реки, а Ингур, Кодор, Бзыбь и Цхенис-цкали делаются на несколько часов решительно неудобны для переправы, разливаясь на значительное пространство, с шумом катя громадные валуны и вырванные столетние деревья. Мосты в долинах не держатся; только в горных местах устраиваются для пешеходного сообщения туземцев хрупкие висячие мостики прутьев или из

виноградных лоз, которые постоянно качаются и по которым непривычный не осмелится ступать, боясь головокружения и опасности оступиться и упасть в водоворот; на этих реках в долинах действуют, хотя и не всегда, туземные каюки, которые имея древнейшую конструкцию и будучи сделаны из выдолбленного дерева, искусно и смело управляются туземными гребцами. Князь Г.Р.Эристов, по здравом соображении, сделал распоряжении об устройстве тракта чрез верхние части. Соображение это основано на положительном изучении характера местностей. Перед этим постоянный постовой тракт в Абхазию шел на Зугдид, и далее морским берегом, чрез Редут-Кале и Сухум, местами большею частию ровными, но глинистыми и песчаными, в дождливое время превращающимися в целое море и топей и болот, а потому требовавшими чрезвычайных издержек на исправление этого тракта; устройство же мостов было почти невозможно по причине частых и сильных разливов рек и изменений лож. Верхние части представляют большую вероятность на успех: по нашему мнению, здесь лежал древнейший путь и остатки мостов местами до сих пор можно находить; здесь грунт земли имеет преимущественно хрящеватый характер; здесь значительных подъемов и спусков немного и они сделаются нечувствительными при новейшей системе вести дороги по горам трессировкой. К тому же, возведение прочных мостов не потребует особенных издержек, так как тут реки имеют сжатые скалистые берега и нужный материал находится под рукой. К устройству некоторых из них уже приступлено: мосты в Абаше и Хопи нынешним летом будут готовы; для остальных материалы заготовляются. Работы по дорогам идут деятельно, посредством батальонов; трессировка и просеки во многих местах уже поделаны; удобнейшие пункты для постов указаны. Таким образом дорога эта, которую и при настоящем ее состоянии мы проехали легко и без затруднений, пойдет мимо Мартвили на Джвары, где отделив одну ветвь на Сванетию по ингурскому ущелью, спустится на Окум и направившись мимо двух величественных памятников древности - Бедию и Мокви, на Сухум; пойдет по удобным местам через Анакопию и Соук-су к Гагрскому укреплению, - значит она будет прорезывать самое сердце Абхазии. Не говоря о важности

этого тракта в стратегическом смысле, по отношению нашего правительства к Абхазии и Джигетии, величайшую выгоду от удобных сообщений вполне оценит только тот, кто не раз имел случай проехать по диким местам Самурзакани и Абхазии. Считаем нужным войти в некоторые подробности по этому вопросу.

Известно, что все огромное пространство от Сурамского перевала до дальних границ Абхазии состоит из сплошных лесов, за исключением некоторых частей большого рионского бассейна, равнин Мингрелии и других незначительных долин. Чем далее от Кутаиса, тем леса эта делаются гуще и громаднее. Здесь растительность, имеющая характер трав и кустов в Грузии и Имеретии, получает древообразные формы, между тем как деревья принимают колоссальные размеры; здесь вонючий папоротник, в быстром своем развитии достигающий до одной сажени в вышину и встречаемый в виде частых и густых посевов, и с ним тонкоствольные азалии, почти в 2 сажени, с красивыми желтыми цветами, испускающими тяжелый одуряющий запах, покрывают все долины и поляны Самурзакани и Абхазии; а коленчатый рододендрон, эта краса прибрежья Черного моря, с длинными прелестными листьями и роскошными лиловыми букетами, образует чащи по скатам и оврагам, достигая до 3-х саженей. И над всем этим в виде навесов раскидывают свою темно-зеленую листву античные деревья, которые растут полосами, выдвигаясь то одною породою, то другою и из которых весьма многие имеют в длину 25-30 саж., в окружности около 2-х; это суть: чинар, бук, орешник, ольха, каштан и многие другие; пальма попадается только в горных ущельях и произрастая в чрезвычайном изобилии, служит предметом торговли с трапезонтскими и константинопольскими турками, доставляя, как я слышал, доходов от откупщиков одному владетелю Абхазии 7000-8000 р. сер. в год... Все эти леса были опутаны непроницаемыми массами чужеядных растений колючего свойства и виноградными лозами: стволы последних в размерах своих достигают до 1,5 аршина в окружности и крутясь в воздухе, взбегают на деревья и на их верхи, оплетают их и протягиваясь от одного к другому и третьему, опускаются многочисленными ветвями, качаясь в пустоте. На стоящая их родина - Абхазия от

Пицунды до Очамчир, где нередко одно дерево может дать до 30 пудов винограду. В большей части этих мест держится всегдашняя сырость и всегдашний полумрак; тишина природы прерывается шумом вод и пением птиц, да иногда блеянием коз и пасущегося скота мелкой породы. Население с трудом замечаешь: оно разбросано здесь и там в чащах и только изредка выглядывают одинокие плетенки с соломенными кровлями и угодьями кругом; оно редко живет свыше 5-10 семейств вместе и этот характер оно сохраняет по всей Мингрелии, Самурзакани и Абхазии.

Дороги здесь суть слегка пробитые тропы, годные лишь для пешеходов и едва годные для вьюков; колесных путей очень мало и те, которые есть, проложены по течению только рек, направляясь к морю. Тропы эта идут по балкам, вьются по скатам и возвышенностям, то показываясь, то исчезая. Решительно невозможно ездить здесь с одним казаком, без помощи чапар-хана или туземного проводника: он один может определить вам положение места и направление вашей дороги. Завернувшись в бурку и надев на свою остроконечную шапочку башлык, на всякий случай неожиданного дождя, он медленно и без шуму подается впереди вас, отодвигая или обрезывая сучья качающихся в воздухе колючек, объезжая, где это возможно, болота и громадные, часто гниющие пни, которые свалились вследствие порыва бури или же вследствие несчастной привычки туземцев поджигать их, разводя по ночам в холодную пору костры у их корней; там, где ваш путь лежит мимо населения, чапар-хан с казаком часто вынуждены останавливаться, чтобы разобрать изгороди, проводимые через дороги. Если был проливной дождь хоть на два часа, то реки успели вздуться - и вы должны или приостановиться, или без привычки и уменья не решитесь пуститься в брод: мутные воды напирают одна на другую, большие валуны катятся с шумом. Для переезда через большие реки вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному, как я заметил выше, из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени 3 в длину; он как будто готов опрокинуться, жизнь ваша как будто висит на волоске; вы дрожите, в глазах у вас рябит; но не бойтесь: это опасность мнимая. Полунагие гребцы, с торжеством

посматривающие на вас, едва успели отпихнуть каюк, как вы уже у другого берега; лошади переправлены вплавь. При подъемах и при спусках, при переходах от полуденной жары к вечерней сырости, которая здесь очень ощутительна, вы рискуете подвергнуться лихорадочным припадкам, при вашей сладкой привычке к изнеженному европейскому образу жизни. Вы конечно не можете быть довольны и неизбежным ночлегом под открытым небом, где вам мерещатся ... засевшие где-нибудь поблизости, или же в турлучных постройках, разделенных на 2-3 отделения, где со всех сторон свободно ходит ветер, где в вашем близком соседстве ночуют коровы, где гостеприимные хозяева подчуют вас легким гоми, с сыром иногда, который в два яруса кладут деревянной лопатой на длинную на четырех ножках скамейку, поставленную перед тахти, на котором вы расположились; подчуют также огромными кусками говядины и баранины, большей же частью козлятины с разными острыми приправами, - и все это вы запиваете довольно сносным вином из воловьих или турьих рогов разных размеров; в заключении потчуют вас общеупотребительным здесь кислым молоком, куда, если вам угодно, можете положить и меду. Здесь среди глубокой ночи то вас приятно нежат и убаюкивают звонкое щелканье и переливающею трели соловьев, то неприятно дерет ваш слух дикий и жалобный, отчасти напоминающий детский плач и повторяемый хором и с разных сторон, вой шакалов, - этих бесчисленнейших обитателей всего нашего края, составляющих истинное наказание бедных туземцев... Если в душе своей вы ощущаете хоть искру поэзии, то природа с избытком вас вознаграждает за испытываемые вами лишения и неудобства. Взгляните крутом себя: виды поразительно прекрасны и разнообразны! То над вами уходит в небеса суровый снежный хребет, обрывающийся ущельями и трещинами, по извилинам которых рвутся горные патоки; то под вами как бы сейчас образовались глубокие котловины и долины с своими огороженными посевами гоми или кукурузы и природными виноградниками; то картинно стелется обширная волнистая равнина, полуобнаженная от лесного покрова - и по ней прихотливыми нитями несут свои серебристые воды реки и речки, между тем как далее на горизонте ясно обозначается

светло-голубая полоса моря, по которому черными точками снуют пароходы и суда с кочермами и баркасами, которое плещет и играет или же клокочет и с грохотом разбивается у берегов; то, наконец, перед изумленным вашим взором неожиданно встают молчаливые свидетели доисторических и исторических времен - башни и замки, стены и дворцы, храмы и монастыри, неподражаемо живописно увитые плюшем по кровлям и стенам, обросшие целым лесом, торчащие на высях и скатах гор, в долинах и оврагах.

* * *

Кто воздвиг эти памятники и к каким эпохам они относятся, - вот вопрос, который сам собою рождается в мыслях путешественника... Судьбы их тесно связаны с судьбами края, но начальная история его также баснословна, как и вообще начальная история почти всякого народа. А положительно известно только то, что мингрельцы и абхазцы суть племена различные; не говорим о самурзаканцах, ибо они, по мнению одних, племя абхазское, по нашему же мнению, - смесь абхазцев и мингрельцев. Более или менее вероятные сведения об них передали нам древние писатели Европы и Азии. Они указывают их происхождение и места их жительства, описывают их образ жизни и их нравы, их взаимные отношения и их столкновения с другими народами. По смыслу их сказаний большая часть кавказских обитателей образовалась в следствии разных переселений, случившихся в разные времена, и абхазцы получили свое начало от египетской колонии, которую Сезострис великий в XII веке до Р. Х. водворил на берегах Понта Эвксинского, в доказательство чего некоторые из новейших авторов указывают на сходство абхазских физиономий с чертами лица, сохранившимися на египетских мумиях, на удержавшиеся в их языке коптские слова, на обычаи общие в жизни обоих народов и даже на некоторые древние колхидские монеты, имеющие стиль древних монет. Как бы то ни было, язык абхазский составляет язык особенный. Есть ученые, которые производят его от одного корня с черкесским, но известный

Паллас и г. Люлье, на месте их изучивший, доказывают, что сходство это - лишь следствие давнего соседства черкесов и абхазцев. Филологические наши сведения несомненны лишь в том отношении, что одним языком с абхазцами говорят джигеты, цебельдинцы, медозгои (или медовеевцы, подразделяющиеся на Псху, Ахчипсу и Аибгу) и абазинцы, что они имеют один и тот же образ жизни, следовательно и общий корень. Самое название абхазцев весьма древнее: эллинам они были известны под именем авасгов... Мингрельцы - племя картвельское, говорят испорченным грузинским наречием, совершенно общим с наречием другого грузинского племени лазов, живущих около Трапезонта и с глубокой древности имеющих соседями на северо-восточной стороне не мингрельцев, но чорохских грузин и далее гурийцев, которых языка они однако не понимают, - обстоятельство не объясненное доселе, несмотря на старания ученых.

Места, населенные мингрельцами и абхазцами, равно как и все восточное прибрежье Черного моря, прославлены долгим влиянием греков: плавание Прикса и Геллы на золоторунном баране и поход аргонавтов суть мифы, которые указывают на начало заселения этих мест греческими колониями, развившимися впоследствии и оставившими свои следы в архитектурных памятниках и даже нравах Кавказа. Колонии эти наполняли берега Понта и проникали вглубь края. Известнейшие из них были Илори, Гераклея и Пицунда, главнейшею же была Диоскурия, позже названная Севастополем; она была богата и могущественна; ее называли матерью всех колоний. Она лежала в центре Абхазии, в Цхоме грузинских летописей, на сухумском порте, между реками Беслетом и Маджарою, где сохранились до нашего времени остатки зданий, башен и церквей и остатки громадной стены, известной древним под именем стены кораксиян, от слова кочах-кодор, - почему и самые цебельдинцы, в стороне которых он течет, назывались кораксиянами. Будучи воздвигнуто против нашествий горцев[27], она тянулась на северо-восток по водоразделу между реками Келасурою Маджарою до селения Герзаул и потом на восток через Кодор, упираясь в реку Гализгу, а по словам Дюбуа, - в Ингур, сделавши около 160 верст в длину. Я видел ее в трех местах - в Келасуре, между верховьями

рек Дгамыша и Кодором и в Герзеуле. Она построена из булыжника и имеет полуразвалившиеся башни в близком расстоянии одна от другой. Места других колоний тоже обозначены развалинами... Греки отсюда вели торговлю с северною Азиею и Индиею: путь их в северную Азию шел двумя пунктами: по Кодорской долине и по Теберде на Кубань, или же по Бзыби на Зеленчукскую долину и далее степями; путь в Индию направлялся сначала на судах Фазисом или Рионом до Квирилы, на правом берегу которой сохранились остатки их складочного места Шаропани и откуда следовал сухим путем через Сурамский перевал на Грузию и Персию. Нет сомнения, что продолжительное господство греков по берегам Понта было благотворно для местных обитателей; по словам Страбона, греки держали в Диоскурии 70 разноязычных переводчиков для объяснения с кавказскими горцами, стекавшимися туда по торговым делам: дух их, при постоянном соприкосновении с цивилизованными колонистами, должен был смягчаться. Еще сильнее, конечно, отражалось влияние греческое на жителей долины, которых они знали под именем колхов, которые с доисторических времен были довольно развиты и даже, по словам знаменитого германского географа Карла Риттера и ученого Дюбуа де Монпере, были просвещены индейскими магами, основавшими здесь колонии, когда еще эллины были варварами и отсюда распространившими семена цивилизации в самую Грецию. Известный в мифе об аргонавтах и колхидской царевне Церцее, колхидский город Эа, впоследствии Археополь или Накалакеви, описанный, как думают, увлекательным пером в Одиссее Гомера, лежащий на правом берегу Техуры, у подошвы горы Унагары грузинских летописей Деда-Мухи на языке туземцев, - город этот удивил меня остатками своей обширной массивной ограды, башен и двойного замка, полууцелевшими палатами из тканного камня, длинным подземным ходом к Техуре и чрезвычайном множеством руин в окрестностях.

Римляне мало занимались торговлею и греческие колонии, при их военном направлении, пали. Кавказские племена одичали; но их снова выдвинуло христианство; оно привилось здесь вскоре по вознесении Христовом, будучи принесено самими апостолами: Андреем, Матфеем и Симоном Кананитом, из которых

двое последних замучены здесь же сванами и прах Симона предан земле в Никопсии, что на берегу моря в Абхазии[28]. На местах древних колоний были основаны эпархии и известнейшие из них суть: бедийская, илорская, моквская, драндская, севастопольская или Охваме, никопийская, пицундская и гагринская. Они были так славны, что многие из их епископов присутствовали при вселенских соборах. В это время Абхазия служила местом ссылки для византийцев и сюда-то был сослан знаменитый проповедник Златоуст. Византийцы распространяли христианство между горцами тем же путем, которым прежде шла торговля греков, - именно по Теберде и на Кубань, ибо этот путь местами доселе обозначен остатками древнейших храмов. - С V века по р.х. Лазика, заключавшая в себе все пространство от Ингура до устья Чороха, сделалась театром продолжительной борьбы между византийцами и персами. В эту эпоху в Абхазии было упрочнено в продолжении войн ослабевшее христианство и Иустинианом построен великолепный храм в Пицунде. Борьба кончилась в VI в. ослаблением греческого влияния. Далее в течении нескольких столетий в Абхазии господствовал ряд не наследственных туземных правителей, подчинявшихся то Византии, то Грузии; с IX в. абхазский эристав Леон сделался наследственным; с X в. вступает на престол династия Багратидов, которые соединили Абхазию и Грузию, при которых в продолжении двух с половиною столетий под именем Абхазии известно было все пространство от Капетис-цкали до Сурамского перевала и которые сами носили титул абхазо-грузинских царей. Многие из них были славны и могущественны; таковы именно Баграт III и Баграт IV, Давид-Возобновитель и царица Тамара. Они имели свою резиденцию сначала в Кутаисе, потом в Тифлисе, распространили свое влияние на весь Кавказ и далее, дали толчок грузинской литературе. К этой эпохе относятся переводы св.писания и творений отцов церкви, переводы греческих философов, национальные поэмы Руставели и Чахрухадзе; центром наибольшего развития служили Имеретия и особенно ахалцихская территория; архитектурное искусство получило высший свой полет; Пицунда сделана кафедрой католикоса-патриарха и воздвигнуто множество замечательнейших храмов, из которых мы укажем только те,

которые доселе сохранились в Мингрелии и Абхазии и которые были посещены мною. Они суть: Мартвили, накалакевская и зуддидская церкви, Цаиши, Хопи, Бедия, Мокви, Дранда, Никопсия и некоторые другие. Из них может быть только Дранда и накалакевский храм относятся к греческой эпохе, - к той именно, когда построена пицундская церковь, ибо они все носят следы древнейшего стиля. Остальные суть памятники абхазо-грузинской династии и были построены в период времени от X до XIII ст. Имена строителей царей сохранились в летописях и отчасти в стенных надписях. Лучшие из храмов Бедия и Мокви. Оба они оставлены давно, кровля и стены их покрылись густою растительностью и античными деревьями; но стиль их - образец архитектурного искусства; особенно замечателен Мокви, подобно которому нет нигде в целой Грузии. Он находится при реке Моквис-цкали и окружен двойной оградой; размеры его громадны и величественны; он весь одет снаружи и внутри в тщательно вытесанный камень. Вид его поразительно прекрасен: общий характер и подробности изящны и симметричны; живопись едва заметна, но была лучшая, чем в других храмах, виденных мною. Хоры идут кругом всего здания до алтарного выступа; пол весь устлан из разноцветных мраморных плит, колонки иконостаса состояли из мрамора и обломки их показывают, как они старательно были отделаны. В целом в здании повреждений немного; остальное все в целости, несмотря на полторастолетнее запустение. Мокви воздвигнут абхазским царем Леоном в X ст. и расписан, по словам иерусалимского патриарха Досифея, посетившего этот храм в XVII ст., при Давиде-Возобновителе каким-то грузинским монахом Николаем, принадлежавшем к дворянскому роду и известным высоким образованием своим и своими путешествиями по Италии. Моквская икона божьей матери сохраняется в хопинском монастыре. Мокви легко возобновить, при не очень значительных издержках. Новый тракт будет проходить, как замечено выше, у самого храма, казачий пост расположится в самой ограде и проезжающий с душевным наслаждением будет осматривать этот наилучший памятник наилучших времен Грузии. Я не сомневаюсь, что мимо Мокви и мимо Бедии шла большая дорога при абхазо-грузинских царях и позже, ибо

подобные памятники могут быть строимы именно при больших дорогах; я не сомневаюсь, что здесь должны быть остатки мостов, - их видели по крайней мере на Цхенис-цкали. Самое население здесь было гуще, так как следы его заметны по множеству развалин прекрасных церквей из тесанного камня в окрестностях.

В царствование абхазо-грузинских Багратидов ясно и надолго обозначились границы Абхазии и Мингрелии: первая заключалась между Ингуром и Капетис-цкали, вторая между Цхенис-цкали и Ингуром. Владетельные фамилии обеих княжеств - Дадиани и Шервашидзе известны со времен абхазо-грузинских царей. К какому роду принадлежали Дадиани, нам неизвестно, но слово дадиан образовалось от названия замка Дад и реки того же имени, под которою разумели нынешний Ертис-цкали, что в Самурзакани. Начало фамилии Шарвашидзе летописи ведут от ширванского эмира из дому Бени-щедлад, который был выселен в Грузию Давидом-Возобновителем. Обе эти фамилии получили наследственные свои права при царице Тамар и с тех пор династия Шарвашидзе не прекращалась, династия же Дадианов прервалась в исходе XVII ст. и с того времени идет другая династия. Совершенную независимость Дадианы и Шарвашидзе приобрели вместе с гуриелями и ахалцихскими атабегами в XV ст., вскоре по разделении Грузии на три царства. При них во владении их, особенно же в Мингрелии, феодализм получил характер феодализма западной Европы в средние века. Памятниками Дадианов служат храмы и монастыри, которые они возобновляли и украшали множеством икон в серебряных и золотых окладах, осыпанных драгоценных каменьями и в надписях которых подробно исчисляются их военные подвиги, ревность к религии и даже самые их преступления. Особенное множество подобных надписей археолог находит в Илори, Хопи, Цаиши и Целанджихе и в них чаще всего упоминается Леван II, живший в XVII столетии, принадлежавший к первой династии, известный жестоким характером, славными победами над имеретинским царем, над гуриелем и Шарвашидзе и раздвинувший границы Мингрелии до самой Никопсии, присвоив себе больше половины Абхазии. Взаимные распри владетелей со времени независимости и

усиление турецкого влияния по берегам Черного моря породили продолжительные беспорядки в обеих странах. Еще Шарден, посетивший Мингрелию вскоре после смерти Левана II, застал их в плачевном виде: религиозный дух ослабел; безнравственность распространилась; узы родства сделались крайне шатки; особенно развилось пленопродавство, сделавшееся единственным промыслом абхазцев и мингрельцев. Большая часть красивых девушек и мальчиков вывозилась в Турцию; девушки поступали в гаремы, а мальчики, будучи покупаемы османскими сановниками и египетскими мамелюками, нередко достигали высоких государственных почестей. Абхазцы и самурзаканцы отторглись от религии предков - и мингрельцам угрожало то же самое, если бы новый порядок, вовремя принесенный русскими, не отстранил турецкого влияния и не остановил внутреннего разложения.

Заключая статью, я должен сказать несколько слов о теперешнем положении посещенных мною племен. Племена эти, вследствие особенности местных условий и образа жизни, получили разные оттенки... Мингрельцы имеют черты лица нежные, более женственные; мужской красоты в них нет; зато тип мингрелок - изящнейший тип в свете; даже женщины из крестьянского сословия поражают чрезвычайною прелестью. Чем далее вы углубляетесь в Самурзакань и Абхазию, тем более физиономии делаются суровее и красота мужчин преобладает над красотою женщин. - Мингрельцы в обращении скромны и вкрадчивы. Самурзаканцы и абхазцы держат себя свободно и гордо, говорят с кем бы то ни было без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье. Вообще те и другие одарены прекрасными способностями, которые при правильном развитии обещают многое в будущем. Они живут, как известно изолировано, редко свыше 5-10 семейств вместе, большею же частию одиноко; эту жизнь они ведут с древнейших времен и она то преимущественно была причиною жалоб со стороны европейских путешественников. По словам последних «они стоят на самой низкой ступени гражданственности; они до того не общительны, что при виде чужеземца бегут и прячутся как лесные звери; занятия их - грабежи и воровство; они чрезвычайно ленивы». Мнение это кажется преувеличенным тому, кто ближе

всматривался в характер и жизнь этих племен. Сомнения нет, что разъединенность обитателей западного сурамского ската и прибрежий сдерживает развитие общественности; но она имеет и свою хорошую сторону, которая не была замечена: дайте им толчок и хозяйство у низ разовьется в широких размерах, страна их сделается другою Швейцариею. Настоящий образ их жизни порожден местными условиями и мы не должны им пренебрегать. Может быть, мы дождемся того времени, когда жизнь их заметно улучшится. В туземном населении местами, особенно в Мингрелии, уже видно стремление к улучшениям: они вырубают леса, стараясь селиться при дорогах; они выказывают много трудолюбия, разводя скот, в обилии сея гоми и кукурузу, рожь и лен. Служащие здесь говорили мне, что мингрельцы ныне уже не то, чем были перед войною; что они, особенно в последние два года, сделались деятельнее, что довольство их ощутительнее, что благодаря природной их предприимчивости, многие из них вне пределов своей родины ищут себе занятий, скупают в Самурзакани и Абхазии молодые вина и другие местные продукты, строят духаны при трактах и там, где есть наибольшая потребность. Вообще туземцы могут принести существенную пользу примеры, а примеры они могут находить в Окуме и Гаграх, в Зугдиде и Сухуме. В этих местах в настоящее время заметна особенная деятельность. В Окуме два года назад был лишь один дом священника; ныне старанием пристава, г.Чернявского, уже выстроен удобный казенный дом, проведена улица и обстроена лавками; строятся церковь и казармы. В Гаграх тоже: все помещения для баталионного командира, офицеров и нижних чинов окончены и снабжены всем нужным; церковь богата утварью; миленький садик вне укрепления усажен между прочим масличными деревьями. Зугдид и Сухум быстро растут; в окрестностях Сухума леса вырубаются, болота осушаются и проводятся канавы; прямые широкие улицы обстраиваются двухэтажными домами; греческим уроженцем Метакси, более 30 лет проживающим в Абхазии, в видах общей пользы выстроен на собственный счет фонтан и вода к нему проведена из-за города. Туземные помещики приобретают в городе места и строятся, многие из них и в своих поместьях возводят дома и стараются вводить хозяйство на европейский

лад. Нет сомнения, что все должно иметь влияние на массу населения. Туземцы уже не дичатся при виде чужеземца; пороки в которых их упрекали, встречаются в них реже и этим они обязаны большею частью распространению между ними христианства. В этом отношении сделано гораздо более. В Абхазии христиане рассеяны почти повсюду, даже на самой границе с Джигетиею, что легко заметить проезжему по стадам свиней; ибо их нет там, где живут одни мусульмане. На правом берегу Кодора несколько деревень просили у князя Г.Р. Эристова священников и распоряжения о постройке церквей. На левой стороне почти все население состоит из христиан. Между помещиками Абхазии большая часть обращены. Что касается Самурзакани, то по статистическим сведениям, представленным еще в 1857 г. тамошним благочинным протоиереем Мачавариани г. генерал-губернатору, в 36 деревнях из 2964 дворов только 20 было мусульманских и 535 человек князей-дворян 52 считались некрещенны мужского пола. Приходов в настоящее время здесь 16, стало быть мусульман ничтожное число - и все это сделано благодаря старанию Мачавариани. Протоиерей Мачавариани - настоящий миссионер по сведениям, по умению вести дело и по образу жизни. Он изучил мингрельский язык, на который перевел священную литургию; он находится в Самурзакани с 1850 года; он воспитывает каждый год не меньше 25 детей самурзаканцев, не получая от них никакой платы, передавая им кроме русского и грузинского языков, и начальные сведения в арифметике, катехизесе и в письме. В одной деревне я был свидетелем его нравственного влияния на обращенных им и расположения к нему последних: наставления его выслушивались с сосредоточенным вниманием, замечания его принимались с сыновьим послушанием и видимою благодарностию. Желательно, чтобы на подобных деятелей было обращено должное внимание.

Дм. Бакрадзе
Май, 1860 г., Кутаис
Газ. «Кавказ», 1860 г., №№48, 49.

ИЗ КУТАИССКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

По донесению кутаисского генерал-губернатора, цебельдинский отряд окончил с полным успехом предпринятое движение против горского племени Псху и привел его в покорность.

Общество это, обитая в глубокой и лесистой котловине Бзыби, под снеговыми вершинами главного хребта и огражденное со всех сторон скалистыми горами, сделалось в последнее время главным притоном враждебных нам происков. Несмотря на принесенную в прошлом году покорность, псхувцы возобновили прежние свои связи с непокорными горцами и заодно с ними покушались нарушить спокойствие в Абхазии и Цебельде. Чтобы разом остановить развитие восстания, решено было несмотря на неимоверные препятствия природы, наказать псхувцев за измену и для сего отряд из 2,5 баталионов, при 2-х горных орудиях, 2-х ракетных станках и казачьей команде, под начальством генерал-майора Корганова, сосредоточившись в Цебельде, двинулся оттуда 7 августа к самым вершинам Бзыби. После безостановочного 8-ми дневного похода, пробивая себе тропу по скалам и пройдя ледники гор Дзыхви и Химса, войска наши достигли 14-го числа верховий Бзыби, между тем, как другими боковыми тропинками следовали туда же абхазская и дальская милиция, а начальник Сухумской морской станции, капитан 1-го ранга Греве, с корветом «Удав» и азовскими баркасами угрожал с моря прибрежным джигетским и убыхским селениям, дабы отвлекать их от содействия псхувцам.

Угрожаемые со всех сторон нашими войсками, псхувцы спешили укрыть в лесах свои семейства и имущество, преграждали пути завалами, а между тем, ожидая себе подмогу от джигетов и убыхов, присылали в наш лагерь депутатов с миролюбивыми уверениями. Но генерал-майор Корганов, не доверяя их обещаниям, продолжал движение в глубь страны. Достигнув 16-го числа вершины Гуаштхвы, он должен был проходить сквозь теснину Грибза, где многочисленное скопище неприятельское заняло крепкую от природы и сильно укрепленную позицию.

Утром 17-го числа войска двинулись в боевом порядке и при спуске в теснину были встречены огнем горцев. Тогда начальник

авангарда, генерального штаба подполковник Кузминский, с 2,5 стрелковыми ротами быстро атаковал неприятельские завалы, расположенные на высотах левого берега Грибзы, и немедленно сбил неприятеля, который бежал на противоположный берег реки, где была главная позиция горцев.

Чтобы облегчить атаку, посланы были влево 3 роты под начальством майора Армашевского, в обход неприятельских завалов и между тем как с фронта продолжалась жаркая перестрелка, майор Армашевскпй подошел почти неожиданно к главному из завалов; в виду целого отряда он сам вскочил первый на укрепление, изрубил собственноручно одного из защитников его, а в тоже мгновение бросилась на завалы и направленная с фронта 26-я стрелковая рота. Толпы неприятельские не выдержали столь дружного удара с двух сторон и бежали врассыпную. Только самые отважнейшие, пробравшись скрытно на левую сторону Грибзи, бросились было на арьергард и вьюки отряда; но и здесь были отбиты начальником арьергарда майором Стражецом и прикрывшим вьюки подпоручиком Измайловым.

В три часа пополудни войска наши вышли в долину Гризбы и расположились бивуаком. Неприятель оставил на завалах до 60-ти трупов, в числе коих было 5 князей. Наша потеря состояла из одного убитого и 3-х раненых обер-офицеров, 15 убитых и 49 раненых нижних чинов.

На другой день предполагалось атаковать последний оплот неприятеля, позицию Цибишхо. Но в ночь псхувцы прислали депутацию с просьбою о пощаде, а на другой день явилось в лагерь до 100 представителей из почетных фамилий, которые дали присягу на верность и выдали аманатов.

Вслед за тем прибыла в отряд псхувская милиция и войска наши, пощадив посевы и жилища горцев, предприняли обратное движение в Цебельду. 23-го августа отряд благополучно спустился на прежнюю позицию близ цебельдинского укрепления.

30 августа, в высокоторжественный день тезоименитства государя императора, псхувская депутация прибыла в Тифлис и представилась наместнику кавказскому

Газ. «Кавказ», 1860 г., №71

ТЕЛЕГРАММА С КАВКАЗА. ПОТИ, 14 МАЯ.

Горцы, собравшиеся на берегу моря, продолжают отправляться на наших и турецких судах в Турцию; переселение идет весьма быстро, здоровье войск вполне удовлетворительно и они с успехом исполняют назначенные им движения, молодцами преодолевая затруднения, которые предоставляют им уже не горцы, а чрезвычайно скалистая и трудно доступная местность; только в обществе Аибго, молодежь и бездомные, более из молодчества, нежели с какою-либо другою целью, решились вступить в бои, но без больших потерь с той и другой стороны были рассеяны.

Газ. «Русский инвалид», 1864 г., №111

КАВКАЗСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
ИЗВЕСТИЯ О ПОСЛЕДНИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Вследствие успехов действий войск Кубанской области, убыхи и джигеты, по занятии нами устьев р. Сочи принесли полную покорность и через старшин своих просили главнокомандующего армией разрешить им выселиться в Турцию. Но, зная легкомыслие горцев, с которым они забывают принятые на себя обязательства, если к нарушению их представится возможность, и считая скорейшее покорение последних неприязненных нам обществ Кавказа делом первостепенной необходимости, главнокомандующий армией направил в незанятую еще нами часть Западного Кавказа четыре самостоятельные колонны, дабы совокупным их действием поставить непокорных внеобходимость немедленно подчиниться всем нашим требованиям, и очистить страну в возможно скорейшее время. Первой колонне под начальством командующего войсками в Абхазии, генерал-майора Шатилова, предписано было: двинувшись от Гагр в общество Аибга, по занятии этой страны направиться в Ахчипсу, с южной стороны; второй колонне - десантной - под начальством генерал-

лейтенанта князя Святополк-Мирского, высадившись в устье реки Мзымты, наступать долиною этой реки через землю джигетов; третьей колонне генерал-майора Геймана приказано было от поста Кубанского идти в верховья р.Сочн, а оттуда параллельно главному хребту тоже в Ахчипсу; четвертая колонна должна была от истоков р. Малой Лабы, перейти через главный хребет на южный склон и ущельем Мзымты идти навстречу 2-й колонны. Войска первой колонны* , сосредоточившись в Гаграх (куда часть войск прибыла сухим путем, а часть морем) с 10-го апреля приступили к разработке вьючной дороги вдоль берега моря к р. Псоу. Окончив эту работу к 25-му числу, они двинулись вверх по этой речке и 30-го остановились лагерем при впадении р. Пхыса в р. Псоу.

В это время были получены определительные сведения, что воинственное общество Аибга, занимающее неприступную котловину в вершине р. Псоу, готовится к упорному сопротивлению и созывает к себе бездомную молодежь из других обществ, изъявивших нам покорность. Поэтому 3-го мая войска генерала Шатилова снялись с позиции при устье Пхыса и, перешедши на правую сторону Псоу, в Багрипш, заняли позицию у аула Салата. Устроив на левой стороне Псоу - против аула Салата вагенбург колонна генерала Шатилова направилась в Аибгу.

До сих пор войска этой колонны только разрабатывали дороги, и потеря их состояла в двух раненых абреками нижних чинов. Население же Джигетии не только не обнаружило неприязни к нам, но многие из князей даже оказывали полезные услуги войскам. Аибговцы, рассчитывая на неприступность трущоб, которые они занимали, несмотря на неоднократные увещевания, решились защищаться до последней возможности.

---

* *Кавказские линейные батальоны кутаисского генерал-губернаторства №№ 32 трехротный, 33 и 35 сводностреловые, №№5,6,7 и 8 взвод 1 кавказского саперного его императорского высочества, великого князя Николая Николаевича старшего баталиона, горный дивизион сухумской крепостной артиллерии, сборная сотня кутаисского конно-ретулярного полка, сотня цебельдинской конной милиции и сотни сухумской постоянной милиции.*

С этой целию они укрепили теснину, сквозь которую прорывается р. Псоу, сильными завалами и, удерживая пред ними наши войска, с прилежащих скал сбрасывали на них огромные камни и бревна. Таким образом аибговцы, в тесных воротах, которыми Псоу входит из Аибга в землю джигетов: три дня упорно удерживали войска колонны генерала Шатилова, которые при этом понесли уже довольно значительную потерю заключавшуюся: в убитых: 1 обер-офицере* и 12 нижних чинах, раненых и ушибленными камнями: 2 штаб-офицерах** , 2 обер-офицерах*** и 48 нижних чинах. Самонадеянность и упорство аибговцев сообщились некоторым из их соседей и доставила им приверженцев даже между теми, которые незадолго перед этим изъявили нам покорность. Видя, что атака проходом в Аибгу, веденная войсками генерала Шатилова по ущелью р. Псоу, уже стоила нам чувствительных потерь, и что продолжение наступления с этой стороны повлекло бы за собою еще большие жертвы и известясь, что, взобравшись сначала на высокую гору Дзыхра по трудной тропинке, а потом частию бездорожно, а частию по едва заметной пастушеской тропе, возможно пройти в тыл завалам; устроенным против колонны генерала Шатилова, главнокомандующий армиею поручил генерал-квартирмейстеру армии, генерал-майору Батезатулу 12 рот гренадер**** 250 человек милиционеров и 10 донских казаков №2 полка и приказал ему взять в тыл защищаемые анбговцами завалы.

10 мая отряд этот в $3^1/_2$ часа утра выступил в урочище Акштырха, налегке, с 4-х дневным запасом сухарей, и несмотря на чрезвычайную трудность пути, еще до заката солнца был на ур. Дыэрх - в тылу неприятельских завалов. Горцы ... бежали из занятых ими позиций и только благодаря отличному знанию всех горных тропинок избегли окончательного истребления. Открыв

** Кавказского линейного 24-го баталиона прапорщик Сафонов.*

***Командир кавказского линейного №33 баталиона полковник Стражец и командующий сводно стрелковым №5 баталионом майор Романус.*

**** Кавказских линейный баталионов: №23 подпоручик Карумидзе и №33 поручик Демидов.*

***** Лейб-гренадерского эриванского его величества полка, 4 роты и грузинского гренадерского его императорского величества великого князя Константина Николаевича полка 8 рот.*

войскам генерала Шатилова свободный проход и имея их сзади себя, генерал-майор Батезатул с своим отрядом двинулся, на другой день, в средину аибговской котловины и после жаркой перестрелки с потерею: 1 убитого милиционера и ранеными: 1 обер-офицера милиции и 19 нижних чинов и милиционеров, достиг аулов Аибги и расположился там бивуаком. 1-го мая, обойдя почти все аулы, расположенные на правой стороне, эта колонна выступила в обратный путь на позицию к Акштырху, куда и прибыла 14 мая - на 5 день выступления из Акштырха.

Вследствие этого обходного движения общество Аибги поспешило принести безусловную покорность и немедленно направилось к берегу моря для переселения в Турцию. Вслед за тем войска генерал-майора Шатилова заняли аибговскую котловину, и 18 мая перевалили оттуда в Ахчипсху.

Вторая колонна десантная под командою кутаисского генерал-губернатора генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского в составе* 8 баталионов кавказской гренадерской его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича артиллерийской бригады, сотни казаков и 4 сотен пешей милиции.

Сборным пунктом войск этой колонны назначен был гор. Сухум, куда пехота, артиллерия и тяжести перевезены из г. Поти

---

* 1 и 2 баталионы 13 лейб-гренадерского эриванского его величества полка; 1 и 2 баталионы 14 грузинского гренадерского его императорского высочества великого князя Константина Николаевича полка; 1 баталион 15 тифлисского гренадерского его императорского высочества великого князя Дмитрия Константиновича лодка, 2 и 3 баталионы 16 мингрельского гренадерского и его императорского высочества великого князя Дмитрия Константиновича полка и кавказский гренадерский стрелковый его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича баталион. Взвод 1-го кавказского саперного его императорского высочества великого князя Николая Николаевича старшего баталиона; горные взводы батарейных 1 и 2 батарей кавказской гренадерской его высочества великого князя Михаила Николаевича артиллерийской бригады, полусотни донского № 2 казачьего полка, полусотня конвоя его императорского высочества главнокомандующего армии, конвой начальника отряда и 4 сотни пешей милиции - имеретинская, мингрельская и две гурийски.

морем - на судах черноморской флотилии, а кавалерия и все подъемные лошади двинуты были сухим путем - по военно-сухумской дороге. Войска колонны, собравшись в Сухум посажены были на суда и 28 апреля в 7 часов вечера, снявшись с якоря направились к устью р. Мзымты. - 29-го мая, в 8 $^{1}/_{4}$ часов утра эскадра бросила якорь против бывшего укр. Св.Духа (Адлер); в 9 часов начат десант и с первым рейсом гребных судов отправились к берегу 1900 человек и 2 орудия. К 11 часам дня все войска были на берегу, а к двум часам пополудни все тяжести отряда были уже выгружены и отряд расположился лагерем недалеко от моря на правом берегу р. Мзымты.

Успешная разработка дороги от укр. Гагр до р. Псоу войсками первой колонны дала возможность всех лошадей второй колонны отправить из г.Сухум в Адлер сухим путем; поэтому только, несмотря на ограниченное число судов эскадры*, возможно было совершить десант одним рейсом.

1-го мая была двинута по долине р. Мзымты передовая часть колонны из 4 баталионов. 2-х орудий и 30 донских казаков под начальством генерал-квартирмейстера армии, генерал-майора Батезатула. Колонна эта, разработав для себя дорогу, дошла 1-го мая до ур.Акштырх - в 11 верстах от Адлера и приступила к разработке вьючной дороги, ведущей в Ахчипсу. Остальные войска этой колонны, по мере подвоза продовольственных средств переводились в Акштырх, где и собрались к 6-му числу. Утром 6-го мая, его императорское высочество, главнокомандующий армиею, высадившись в Адлере, изволил прибыть на позицию в Акштырх. На другой день из Акштырха была выслана колонна к горе Ахца, отделяющей Ахчипсу от Джигети для разработки сколько-нибудь удобного пути в эту трудно доступную страну.

Река Мзымта, берущая начало в главном хребте, при быстром течении своем прорывается сквозь два второстепенные хребта, образуя две скалистые теснины, с совершенно отвесными краями. От этого продолжение дороги долиною реки потребовало

** 6 винтовых корветов, 8 винтовых шхун, 2 винтовых и 3 парусных транспортов и императорская яхта «Тигр»*

бы весьма трудных и продолжительных работ и, чтобы избегнуть их, встретилась необходимость вести дорогу через высокий, заросший лесом и местами скалистый хребет Ахца. Разработка этой трудной тропы потребовала 12 дней. Так что только 20-го числа колонна эта, при коей изволил находиться и главнокомандующий армиею с главною квартирою, а равно и командующий войсками Кубанской области, успела перевалить через последний хребет в Ахчипсу.

Третья колонна генерал-майора Геймана, в составе 3-х баталионов, 2 сотен казаков и 2 орудий*, двинулась 14-го мая от поста кубанского на р. Сочу, потом верх по этой реке и далее параллельно главному хребту, через земли верхних убыхов и общество Цвиж в ущелье р.Дчипцы, впадающей в Мзымту. Колонна эта должна была идти по тропам едва доступным для самих горцев, и потеряла на пути 19 лошадей, оборвавшихся с кручи. Весь край, ею пройденный она нашла совершенно оставленным жителями.

Четвертая колонна, под начальством свиты его величества генерал-майора Граббе, в составе 7 баталионов пехоты** , сотни милиции, двух сотен казаков и взвода горных орудий, сосредоточилась в верховьях р. Малой Лабы, 8 мая двинулась к перевалу Псегашко. На другой день марша авангард этого отряда имел небольшую перестрелку с партиею хищников, засевших на вершине горы, разделяющей воды Уруштена и Алауса и, с потерею 2-х рядовых и проводника отряда убитыми,

---

2 баталиона крымского полка, 5 баталион и охотничья команда севастопольского полка; 3 баталион кубанского полка, самарский стрелковый баталион; взвод горной батареи 19 артиллерийской бригады, 2 сотни казаков: команда сапер и милиции.

** *Стрелковые баталионы апшеронского и ширванского пехотных полков, сводностреловый баталион, сформированный на время движения отряда из стрелковых рот 1 и 3 баталионов кубанского, 2 баталиона имеретинского и 3 баталиона владикавказского пехотных полков, которому присвоено наименование №1,4 батальон севастопольского, 1 кубанского, 1 имеретинского и 3 владикавказского пехотных полков, сотня милиции верхне-кубанского приставства, 2 сборные сотни казаков, 7 казаков и взвод горных орудий облегченной №4 батареи.*

разогнал эту партию. Преодолевая всевозможные затруднения при перевалах через хребет, еще покрытый глубоким снегом, отряд этот 12 мая спустился в Ахчипсу и оставив один баталион в вагенбурге у самого спуска, прибыл на поляну Кбаада, назначенную сборным местом всех войск и приступил к разработке дороги вниз по ущелью Мзымты на встречу войскам 2-й колонны.

Появление колонны генерала Граббе в верховьях Мзымты и одновременно с тем занятие Аибги заставило ахчипсувцев исполнить данное ими прежде обещание: все они с семействами и со всем имуществом оставили свои жилища и двинулись к морю. Общество Псху, хотя и считавшееся покорным, но покорность которого была еще весьма сомнительною, так же немедленно обратилось с просьбою дозволить одним из них перейти на северный склон для поселения на указанных местах, а другим идти к берегу для переселения в Турцию.

Таким образом, все четыре колонны, сосредоточившись к 20 числу в средине Ахчипсу, исполнили свое назначение и в настоящее время можно положительно сказать, что в горах Западного Кавказа, не осталось ни одного народа нам непокорного, и что покорение Западного Кавказа, а с тем вместе и война кавказская окончена.

Если в горных трущобах, заросших лесами и могло укрыться от наших войск несколько десятков семейств или бездомных хищников, то для истребления их уже не понадобится военная экспедиция; цель эту исполнят постепенно наши рабочие отряды, расставленные теперь во вновь занятом крае для прокладки дорог и вообще для приготовления его принятию в будущем году русского населения.

21-го мая в общем лагере четырех соединившихся колонн в присутствии его императорского высочества и командующих войсками Кубанской области и кутаисского генерал-губернаторства отслужено благодарственное господу молебствие об окончании Кавказской войны и произведен церковный парад.

В строю находилось 23 баталиона, 10 горных орудий, 6 сотен казаков и 6 сотен милиции.

22-го числа войскам приказано было начать обратное движение; в котловине Ахчипсу оставлены 2 баталиона для

поисков во всех боковых ущельях и оврагах; колонна генерала Шатилова возвратилась в Аибги и оттуда, удостоверившись в очищении края к югу от р. Псоу, перейдет через горы в долину Бзыби; колонна генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского расположится эшелонами по Мзымте до окончательного переезда в Турцию джигетов и ахчипсувцев. Колонны генералов Геймана и Граббе должны будут продолжать начатые ими дорожные работы.

* * *

Ахчипсху 21-го мая, в земле общества Ахчипсху, в долине р. Мзымты, окаймленной ближайшими отрогами главного кавказского хребта, праздновали мы окончание кровавой и долгой кавказской войны. - Как значение этого торжества, так и обстановка, при которой оно совершалось, сообщают ему особый характер и заставляют отнестись к нему с полным сочувственным интересом.

Кавказская война окончена! Окончилась эта тяжелая и, казалось, нескончаемая драма, это неумолимая, истребительная борьба, в которой с обеих сторон три поколения одно за другим становились на арену - где, хоть и крепла и закалялась русская доблесть, но зато лилась потоками русская кровь, и столько живых сил и материальных средств принесено в жертву!..

Вступая в борьбу, Россия видела в этом не столько интерес свой и свое право, сколько тяжелый долг пред человечеством и цивилизацией и этому призванию, скажем гордостию, следовала неуклонно, несмотря на трудность борьбы, требовавшей усилий чрезвычайных, несмотря на временные и нередко весьма чувствительные неудачи, несмотря на все тяжкие пожертвования.

Но, слава богу, доброе дело наконец привело к доброму результату, - и Россия, исполнив долг исторического своего призвания, вместе с тем чрез покорение западной части Северного Кавказа и Черноморского прибрежья, становится ныне в положение, обуславливающее для нее не только уменьшение жертв, но и возможность если, конечно не теперь, то хотя в будущем вознаградить себя за прежние затраты.

Нет сомнения поэтому, что ни один русский, дорожащий славой и преуспеянием своего отечества, не останется равнодушным при известии о достигнутых на Кавказе успехах. Тем не менее могут остаться равнодушными к ним сами виновники их - кавказцы, купившие их ценою тяжелых усилий и перенесенных лишений, ценою собственной пролитой крови! Понятно после этого, почему, мысль его императорского высочества, главнокомандующего армиею, праздновать великое событие на самом месте его окончательного фактического совершения, праздновать с теми, кому первое участие в торжестве принадлежит по праву, встречена была в войсках общим сочувствием!

Великий князь положил быть празднику в пункте соединения всех четырех отрядов, назначенных для окончательного очищения южного склона хребта от остатков непокорного населения и двигавшихся с разных сторон по направлению к земле общества Ахчипсу, обитавшего в верховьях Мзымты. Находясь лично при ахчипсувском отряде, действовавшем под начальством генерал-лейтенанта Святополк-Мирского от м. Адлер вверх по течению названной реки его высочество 20 мая после перевала чрез крутой хребет Ахца, прибыл на урочище Кбаада, куда по тому времени уже успели прийти и расположиться лагерем колонны 3-х остальных отрядов: даховского (генерал-майор Гейман), пришедшего от устья р. Сочи чрез общество Цвиж, малолабинского (свиты его величества генерал-майора Граббе), совершившего чрезвычайно трудный переход через перевал главного хребта от верховьев Малой Лабы, и псхувского (генерал-майор Шатилов), встретившего на пути движения своего вверх по р. Псоу - весьма горячее и упорное сопротивление со стороны неприятеля. Кбаада (или по туземному произношению вернее, Кбаадю), это котловина, составляющая средину земли общества Ахчипсу и образуемая соединением долины Мзымты и другого поперечного к ней ущелья. Дно этой котловины состоит из поляны, довольно широкой и чуть ли не единственной в изрытой и пересеченной местности Ахчипсу и соседних обществ; бока котловины образуются крутыми и лесистыми горными уступами, из-за которых глядят на долину суровые и покрытые снегом вершины главного хребта. Этому-

то глухому, неведомому углу, куда, кроме пленных едва ли когда-нибудь проникала нога европейца, досталось быть местом празднования исторического события, имеющего значение для всего образованного человечества.

По сосредоточении отрядов, на другой день, т.е. 21-го мая в 11-ть часов утра, все 23 прибывшие в Кбааду батальоны, казаки и милиция выстроены были колоннами в обширное каре; - посреди которого, на высоком кургане, всем бывшем в отряде духовенством отслужен благодарственный господу Богу молебен за дарование нашему оружию успехов, положивших конец трудной и упорной войне.

После молебствия и окропления духовенством войск святою водою, его императорское высочество главнокомандующий объехал фасы каре, составленные каждый из войск отдельного отряда и, поздравив по очереди войска всякого отряда с окончанием войны, именем государя и России благодарил их «за трудную, честную и верную службу»; тут же перед отрядами в особенно милостивых и теплых выражениях благодарил и обнял генерал-адъютанта графа Евдокимова, как главного виновника достигнутых результатов, а равно и других отрядных начальников.

Трудно представить себе этот неподдельный восторг, те неумолкаемые, идущие от души клики, которыми отвечали войска великому князю на его приветствие.

После того его высочество, возвратившись к середине каре, поздравил от высочайшего имени с наградами собранных там офицеров и нижних чинов, наиболее отличившихся в последних военных действиях. Затем последовал церемониальный марш. Войска проходили, как и были выстроены на месте, баталионными колоннами. Твердо и весело шли эти колонны, имевшие так мало досуга для занятия фронтовою выправкой и хотя не блестевшие обыкновенной парадной обстановкой, но зато полные иного рода блеска: мимо вас проходили доблестные и увенчанные славою войска кавказские, мужеством и твердостию победившие отчаянное упорство врага и ужасы суровой природы, отважно перешагнувшие чрез вечные преграды грозного Кавказа и настойчивым тяжелым трудом проложившие пути в недоступных доселе недрах его, - войска, в течение многих

лет не знавшие отдыха, не имевшие кроме лагерного шатра ни в лето, ни в зиму другого приюта, но не павшие духом, но переносившие труды и лишения с тем же мужеством, с каким побеждали!

С почтением хотелось преклонить голову пред каждой проходящей колонной. Нет сомнения, что подобное же чувство говорило и в душе главнокомандующего, потому что его высочество особенно горячо приветствовал проходившие войска, в свою очередь с любовию и восторгом отвечавшие на этот привет.

В два часа пополудни все генералы и штабс-офицеры собранных отрядов в числе более ста человек были приглашены к обеденному столу великого князя.

Первый заздравный тост был, естественно, предложен его высочеством за государя императора, к славной истории царствования которого покорением Кавказа прибавилась еще одна славная страница. Восторженное «ура», гром пушек и нескончаемый батальный огонь по всему лагерю был ответом. Далее великий князь провозгласил тост за здоровие государыни императрицы, наследника цесаревича, также за всех августейших особ, тезоименитство которых праздновалось в этот день и за всю императорскую фамилию. Затем старший из присутствовавших, генерал-адъютант граф Евдокимов, провозгласил здоровье его высочества в следующих выражениях, обращенных к великому князю: «Вашему императорскому высочеству судил бог совершить славный подвиг - окончания кавказской войны, достигнуть цели, к которой так многие и так долго стремились. Благодарим бога, что он помог вашему высочеству исполнить это великое дело и просим позволения выпить за ваше здоровье.»

Далее великий князь поднял бокал в честь доблестной и славной кавказской армии, причем прочитал следующий приказ свой, отданный в тот день: «С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей, поздравляю вас, войска кавказской армии, с покорением Западного Кавказа и с окончанием кавказской войны.

Своим мужеством в боях, своей беспримерной твердостью в перенесении тяжелых трудов и лишении, сослужили вы

государю и отечеству великую службу: ни ужасы диких недоступных горных убежищ, ни отчаянное сопротивление обитателей их, ни суровая стужа, ни палящий зной - ничто не остановило вас; все преодолели вы в течение многих лет, не слабея духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг - и достигли цели.

Слава всевышнему, увенчавшему ваши усилия! Слава и признательность отечества вам, покорители Кавказа! Вечная память павшим товарищам вашим, не дождавшимся настоящей радостной и великой минуты.» Окончив чтение, его высочество, обратясь к присутствующим, добавил, что принявши начальство над армией и на месте убедившись сколько мужества и трудов требовало совершение великого подвига покорения Кавказа, он не иначе, как с чувством глубокого уважения относится к храбрым и мужественным войскам кавказской армии.

С сердечным восторгом и благодарностью были приняты присутствовавшими эти теплые и от сердца сказанные слова! После того его высочеством были еще провозглашены тосты 1-й за здоровье генерал-фельдмаршала князя Барятинского, с назначением которого главнокомандующим была принята система войны, принесшая такие блестящие результаты, 2-й за здоровье генерал-адъютанта графа Евдокимова, неутомимой энергией и военным талантом которого, проявленным в приложении этой системы, нужно приписать главнейшую долю заслуги в достижении успеха, 3-й за здоровье мужественных и славных кавказских солдат, 4-й тост в честь храброго кавказского казачества, во время войны делившего с регулярными войсками и славу и тягости ее.

После тоста за фельдмаршала князя Барятинского, генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский, обратившись к его императорскому высочеству, просил дозволения, в день настоящего праздника, вспомнить также и других славных вождей кавказских войск, действовавших прежде князя Барятинского и своими доблестными деяниями, своим опытом и даже своими ошибками давших нам полезные указания и приготовивших возможность достижения настоящих успехов; при этом князь Мирский указал в особенности на важность заслуг, оказанных в деле покорения Кавказа князем Цициановым, Ермоловым и князем Воронцовым.

Слова эти были ответом на тайную мысль многих присутствующих и были приняты всеми с полным сочувствием.

Часа в 4 великий князь вышел из столовой палатки и, обойдя группы веселящихся солдат, толпившихся около 3-х оркестров музыки и нескольких хоров бойких кавказских песенников, отпустил всех продолжать праздник в своих лагерях за исключением людей Даховского отряда, которому тотчас же предстояло движение.

На другой день утром тронулись и два другие отряда, ахчипсувский и псхувский, и только малолабинский отряд остался еще на несколько дней на той же позиции.

* * *

Из Псхувского отряда. От устья р.Хошупсе, куда войска прибывали то сухим путем; то морем, псхувский отряд двигался по правому берегу этой речки вглубь страны джигетов, и в апреле занимался исключительно проведением дорог. Впрочем, во время движения была раз и небольшая перестрелка, в которой ранен невинный чевордар, да из кустов ранили наших двух солдат, но и это, говорят делали наши приятели абхазцы, а джигеты вели себя прилично и подчивали нас только своими чуреками и нечисто приготовленным сыром. В мае, когда отряд перешел на правый берег Псоу, перестрелки сделались чаще и не было и дня, чтобы у нас в самом лагере кого-нибудь не ранили., не убили, В ночь на 7 мая, горцы вздумали сделать что-то необычайное - говорят будто собралось едва ли не все наличное вооруженное население, в числе нескольких сот человек и они поклялись атаковать наш лагерь и рубиться до последнего. Не знаю, как бы им удалась эта штука, но пикет открыл их, и они удовольствовались сильнейшими залпами по лагерю; - судя по числу выстрелов, горцев было не менее двух сотен. Отряд через десять минут был готов их встретить, но на их выстрелы не отвечали и бросили к ним на огонь только несколько гранат. Их выстрелы помешали нам только спать, а вреда никакого не сделали.

Я не намерен следить за ходом военных действий, и упомяну только об интереснейших эпизодах компании, которых я был очевидцем. Когда главный отряд входил в ущелье Псоу по дороге в Аибгу, то путь ему прерывали, кроме едва проходимой местности, несколько каменных завалов, взять которые без весьма больших потерь не было возможности, а обойти их можно было только по соседним горам. Вот и отправлены две колонны в обходы - левая, совершившая благополучно свое движение, и правая, достигшая своей цели с некоторыми особенностями, и их то и опишу я.

8 мая, в 2 часа утра, два баталиона, 5-й сводно-стрелковый и 33 линейный, выступили из вагенбурга и с возможными осторожностями подошли к горе Алква, вызвышавшейся на 3-4 тысячи футов над уровнем Псоу. На эту гору пошел один 5 баталион, из которого две роты были в цепи, а две другие шли на приступ. Какие препятствия нас ожидают, - мы не знали; тем более, что густые облака легли на гору и скрыли нас все и впереди и назади, - кажется, они же были причиной, что горцы поздно заметили наше движение и тихо направляли свои удары. В глубоком молчании по узенькой тропинке взбираемся мы наверх. Прошло около часу, рассвело совсем. Вдруг нас остановили; - офицер из туземцев и проводники чего-то засуетились... Отдано приказание лезть на гору растянутой цепью. Только что, цепляясь за камни и траву, пролезли мы шагов двадцать, на нас посыпались залпами и поодиночке выстрелы, и вслед за этим раздался какой-то гул наверху... Мы недолго были в недоумении о причине этого гула, - через несколько мгновений огромные камни, грохоча и прыгая через кусты, ломая небольшие деревья, пронеслись над нами и с грохотом скрылись где-то в пропасти. Кажется, никто из нас не был приготовлен к этому, и потому все остановились на мгновение. Есть действительно что-то ужасное в этом грохоте и гуле, - люди, вовсе не боящиеся смерти, смеющиеся под пулями, в первую минуту невольно теряются, когда раздается этот зловещий гул; - так и кажется, что вот-вот несущаяся громада толкнет тебя и унесет с собою...

Скрываться было нечего - раздалась команда: правее, бегом и, ответив несколькими выстрелами, с непрерывающимися криками ура! - мы лезли на гору под утлом 45-70, а иногда почти

в 90^0 (градусов). Еще четверть часа, и задыхающиеся, но одушевленные успехом, мы на горе. Когда там я сосчитал удары пульса у себя и у других, то он оказался до 240 в минуту при 100 дыханиях. Убито у нас было 2, ранено 2; один из первых взошел на гору солдат с раною головы: несмотря на то, что у него на затылке кожа висела как куски тряпки, с окровавленным лицом и платьем, он все кричал ура! И лез вперед пока наконец не опустился в изнеможении на землю. Замечательно, что несмотря на очевидные признаки сотрясения мозга (commotio cerebri) после перевязки и некоторых простых пособий этот солдат, кое-как поддерживаемый товарищами, сам продолжал нашу живописную, но не совсем удобную дорогу.

В восемь утра мы выступили за линейным батальоном, ушедшим под покровом нашим вперед. Когда мы соединились, солдаты действительно были воодушевлены и с криками ура! и выстрелами, неся за собою раненых, почти бегом шли вперед. Можно было быть уверенным, что случись завал в 3 4или в полуверсте от места розыска, они бы полезли бы на него, не обращая внимания на то, сколько выбывает из строя. Но дорога была никому не известна, определения лазутчиков весьма неясны; мы на рысях с ура! шли версты 3-4 и порядочно устали; наконец остановились на тропинке в таком изнеможении, что справа была почти отвесная, теряющаяся где-то гора, а слева, то же неизвестно где-то оканчивающаяся пропасть.

На правом фланге, раздались учащенные выстрелы - ура смолкло. Спустя несколько мгновений, сперва на одном месте, образующем как бы желоб саженей 15 ширины от вершины до основания горы, а потом и на всю почти растянутую линию наших войск посыпались с вершины гор камни, которые, прыгая, ломая деревья и кусты, а иногда унося с собою захваченную жертву, низвергались вниз, откуда слабо доносился гул от речки Псоу.

Я не берусь описывать хода дальнейших действий, скажу только, что взять каменный, укрепленный завал, куда нужно было идти поодиночке сквозь каменную щель, в которую летели громадные камни и бревна, прямым приступом оказалось невозможно, и наши четыре приступа были отбиты только тем, что в войско пускали камни и бревна; поэтому мы на сегодня отступили. В 5 баталионе убит пулею 1 офицер; сильно ранен

пулею 1, и контужен камнем командир баталиона. В линейном все офицеры остались целы, - но солдат убито и ранено втрое больше, чем в 5 баталионе; всех убитых было 12, раненых до 70-ти. По моему замечанию ранены камнями были по преимуществу нерасторопные люди.

Мы отступили до того места, куда не долетали пускаемые с гор камни. Эта ночь была не из приятнейших в моей жизни: мелкий, частый дождь пронизывал до костей, одеться было нечем, обсушиться негде, потому что огни было запрещено разводить, и едва можно было нагреть воды для перевязки раненых. Стоны, кровь и трупы убитых не наводили на души особенно веселых мыслей, но все же это был факт, с которым волею-неволею нужно было мириться, случай, к которому должны быть готовы воины кавказской армии, поэтому гадко было видеть кое-какие личности малодушно говорившие, что мы отсюда не выйдем, что нас окружили и прочее* . Солдаты, конечно, не говорили этого, они были уверены, что мы отступили перед природою... но в иных кружках говор офицеров производил и на солдат скверное впечатление

А кругом была такая величавая, вечно суровая и давно уже покоящаяся природа. Огромные, некогда свалившиеся с гор камни, напоминавшие развалины какого-то исполинского замка, вековые, покрытые густым мхом и вьющимися растениями деревья, высокие цветущие кусты рододендрона и других альпийских растений... Но мы были равнодушны к этим красотам.

9-го мая тот же дождь; та же неопределенность. Мы открыли, что у нас ни у кого нет с собою припасов; бывшие у кого немножко чаю и сахару едва достало раненым. 10-го раненых отправили в вагенбург и нам привели двух быков. 11-го мая ничего особенного, а 12-го в два часа утра мы благополучнейшим

** Что касается до нас, то мы в этих толках не видим решительно ничего дурного. Из собственных слов г.Пантюхова видно, что все исполнили свой долг: этого только и можно было требовать. Затем, в рассуждениях выражался лишь тот или другой личный взгляд на дело не могутщш ни в каком случае дать повода к словам: - «гадко было и пр.»*

образом перешли через страшный завал и часам к трем после обеда, перешедши по уморительному горскому мосту через речку Псоу, - соединились с главным отрядом.

Я и сам не знаю, как все это случилось: кажется горцы перепугались множества шедших сюда войск, особенно генерала Батезатула, показавшегося на противоположных высотах, и удрали подобру поздорову, а мы торжественно продолжали шествие в недоступную доселе Аибгу и, заставив выселяться тамошние непокорные общества, к 21 мая пришли в долину Мзымты, названною русскими царской поляной, где встретились с тремя другими отрядами. Этого же числа великим князем наместником был сделан торжественный смотр войскам, и при громе пушек и ружей при бесчисленных криках ура! - было провозглашено покорение всего Кавказа, Многие, участвовавшие в славе покорения Кавказа, увенчанные лаврами, - нас оставили, а мы остались продолжать менее славный, но не менее важный труд окончательного умиротворения края.

Некоторые скверные факты, указывающие на грубость, необразованность и нечестность частных лиц, да не омрачат недешево купленной славы наших войск, и я пропускаю их. Есть данные надеяться, что мы наконец отряхнемся и сбросим с себя всякую нечисть и гадость, забравшиеся к нам, когда мы жили по походному и держали себя нечисто.

На этот раз, не имея возможности касаться естественного описания края, я упомяну еще о состоянии здоровья наших войск. Во все продолжение похода больных было весьма мало, и это обстоятельство, по моему мнению, больше всего прочего говорит в пользу действий псхувского отряда; но насколько причиною этому благоприятный климат - я не знаю; скажу только, что медицина в этом положительно не виновата: не смотря на продолжительные приготовления к походу, при баталионах не было почти никаких средств для пользования больных, да и в половине июня их тоже нет, а у нас появилась уже и значительная болезненность.

И. Пантюхов

* * *

Переселение горцев в Турцию. Число переселившихся в 1858, 1859 и 1862 годах и в течение 1863 года (до осени) простиралось до 80.000 человек, в течение прошлой зимы и весны по 10-е июля нынешнего года отправилось в Турцию 318068 горцев: так что всего с начала войны вышло из Кубанской области до 400 тыс. душ обоего пола.

Несмотря на всю громадность цифры переселенцев, она еще не достигла своего предела и переселение, хотя далеко не в прежних размерах, до сих пор продолжается. Частию являются отыскиваемые нашими разъездами, укрывшиеся в разных ущельях одиночные семейства и бродяги, частию уходят и те, которые уже водворились на новых местах жительства. Бедствия, испытываемые переселившимися в Турцию, им неизвестны, словам и советам нашим они не верят, а из Турции не перестают присылать к ним новые прокламации и приглашения.

На пособие переселенцев с половины июля было издержано 136.713 руб.

Газ. «Кавказ» 1864 г., №,№44, 49, 56, 77.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ГАЗЕТЫ «МОРНИНГ ПОСТ», ПЕРЕПЕЧАТАННЫЕ В ГАЗЕТУ «РУССКИЙ ИНВАЛИД»

В «Morning Post», от 13 числа помещен следующий доклад самсунского санитарного инспектора г. Бароцци, комитету здравия Оттоманской империи, в котором достаточно высказывается неспособность турецких властей и несостоятельность их в оказании помощи черкесским эмигрантам, несмотря на уверения некоторых лондонских газет, старающихся выставить в благоприятном свете действительность мер, принятых оттоманскими властями в пользу эмигрантов.

Передавая этот доклад, считаем нелишним припомнить, что стремление горцев к переселению возбуждено было в них заманчивыми обещаниями счастливой будущности в Турции.

«Самсун, 20 мая. Я прибыл в Самсун шесть дней тому назад. Не нахожу слов для изображения положения, в котором я нашел город и несчастных эмигрантов. Сверх черкесов от 8 10.000

человек, помещенных в ханах (постоялых дворах), разрушенных зданиях и городских хлевах - с лишком 30.000 человек, пришедших с Ирмана и Дервенда, наполняют скверы, улицы, расположились насильно в огороженных землях, проникают всюду и удаляются только с захождением солнца. На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы - у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий шаг, занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы. Кладовая у морского берега, небольшие помещения карантинного дома, с трудом могущие вместить в себе 30 человек, были наполнены 207 человеками, все больными или умирающими. Я приказал очистить эти зараженные места. Так как носильщики отказались войти во внутренность этой ужасной ямы, то я с своим почтенным товарищем Али-Эффенди вытащил оттуда несколько трупов в полном разложении. Этот факт дает идею об ужасном положении эмигрантов, которым назначено пребывание в этом городе. Но виденное мною в Трабзоне не может никак сравниться с тем ужасным зрелищем, которое представляет город Самсун.

«Лагерное расположение представляет не менее ужасный вид. От 40-50.000 человек в самой крайней нищете, изнуренные голодом, поражаемые смертью, остаются там без хлеба, без крова и без погребения.

Я нашел мутессарифа в унынии и все упали духом от такого непредвиденного случая. Атта-бей без денег и кредита. У него нет даже достаточно денег, чтобы выплатить людям, убирающим трупы. На рынке ему не дают ничего без звонкой монеты, отказывают даже в нескольких кусках полотна на саван. Нет никаких забот об эмигрантах, ни правильно устроенной службы для похорон, ни лошадей, ни повозок, - словом ничего.

Я счел первой необходимостью озаботиться о прокормлении эмигрантов, большинство которых не получало ничего в течение нескольких дней. Я обратился к некоторым хлебным торговцам и в особенности к г.Серкасу. Я познакомил его с мутессарифом, который достал у него муки для прокормления эмигрантов по 50 золотников хлеба в день. Я достал также несколько кукурузной муки - и этими ничтожными средствами мы облегчили несколько участь этих 70-80.000 изгнанников.

Я озаботился также организовать службу по погребению покойников. Для этого я обратился в карантинный ящик, где нашел несколько сот пиастров. Я принял меры к отправлению черкесов из города и окрестностей на 11 кораблях и катерах, стоящих на пристани. Пассажиры эти отвезены в Кумджуга, в нескольких милях от города. Туда я отправил от 3 - 4000 человек, которых мне удалось вырвать из города. Отправление их за город продолжается, но зато скоро истощится и запас, бывший в карантинной кассе.

Мы чувствуем здесь сильный недостаток в деньгах и в полицейских агентах. Правительство должно прислать денежные пособия и побольше полицейских служителей для предотвращения беспорядков. Желательно, чтобы сам великий визирь прибыл сюда, если только это возможно, дабы увидеть лично, какое ужасное зрелище представляет собой этот несчастный город и его окрестности.

Я очень хорошо знаю, что турецкому правительству нелегко перенести в другое место столь огромное население. Не только правительство может помочь мутессарифу, присылкой ему сумм, необходимых для поддержания эмигрантов. С деньгами город и Ирмак будут очищены. Эмигранты смогут расположиться в здоровых лагерях в Кумджута или Дерденди. Белье, платье и мыло могут быть тогда куплены вместе с достаточным количеством провизии. Еще раз повторяю: здесь 70-80.000 эмигрантов, в несколько дней число это удвоится. Положение весьма опасное: нет сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция, предоставленная самой себе.

Здесь в пристани от 10 до 20 больших кораблей, которые и хотели употребить для перевозки около 10000 черкесов в Буюк-Лиман, при входе в Босфор. Недостаток в деньгах заставил меня отложить их отправление. В заключение, повторяю сказанное мною в начале этого письма, что мутессариф без денег, что здесь около 70-80000 человек, лишенных насущного хлеба, и что если бы даже у нас было достаточно муки, то не хватило бы печей. У нас нет сухарей. Здесь многие умирают с голода, а число тел, которые в течение четырех дней не получали рационов, весьма велико.

Санитарный инспектор Бароцци"

В Австрийскую Генеральную корреспонденцию пишут из Константинополя от 16-го июня:

«Турецкое правительство имеет намерение набрать из черкесской молодежи, прибывшей с переселенцами, отряд стрелков в 25.000 человек. Эта черкесская эмиграция причиняет, впрочем, немало затруднений Блистательной Порте в Болгарии. 14000 черкес уже прибыли, ждут прибытия еще 20000, с ними переселяются фанатизм, болезни и торговля невольниками. Оспа чрезвычайно распространена между ними и производит большие опустошения.

Распря между султаном и сыновьями его предшественника, и в особенности с наследным принцем, само собою разумеется, произвела сильное впечатление в Константинополе. Причину арестования их некоторые объясняют их расточительностью, другие же - заговором».

Газ. «Русский инвалид»,
1864 г., №129.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ В ТУРЦИЮ

Переселение кавказских горцев в Турцию, совершившееся в последнее время в огромных размерах, обратило на себя всеобщее внимание и сделалось предметом многих статей, в особенности в иностранной журналистике. В статьях заграничных газет, как это случается по большей части со всем, что касается России факт этот, за отсутствием близкого знакомства с предметом, весьма часто представляется не в том виде, как он происходил в действительности. Поэтому, мы считаем полезным и интересным познакомить наших читателей с этим событием, изложив его на основании данных, за точность и достоверность которых можем вполне ручаться.

В 1859 году, когда было принято решение покорить Западный Кавказ, на пространстве между левым берегом Кубани и восточным берегом Черного моря жили следующие племена:

1. Карачаевцы (тюркского происхождения) занимали в числе 9870 душ мужского пола, как и теперь, верхнюю котловину Кубани.

2. Прикубанские ногайцы, издавна занимавшие возвышенные и открытые плоскости левого берега этой реки. Их считалось тогда до 40 тыс. душ обоего пола. Прикрытые нашею кордонною линиею, они уже отвыкли от прежней воинственной жизни и вполне признавали нашу власть.

3. Абхазцы (Абаза) корень этого племени находится на южном склоне кавказского хребта. Оттуда, в разное время, вышли семь колен или отраслей их, и рассеялись под разными названиями от верховьев р. Кумы до вершины р. Губса, а именно: абазинцы (200 семейств), в верховьях Кумы, башильбаевцы (1000 семейств) в вершинах Урупа, тамовцы (450 семейств) в ущельях Большой Лабы, кизильбековцы (1700 семейств) в вершинах р. Андрюка, шахгиреевцы (300 семейств) в вершинах Малой Лабы, баговцы (600 семейств) в вершинах Ходза и баракаевцы (300 семейств) в вершинах Губса, всего 4550 семейств заключавших 35 тыс. душ обоего пола.

Не имея достаточной силы и самостоятельности, все эти народы подвергались то нашим ударам, то нападениям черкесских племен. Не раз мы вынуждали их к покорности, но никогда эта покорность не была прочною. Между тем, занимая горную полосу на флангах наших линий Кубанской, Урупской и Лабинской, они более всех других могли вредить нам своими хищничествами. Одноплеменники их, жившие на южном склоне, а именно: псхувцы, ахчипсу, айбуга и джигеты (всего до 3000 семейств), доставляли им постоянную поддержку и скупали у них пленных и другую добычу, награбленную в наших станицах.

4. Племя адыге, самое многочисленное из всех населявших Кавказские горы, занимало все пространство от Лабы до морского берега. Оно разделялось на 5 главных отделов и несколько мелких отраслей: а) абадзехи занимали все предгорья хребта, от р. Губса до р. Суп; б) бжедухи к северу от абадзехов на прикубанской равнине, между реками Белою и Суп; в) шапсуги по обе стороны хребта на северной покатости от р. Супа до Адагума, на южном склоне от р. Пшады до р. Шахе; г)натухайцы на северном склоне к западу от Адагума, на южном склоне к северу от р. Пшады; д)убыхи, исконные обитатели южного склона от р. Шахе до р.Хосты

Кроме этих пяти главных народов, к тому же племени принадлежали менее многочисленные общества, населявшие

лесистые пространства между Лабою и Белою: залабинские кабардинцы (бежавшие 45 лет тому из Кабарды), бесленеевцы, темиргоевцы, егерукаевцы и мохоши, - они заключали в себе до 35 тыс. душ обоего пола и составляли остатки некогда сильных народов, наиболее воинственных, на которых прежде лежала вся тяжесть борьбы с нами. Образуя как бы авангард неприязненного нам закубанского населения, они наиболее нам вредили своею предприимчивостью и знанием местности.

Численность всего вообще племени адыге трудно определить с надлежащей точностью, но приблизительно можно сказать, что оно простиралось в 1858 году от 380 тыс. до 400 тыс. душ* .

За исключением карачаевцев, нагайцев и небольшого числа абазинцев, все остальные племена и общества в 1859 году были относительно нас в чисто враждебном положении, хотя бжедухи и признавали нашу власть и приняли наших правителей, а абадзехи обещали быть нам покорными, но покорность эта, ничем не обеспеченная, была более чем двусмысленна, и давала этим племенам возможность вредить нам хуже, чем вредили открытые враги. Под видом мирных, они постоянно проникали к нам для хищничества, пропускали на наши линии убыхов и шапсугов южного склона и служили им лучшими вожаками.

Для приведения в покорность всех этих племен, не знавших никакого гражданского устройства, живших грабежами и беспрерывно возбуждаемых еще против нас эмиссарами и авантюристами разных наций, в 1860 году решено было вытеснить их всех из горной и приморской полосы на плоскость левого берега Кубани, где они уже не могли бы уклониться от надзора нашей администрации, а предгория постепенно за-

---

** Бжедухов, подчинившихся нашему управлению в 1861 году было 4017 дворов 38 тыс. душ, натухайцев 4300 дворов 40 тыс. душ, абадзехов до 100 тыс., шапсугов 150 тыс., убыхов 20 тыс. и мелких племен до 35 тыс. Все эти цифры, хотя и неточные, можно считать весьма близкими к истинным во-первых, по счету бывшего предводителя этих племен Магомет-Амина, когда он делал раскладку муртазаков на племена, находившиеся под его влиянием; во-вторых, по итогу переселившихся теперь в Турцию и оставшихся в наших пределах.*

нимать казачьими станицами и, таким образом, лишать возможности раз вытесненных оттуда горцев возвращаться на прежние места их жительства и возобновлять прежние свои грабежи и разбои.

Правительство, приступая к новому плану войны, не имело в виду ни истребления горцев силою оружия, ни изгнания их из пределов империи и для того, чтобы обеспечить их будущее положение, определило, сообразно с численностью их, оставить для их водворения всю прикубанскую плоскость, так что по сделанному исчислению на каждую душу пришлось бы от 6 до 7 десятин земли, самой плодородной в целом крае. Но обстоятельства, тогда непредвиденные, разрушили предположения наши и решили судьбу горцев совершенно иным образом, беспримерным в новой истории.

До минувшей восточной войны, покорные нам горцы часто просили разрешения на поездку в Турцию или для поклонения гробу Магомета, или для торговых дел. Их увольняли почти без всякого стеснения; но несмотря на это, число ежегодно увольняемых никогда не превышало 30 семейств из области. Когда возгорелась восточная война, то отпуски туземцев в Турцию были прекращены. Это породило между ними некоторое неудовольствие. Когда война закончилась, то довольно значительное число мирных горцев, сдерживаемое долгим запрещением, одновременно заявило желание совершить путешествие в Мекку. Таких охотников собралось уже до 150 семейств или около 1500 душ обоего пола. Одновременный отпуск такого числа не мог быть разрешен в чужое государство без предварительного с ним сношения. Поэтому предписано было начальнику Кубанской области ограничить, по возможности, отпуск в Турцию и увольнять не более 80 человек в год.

Это ограничение сделало путешествие в Турцию для горцев еще более заманчивым. А в то же время дошли до них слухи о переселении крымских татар, появились в народе прокламации от имени духовных лиц, которые приглашали всех правоверных идти в Турцию, где будто бы для них устраивается оттоманским правительством самый щедрый прием и где им будет жить несравненно лучше, чем у нас.

Муллы уверяли народ, что мы с умыслом стесняем переселение, желая отдалять их от магометанской веры и проч. Все это произвело такое брожение в народе, что в 1859 году генерал-лейтенант Филипсон был завален просьбами мусульман об увольнении их, для поклонения гробу Магомета. В виду этих обстоятельств и во избежание открытого восстания всего покорного нам мусульманского населения, генерал-лейтенанту Филипсону дано было разрешение отпускать желающих идти в Мекку, не стесняясь общим числом их, но партиями не более 10-ти семейств в каждой. Как только разрешение это сделалось известным, все имевшие намерение эмигрировать, не принимая в расчет никаких ограничений и запрещений, перестали заниматься хозяйством, распродали свое имущество и стали собираться в Турцию, уже не только с религиозной целью, а просто на переселение, чтобы жить под высокою властью повелителя правоверных, от которого ожидали всех благ. Остановить это движение силою было нетрудно, но подобная мера наводнила бы край людьми, которые с продажею своего имущества лишили бы себя средств к пропитанию и поневоле сделались бы хищниками. Сверх того, гораздо было выгоднее дать свободный исход всем недовольным и оставить в крае только тех, которые были довольны своим настоящим положением. Наконец, можно было рассчитывать, что ближайшее знакомство с Турцией уничтожит то обаяние, которое происками эмиссаров приобрело над всеми нашими мусульманами имя хункара (султана). Таким образом, в течение 1858 и 1859 годов ушло из Кубанской области в Турцию до 30 тыс. мусульман.

В 1860 году, вследствие слухов о неблагоприятной судьбе, постигшей ногайцев в пределах Оттоманской империи, переселение из Кубанской области приостановилось.

В 1861 году, согласно принятого плана войны наши новые станицы водворились в верховьях Кубани, Лабы и Ходза, а в 1862 году, самом трудном из всего периода последней борьбы нашей с горцами западного Кавказа мы, несмотря на ожесточенное сопротивление, которое встретили от соединившихся ввиду общей опасности неприятелей, успели занять казачьим поселением с одной стороны, все предгория

от Лабы до р.Белой, - с другой, оба ската хребта от Анапы до Адагума. Через это все общества абхазского племени и все передовые черкесские племена, жившие на правом берегу Белой, были поставлены в необходимость или исполнить безусловно требование наше - выселиться в назначенные им места или удалиться из края. Залабинские кабардинцы, в числе 10 тыс. душ, 200 семейств бесленеевцев и семейств 50 темиргоевцев, вышли к нам и образовали первое ядро залабинских аулов, к которому стали присоединяться последующие выходцы из гор; остальные ушли частию на южный склон гор - в Псху и Ахчипсу, частию за р. Белую, к абадзехам, натухайцы остались на местах, уже в кругу наших новых поселений.

Переселившиеся на южный склон, а равно и те, которые ушли к абадзехам, не долго пользовались гостеприимством своих соплеменников и, в течение зимы, по частям перебрались в Турцию* .

В 1863 году горцы уже не оказывали нам сопротивления упорного; многие из абадзехов и шапсугов начали выходить из гор к нам на плоскость и, вероятно, остальные также приняли бы предложенные им условия покорности, если бы письма и прокламации, беспрерывно присылаемые из Константинополя, не смущали их и не возбуждали в них надежд на скорое прибытие чужеземной помощи. С наступлением каждой луны, ждали они появления то турецкой, то французской армии, то английского флота и не знали, на что решиться. Между тем наша колонизация подвинулась с востока до р. Пшиша, с запада до Иля, и поставила абадзехов в положение, решительно невозможное для дальнейшего сопротивления. Осенью все они изъявили покорность нам; шапсуги большею частию ушли на морской берег. Прибывшая осенью к убыхам партия 40 европейских авантюристов с 4-мя пушками, выдавая себя за авангард давно

---

* *Кизильбековцы и шахгиреевцы были на пути ограблены своими соплеменниками и укрылись от них под защиту сухумского гарнизона, в ожидании судов для переезда.*

ожидаемой вспомогательной армии снова воскресила несбыточные надежды горцев и продлила нерешительность их. Вместо того, чтобы покорившись своей участи воспользоваться временем и до наступления зимы устроить свои хозяйства на отводимых им землях, они, бросая прежние свои жилища, уходили в леса главного хребта или на южный скат его, подвергаясь всем тяжестям кочевой жизни и удаляясь от тех мест, которые были предназначены для их поселения на Кубани. Бедственное положение их усилилось еще повальною оспою, появившейся на всем черноморском прибрежьи* и голодом от бывшего в 1863 году неурожая у убыхов и джигетов. При таком положении, как только колонны наши спустились с гор на южный склон, вся масса населения устремилась к морю, чтобы ехать в Турцию, с берегов которой плыли к ним кочермы, приезжали пароходы и привозились воззвания, описывавшие самыми привлекательными красками гостеприимство турецкого правительства и грозившие всеми возможными бедствиями тем, которые покорятся русским.

Нельзя было сомневаться в том, что значительная часть прибрежного населения горцев предпочтет удаление в Турцию переселению на Кубань, а потому заблаговременно приняты были некоторые меры, чтобы облегчить для них морской переезд. Еще в сентябре прошлого года, через консулов наших, было объявлено турецким судохозяевам о том, что им разрешается перевозить горцев, отправляющихся в Турцию, а крейсерам нашим было отдано приказание не препятствовать этой перевозке. Командующему войсками Кубанской области разрешено было дано заблаговременно зафрахтовать суда, которые в случае востребования, приняли бы на себя перевозку горцев. Таким образом, в течение зимы, из разных пунктов

** Болезнь эта была распространена по Ставропольской губернии и в Мингрелии; быстрому же распространению ее между горцами содействовал какой-то шарлатан француз или поляк, который начал прививать им оспу, брав для этого материю из язв, зараженных ею, несмотря на всю ее злокачественность.*

берега, еще не занятого нами, переехало в Турцию на турецких кочермах и пароходах до 60 тыс. переселенцев. Но несмотря на все это, с наступлением весны переселение приняло такие размеры, каких нельзя было предвидеть. На всех пунктах прибрежья сколько-нибудь удобных для посадки на суда, образовались огромные таборы горцев по нескольку тысяч семейств. Нужно было принять особые меры, чтобы ускорить перевозку и облегчить положение тех, которые на берегу должны были ожидать своей очереди.

Для этой цели были сделаны следующие распоряжения: испрошено разрешение не стесняться на зафрахтование судов первоначально ассигнованною суммою 100 тыс. руб., разрешено выдать пособия тем из горцев, которые отправляясь на вольных судах не могли заплатить полной перевозной платы; сверх парусных судов наняты были два парохода «Русского общества пароходства и торговли»; назначены были для перевозки два корвета и два военные транспорта и, наконец, турецкое правительство выслало для этой же цели два военных фрегата* .

Чтобы наблюдать за правильностью перевозки и раздачею ассигнованных пособий, образованы были в каждом пункте отправления переселенцев особые комиссии, а именно: 1)в Тамани; 2)в Анапе; 3)в укр. Константиновском; 4)на посту Вельяминовском при устье Туапсе; 5)на посту Кубанском; б)при устье Сочи; 7)на р.Хосте и 8)у мыса Адлера. Комиссиям было вменено в обязанность вникать во все нужды переселенцев, оказывать им содействие в распродаже имущества, устранять всякою монополию при покупке у них скота, быть посредниками в договорах с судохозяевами и, наконец, выдавать денежное пособие и продовольствие нуждающимся.

Всякая приходящая к берегу партия переселенцев, после строго осмотра разделялась на три категории; зажиточные

** Все эти распоряжения значительно понизили перевозную плату. В начале весны парусные суда по 3-5 руб. за каждого пассажира (за детей до 10 лет» половину); в июне месяце уже брали по 1 рублю.*

отправлялись на свой счет, другим выдавались дополнительные пособия к их собственным деньгам, бедные перевозились на счет казны*.

Когда сделалось известным, что судохозяева и шкипера, из желания большей выручки, стали сажать переселенцев на суда в несоразмерно большем числе, тогда по распоряжению его императорского высочества, во все комиссии были отправлены морские офицеры, которым вменено в обязанность определять, сколько каждое судно может принять пассажиров, не подвергая их неудобствам, а также, какой запас воды и продовольствия оно должно иметь с собою**.

Для подания помощи больным, в каждый пункт отправления командированы были медики и, сверх того, разрешено было принимать горцев во все временные госпитали и лазареты.

Вообще принятые, меры, достигнув полного своего развития, устранили от горцев те бедствия, которые они испытывали при переезде в течение зимы, отправляясь из мест, нами еще не занятых***.

В течение прошлой зимы и весны, по 10 июля нынешнего года, отправилось в Турцию следующее число горцев:

** Для определения степени самостоятельности того или другого семейства служило большей частию количество имущества, которое было при переселенцах, количество скота, который они продавали на берегу, а в некоторых случаях показания старших и почетных людей из самих переселенцев.*

*** Зимою, когда горцы переезжали из пунктов, нами не занятых, и в первое время весны, пока на этот предмет не обратили внимания, шкипера часто сажали непомерно большое количество пассажиров и даже не имели на судах достаточно воды, так что при всяком замедлении в плавании, переселенцы очень страдали и от тесноты, и от неудобства помещения в следствии этого между ними развивался тиф, который и привозили они на турецкие берега.*

**** Его императорское высочество главнокомандующий армией и августейшая супруга его пожертвовали значительную сумму собственных денег на покупку холста из бязи для одежды детей, а также на покупку кукурузы и гомии для продовольствия переселенцев в пути.*

а) Из Тамани 27.377 чел.
Из них получили пособие 12.716 чел.
б) Из Анапы 16.452 чел.
в) Из Новороссийска 61.995 чел.

Из числа отправленных из Анапы и Новороссийска пособие выдано 6.705 чел.
г) Из Туапсе 63.449 чел.
д) С поста кубанского и устьев Сочи 46.754 чел.
Из числа отправленных из Туапсе, с поста кубанского и устьев Сочи пособие получили 21.243 чел.
е) С Адлера и Хосты 20.731 чел.
По личному приказанию его Императорского высочества, все получили пособие.
ж) Отправились на кочермах из разных пунктов, без всякого содействия с нашей стороны, но под наблюдением комиссии 21.350 чел.
з) Отправились до занятия нами берега в течение осени и зимы (по сведениям, собранным консулами) 60.000 чел.

318.068 чел.

Число переселившихся в 1858, 1859 и 1862 годах и в течение лета 1863 года (до осени простиралась до 80.000 чел., так что всего с начала войны вышло из Кубанской области до 400 тыс. душ обоего пола.

Несмотря на всю громадность цифры переселенцев, она еще не достигла своего предела, и переселение, хотя далеко не в прежних размерах, до сих пор продолжается. Частию являются отыскиваемою нашими разъездами, укрывшиеся в разных ущельях одиночные семейства и бродяги*, частию уходят и

** Так, в июне месяце, сотня, высланная из окрестностей станицы Папайской открыла в 5 верстах от нее в ущелье табор шапсугов, из 712 душ обоего пола. Все они без всякого сопротивления выведены на Кубань. В верховьях Псезуапсе, до конца июля, оставалось еще небольшое общество Хакучи, которое заявило в апреле намерение идти в Турцию, а потом отказалось исполнить обещание и не решилось выйти к нам, так что заставили употребить против них силу оружия.*

текоторые уже водворились на новых местах жительства. Бедствия, испытываемые переселившимися в Турцию, им неизвестны, словам и советам нашим они не верят; а из Турции не перестают присылать к нам новые прокламации и приглашения.

На пособие переселенцам, до половины июля, было издержано 136.713 руб.

Газ. «Русский инвалид», 1864 г., №206

ИЗ СТАТЬИ С. ЭСАДЗЕ «К 40-ЛЕТИЮ УНИЧТОЖЕНИЯ АВТОНОМИИ АБХАЗИИ»

...Вскоре после завоевания Константинополя турки обратили свое внимание на побережье Черного моря и в особенности на Абхазию. Покровительствуемые султаном князья Шервашидзе делаются более влиятельными. Рассчитывая на поддержку турок, Шервашидзе отделились от Мингрелии, они вступают в родство с князьями Анчабадзе, а один из Шервашидзе Ростом овладевает большею частью Абхазии. В то же время в страну проникает магометанство; абхазцы, забыв все перенятое от греков и генуэзцев, усваивают турецкие обычаи, многие из них делаются мусульманами.

Распространяя свое влияние и магометанскую пропаганду турки, однако не вмешиваясь во внутреннее управление страны, выдвинув фамилию Шервашидзе на степень владетелей, подчинив их в вассальную зависимость, они предоставляли владетелю, за редким исключением, самим справляться как с внутренними смутами и беспорядками, так и с воинственными соседями. Для поддержания своего престижа турки держали в Сухуме небольшой гарнизон с пашой, ограничивались получением дани, заведением выгодных торговых сношений и, между прочим, торговли невольницами. Такое безучастие к внутреннему управлению нарушалось лишь в особых обстоятельствах, когда смуты делались небезопасными для самих турок и грозили ниспровержением их власти в стране.

Ростом Шервашидзе оставил четырех сыновей: Джегешия, Ширвана, Манучара и Зураба; все они получили воспитание в Турции. По смерти Ростома управление Абхазией принял Джегешия, который отличался большой предприимчивостью; но он недолго владел страной и был убит черкесами в экспедиции, предпринятой им для покорения джигетов. Так как от Джегешии не осталось сыновей, то был призван второй сын Ростома Ширван; однако он, стараниями сухумского паши был удален в Турцию. Ширван имел сына Бекир-бея. По праву старшинства власть перешла к Манучару, который, оставшись сухумским пашою, уступил права младшему своему брату Зурабу. Сыном Манучара был знаменитый Келешбей.

Управление Зураба было довольно спокойное; он не предпринимал никаких военных действий, но старался распространить границы своего владения политикой; таким способом ему удалось подчинить своему влиянию независимый Абживский округ. Преклонный в летах Зураб был бездетным и потому он отправил в Турцию депутатов с просьбою разрешить призвать из Батума своего племянника Бекир-бея, сына Ширвана. Бекир-бей является в Абхазию и Зураб усыновляет его, поручает ему заведование Отарским замком с целью еще большего усиления влияния над абживцами. При всем том Бекир-бей, женившись на княжне из фамилии Анчабадзе, предусмотрительными действиями вполне удовлетворял видам своего дяди. Абживцы стараниями Бекир-бея постепенно начали признавать исключительную власть Зураба. В награду за такие успехи Зураб передает своему племяннику в удел все земли князей Анчабадзе от Кодора до Галидзги.

Однако по смерти Зураба Абхазия от Кодора до Галидзги переходит к предприимчивому Келиш-бею; Бекир-бей же остается независимым владельцем удельного Абживского округа.

Большие способности и дарования Келиш-бея в скором времени обратили на себя внимание Порты; он заслужил расположение султана. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, Келиш-бей стремится распространить пределы своего владения и влияние над соседними племенами. Он выбрал местом постоянного пребывания крепость Сухум-кале,

соорудил несколько хорошо вооруженных галер, сформировал стражу, которая в числе пятисот человек находилась при нем в постоянной готовности к экспедициям; кроме того, султан в распоряжении Келиш-бея оставил весь турецкий сухумский гарнизон.

Самолюбие Келиш-бея больше всего уязвлялось самостоятельностью Абживского владетеля: Бекир-бей безусловно отказывался подчиниться. Тогда под начальством Келиш-бея три тысячи абхазского ополчения и турецкий гарнизон являются в Закодорщину; после непродолжительной осады Отарский замок был взят и Бекир-бей спасся бегством, но, не видя возможности сопротивляться, принужден был признать Келиш-бея своим победителем. Келиш-бей добился своей цели и не пожелал лишать своего двоюродного брата удела - Бекир-бей был оставлен в Абживском округе как подвластный князь.

Подобную же участь испытало племя джигетов. Влияние Келиш-бея распространилось также на Мингрелию; в 1779 году он овладел крепостью Анаклиею. Таким образом все приморские племена от Геленджика до Анаклии и даже далее до Батума находились в большей или в меньшей покорности Келиш-бею.

В это самое блистательное для Келиш-бея время умирает Бекир-бей, оставивши малолетних сыновей Сафар-бея и Али-бея. Присоединить к своим владениям Абживский округ всегда было заветной мечтой Келиш-бея; чтобы достигнуть этой цели без потрясений, он женится на вдове своего племянника. Однако стремление Келиша к распространению своих владений не останавливается - он пожелал овладеть частью Цебельды и Джгердою; но так как эти области находились во власти князей Маршани, имевших большие связи и дружбу с черкесскими племенами, то Келиш, считая для себя опасным или по крайней мере невыгодным искать прав своих на эти земли оружием, обратился к тяжбе и после разных соображений согласился на медиаторский суд. Посредники с обеих сторон решили дело в пользу Маршани. Келиш не желая до времени нарушать обычаи страны, признал старые границы своего владения.

Упоенный славой и счастьем Келиш-бей в конце своего правления начал грубо нарушать интересы Абхазии и преследовать только личные выгоды. Лучшие абхазские князья,

сотрудники блистательных дел владетеля, оставались в пренебрежении. Народ смотрел на это с неудовольствием. Страсть Келеш-бея к женщинам еще больше увеличила число недоброжелателей его. Увлеченный этой слабостью, он сделался рабом одной из своих любовниц, вольной жительницы Бзыбского округа из фамилии Лейба; в угоду ей он пренебрег и удалил от себя законную жену, княжну из почетной фамилии Дзяпши-ипа,. Братья оскорбленной жены были в то время сильны и уважаемы, а поступок владетеля они считали смертельною для себя обидою: по народным обычаям они должны были смыть пятно этого бесчестия кровью виновника. Такую же ненависть к отцу за обиду матери питал и Аслан-бей, управлявший Бзыбским округом.

Келиш знал силу Дзяпш-иповых, чувствовал несправедливость своего поступка и предусматривал весьма неблагоприятные для себя последствия. Чтобы избавиться от возможной опасности, он изъявляет притворное намерение примириться с обиженными; под предлогом примирительного угощения он призывает в Сухум трех братьев Дзяпшиповых. Никто из абхазцев не мог подозревать злого умысла, никто не думал, что человек, прославивший себя столь громкими делами, таил преступные замыслы. Не могли иначе и думать и явившиеся в Сухум Дзяпш-иповы; они готовы были примириться и забыть обиду; но Келиш-бей считал для себя унизительным мириться с подвластными; он, забыв свое достоинство, пренебрегая гостеприимством, священным для каждого абхазца, заключил Дзяпш-иповых в крепость и приказал их там умертвить. Не довольствуясь этим, Келиш-бей в угоду своей любовнице лишил и Аслан-бея власти над Абживским округом. После таких поступков он окончательно потерял уважение народа, заперся в стенах Сухума, доживал свои дни в совершенном бездействии. Угрызения совести терзали его и он передал управление Абхазией побочному сыну Сефер-бею, сам же перестал заниматься делами.

Оскорбление матери, убийство родных дядей, лишение удела и наследства на Абхазию все больше и больше разжигали в Аслан-бее глубокую ненависть к отцу; притом и Порта, убедившись, что с постепенным усилением власти Келиш-бей начал оказывать ей неповиновение, смотрела на него как на опасного вассала не

решаясь, однако, наказать ослушника. Обнадеживаемый и подстрекаемый турками Аслан-бей 2 мая 1808 года убивает своего отца. Несмотря на столь тяжкое преступление, народ видел в отцеубийце орудие мести Провидения.

* * *

Управляющий Абхазией в последние годы жизни отца Сефер-бей отлично сознавал все преимущества над собой Аслан-бея, которому турки оказывали покровительство, на стороне которого находилась большая часть абхазской знати и весь почти народ. Видя, что при таком общем враждебном к нему настроении нельзя было упрочить за собою владение страной, Сефер-бей обдумывал средства к прочному обладанию Абхазией.

Мысль прибегнуть под покровительство России могла разрешить этот трудный вопрос самым надежным образом. Сефер-бей немедленно приводит это намерение в исполнение: умалчивая о побудительных причинах, три месяца спустя после смерти Келиша, он в прошении императору Александру I передавал себя и Абхазию в подданство России. Прошение это написано мингрельским протоиереем Иоанном Иоселиани 12 августа 1808 года на грузинском языке; оно состояло из семи пунктов, из которых каждый был подписан рукою Сефер-бея по-турецки.

В этих просительных пунктах Сефер-бей сам и свой народ передает в подданство России, обязывается принять греко-русскую веру, просит награждения знаком, просит утвердительной грамоты на свое по Келишбею наследство, «дабы он начальником и управляющим владением своим, также сын его и внук его вечно и нерушимо от начальства и владения Абхазиею пробыли; чтобы доколе императорский престол пребудет счастливым и сильным и их наследство и начальство пребыло таковым же»; он просил оградить его владение войсками, назначить ему как владетелю жалованье; за все то обещал подчиниться со своими подвластными главнокомандующему Грузиею, обещал давать строевой лес для кораблей, как это получала Турция.

Вследствие отсутствия достоверных сведений об Абхазии, о побудительных причинах, заставлявших искать подданства по просительным пунктам, Сефер-бей был признан правительством наследственным князем Абхазского владения под верховным покровительством Русской державы. Сефер-бею и матери его определено жалование, ему и преемникам пожаловано знамя с гербом Российской империи, орден Анны I ст.; преемники его должны были каждый раз испрашивать утверждения на владение Абхазией. Инвеститурная грамота на имя Сефер-бея подписана императором Александром 17 февраля 1810 года.

Между тем законным наследником на Абхазию считал себя Аслан-бей; он с преданным ему турецким гарнизоном заперся в Сухуме. Очевидно, что Сефер-бей не мог считать себя в безопасности до тех пор, пока кровный непримиримый враг его не был бы изгнан из страны. Желая вернее достигнуть этой цели, Сефер-бей под предлогом изгнания турок из Сухума просил прислать войска. Просьба эта уважена и назначена десантная экспедиция. Русская эскадра, состоявшая из шести судов, под начальством капитан-лейтенанта Юздедота, 9 июля 1810 года появилась перед сухумским рейдом. На другой день десантные войска взяли город штурмом, Аслан-бей с братом Гассаном и турецким гарнизоном бежал потайным ходом.

Освободившись от турок и опасного своего врага, Сефер-бей, наименованный по принятии христианской веры Георгием, владел Абхазией еще 11 лет, пользуясь доходами только с Бзыбского округа и с некоторой части Абхазского. Доходами с Абживского округа пользовался независимо от владетеля сын Бекир-бея, Али-бей, который по достижении совершеннолетия восстановил отцовские права на этот округ и распоряжался над абживцами совершенно самостоятельно, и если оказывал впоследствии послушание Сефер-бею и его приемникам, то единственно повинуясь воле правительства.

Сефер-бей оставил четырех сыновей: Дмитрия (Омар-бей), Михаила (Гамуд-бей), Константина (Хуршид-бей) и Александра. Еще при жизни отца старший сын Дмитрий был вызван в Петербург, где воспитывался в Пажеском корпусе. В 1821 году, уже в чине подполковника русской службы, после смерти Сефер-бея, кн. Дмитрий был по воле государя назначен владетелем

Абхазии на правах отца; но вступить в страну и принять управление Дмитрий мог только при помощи русских войск.

Подстрекаемые турками и Аслан-беем абхазцы, вообще нерасположенные к потомству Сефер-бея, не соглашались признать Дмитрия своим владетелем. Пламя восстания вновь вспыхнуло в Абхазии. Аслан является сюда с черкесами, он оповестил население, что ему дан фирман от турецкого султана, что этот фирман конфирмован российским константинопольским полномочным министром. Такое извещение нашло очень благоприятную почву среди высшего и низшего сословия абхазцев. Первые пристали к Аслану братья сосланного в Россию князя Гассана - Батал-бей, Ростом-бей и Тэир-бей, также тесть последнего чтимый абхазский князь Нарчу Инал-ипа. Владетель Абживского округа Али-бей встретил Аслана дружелюбно, но сначала колебался принять его сторону. Цебельдинцы, приверженцы Гассана, также отозвались на призыв Аслана. В довершение всего на сторону этого последнего переходят и соуксинцы, оставшиеся дольше других расположенными к дому Сефер-бея.

Среди таких смутных обстоятельств находящийся уже в Тифлисе утвержденный владетель кн.Дмитрий, получив письменную инструкцию от управляющего гражданской частью в Грузии г.л.[29] Вельяминов, отправился к своему владению. В 1822 году Дмитрий, сопровождаемый отрядом русских войск под начальством управляющего Имеретией кн. Горчакова, при содействии также мингрельской милиции, после многих столкновений с приверженцами Аслана, вступил в Абхазию и принял над нею управление. Но князь Дмитрий умер в исходе 1822 года и владетелем по указу 14 февраля 1823 года был назначен его брат Михаил. Начало его управления было ознаменовано также неурядицами: в 1824 году абхазцы вновь заволновались, но действия русских войск скоро восстановили спокойствие. Беспорядки прекратились и власть кн. Михаила усилилась, когда в 1830 году войсками г.м.[30] Гессе были заняты важные в Абхазии пункты: Бамборы, Пицунда и Гагры.

Таков очерк деятельности князей Шервашидзе до последнего владетеля Абхазии кн. Михаила.

С вступлением Абхазии в автономное подданство, полное и безусловное управление страной оставалось по-прежнему у

владетелей. По внутреннему своему устройству в Абхазии преобладали начала аристократические, дававшие такой же характер и самому управлению. Все общественные дела обсуждались в народных собраниях, в которых участвовал и низший класс, но в решениях высшее сословие всегда имело перевес как вследствие численности своей, так и потому влиянию, которое оно в течение времени приобрело над народом и которым особенно дорожило. Народ разделялся на князей, дворян и крестьян. В привилегированных сословиях степень влияния каждого зависела от личного заслуженного уважения. Сильный дворянин имел больше веса, чем слабый князь, и одно происхождение ни в кое случае не могло предоставить особого преимущества. Подчинение зависимых сословий также ничего общего не имело с крепостным правом.

Правительственная власть в Абхазии прежде всего должна была ограждать внешнюю безопасность страны и давать защиту при нарушении личных и имущественных прав населения. Это было необходимо как для водворения спокойствия н порядка, так и для собственной безопасности владетелей; но в достижении подобных целей они встречали большие затруднения по причинам географического положения страны и вследствие особых условий внутренней жизни народа.

В течение многих веков Абхазия находилась под тройным, почти равносильным влиянием: под влиянием Турции и мусульманское законодательство со стороны моря; под влиянием черкесского обычного права со стороны гор и под влиянием христианского грузино-мингрельского общественного устройства со стороны плоскости. По мусульманскому законодательству земля принадлежит правителю страны, по черкесскому обычному праву она составляет общественную собственность всего народа, наконец грузинское право, представляя верховную, политическую и законодательную власть царю или владетелю, укрепляло поземельную собственность за одним лишь высшим сословием. Ни одно из этих влияний не могло взять перевеса одно над другим, а каждое из них оставило свои следы в общественной жизни Абхазии.

Окружавшие Абхазию племена постоянно производили свои набеги с целью грабежа, угона скота, увода пленных. С востока и мингрельские Дадианы смотрели на нее как на неприязненную страну и не упускали удобного случая вмешиваться в абхазские дела. Да и само внутреннее устройство, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействовавших административной централизации, обычаи ассаства (переселения)[31] и кровомщения - были причинами, затруднявшими владетелям установить прочное спокойствие в стране, а сама внутренняя организация развивалась обычаями, выработанными населением путем продолжительного опыта. Таким образом, с одной стороны владетельская власть и иерархия сословий, что придавало учреждениям феодальный характер, с другой - являлся выработанный опытом, жизнью народа, противоречащими феодализму общественный строй, ограничивающий пределы власти владетелей и высшего сословия.

Основой общественного устройства служили союзы, на которые делилась вся страна и которые в отношении к правительственной власти представляли как бы административные единицы. Каждый союз составлял одно целое и жил своею особою жизнью: в состав союза входили все сословия и роль каждого определялась издавна установившимися сословными правами и обычаями, дававшими удовлетворение несложным требованиям народной жизни. Несмотря на сословное подразделение, каждый союз заключал в себе две категории населения: элементы покровительствующие и покровительствуемые. На абхазском языке это понятие выражается словами: ахлапшю - патрон, покровитель, защитник и хипши - состоящий под покровительством, подвластный.

Абхазская община (акыта) составляла соединение родовых[32], фамильных союзов с преобладающим влиянием одного кого-либо или одной влиятельной фамилии. Такие преимущества покровителей ставили их выше всех других членов общины, а уважение к ним населения, переходя из рода в род, укрепляло за ними права и преимущества привилегированных сословий. Такая организация общины способствовала высшему классу искать все большего влияния на дела союза: однако всякое

произвольное нарушение личных и имущественных прав населения, как несоответствующее идее правительства, не могло служить основой действий правящего класса. Низшее сословие находило твердую поддержку в ограждении своих прав и в других обычаях туземной жизни, например, в обычае ассаства - свободы переселения из одной общины в другую. Тем не менее, с течением времени привилегированные сословия сделались очень влиятельными и пользовались большою популярностью среди населения.

Сами владетели на общем обычном праве были главою нескольких союзов, во внутренней организации которых они находили силу и поддержку своей власти. Стремление привилегированных сословий усилиться один за счет другого и главным образом противодействовать усилению владетеля возбуждало между правящими классами вражду; причем сами владетели употребляли все меры, чтобы поддерживать распри и раздоры между привилегированными фамилиями, так как владетельская власть была сильна лишь при недостатке единодушия между ними. Нередко и сами враждующие фамилии обращались для разрешения своих споров к владетелю, эта роль примирителя способствовала усилению значения его.

Внутренняя жизнь Абхазии основывалась на родовом строе. Власть родителей основывалась требованиями религии, христианской или магометанской. Браки совершались по обоюдному соглашению родственников жениха и невесты. В делах чести и обиды все члены семейства составляли один союз. Покровитель и хозяин обязаны были оказывать защиту клиентам и гостям. Суд и расправа производились преимущественно по адату - народным обычаям; шариат (духовный суд) применялся только в редких случаях. Все дела как уголовные, так и гражданские, решались судом посредников. Самый процесс сопровождался такими особенностями: обе тяжущиеся стороны выбирали медиаторов, присягали и давали поручителей в том, что подчиняются приговору суда. Для объяснения дела каждая сторона избирала защитника. Судьи выслушивали защитников истца и ответчика; после совещания они объявляли решение, которое немедленно приводилось в исполнение при содействии поручителей.

Кровавые междуусобия одних обществ Абхазии против других, производимые извне нападения соседними враждебными племенами естественно развили в народе воинственные наклонности. С другой стороны при аристократических началах образа правления для поддержания спокойствия страны и для защиты от внешних врагов требовалась постоянная вооруженная сила, которая в необходимых случаях могла бы обязательно заявить о своем существовании. Поэтому в Абхазии с древнейших времен был род постоянной военной повинности.

Военно-полицейскую и почетную при особе владетеля стражу составляли, так называемые - шинагма - телохранители. Они набирались от всего населения и хотя не все они находились в резиденции владетеля, тем не менее служба их была обязательна. Назначение в шинагму зависело всецело от владетеля. Эта стража, с течением времени, организовавшись в сплоченное сословие, приобрела значительное влияние в стране, опираясь на предоставленные владетелем права, шинагмы нередко производили насилия над жителями. По своей организации сословие это имело большое сходство с опричниками Иоанна Грозного.

Из обзора главнейших политических событий и внутреннего устройства Абхазии видно, что внешняя поддержка сначала Турции, потом России способствовала усилению этой власти. Несмотря однако на это, владетельская власть была единая, нераздельная, не допускающая совместительства, принадлежавшая в данное время одному лицу.

Сам князь Михаил не мог не чувствовать, что власть его упрочнена Россией и он продолжительно в управление страной старался достигнуть двоякой цели: оставить владение за потомством и пользоваться для усиления своего влияния содействием русских войск. И действительно, система правительственного покровительства во внутренних делах Абхазии состояла в упрочении владетельского единовластия и в стремлении дать ему средства поддерживать спокойствие в крае. Начальники 3-го отделения черноморской береговой линии, в районе которой находилась Абхазия, постоянно снабжались наставлениями: «стараться приобрести расположение

владетеля, без доброго согласия с которым весьма трудно управлять краем, согласно в видами правительства. Такой системой правительство достигло уничтожения торга людьми, поддержало исчезавшее христианство; учреждением береговых карантинно-таможенных пунктов, за вознаграждением владетеля двенадцатью тысячами ежегодно, ввело правильную торговлю, а шесть тысяч русских штыков всегда готовы были действовать по просьбе владетеля. Пользуясь таким исключительным положением, кн. Михаил осуществил заветную мысль знаменитого своего предка Келиш-бея и подчинил безусловной своей власти Сухумский и Абживские округа, в которые прежде не имел права появиться без предварительных переговоров с владельцами. Народ высказывал недовольство, но принужден был смириться.

В восточную войну 1853-1856 гг. князю Михаилу суждено было играть выдающуюся роль. Участие его в ходе военных событий началось с весны 1854 года, когда решено было вывести из Абхазии все русские войска. Это было выполнено самим владетелем очень искусно и он всеми силами старался доказать преданность правительству. Выведя благополучно русские войска, князь Михаил спрашивал, - где ему оставаться на время войны. Император Николай I предоставил решить этот вопрос вновь назначенному главнокомандующему ген.-адъютанту Муравьеву. При личном свидании с владетелем Муравьев передал владетелю, что ему удобнее всего избрать местопребывание в Тифлисе или же в действующих на кавказско-турецкой границе войсках. Князь Шервашидзе, однако, оставался около года в Мингрелии у своего тестя Георгия Дадиана, а затем отправился в Абхазию, занятую тогда турками и оставался в своем имении до конца компании. Об образе действия владетеля за это время получились самые разнообразные сведения: по одним источникам, он совершенно предался на сторону турок, по другим, как объяснял он сам, цель его пребывания в Абхазии заключалась в сохранении владения от разорения и чтобы присутствием своим употребить все влияние к отклонению абхазцев и горцев от участия в военных действиях против русских войск.

* * *

Основной чертой характера кн. Шервашидзе было безмерное честолюбие. С открытием войны оно подверглось крайнему раздражению, он оставил Абхазию в полной уверенности, что отсутствие его будет недолговременным, что он скоро возвратиться в свое владение с большею самостоятельностью, с большим доверием правительства; в случае же если ему не пришлось бы возвращаться в Абхазию, он рассчитывал получить деятельность соответствующую владетельскому сану, его потерям; не без основания он также полагал, что ему предоставят проявить деятельность там, где он мог бы быть наиболее полезным, недалеко от пределов Абхазии. Кн. Михаил льстил себя надеждой, что явиться в блеске нового звания перед народами для влияния на которых он добивался власти и значения - перед мингрельцами, его старинными врагами; перед самурзаканцами - на обладание которыми он постоянно посягал, перед абхазцами - его под данными и, наконец, перед черкесскими племенами - для еще большего усиления влияния на них.

Однако Шервашидзе скоро убедился, что обстоятельства обрекли его на совершенное бездействие; что ему не намерены поручать командование. Оставляя Мингрелию, чтобы ехать в Тифлис или в александропольский отряд, ему нужно было изменить все свои привычки, переменить образ жизни, семейный быт, он должен был войти в совершенно чуждый его нраву и понятиям круг деятельности. Оставаясь в Мингрелии частным лицом, его тяготило бы бездействие. При таком настроении до владетеля стали доходить слухи о неудовольствии абхазцев на его долгое отсутствие. Самым тревожным известием для него было то обстоятельство, что князья Гид и Мажара Шервашидзе отдались под власть турок и успели их убедить, что владение их независимо от Михаила, что турки признали такое право не только за указанными Шервашидзе, но передали имение кн. Дмитрия явившемуся из изгнания сыну Аслан-бея.

Имевшие на кн. Михаила большое влияние Гассан Маргани, Баталбей Маршани и Хаджи Берзек упрекали его в забвении родины; они убеждали, что все значение, вся политическая

жизнь владетеля зависит не от приобретенных им служебных достоинств, а от наследственного владетельского сана; что теряя власть и значении в народе, ему не помогут аксельбанты генерал-адъютанта украшение его сана. Кн. Михаил решился возвратиться к источнику привычных ему выгод, сношений, влияний, почета, к привычному владетельскому быту. Прибыв в Абхазию, у владетеля на первом плане было восстановить среди народа свое значение.

19-го сентября 1855 года к Сухуму прибыл Омер-паша с флотилией турецких судов. Он сошел на берег, окруженный штабными офицерами между которыми были и европейцы. У пристани стоял князь Михаил за ним до двадцати разноплеменных старшин. Владетель хотел поклониться по турецкому обычаю, но Омер остановил его, пожал руку и сказал по-русски: «Здравствуй Михаил», после чего сел на коня и поехал к ожидавшим его войскам. Владетель шел некоторое время возле него, но увидев, что с ним не говорят и не обращают на него внимания, повернул к занимаемому им дому. Возвращаясь после осмотра войск, Омер-паша подъехал к стоящему у дома владетелю и сказал несколько слов по-русски: в народе распространился слух что он ему предложил возвратиться к русским.

Первым распоряжением Омер-паши был приказ, чтобы до него допускали всех имевших к нему нужду беспрепятственно, чтобы прибывающих к нему абхазцев и горцев угощать на его счет, чтобы за все забираемое у населения войска расплачивались бы золотом и серебром. Одним словом, перед вольными народами Кавказа представитель турецкой армии явился доступным, ласковым, беспристрастным, расточительным, сильным; владетелю же он высказал явное пренебрежение.

Посланный в Мингрелию для расследования всех обстоятельств пребывания и отъезда владетеля в Абхазию д.с.с. Дмитрий Кипиани между прочим описывает свидание кн. Шервашидзе с Омер-пашой, который обошелся с ним полуласково, полусурово и спросил: для чего владетель приводил народ к присяге? Кипиани отмечает затем следующий диалог:

- Михаил. - Я, кажется, не лишен моих прав, генерал! Во внутренние дела моего владения русские не вмешивались; надеюсь, что и теперь нет в том надобности. Меры к спокойствию моего края должны от меня зависеть, иначе трудно отвечать за будущее.

- Омер. - В ваши права вмешиваться не будут, но скажите, почему не здесь ваше семейство?

- Михаил. - Жена моя у своего отца и он не отпускает ее.

- Омер. - По вашему закону над венчанною женою, кроме мужа, кажется никто не властен.

- Михаил. - Закон таков действительно, но по здешним обычаям отношения между детьми и родителями никогда не прерываются. Я бы очень желал, чтобы моя жена была здесь и был бы весьма благодарен, если бы выручили ее оттуда, а я не имею средств на это.

- Омер. - Говорят вы сохраняете верность русским и переписываетесь с тифлисским начальством.

- Михаил. - Если скажу вам, генерал, что я предан султану, вы были бы вправе приписать это моему малодушию. Не считаю нужным скрывать перед вами, что моим значением и состоянием обязан я русскому государю. Обстоятельства заставили русских выйти отсюда; я сам вывел их; даже простой долг гостеприимства обязывал меня к тому, и я возвратился к себе домой, не имея никакого повода действовать против них. Если нынешняя здешняя власть не желает видеть меня в этом смысле, оставлю я свой дом и свое владение. В предосудительных же сношениях нельзя меня обвинить по крайней мере без доказательств.

- Омер. - Дело в том, князь, что, оставаясь у себя дома, вы мешаете говорят, нашим распоряжениям. Требуемое же вами доказательство, надеюсь со временем представить. Действительно положение владетеля было двусмысленно.

«В 1854 году, - писал он князю Бебутову, - когда войска русские были выведены из моего владения, я остался вдали от воинов, с которыми свыкся с детства моего и, следуя побуждениям сердца, я бросил всех родных и только с моим семейством последовал я за войсками в той мысли, чтобы быть неразлучно с ними и с ними вместе пролить кровь свою против врага. С

этим желанием явился я к высшему начальству в Тифлисе и вместе с тем просил назначить в Имеретии одну деревню, где бы мог я приютить семейство, В ожидании этого, равно как и себе поручения, приличного моему званию, прошел целый год. Высшее начальство между тем переменялось; ни то, ни новое не обратило внимания на мое положение и оставили меня как человека праздного. Будучи совершенно уверен в своей небесполезности и годности, я рассчитывал, что чем остаться без дела, лучше возвратиться в мое владение, которое между тем как стадо осталось без пастыря расстраивалось, охранять в нем тишину, и если бы представился случай, доказать отсюда небесполезность мою государю императору.»

Хотя генерал Муравьев по заключении с турками мира и ходатайствовал об устранении кн. Шервашидзе от владения Абхазией, но император Николай I не нашел «прямых доказательств преднамеренной с сознанием цели рассчитанной измены», а в действиях владетеля каких-либо несомненных улик, на которых могла бы быть основана чрезвычайная строгость той или другой меры наказания; самую же отлучку владетеля Государь объяснил отношениями его к подвластному краю, к семье и родственному достоянию она «легко могла произойти последствием фальшивого положения, в которое он поставлен в двойном его качестве: владетеля, обязанного печиться о подвластном ему крае и военнослужащего, безусловно подчиненного противным тому требованиям главного начальства армии». Не входя в тайные побуждения кн. Михаила, государь приказал возбужденное Муравьевым ходатайство отклонить.

Вместе с тем князю Шервашидзе было поручено вновь ввести русские войска в Абхазию. Учрежденное вслед за тем кутаисское генерал-губернаторство и изменение политических обстоятельств повлияли и на отношение горцев Западного Кавказа. К начальнику войск в Абхазии в 1858 году стали являться старшины убыхов с изъявлением готовности вступить в мирные и близкие сношения с русским правительством; препятствием к тому, по мнению убыхов, главным образом служило вкоренившееся убеждение, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружавших Абхазию, значение

и почет каким пользовался кн. Шервашидзе, должны будут прекратиться. Сам владетель, воспитанник убыхов, пользовался в этом племени совершенно исключительным влиянием, которое было сильнее, чем влияние Магомет-Амина. Такое обаяние горцев позволило кн. Михаилу упрочить свою власть в Абхазии. Так, когда сильная княжеская фамилия проявляла стремления повредить владетельному дому, то князь Михаил, оставаясь сам в стороне, направлял партии убыхов для разорения более сильных вассалов; такой системой ему вполне удавалось подавлять всякую попытку к противодействию.

От воли владетеля зависел также тот или другой образ действия горцев по отношению к правительству: все переговоры с ними без посредства кн. Михаила большею частью кончались безрезультатно. С другой стороны, если в горцах обнаруживались намерения, угрожавшие безопасности самой Абхазии, то владетель спешил тотчас же принять меры к уничтожению их планов. В этом отношении соперникам владетеля явился Магомет-Амин, который в 1858 году прибыл к убыхам, стал заводить у них народные суды и убеждал горцев соединиться в одну общую организацию. Кн. Михаил легко склонился на убеждения начальника войск в Абхазии противодействовать планам Магомет-Амина, упрочение влияния которого грозило его собственному значению. Убыхи послушались владетеля и Магомет-Амин встреченный враждебно, поспешил оставить их.

В 1858 году кн. Михаил стал часто болеть и вести уединённую жизнь, не вмешиваясь в убыхские дела.

Между тем 25-го августа 1859 года с падением Гуниба и пленением Шамиля Восточный Кавказ был покорен; большая часть аулов Чечни переведена на плоскость; население Дагестана, склонное к земледелию и промышленности, после долгой борьбы выказало покорность и обратилось к мирному труду. Удар, нанесенный Восточному Кавказу, отразился и на Западном; горские племена, утратив надежду на дальнейшее сопротивление, постепенно начали или объявлять покорность или выселяться в Турцию.

Прибывшему новому наместнику, великому князю Михаилу Николаевичу, предстояло довершить покорение западной части

Кавказа. Главным средством для этого послужила военная колонизация в связи с эмиграцией горцев. В 1864 году великий князь признал своевременным направить общие усилия против горцев. 21 мая все отряды, вытеснив горцев к морскому берегу, сосредоточились в урочище Гбаада. Этому глухому аулу суждено было быть местом празднования события грандиозной исторической важности - окончания кавказской войны. Всего их горцев Западного Кавказа около 90 тысяч были выселены на равнину по Кубани и Лабе, а около 418 тысяч эмигрировали в Турцию.

Покорение Западного Кавказа имело непосредственное влияние на уничтожение автономии Абхазии. Великий князь первый принял владетеля в Кутаисе весной 1863 года; обласкал его в этом свидании. Великий князь поручил генерал-губернатору оказывать все должные почести, снисходительно смотреть на некоторые его слабости и вообще стараться поддерживать с ним самые дружеские сношения. При этом имелось в виду, что князь Михаил, успокоенный окончательно таким приемом и дружескими отношениями нового генерал-губернатора кн. Святополк-Мирского, употребить свою власть для того, чтобы водворять порядок в подвластном ему крае и будет содействовать целям правительства в отношении соседних горских племен. Но по многим причинам надежды эти не оправдались.

Кн. Михаил, уехав на все лето в Пятигорск, поручил управление Абхазией родному брату Александру. Во время отсутствия владетеля в стране возникли междоусобные распри. Пользовавшийся особым покровительством владетеля Гассан Маргани совершил вооруженное нападение на имение полковника князя Григория Шервашидзе, разорил до основания несколько принадлежащих ему селений и продал туркам 25 человек, захваченных в плен крестьян. По получении этих сведений владетель вместо наказания виновника междуусобицы обратил, наоборот, свое неудовольствие на потерпевшего кн. Григория, который был уволен от должности начальника Абживского округа и вместо него назначил того же Гассана Маргани.

При посещении великим князем осенью Сухума ни сам владетель, и никто из его подвластных не явились, несмотря на

настойчивое приглашение. Владетель писал, что болезнь приковывает его к постели и он не может заниматься делами, а потому убедительно просил отпустить в Абхазию сына Георгия, состоявшего адъютантом при наместнике. «Князю Георгию, - писал владетель генералу Коцебу, - я должен поручить управление владением, пока еще под надзором н руководством моим и приучить его быть полезным своему народу и правительству. При его энергии положится конец беспорядкам, вообще вредным для края, а болезнь моя, будучи не раздражаема разными волнениями, может ослабить свое действие, также вредные для меня при впечатлениях.»

Великий князь приказал ответить; что допущение кн. Георгия к управлению Абхазией превышает права наместника и требует разрешения государя, что сверх того кн. Георгий по молодости лет, по малому знакомству его с теми требованиями, которым должен удовлетворять правитель народа, едва ли может нести эти обязанности с пользою для края.

Между тем князь Михаил с конца осени поселился в Бзыбском округе в своем имении Соук-су и вошел в самые тесные сношения с убыхами. Старшины этого наиболее враждебного правительству племени посещали владетеля в Соук-су. Святополк-Мирский предупреждал его, что сношения с горцами, окончательное покорение которых близилось к концу, не может быть оправдано никакими соображениями. В ответ на это предостережение владетель писал, что здоровье его с каждым днем ухудшается и, не будучи в состоянии более заниматься делами, он просит ходатайства об увольнении его с действительной службы и об отправлении для лечения болезни за границу.

Письмом этим решено было воспользоваться для окончательного разрешения абхазского владетельского вопроса. Генерал Коцебу (начальник штаба армии), выразив владетелю от имени великого князя соболезнование, что состояние его здоровья не позволяет заниматься делами, относительно увольнения его от службы сообщал, что великий князь по этому предмету испросит особое указание государя.

«Великому князю приятно было бы знать, - писал Коцебу, - в некоторой подробности намерения и желания ваши в той надежде, что ходатайство его высочества перед государем

императором может быть для вас полезно и может скорее всего содействовать осуществлению ваших желаний, исполнение которых доставит истинное удовольствие его высочеству. Если, ваша светлость, позволите мне высказать мое мнение, то я полагал бы , что было бы всего удобнее, если бы вы. по важности дела, выразили намерения и желания ваши прямо государю великому князю, адресуя письмо в собственные руки его императорского высочества».

Великий князь полагал, что абхазский вопрос имеет самую тесную связь с осуществлением предположений о заселении станицами восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, что с того времени, как Абхазия признала верховную власть русского императора, правительство, занятою упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, не могло отделить достаточных средств для принятия страны в полное подчинение, ограничиваясь поддержкою власти владетеля и что, наконец, будет большой политической ошибкой оставлять впредь автономию Абхазии.

Для достижения этой цели предполагалось: склонить владетеля и наследников от прав владения, назначить им пенсии, из Абхазии образовать военный округ, водворить вдоль берега Черного моря до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить абхазское казачье войско и границу между кубанским и абхазским войском назначить хребет, замыкающий гагринскую теснину и отделяющий Абхазию от джигетов.

* * *

Согласно с мнением великого князя признано было, что Абхазия не может оставаться на прежних основаниях, что следует ввести в ней правильную русскую администрацию, устранить от управления кн. Шервашидзе с потомством и что страна на вечные времена должна поступить в непосредственное управление поставленных от правительства властей:

«Как заявленное самим кн. Шервашидзе, - писал по этому поводу ген.-ад. Милютин, - в письме к г.-л. Мирскому желание удалиться от дел и последующие его личные объяснения с вашим императорским высочеством при проезде вашем в Сухум, доставляют прямой повод к приведению ныне же в исполнение означенной меры. Государь император предоставляет вашему высочеству объявить кн. Михаилу' Шервашидзе о высочайшем соизволении на увольнение его с потомством от управления навсегда Абхазиею, с оставлением его в звании генерал-адъютанта и с представлением ему выбрать себе местопребывание в Петербурге или Москве».

С удалением кн. Шервашидзе от управления Абхазией, возник вопрос об обеспечении его будущности и о вознаграждении его за потери денежных и материальных выгод, которыми он пользовался как владетель страны. При обсуждении способов вознаграждения главным образом были приняты во внимание меры, примененные правительством в свое время по отношению членов бывших царских домов - грузинского и имеретинского. Вознаграждение со стороны правительства царевичам было выдано за потерю тех частных уделов, которые они получали с своих частных имений до поступления в казну. Все то, что царевичи приобретали службою или особыми заслугами, не входило в расчет вознаграждения, также не приняты во внимание те доходы, которые в качестве правительственных получались владетелями и употреблялись на содержание управления. Вообще говоря, на основании вознаграждения владетельских домов принималось главным образом определение потомственных пенсий в размере, равном доходам, поступавшим в казну из частных имений, капитализируя впоследствии эти доходы из 6%.

Применяя эти общие основания к вознаграждению, кн. Шервашидзе и его наследников, кавказский комитет полагал сохранить кн. Шервашидзе аренду в 10 тыс.рублей, которая ему была назначена в 1854 году, а также получаемую им пенсию в тысячу рублей. Так как оставление уделов в пользу владетельного дома Абхазии было неудобно в политическом отношении, то представлялась необходимость принять эти уделы в казну с тем, чтобы исчисленный с них доход был обращен в потомственную пенсию.

Князю Михаилу сохранялись также те 9500 рублей в год, которые производились с 1847 года на поступавшие в карантинно-таможенное ведомство порты Абхазии. С введением русского управления все абхазские доходы, принадлежавшие к разряду правительственных, обращались в общую массу доходов правительства на содержание русского управления в крае. Потомственную же пенсию впоследствии предположено капитализировать на тех же основаниях, как это было применено к грузинским и имеретинским царевичам. С освобождением кн. Михаила и его наследников от управления Абхазией ему сохранялось звание генерал-адъютанта и предлагалось выбрать местожительство в Петербурге или Москве. Наконец, кавказский комитет полагал, чтобы при всех мерах, которые будут приниматься к владетельному абхазскому дому, обеспечение существования членов его должно касаться не только одного кн. Михаила и его сыновей, но еще братьев и племянника.

Эти предположения были одобрены императором Александром II с тем, чтобы более точное и подробное развитие намеченных начал были бы обсуждены наместником кавказским.

Желая лично объявить владетелю эти распоряжения и вместе с тем для того, чтобы вызвать его из Абхазии, Великий князь пригласил его прибыть в Кутаис с 3-го июня для выслушания царского повеления особой важности. На это приглашение владетель ответил, что как ни прискорбно, но он не может исполнить желание наместника, так как по крайне расстроенному здоровью предпринимать путешествие в Кутаис значило бы явно рисковать жизнью. В заключении владетель повторил просьбу дать разрешение сыну приехать к нему и прислать для них обоих паспорта на заграничный отпуск.

Великий князь, видя уклончивый ответ Шервашидзе, послал к нему своего адъютанта полковника графа Левашова с поручением объяснить к каким для него неблагоприятным последствиям поведет уклонение от требования, основанного на повелении государя, и склонить к добровольному и скорейшему выезду в Кутаис, или по крайней мере узнать, в чем состоят желания и намерения владетеля.

Выехать из Абхазии кн. Шервашидзе не захотел, мотивируя отказ все тем же слабым состоянием здоровья, и выразил

желание управлять Абхазией до своей смерти, но, что если, последует непременно воля государя лишить его этого права, то он готов повиноваться и, оставаясь в Абхазии, не будет противиться повелению государя; в таком случае он просил, чтобы в вознаграждение ему был бы выдан капитал около миллиона рублей и чтобы за ним оставить уделы и частные имения в Абхазии.

Вследствие неуспеха личных переговоров графа Левашова, великий князь послал кн. Шервашидзе рескрипт, в котором положительно объявил волю государя об увольнении его от обязанностей владетеля. Упомянуть, что еще в 1847 году владетель обращался к Воронцову об увольнении по совершенно расстроенному здоровью, что политическое положение края того времени не дозволяло правительству исполнить его желание, что в письме кутаисскому генерал-губернатору владетель вновь удостоверял о неспособности заниматься делами. Великий князь писал:

«Просьбу вашу, а равно и содержание личного объяснения нашего в Сухуме, я счел долгом повергнуть на высочайшее государя императора благоусмотрение. Его императорское величество приняв во внимание продолжительность и упорство болезни, расстроившее ваше здоровье, и настоящее положение края, нуждающегося в правильной и деятельной администрации для развития в нем гражданственности, соизволил согласиться на увольнение вашей светлости с потомством от упразднения навсегда Абхазией и с оставлением вас в звании генерал-адъютанта».

Одновременно с рескриптом владетелю великий князь предписал кутаисскому генерал-губернатору немедленно ввести в Абхазию русское управление, настояв на непременном выезде оттуда владетеля. Сообщив князю Шервашидзе о полученном приказании, кн. Святополк-Мирский в частном письме советовал владетелю беспрекословно выполнить волю государя.

«Ваша светлость, - пояснял кн. Мирский, - сами признали, что с окончанием войны в восточной части Кавказа Абхазия не могла и не должна оставаться в прежнем положении и что необходимо в ней установить более порядка и спокойствия. Не от меня зависело оставить за вами управление этим краем, но

должен вам откровенно сказать, что если бы это от меня зависело, то я бы этому воспротивился, потому что я вполне уверен, что вы бы не были в состоянии исполнить всех требований правительства по управлению Абхазией, что это бы повело к многочисленным столкновениям и рано или поздно окончилось бы самым несчастным образом для вас и ваших потомков. Следовательно на увольнение вас от управления Абхазией следует смотреть как на событие неизбежное и даже для вас благоприятное. Теперь государь император взамен владетельских прав ваших готов сделать для вас многое и вполне обеспечить как вас, так и будущность вашего семейства; великий князь всегда был готов усердно за вас ходатайствовать, но не могу скрыть от вас, что неприбытие ваше в Кутаис по вызову великого князя сделало на его высочество самое дурное впечатление и впечатление это усилилось, когда поездка к вам графа Левашова не изменила вашего намерения не выезжать из Абхазии. Я со своей стороны не могу понять, как вы можете желать оставаться в Абхазии в то время, когда будет вводиться новое управление. Неужели вы не понимаете всех неудобств и неприятностей, которые вас при этом ожидают и всей неловкости вашего положения».

Князь Шервашидзе жаловался, что с ним поступают жестоко; он указывал на сорокалетнюю свою службу, которая в свое время приносила пользу правительству, на неизлечимую болезнь, обещался, что при введении русского управления он сам будет способствовать отдаваемым распоряжениям и просил об оставлении в собственном имении, где он будет доживать свой век частным человеком, а также и том, чтобы после смерти предать погребению тело его в возобновленном им Моквском монастыре.

Для исполнения приказания ввести русское управление в Абхазии кн. Святополк-Мирский отправился в Сухум; отсюда он послал к владетелю с кн. Дадиани рескрипт великого князя и с запросом, какой порядок он находит более удобным для передачи внутреннего управления страны. Вместе с Дадианом был отправлен пользовавшийся особым доверием владетеля подполковник Завадский с вышеупомянутым письмом кн. Мирского.

Кн. Шервашидзе находился в то время в горах на минеральных источниках в Ткварчели. Дадиани и Завадский возвратились в Сухум 2 июля и передали, что владетель просит оставить его в Абхазии до 1 августа, если же этого нельзя, то готов выехать 10 июля, для чего просил к тому времени выслать в Очемчиры пароход: что владетель намерен собрать абхазцев для разъяснения повеления государя и передать Абхазию лично генерал-губернатору, с которым и желал бы окончательно переговорить.

Хотя кн. Мирский и сомневался в искренности намерений владетеля, но этот последний фактически исполнил свое обещание: он предписал начальникам Бзыбского, Абхазского и Абживского округов обнародовать о передаче управления Абхазией русским властям, собрать почтеннейших жителей и вместе с ними явиться в Сухум к генерал-губернатору для получения дальнейших распоряжений об управлении краем.

Случилось действительно довольно странное явление: в то время как правительство больше всего опасалось осложнений и беспорядков при перемене управления в Абхазии, когда оно главнейшим препятствием полагало присутствие владетеля, сам он отдал распоряжение о передаче своего владения. В таком положении дел замедление выезда кн. Шервашидзе из Абхазии потеряло отчасти свое значение. Несомненно, что пребывание его в стране было неудобно для местной администрации и нового управления, но в другой стороны нельзя было не признать, что при болезненном состоянии владетеля, его разбросанном хозяйстве, огромном количестве движимого имущества и семейных обстоятельствах ему было весьма трудно собраться в короткий срок.

Кн. Святополк-Мирский собравшимся 12 июля в Сухуме старшинам и почетнейшим жителям объяснил главные основания нового порядка управления и объявил им, что с этого числа абхазцы должны повиноваться исключительно поставленным от русского правительства начальникам. Командующему войсками в Абхазии для внутреннего управления приказано было оставить временно разделение края на три округа: Бзыбский, Абхазский и Абживбкий. Впредь до установления постоянных штатов предлагалось руководствоваться основаниями,

принятыми в Терской и Дагестанской областях. Для решения судебных дел временно собирать почетнейших жителей; из подсудности таких судей исключить преступления по убийствам, которые приказано разбирать по русским законам, воспретить кровную месть, принять безотлагательно меры к уничтожению пленопродавства и контрабанды; доходы, получавшиеся владетелем и имевшие характер правительственных сборов, принимать в казну и оставить существовавший порядок поземельных и сословных отношений.

Так совершилась фактическая передача Абхазии в русское управление не только без всякого сопротивления, но и при содействии самого владетеля.

Великий князь и сам разделял мнение кутаисского генерал-губернатора о том, что уклонение владетеля выездом из Абхазии не имеет уже того значения; но в то же время не находил возможным разрешить дальнейшее пребывание его в стране. Князю Мирскому приказано было учредить за владетелем строгий надзор и при малейшем облегчении болезни распорядиться об удалении его из Абхазии, до осуществления же этой меры прекратить выдачу от казны всяких денежных отпусков. Кн. Мирский отправился в Абхазию, чтобы при личном свидании узнать о состоянии здоровья владетеля об его намерениях и убеждениями, даже угрозами понудить его немедленно к выезду.

Приехав в Ткварчели Мирский застал владетеля в постели. С первых же слов кн.Шервашидзе высказал, что чувствует глубоко оскорбленным недоверием к нему; он говорил, что добросовестно исполнил распоряжение о передаче Абхазии и что это дает ему право на внимание правительства. Кн. Мирский отвечал, что передав владение, он исполнил только часть повеления государя и что все неприятности, которые он испытывает, происходят лишь от того, что не выполнена им другая часть распоряжения о выезде из Абхазии. Владетель возражал, что замедление его выезда основывались на убеждении о пользе, которую он принесет правительству; кн. Мирский подтвердил, что дело не в личностях более или менее заслуживающих доверие, а в предосторожности, указываемой опытом для охранения государственных интересов и общего

спокойствия; прощаясь с владетелем, повторил еще раз приказание покинуть Абхазию и заметил, что вся ответственность за неисполнение падет на него.

Свидание с владетелем произвело на Мирского тяжелое впечатление. Изложив со всею подробностью, не скрывая резкости возражений, результаты своей поездки, он спрашивал: кругом ли виноват владетель, виноват ли он один, имеет ли он повод считать себя обиженным и как следует поступить с ним, имея в виду сохранения достоинства правительства и строгое соблюдение справедливости. По мнению кн. Мирского кн. Шервашидзе как генерал-адъютант был кругом виноват, не исполнив одного из приказаний государя; как потомственный владетель он имел право и даже обязанность в отношении своего потомства при уступке своего владения отстаивать свои интересы: в остальном кн. Шервашидзе по первому требованию исполнил волю государя и затем не вмешивался в дела, жил уединенно и думал только об устройстве частной жизни. Мирский полагал, что пребывание владетеля в Абхазии было бы опасно только в случае внешней войны, предлагал разрешить ему остаться в Абхазии до 1-го января, назначить местом постоянного пребывания Имеретию, где отвести казенную землю; в случае дальнейшего невыезда прибегнуть к крайнему средству - удаление Шервашидзе силою.

Между тем военный министр сообщил великому князю, что крайний срок для удаления владетеля назначен не позже 1-го октября. После получения ходатайства Мирского великий князь, желая узнать ближе обстоятельства этого дела на месте, а с другой стороны, опасаясь, чтобы безотлагательным исполнением повеления государя не прибегать к крайним мерам, разрешил приостановить распоряжение о высылке до своего приезда в Сухум. Прибыв туда 11-го октября, великий князь получил от владетеля письмо, в котором возобновлялась просьба об оставлении его в Абхазии или об увольнении его с семейством навсегда в Иерусалим; кроме того Мирский получил прошение владетеля на имя государя об увольнении по расстроенному здоровью вовсе от службы и без именования военным званием. Посмотрев на подачу такого прошения как на результат болезненного раздражения владетеля, великий князь

не захотел придавать ему особенного значения и считал, что это обстоятельство не должно служить причиною к изменению благоприятных для кн. Шервашидзе видов правительства относительно устройства его будущности. Просьбу же об увольнении в отставку на этот раз полагал исполнить тем более, что это во всяком случае не представляло какою-либо неудобства. Что касается просьбы владетеля о разрешении остаться в Абхазии, то великий князь предполагал позволить кн. Шервашидзе прожить там до весны, а в случае дальнейшего уклонения принудить к выезду силою, не принимая во внимание никаких причин и отговорок.

В этом смысле имелось в виду возбудить ходатайство перед государем, но по возвращении в Тифлис наместником в дипломатической канцелярии его была получена от посланника в Константинополе графа Игнатьева телеграмма, в которой сообщалась, что в Порту поступила просьба владетеля Абхазии о разрешении ему перейти в Турцию и присылке за ним парохода в Сухум, и что он, граф Игнатьев настоял об отсрочке просьбы для предупреждения кавказского начальства. Содержание этой депеши немедленно сообщили кн. Мирскому, который предписал генералу Шатилову для удаления кн. Шервашидзе в случае надобности употребить силу.

3-го ноября 1864 года два батальона эриванского полка и сотня казаков прибыли на судах в Очемчиры. На другой день Шатилов направил две роты и казаков под начальством графа Кутайсова в сел.Кваски[33], к месту пребывания кн. Шервашидзе, но. владетель, узнав о высадке войск, бросил все драгоценные вещи и даже значительную сумму денег (17 тысяч рублей) и бежал по направлению к дальским горам. Приняв меры по успокоению встревоженных абхазцев, Шатилов с отрядом прибыл в селению Гуп; здесь к нему явились посланные от владетеля с объяснением причин его внезапного выезда из Кваски и с приглашением посетить его в с. Тхина для переговоров. Шатилов отправил туда майора Кишельского и графа Кутайсова, которые склонили владетеля возвратиться в Кваски. При свидании с Шатиловым владетель объяснял свое бегство паническим страхом, внушенным ему внезапным появлением войск без всякого предупреждения, высказал, что он готов подчиниться распоряжениям и просил только дать ему время

собрать и перевезти в Очемчиры имущество. Шатилов подтвердил владетелю о необходимости немедленно отправиться в Кутаис и пояснил, что в глазах народа ему неудобно будет оставаться под надзором войск. Тогда кн. Шервашидзе просил оставить сотню, отпустить пехоту в Очемчиры, и дал честное слово выполнять приказание относительно выезда из края.

7-го ноября кн. Шервашидзе был доставлен в Очемчиры и в тот же день в сопровождении шт.-кап. Добржанского отправлен на корвете «Сокол» в Новороссийск. Со времени прибытия в Кваски и до посадки на корвет владетель подчинялся всем распоряжениям. В самом народе приметна была большая сдержанность. Даже лица из высшего сословия, собравшиеся в значительном числе, чтобы проститься с владетелем, при первом требовании беспрекословно возвратились по домам. В отношении некоторых лиц, способствовавших кн. Шервашидзе в его предприятиях, не было принято никаких мер наказания, так как по близким отношениям их к кн. Михаилу взыскание это могло быть сочтено наказанием за весьма естественную приверженность к своему бывшему владетелю.

Что касается вопроса об определении материального обеспечения князю Шервашидзе и его потомству, то великий князь ходатайствовал, независимо от образа действий владетеля, не отступать от прежде высказанных намерений правительства относительно вознаграждения, при том, впрочем, непременном условии, чтобы за принадлежащие кн. Шервашидзе на правах частной собственности имения выдать соразмерную сумму денег.

С выездом владетеля из Абхазии недвижимые имения его были приняты в казенное управление, а с движимым имуществом поступлено согласно выраженного им желания. Для выяснения же размера получаемых им доходов как по званию владетеля, так и по частным имениям была учреждена комиссия под председательством генерала Понсэ. Сам кн. Шервашидзе был водворен на жительство в Воронеж, где он и умер, а тело его предано земле в фамильном склепе в Абхазии.

Семен Эсадзе
Газ. «Тифлисский листок», 1904 г.. №№266-229

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «КАВКАЗСКАЯ ЛЕТОПИСЬ. ЧЕРНОМОРСКИЙ БЕРЕГ»

От укр. Гагры к югу каменные породы редеют, берег делается площе, горы отступают, и на левом берегу Бзыби, в 20 верстах южнее Гагр, уже находится равнина, возвышающаяся только на несколько футов над уровнем моря и имеющая верст пятнадцать квадратных. Эта равнина геологически совершенно сходна с долиною Риона и, как она, конечно вышла из моря во время самого последнего переворота. В настоящее время эта долина заросла лесом, не возделана и необитаема потому, что была доступнее для вторжений горцев и нападений русских, чем горные ущелья и береговые полосы; кроме того в нее спускаются дороги трех враждебных племен* , но по некоторым признакам видно, что в древности она была цветущею и обитаемою. На это указывает между прочим старое значительное укрепление и монастырь, находящиеся в верстах четырех от устья Бзыби при выходе ее из ущелья. Стены укрепления, несколько башен, колокольня, сходы храма византийского стиля и даже куполы трех алтарей его отчасти еще сохранились, увитые плющом футов два в окружности и поросшие инжиром с вьющимся виноградом. Постройка храма вероятно относится к тому времени, как и храм в Пицундах, но фактически этого подтвердить нельзя. Ни живописи, ни надписей там я не нашел, а раскопки, которые пробовал делать в главном и левом боковом алтаре не дали никаких результатов: я нашел всего один железный в два фута длиною крест с двумя заострениями на каждом конце, и очевидно упавший с одного из куполов.

По реке Бзыбь и теперь сплавляется в большом количестве буксовое дерево, для склада которого почти против храма турки устроили большое здание. За вывоз его они платили князю Шервашидзе по 10 коп. с пуда, что в общности составляло весьма значительный доход

На левом берегу Бзыби начинается Абхазия и возвышения опять подходят ближе к морю. Знаменитый Пицундский храм уже

** Джигетов, куджубаевцев, выселенных и абхазцев*

достаточно описан, и потому я скажу только, что в настоящее время он обновляется, обвалившаяся штукатурка снова наводится и, право, новая до такой степени плотна, что по наружности не уступает древним цементам. Подмалевка едва сохранившихся изображений внутри купола уже окончена и лицо Спасителя, нарисованное во внутренней части купола, имеющего сажени две с половиною в диаметре, производит какое-то почти страшное впечатление. Из древней живописи очень хорошо сохранились две иконы над гробницами вправо от главного входа: несмотря на кое-где подпорченные лица, живопись еще так свежа и хороша, как весьма редко можно встретить в храмах византийского стиля такой отдаленной эпохи. Самые колонны внутри храма сложены из разных пластов жженого кирпича и извести; колонны бывшие на престоле, составлены из массы и весьма плотны; медных листов, покрывавших при Дюбуа купол, и складов оружия внутри храма теперь нет.

Августа 2-го.
Газ. «Кавказ», 1864, №64.

СТАТЬЯ Я.И. ПАНТЮХОВА «О САМУРЗАКАНИ»

Шум, произведенный за Кавказом, упоминанием «Московских ведомостей», что здесь существует дичь, известная под названием молодой Армении и молодой Грузии, вызвала между прочим ответ г. Кипиани в №83 газеты «Кавказ». Между множеством частию справедливых, но не идущих к делу мыслей, г. Кипиани сообщает некоторые не вполне верные и не ясно поставленные сведения о Самурзакани. Он однако говорит так авторитетно, что я нахожу небесполезным разъяснение их.

Во-первых, фактическая сторона статьи, Мурказан Шервашидзе, которого фамилии г. Кипиани не помнит, но во всяком случае считает ее грузинского происхождения, был настоящим абхазцем и происходил из абхазского владетельного дома, существовавшего несколько сот лет. Самурзакань искони составляла нераздельную часть Абхазии, это между прочим

доказывается тем: что соседний с ней абживский округ Абхазии в переводе на русский язык означает средний, что дворянские и княжеские фамилии, кроме одной (Чхотуа) в Абхазии и Самурзакани те же самые, и наконец тем, что по словам окумского благочинного г.т. Мачовариани*, даже теперь, несмотря на большое влияние грузинского элемента, нравы самурзаканцев больше подходят к абхазским, чем мингрель-ским. Особого языка в Самурзакани нет, - в соседних с Абхазиею округах бедийском и окумском говорят по абхазски, в пограничных с Мингрелиею саберском и набакевском больше по мингрельски. Абхазский язык совершено чужд грузинскому, мингрельский же имеет один с ним корень и происхождение, но впоследствии они до такой степени развились, что в настоящее время оба народа объясняются через переводчиков.

Зная эти факты, весьма странно читать небрежно написанные слова г. Кипиани, что самурзаканцы мингрельцы или пожалуй и не мингрельцы, - что здесь язык моды абхазский, язык домашний мингрельский, что все корни слов, грамматические формы и пр. на мингрельском, как и на самурзаканском языке, грузинские, что в Самурзакани все грузинский язык или знают, или хорошо понимают.

Мы, конечно, совершенно уверены, что г. Кипиани, не признающий даже возможности существования в закавказских провинциях такого дурачества, как юная Армения или Грузия, в принятом недавно смысле этого слова, - ни в каком случае не хотел извратить факты; мы только сожалеем, что незнакомый с ними, он решился говорить так авторитетно.

Теперь, принимая в соображение все сказанное, и избегая всевозможных теорий, мы поставим вопрос на практическую почву. Какими настоятельными потребностями обуславливается необходимость изучения грузинского языка в Самурзакани; настоящие ли это потребности или вызванные искусственно, и настолько ли они велики, чтобы русское общество и правительство находило нужным учреждать для него школы?

Грузинский язык здесь важен как язык, сделавшийся письменным, служащий для частной и частию официальной

---

* *Записки Кав.от им.Р.Г.О. т. VI, Нечто о Самурзакани*

переписки; как язык, усвоенный многими князьями и, наконец, употребительный при богослужении. Причины серьезные. Как мысль о введении в область литературных языков долженствующею скоро исчезнуть, абхазского, не иметь практического значения, то для всех указанных потребностей необходим какой-нибудь литературный язык. Но тут является вопрос: нужен ли непременно грузинский? Литературное значение его, образовательная сила ничтожны, возможности дальнейшего развития он не дает... Не полезнее ли поэтому изучение языка, имеющего хорошую литературу, дающего возможность не ограничиваться изучением азбуки, наконец - языка образованного общества, администрации и правительства! Самурзаканцы и даже мингрельцы находят, что полезнее, и мы совершенно уверены, что если бы учредить две параллельные школы, грузинскую и русскую рядом, грузинская осталась бы совершенно пуста.

Трудность изучения обеих языков для абхазской Самурзакани одинакова, для мингрельцев и понимающих по-мингрельски грузинский гораздо легче, однако это ничего не значит, а весь народ наверное предпочтет русский. Причина тут, положим, главным образом та, что русский язык, язык администрации, но от чего бы это не происходило, если изучение языка не служит только для того, чтобы уметь читать и писать, то не удобнее ли покровительствовать тому языку, который дает больше возможности развития, наконец - больше шансов на преуспеяние во всех отношениях и к тому же согласуется с желанием народа?

Богослужение на грузинском языке имеет за собою исторические предания, а самое важное, что для него под рукою имелись средства, оно стоит обществу дешевле, чем на каком-либо другом языке. К сожалению однако, религиозные цели и нравственное образование народа им не достигаются. По всем вероятностям, менее образованных священников и наименее имеющих влияние на народ, чем грузинские в Самурзакани, нет ни в одной стране в мире. Поэтому для блага цивилизации и для преуспеяния ее в этом диком крае, вместе с двумя-тремя чисто русскими школами, очень бы было полезно поставление хоть двух-трех русских священников. Благотворное влияние их обнаружится не столько с помощию высшей эрудиции, сколько

нравственным авторитетом, примером жизни человека сравнительно с большими потребностями. В настоящее время кроме почтеннейшего окумского благочинного и одного его помощника, священники в Самурзакани едва знают грузинскую грамоту, многие нигде не учились, живут в простых без окошек саклях и, как мы сказали, не пользуются большим уважением. В тоже время мы знаем, что русские военные священники, живущие при другой обстановке, уважаются гораздо больше.

Не принимая в расчет неудобств, могущих произойти в будущем от введения в Самурзакани грузинской письменности и языка, желая только в настоящее время возможно скорого преуспеяния края, мы не можем не указать знание русского языка, как единственное средство к прогрессу в данных условиях. Думать иначе могут только обскуранты или фанатики.

Газ. «Кавказ», 1865, №97.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ ИНВАЛИД»

В №213 «Русского инвалида», по поводу статьи в «Кронштадском вестнике» было заявлено нами о получении телеграммы о беспокойстве в Абхазии. В настоящее время доставлены письменные сведения об этом деле, существо которых мы и передаем нашим читателям.

С замирением Кавказа, в этой отдаленной стране началась гражданская деятельность, которая не будучи столь видною, как и происходившие военные действия, тем не менее, требует множества труда и энергии и весьма часто бывает сопряжена с величайшими затруднениями. Если принимаемые правительством меры, в виду государственною интереса и улучшения быта населения, иногда остаются непонятными массою, уже давно живущею гражданскою жизнью, то тем естественнее это непонимание со стороны народа, который до самого последнего времени оставался совершенно чуждым влиянию европейской цивилизации. Известно, что с окончанием военных действий на

Кавказе, наше правительство тотчас же приступило к гражданскому преобразованию края. Во многих местах преобразования эти совершались тихо и спокойно, и образованные в крае учреждения уже успели принести самые удовлетворительные результаты; встречавшиеся затруднения были легко устраняемы. Между тем, вбАбхазии эти недоразумения и ложные толки, в особенности по поводу предварительных статистических сведений для решения крепостного вопроса, породили беспокойства, которые выразились скопищем народа, собравшегося в числе до 5.000 человек. Для успокоения взволнованного народа отправился на место сборища в Соуксу начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, в сопровождении своего адъютанта, Бзыбского окружного начальника, члена комиссии, назначенного для сбора статистических сведений, двух князей Шервашидзе (брата и сына умершего владетеля) и конвойной команды казаков. Прибыв 26-го числа и деревню Соуксу, Коньяр потребовал настойчиво, чтобы народ разошелся. В это время один из князей дал знак, по которому толпа выхватила оружие, бросилась на русских, успевших, однако, скрыться в одной из комнат владетеля. Народ требовал между тем обоих князей Шервашидзе, и когда они по приказанию Коньяра вышли к народу, чтобы с ними говорить, их тотчас арестовали. Вслед за тем толпа бросилась в комнату, где укрылись русские и умертвила Коньяра и бывших с ним лиц. Казачий же конвой успел запереться в конюшне, а потом человек 30 с офицером укрылись в церковь, где держались несколько дней. В настоящее время все они находятся в Сухуме. На следующий день толпа эта произвела нападение на Сухум и сожгла его.

Едва только получено было 27-го числа известие об этом происшествии, как Кутаисский генерал-губернатор генерал-адъютант Святополк-Мирский отправился в Сухум для принятия ближайших мер по восстановлению спокойствия, а его величество наместник кавказский сделал распоряжение о сосредоточении к Сухуму войск. Прибытие войск в Сухум, который выдержал нападение 28 и 29 чисел и содействие

крейсировавших вдоль берега корвета «Вепрь» и шхуны «Соук-су» остановила нападение горцев, которые, хотя и пытались еще 30 числа занять город, но были окончательно отбиты. Вслед за тем бзыбцы прислали своих старшин с объявлением, что они принимают всякое наказание и более сопротивляться не будут. Сведений о дальнейшем ходе этого дела пока не получено.

Газ. «Русский инвалид», 1866, 26 авг.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СУХУМ-КАЛЬСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ»

Новороссийск, 5 августа. На днях приходила сюда из Сухумской станции военная шхуна «Эльбрус», чтобы взять войска для доставления в Сухум. Между абхазцами вспыхнуло возмущение, которое началось в Гудауте, в бывшем имении князя Шервашидзе, находящемся в 30-ти верстах от Сухума.

На Абхазию велено было распространить высочайшее повеление об освобождении крестьян. Вследствие этого, окружной начальник Гудаутского округа собрал его жителей и объявил, что крестьяне отныне свободны от подчиненности своих помещиков, но должны платить им известную плату; помещики же лишаются права владеть ими, и должны для работ и услуг нанимать себе людей. Объявление эго произвело общее волнение. Вследствие того, окружной начальник капитан Измайлов дал знать об этом сухумскому начальнику войск полковнику Каньяру, который 25-го июля на шхуне «Соук-су» отправился в Гудаут где, в собрании князей, дворян, крестьян подтвердил то, что уже было им объявлено окружным начальником. Князья не хотели верить Каньяру, и когда он начал требовать выполнения объявленного им высочайшего повеления, а в случае неповиновения - возвестил принятие серьезных мер - толпа абхазцев бросилась с обнаженными шашками на Каньяра и его свиту, которые успели как-то скрыться в доме Шервашидзе. Абхазцы бросились к острогу и освободили арестантов. Бывшие при этом около сотни казаков вознамерились было им воспрепятствовать, но были рассеяны

несколькими тысяч абхазцев, которые освободив арестантов; бросились к дому Шервашидзе, убили Каньяра, Измайлова, подпоручика Суриновича и казачьего офицера. Бывшая в Гудауте баркасная команда успела достигнуть на баркасе шхуны «Соук-су» и возвестила о случившемся. Шхуна тотчас же отправилась в Сухум, где было уже известно, что абхазцы намерены сделать на него нападение. В Сухуме в это время было незначительное число войск. Вследствие этого стоящий на сухумском рейде транспорт «Воин» отправился в Поти за войсками и дал знать князю Мирскому об опасности, угрожавшей Сухуму. 27-го июля абхазцы сделали на него нападение в 8 часов утра. Прежде всего занята была «Трапеция» и подгорная слободка. На «Трапеции» были [illegible] одни больные, которых и было убито несколько человека остальные успели уйти в город. Скоро госпиталь и другие здания «Трапеции» были подожжены абхазцами, а потом и подгорная слободка. Жители спасались в крепости; многих из, преимущественно, женщин, перевезли на стоявший на сухумском рейде транспорт «Дунай». Корвет «Вепрь», став на шпринг между крепостью и магазином, обстреливал ущелье с левой стороны «Трапеции». Цепь моряков упорно защищала вход в город. Тогда абхазцы, ограбив слободку и «Трапецию», отступили за слободку. На другой день нападение повторилось; число абхазцев было гораздо многочисленнее, - но к счастью «Воин» успел привезти из Пота 1.100 человек, а шхуна «Редут-Кале» из Гагр 600 чел. Абхазцы в этот день заняли ботанический сад и часть города от «Трапеции» до собрания. При этом произошла жаркая перестрелка, особенно у дома Каньяра, в котором было много горцев, и к вечеру их выгнали из домов. 30-го и 31-го июля «Воин» и коммерческие пароходы подвозили войска в Сухум, и абхазцев начали сильно теснить. 31-го июля еще несколько военных судов пришли с войсками в Сухум. 2-го августа «Трапеция» и ботанический сад были заняты уже нашими войсками. Жители из крепости и с транспорта «Дунай» начали переезжать в город по домам и спокойствие начало восстанавливаться. Наша цепь выдвинулась далеко за город и к вечеру 2-го августа отряд наших войск спустился за «Трапецию» к ближайшим аулам. При нападении на слободку и окрестности Сухума, угнано абхазцами много скота, так что город

теперь терпит в нем большой недостаток. В первые дни, кроме действия корвета «Вепрь» и шхуны «Соук-су» с моря, - с наших судов были в цепи на берегу небольшие десанты с офицерами, которые принимали участие в обороне.

С. Гунаропуло
Газ.«Одесский вестник», 1866, №180.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ИЗ СУХУМА, 29 АВГУСТА»

Из Сухума, 29 августа. Скопление войск в настоящее время в Абхазии весьма значительно: едва ли когда-нибудь Абхазия вмещала в себе столько войск. Их транспортировка только в настоящую минуту - почти окончилась. Вчера пришел из Кубанской области отряд генерала Геймана, состоящий из 30 рот,, приблизительно до 4-х тысяч человек. Отряд этот совершил замечательный и, можно сказать, единственный в своем роде переход. Он двигался через перевал Кавказского хребта, перешел знаменитое Гагрское ущелье, которое даже горцы, замечательные борцы с трудностями Кавказских путей, не всегда решались переходить. Обыкновенно во время набегов на Абхазию, они пробирались тропинкою, вьющуюся по берегу моря и преградою которой служила известная крепость «Гагры», выстроенная нами на берегу моря, пред воротами Гагринского ущелья. Это ущелье - одно из самых великих ущелий мира. Оно пересекает Кавказский хребет гор на две части, начиная с берегов Черного моря вплоть до Каспийского. Оно отделяло землю самых воинственных горцев, «убыхов», от мирной нам Абхазии и как бы служило природной преградой распространения между народами по южную сторону ущелья - того фанатизма и той воинственности, которые так долго отличали население по северную его сторону. Вот мне кажется, почему, Абхазия, страна, считающая в себе до 60 тысяч населения и по условиям жизни, по понятиям, по географическому расположению, долженствовавшая бы идти рука об руку в своих стремлениях с северными

горскими народами, оставалась всегда, в продолжении полстолетия, мирною... (Под словом географическое положение, я понимаю здесь другие условия земли, не касающиеся Гагринского ущелья). Десять лет тому назад, во времена занятия западных укреплений на берегах Черного моря, оставленных нами в крымскую войну, мне приходилось участвовать в одной экспедиции, которая высаживалась у крепости «Пицунда» (ниже Гагр в Абхазии), с единственной целью - защитить Абхазию от набега северных горцев, долженствовавших напасть на нее, по показаниям лазутчиков. Переход отряда генерала Геймана, по рассказам участвовавших в нем, совершен был в 17 дней. Не берусь говорить, сколько верст составляло пройденное им расстояние. Во-первых, это трудно потому, что местность покоренного Кавказа еще научно мало исследована; во-вторых, измерение протяжения трудно производить на глазомер в Кавказских горах, ущельях, кавказских лесах, кустарниках, где. как между камышом в плавнях, приходится пробираться человеку ощупью; а в-третьих, потому, что пишу эту статью наскоро, чтобы не опоздать на пароход, который в будущий раз только через неделю появится в водах Сухума. Абхазия в настоящее время, можно сказать, со всех сторон обхвачена войсками. По рассказам, в ней сосредоточено их более 20 тысяч человек. Кутаисский генерал-губернатор князь Святополк-Мирский - главный начальник войск. С ним находятся в Сухуме известные кавказские генералы - Левашов, князь Тархан-Моуравов, начальники 36-й дивизии и генерал Гейман. Намерения правительства по делу умиротворения Абхазии - собственно, по делу возмездия за те варварства и материальные убытки, которые понесли во время ее возмущения - с трудом узнаются; да оно и понятно: вещи эти необходимо требуют тайны. Мы можем узнать только то, что составляет толки тысяч привлеченных сюда для действия лиц, и довольствоваться в доискиваниях истины известной поговоркой «глас народа - глас божий». Но все-таки для человека, более или менее чему-нибудь учившегося, заранее понятны те меры, которые должны повлечь за собою настоящее положение дел. Это - мне кажется, отобра-

ние оружия, выдача зачинщиков и контрибуция за все понесенные потери. Впрочем, все это уже выполняется на практике: в значительном количестве сносятся обратно горцами награбленные вещи; некоторые зачинщики уже выданы, и снесенная часть оружия ~ хотя говорят, заржавленная и почти негодная к употреблению, на что, разумеется, обращается серьезное внимание. Как я писал прежде, обвиняется один Бзыбский округ и потому меры эти покуда применяются к нему одному. Увидим, что скажет будущее, когда соберутся более положительные сведения и когда начнется расправа. Политика правительства, как слышно, выжидательная. Хотят успокоить страсти, хотят, чтобы их преодолел голос рассудка. Но во всяком случае видны решительные намерения - намерения, пред исполнением которых не хотят остановиться. Некоторые абхазцы выказали благородные и как нельзя более характеристические черты. Во время нападения на крепость «Цебельду» внутри Абхазии, заключавшую в себе каких-нибудь 60 человек гарнизона, - к последнему присоединился один из цебельдинских князей с приближенными, и вместе с гарнизоном отразил нападение. В Сухум начали допускаться абхазцы, - но только без оружия. Они приходят с изъявлением покорности, и из них образовывают милицию. Говорят, что жители Бзыбского округа побросали свои жилища и вместе с женами и детьми ушли в горы. Носятся слухи, что некоторые, более непокорные, князья и дворяне строят в горах завалы, в которых думают защищаться до последней крайности. Что ни день, то новые вести: очень трудно добраться до истины; приходится расспрашивать очень многих лиц, чтобы из противоречащих друг другу рассказов составить понятие об истинном положении дел. Знаю только одно, что еще до сих пор к решительным мерам не приступали; но они скоро должны начаться, и тогда можно будет судить об результатах их применения. Говорят, народ согласен на все предложения правительства, но князья и дворяне ведут интриги и желают выказать сопротивление. С накоплением войск увеличились в Сухуме лихорадки. Больных ими немало, но холера, слава богу, еще не давала о себе знать в Сухуме, и пока пароходы приходят к нам под карантинным флагом. На дороговизну продуктов тоже нельзя не пожаловаться: мясо

вздорожало копейки на две за фунт, хлеб на одну копейку и т.д. В торговых операциях здесь замечен недостаток предприимчивости. Напр., в Новороссийске арбуз стоит 7 коп., в Сухуме 40 коп.: разница громадная в цене, сравнительно с средствами доставки. Впрочем, всего за один раз не перескажешь.

Н. Гладкий
Газ. «Одесский вестник», Одесса, 1866 г., №196.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ИЗ СУХУМА»

Из Сухума. Город Сухум, центр, от которого исходят в настоящее время военные операции по умиротворению Абхазии, лежит на берегу моря, на низменном месте, у подошвы гор. Ширина низменности, на которой он расположен, так незначительна, что ядра стоящих на рейде судов легко могут обстреливать вершины этих гор. Бухта сухумская, представляя форму полумесяца, самая спокойная из бухт Западного берега Кавказа и, кроме того, может вместить в себе громадное количество судов. Морские ветры до нее не доходят, но зато оставляют после себя значительное волнение в бухте, причиняющее немало беспокойства стоящим в ней судам. Ветры береговые - зимою бывают свежи и нередко опасны для судов, вследствие невыгодного расположения морского дна, чрезвычайно круто углубляющегося к морю, отчего судно не может здесь стоять без так называемого «гуська» (маленького якоря с канатом, бросаемого сзади кормы). Если бы природа была настолько щедра к Поти, чтобы наделила подобною бухтою, тогда блестящая будущность этого города, без всяких искусственных мер, считалась бы упроченною; но Сухуму еще долго придется ждать, пока выгоды его положения относительно моря принесут ожидаемые плоды. Жителей в нем весьма немного, всего несколько семейств духанщиков (торговцев), чиновников, военных должностных лиц и потом семейные нижние чины. Зданий особенно красивых нет, потому что он еще

не успел обзавестись богатым торговым классом народа, а существует искусственно, потребностям служащих лиц. Но, впрочем, он растет заметно: десять лет тому назад, в последнее мое в нем пребывание он не имел и третей части настоящих построек. Главная торговля - табак, продающийся здесь неоплаченным большою пошлиною - льгота, данная правительством в видах поддержки города. Здания большею частью деревянные, выбеленные, покрытые деревянными крышами; они строятся на высоких фундаментах, во избежание сырости от болотной; гнилой почвы, - гнезда знаменитых сухумских лихорадок. Главная улица, широкая шоссерованная, разделяет город на две части и ведет от моря к горе, так называемой «Трапеции», которая недавно вся пострадала от набегов горцев. На ней находился госпиталь и казармы линейных батальонов. Улица эта усажена двумя рядами громадных широких плакучих ив, так живо характеризующих тропическую природу роскошную, но усталую, ленивую. У подошвы Трапеции расположен ботанический сад, который служил бы редким драгоценным приобретением для всякого другого города, только не для Сухума. Сухум весь, можно сказать - один большой сад. Из-за листьев его деревьев с трудом виднеются дома. Недоумеваю, почему Сухумский сад получил название ботанического: все почти роды составляющих его деревьев встречаются в Сухуме чуть ли не на каждом шагу. Но между прочим, нельзя вдоволь любоваться этим садом: так он роскошен, так разнообразен своей флорой. Назову главнейшие из них - лавр, лавровишневое дерево, магнолия, китайская роза, костяное дерево, месячная роза, масличное дерево, фиговое дерево, кипарис, павлония, бигония и проч. В саду приятно гулять днем, вечером же его никто не посещает, из опасения схватить лихорадку; поэтому Сухумское население больше в своих прогулках тяготеет к берегу моря, на котором уже разводится бульвар. Мне кажется, северный угол сада следовало бы вырубить, чтобы дать больше свободы току ветра, дующего днем с моря, а вечером из ущелий, и весьма благодетельно действующего на осушение болот, причиняющих так много страданий жителям, вследствие лихорадок, от них

происходящих. Вырубка части сада тем более была бы возможна, что в ней нет особенно замечательных деревьев. Весьма интересен один рассказ из жизни войска, во времена еще первых наших начинаний в Сухуме. Солдаты останавливались над разъяснением значения слова Сухум-Кале. После долгих пересудов, они его объяснили себе таким образом: слово Сухум - значит сохнуть, а Кале - околевать, т.е. человек, попавший в Сухум, сначала изсохнет, а потом околевает. Это грубое, но выхваченное прямо из жизни выражение солдата, как нельзя более верно определяет действие сухумского климата на его жителей и содержит в себе много едкой, грубой иронии. Ботанический сад служил главным местом засады во время недавних нападений абхазцев на Сухум. Сухум можно разделить на три части - центр города, где живет более или менее зажиточное население, и две подгорные слободки, выросшие трудами нижних чинов местных войск. Если смотреть на них с рейда - одна раскинулась по правую, другая по левую стороны центра. Последняя значительно пострадала от набега горцев - многие дома сожжены дотла. Ущелье, которое тянется сзади ее и Трапеция служили главным базисом хищнических операций горцев на Сухум, Невозможно без удовольствия смотреть на эти домики семейных солдат, приютившихся в густой зелени фруктовых деревьев. Многие солдаты владеют огородами, в которых растут кукуруза и разные овощи. Мне иногда приходилось посещать семейные очаги этих солдат. Я заходил к ним по временам пить только что выдоенное молоко и пускался в разговоры и расспросы. Они не нахвалятся производительностью почвы. «Здесь все хорошо, в.б., навеки не расстался бы с этой землей, если б не проклятая лихорадка; совсем нас замучила» - «Здесь все под рукою, земля все производит, мало требуя трудов, лежи себе да собирай, но одолевают лихорадки». И действительно, если вспомнишь, с какими трудностями достаются русскому мужику дела его рук, поневоле позавидуешь абхазцу, весь век джигитующему на лошади и которому, между прочим, не много стоит труда удовлетворить своим потребностям... Весьма интересны

наблюдения над бытом этого народа. Нужно сказать, что едва ли в нашей обширной матушке России найдется уголок земли, который превзошел бы производительными силами Абхазию. Достаточно взглянуть на нее, чтобы в этом убедиться. Все эти бывшие земли убыхов, джигетов, натухайцев и проч., как бы они не были плодородны, не могут соперничать с Абхазией. Растительность западного берега Кавказа, взятая с севера, положим от Анапы, скорее может назваться бедною, нежели богатою. Роскошный, цветущий колорит она принимает постепенно, спускаясь больше и больше к югу, и только в Абхазии не оставляет желать ничего лучшего. Сухум - это уже верх богатства природы. Даже скучно смотреть на эти горы, на которых с трудом взор находит поляну, чтобы отдохнуть от необозримых, бесконечных лесов. Мне скажут, что не о одних лесах только может заключаться богатство земной производительности. Совершенно верно, почва Абхазии по рассказам, производит все, что доступно ее климату. Впрочем, один капитальный недостаток сухумской почвы - чрезвычайная трудность в разведении на ней капусты, а между тем - это продукт, играющий первостепенную роль в жизни нашего солдата. Она растет прекрасно, но не завязывается в головки, потому что природа не имеет надобности прикрывать здесь цветовые органы капусты, по теплоте климата. Впрочем, садовник немец, заведывающий ботаническим садом, пробует ее разводить и его опыты удаются. Я обогнул берега почти всей Европы и части Азии, но роскошнее, живописнее страны, как Абхазия не помню, чтоб где-нибудь встречал. В прошлой моей корреспонденции я определял цифру населения Абхазии в 60 тысяч, но по новейшим моим расспросам (как кажется, более верным, потому что источники более надежные), ее можно определить в 140 тысяч обоего пола, разумеется округи - Бзыбский, Сухумский, Очамчирский и Самурзаканы. Точной переписи народонаселения покуда невозможно было сделать, потому что слишком еще свежи начатки наших изысканий внутри страны, значительно к тому же замедленные недавним

восстанием. Можно надеяться, что с благополучным окончанием предохранительных мер, относительного этого беспокойного, хотя и мирного населения, мы примемся с энергией за дело колонизации края и, в особенности на первых порах за продолжение дорог в нем, без которых невозможны никакие начинания в деле извлечения торговых выгод.

Главное нужно, чтобы изыскания по делу, касающемуся производительности края не оставались скрытыми для мирных граждан, может быть, порывающихся начать коммерческие предприятия в этих странах, так заманчивые для класса людей предприимчивых. Абхазия, по толкам, уже совершенно успокоилась. Для нее теперь наступает пора сбора кукурузы, которой в особенности в настоящем году, много засеяно. Заметно, что влияние цивилизации начинает благодетельно на нее действовать. Горцы более обыкновенного ведут торговые связи с городом: носят по домам молоко, птицу, фрукты и проч. Даже мне приходилось видеть их сидящими на рынке и торгующими... Они обладают ловкостью, изяществом манер, но говорят спокойно, без движений, обдуманно, медленно и никогда не горячатся.

Милицию, собранную сюда для военных операций, уже распустили по домам. Замечательна привязанность гурийцев к родному очагу. Пробыв каких-нибудь несколько дней в Абхазии и не имея к тому же никакого дела, они стосковались по родине, целые дни пели от грусти и были необыкновенно счастливы, когда им позволили возвратиться домой. Тип лица этого племени весьма схож с турецким. Они живут на границе Турции и, так видно, переняли от них многие обыкновения, но исповедуют христианскую веру. Костюм их тоже резко отличается вообще от кавказского костюма и близко подходит к турецкому. Голова окутана турецким платком, вроде чалмы, и вместо черкески они носят куртку. Весьма оригинален напев их песен. С трудом вы открываете в нем гармонию. Это какой-то дикий унисон многих голосов, содержащий каких-нибудь два или три тона. Но внимательно вслушиваясь, вы встречаете стройность в пении

и по временам ~- введение в него тонких горловых трелей, выполняемых одним или двумя голосами. Однако ж монотонность пения скоро надоедает и навевает тоску на душу. Процесс пения совершается гурийцами с чувством, серьезностью и воодушевлением. Замечательно, что это племя больше, чем другие племена любят пение. Вследствие благополучного успокоения Абхазии, кажется некоторая часть войск должна скоро оставить Абхазию. Суда Черноморской флотилии разбрелись уже, согласно назначению и теперь Сухум снова принял нормальный свой вид. Главная деятельность войск, остающихся на зимовку в Абхазии, по слухам сосредоточится на проложении в ней дорог.

Сухум-кале, 1 сентября. Н.Г[ладкий]
Газ. «Одесский вестник», Одесса, 1866, №.200

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ ИНВАЛИД»

Сегодня мы печатаем высочайшее поведение об устройстве особого Сухумского отдела, в состав которого входят: Абхазия, Самурзакань и Цебельда. Пользуясь настоящим случаем, считаем не лишним сказать по этому поводу несколько слов тем более, что еще недавно мы сообщали о бывших беспокойствах в Абхазии, главная сущность которых уже известна нашим читателям[34]. Из тех сведений, которые были в свое время приведены нами можно видеть, что происшедший в Сухуме беспорядок не имел большой важности и далеко не заслуживает того значения, которое ему придается некоторыми газетами и преимущественно иностранными. Между тем, последние полученные известия оттуда сообщают, что жители не только исполнили все требования местного начальства, но и выдали главных виновников и зачинщиков, а войска, которые были двинуты на Абхазию в первую минуту обнаруживающегося беспорядка, уже возвратились на свои прежние места.

Неточность придаваемого значения зависит главным образом от незнания края и неточности частных сведений, которые упускают из виду подробности, могущие дать настоящее понятие о происходящем.

Надо заметить, что земли, составляющие Абхазию, Самурзакань и Цебельду, населены племенами, которые по недостатку внутренних путей сообщения и удалению от главного административного центра постоянно находились под весьма слабым надзором нашим. Существовавшие здесь временные управления, частью военные, как например в Абхазии, с участием в делах внутреннего управления владетеля ее, а частью гражданские, как в Цебельде и Самурзакани, при разной степени власти и системе действий их, не могли иметь влияния на развитие гражданственности в крае и на сближение племен с русским элементом. Чтобы несколько познакомить наших читателей с подробностями, мы приведем краткий очерк страны, которая недавно была театром беспорядков.

Абхазия, входящая в состав Кутаисского генерал-губернаторства, занимает северо-западную часть кутаисского края и лежит между восточным берегом Черного моря и отрогами главного кавказского хребта. Страна эта почти сплошь покрыта скалистыми отрогами главного хребта, которые в виде лесистых обрывистых террас спускаются к берегу Черного моря, образуя возвышенные котловины и долины рек.

По природе своей страна эта одарена весьма сильною и большою растительностью, за исключением скалистых вершин горных отрогов, почти сплошь покрытыми густыми, едва проходимыми лесами; строевой лес достигает здесь громадных размеров корабельного леса, и на почве Абхазии произрастают различные фруктовые деревья и виноград, а общее геологическое строение главного хребта заставляет предполагать внутри почвы богатства ископаемые.

Этот богато одаренный природою край населяют до 80.000 человек абхазцев, принадлежащих по своему происхождению к абазинскому племени, населяющему большую часть восточного прибрежья Черного моря. Абхазцы говорят языком общим абазинскому племени, который отличается от других горских наречий и исповедуют магометанство и отчасти

православную веру, придерживаясь в то же время языческих обрядов. Нравы жителей весьма грубы, а в отношении гражданского быта абхазцы держутся преданий старины и укоренившихся обычаев. В нравственном отношении абхазцы отличаются воинственностью, гостеприимством; но в то же время они мстительны, суеверны, подозрительны и беспечны, суровы и угрюмы.

В социальном отношении все абхазцы разделяются на следующие сословия: князей, дворян, телохранителей владетеля, крестьян и рабов. Князья владеют большею частию поместьями и даже дворянами; ни платят никаких податей, обязаны повиноваться владетелю и собираться для его защиты. Дворяне имеют право владеть населенными имениями и пользоваться доходами не только с своих земель, но даже частью доходов с земель принадлежащих им крестьян. Они не несут никаких других повинностей. Кроме того, существуют дворяне, принадлежащие князьям. Телохранители владетеля суть собственно крестьяне родовых уделов владетельного князя. Они пользуются правами почти одинаковыми с дворянами, иногда владеют крестьянами и составляют почетную стражу владетеля. К этому же сословию принадлежат также выходцы из различных горских земель, служащие в свите владетельного князя. Крестьяне разделяются на два разряда: владеющие землею и обязанные доставлять часть своих доходов владельцу, не неся притом личной службы, - и не имеющие земли, а обрабатывающие земли помещика, который в свою очередь обязан наделять их землею. Крестьяне, кроме того, могут иметь рабов, которые составляют полную собственность владельца, имеющего над ними неограниченную власть. Рабовладелец может продавать своего раба, менять его, как вещь и вообще распоряжаться им по своему произволу.

Из этого видно, что в отношении гражданского устройства в Абхазии господствует смесь западно-европейского феодализма с восточным рабством.

Что касается до исторической судьбы Абхазии, то подвергаясь в глубокой древности весьма частым изменениям, она до XI века была подчинена Византии, а в эту эпоху соединилась с Грузнею. В XV столетии, при распадении Грузии

на отдельные владения, Абхазия отделилась от Грузии; но в скором времени попала под власть турок, под игом которых и находилась до начала настоящего столетия.

В 1808 году владетель Абхазии Сефер-бей, желая освободиться от тягостного владычества турок, добровольно принял подданство России. В 1810 году высочайшею грамотою князья Шервашидзе признаны были наследственными владетелями Абхазии и утверждены в подданстве русскому престолу. В том же году русскими войсками был занят Сухум-Кале, в котором до того времени находились турецкие войска. Турки, недовольные утверждением русского владычества в Абхазии, долгое время старались всеми мерами возбуждать абхазцев против русских.

Итак, почти 60 лет прошло с тех пор, как Абхазия признала верховную власть России и отец недавно умершего князя Михаила Шервашидзе признан был наследственным абхазским владетелем. Страна эта, раздираемая междуусобиями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилиям турок и хищничествам горцев, со времени присоединения к России, получила от русского правительства внешнюю защиту. Занятое упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, русское правительство не могло в то же время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну в полное свое подчинение, почему для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалась только поддержкою власти владетеля в надежде, что власть эта не упустит употребить сообщенную ей силу для блага народа и будет с благодарностью относиться к России, как к источнику своего существования. На основании этих соображений, русское правительство представило владетелю почти безотчетный суд и расправу во всем крае; вместе с тем, оно оказывало правителю полное покровительство и осыпало его щедрыми наградами. Последствием этих мер было то, что княжеская власть, до тех пор весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною. Опыт и время, однако, показали, что действия княжеской власти не соответствовали благим намерениям правительства. Народ абхазский, занимающий лучшую часть кавказского края, упал до последней черты нищеты; половина

его успела в это время принять исламизм; другая же потеряла почти всякое понятие о религии; власти наши не касались внутреннего управления области; ни податей и повинностей абхазцы не несли, войска не стояли у них по квартирам, не брали подвод, словом, не пользовались ничем, а только постоянно их защищали. За все это наша власть не только не видела к себе благодарности, но не редко встречала еще и признаки нерасположения. Мы уже сказали, что во время княжеского управления страною абхазцы во множестве приняли исламизм; они не только не старались сблизиться с русскими, но даже чудились этого сближения: они не вступали ни в русскую службу, ни отдавали детей своих в учебные заведения закавказского края. В течение этого же периода времени христианское население было удалено от берегов, а во всех прибрежных деревнях селились исключительно мусульмане и преимущественно выходцы из Турции. Если к этому присоединить еще то обстоятельство, что княжеская власть облагала простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны и оставляла почти всегда безнаказанными сильных хищников и убийц, то сделается ясным, что источник и причину печального положения Абхазии нужно было искать только в княжеском управлении страною.

Оставлять дело далее в таком положении было невозможно. Поддерживать в стране власть, которая угнетала весь народ, значило заставить этот народ ненавидеть своего владетеля и вымещать свою злобу на русских, которые поддерживали эту власть... Словом, оставлять дело в таком положении было бы не только политическою ошибкою, но и не совместно с простым чувством справедливости и человеколюбия. В политическом же отношении это было бы капитальною ошибкою. Оставаясь при таком порядке дел, Абхазия всегда бы представляла готовый плацдарм и основание действий неприятеля со стороны моря; русское правительство принуждено было по прежнему держать в Сухуме в мирное время сильный гарнизон с тем, чтобы, при первом появлении неприятеля на Черном море, поспешно отводить его за Ингур. С окончанием войны против горцев, Абхазия составляла бы единственный утолок, в котором необходимо было бы двигаться целыми колоннами, посылать

оказии и содержать военный кордон. Абхазия отрезывала бы прибрежное казачье население от преданного и верного нам населения Мингрелии. Если военное положение Кавказа до некоторой степени объясняло еще положение русской власти в Абхазии, то с замирением кавказского края уже не было ни малейшей причины оставлять целый народ под таким управлением, которое могло служить образцом зловредности и при котором до последнего времени происходили грабежи, междуусобная резня и торговля христианами. Вследствие всего этого, решено было заменить в Абхазии власть владетеля русским управлением, тем более, что еще в 1847 году князь Шервашидзе просил о сложении с себя владетельской власти и в 1864 году вновь повторил свою просьбу об увольнении его от действительной службы, так как по собственным его словам он чувствовал себя не в силах заниматься какими бы то ни было делами. В январе месяце 1865 года последовало высочайшее повеление об увольнении от службы генерал-адъютанта князя Шервашидзе, который в августе прибыл на местожительство в Воронеж; в Абхазии же началась вводиться, по примеру других частей кавказского края, гражданская администрация, которая в настоящее время в виде опыта на три года удостоилась высочайшего одобрения.

Главные существенные черты нового положения об управлении Сухумским отделом состоят в следующем:

Из земель Абхазии с городом Сухумом, Самурзакани и Цебельды образовать особый Сухумский отдел, начальник которого подчиняется кутаисскому генерал-губернатору. В административном порядке. Сухумский отдел разделяется на управление городом Сухумом и на четыре округа. Для наблюдения за благочинием и порядком в селениях, в каждом из них, по выбору от общества и с утверждением начальника округа, назначается старшина, который вместе с тем есть и сборщик податей.

Учреждения по судебной части в отделе суть следующие: словесные суды в округах и главный суд в Сухуме. В селениях же незначительные споры решаются третейским судом. Окружной суд кроме председателя, в лице окружного начальника, состоит из четырех депутатов по выбору от населения округа:

одного из высшего, а трех из низших сословий. Депутаты окружных словесных судов собираются обществами. Распределение дел по судебным местам округа и самый порядок судопроизводства, впредь до окончательного преобразования судебной части вообще, установлен на основании особых временных правил. Нет сомнения в том, что прочное водворение русской администрации в крае и реорганизация страны в духе гражданственности, развив в жителях дух законности отвратит на будущее время всякую возможность беспорядков, подобных недавно бывшему.

Газ. «Русский инвалид», 1866 г. 10/22/ сентября

ИЗ ОЧЕРКА И. АВЕРКИЕВА «С СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИБРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ»

I.

Земли по юго-западным склонам главного кавказского хребта, вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря, для нас, русских - весьма мало известны. Выселенные горцы, - занимавшие полосу земли между прибрежьем и главным хребтом, племена джигетов, убыхов, шапсугов и далее в горах обществ: Аибго, Псху, Ахчипсху и Кучба - оставили весьма мало таких сведений, из которых можно было бы почерпнуть научные данные: географические, исторические, геологические. С другой стороны русские, находившиеся в плену у горцев, люди большею частью мало развитые, также не могли сообщить достаточно данных о местах своего временного пребывания. Наследство наше составляет страна, богатая растительностью и вообще производительностью почвы - страна, прорезанная в различных направлениях хребтами гор, составляющими побочные ветви главного кавказского хребта с глубокими ущельями, скрывающими ложа рек, из которых многие высыхают в жаркое время и ни одной нет судоходной на большом расстоянии, хотя в устья некоторых могли заходить небольшие турецкие кочермы. Ни

дорог, ни сооружений, способствующих развитию торговых отношений и устройству привычной нам жизни, мы не наследовали в местах, оставленными горцами. Жившие по преимуществу в саклях, стены которых были турлучные и редко в деревянных домах, горцы не оставили и этих памятников своего недавнего пребывания: они сожжены частью самими выселившимися, большею частью русскими, чтобы не оставлять прибежищ для скрывавшихся в горах горцев. Остались памятники надгробные, очень немногие из них каменные, вероятно, сложенные руками русских пленных; но и эти памятники по большей части без надписей и составляют мертвое свидетельство о бывших жителях; оставшиеся же нетронутыми огнем немногие деревянные памятники лишь на недолгое время сохранят память о племенах, оставивших свои земли - об их заботах относительно путников. Эти памятники, разбросанные в разных местах, устраивались по преимуществу не в дальнем расстоянии от тропинок, строились с навесом и скамейками, а недалеко от них вбивался кол для привязи коня; под крышей памятника путник, застигнутый темнотою или ненастьем, находил себе приют. При этом воспоминание обращается к гордому и мужественному, здоровому и крепкому племени убыхов, управляющемуся выборными старшинами, - образовавшемуся из выходцев из разных мест; племени - часть которого, по свидетельству лиц, имевших с ним сношения - некрасовцы. чем можно объяснить некоторое сходство языка убыхов с русским, причем многие названия предметов: скамейка, уголь и др. остались без изменения. Пришлось смириться пред силою обстоятельств некогда гордым обитателям северо-восточного прибрежья. Приводим письмо одного из выходцев в Турцию, Смел Абича, к одному из джигетских князей, раньше общего переселения занимавшего место в Абхазии и живущего здесь. Письма писано по-турецки и по просьбе было переведено. Так Смел Абич пишет -.«Скажите всем встречным и знавшим меня о моей погибели; не поезжайте! Наказание божие продолжается, над нами и жертв искупления еще много будет принесено, ты знаешь, как много уже принесли мы жертв. Бог восстал на нас. Бог отступился от нас, послал на нас голод, затем болезнь...». В 1864 г. действительно был дурной урожай

кукурузы, главной пищи горцев, а потому в зиму 1865 г. чувствовался недостаток на хлеб; в то же время появилась сильная оспа. Дальше в письме Смел Абича следует перечень князей и семейств их, погибших после переселения в Турцию, число большое, - но мы не видели необходимости перечислить их. Должно полагать, что слова письма «не поезжайте!» есть ответ на желание некоторых переселиться в Турцию...

I

К юго-востоку от русских поселений и постов на юго-западных склонах кавказского хребта до Черного моря живет племя абхазское. В исторической жизни народов Европы в последние три столетия что племя не принимало никакого участия и имело столкновения только с двумя народами, с турками и русскими. В виду совершающихся в Абхазии событий считаем нелишним познакомить читателей с жизнью абхазского племени. Кроме жителей собственно Абхазии к этому племени относится население Цебельды и Самурзакани; до выселения в 1864 г. горцев, живших на юго-западных склонах Кавказского хребта, на верховьях р.Мзымты и р.Бзыби были общества Аибго, Псху, Ахчипсху и Кучба, принадлежавшие также абхазскому племени, которое населяло частью и северные склоны кавказского хребта - общества: Башилбай, Шегирей, Баракай, Баг и др. В предлагаемой статье мы по преимуществу обратим внимание на жизнь собственно Абхазии; при этом считаем не лишним в кратком очерке припомнить читателям исторические события, приведшие к тому положению дел, при котором Абхазии предстоит теперь сделаться вполне русскою областью. Для нас весьма важно познакомиться с бытовою стороною жизни абхазцев и со степенью их развития, а также с географическими и климатическими условиями, под влиянием которых совершалась и будет продолжаться жизнь этого племени: обратим внимание на силы земли: какое они имели влияние на жизнь, и обратно - какое влияние имело племя на силы окружающей природы и на производительность почвы, т.е. как оно устроилось в экономии земли и воды, которыми располагало.

В конце XVI столетия турки прочно утвердились в Закавказском крае, подчинив себе Гурию, Имеретню, Мингрелию и Абхазию, а также более номинально, чем фактически завладели всем северо-восточным прибрежьем Черного моря; но несмотря на то, что турки и построили крепости в Пота, в Сухуме и в Геленджике, - горцы не признавали зависимости своей от Турции. Абхазия, на которую турки имели большое политическое влияние, чем на другие места северо-восточного прибрежья, представляла страну, раздираемую внутренними междоусобиями, к которым присоединяется еще целый ряд восстаний против власти турок. А в XVIII столетии Россия получает большое влияние на дела Закавказского края; в 1771 г. русские войска впервые появились в Мингрелии и взяли Кутаис и наконец, положение дел в Закавказье привело к тому, что к России присоединились: Грузия в 1801 г., Мингрелия в 1803 г., Имеретия в 1804 и в 1810 г подданство России приняла Гурия. Вследствие этого ряда событий русские владения пришли в соприкосновение с Абхазиею. Проследим за историческими событиями, сопровождавшими начавшееся влияние России на Абхазию. Князь Келеш-бей Шервашидзе, утвержденный турецким правительством в звании владетеля Абхазии вместо сухумского владетельного паши, вследствие вышедших несогласий с Портою впервые обратился к России, прося покровительства, но по проискам турок был убит старшим сыном своим, Аслан-беем, против которого младшие сыновья Келеш-бея - Сефер-бей, Ботал-бей и Гассан-бей - вооружили всю Абхазию. Аслан-бей бежал в Турцию, а Сефер-бей принял владение Абхазиею и в 1810 году отдался под покровительство России. Русские войска в 1810 г. вытеснили турок из Сухума и заняли крепость небольшим гарнизоном; тем и ограничивалось действие русских в Абхазии, которая оставалась вполне во власти Сефер-бея, по делам внутреннего управления.

По смерти Сефер-бея в 1821 г. владетелем Абхазии признан был старший сын его - Дмитрий, человек хорошо образованный и преданный вполне интересам России. По проискам турок и сыновей Келеш-бея: Аслан-бея и Гассан-бея, возобновились волнения в Абхазии и потребовали вмешательства русских войск, для утверждения владетелем Абхазии - Дмитрия, который

вскоре умер, не оставив наследников. Мы не имеем точных исторических сведений об обстоятельствах, сопровождавших смерть преданного интересам России Дмитрия; молва сохранила о нем добрую память, и до сих пор в Абхазии смерть этого человека принимается близко к сердцу всеми, расположенными к России. После смерти Дмитрия вновь вспыхнувшее восстание потребовало опять вмешательства русских войск к утверждению во владении Абхазиею брата Дмитрия - Михаила, носившего между абхазцами имя «Гамид-бей». Последний был владетелем с 1824 г.. когда умер Дмитрий, до 1864 г., времени утверждения русского управления в Абхазии. В 1829 г., по Андрианопольскому миру, Турция уступила России все северо-восточное прибрежье Черного моря с землями до Кубани; но только с выселением в 1864 г. горцев, населявших уступленную область, Россия вполне утверждается в этом крае. В интересах обеспечения влияния России на Абхазию и другие горские племена северо-восточного прибрежья Черного моря, в 1830 г. наши войска заняли Бомборы, Пицунды и Гагры, а в 1831 г. - Геленджик. Это положило начало основания ряда небольших укреплений на северо-восточном берегу Черного моря или черноморской береговой линии, существовавшей до начала восточной войны.

Мы представили краткий исторический очерк состояния северо-восточного прибрежья Черного моря за последнее время и по преимуществу обратили внимание на историю Абхазии, так как с населением ее предстоит столкновение русскому племени, а другие народы прибрежья удалились со сцены прямого соприкосновения с русскою жизнью, оставив почти непочатыми богатства мест своей прежней оседлости.

Из краткого обзора внешних исторических событий жизни Абхазии мы видим, что страна была подвержена смутам и беспорядкам, находясь в управлении турок, кроме того, другие горские племена и общества делали постоянные набеги, разоряли и грабили жителей; внутренняя вражда и междуусобия отдельных княжеских и дворянских родов и семейств еще более усиливали анархическое состояние этой страны. Исторически сложившиеся формы быта Абхазии, представляющие интересный образец политического и общественного строя жизни, в себе самих заключали условия, приводившие к постоянным междуусобиям, родовым и семейным.

Влияние местности, влияние географического положения страны и климатических условий вполне отразились в жизни Абхазии... С начала настоящего столетия Абхазия, как мы сказали, вступила под покровительство России, но оставалась при своих. .. средствах к развитию, вследствие того, что в период времени нахождения Абхазии под покровительством России, до 1864 г., т.е. до времени сложения владетельской власти князем Михаилом Шервашидзе и введении русского управления, влияние наше на Абхазию было исключительно политическое и частью военное, но не касалось гражданского быта.

Обратимся к политическому строю жизни Абхазии, сложившемуся в древние времена и неизменно существовавшему до последнего времени - до введения русского управления.

Во главе народного управления находился владетель, называвшийся у абхазцев «ах». власть которого была наследственна в роде князей Шервашидзе. Первые исторические известия об этой фамилии относятся к XII столетию, ко временам царицы Тамары. В бытность в Абхазии неоднократно приходилось слышать рассказы о происхождении владетельской фамилии. Мнения народа о том, какой из существующих княжеских фамилий принадлежат владетельские права, не согласны: смотря тому, кто к какой фамилии привержен - той и приписывает исключительное право на этот титул, ссылаясь, что оно принадлежало предкам ее. Вот один из подобных рассказов. Древняя владетельская фамилия была с рода князей Анчибадзе. Лет за 150 до настоящего времени она состояла из трех братьев. Старший был настоящий владетель и имел двух сыновей и дочь... Два младшие брата владетеля, желая получить по наследству право на власть владетельскую, убили сыновей старшего брата: за что последний изгнал их из страны. Один из изгнанников пошел в Джигетяю, другой же образовал шайку и поселился в Самурзакани; а владение Абхазией перешло в род Шервашидзе. При этом один из рассказывавших эту историю добавил: книга, заключающая исторические сведения об Абхазии, хранится в Абхазии у князя Анчибадзе... Передаваемые изустно сказания даже о событиях последнего времени представляют часто полнейшее извращение фактов, так же точно

как и сказание о книге, не подтверждающиеся более точными данными.

По смерти Келеш-бея русское правительство получило политическое влияние на выбор владетелей и также поддерживало военною силою законных наследников. Власть владетеля была довольно ограниченная, особенно по отношению к князьям и дворянам, которые давали ему установленные обычаем ежегодные подарки не в знак признания его власти, а только для выражения гостеприимства почетному гостю, когда он приезжал в дом. Отношения владетеля к князьям и дворянам были более личные, чем с характером зависимости последних от первого. На обязанности владетеля лежала забота о безопасности страны, а князья и дворяне обязаны были для защиты края, в случае необходимости выставлять милицию. Владетель, как и другие князья и дворяне, жил доходами с своих земель, имея крепостных людей. Кроме дохода с имений владетель пользовался частью пошлины с вывозимых из Абхазии товаров. Последние состояли по преимуществу из букового и орехового дерева, меду. воску и кукурузы. По предположению одного из бывших управляющих владетельскими имениями, доходы владетеля простирались от 50 до 60 тыс. р. сер. в год.

Владетель имел право назначения суда, когда к нему обращались за этим тяжущиеся. Владетель назначал суд по следующим делам: наследственным, семейным, по заключению взаимных условий н по делам: о воровстве, грабежах, убийствах и кровомщении. Народ, впрочем, редко обращался к третейскому суду, а по большей части следовал закону: око за око, зуб за зуб; за воровство платилось воровством, за кровь мстилось кровью; месть эта называлась канлою, она переходила из рода в род, причем в делах мщения принимали участие не только родственники убитою, но и воспитанники, если убитый был из дома воспитателя, и обратно - воспитатели мстили за своих воспитанников; так что вражда иногда принимала большие размеры и по необходимости приходилось обращаться к суду, который присуждал виновных к плате «кровавой пени». Когда тяжущиеся обращались к владетелю за решением дела судом, то он назначал судей или старшин, называемых «бакаульцы». С оказавшихся по суду виновными в пользу владетеля

взыскивался штраф, величина которого зависела от рода преступления, подлежавшего разбору суда; бакаульцы также получали определенную плату с виновной стороны; величина этой платы определялась на том же основании, как и штраф в пользу владетеля. Кроме штрафа и платы бакаульцам, с виновного в воровстве взыскивалась сумма, равная тройной цене украденного; две части шли в пользу истца, а третья в пользу бакаульцев. Большое взыскание за воровство влекло за собою обыкновенно новое преступление, чтобы удовлетворить требованию суда. Дорогой суд владетеля большею частью заставлял тяжущихся прибегать к полюбовному окончанию дела или к мести. В первом случае тяжущиеся представляли друг другу поручителей в исполнении взаимных обязательств.

Если решению суда предстояло дело о ссоре или драке, то судьи до разбора дела взыскивали с обеих тяжущихся сторон штраф в пользу владетеля по 5-ти коров и по 5-ти руб. сер., затем уже производили суд и приговаривали виновного к уплате определенной суммы обиженному.

В важных случаях тяжущиеся для решения дела обращались к суду народному; для чего каждая из тяжущихся сторон выбирала судей из лиц, пользующихся уважением в народе, называемых русскими - старшинами; от выбранных судей зависело назначение места и времени суда, на что впрочем необходимо было и согласие владетеля.

Для решения важных дел суд собирался в местах, считающихся у абхазцев священными. Перед собравшимся народом судьи давали присягу в что, что будут судить по совести и не отступая от народного обычая. Дело обсуждалось публично, причем выслушивали показания тяжущихся и свидетелей; затем, для взаимного соглашения и постановления решения судьи удалялись для тайного совещания; по возвращении судей к народу и до объявления решения приговора с тяжущихся бралась присяга и поручительство в исполнении ими приговора суда. По обычаю народному, не принято допускать к присяге свидетелей, вследствие того, что свидетель не отвечает даже за ложную присягу, которая могла случаться очень часто, притом в народе доказатели пользуются дурною славою; часто случалось, что даже в важных делах судящие не выдавали

свидетелей и участников, боясь получить в народе имя доказателя, и чрез это проигрывали большие спорные дела. В большинстве случаев суд производился на основании собрания народных постановлений и правил, передаваемых устно от одного поколения к другому; такой суд, производящийся по народным преданиям, носит названием адата. В тех случаях судебного разбирательства, которые не подходят под существующие постановления адата, старики и уважаемые в народе люди, знающие хорошо народные обычаи, постановляют свое решение, соответственное прежним по подобным делам решениям, бывшим на их памяти или известным по преданиям. Вследствие низменности и застоя форм внешней общественной жизни, сложившихся в самые отдаленные времена, мусульманство не пустило глубоких корней в Абхазии, а потому и к духовному суду - шариату, основанному на коране, весьма редко обращались, и то по преимуществу члены низших сословий; так по шариату, все правоверные равны пред кораном, и пеня, взыскиваемая за преступление одинакова, из какого бы сословия виновный не происходил, - например - пеня за смерть князя и дворянина налагается такая же, как и за смерть крестьянина; между тем по адату, личность князя и дворянина считалась неприкосновенною, и в прежнее время за кровь князя убийца из зависимого сословия осуждался на смерть, а вместе с ним той же казни подвергался и весь род его. С течением времени смягчились постановления по адату, и смертная казнь убийцы замечена пенею, но за смерть князя и дворянина назначалась несравненно большая пеня, чем за смерть члена зависимого сословия. Поэтому члены низших сословий искали суда по шариату, а члены независимых сословий - по адату. В преступлениях не важных допускался суд по шариату, для которого нет необходимости в приискании посредников - решение же постановляется муллою.

В последнее время смертной казни не существовало в Абхазии. Пред судом князья и дворяне отвечали за преступление только своею собственностью, крестьяне подлежали такой же ответственности, но за недостатком средств для уплаты пени отвечали личною свободой; даже за отцеубийство, считавшегося важнейшим преступлением, виновный только отдавался в руки владетеля и подвергался изгнанию из страны.

Решение дела судом обыкновенно влекло за собою, как мы уже сказали, определенное по адату взыскание с виновной стороны в пользу обиженной, причем платилось: за убийство князя - 30 мальчиков, лошадь с седлом и полное вооружение горца: за убийство дворянина - 16 мальчиков, лошадь с седлом и полное вооружение горца; за убийство вольного жителя - 2 мальчика, ружье и шашка. Рост мальчика, идущего в уплату, должен удовлетворять определенной адатом мере: мерою роста служила длина ладони, причем определенному числу ладоней получателя должен был удовлетворять рост мальчика, идущего в уплату пени. Вместо мальчиков допускалось делать уплату определенным количеством скота.

Дела о долгах были весьма сложны и запутаны, если долг был не денежный, а занята какая-нибудь вещь или предмет, что весьма часто случалось, при малом обращении денег в стране. Если кто задолжал другому корову, то чрез год обязан был возвратить корову с теленком, чрез два года - две тельных коровы, через три год - две коровы и двое телят и т.п. - долг вырастал до огромных размеров. При займе денег обыкновенно платилось по 5% в месяц...

III

Основание политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой[35], фамильный, под опекою которого члены союза находили защиту и покровительство против насилия посторонних, и месть за оскорбление или убийство одного из членов союза переходила в обязанность всех, составляющих родовой союз; поэтому так часто канла - месть за кровь - принимала огромные размеры. Родовым союзом в некоторой мере обеспечивалось спокойствие и безопасность отдельных лиц, так как в делах одного члена союза принимали участие и другие члены. Некоторые явления жизни абхазцев свидетельствуют о стремлении к расширению влияния родовых союзов и к взаимному их сближению, чтобы чрез общность интересов достигнуть возможной безопасности и спокойствия

в стране. К таким явлениям жизни относятся: усыновление и отдача детей на воспитание из одной фамилии в другую. В случаях ссор и несогласий виновный, по решению суда в знак примирения, усыновлял обиженного или его сына. Существуют две формы усыновления; одна состоит в том. что обиженный призывается в дом нанесшего ему оскорбление и при свидетелях три раза целует грудь жены или матери хозяина дома, затем отпускается с подарками, считаясь усыновленным; по другой форме усыновления - сын обиженного живет от одного года до трех лет в доме ответчика и затем с подарками возвращается в дом отца. В обеих случаях ценность подарка определяется на основании существующего обычая, народным судом. У абхазцев, как и у других горских народов, населявших северо-восточное прибрежье Черного моря, дети не живут под кровлею родительского дома, а до 14-ти летнего возраста воспитываются в чужом доме и нередко отдаются на воспитание даже в другое племя. В сословиях князей, дворян и вольных жителей этот порядок воспитания явление общее. Естественно, что между воспитываемым и воспитывающими установляется взаимная привязанность и народный обычай, считая такое чувство необходимой основой отношения этих лиц, возлагает на обязанность воспитанника и воспитателя взаимно мстить за оскорбления, нанесенные членам родовых союзов, к которым они и принадлежат. Таким образом, идея об общности интересов жизни, мира и согласия, составляющая основание родового союза, чрез усыновление и воспитание членов других союзов более и более распространялась.

Родовые союзы составляли собственно члены двух свободных сословий: князей и дворян; зависимые же от них сословия обязаны были защищать своих князей или дворян и мстить за них врагам. Князья и дворяне, покровительствуя зависимым от них людям, по обычаю народному обязаны были требовать удовлетворения от родового союза, из которого происходит обидевший подвластного им человека. В тяжбах и ссорах членов зависимых сословий князь или дворянин был прямой посредник.

Родовые союзы не обнимают всех интересов народной жизни, и между жителями данной местности или урочища, хотя и принадлежавшим к разным родовым союзам, по делам хозяй-

ственным или в интересе взаимного обеспечения собственности и спокойствия, - из условий самой жизни возникали взаимные обязательства. По делам местного интереса жители отдельных урочищ созывались на местные собрания, для решения же важных дел, касающихся интересов всей страны, выбирались депутаты, но не от отдельных фамилий или родовых союзов, а от каждой местности или урочища. Выбор судей также вносил в страну взаимную зависимость жителей, основанную не на союзе родовом, а на началах уважения к лицам, пользующимся доброю славою и знающим законы страны, что служило также средством сближения отдельных родовых союзов.

Народные собрания, как и народный суд происходили на местах, считающихся священными; русские называют такие места «присягой». У джигетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугурха-наха, находящийся близ р. Чугур, верстах в 15-ти от Гагр. Холм этот недалеко от берега моря окружен с трех сторон возвышенностями с крутыми склонами. На холме росло дерево, около которого валялись обломки оружия: дерево это было увешано лоскутками разных материй, а из ствола его торчали вбитые гвозди, все это жертвы во имя успеха набега. Народные собрания прежде собирались также в оградах древних монастырей, которых развалины сохранились до настоящего времени. Подобные постройки уважались у абхазцев, как и у других горцев, и места их считались священными.

Во главе родовых союзов стояли князья /тавад и дворяне /амиста/ те и другие имели одинаковые права над зависимыми от них сословиями. Они владели крестьянами, обязаны были собираться вместе с крестьянами для защиты края и, как уже сказано, за преступления отвечали пред судом, только своею собственностью. Достоинство княжеское или дворянское были исключительно наследственны, и никто из низших сословий не мог получить права на титул князя или дворянина. Владетель никого не имел права возвышать в эти звания, но за услуги, оказанные ему собственными крестьянами или выходцами из других племен, владетель возвышал их в достоинство своих тело хранителей, называвшихся у абхазцев ашнахмуа или просто шнакма. Сословие это пользовалось правом владения землею

и крестьянами; члены его были избавлены от податей, но на обязанности их лежало охранение личности и дома владетеля; по обычаю народному, шинакма имели право жениться на дворянках. В политическом строе жизни абхазцев сословие шинакма представляет как бы зародыш среднего сословия, хотя образование его совершенно иное, чем среднего, промышленного и торгового сословия в государствах Европы.

В Абхазии существует три вида зависимых сословий: вольные жители, крестьяне, живущие своим хозяйством, и «агруа» или рабы.

Владение землею было наследственно исключительно в родах независимых сословий, а потому всякий выходец из других племен или житель Абхазии, желавший заняться хозяйством или искавший защиты от насилия и притеснения, поступал в зависимые земельные отношения к лицам независимых сословий, и таким образом составилось особое сословие вольных жителей. Члены этого сословия за землю, находящуюся в их пользовании, обязывались определенною платою и работою. Плата была различная, но у большинства владетелей вольный житель обязан был: летом принести ягненка, а зимою - барана или что может, соответственной впрочем ценности: с семейства вольного жителя также бралось от 5-ти до 8-ми мер кукурузы. У большинства земледельцев вольные жители работою обязаны были только три дня в году: весною семейство вольного жителя в один день обязано было вспахать, своим скотом и сохою, и засеять определенную часть земли землевладельца; затем летом вольный житель отрабатывал еще два дня: один: - во время полотья сорных трав и подбивки кукурузы, а другой - во время уборки хлеба. При выездах землевладельца из имения вольный житель обязан был конвоировать его. При выходе замуж женщины из семейства вольного жителя отец ее или брат обязан был сделать землевладельцу подарок, - обыкновенно дарилась корова, за что землевладелец одаривал семейство, приносящее подарок. В случае смерти члена этого сословия и *неимения наследников мужского пола, землевладелец* наследовал имущество умершего, выделяя часть ценности его женщинам из семейства этого последнего.

У некоторых князей и дворян вольные жители отбывали довольно большие повинности, напр., семейство вольного жителя обязано было отработать определенное количество земли, убрать хлеб и доставить в дом землевладельца; вместо работы допускалась уплата кукурузою; а ежегодная плата не ограничивалась ягненком и бараном, а вольный житель обязан был дать корову, да определенное количество мер вина.

Дворовые крестьяне, анхаею, живущие своим хозяйством, обязаны были работать на помещика определенное число дней в неделю, обыкновенно три или четыре дня. Из достатков своих крестьянин должен был часть отдать помещику, напр., половину денного удоя молока своих коров или коз, а также обязан был пасти и беречь стада помещика. Кроме того, у некоторых помещиков, на обязанности крестьян лежало прокормление в зимнее время лошадей, а иногда и части стад помещика. Женщины, находившиеся в семействе крестьянина, обязаны были ходить в дом помещика на работы. Дочери крестьянина до замужества постоянно находились в доме помещика и большею частью поступали в приданное при выходе замуж княжеских или дворянских дочерей. Если же дочь крестьянина выходила замуж, то за нее с жениха брался выкуп или калым от 10 до 20 коров, смотря по достоинствам девушки как работницы и по наружным ее качествам. При женитьбе крестьянина часть калыма уплачивалась помещиком. У большинства помещиков холостые крестьяне не состояли в обязательных к ним отношениях. За притеснения или за обиды крестьянин имел право требовать своего владельца на суд, и в случае справедливости показаний освобождался от обязательных отношений, а для защиты себя от мщения помещика он искал покровительства у другого владельца, вступая к нему в те же отношения и обязательства, в каких был к прежнему.

Члены третьего зависимого сословия, крестьяне, не имевшие права владения собственностью и называемые агруа, обязаны были постоянно работать на помещика, составляя полную его собственность. Самая жизнь раба, существовавшего без всяких прав личных и имущественных не была ничем обеспечена: владелец мог убить агруа, продать детей его, разлучить мужа и жену. До введения русского управления в Абхазия встречалось

довольно много арапов с совершенно смуглым лицом, большинство их было рабами и теперь перепродано обратно в Турцию.

Рабами имели право владеть как князья и дворяне, так равно и члены других сословий: шинакм, вольных жителей и крестьян, владевших собственностью.

Помещики имели право продавать крестьян и отдавать их за долги, причем крестьянин ценился обыкновенно в 50 коров. Дворовые крестьяне имели право выкупаться, но выкуп был так велик, что не очень многие могли воспользоваться этим правом, при большом семействе стоимость выкупа доходила до 100 коров. У некоторых князей и дворян в число их доходов входила часть добычи от воровства зависимых жителей; между тем, если воровство случалось в доме самого помещика или в стаде его и даже в доме, где воспитывалось дитя его, то с виновного взыскивалось 15 коров и даже более, сверх возврата украденного.

Со времени введения русского управления в Абхазии во многом изменился строй жизни народной, как в деле суда, так и в деле сословных отношений. Русское управление в короткий срок, со времени учреждения его, оказало огромнейшее влияние на жизнь Абхазии. Сущность этого влияния определятся - введением в народную жизнь власти охранительной и исполнительной. Мы не имеем данных, чтобы вполне определить все, что сделано со времени введения русского управления в Абхазии - это может составить особую статью, в очерки же наши вносим мы наиболее важные обстоятельства, замеченные во время краткого пребывания в Абхазии, по введении русского управления.

Суд в Абхазии основан по прежнему на началах народного суда: все обвинения доказываются присягою подсудимого или того, чье дело поступило на рассмотрение народного суда; по соображению выборных судей и важности разбираемого дела к присяге приводятся и более, или менее соприкосновенные к делу. Наказание за воровство изменилось: с одной стороны установлен иной размер взыскания, а с другой - в случае повторения этого преступления имеет место вмешательство административной власти, которая за воровство, совершенное вторично, не только требует возвращения украденного, но и

подвергает виновного аресту, а за третье воровство преступник судится по русским законам.

За убийство вообще виновный судится по русским законам.

Поземельные споры решаются на основании показаний стариков и лиц, пользующихся уважением в народе, причем показания должны быть утверждены присягою. Законным процентом по долгам признается 4% в год. Отменою огромной платы, следовавшей с подсудимых в пользу владетеля и судей, равно и больших штрафов, введением за убийство суда по русским законам, во многом изменен строй жизни абхазцев; чему также много способствовало ограничение власти князей и дворян по отношению к подвластные им крестьянам.

Введение русского управления в Абхазии имело влияние и на сословные отношения. Уничтожено право помещиков продавать детей рабов и вообще разлучать членов их семейств. Переход крестьян в сословие вольных жителей значительно облегчился; выкуп уменьшился до 20 или 25 коров; притом, если несвободный крестьянин попал в это сословие из сословия вольных жителей, то ему предоставлено право доказать в народном суде свое происхождение из вольного сословия, а если суд признает доказательства основательными, то по удовлетворении во всем должном помещика, крестьянин становится свободным.

IV

Жизнь семейная абхазцев, жизнь у домашнего очага, и ведение хозяйства представляют много интересного. Глава семейства, отец. пользуется большой властью; он полнейший, неограниченный властелин в доме - гордый и деспотичный; по народному обычаю, отец не должен ласкать детей; ласка считается выражением слабости характера. В некоторых случаях отец имел право жизни и смерти над женою и детьми; и если злоупотребления родительской власти отца бывали редки, то это должно отнести к тому, что во первых - дети в семействах князей, дворян и вольных жителей не воспитывались в доме родительском, а потому столкновения отца и детей были редки, -во вторых, к тому гордому удалению отца от детей, которое

так заметно в семействах абхазцев. Наружное уважение со стороны младших должно высказываться в каждом действии по отношению к отцу, к старшему брату и ко всем старшим летами; сын, даже став семьянином, не имеет права садиться в присутствии отца; младший обязан всегда уступать лучшее место старшему в почетном углу дома и пред очагом, а в толпе пропускать его вперед.

Большинство абхазцев магометане, но они редко пользуются правом иметь несколько жен, а ограничиваются одною и наибольшее - двумя женами, причем вторая поступает в дом не иначе, как с согласия первой, которая и остается главною хозяйкою[36].

Народный обычай подвергает женщину полнейшей зависимости от мужа, и она не пользуется ни уважением в семействе, ни правом голоса в более или менее важных делах, касающихся семейной жизни. Женщина, вышедшая замуж, родственниками своими защищена только от произвола мужа в делах развода, который допускается не иначе, как по обоюдному согласию. Подвергая женщину самой деспотической зависимости от мужчины[37], так что в случае замеченной неверности со стороны жены, муж имел право убить ее, - не отвечая за убийство пред судом, - общество весьма снисходительно относилось ко всем уклонениям мужчины от выработанной формы семейной жизни и брачных отношений, и если дело по этому предмету доходило до народного суда, то и тогда мужчина подвергался только очистительной присяге, между тем как женщина, по народному обычаю, в случаях нарушений условий семейной жизни, по суду изгонялась из дома мужа, к своим родственникам. Человек, бывший причиною нарушения женщиною супружеской верности, обыкновенно преследовался мужем, как за кровное оскорбление, и закон не ставил мужу в преступление убийство противника. В первый день замужества женщина получает подарок, называемый мекях, который в случаях развода, при недоказанной неверности жены, остается при ней.

Платимый мужем мекях яснее всего выражает взгляд абхазов и других горцев на брачный союз, в основании которого была покупка женщин; последние же, в своей стороны, все достоинство свое основывали на большей или меньшей

покупной цене. От этой привычной купли и происходило то равнодушие и даже циничное довольство, с которым невольницы отдавались в руки покупателей, чтобы быть снова перепроданными в гаремы турецкие, где им определялась довольно высокая цена. Трудно было бы ожидать более выработанных человеческих условий жизни для женщины в обществе, в основе которого было право сильного. Впрочем, должно отдать справедливость тишине домашней жизни абхазцев и горцев, выселившихся с северо-восточного берега Черного моря: со стороны мужа, как вполне сознающего свою силу, было снисхождение к слабому; из сознания собственного достоинства муж никогда не прибегал к побоям и ругательствам; «с домашними сценами» не была знакома семейная жизнь горцев прибрежья, а в случаях серьезных несогласий прибегали к разводу.

Вот один из примеров, который показывает, что в случаях больших семейных несогласий дело решалось без всяких насилий со стороны мужа. В одном из укреплений, занятом русскими войсками, из ближнего аула пришла абазинка, прося помощи и влияния воинского начальника, чтобы он заставил мужа ее переменить поведение, нарушающее законы семейной жизни. На вопрос: не делает ли муж насилий, не бьет ли ее, женщина с удивлением посмотрела на присутствующих и отвечая отрицательно; между тем по справкам оказалось ,что муж ее действительно был дурной человек, занимался воровством, а не делами семейными и хозяйственными; общество селения, где жила женщина, помирило ее с мужем.

На всем северо-восточном прибрежье Черного моря до последнего времени шла торговля женщинами и нет сомнения, что турки вывозом молодых девушек, в течении продолжительного периода владычества в Абхазии и на всем северо-восточном берегу Черного моря - много способствовали упадку цивилизации, более или менее унаследованной в этих местах от греческих и генуэзских колоний. Вывоз женщин прямо способствовал к обновлению турецкого племени. Гиббон говорит: «торг людьми произвел кажется то, что азиатские народы стали красивее; турки, потомки гуннов, которые были так некрасивы, от сношения с Кавказом теперь очень красивый

народ». Расчет вел к продаже наиболее красивых девушек; все же, не имеющие хорошей цены, оставались на родине, а потому так некрасивы вообще абхазцы, происходящие из нижних сословий, и даже лица некоторых дворянских фамилий, из семейства которых девушки продавались в Турцию. Совсем другое представляли жители горных абхазских обществ, а также убыхи, не торговавшие женщинами, как абхазцы и джигеты; красивые женщины тут встречались довольно часто так например, дочери аибгского князя Толопаря Маршани были замечательные красавицы. В обществах, где не было торговли женщинами, в самих женщинах не проявлялось рабское унижение, а напротив - они были даже одушевлены геройством; так, при занятии Аибги две девушки вышли с ружьями на плечах, готовые защищать свое пепелище. Вырождение прежнего типа низших сословий в Абхазии, вследствие продажи женщин, приводило некоторых путешественников к предположениям, что князья и дворяне в Абхазии не одного с народом происхождения, так как они отличаются от зависимых жителей крепким, здоровым и красивым телосложением.

Замужняя женщина у абхазцев ведет затворническую жизнь, но этому обычаю следуют не очень строго, даже в домах князей, наиболее придерживающихся форм магометанской религии; женщинам же низших сословий и нет возможности вести такую жизнь, вследствие обязанностей, налагаемых крепостною зависимостью от помещика, исполнение которых часто соединено с необходимостью оставлять дом. Женщины редко следуют восточному обычаю закрывать лицо и носить покрывало; а если женщина встречается с мужчиною, даже с русским, то она только показывает желание закрыться руками или платком, но не исполняет этого. Незамужние женщины ходят с открытым лицом. По обычаю абхазцев, существовавшему впрочем и у других горцев северовосточного прибрежья Черного моря, по смерти мужа жена переходит к брату мужа, если на то существует обоюдное согласие; так было; например в семействе князей Инал-ипа. Имение князей Инал-ипа, - считающихся первыми князьями абхазскими, после фамилии владетельской, - занимает великолепнейшую местность между р.Бзыбью и

р.Мечища, но большинство аулов здесь разорены и сожжены Солохою Чичаго убившим своего брата, мужа вдовы Инал-ипа. До сих пор абхазцы указывают дуб, стоящий на возвышенности в урочище Багрыпш, из-за которого по их словам «брат убил брата»; они называют дуб «Эль». В семействе Инал-ипа остался третий брат Тито, который по обычаю должен был взять в жены вдову, бывшую за двумя старшими братьями, известную в Абхазии своею красотою, сохранившеюся до сих пор, - но год тому назад еще не было выражено согласие с обеих сторон на брак, а потому не можем сказать, вышла ли вдова Инал-ипа за третьего брата. Приведенный пример подтверждает принятый в Абхазии обычай перехода жены по смерти одного брата к другому[38].

В домашней жизни на обязанности женщин лежит забота о хозяйстве в доме, но случается видеть их работающими и в поле. Интересно распределение работ и занятий между членами семейства... Но местами земля так плодородна, что без больших усилий один рабочий может прокормить человек 15-ть, а потому так много времени остается для усовершенствования себя в наездничестве, на разъезды по другим аулам и вообще на праздное препровождение времени. Всякий случай, поминки, празднества привлекают огромное число зрителей. Представляем описание поминок у абхазцев, совершение которых берет несколько дней. По народному обычаю жена, чтоб не потерять уважения в народе, должна оплакивать смерть мужа, с выражением страшного отчаяния и самоистязаниями. Она является пред посторонними о воплями и криками, босая, с раскрытою грудью, с распущенными волосами, причем руки, лицо и грудь исцарапаны до крови. За похоронами следуют поминки, на которые собирается обыкновенно много народа и все живут несколько дней на счет родственников умершего, а потому, как бы для покрытия этих издержек, каждый из присутствующих обязан сделать вдове посильный подарок. Поминки оканчиваются обыкновенно скачкой на приз, в которой принимают прямое участие мальчики от 12-ти до 14-ти лет. Расстояние, на которое скачут, очень велико; иногда оно простирается от 30 до 40 верст по страшно пересеченной местности.

Одну из хороших сторон общественной жизни абхазцев

составляет забота о бедных, причем таких нищих, каких мы привыкли видеть в других местах, там нет; бедные всегда получают коллективное пособие; например, оставшейся без средств к жизни вдове другие жители аула всегда помогут посеять и убрать хлеб, чтобы обеспечить ее существование.

По существовавшим у абхазцев законам о наследии, женщины не участвовали в доле при дележе имения; оно переходило в наследство к сыновьям или родственникам мужского пола. Дочери умершего получали до замужества пропитание от братьев или родственников покойного, которым досталось имение, причем наследовавшие обязывались дать по состоянию приданное умершего, при выходе их замуж.

Раздельность частных хозяйств, вследствие влияния местности, и богатая жатва, доставляющая возможность легко добывать пропитание, а также избыток свободного времени развили у мужского населения Абхазии стремление к бродячей жизни; мужчина не засиживается дома, а беспрестанно переезжает от одного родственника или знакомого к другому. Эти частые переезды развивали у абхазцев потребность во взаимном гостеприимстве; во имя гостеприимства и друг/дост/и недруг находили защиту и безопасность под крышей дома хозяина, к которому приехали, причем для почетного гостя жертвовалось последнею скотиною, последнею горстью гомми и кукурузы. Для приема гостей в более богатых саклях имеется особое кунахское помещение, состоящее из отдельной комнаты, в которую вход обыкновенно со двора; против двери в земле сделано углубление, в котором разводится огонь; дым от горящих дров идет в трубу, плетенную из сучьев и обмазанную внутри глиною, смешанною с навозом. В стене, противоположной дверям проделывается окно, обыкновенно запертое ставнями, - его назначение дать возможность по временам следить из кунахской за тем, что делается во дворе, а свет в кунахскую проходит чрез растворенную дверь. Угол комнаты наискось от входа, ближе к которому проделывается окно, считается почетным; по стенам кунахской вбиваются гвозди для вешания оружия. В более богатых кунахских на полу разостланы ковры и тюфяки, на которых разложены подушки; для омовения, по магометанскому обычаю, имеются таз и кувшин, а для совершения молитвы

маленький коврик. Кушанье у абхазцев подается на низеньких столиках и представляет большое разнообразие азиатской кухни. Хозяин обыкновенно не садится за стол в присутствии гостей. Некоторые из князей и дворян имеют очень удовлетворительные постройки дома, но большинство населения живет в турлучных (плетенных из сучьев) саклях; постройка такой сакли стоит одной коровы.

Помещикам, имеющим большое количество мелкого скота, приходится иногда нанимать пастухов или атарщиков. Вот пример тех условий, которые заключаются между хозяином атары н пастухом. Пастух нанимается на несколько лет и в первые два года получает плату по барану, на третий же год половину всего приплода во время исполнения обязанности атарщика. При этом основании найма достигается хороший уход за «барантой», - ибо интерес сохранения скотины в хорошем состоянии общий для нанимателя и нанимаемого. Если издохнет баран или овца, то атарщик обязан принести хозяину атары шкуру; если волк унесет барана или овцу. то пастух старается отыскать рога, чтобы тем доказать свою рачительность в уходе за атарой, и тогда он считается свободным от ответственности, так как пропажа признается не зависевшею от его воли...

В последнее время пребывания горцев на северо-восточном прибрежье Черного моря у них начало проявляться сознание слабости их общественной организации и необходимости обновить строй жизни введением управления, более упорядочивающего гражданский порядок и племенное единство. Таким объединяющим и устроительным началом между выселившимися горцами прибрежья явился мюридизм, последователи которого признавали необходимость организованной охранительной и исполнительной власти, с распорядителем во главе, или наибом, каким у абадзехов был Магомед-Амин, посланный Шамилем. Окончательное покорение Кавказа прекратило политическое развитие и даже существование черкесского племени на северо-восточном берегу Черного моря; в жизнь же абхазского племени внесено русскими в 1864 г. более или менее организованное управление, обеспечивающее гражданское развитие страны.

V

Насколько позволили имевшиеся под рукою данные, мы представили очерки бытовой жизни абхазцев - касаясь по возможности и жизни других горских племен, оставивших земли по юго-западным склонам кавказского хребта и переселившихся в Турцию.

Теперь обратимся к вопросу, как устроились абхазцы в экономии земли и воды, которыми они располагают. К сожалению, для решения этого вопроса мы имеем весьма мало сведений статистических, географических, климатических сведений о богатстве почвы и о растительности. Результаты топографической съемки, бывшей в 1864 и 1865 годах для частей Западного Кавказа могут дать более или менее точное понятие о виде местности. о количестве земли удобной для хлебопашества, о количестве лесов и других угодий, но пред нами нет результатов этой съемки. Недра земли не исследованы, о характере и степени плодородности земли, также невозможно, по недостатку опытов и наблюдений, сказать достаточно полно и определенно; но насколько возможно, насколько имеем данных, постараемся хоть приблизительно разрешить поставленный нами вопрос.

По имеющимся статистическим сведениям за 1865 год, народонаселение Абхазии вместе с Цебельдою простирается до 79.190 душ об.пола. Это народонаселение по округам распределяется так:

Округ	Сухумский	2.826	дворов	16.475	д.о.п.
Бзыбский		3.726	—	20.090	—
Абживский		5.049	—	32.182	—
Пристав.Цебелед.		1.436	—	10.44	—
Всего		*13.037*	—	*79.190*	—

Все это народонаселение занимает пространство между главным хребтом и берегом Черного моря, между р. Дзы - Акуара (р.Гагрыпш. как называют русские; протекает близ укр. Гагры) до р. Ингура.

Главный хребет Кавказских гор направляясь от Эльбруса к северо-западу, вдоль берега Черного моря, крутыми террасами

параллельных хребтов спускается к северовосточному берегу Черного моря, образуя неширокие долины между параллельными хребтами и узкое равнинное пространство предгорий со стороны моря; местами отдельные хребты гор круто обрываются в море; так высокий хребет гор, пересекающий р.Бзыб, идет к Гаграм и на пространстве между Гаграми и р.Хошупсе упирается в самый берег так, что проезд от Гагр к мысу Адлер на этом пространстве сопряжен с большими трудностями, а во время морского прибоя совершенно невозможен во многих местах. Хребет этих гор, наиболее возвышающихся на всем прибрежьи, носит название Гагрских гор и обращал внимание моряков, как примета скорого приближения к Гаграм, которые при движении судов из Новороссийска к Сухуму, до выселения горцев с северо-восточного берега Черного моря, представляли первый пункт стоянки. Часть этого хребта, от р.Бзыби до Гагр, абхазцы называют Ахохшера или горы Голубей. Продолжающийся от р.Бзыби до Сухума и далее хребет этот представляет мало удобных проходов; чрез него против селения Лехне (по-турецки Соук-су) прошли в 1864 г. жители Кучбы с князем своим Бзигяуз. Другой перевал из общества Кучба был прямо на Бомборскую равнину, но он чрезвычайно труднопроходим.

Между хребтом этих гор и берегом моря образуется равнина, пересеченная местами небольшими ветвями гор; так напр. ветвь, отделяющая урочище Багрыпш, находящееся близ р. Мечищи, от пицундской равнины. Горные реки при устьях своих образуют наносные равнины, выдающиеся в море в виде мысов; так напр. реки Бзыб и Мзымта образуют по выходе из гор большие болотистые равнины, покрытые непроходимыми лесами дуба, ясени, чинара, ольхи, ореха, каштана, черешни, шелковичного дерева и др., которые перевиты виноградными лозами и колючкой, так что образуют непроходимую чащу. Небольшие ручьи и речки скрывают ложе свое в этой непроходимой чаще лесов. Они текут в низменных берегах и, разливаясь образуют почти сплошное пространство болот на местности под лесом. Из рек, берущих начало свое на юго-западных склонах Кавказского хребта и наиболее достойных внимания по своей величине, упомянем Мзымту, Бзыб и Кодор. Первая из них по выходе из гор течет по болотистой равнине, оканчивающейся

адлерским мысом. Р. Бзыб отличается быстротою изменяемости уровня и скоростью течения, так что при переправах через нее гибнет ежегодно много людей; а потому горцы называют ее бешеною рекою. С большою быстротою в полноводие выносит она в море огромные деревья, иногда в два обхвата и более, и на несколько миль от берега заметна муть от выносимою рекою в море песку и ила, а на поверхности воды далеко в море видны плавающие огромные карчи. При устье р. Бзыби собираются огромнейшие стада бакланов и рыболовов, а в море, в параллели с устьем р. Бзыби, держатся большие стада дельфинов. Р. Кодор не представляет такой быстроты течения, как Бзыбь, и в нижних частях ее находится большая равнина, оканчивающаяся кодорским мысом. Большую часть года переправа чрез эти реки возможна вброд, хотя и сопряжена с довольно большими трудностями.

К низменным местностям Абхазии вполне можно отнести следующие слова Либиха: «Если местность состоит из твердых скалистых пластов, покрытых не толстых слоем почвы, на которой растет растительность с густою листвою, то просачивающаяся через такой слой вода будет приносить местностям, лежащим ниже, много минеральных веществ, служащих пищею растениям, потому что не толстый слой почвы не может задержать их в большом количестве. Частицы такой почвы, увлекаемой дождевыми потоками и уносимые ими в долины и низменности, образуют тут почву, степень плодородия которой может быть весьма различна; она изменяется с их химическим составом, от которого зависит способность почвы извлекать те вещества, которые служат пищею для растений; но во всяком случае такая почва, образовавшаяся из вынесенного ила, будет насыщена теми минеральными, питательными для растений, веществами, которые содержались в воде, из которой этот ил отсел» (Либих. Химия в приложении к земледелию, стр.78). Богатство разнообразия геогностического строения Кавказского хребта обусловливает силу и разнохарактерность растительности низменных мест северо-восточного прибрежья Черного моря, и если тучная и производительная почва закубанского края, при обилии великолепных лесов, представляет в травяной растительности

такое разнообразие, что все такие растения умеренно-холодного пояса имеют здесь своих представителей, причем иногда колос пшеницы дает от 80 до 90 зерен: то каковы же должны быть разнообразие и сила растительности прибрежья при большем и более равномерно распределенном, по временам года, количестве тепла н влажности! Замеченное выше разнообразие лесов низменных мест, - причем деревья образуют не проходимую чашу, давая множеству чужеядных растений обильнейший и разнохарактерный материал для выработки питательных соков, - служит нагляднейшим доказательством той степени плодородия почвы, которой мы не привыкли видеть в других местностях России. Здесь рядом с сосною растут маслины, шелковичное дерево и другие растения теплого климата. Сосна растет не только на пицундском мысе, но и в не которых других прибрежных местах: верстах в 15 от укр. Гагр, по дороге в Адлер; от ущелья р.Бегребшты до ущелья р.Хошупсе, у самою берега по склонам гор она растет на довольно большом пространстве; так не «Бог знает какими судьбами», поселилась сосна на пицундском мысу, как говорит доктор Торопов в сочинении «Опыт медицинской географии Кавказа». Местами, при обилии тепла и влажности, деревья, разрастаясь до огромных размеров, представляют ствол, источенный небольшими червячками; при обилии соков лес трудно высушивается, и даже в изделиях из этого леса заводятся небольшие червячки, портящие их; звук, производимый работою этих маленьких насекомых, такой же, как от сверления буравом, а результаты работы их весьма мелкие стружки. Разводимые на низменных местах овощи и корнеплодные растения доходят до огромных размеров, впрочем в ущерб их вкусу. Здесь в низменных местах нет лугов, а все пространство, не поросшее лесом, покрыто папоротником, а местами ромашкой и колючкой Знание, приложенное к обработке этой местности, без сомнения приведет к хорошим результатам, и возможно будет иметь хорошие овощи и прекрасные луга; но с меньшими усилиями, с меньшими тратами средств и времени почва низменных мест может быть занята великолепными садами, хлопчатниками, шелковицею, а также другими растениями теплого климата, могущими расти при средних годовых температурах от 7,9°(Темрюк). до 11,6° (Редут-

Кале) и при средних температурах (в тех же пределах) зимою: от 2,9° до 5° и летом до 18,5°. По некоторым, очень немногим наблюдениям можно судить о тех видоизменениях в организме животных, которые производятся .влиянием низменных мест, если последние не возделаны и не осушены. Домашняя птица скоро дохнет, причем заметно большое видоизменение внутренних органов: размеров, цвета и состава их. Представляем одно наблюдение, сделанное в низменных болотистых местах близ сел Гадаут. У абхазцев, принесших кур из аулов, расположенных на возвышенных местах, было куплено 53 штуки, из которых 17 издохло по прошествии месяца. Распотрошив их, нашли, что печень и селезенка увеличены до 1,5 раза, а у некоторых и до двух раз; легкие и сердце были также увеличены, хотя н не в таких размерах, как предыдущие органы; цвет всех этих органов был темно-багровый; при раздавливаний кусков этих органов, между пальцами, они представлялись крупичатыми не имели той упругости, как у зарезанных здоровых кур; последние два качества внутренних органов зарезанных больных кур возбудили удивление и побудили к наблюдениям. Из 36 зарезанных кур у 12 оказались также в больших или меньших степенях указанные видоизменения внутренних органов, и только 2 курицы из 53 зарезанных в продолжении месяца, со времени покупки, были здоровы. Куры получали корм в изобилии; больные ели достаточно и только за несколько часов до издыхания начинали опускать крылья, затем садились к вечеру на жерди, на которых наутро обыкновенно находили их издохшими. Вскрытие умерших людей в Сухуме показывает подобные же видоизменения во внутренних органах. Но нет сомнения в том, что приложение знаний к направлению производительности почвы на пользу человека, осушение местности и уничтожение распространенного почти по всему прибрежью папоротника приведут к самым благоприятным результатам, - тому пример г.Сухум, Гагры, Пицунды, где с вырубкою лесов и с обработкою почвы значительно уменьшилась болезненность, а Гагры считаются даже здоровым местом жительства. Точно также несколько лет тому назад князь Дзяпш-ипа занял под аул местность недалеко от Сухума за р. Гумистою, которая прежде была покрыта частью

болотистым лесом, частью же папоротником; в первые годы новое поселение терпело много от болезней, теперь же, с вырубкою лесов и уничтожением папоротника, местность эта весьма здорова, и кругом, на месте бывшего папоротника - отличные луга и поля, и князь Дзяпш-ипа в большом количестве мог сбывать сено в Сухум. Папоротник представляет растение с длинным стволом, вершина которого одета большими листьями. Папоротники быстро разрастаются, и так как они растут очень густо, то листья их переплетаются и образуют сплошной навес, не пропускающий солнечных лучей; таким образом почва остается постоянно влажною, а от этого остатки прошлогодних папоротников гниют, заражая воздух. Абхазцы для посевов выжигают папоротник в продолжении двух лет, кроме то как средство избавиться от этого растения, советуют скашивать молодой папоротник, повторяя эту операцию весной три или четыре года сряду. Одна из побудительных причин к скашиванию молодого папоротника может быть та, что вымоченный в растворе из поваренной соли, он считается у абхазцев отличнейшим кормом для скота, особенно для лошадей, и только недостаток соли, стесняет их употребление его для сказанной цели. Почва, бывшая под папоротником, после нескольких весенних скашиваний может быть обращена на отличные луга. Заметим еще, что папоротник - растение весьма богатое содержанием поташа.

Склоны гор, обращенные к морю, внизу покрыты частыми кустарниками и деревьями; с поднятием в гору деревья увеличиваются в объеме; вершины же гор покрыты густыми лесами дерев огромных размеров, по преимуществу ореха, чинары, дуба и ольхи.

В ущельях и по склонам гор, их образующих, растет в большом количестве буксовое дерево и лавр, сохраняющие круглый год зелень. Буксовое дерево, растущее в низменных местах, имеет в разрезе цвет желтоватый, но поднимаясь выше по склонам, находим, что этот цвет изменяется в молочный.

До выселения горцев с северо-восточного прибрежья Черного моря нерасчетливая, без всяких хозяйственных соображении, вырубка буксового и орехового дерева по преимуществу турецкими лесопромышленниками, доходила до огромных

размеров, а потому в наследие нам досталась страна с значительно расстроенным хозяйством. Турецкими лесопромышленниками по ущельям далеко в горы повырублено буксовое дерево; не говоря об ущелье р. Бзыби, по которой на каюках сплавляли буксовое дерево и нагружались большие кочермы, даже в диком гагрском ущелье вырубка производилась в довольно больших размерах, так что в 1863 г. была нагружена буксовым деревом кочерма, вмещающая его до 19 т. пудов. Кроме буксового и орехового дерева, с северо-восточного берега Черного моря вывозился и строевой лес. На р.Бегребште турецкими лесопромышленниками был устроен пильный завод, откуда по преимуществу сосновый лес в досках отправляли в Турцию. Джигеты и другие горцы до выселения своего рассказывали об этом пильном заводе, как о чуде; в действительности же техническая часть завода оказывается очень неудовлетворительною: приемник и приводы были устроены весьма дурно и грубо.

В лесах низменных встречается множество сваленных деревьев, засоряющих леса. Это происходит от того, что абхазцы не делают достаточных запасов для мелкого скота на зиму: запасы ограничиваются обыкновенно небольшим количеством челы (кукурузной соломы) для кормления крупного скота; мелкий же скот после летней пастьбы в горах, осенью сгоняется в леса низменных мест; здесь он зимою и весною питается молодыми ветками колючки; атарщики же кормят скот молодыми ветками и почками ясени, дуба, карагача, граба и др. деревьев, для чего срубают дерево, если оно не толсто, или же влезают на дерево и обкарчивают его. Срубленные деревья и большие ветви остаются гнить на месте.

Почва и климат Абхазии представляют условия для произрастания в диком состоянии персиков, абрикосов, гранатов, айвы, фигового и других плодовых деревьев. Из полевых растений абхазцы сеют кукурузу, гомми, фасоль, ячмень и пшеницу; разводят на небольших плантациях табак и хлопчатник, последний - в очень небольшом количестве, вследствие распространенного мнения, что с разведением этого растения в стране будет постоянная засуха; впрочем близ сел. Илори хлопчатник разводится в довольно большом количестве и очень удачно.

Урожай посевов гомми и кукурузы бывает обыкновенно большой и доходит: для гомми до 1600, а для кукурузы - до 1200; даже один из старожилов уверял, что он очень часто видел урожай кукурузы до 1500 зерен и более.

Многие абхазцы, даже фанатически предубежденные против русских, все-таки выражали желание остаться на своих местах и не переселяться в Турцию, говоря: «как несчастны горцы, оставившие благодатную землю, подобной которой не найти нигде». И так, даже фанатизм побеждался интересом сохранения за собою плодоносной земли[39].

Возделывание земли под посевы производится самыми простыми орудиями, очень часто просто заступом, местами же употребляется род сохи с деревянным лемешом; для чего вырубают дерево с изогнутым пеньком, пенек заостривают клином, а к длинному концу приделывают приспособление из веревок для тяги, и таким орудием с помощью буйволов бороздят землю. В урочище Багрыпш и частию в других местах близ р. Мечищи употребляют следующий способ пахания земли. Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым, затем берут несколько сучьев с ветками до одного дюйма толщиною, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренными концами бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветвями касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли.

Запасов хлеба на зиму абхазцы делают очень немного и помещают их для хранения в небольших амбарах, или - вернее - клетушках, величиною до одной куб. сажени, сплетенных из сучьев и поставленных на четырех столбах, до сажени высотою; - последнее необходимо для предохранения запасов от истребления крысами и мышами.

В Абхазии, особенно в прибрежных местах, встречается очень много дикорастущего винограда; довольно хорошие сорта его находятся на р. Псырсте[40] и в сел. Лехне (Соук-су); до оставления же береговой линии во время восточной войны считалось очень хорошим бомборское вино, получавшееся из

сортов винограда, рассаженных русскими близ укр. Бомбор. При удовлетворительной выделке из абхазского винограда получается вино довольно хорошего качества, но с трудом может быть сохранено до следующего года, - до времени цветения виноград. Некоторые из жителей г. Сухума скупали у абхазцев виноград, рассортировывали его и получали очень удовлетворительное вино.

Абхазцы содержат не много домашнего скота, собственно исключительно для удовлетворения хозяйственных нужд и не для подспорья сельскому хозяйству. Земля здесь не требует удобрения. Скот абхазский очень мелок; порода лошадей довольно плохая и малосильная. За малочисленностью скота в Абхазии, для небольшого сухумского гарнизона скот пригоняли из Мингрелии. В Абхазии на 2 или 3 дыма приходится одна лошадь, и на каждый дым по одному буйволу и 2 или 3 коровы.

При домашних хозяйствах абхазцы держат птиц, по преимуществу кур, но мало- помалу распространяется также разведение индеек, гусей и уток.

Пчеловодство развито довольно слабо, несмотря на большое требование мёду и воску, как для потребности войск, расположенных в Абхазии, и для лазаретов, а также для вывоза за границу и в Россию; при большом требовании продукты пчеловодства стоят в хорошей цене. В аулах, виденных мною, средним числом на саклю приходилось от 3 до 5 колод. Улья делаются из выдолбленных обрубков до 10 дюйм. в диаметре и располагаются обыкновенно горизонтально. Из опытов разведения пчел в Гаграх можно вывести заключение о выгодности этого промысла: через год из одного улья бывало получалось пять, а каждая колода давала 10 фунт. меду и до 30 фунт. воску.

Выгодность занятия этим промыслом и возможность довести его до цветущего состояния в землях по юго-западным склонам Кавказского хребта доказывается отличным состоянием его в одном из выселенных в 1864 г. горных обществ Кучба, где по свидетельству абхазцев было до 50 дворов и до 20.000 улей; и если последняя цифра и преувеличена, то все-таки должно полагать, что в обществе Кучба действительно разведение пчел

было развито, иначе оно не обращало бы большого внимания абхазцев, с которыми приходилось говорить о жителях Кучбы. В Сухуме пчеловодству много препятствует одна порода птиц, истребляющая пчел, а также небольшие насекомые, заводящиеся в самих ульях.

В очень небольшом числе аулов, по преимуществу абживского округа, разводят шелковичных червей; опыт разведения этого насекомого был сделан в укр.Пицундах. Яички были привезены из Кутаиса, и вышедшие шелковичные черви дали большие коконы, нить не тонкую и мягкую. Тутовое дерево в низменных местах растет очень хорошо. В сел. Илори жители занимаются разведением шелковичных червей в более значительных размерах, чем в других аулах, но почти исключительно для собственного, домашнего употребления, так что вообще эта отрасль хозяйства не доходит до более пли менее видных промышленных размеров. Интересно было бы проследить, до каких мест по прибрежью, от Сухума в сторону Гагр и Адлера, может расти в диком состоянии тутовое дерево, но должно полагать, что оно может быть разводимо даже близ Новороссийска; так как разность средних годовых и по временам года температур для Сухума и Новороссийска не велика и едва доходит до 2°.

Дичи в Абхазии очень много, так что трудно уберегать от птиц и небольшие поля; абхазцы не охотятся на дичь, так как порох и свинец достаются им с трудом. В начале августа бывает перелет перепелов, которые весь месяц держатся на полях прибрежных мест; от большого количества диких голубей, водящихся по склонам гор, пересекавших р.Бзыбь и идущих к Гаграм, самые горы получили название Ахохшера, слово означающее по-русски голубь.

В абхазских лесах водятся в большом количестве дикие кабаны, медведи, волки, шакалы, лисицы, куницы, дикие козы и серны. Дикие кабаны иногда целыми стадами нападают на поля, засеянные просом и истребляют целые посевы; впрочем абхазцы очень удачно охотятся на них и мясо убитых доставляют в Сухум и в другие пункты Абхазии, населенные русскими. Из диких зверей попадаются также барсы, так часто беспокоящие

воем своим жителей укр.Пицунд и Гагр. В недавнее время куниц было очень много, а теперь они порядочно истреблены; прежде шкура куницы стоила от одного до двух рублей, смотря по достоинству, теперь же цена возвысилась до 3 р. 50 к. и даже до 4 рублей. С выселением в 1864 г. горцев с северо-восточного прибрежья Черного моря из оставленных мест перешло в населенные пункты множество волков и шакалов, искавших себе здесь добычи.

* * *

От набросанных нами, самых отрывочных очерков природы, окружающей абхазцев, и от сообщенных сведений о том, как они устроились в экономии земли, перейдем к водной экономии Черного моря, близ абхазских берегов, значение которых важно не только исключительно для Абхазии, но и для всего Западного Кавказа. До сих пор рыбный промысел близ абхазских берегов находится в руках турок, приезжающих в населенные береговые пункты на время лова сельдей и дельфинов. Привести точные цифры ежегодного улова рыбы у берегов Абхазии трудно, за неимением положительных данных, а потому и представляем такие факты, которые до некоторой степени могут охарактеризовать богатства Черного моря рыбою. В г. Сухуме турки ловят в большом количестве сельдей и жителями делаются довольно большие запасы их. О количестве улова можно отчасти судить из следующего. В Сухуме случается, что рыболовы на небольшой лодке, одною наметкою в одно утро налавливают до семи пуд сельдей; в укр.Гаграх в феврале 1865 г. тремя рабочими на небольшой лодке, двумя наметками было наловлено сельдей столько, что ими была нагружена кочерма, вмещающая до 700 пуд просоленных сельдей, а кроме того часть улова была распродана жителям укр. Гагр. Употребляемые для ловли сельдей и кефали, - также в большом количестве водящейся у берегов Абхазии, - наметки состоят из круглой сетки, до сажени в диаметре, по окружности которой привешено много небольших свинцовых грузиков. Для накидывания этой сетки на плывущую рыбу, она свертывается таким образом, чтобы

брошенная могла снова развернуться на воздухе в круг; помощию привешенных грузиков круглая сетка равномерно опускается в воду; в сетке продета веревка таким образом, что она затягивает ее при вытаскивании из воды. Подобными наметками ловят рыбу с лодок и с берегов, когда рыба подходит для метания икры или гонимые большими стадами бакланов; при этом случается, что кефаль в большом количестве выскакивает на самый берег. Для ловли камбулы, солдата прибрежных мест, занятых русскими расставляют прямоугольные сети, у которых по одной из длинных сторон привешены грузы, а по соответствующей другой деревянные поплавки; в этих сетях камбула запутывается спинными иглами, а также чешуею. Подобными сетями ставливается иногда в один постав столько камбулы, что ее хватает на борщ целой роты, штук до 10 и более. В сети для ловли камбулы попадаются иногда и дельфины, водящиеся в огромном количестве у берегов Абхазии. Более тридцати небольших турецких кочерм ежегодно приходят в укр. Пицунды - для ловли дельфинов, жиром которых нагружаются кочермы.

Турки, для охоты за дельфинами, на небольших лодочках выезжают из Пицунд в открытое море на высоту пицундского мыса и устья р. Бзыби, где эти животные обыкновенно приходят в большом количестве, целыми стадами. В хорошую погоду дельфины держатся почти на поверхности воды, причем когда они плывут, то по временам выскакивают из воды и, описав в воздухе небольшую дугу, снова затем погружаются в воду. Пользуясь этими привычками дельфинов, турки бьют их из ружей дробью, причем достаточно одной попавшей дробинки, чтобы убить дельфина. Убитый дельфин очень недолгое время держится на поверхности воды. и в это время ловцы стараются подъехать к убитому, чтобы успеть втащить его в лодку, до погружения ко дну. Иногда охотятся на них и другим способом: длинною сетью обхватывают пространство, где проходит стадо дельфинов, и с небольших лодок баграми бьют остановленных сетью.

Результат летнего убоя дельфинов в укр. Пицундах составляет не менее 3000 пуд. жира, причем на месте пуд жиру продается не менее как за три р. с.

Близ берегов Абхазии водится множество нырков (порода птиц), шкурки которых с хорошим пухом очень красивы и имеют большой сбыт в Турцию, где их обделывают и употребляют для подбивки теплой одежды и для обшивок.

В реках Абхазии водятся в большом количестве форель и лось-форель, так что лов рыбы в хозяйствах, прилежащих к рекам и речкам, может давать хорошие доходы.

В небольших озерах близ укр. Пицунд водятся в огромном количестве карпы, называемые здесь сазанами.

Влияние пересеченной местности отразилось и в сложении абхазцев - они великолепные ходоки и отличные стрелки, но в наездничестве уступают другим горцам. Одежда их сходна с черкесскою, но черкеска короче; башлык они не обвязывают около шапки, как делали другие горцы, но оставляет концы распущенными.

Абхазцы постоянно бывают в вооружении, причем ружье в бурочном чехле висит на ремне через плечо; откинув левою рукою чехол с приклада, горец ловко правою рукою вынимает ружье из чехла. В местах лесистых абхазцы ходят с цалдами, т.е. с небольшими топорами, надетыми на длинную рукоятку, которыми они расчищают тропинки в лесах, заросших колючкой.

Сложение абхазцев по преимуществу костистое, рост средний; в резких чертах лица проглядывает веселость, в общем быстрота движений; они незнакомы по конструкции и образу жизни с буйволинным спокойствием. У большинства цвет лица и всего тела смуглый - от солнца и дымных саклей. Волосы на голове жестки, редки и обыкновенно спутаны. Большинство бреет волосы на голове... Для нас, русских, заметно однообразие в физиономиях абхазцев, особенно принадлежащих к низшим сословиям; тоже заметно и в самом складе их тела: в росте и в степени полноты рук и ног. Однообразие в жизни и деятельности абхазцев отражается и на домашнем скоте: овцы по преимуществу с шерстью черного цвета, очень редко с серою и еще реже с белою шерстью. Впрочем, влияние чуждых племен отразилось частию и на абхазцах; между ними даже встречаются лица чисто славянского типа...

Далеко не полную картину богатства природы Абхазии представили мы в своих очерках; но силы земли, богатство

производительности почвы и свойства ее далеко не исследованы. Все береговое пространство земли представляет полную возможность развития здесь до цветущего состояния виноделия, разведения шелковичных червей и хлопчатника. В «Опыте медицинской географии Кавказа» (стр. 318-323) доктор Торопов прекрасно охарактеризовал силу растительности и ее разнообразие во всем западном Закавказье и прибрежье Черного моря, представляющей флору большей части Европы и Азии. Dubois de Monpereux в своем соч. Voyage autor du Caucase ches les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide etc. Выражает удивление насчет растительности Закавказья, особенно западных его частей. Гакстагаузен и другие путешественники и исследователи также сознавали силу и богатство растительности этих местностей. «Растительная сила здесь по всему берегу, по южную сторону кавказского хребта, так велика, что трудно определить, до каких размеров достигнет тут современная культура, - когда этою силою овладеет вполне человек. Можно только сказать одно, что теперь недалеко то время, когда край этот опять станет для грядущих поколений прежнею Колхидой и притом опять с золотым руном» (Торопов, стр. 322).

Горы и горные долины богаты лесом и лугами, представляющими возможность разведения обширных стад овец, баранов и коз. Богатства низменностей и горных мест, собранные на небольшом пространстве, составляют залог развития торговли, для взаимного обмена разнообразных местных произведений. Недалеко же за хребтом находятся плодородные предгорья Кавказа и расстилаются производительнейшие степи кубанские и ставропольские; хлебное богатство этих мест составляет новый элемент для торговли с жителями прибрежья, где многие промыслы, как напр. рыбный, развитие шелковичных червей и хлопчатника, виноделие и др. имеют все данные для развития; При благоприятных обстоятельствах прибрежье может сделаться широким торговым путем Европы с Кавказом. Производительность северо-восточного прибрежья Черного моря может идти вместе рука об руку, с производительностью южного берега Крыма и если этот берег пользуется славою прекрасного и богатого края, то

нельзя отнять того же значения и от северо-восточного прибрежья; необходимо только участие испытующего ума и знаний, чтобы разумно направить производительные силы природы на пользу и богатство человека. Еще до Р.Хр. берега Черного моря. занятые греками, представляли ряд цветущих колоний; до сих пор здесь сохранились следы довольно высокой степени цивилизации греков; многие из сооружений, относимых к началу VI века, сохранились и до сих пор, как напр. драндская церковь и пицундский храм; другие же сооружения, как напр. небольшая церковь, на высотах близ берега, на половине баркасного пути из Гадаут в Пицунды, гагрская церковь, церковь недалеко от мыса адлерского, а также небольшая церковь при выходе из гор р.Бзыби и монастырь над каскадом р. Мечищи - лежат теперь в развалинах. Близ р. Псырсты, на возвышенностях сохранились следы водопровода с одной горы на другую, водопровод в укр. Пицунды уцелел вполне до настоящего времени и снабжает жителей укрепления хорошей водой. Описание развалин и следов, оставшихся со времен греческих колоний, может составить отдельную статью; в предлагаемых же очерках скажем об одной замечательной постройке, должно полагать - монастыре, находящемся под каскадом р. Мечищи. Мечища, по предположениям, составляет рукав р.Бзыби и, пробиваясь под горами, с шумом ниспадает каскадом по скалам. Над каскадом, саженях в 50 или 60, горы образуют впадину; здесь же находится монастырь, передняя стена которого, составляя как бы продолжение склонов гор, имеет три яруса окон и в уровень с нижним ярусом их небольшую дверь. К сожалению, пробраться во внутрь этой постройки не было никакой возможности, так как площадка между основанием стены и обрывом так узка, что с трудом можно проходить здесь, держась за ветви; установить же бревно одним концом в землю площадки, а другим упереть в косяк двери; чтобы пролезть по бревну, не было никакой возможности, хотя основание двери находится от площадки в расстоянии менее одной сажени,

Недалеко от входа в ущелье р. Бзыб и упомянутых развалин древней церкви, по рассказам абхазцев, существует довольно большая пещера; в ней находится камень с высеченным углублением в виде чаши, из которой течет вода. Абхазцы называют этот источник воды Ахалыч-дза (камень-вода).

В средние века генуэзцы исследовали места греческих колоний и вели торговлю с внутреннею Азиею и с горскими жителями, сохранившими до выселения память о генуэзцах, - называемых «Игеноах», которые снабжали их хорошим оружием, переходившим из рода в род и сохранившимся частью до настоящего времени. Абхазцы приписывают генуэзцам постройку моста чрез реку Бзыбь в ущелье, который они называют «Владетель». По рассказам абхазцев, мост этот переброшен с одной стороны ущелья на другую на высоте, от земли на ружейный выстрел (300 сажен) и имеет длины семь сажен. По этому мосту, по свидетельству абхазцев, был главный переход горцев чрез р.Бзыб. После цветущего состояния северо-восточного прибрежья Черного моря во времена греческих и генуэзских колоний в XVI столетии наступает упадок развившейся здесь цивилизации, приведшей к тому состоянию, в котором русские застали этот край с выселением горцев, тот край, где по выражению Форстера, «была колыбель юного человечества, где люди, не осужденные на рабство, наслаждались правами свободных существ, где не платили они трудом и истощением за право жизни».

VI

Из предыдущих очерков жизни как русских, на северо-восточном прибрежье Черного моря, так и абхазцев видим, что представленные собственным средствам, ни русский, ни абхазский элементы не имеют возможности преодолеть местных - топографических и климатических - условий, чтобы создать на прибрежье жизнь, соответственную тому большому значению, которое имеет северо-восточный берег Черного моря для развития культуры как на юго-западных склонах Кавказского хребта, так и в соприкасающихся в интересах торговли и цивилизации местностях, лежащих на северных склонах Кавказа и на его предгориях: кубанской области и ставропольской губернии. Разрешение существенно важного вопроса в развитии всего Западного Кавказа сводится на проведение здесь хороших дорог в главных направлениях. Эти главные направления дорог определяются следующими условиями:

1) Необходимо в интересах торговли и развития промышленности соединение дорогою богатых хлебом и производительностью почвы северных предгорий и склонов Кавказа, чрез хребет, с одним из прибрежных пунктов северо-восточного берега Черного моря. Этот путь удовлетворит потребности сношения закавказских колонизаторов с русскими областями на северных склонах к предгорьях Кавказа, и будет мирным путем споспешествовать к лучшему устройству взаимных сношений русских с туземцами и к взаимной племенной выработке столкнувшихся историческим путем народностей.

2) В интересах новых поселенцев, переваливших через хребет Кавказских гор, в интересах этих начатков земского движения русского племени в Закавказье - необходим хороший путь вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря из коренных русских областей и

3) необходимо продолжение берегового земского пути в направлении к одному из более важных торговых и административных пунктов закавказского края. Этим путем в прямое соприкосновение с русской жизнью и с русским земледелием будут поставлены населения Абхазии и Цебельды, Сванетии, Мингрелии и т.д. Эти пути по справедливости могут быть названы земскими путями движения русской народности; Военно-Грузинская же дорога составляет до сих пор путь административный и военный, но в значении ее нет элемента жизненного земского, которым бы соприкасалась русская жизнь с Закавказьем; этим путем не перешло в Закавказье даже русское землевладение. или вернее - влияние его слабо. Нормальный путь движения русской народности с северо-запада, где уже русское землевладение перевалило через Кавказский хребет; ведет к тому естественному столкновению народностей, при котором не физическая сила и инстинкт, а разум и знания организуют новые колонии, где при прочности их существования, вырабатываются истинно человеческие отношения между встретившимися племенами, и путем слияния аборигенов с колонизаторами улучшается раса, так как хорошие качества одного племени переходят в кровь следующего поколения. Рядом с уже существующим широким и богатым торговым

путем - Черным морем, по северным берегам которого уже развилась до заметной степени русская цивилизация, проведение нового пути в Закавказье с северо-запада получает огромное значение для колонизаторского влияния России.

Что касается до пункта северо-восточного берега Черного моря, как главного центра всех трех направлений дорог Западного Кавказа, то выбор его определяется главным образом теми условиями, чтобы он был по возможности в средине протяжения всего берега и имел хорошую бухту, для устройства удобного порта. Таким условием наиболее удовлетворяет г. Сухум. В этом мнении сходится большинство русских и иностранных моряков, плававших вдоль восточных берегов Черного моря. Подробное описание сухумской бухты с проектом порта помещено в № 4 «Морского сборника» 1864 г., в статье г. Шаврова. Защищенная по своему положению от господствующее ветров, сухумская бухта; - с принятием некоторых предохранительных мер для безопасности стоянки судов, напр. с положением постоянных якорей и с устройством хорошей пристани, - может временно удовлетворять большим коммерческим предприятиям. Сухумская бухта, никогда не замерзая, отличается глубиною: дно мелкое от берега круто понижается, так что к существующей небольшой деревянной пристани, выдающейся в море не более как на 3 сажени, могут приставать небольшие коммерческие пароходы. В настоящее время существование города Сухума как в торговом, так и в промышленном отношениях обусловливается пребыванием здесь нескольких батальонов войск, потребности же абхазцев весьма невелики, так что для них нет необходимости в торговых центрах. Во время турецкого владычества на прибрежье Сухум был довольно большим городом, имел до шести тысяч жителей и назывался у турков вторым Истамбулом. Нет сомнения, что Сухуму, с проложением от него хороших дорог, предстоит хорошая будущность большого торгового центра.. Ожидания проложения дороги из Сухума чрез Кавказский хребет существуют давно. Так, автор «Статистического описания Кутаисской губернии» говорит: «с улучшением превосходного от природы рейда, с проложением удобных путей сообщения во внутрь Кавказского края и в особенности, если осуществится предположение провести чрез горы прямое

сообщение с Пятигорском, - Сухум со временем, по всей вероятности, достигнет весьма важного торгового значения» (стр. 287).

Мысль о проведении дороги из Сухума через главный хребет существовала еще в то время, когда владетелем Абхазии был Дмитрий. готовый, по преданиям, всеми средствами споспешествовать русским в этом важном предприятии, возбуждавшем фанатизм многих в Абхазии.

Насколько имеется данных, представим выгоды предполагаемых трех главных направлений дорог западного Кавказа.

Не имея фактов для решения вопроса: возможно ли инициативою и средствами торговых людей и капиталистов кубанской области и ставропольской губернии провести дорогу через западную часть Кавказского хребта, мы склоняемся к сознанию необходимости инициативы правительства в этом деле, весьма важном в политическом, стратегическом, земском, торговом и промышленном отношениях. Разработка дороги из Сухума к верховьям р. Бзыби в 1864 г. соединенными отрядами Псхувскнм и Ахчипсхувским, а также проложение в 1862 и 1863 годах тропы на Марух составляют первые приступы к разрешению вопроса о соединении г. Сухума с богатыми предгориями Кавказа. Предположения 1864 г. о проложении дороги из Сухума через Кавказский хребет не могли вполне осуществиться вследствие скорого снятия рабочих отрядов войск, часть которых перешла на работы полотна закавказской железной дороги, от Поти до Тифлиса. Как Поти составляет порт для сношения закавказского края с западною Европою, так точно и г. Сухум может быть портом для сношения русских областей северного Кавказа с западною Европою, через что и русское племя получит возможность воспользоваться выгодами этих сношений. Сознавая важное значение закавказской железной дорога, мы к этому сознанию присоединяем мысль и убеждение, что и русскому племени необходимо воспользоваться существенным пособием для своего культурного развития путем торговым и промышленным. Народ русский влиянием историческим более подготовлен к развитию цивилизации и требует меньшей затраты сил и труда для поднятия уровня ее

до степени самостоятельного развития торговли и промышленности, чем народонаселение закавказского края, развитие которого поставлено в прямую зависимость от состояния цивилизации России. Влияние России на закавказский край и на прилежащие части Азии будет тем сильнее, чем более будет предоставлено русскому элементу средств к саморазвитию. Жизненное столкновение русской народности путем чрез западную часть Кавказского хребта с жителями Абхазии и Цебелъды и последовательно с другими племенами закавказского края, расположенными по возрастающим степеням их политического значения, первоначально приведет к прочному и скорому утверждению русской жизни в богатом крае северо-восточного прибрежья Черного моря и затем она распространится и далее в Закавказье. При том сильном племенном влиянии, которое может иметь Россия, - пользуясь Черным морем и богатым краем, западным Кавказом, абхазское племя вряд ли сохранит настоящие формы более двух поколений. Сравнительно исторические доказательства такого предположения находим в истории столкновения русских с татарами. Кастрен, путешествуя по Сибири, около Красноярска видел деревню ясачных. Жители здесь не знают другою языка кроме русского, но выдают себя за потомков качинских татар, и один из стариков говорил, что отец его был совершенным татарином. Таких исторических примеров мною, - они подтверждают тот естественный закон племенной борьбы, по которому народности воспринимают друг от друга лучшие формы жизни и взаимно совершенствуются, если самое столкновение народностей следует разумным мирным путем; и плакаться на этот закон движения национальностей нельзя, как невозможно восставать против законов природы и жизни людских обществ. Увеличение влияния России на Абхазию в последнее время видно из сообщенного «Северной Почтою» и перепечатанного в № 78 «Кавказа» известия о принятии христианства дальским князем Алмахситом Маршани и абхазским князем Соулахом Инал-ипа; но предоставленная лишь военному и административному влиянию Абхазия долгое время будет требовать излишних расходов для поддержания военного управления страною и даже, быть может, -экстренных издержек сил и средств на обладание

северо-восточным прибрежьем Черного моря. Все сказанное определит политическое значение дороги через западную часть Кавказского хребта, предоставляющего русскому племени возможность наивыгоднейшего земского влияния на северо-восточное прибрежье Черного моря и далее на весь закавказский край. В стратегическом отношении западный путь через Кавказский хребет дает возможность наступательных движений наших войск со стороны Абхазии, при военных действиях в закавказском крае, и предоставляет выгоды сохранения влияния России на прибрежье даже в случае оставления занятых в настоящее время береговых пунктов. Определить с надлежащей точностью, цифрами, значение западного пути чрез Кавказский хребет в торговом отношении весьма трудно. Можно только сказать, что богатства естественной производительности закубанского края, а также и самого хребта гор, при благоприятном выборе порта, дадут возможность обильного сбыта сырых произведений за границу, при относительно небольшом фрахте на г. Сухум. сравнительно с другими портами Черного и Азовского морей; притом г. Сухум, при исполнении предположений о проведении дороги через западную часть Казказского хребта, может иметь свой торговый район по преимуществу в Малой Азии. Среднее расстояние для провозки хлебных продуктов со стороны северных склонов Кавказского хребта, едва превысит 250 или 300 верст, что обуславливает невысокую отпускную цену произведений земли, при обилии и дешевизне их в этих местах. С развитием торговли, при богатстве сырых материалов, в Северном Кавказе легко может возникнуть обрабатывающая, мануфактурная промышленность; между тем как при отсутствии сбыта для сырых продуктов и удобных путей сообщений всякий род такой промышленности осужден на полный застой, и дальше культуры земледельческой народонаселение не может идти; притом самое земледелие останется при грубых способах обработки, так как земледельцам нет интереса в приложении улучшений, когда почва и так с избытком вознаграждает труды, а цены на продукты земледелия за отсутствием сбыта – стоят низко.

Из Сухума проходят две тропы через Кавказский хребет: одна идет через р. Гумисту и перевал Доу к верховьям р. Бзыби и далее на перевал Абхырц и другая тропа через укр. Цебельдинское на перевал к р. Марух, впадающей в р. Зеленчук. По этим двум направлениям разрабатывались дороги к перевалам, но оценить выгоды того и другого направления в настоящее время трудно, так как в этой оценке весьма важное значение имеют топографические условия, хорошо неисследованные.

Береговой путь от Тамани или другого пункта, лежащего на берегу Черного или Азовского морей, продолженный из Сухума, есть путь для движения русской колонизации в закавказском крае вдоль берегов Черного моря; этот путь составит продолжение разрабатываемой военно-сухумской дороги из Кутаиса. Окончание военно-сухумской дороги с нетерпением ожидается, так как кроме военного значения дорога эта имеет и больше торговое значение, особенно до окончания постройки закавказской железной дороги. Постройка лишь временного порта в Поти сохраняет значение такого пункта, как Сухум, расположенного при удобной бухте. Ряд дорог, проложенных как к Поти, так и к Сухуму, в дальнейшем определит значение обоих, при полной возможности совместного их существования, так как торговые районы их различны.

Топографические условия местности вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря, почти на всем протяжении пути из Новороссийска в г.Сухум, не представляют сравнительно с другими направлениями, больших трудностей для проложения дороги, - таких, для преодоления которых пришлось бы жертвовать большими капиталами; даже и вдоль хребта гагрских гор, наиболее возвышенных на прибрежье, разработка дороги не представит больших затруднений, что можно заключить также на основании опыта проложения тропы из укр.Гагр к устью р.Хошупсе в 1864 году, по прибрежным возвышенностям.

Из Сухума в нескольких направлениях разрабатывались дороги: на Кутаис, на Марух чрез укр.Цебельдинское и к

верховьям р.Бзыби. Наблюдение за ходом разработки этих дорог приводит к убеждению в необходимости исполнения следующих условий при разработке дорог войсками: 1)после трассировки в избранном направлении настойчивое следование в дальнейших работах тому же направлению, 2)положение прочного начала делу от избранного пункта и затем постепенное продвижение разработки вперед; 3) безотлагательное шоссирование проделанного участка и не передвижение рабочих вперед ранее исполнения начисто работ в прежнем участке; 4) постройка каменных мостов и 5) назначение заведывающего работами в виде комиссара, обязанного в определенные сроки отдавать публичный отчет о ходе работ, как это делается при постройке правительством железных дорог в России, причем мы встречаем в периодических изданиях обстоятельные отчеты о ходе постройки их. Неисполнение этих условий влечет за собою обыкновенно полную неудачу самого предприятия, на что можно привести много примеров. К сожалению, в настоящее время нам нет возможности входить в подробный разбор причин, приведших к категорическому определению условий, для возможности удачи в таком важном предприятии, как постройка дороги на Кавказе.

Обратимся к соображениям касательно суммы, потребной для проложения каждой версты дороги в направлении от Сухума к верховьям р. Бзыби. Мы не имеем точных данных, чтобы составить вполне верную смету для каждой версты дороги, но руководствуясь высочайше утвержденным урочным положением и фактами, собранными на месте представляем приблизительный расчет стоимости каждой версты дороги, причем принята профиль, выведенная из измерений, сделанных на наиболее крутых местах, по которым проходит разрабатывающаяся в 1864 г. дорога к верховьям р. Бзыби. Из 20 измеренных профилей, при 21 ф. ширины дороги, средняя вышла 171,5 кв. фут, следовательно выемка на версту будет 171,5.500,7= 600.250 куб. ф. При девятичасовой работе в день и при успехе работы 10 куб. ф. в час выходит: 150 человек произведут выемку земли на протяжении версты дороги, до следующей профили, в 45 дней;

600,250 : 150.9,10 = 44,46 дня, - принимаем 45 дней (150 принято, как число рабочих, которое может выставить рота).

Для шоссирования дороги придется пользоваться известняком и гравием находящимися по всему пути. Толщину засыпки щебня принимаем 3/4 фута, которого на одну версту потребуется 3/4·21.3500 = 55.125 куб.ф. или около 160 куб. саж. Для получения 160 куб. саж. щебня потребно 145 куб. саж. крупного камня, для разбивки которого в щебень 150 человекам необходимо 11 дней, а для развозки и рассыпки 2 дня. И так для разработки версты дороги одною ротою потребно 58 дней; в расчетах дальнейших примем 60 дней.

Так как при рабочих, выставляемых ротою, находятся нижние чины, не принимающие прямою участия в работе. то включая и их в расчет при вычислении ценности полотна дороги, принимаем в роте 200 чел. Полагая на каждого из участвующих в работе нижних чинов роты по 10 коп. в рабочий день, сверх получаемого содержания, получилось, что за каждую проделанную версту дороги роте следует 200.60.10 = 1200 руб. сер. Полагая еще за каждую версту, разработанную ротой, трем офицерам, состоящим при ней 150 р., инженеру, заведывающему работами по 50 р. от версты, находим, что стоимость версты полотна дороги равняется 1400 р.с. При каждой роте необходимо иметь транспорт из двух пар лошадей с повозками, на содержание первых и на ремонт последних во время разработки версты дороги можно положить 100 руб., тогда стоимость версты будет 1500 р.с. Работа каменных мостов также не потребует больших сумм. Стоимость каменной кладки рассчитываем по следующим данным. Турки и греки занимающиеся каменною кладкою в г.Сухум, от погонной сажени стены, высотою две саж. и толщиною в 1 аршин, берут 13 р. сер., с доставкою на место кладки необходимых материалов, причем каменоломня находится версты за две от города и везти потребные материалы приходится по очень дурной дороге, так что повозка может сделать в день только два и много три конца.

Сделаем приблизительный расчет стоимости каменных работ моста с 10 пролетами в 2,5 каждый, по длине моста в 30

саж., при ширине 3 саж., при толщине 1 арш., при высоте устоев 2 саж. и толщиной их 1,5 арш. Стоимость устоев, число которых будет 11 выйдет: 1.3.1,5.13 = 643 р. 50 к. Стоимость полотна будет 30.1/2.13 = 585. Итого стоимость моста выходит 1.228 р. 50 к. с.

Турки и греки при постройке домов в г. Сухуме употребляют для кладки стен нетесаный камень, пользуясь очень хорошей известью; но принимая в расчет, что постройка мостов должна быть из тесаного камня, удвоим выделенную ценность мостов получим 2.457 р.; эта сумма не может много разниться от настоящей, потребной на постройку мостов через р. Гумисту и Бзыб, через которые проходит дорога так как, если мы и приняли довольно дешевую оценку моста в 30 саж., то все-таки, при потребных в действительности мостах на означенных реках, не превышающих ширину и 25 саженей, выведенная цифра стоимости каждого в 2.457 - будет довольно верно выражать действительную цену их и вернее превысит ее, чем будет менее настоящей. От г. Сухума до верховьев р. Бзыби до 50 верст; разлагая стоимость двух мостов чрез р.Гумисту и р. Бзыб, равную 2.457 · 2 = 4.914 р.с. на каждую версту дороги, получим 4.914: 50 = 98 р. 28 к., - принимаем 100 рубл. Кроме этого придется строить небольшие мосты на канавах, по которым могла бы направляться вода, стекающая с возвышенностей; полагая по два моста на версту, длиною до 1 саж. и шириною в 3 саж., при высоте устоев 1 саж., найдет, что цена каждого из них до 50 р., а оба обойдутся в 100 р. сер. Итак, общая цена версты дороги будет 1.500+100+100= 1.700 р. Так как местами при разработке дороги придется взрывать скалы, то допускаем удвоенную цену стоимости версты дороги, т.е. до 3.400 р.с.; тогда общая ценность всей дороги из Сухума до верховьев р. Бзыби выйдет: 170.000 р. сер.

С постройкой дороги из Сухума к верховьям Бзыби исключительно возможно заселение прекрасных равнин, которые были заняты горскими обществами Псху и Ахчипсху, и в полное обладание России перейдут местности, которые не входили во владение ни греков, ни генуэзцев. Защищенные самою природою, эти места доставляют возможность в случае

необходимости временного оставления Абхазии и наших немногочисленных войск здесь расположенных, сосредоточиться на прекрасных равнинах верховьев р.Бзыби и сохранить влияние России на Абхазию.

Работы дороги из Сухум до р.Бзыби вследствие климатических условий местности, по которым проходит дорога, могут производиться круглый год и, полагая всего рабочих дней в году 240 находим, что каждая рота рабочего отряда может в год проработать четыре версты, 240:60=4, а для окончания в один год дороги из Сухума до верховьев Бзыби потребно не более 12 рот рабочих, или три батальона, имеющих штаб-квартиры в г.Сухум, за исключением стрелковых рот и необходима одна рота сапер. Для обзаведения хорошим инструментом необходим предварительный расход до 500 р. на каждую роту: предоставляя ротам самим произвести закупку потребного инструмента, можно поручиться, что они, находясь под контролем заведывающего работами, приобретут хороший инструмент в Одессе.

Прочно утвердившись на верховьях р. Бзыби с заселением местностей оставленных обществами Псху и Ахчипхсу, будет исполнена часть задачи прочного утверждения русских в Абхазии и будет положено хорошее начало для развития жизни в местностях по юго-западным склонам кавказского хребта и на богатом северо-восточном прибрежье Черного моря. С прочным утверждением в Псху возможна дальнейшая разработка дороги на перевал через главный хребет. Мысль о проложении земского торгового и промышленного пути через западную часть Кавказа, вероятно найдет полное сочувствие в жителях местностей северных склонов Кавказа, и окажутся средства для весьма выгодного экономического предприятия; одновременного проложения дороги из Сухума к перевалу Абхырц и навстречу дороги из Ставрополя или Пятигорска к Сухуму.

Газ. «Кавказ», 1866 г.
№№70, 72, 74, 76, 77, 80, 81 .

РАСПОРЯЖЕНИЯ ВОЙСКОВОГО НАЧАЛЬСТВА

Приказ по Кубанскому казачьему войску от 21 января 1867 года, №11

Во время беспорядков, происшедших в Абхазии в июле месяце прошлого, 1866 года, одна сотня 7-го конного полка Кубанского казачьего войска, находившаяся в сел. Лыхнах, не имея возможности противостоять несколько тысячной массе неприятеля, была им разбита, но остатки казаков нашли убежище в одном полуразрушенном каменном доме. Вечером того же дня, когда возмутившиеся абхазцы прекратили свои нападения, казак станицы Новомышастовской Сафрон Труш, спасавшийся в свою очередь особо от других за церковною оградой в бурьяне, понимая всю невыгодность положения своих собратий, избравших местом защиты упомянутое здание, где они при возобновлении нападения на следующее утро, могли бы неминуемо погибнуть все и, в этих соображениях, презирая собственную опасность вышел из ограды и, пробравшись к сказанному дому, предложил товарищам занять более надежное место защиты - церковь, уверяя их в возможности прохода туда и получив согласие, отправился вперед, отперев двери с помощью кинжала и затем возвратившись к спасающимся с известием о растворе дверей, перевел их в церковь, где и остались вне опасности до освобождения.

Казак Труш, за благородный и вместе с тем отважный поступок, сопряженный с явной опасностью для собственной жизни, которому обязаны спасением более 30 человек, главным начальством в Абхазии награжден на месте знаком отличия военного ордена св. Георгия. - Находя же справедливым со своей стороны поощрить благоразумие, находчивость и самоотвержение казака Труша, я произвожу его в урядники и делаю об этом известным по Кубанскому казачьему войску для общей известности с тем, чтобы приказ этот был прочтен в сотнях, ротах, батареях и на станичных сборах.

Подлинный подписал: Наказный атаман, генерал-адъютант, граф Сумароков-Эльстон

Газ. «Кубанские войсковые ведомости», Екатеринодар, 1867 г., №4.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АБХАЗЦЕВ»

В настоящее время совершается абхазцами последняя расплата за произведенное ими в 1866 году возмущение; часть этого племени должна выселиться из своих гор. Еще в то время, когда происходило выселение черкесских племен, пишут в газете «Кавказ», некоторые полагали, что вместе с ними следовало бы выселить и абхазцев; что племя это, несмотря на плодородие и прекрасное географические положение обитаемой им земли, не сумеет воспользоваться богатыми дарами природы; что оно мало склонно к восприятию цивилизации; что между абхазцами заметно сильное влияние турок и нередко враждебность к России и, наконец, что они владеют горными ущельями, живут в малодоступных местах и, в случае войны могут затруднять сообщения северных и южных склонов Кавказа и, несмотря на свою малочисленность, быть весьма вредными. В то время не было признано полезным привести в исполнение эту мысль, но последнее возмущение в Абхазии дало ей новую силу. В нынешнем годе состоялось окончательное решение. Безусловно признано нужным выселить во-первых, людей, живущих в замкнутых горных долинах и ущельях в Цебельде, Далах, в некоторых ущельях Пицундского и Драндского округов, и затем лиц, чем-либо замешанных в бывших беспорядках в Бзыбском округе. Кроме Цебельдинского и Дальского обществ, предположено выселить триста семейств Пицундского и девятьсот Драндского округов, да кроме того некоторых горных жителей поселить деревнями на равнинах. Переселение уже началось, и в трех указанных приморских пунктах с начала весны происходит переселение абхазцев. Количество желающих воспользоваться переселением очень велико, но размеры эмиграции в Турцию были определены заранее и, когда переселение начало превосходить предложенную правительством цифру, оно было приостановлено.

Газ. «Московские ведомости», 1867 г., №130

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ АБХАЗИИ»

Из Абхазии. Еще во время выселения горцев Западного Кавказа, в 1864 году, некоторые полагали, что вместе с ними следовало бы выселить и абхазцев...

Против этого было говорено много, и абхазцы остались. Нет сомнения, что малочисленное, своеобразное племя это не могло существовать самобытно, и в более или менее отдаленном будущем должно было слиться с народом цивилизованным, но при недостаточном влиянии русской народности и цивилизации при фанатическом настроении умов, это влияние могло бы произойти в весьма отдаленное время, а до того при благоприятных обстоятельствах и особенно во время войны, они могли бы нам наделать много хлопот.

Поэтому после возмущения в бзыбском округе, в июле и августе 1866 года, мысль о выселении абхазцев опять пошла в ход. Месяца два тому назад им было объявлено, чего ожидает от них правительство, и лицам не соглашающимся на предъявленные требования, предложено выселяться куда им угодно. Безусловно признано нужным выселить во-первых, людей, живущих в замкнутых горных долинах и ущельях в Цебельде и Дале, в некоторых ущельях пицундского и драндского округов и затем лиц, чем-либо замешанных в бывших беспорядках в бзыбском округе. Цифра людей, долженствовавших быть выселенными, была приблизительно обозначена вперед, и когда переселение начало было достигать выше ее, то оно было остановлено.

Кроме цебельдинского и дальского обществ, насколько известно, предложено выселить триста семейств пицундского и девятьсот драндского округов, да кроме того некоторых горных жителей поселить деревнями на равнинах. Переселение уже началось, и к трем указанным приморским пунктам потянулись нагруженные ... лошади, ослы, быки и за ними понурившие головы жители. Распродажа имуществ на берегу напоминает картины, виденные нами при выселении абадзехов, джигетов и пр.; но некоторые сцены были и своеобразны. Так напр., нередко случается, что один брат идет выселяться, а другой остается; старик-отец, убежденный, что путешествие в

Мекку избавит его от всех прошлых грехов, забирает с собою ценные вещи и уходит, а детей убеждает остаться. Многие крестьяне желают уйти, а помещики остаться... Без сомнения, хотя абхазцы и не очень чувствительны, но разъединение и разлука навсегда стольких семейств не могла не вызвать многих патетических сцен и драм, чего не было при выселении других горцев.

Мне рассказывали и даже о кровавой трагедии, случившейся в шести верстах от Сухум-Кале, в приморском местечке и пункте выселении - Келассури. Выселялся старик отец с семейством, в котором взрослая дочь. Эта дочь была просватана за молодого абхазца, не желавшего уезжать и оставшегося на родине. Старик не отдает дочери и говорит - пойдем с нами, и в Турции возьмешь ее. Молодой не соглашается, и спор дошел до того, что жених вынул пистолет и убил наповал своего предполагаемого тестя. Но он не успел увести дочь - родственник старика заколол его кинжалом...

Газ. «Кавказ», 1867 г., №40

СТАТЬЯ «ГОРЦЫ АБАЗИНСКОГО ПЛЕМЕНИ»

Абазинское племя состоит из обществ: Бабук, Баракай, Кызылбек, Багой, Шагирей, Там, Башилбай и аулов: Лау, Дударуко, Клыч и других, находящихся в бывшем Баталпашинском участке* , верхней части Кубанской кордонной линии; кроме того, из аулов Джантемировых, живущих в Большой Кабарде. Бабуковцы прежде составляли большую часть абазинского племени и, живши в наших пределах, постоянно скрывали у себя непокорных горцев, с которыми, впрочем, и сами участвовали в набегах и грабежах. За это большую часть их выслали в Россию. Ныне бабуковцы составляют один аул,

---

** Участок этот начинается от Хумаринского укрепления и простирался до станицы Невиномысской. углубляясь к Пятигорску на 45 верст*

на реке Подкумке, в восьми верстах выше Георгиевска; они почти все казаки казачьего линейного войска. Общества Баракай, Кызылбек, Багой и Шагирей принесли покорность России в 1834-1835 году; из них первые в 1838 году, а последние в 1839 году переходили на сторону непокорных в числе 2000 душ. В этих обществах - по одному аулу того же названия, кроме кызылбековцев, у которых два аула. Они расположены по вершинам Губс, Ходз, большой и малой Лабы и у подножия Снеговых гор.

У баракаевцев аул Лохов с 850 душами жителей. У кызылбековцев два аула за Лабой, по верховью реки Лабрюн, жителей 450 душ. У багоевцев аул Шамшева; у шагиреевцев Цикашева; в обоих жителей 1100 душ.

Тамовское общество обитает по правую сторону Лабы, выше бывшего Ахметовского укрепления; аулы Зарумова с 550 жителей. Башилбаевцы живут между верховьями Урупа и Большого Зеленчука и Кефард. Это общество считалось прежде многочисленным, состояло из пяти аулов и имело до 2000 жителей. Аулы дударуковых, клычевых и бибердовых расположены на левом берегу Кубани, против станицы Баталпашинской; принесли покорность в 1828 г., жителей до 2000 душ. Аул лоовых принес покорность в 1828 г., поселен на левом берегу Кубани, на реке Теберде, против бывшего укрепления Хумогриншаго. Жителей до 300 душ*. Аул джантермировых в Большой Кабарде. Во всем абазинском племени не более 10.000 душ. Старожилы говорят, что они приняли присягу лет сто назад. Пространство, занимаемое абазинским племенем, находится между Черными горами и Снеговым хребтом с их глубокими ущельями, где струятся те ручейки и источники, которые образуют Лабу с ее притоками Ходз, Гупс и Псефир, реку Уруп и Большой Зеленчук. Хотя Снеговой хребет и недалеко, но климат нельзя назвать суровым; есть места, где не только растет трава, но и поспевает кукуруза и пшено в таком количестве, что достает

**У Лоовых есть еще три аула, заселенных ногайцами и находящихся на правом берегу Кубани, в 14-ти верстах от Баталпашинска, в Тохтамышском ауле. вверх по реке между горою Учкул и Далегуспинской балкой и на Куме. Жителей до 1600 душ.*

для людей и скота. Есть лес лиственный и хвойный, где летом скрывается много зверей, которые зимою рыщут в степях.

В 1843 году было укрепление Надежинское при слиянии рек Бежуна и Кефара*. Абазинцы прежде жили на восточном берегу Черного моря, вместе с другими племенами, и происходят от абхазцев, живших в нынешних местах, вероятно до рождества Христова; в 550 году по р.х. они были покорены византийцами. Недостаток ли земли или притеснение соседей заставили часть абхазцев перейти кавказский хребет и поселиться в верховьях Кубани и Белой. Слился ли этот народ с другими племенами или, живши в неприступных местах не показывался соседям до XVII столетия нет положительных сведений**. В XVII столетии кабардинцы подчинили их своей власти и держали в зависимости более ста лет. Это иго было причиною уменьшения абазинцев, которые много переняли от своих поработителей и изменили свой характер от нового образа жизни, обычаев, религии, свое же многое утратили и даже христианскую религию***, которую исповедовали еще на восточном берегу Черного моря и при переходе чрез Кавказский хребет, что подтверждают развалины христианских храмов. Народонаселение абазинцев уменьшилось еще во время чумы в 1804 году.

Когда сила и могущество кабардинцев стали ослабевать от набегов чеченцев, бывших до того под их властью, когда русские должны были поднять оружие для наказания их за злодеяния в наших пределах, абазинцы, во второй половине прошлого столетия, по примеру чеченцев, восстали против своих поработителей, сделались независимы и покорились России. Хотя абазинцы не воевали с нами так, как другие горцы, все-таки делали хищничества, за что не раз были наказаны. До последних событий на Кавказе считались вполне покорными

**Из слияния этих рек образуется Зеленчик.*

***Закубанские ногайцы называют абазинцев алты кесек (шесть кусков, колен)*

**** Абхазия, по преданию, просвещена христианством апостолом Андреем Первозванным и Симоном Кананитом в 40 г. по Р. Х.*

только аулы Дударуковых, Лоовых, Клычева и Джантемирова; башилбаевцы хотя присягнули в 1846 году на подданство России, но не были вполне покорными; остальные общества тогда были покорными, когда у нас содержались их аманаты, впрочем они до того были незначительны, что на них не обращали особенного внимания; стоило только покориться воевавшим с нами закубанцам, абазинцы покорялись сами собою.

Прежде у абазинцев не было князей но они имели три сословия: узденей (свободный человек), чагаров (условно обязанный крестьянин) и рабов. Нынешние их князья - или кабардинские или сами себе присвоили этот титул. Можно полагать, что они: быв узденями и приобретя силу и вес в Кабарде, были старшинами в своем обществе; освободившись от власти кабардинцев им щекотливо было наравне с другими абазинцами называться узденями, они и назвались князьями.

Абазинцы имели свой особый язык, не имеющий сходства ни с одним наречием языка адигэ; судя по звукам и трудности выговора, язык абазинский стоит наравне с тавлинским языком. Домашний их быт похож на кабардинский; костюм тоже; пища их из баранины; тот же хантхупс (суп) и вместо хлеба просяная каша. Зимою соленая и вяленая баранина с отличнейшим сотовым медом. Забавы; двухструнная балалайка, песни и сказки, которыми они усыпляют гостя, хотя бы тот ни слова не понимал по-абазински.

Т.М.

Газ. «Иллюстрированная газета».
1867 г., №18

СТАТЬЯ И. ПАНТЮХОВА «О МИФАХ И ПОВЕРЬЯХ ТУЗЕМЦЕВ РИОНСКОЙ ДОЛИНЫ»

С главной цепью Кавказских гор были связаны мифы не только Закавказского края, но и всей западной Азии, а отчасти и древней Греции. Когда, по сказанию легенды, дивы или чины,

населявшие землю до сотворения человека, отвратились от божества, то были изгнаны на Кавказ, где живут и поныне в своих ледяных палатах, а управляющий ими царь имеет свое местопребывание в хрустальном дворце Эльбруса.

По греческим мифам, Прометей за похищение небесного огня был прикован Зевесом к скалам Кавказа. По кавказским сказаниям, этот хребет первый вышел из воды после всемирного потопа, и Ноев ковчег, прежде чем остановился на Арарате, зацепился за Эльбрус и расколол его. В исторические времена, по мнению образованного древнего мира, за Кавказом жили дикие неизвестные народы, гипперборейцы; по корану они называются Гог и Магог, и со временем перейдут Кавказ, убьют правоверных, а благословенные их царства разрушат. Слова Гог и Магог упоминаются несколько раз в откровении св. Иоанна и в Библии.

Из всех народов, населяющих Кавказ только армяне, позже - грузины /иберийцы/ известны в древней истории и сохранили письменные памятники своей исторической жизни, но и у них до сих пор еще нет критической разработки летописей и мифологии, а мифология и предания остальных народов совершенно темны. Однако, насколько известно из отрывочных сведений, сообщаемых различными учеными путешественниками и встречающихся в нашей периодической литературе* мифология народов населяющих Кавказ, заключая в себе некоторые общие стихийные мифы, представляет значительное разнообразие и, может быть, происходит не от одного корня. Так у горских народов преобладают сказания о великанах и гномах /абадзехи/, о духах ущелий и гор /абхазцы/, у армян о сокровищах, скрытых в соседних с Араратом горах, о царице змей, носящей во рту таинственный драгоценный камень**; у грузин представления большею частью имеют героический характер. Нельзя не видеть во всем этом влияния исторической жизни и, может быть еще

** Более важные сведения о мифологии встречаются у Броссе (Histoire de Georgie. S 1849). Дюбуа де Монпере (Voyage autoure du Caucase.Paris 1840), а особенно у Гакстгаузена (Trans-Kaukasia. Leipzig.1856).*

*** Haxfhausen.T. 11. p. 76-80*

более важного влияния - окружающей местности на миросозерцание народа. Пережитое народом и первоначальные мифы так сильно изменяются этими причинами, что подчас нелегко отыскать их первоначальный источник.

Здесь мы коснемся только, насколько нам нужно, миросозерцания жителя рионской долины, заключающей в себе значительно измененные ветви грузинской /имеретины, мингрельцы, гурийцы/ и части абхазской народности. Огражденные с трех сторон высокими горами, а с четвертой - примыкающая к мало доступному, болотистому, без удобных бухт черноморскому берегу, она во многих отношениях имеет свою совершенно оригинальную физиономию, поэтому и миросозерцание ее обитателей имеет свои особенности.

Стихийные мифы, обуславливаемые общими причинами, имеют здесь много общего не только с народами Закавказскою края, но и со всеми индоевропейскими. Так в греческих мифах гроза представляется в виде боя божества с духом облаков, при чем оба вооружены одинаковым оружием, или в виде охоты в облаках; у германцев это охота за кабаном, и молния есть или факел, или зуб кабана, или копье* . У туземцев рионской долины это представление, имея ту же основу, изменено христианскою религиею, и гроза у них есть преследование змея (гвелашапи) святым Георгием, на летящем коне; гром - это звуки от его ударов, а молния - стрелы, которыми он поражает врага; туземцы и в настоящее время видели куски убиваемых змеев в долине реки Квирило. Случается, что змей только что показывается из горной пещеры или скалы - и в это время его поражает молниеносная стрела Георгия. Облака, представляемые греческими мифами то в виде божеств, то в виде сита /Аристофан/, у туземцев являются исполинскими губками, по мере надобности и по повелению высшей управляющей ими силы, спускающейся к морю, вбирающую в него воду и выжимающие ее над сушею. Ниспосылает дождь и у христиан и даже у многих магометан, как и у русских - пророк Илья, и в

---

*Дельбрюк. О происхождении мифов у народов индо-европейских. Заграничный вестник, 1865 г. кн.2

случае засухи к нему обращаются с молитвами о дожде. Змеи - у всех индоевропейских народов представители зла, а нередко и олицетворение злого духа, здесь имеют то же значение. Они стерегут зарытые в землю сокровища, пожирают приближающихся к ним людей, с ними сражаются неустрашимые витязи, обыкновенно святые, и побеждают их. Змеи бывают трех родов: красные, черные и крылатые. Они живут обществами, имеют свои общественные установления и, между прочим, празднуют свадьбы. Кто попадет на эту свадьбу, тот в каждом змее, по некоторым - в царе, найдет драгоценнейший, стоящий миллионы и имеющий чудесное действие камень. Кроме этих, более или менее общих всему Закавказскому краю сказаний, рионская долина, резко различающаяся своею органическою жизнью от соседних стран, имеет свои особенные характеристические представления. Сплошные роскошные леса, отличающие ее от безлесных, пустынных возвышенностей, лежащих к востоку, больше всего влияли на воображение здешнего жителя, и самое распространенное поверье туземцев, не существующее в соседних странах, есть вера в лесные сверхъестественные силы. Они верят, что в глубине их обширных лесов живут лесные женщины (ткис-кали) и мужчины (каджи), одаренные бессмертием и самыми блестящими физическими качествами. Лесные женщины молоды, очень красивы, они ночью неожиданно являются одинокому путнику, останавливают его лошадь, стараются прельстить его своею красотою и увлечь в свое таинственное жилище. Двое, из которых один офицер, как очевидцы рассказывали мне, что сами видели этих женщин и один из них отделался тем, что произнес особенную молитву и много раз повторил имена самых уважаемых здесь святых - св. Петра, Ильи, Георгия (Цминда Петре, Илия, Георгий), а другой выстрелил в нее и спасся быстротою своего коня. Впрочем, если кто согласится уйти с лесною женщиною, то она прекрасно угощает его, дарит дорогие вещи и заставляет быть своим мужем. При этом он может иногда уходить домой, жить с семьею, но не должен бывать в церкви и, по-видимому, только оттого связь эта считается большим грехом. Однако бывали случаи, что попавшие к лесной женщине и чем-либо прогневившие ее возвращались домой помешанными или избитыми. Лесной

человек, весьма здоровый и сильный, ходящий всегда с двумя топорами, остановив путника предлагает ему несколько загадок и если остановленный решит их, то каджи его отпускает, а нет - то убивает. Некоторые охотники находятся с ним в хороших отношениях, дают ему часть добычи, и каджи благоволит к ним и указывает, где есть звери. Но в случае крайности и от него, как от лесной женщины, можно отделаться произнеся более ста раз цминда Петре, цминда Илия, цминда Георгий. Сила этих слов так велика, что против них не устоит никакое волшебство. В Абхазии и вообще в гористых местах туземцы верят в населяющих горные пещеры горных духов. Вьюги, метели, обвалы, которыми распоряжаются духи, так страшны для горного жителя, что он весьма боятся их и, переходя через снеговой перевал или другое опасное место, всегда приносит им в жертву: пуговицу, монету, кусок железа и проч., которую кладет на определенном месте. Туземцы Цебельды ни за что не хотели идти со мною в находящуюся там и имеющую несколько сот футов длины пещеру. Они уверяли, что в ней живет пара духов, мужчина и женщина и, что если они рассердятся, то всех задушат. Сталактитовые столбы, виднеющиеся в пещере, они принимают за преображенных духов.

Славянских русалок заменяют здесь лесные женщины, лешего - лесной человек, но зато выработавшиеся под влиянием других условий жизни, некоторые другие сверхъестественные силы и предрассудки европейских народов здесь неизвестны. Так, в туземных небольших, без чердаков, саклях не водятся домовые; их живущие только чувственной жизнью люди по смерти никогда не встают из могил; их неиграющие большой роли в обществе женщины не превращаются в кошек, свиней и не портят коров своих соседей.

* * *

Развитый природою и бурною исторической жизнью, не испытавший смягчающего влияния гражданственности и даже религии, туземец живет телом, а не духом. В случае крайней нужды он скорее украдет, чем попросит. Богатая природа, при

отсутствии продолжительных холодов и жаров, почти всегда теплый климат сделали его беспечным, но это не есть ленивая, тупая беспечность жителя средней Сибири, или тяжелая сонливость индейца. Имеретин или абхазец беспечен больше относительно личного своего благосостояния, но он весьма интересуется общественными вопросами, любит общественные собрания и шумные, эффектные предприятия. Он вовсе не груб, но только чересчур реален и вся жизнь его внешняя, чувственная. Поэтому поверья и представления народов германского и славянского племени, происходящие от более созерцательной, внутренней жизни, вследствие долгих зим плоскостей, обитаемых ими, характера и других физических причин, здесь не существуют, туземцы не понимают таинственного шепота деревьев или журчанья ручья, у них не говорят камни, не путешествуют соломенки с углей, они не спрашивают у кукушки, сколько им лет осталось жить, не зовут в трубу долго ожидаемого гостя, не обращаются с вопросами или желаниями к ветру, морю и никаким силам природы. Даже их красивые молодые девушки не любят цветов и вздохов. Они не влюбляются, а выходят замуж по воле родителей, часто не видя вовсе своего жениха, и жизнь от этого не делается несчастною. Прибавим к этому, что здешние женщины не то, что гаремные азиатки, они иногда весьма энергичны и способны. В Турции и Персии никогда не могли явиться такие героини, как Тамара, и почти постоянно жившая в Имеретин известная авантюристка, ее дочь Руссудан[41]. Вера в людей, обладающих сверхъестественными качествами, распространена больше. В Абхазии деревенские специалисты, вместо наших мельников - кузнецы почитаются отчасти колдунами, и для разрушения различных недоумений, люди клянутся наковальнею; там же есть особенный класс людей, умеющих кожаными мешками ловить души утопленников и соединять их с телом. В деревнях Мингрелии и Имеретии встречаются люди, помощью чар могущие причинять болезнь, мор и падеж домашних животных. Еще недавно в некоторых деревнях Имеретии во время падежа скота бросали в воду всех подозрительных людей и те, которые мало погружались в нее (не тонули), признавались колдунами, а чтобы уничтожить их силу делать зло, им накладывали железом

крестообразное тавро на ногу, иногда на лоб. Больше распространено поверье о дурном глазе (цуди-твали), и чтобы избежать вреда от взгляда человека с дурным глазом, новорожденных не показывают несколько дней никому постороннему, а на шее, как в Неаполе, Испании, а отчасти и в южной России, носят амулеты.

Сказки, не вытекающие из исторической жизни народа, чисто мистические, рассказывают обыкновенно только старики, но народ больше любит сказания о деяниях древних царей и героев. Весьма разукрашенные и преувеличенные, они передаются в форме легенды, нередко с мистическою обстановкою. Так, напр., царь Давид третий[42] имел больше сажени ростом и, взявши город Баку, перенес оттуда в Кутаис железные ворота, имеющие пудов сто весом; царица Тамара покорила все известные им народы, даже турок и персиян и ей помогал св. Георгий. Рассказы о деяниях святых удивительно перемешаны и приноровлены к совершенному вкусу туземцев. Пророки ветхого и апостолы нового завета в рассказах не различаются и действуют в одно время. Все они ездят на прекрасных лошадях, летают на них по воздуху, переезжают моря и сражаются с многоголовыми, пожирающими людей змеями, которых и побеждают. Св. Георгию, почитаемому больше всех, имеретины, за спасение их от змея, предлагали быть царем, но он отказался.

Во всех этих рассказах виден читателю чувственный взгляд: они одаряют своих героев и даже святых свойствами, заимствованными из природы. Духовные стороны человека, понятия о вечной жизни и бессмертии замечательно мало им знакомы. Несколько раз присутствуя на их похоронных обрядах, причем все родственники и друзья умершего вычисляют добродетели покойного и выражают тоску об утрате его, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь вспомнил при этом о другой жизни и выразил надежду увидеться за гробом. Туземцы, конечно, все верят в загробную жизнь, но живя близко к природе, они чувствуют себя неразрывно связанными с нею, они видят, что природа живет только настоящим, ничто осязательно не напоминает им о другой жизни, и они не хотят знать будущего, они боятся думать о нем, и вера в загробную жизнь нисколько не руководит их практической деятельностью. Предрассудки,

касающиеся собственно домашней жизни и здесь почти те же, что в других местах Кавказа. Нож, повернутый к кому-либо острием во время обеда, означает ссору с ним; если в доме сидит курица на яйцах, то гость непременно должен выходить в ту же дверь, в которую вошел, чтобы цыплята не разбежались; если заяц перебежит дорогу, то путнику предстоит несчастье, если волк или шакал, то счастье, человек, имевший коня с четырьмя белыми копытами, непременно будет убит в сражении или утонет. Как и многие нецивилизованные народы, туземцы рионской долины боятся разговора об умершем, и если кто чихнет во время рассказа, то его толкают и говорят; пока не придет покойник, (да будем здоровы); деревенские жители и теперь не позволяют снимать с себя фотографических карточек и портретов, полагая, что снимающий их, получает какую-то таинственную власть над тем с кого снимает. По Эдуарду Бернету, эта же боязнь портретов существует у индейцев и была у древних народов Европы. Колдовство, выливание восковых фигур, имеет связь с этой боязнью.

Прямое физико-этнологическое влияние среды на миросозерцание народа выражается тем, что без скрещивания породы и несмотря на различные религиозные и исторические влияния, все предрассудки и поверья, в том числе о лесной женщине и мужчине, разделяют с туземцами и издавна поселившиеся в местечках и деревнях области и сохранившие свою народность евреи.

Непонятные для народа, враждебные силы природы нередко олицетворяются им, как и народами славянского и германского племени в виде враждебной людям, руководимой духом зла силы. Иногда временные бедствия: голод, эпидемия, война считаются посланными богом в наказание за людские пороки, или для вразумления их. В этих случаях туземцы, или сознавая свое бессилие против постигшего несчастья, удаляются в более безопасные места, строго охраняют свое семейство от заразы, нападения, не допускают в него никого подозрительного и пр.; или употребляют деятельные меры к устранению его: во время голода украдут корову, хлеб и все что нужно для пропитания, в сражении умрут вместо бегства; в сильной степени болезни призывают сельских знахарей, а при губительных эпидемиях приносят жертвы, а иногда обращаются с просьбами к

особенным, представленным ими существам, специально заведывающим известными болезнями. В Гурии посылает оспу существо, представляемое в виде человека, разъезжающего на прекрасной лошади. Если кто-нибудь нечаянно или нарочно делает ему неприятность, то прикосновением руки к спящему оно производит болезнь. Веря в сверхъестественную власть этой олицетворенной оспы (по гурийски богине), гурийцы, мингрельцы и абхазцы боятся обыкновенными средствами лечить болезнь, чтобы не прогневить богине, а для умилостивления ее ставят возле больного различные вкусные блюда, накуривают в комнате, где он лежит, душистыми веществами, и обращаются к оспе с молитвами и обетами. В мае 1865 года мне случилось в со провождении толпы абхазцев въезжать из окумского в абживский округ, где свирепствовала натуральная оспа, и у меня остались в памяти те странные и уныло- торжественные звуки молитвы, которую пела эта, большею частью седобородая толпа, обращаясь к недавно открытому здесь повелителю оспы Зус-хану. Вот, переведенный мне, смысл части этой бесконечной молитвы. «Здесь едет Зус-хан на сером коне, на серебряном вызолоченном седле. Он один в состоянии сделать мост через море, он великий всемогущий чудотворец. Господи, господи Зус-хан благословляем тебя! Зус-хан среди моря косит сено, на золотом коне сидит он, малые женщины в золотом одеянии водят коня его, а молодые люди ему служат. Псхувский и ахчипсхувский каратель, причинивший им беды и в бзыбском округе, помилуй нас! Ханейгико, хания белая, мать Зус-хана посылает беды и милует, и Зус-хан, золотой Зус-хан, помогает.»

Как заметно из слов самой песни, она составлена недавно и соответствует времени выселения псувцев и ахчипсхувцев, т.е. 1864 г., когда оспа сильно поражала их. Из нее видно, как за неимением письменной истории, народ воспроизводит видения эпохи своей жизни в легенде и песне. Святой, названный Зус-хан, насколько я мог узнать из расспросов, появился в Абхазии только в недавнее время, об нем нет еще преданий, но очень может быть, что приведенная нами новая песня послужит сюжетом для будущей легенды...

Но несмотря на довольно значительные отклонения в типе народов, населяющих рионскую долину миросозерцание их,

условливаемое окружающею природою, весьма сходно. Вера в змей, лесных и горных духов и пр. та же и у мингрельцев и у гурийцев. Если люди живут в горах, представление о духах гор у них сильнее, чем о духах лесов и наоборот. Если возле есть какое-либо страшное и недоступное место, вроде глубокой пещеры, неприступной скалы и пр., - воображение народа поселяет в них соответственных духов. Но всматриваясь глубже все-таки видишь, что во всей, сходной орфографически долине поверья и идеалы жителей имеют одних и тех же прародителей и что природа, больше чем что другое положила на них свою несокрушимую печать.

Газ. «Кавказ», 1867 г., №№27,28.

СТАТЬЯ «ЧЕРКЕСЫ В БОЛГАРИИ»

Успехи России не дают покоя Европе, политика западных держав следит за каждым ее движением и в каждом подозревает завоевательные замыслы. Амурская область, сношения с Китаем, дружба с Соединенными Штатами, оренбургские степи, дела с кокандцами: все волнует завистливые кабинеты, - и как не враждебны они сами между собою, но как скоро дело коснется России, всякая вражда исчезает и все говорит о ее честолюбивых планах. В 1854-1855 гг. они, по-видимому, достигли своей цели и думали, что надолго ослабили Россию: Парижский мир - 1856 г. был видимо невыгоден для нее; едва прошло несколько лет, как она по-прежнему была сильна и влиятельна. Европа воображала себе, что надолго упрочила существование Турции и исламизма, приняв их в семейство христианских держав, а они, видимо, разрушаются без всякого содействия со стороны России. Мир прекратил фактическую войну между Турциею и Россиею, но тайная война продолжалась. Турция подстрекала горцев Кавказа продолжать упорную борьбу во имя исламизма, но Россия была уже слишком сильна. Шамиль пал и весь Кавказ покорился. Тогда Турция думала, что поставит Россию в величайшее затруднение, обезлюдив эту область, но Россия сама помогла ей в этом и давала даже денежное пособие горцам, переселявшимся во

владения султана, судя по цифре переселения, Турция получила большое число людей, но только результат был чрезвычайно невыгодный как для Турции, так и для несчастных переселенцев.

Что могла сделать Порта для этих масс? Она никогда не имела правильной административной организации и государственной жизни. Она не приняла заранее никаких мер для размещения и продовольствия сотен тысяч черкесов. Русские транспорты деятельно помогали перевозить этих людей, - и с 1-го января 1864 г. по 10-е июня того же года перевезено было 236.718 человек. Все они в первое время подверглись голоду и всяким лишениям. В феврале было высажено в Трапезуйте еще 10.000 человек , - и в продолжении месяца 3.000 умерло от болезней. В апреле собралось там 70.000, в Самсуне число их возросло до 110.000 и путешественник Баракци описал ужаснейшие картины бедствий, которым подвергались эти переселенцы от беспечности Порты. В одном Самсуне похоронено было 60.000 черкесов. В августе отправилось 151.000, из Новороссийска, на 15-ти турецких парусных судах: все они погибли. Спешили расселить их по другим местам; в Пандерме, Смирне, Исмиде, на острове Кипре. На дунайском берегу тоже было много высажено черкесов. Но тут сцены сделались двояким образом гибельны. Султан велел занимать черкесам в Болгарии всякое место, какое они найдут свободным, потому что вся земля принадлежит ему. И черкесы, в полном вооружении и во множестве, выгоняли булгар из их хижин, говоря, что они построены на султанской земле. Одна из подобных сцен изображена на прилагаемом рисунке.

Вообще по всем официальным цифрам переселилось в Турцию до 400.000 горцев. Вместо их до сих пор переселено на Кавказ до 103.000, но зато все народ тихий, трудолюбивый, который разовьет там земледелие, торговлю и промышленность. В 1864 г. перешло из турецкой Армении 1.500 семейств. Из Болгарии и других придунайских областей тоже множество жителей заняли аулы прежних полудиких горцев. Одним словом Турция потеряла и от приращения кавказского народонаселения, и от уменьшения своего собственного, потому что первое разоряет только Турцию, а второе оставило поля свои невозделанными, - и они вскоре порастут тернием.

Газ. «Иллюстрированная газета», 1866 г., №29

СТАТЬЯ Ф. ЗАВАДСКОГО «АБХАЗИЯ И ЦЕБЕЛЬДА»

Поступление в подданство России. В 1809 году, или около этого времени, между владетельным в Абхазии домом князей Шервашидзевых возбуждены были раздоры князем Аслан-беем Шервашидзе. Владетель Абхазии Сафер-бей, видя невозможность прекратить раздоры посредством вмешательства турецкого правительства, под влиянием которого находилась тогда Абхазия, - по совету Дадианов, обратился с просьбою к императору Александру 1-му принять владение его в подданство России. На основании просьбы этой, войска русские заняли Сухум-кале в 1810 году, и с того времени Абхазия вошла в состав Русской империи. Владетель Сафер-бей принял, тогда православную веру со всем своим семейством и наречен Георгием; старший сын и наследник князь Дмитрий отправлен был в пажеский корпус.

После смерти владетеля Сафер-бея, наследовал ему, в 1821 году, сын его Дмитрий; но он недолго управлял страною и умер в 1824 году. После владетеля Дмитрия, вступил во владение Абхазиею брат его, последний владетель, Михаил.

Народонаселение. В Абхазии не представлялось случая, удобного для производства исчисления, не только ее народонаселения, но даже деревень и дворов. По собранным мною до 1854 года сведением, абхазское народонаселение тогда было следующее:

Представляю число дворов в каждой деревне, бывшее до 1854 года: 1)Лыдзаа 60 дворов; 2)Аджапхуны 150; 3)Васа 60; 4)Блабырхава 80; 5)Ашлара 50; 6)Бармыш 150; 7)Папцва 30; 8)Ватхара 50; 9)Батча 70; 10)Чабалырхва 60; 11)Чигурхва 30; 12)Джирхва 150; 13)Хвап 40; 14) Емхы 30; 15)Акваскемца 50. 16)Жвандрыпш 150; 17)Мыгудзырхва 100; 18)Апыцхва 120; 19)Джиджрыпын 50; 20)Лыхны (Соук-су) 400; 21) Дурыпш 200; 22)Архва 50; 23)Ачандари 100; 24)Эбарныха 40; 25)Рывта 100; 26)Мытцара 50; 27)Куланырхва 200; 28)Гудаута 100; 29)Аацы 200; 30)Анхва 150; 31)Псырдеха 150; 32)Ешири 150; 33)Гума 200; 34)Акапа 120; 35)Яштхва 60; 36)Бырцу 40; 37)Агвара 20; 38)Абжаква 60; 39)Келасуры 130; 40)Гулрыпш 30; 41)Мархеул 150;

42)Пырнаут 50; 43)Дранды 100; 44)Адзыбжа (Кодор) 200; 45)Данава 50; 46)Атари 50; 47)Пшаква 50; 48)Таумыш 30; 49)Киндыг, 70)Тамыш, 60, 51) Кутаул 250; 52)Ачаарыкит 50; 53)Джгерда 120; 54)Гуп 200; 55)Чилоу 200; 56)Ткварчал 150; 57)Ешкит 15; 58)Патыгу 15; 59)Тхина 120, 60)Акваски 150; 61)Муку 100; 62)Варкули 75; 63)Учамчиры 150; 64)Илоры 60; 65)Пакваш 150; 66)Аурти 30; всего 6215 дворов. Считая в каждом дворе круглым счетом по 7-ми душ обоего пола, получим, что все народонаселение должно было состоять из 43.505 душ.

Многие из вышеназванных названий деревень не сходны с названиями, означенными на картах Закавказского края. Это потому, что на карты нанесены названия, как видно со слов мингрельских переводчиков; я же поместил здесь названия собственно абхазские, под которыми деревни известны в народе.

Разделение народонаселения на классы. Все народонаселение Абхазии разделяется на следующие классы.

I. Владетельская фамилия князей Шервашидзевых.

II. Княжеские фамилии. Хотя между ними некоторые имеют фактическое преобладание над прочими, но по правам происхождения и по преимуществам, все они равны между собою.

III. Дворяне. По происхождению и по преимуществам, также все равны между собою.

IV. Шина-кма (слово грузинское, означает придворного). Это, охранная стража владетеля. Класс этот средний между дворянами и крестьянами. Шина-кма по преимуществу состоят только при владетеле. Князья владетельского дома и другие княжеские фамилии такой стражи не имеют.

V. Крестьяне. Их два рода: а)Анхайве, в переводе поселянин. Класс этот пользуется землями владельческими и за это обязан только вспахать земли владельческие, засеять их, собрать посев и виноград и то только тогда, когда владелец, или кто-либо из родственников живет в деревне; в противном же случае анхайве освобождается от повинностей. Повинности эти, по роду их, выполняются только в известное время года, и помещик не вправе требовать более от анхайве; б)Ахуйу, в переводе

работник. По обязанностям своим он похож на бывшего русского крестьянина. Они три дня в неделю работают для владельца и за это имеют отведенную для себя землю. Род занятий его неопределенный, не так как для анхайве. Он обязан исполнять все, что прикажет владелец.

VI.Ахашала, в переводе - лишний. Это невольник в полном смысле слова. Он не имеет земли и есть собственность владельца, которою последний мог распоряжаться по произволу. Владелец имел право продать его, подарить и даже убить. Класс этот составляют не коренные абхазцы, но невольники из других племен, захваченные в плен или купленные. Ахашала, получивший от владельца землю и обзаведения для хозяйства, переходит в класс ахуйу, пользуется правами, присвоенными тому классу и помещик не вправе уже распоряжаться ими по произволу.

Из класса ахуйу могут с дозволения владельца переходить в анхайве и пользоваться правами последних. Переходить же обратно, в низший класс никто не в праве.

Отношение народных сословий к владетелю и между собою: степень их подчиненности и обязанности. Владетелю подчинялись: князья владетельного дома, все прочие князья и дворяне.

Между членами владетельского дома, прочими княжескими фамилиями и дворянами нет никакой подчиненности. Степень влияния каждого лица из этих сословий зависит от лично заслуженно уважения. Сильный дворянин имеет более веса, чем слабый князь. В одной лишь пене за кровь - князь стоит выше дворянина.

Владетель имел право потребовать всех князей и дворян с их. подвластными явиться с вооруженною силою и исполнять все его приказания. Таким же правом пользовались князья и дворяне, в отношении к своим подчиненным, и последние не вправе были ослушаться, хотя бы распоряжение это было сделано без ведома владетеля. В таких сборах не имели права участвовать: ахуйу и ахашала.

Обязанности низших сословий к высшим следующие:

Шина-кма обязаны были состоять при особе владетеля, как стражи его, по всякому его востребованию. Они владеют

землями, наделенными им владетелем и имеют крестьян. Крестьяне их обязаны выходить на полевые работы, как объяснено выше.

Анхайве обязаны: 1)доставлять ко двору владельца столько мясного, сколько потребуется. 2) Засеять на полях владельческих, собрать и везти столько гомия (вид проса) и кукурузы, сколько понадобится для двора владельца. 3)Собрать и свезти из садов владельческих виноград. 4)Доставить владельцу столько вина, сколько понадобится для его стола в период от Пасхи до нового сбора винограда, 5)От каждой девки, выходящей замуж, уплатить владельцу калым по одной корове. 6)Содержать владельца с целым его семейством, от уборки винограда до Пасхи, ежели он перейдет в дом анхайве. Эта повинность должна быть исполняема поочередно каждый год, но только в таком случае, ежели владелец, переезжает в дом анхайве. В противном же случае анхайве от повинности этой освобождается, и помещик взамен ее ничего к себе в дом потребовать не вправе. Впрочем, от повинности этой многие, крестьяне освободились единовременно платою помещику, и многие помещики не пользуются ею, хотя и не получили за нее вознаграждения. Кроме вышеизложенных повинностей, лежащих на анхайве, класс этот обязан был продовольствовать вспомогательные войска или милицию, ежели бы владелец потребовал их в край.

В последние времена в такой вспомогательной силе не могла предстоять надобность. Но в прежние времена владетели, для утушения беспорядков, рождавшихся в крае призывали вооруженную силу из посторонних племен. Это происходило не потому, чтобы владетели не доверяли абхазцам: но политика эта клонилась к устранению кровомщения в крае, если бы заставить абхазцев усмирять собственным оружием своих соотечественников. Обязанность эту анхайве исполняли всегда очень охотно и рачительно.

Ахуйу, кроме повинности, указанной выше, обязан еще исполнять все низшие должности в хозяйстве при дворе владельца. Все должностные лица при дворах владельцев из этого класса. Каждая девка из класса ахуйу должна поступить по требованию владельца к его двору для прислуги, и ему с

каждой из них при выходе замуж подлежит смотря по состоянию, от 7 до 15 коров.

О невольниках (ахашала) мы уже сказали выше.

Такими же повинностями обязаны были крестьяне владетелю, в родовых его имениях.

* * *

Управление края. Главное управление края сосредоточено было в руках владетеля. Особа владетеля и членов владетельской фамилии неприкосновенны; но он не был самовластным повелителем, а только блюстителем порядка и исполнения народных обычаев, освященных временем и принявших силу закона.

Разделение края на округи. Для лучшего управления краем, кажется, необходимо было его разделить на несколько частей и поручить управление каждой отдельному лицу, но такого разделения в Абхазии не было. Владетели все управление краем предоставляли исключительно себе и для разбора дел переезжали поочередно, то в Соук-су, то в Квитаулы, родовые их имения. В народе были только названия двух местностей: Бзыби и Абживаа.

Первая подучила название от реки Бзыбь, последняя в переводе значит средний народ.

В последнее время Абхазия разделена была на три округа: бзыбский, абхазский и абживский. Такое подразделение края не соответствовало понятиям абхазцев о высшей над ними власти и не гармонировало с политикою владетеля. В разделении соблюдена была только форма для удовлетворения требованиям правительства. Исполнительная же власть осталась по-прежнему в руках владетеля, и народ на номинальных своих начальников смотрел как на придворных владетеля, передающих его приказания и поселившихся на постоянное жительство на одном месте. Это составляло основную причину медленности, исполнения требований правительства, поступивших непосредственно к владетелю, и уклончивых ответов или упорного молчания на таковые же требования, поступавшие к начальникам округов.

До какой степени владетели Абхазии заботились об учреждении при себе высшей власти и как народ способствовал этой политике, служат доказательством исторические факты, оставшиеся в памяти народа. Из них видны примеры, современные владычеству турок, что из владетельной фамилии абхазцы оставляли только одно лицо, возведенное в сан владетеля; всех же остальных отправляли насильственно в Турцию и вызывали оттуда поодиночке только прямых, наследников владетеля, когда место это оставалось вакантным.

Личная свобода и права собственности. Свобода и собственность каждого обеспечены народными обычаями, которые свято соблюдались. Владетель имел право лишить свободы каждого из своих подвластных, не исключая князей владетельного дома. Если арест последовал по уголовному делу, то последствием его был суд. В случае ареста по делу, не сопряженному с уголовным преступлением, наложенного как исправительная мера, от арестованного всегда брали поручителей в том, что он исполнит в известный срок требуемое от него, или в случае нового преступления доставлен будет к владетелю. Князья и дворяне тоже имели право лишать свободы своих подвластных. Последствия этого ареста были такие же, как ареста по распоряжению владетеля, с тою только разницею, что ежели арест последовал по уголовному делу, то арестованный должен был быть доставлен к владетелю.

Имущество каждого считалось неприкосновенным. Ни владетель, ни владельцы не имели права лишать имущества своих, подвластных за какое бы то ни было преступление. Имущество переходило во всяком случае к наследникам, хотя бы они были и самые далекие родственники.

Народные собрания. Общие и частые собрания для обсуждения общественных дел без ведома и соизволения владетеля не допускались. Могли быть созваны собрания для обсуждения дела или предмета, о котором намерены были просить владетеля; могли также быть созваны собрания для решения дел частных, касающихся одной или нескольких фамилий, но об них всегда должен был знать владетель. Созванное секретным образом собрание считалось заговором, и виновные в этом подвергались строгому наказанию.

Права и власть владетелей будут более выяснены в дальнейшем изложении.

Порядок разбора дел уголовных и гражданских, наказания и взыскания. Прежде определения порядка разбора дел, необходимо познакомиться с понятием абхазцев о разных родах преступлений.

К высшей категории уголовных преступлений причислены были следующие: 1) святотатство, 2) богохульство, 3) отцеубийство, 4) братоубийство, 5) посягательство на жизнь владетеля и членов владетельского дома, 6) измена отечеству и 7) кровосмешение.

Для этого разряда преступлений не было наказаний в Абхазии. Народ составил себе понятие, что власти человеческой не предоставлено судить таких преступников, что они подлежат суду божьему, и что ежели кто лишит жизни такого преступника, то примет на себя грехи его. Из редких примеров святотатства в драндском храме и отцеубийства, видно только: что такие преступники отчуждаемы были от общества. По рассказам, оставшимся в памяти народа, это наказание было ужаснее смерти. Все, с кем преступник был знаком или в связях, прекращали с ним прежние сношения. Родные его опасались жить с ним в одном доме, сесть за общий стол и вступить даже в разговор. Остатки подаваемой ему пищи, выбрасывали при нем же собакам и все, к чему он прикасался, тщательно обмывали и очищали. Такое обращение с преступниками заставляло их удаляться из края; но прежде, чем преступник успевал прибыть к соседственному племени, весть о нем обыкновенно уже достигала туда. Там он встречал такой же прием, как и в родном крае.

Примеров других преступлений из приведенной категории не было; но если бы они случились, то преступник был бы отчужден от общества как за святотатство или отцеубийство.

Ко второй категории уголовных преступлений отнесено было посягательство крестьян на жизнь их помещиков. Оно влекло за собою истребление всего рода преступника без всякого суда.

Третья и последняя категория уголовных преступлений заключала в себе 1) убийство, 2) бесчестие или публичное оскорбление женщины, 3) похищение чужой жены или невесты, 4) развод без обоюдного согласия обеих сторон или их родных.

Дела последней категории разбирались судам, но не иначе, как под председательством владетеля.

Свободное употребление оружия влекло за собою в Абхазии те же последствия, что и между другими горскими племенами; но как управление этого края основано было не на демократических началах, а сосредоточено было в руках владетеля, то обычай кровомщения не имел в Абхазии таких пагубных последствий, как между другими племенами.

Каждое из уголовных преступлений третьей категории должно было быть смыто кровью преступника. Этого требовала честь обиженного, честь его родных, друзей и знакомых. Не принимавший участия в кровомщении за обиду своего родного или друга рисковал сам обесславить себя всенародно. - Владетель имел право приказать прекратить вражду не только под тем условием, чтобы разбирательство было переданы на обсуждение суду посредников. Такому приказанию никто не смел противиться. Обыкновенно в таких случаях враждующие стороны давали владетелю поручителей в том, что они вражду прекращают до разбора дела.

Ни владетель, ни суд посредников не имели права налагать наказание по произволу. За каждый род преступлений определены были наказания, принятые обычаями, освященными временем.

Для разбора всех вообще дел, как уголовных, так и гражданских в Абхазии были постоянные суды, называемые аныхва-зхваз, что в переводе значит - давшие присягу. Судьи избирались в общем собрании народа под председательством владетеля. Срок службы судей и время выборов не были определены. Они избирались на целую жизнь, и выборы производились по мере их убыли; но не иначе, как с разрешения владетеля, после выборов каждый из выборных приносил перед народным собранием присягу в том, что добросовестно будет исполнять свои обязанности. Кроме всенародно избранных судей, других медиаторов для разбора дел никто не имел права приглашать, и виновные в этом подвергались штрафу. Выбранные судьи обязаны были являться для разбора дел по приглашению каждого и за это не получали никакого вознаграждения.

Суд посредников, или медиаторов, производился следующим образом. Тяжущиеся стороны избирали по несколько человек судей. После такого выбора заинтересованные стороны извещали друг друга об избранных ими медиаторах. Каждая из тяжущихся сторон имела право устранить медиатора противной стороны, если к этому были основательные причины. Эти предварительные обряды, по указанной выше категории уголовных преступлений, обыкновенно исполняли поручители, взятые от обеих сторон в том, что враждующие прекратят вражду судом посредников. В прочих же делах эта процедура лежала на обязанности родных и знакомых или самих тяжущихся сторон. После согласия в выборе медиаторов, обе стороны принимали присягу в том, что свято исполнят решение суда, и давали в том поручителей. Затем суд открывал заседания.

Тяжущиеся должны были находиться тут же, но их отводили в противоположные стороны. Для таких заседаний особых построек не имелось, а они производились на открытом воздухе и при этом каждый из любопытных мог присутствовать. Ежели дело принадлежало к разряду уголовных, то в суде председательствовал владетель.

Форма и обряды были следующие. Оратор со стороны, подавшей повод к делу или тяжбе излагал сущность дела. По окончании изложения дела его отпускали и приглашали оратора противной стороны. Один из судей, по выбору суда излагал со всею подробностию перед призванным оратором все, что объяснил оратор противной стороны и предлагал ему изложить дело, так как он его знает. Когда последний оратор кончит свою речь, то его отпускают и суд приступает к решению дела. Решение полагалось на основании изустных постановлений, от которых судьи не могли отступить, под опасением потерять доброе имя и доверие в народе. Ежели при решении дела встречалось разногласие между судьями и если в суде председательствовал владетель, то он в присутствии судей сам решал дело, и решение приводилось в исполнение. Ежели встречалось разногласие в суде по делам, при разбирательстве которых владетель не председательствовал, то суд отряжал двух членов к владетелю, которые излагали ход дела и причину разногласия судей и просили его решения. В этом случае

решение владетеля прекращало споры судей и приводилось в исполнение.

Для выслушания решения призывали обе стороны к суду и размещали их по противоположным сторонам судей. Один из судей излагал со всею подробностию все сказанное оратором ответчика и просил объяснить, не пропущено ли какое либо обстоятельство. По получении удовлетворительного ответа он излагал все, что было сказано адвокатом противной стороны и тоже просил объявить не пропустил ли чего в изложении. Получив и от этой стороны удовлетворительный ответ, судья объявлял рѐшение суда.

Обе стороны, как сказано, принимали предварительно присягу давали поручителей в том, что исполнят беспрекословно решение суда. На этом основании их не спрашивали, довольны ли они решением и дело возобновлено уже быть не могло.

В случае неявки кого-либо к суду, за него отвечали его поручители и судьи не открывали заседания до тех пор, пока поручители не доставляли уклоняющейся стороны. За неисполнение решения суда отвечали также поручители. За того, кто не в состоянии был по бедности исполнить решение суда, отвечали его родственники - хотя бы они жили за пределами Абхазии. Впрочем, при определении штрафа или пени за кровь (о коей будет ниже) судьи, дабы облегчить штраф, распределяли его следующим образом: на владетеля налагали уплату 1-й души, на князей владетельного дома по 1-й душе; на князей прочих фамилий оружие по частям; остальной штраф на членов отсутствующей фамилии.

Владельцы отвечали за своих подвластных так, как за себя. В случае уголовного преступления, сделанного крестьянином, владелец его подвергался кровомщению и отвечал перед судом.

За разорения и убытки, причиненные во время кровомщения, никто не вправе был требовать вознаграждения и заводить дело.

Уголовные преступления третьей категории наказывались все одним лишь штрафом, размеры которого зависели от того, из какого класса было лицо, над которым учинено было преступление, именно: 1) за преступление, сделанное над членом княжеской фамилии, взыскивалось: 30 крестьян, лошадь со сбруею, полное вооружение и серебряная цепь в виде

портупеи; 2) за преступление, совершенное над членом дворянской фамилии: 16 душ крестьян, лошадь со сбруею, полное вооружение и серебряная цепь; 3) за анхайве 2 или 3 душ крестьян и одно ружье; за ахуйу одну душу. За убийство неумышленное взыскивалась половина вышеозначенного штрафа.

При примирении, после суда враждующих за убийство фамилий, совершался торжественный обряд, в котором участвовали все члены как одной так и другой стороны и много посторонних. Во время этого обряда, когда ближайший родственник убитого произносил прощение то, чтобы изгладить из памяти все случившееся и соединиться прочными узами с фамилиею убийцы, он брал к себе на воспитание малолетнего сына или близкого родственника убийцы.

О смертной казни. Смертная казнь в Абхазии никогда не существовала. Был только один пример этой казни во времена Келиш-бея. Владетель этот казнил в Сухум-кале в одно время четырех князей Дзапш-ипа за беспорядки, произведенные в крае и убийства; но это злоупотребление власти, которое впрочем не произвело волнения в народе, потому что народ уважал Келиш-бея за его строгую справедливость.

О воровстве. В прежние времена определены были следующие наказания за воровство; за первое брили вору один ус, за второе оба, или выставляли нагого в летнее время на солнце и обливали медом, для того, чтобы, его беспокоили насекомые; в зимнее время выставляли его нагого на холод. Впоследствии наказания эти заменены были штрафами, которые уплачивались в известный промежуток времени и без разбора, сколько раз одним лицом совершено было воровство так, что провинившийся несколько раз платил столько же, сколько попавшийся один раз.

Когда в Абхазии вошла в употребление монета, то последний владетель определил штраф за каждую уворованную вещь по 100 руб. без различия ценности уворованной вещи. Кроме того, если в покраже участвовало несколько человек, то каждый из них платил штрафу по 100 руб. от каждой украденной вещи.

Время взыскания штрафов не было определено и владетель назначал его по своему произволу.

По народным обычаям, штрафы поступали в пользу владетеля; кроме того, вор должен был удовлетворить хозяина за сделанную у последнего покражу.

Нужно сказать к чести абхазцев, что воровством занимались немногие, и то люди бездомные, чуждающиеся труда, как-то: обедневшие князья и дворяне. По понятиям народным, князьям и дворянам стыдно заниматься какою-нибудь работою для обеспечения своего содержания; для них должны трудиться их подвластные. Обедневшие из этого класса люди пускались на предосудительные промыслы; народ же вообще не терпит воров, и если бы ему предоставлено было удалить их из края, то он сделал бы это ни мало немедля.

* * *

Религиозные понятия абхазцев и развалины множества монастырей и храмов, находящиеся в Абхазии, доказывают что тут господствовала христианская религия восточной церкви. Учение Магомета хотя затмило в Абхазии луч истинной веры, но не нашло здесь прочного основания.

Все члены владетельного дома исповедовали православную веру, за исключением одного бедного и многочисленного семейства, проживающего в пицундском округе, которое придерживается в настоящее время исламизма.

Между дворянами 7-я или 8-я часть были христиане, остальные все магометане.

Из шина-кма половина была христиане, остальные магометане.

Между крестьянами 1/5 была христиан, 1/3 часть магометан, остальные язычники.

Язычники не исполняют даже в искаженном виде обрядов: ни христианской, ни магометанской религии. Они поклоняются божествам: всех стихий, лесов, полей и т.п. Краткий очерк мифологии абхазской будет сообщен в непродолжительном времени. Он составлен покойным командиром черноморского №11 (ныне Кавказский №35) баталиона, подполковником Званбаем.

Все абхазцы язычники признают всевышнего и ему поклоняются. Достойно внимания то, что во всей Абхазии жители ее без различия вероисповедования и сословий имеют один праздник Амшап, который всегда совпадает со днем пасхи у православных христиан. Амшап, абхазское сложное слово, значит: предшествующий день. В 1-й день праздника этого каждый хозяин режет скотину и приготовленными из нее кушаньями как бы разговляется. К тому же празднику красят яйца. Второй день праздника Амшап назначен для поздравлений и поминок. В этот день, при встрече, поздравляют друг друга и передают желания провести счастливо наступающее время.

Религия ни в каком отношении не налагает различия между жителями Абхазии. Часто в одном семействе находятся христиане и магометане и живут между собою в совершенном согласии.

Из числа древних храмов в Абхазии замечательнейшие следующие: 1) Пицундский, по-абхазски Лыдзаа-ных, т.е. святыня Лыдзаа.

Со времени распространения исламизма в Абхазии, жители деревни Лыдзаа, соседней с Пицундою и принадлежавшей пицундскому храму, избрали из своей среды одного пожилого в должность старосты к пицундскому храму. На обязанности этого лица лежало держать храм и ограду в надлежащей чистоте и иметь присмотр за иконами, книгами и всем, что было бы в храме. Он же приводил, в случае надобности, жителей к присяге.

До занятия Пицунды нашими войсками, в храме этом были алтарь, иконы, ваянное распятие и большой металлический крест в рост человека. Кресту этому поклонялись жители, ставили перед ним свечи и перед ним же принимали присягу. Когда войска наши заняли Пицунду, то жители деревни Лыдзаа выстроили в своей деревне часовню и перенесли туда этот крест.

Из числа книг, хранившихся в пицундском храме, известны два евангелия: одно с надписью, что пожертвовано одним из владетелей Абхазии в знак благодарности за победу, одержанную над Дадианом; а другой от европейца Ман, предка и родоначальника абхазской фамилии Маргани, прибывшего с слугой в Абхазию.

Последнее евангелие утеряно; первое хранилось при черноморском № 1-м батальоне, занимавшем прежде Пицунду, с тем, чтобы доступно каждому любопытному.

Евангелие это во время восточной войны отправлено в Тифлис. Его видел академик Броссе в бытность свою в Пицунде и не нашел в нем ничего замечательного.

2) Драндский, по абхазски - Джге-Мария. До занятия Дранд, за храмом этим присматривало одно из семейств селения Дранды, принадлежавшее тому храму.

3) Илорский, по-абхазски: Илыр-ныххва, т.е. святыня илорская, по настоящее время имеет священника, и богослужение в нем не прекращалось.

Кроме исчисленных храмов есть следующие: в селениях Мук, Соук-су, Дадрыпш, в ущелье напротив бывшего укрепления Бомборы, в 20 верстах от этого укрепления, и множество малых часовен или церквей, коих будет около 100.

К каждому из замечательнейших храмов принадлежали крестьяне, которые в настоящее время считаются вольными - принадлежащими храмам.

Княжеские фамилии в Абхазии. Княжеские фамилии в Абхазии следующие: 1)Инал-ипа; 2)Чабалырхва; 3)Анчебадзе, 4)Эмухвари; 5)Маршани; 6)Дзапш-ипа. Самая сильная по богатству и численности Анчебадзе, после нее Инал-ипа, Маршани и Дзапш-ипа. Самые незначительные Эмухвари и Чабалырхва.

Дворянские фамилии. Дворянские фамилии, сортируя их по силе и влиянию в народе, следующие: 1) Ман (в переписке Маргани); 2) Жван (в переписке Званбай); 3) Лакер (в переписке Лакер бай); 4) Акыртаа; 5) Баг, 6) Блабб; 7) Микан; 8) Чирик.

Родовые владения последнего владетеля. Родовое имение владетеля составили селения: Лыхны (в переписке Соук-су) и Учамчира (в переписке Очемчиры) с окрестностями. Ему же принадлежали: Арква, Ебарныха, Гудауты, Таумыш, Кындыг, Тамыш, Ешкит, Патыгу, Акваскя, Муку, Илоры, Пакваш. Незначительною частию дохода он пользовался еще из селений: Ачандары, Псырста и Гумы, хотя эти последние принадлежат другим фамилиям.

Лыхны (Соук-су) и Кутаул (Квитаулы) с окрестностями с незапамятных времен были принадлежностию владетелей: Учамчиру с окрестностями купил владетель Сафер-бей у князей Анчебадзевых, впавших в значительные долги. Подобным же

образом приобретен доход с Ачандар, Псырста и Гум, хотя сии последний не составляют собственности владетеля.

Пространство, заключающееся между реками Гумисты и Пшап и деревни, на оном расположенные, как-то: Яштхва, Бырцу, Агвара, Абжаква, Гурлыпш, Келасур и Мархеул, принадлежали к родовым имениям владетелей Абхазии; но после смерти Келыш-бея сын и преемник его Сефер-бей дозволил младшим братьям своим, Батал-бею, Гассан-бею, Таир-бею и Ростом-бею поселиться в Келасурах и пользоваться доходами из тех деревень. В настоящее время имение это принадлежит князю Георгию, сыну Дмитрия Шервашидзе, внуку Гассан-бея.

Последний владетель подарил из родовых владетельных имений сыновьям Али-бея: князю Григорию Атару и Пшакву, Гыду и Маджаре - Кутаул.

Собственно затем владетелю принадлежали: Лыхны (Соук-су) и Учамчиры. В Соук-су нет ни князей, ни дворян. Там поселены только шин-кма и крестьяне. Земли, отведенные для шина-кма, составляют наследственную их собственность. В Учамчире поселены были турецкие выходцы. Они не платили владетелю никаких податей и не отбывали повинностей, с них только взыскивалась в пользу владетеля небольшая пошлина за вывозимые за границу местные произведения.

В бзыбском округе, в селении Ацы, брат владетеля, князь Александр имеет 20 дворов крестьян.

Для выдела родовых имений членов владетельного дома, нет в Абхазии никаких правил, и примеров такого раздела не было. Содержание князей владетельного дома зависело от произвола владетеля.

Родовые имения княжеских фамилий. Анчебадзе владели селениями Ачандара, Гума, Лабра, Чилоу и Ткварчал.

Инал-ипа владели селениями: Лыдзаа, Аджапхуны, Васа, Ашлара, Папцхва.

Маршани владели селениями: Мытцара, Акапа, Гуп и Джгерды. Дзяпш-иповым принадлежали селения Ешира и Тхина.

Эмухвари имели в Пицундском округе селение Емхы.

Чабалырхва владели около Соук-су селениями Чабалырхва, Аквоскемца и частию Абжаквы.

Родовые имения дворянских фамилий. Ман владели селениями: Чигурхва, Джирхва, Хвап, Мыгу-Дзырхва, Апыцхва, Псырдзха, Адзыбжа (Кодор), Маркула.

Жван владели: Жвандрыпш и Дранда.

Лакер владели: Дурипш, Рывта, Куланырхва.

Акыртаа и Баг владели частью Аацы.

Блаб владели Блабырхва.

Микан владели Анхва.

Чирик владели Яштхва.

* * *

Поземельная собственность и права наследства. В Абхазии права поземельной собственности свято соблюдались. Земли, поступавшие во владение какого-либо рода, несмотря на различие происхождения, оставались в его владении до последнего потомка мужской линии. Конфискация имений здесь не существовала. Недвижимое имение переходила по наследству только к мужской линии, женская не имела никакого права.

При разделе имений соблюдался следующий порядок. Из движимого старший брат получал по одной вещи по своему выбору, в том внимании, что он, как глава семейства трудился о сбережении имения и его приращении. Самому младшему отдавали строения, воздвигнутые отцом, и затем все остальное движимое и недвижимое имение разделяли поровну между всеми сыновьями и в дележе этом принимали участие и старший, и самый младший.

Женская линия могла получать по завещанию какую-либо часть из движимого имения, но на недвижимое ни в каком случае права не имела.

О выморочных имениях. Выморочные княжеские и дворянские имения поступали в пользу владетеля, а крестьянские в пользу их помещиков.

Выморочным имением считается такое, на которое не осталось решительно никакого мужского наследника, хотя бы самого дальнего и проживающего даже за пределами Абхазии.

Права крестьян. Крестьяне владетельские, княжеские и дворянские пользовались отведенными им землями, которых помещики отнимать у них были не вправе. Крестьяне, в свою очередь, не имели права переходить из одного имения в другое.

Если бы крестьянин осмелился оставить своего помещика без уважительной к тому причины, то его преследовали бы как беглого и заставили бы переселиться на прежнее место. Но крестьянин, претерпевавший притеснение со стороны помещика, свободно оставлял его и переходил под покровительство другого. Последний должен был принять роль примирителя и держать у себя перешедшего крестьянина до тех пор, пока спор между крестьянином и помещиком не оканчивался судом посредников. Когда суд посредников рассмотрел и решил дело, то при объявлении решения требовалось представление поручителей со стороны виновной в том, что впредь она подобного самоволия не будет производить.

До решения дела крестьянин пользовался гостеприимством и не отбывал никаких повинностей, ни настоящему своему помещику, ни тому, который принял его под покровительство. От принятия крестьян под покровительство в подобных случаях никто не вправе был отказаться. Из этого исключались владетельские крестьяне, но тут действовало право сильного.

Охранение общественной безопасности и спокойствия. В Абхазии общественная безопасность и спокойствие ничем не были ограждены. Полицейских для этого мер здесь не существовало. Свобода употребления оружия ограждала каждого от насилия; но при том та же свобода составляла главную причину беспорядков в крае. Не желающий участвовать в кровомщении вовлекался в эти отношения обстоятельствами. Достаточно было, чтобы близкий его родственник претерпел кровную обиду. Эта обида считалась и его обидою, и он обязан был вмешаться в беспорядки, которых сам делался жертвою. Люди, не имевшие собственности и не дорожившие ничем находили в подобных случаях, средства к приобретению тем более, что все захваченное во время кровомщения оставалось безвозвратно в руках похитителей. Вот причины, почему каждый абхазец не расставался с оружием; с оружием в руках абхазцы выходили на полевые работы и не оставляли переходя или переезжая самые малые расстояния.

Гостеприимство. Обычай гостеприимства в Абхазии свято соблюдался. Гостю, хотя бы преступнику, нельзя было отказать в гостеприимстве и нельзя было выдать его, несмотря ни на какие требования. Владетель не вправе был нарушить это обыкновение. Он мог только приказать удалить из края гостя-преступника, но и то в безопасное место и туда, куда последний пожелает. В памяти народной сохранилось несколько фактов, доказывающих, как в прежние времена строго соблюдалось это правило. Во времена владетеля Зураба, предместника Келиш-бея, один из турецких пашей, обреченный султаном на смертную казнь, бежал в Абхазию. Султан несколько раз требовал выдать пашу; но владетель отвечал, что требования эти не соответствуют абхазским обычаям. Султан для поддержания требований своих употребил силу оружия. Это не поколебало абхазцев, они приготовились встретить турецкие войска. Обреченный на смерть паша удалился из Абхазии, по желанию своему на север. Другой подобный пример был при владетеле Келиш-бее. Один из важных преступников мингрельцев бежал в Абхазию. Хотя Келиш-бей был соединен тесными узами дружбы с владетелем Мингрелии, но должен был отказать последнему в выдаче преступника.

Все классы народа в Абхазии обязаны были оказывать гостеприимство даже незнакомым людям. Из этого исключены ахуйу. Хотя при каждом случав, который посылал им гостя они принимали его радушно, но горец знакомый с обычаями абхазскими, останавливался у ахуйу только в крайних случаях.

Порядок сбора милиции. Для сбора милиции в Абхазии существовал следующий порядок. Владетель посылал приказание по целому краю, или в одну часть его, приготовить милицию. Владельцы передавали это приказание своим подвластным, и последние, в каждой деревне или околодке, приготовлялись все поголовно. Когда приготовление было окончено и поступило распоряжение о сборе, то ратники решали сами, кто должен выступить в поход и кто должен остаться. От похода освобождались обыкновенно старики и молодые люди, не бывшие в делах, ежели предварительным распоряжением не потребовалось усиленного сбора. После окончательного объявления, на сборных уже пунктах, о числе милиции,

требуемой с каждой деревни или околодка, милиционеры вторично делали между собою выбор и лишних отправляли по домам. Не участвовавшие в милиции должны были доставлять продовольствие и прочие предметы, необходимые для похода. Все это делалось по нарядам обществ. Владельцы в распоряжения эти не вмешивались. Они только наблюдали, чтобы из деревень их милиция выступала в назначенном числе, и вели ее по назначению.

Произведения края. Географическая широта, под которою находится Абхазия и то, что край защищен от севера высокими горами, способствуют произрастанию здесь произведений южных стран. В Сухуме в казенном саду растут в грунте и дают цветы камелии и мирты; около Гагр найдены полковником Колодеевым масличные деревья, дикорастущие. Часть их пересажена в казенный сад в Сухуме. Тут они принялись очень хорошо и дают плоды; лимонные деревья здесь можно разводить, сажая молодые побеги прямо в грунт. Это я говорю по опыту.

Из произведений края замечательнейшие: свинцовая руда в селении Анхва и каменный уголь за селением Аацы, в расстоянии 15 верст от берега моря, у горы, называемой Сафер-беевой шапкой. Надобно полагать, что каменный уголь находится в Псху, а в Аацы только продолжение псхувских кряжей. К этому заключению приводит меня следующее, в 1845 или в 1846 году я встретился на одном из кавказских пароходов с несколькими псхувскими князьями Маршани. Рассматривая английский уголь, который тогда употребляем был на пароходах, они объяснили, что такое же вещество находится у них в горах. Один даже имел при себе несколько небольших кусков угля, не помню для какого употребления. Местность Аацы есть продолжение подошв псхувских гор. Около той же деревни Аацы находится глина для огнеупорного кирпича.

Леса Абхазии в большом изобилии и хорошего качества, в особенности народный дуб. О качестве лесов я говорю из опыта. Кроме дуба большее изобилие тут: ясеня, ореха, пальмового дерева, которое в значительном количестве вывозится в Турцию, красного дерева под названием негной и буку.

Абхазская флора небогата.

Виноград растет здесь в большом изобилии и почти без всякого ухода. Его пускают на большие деревья, и в таком виде виноградные лозы достигают гигантских размеров. Они покрывают вековые деревья. Несмотря на такой небрежный уход, виноград выходит хорош; вино, выделанное из него под названием Бомборского, вывозимо было до войны в значительном количестве в Крым и имело там хороший сбыт.

Скотоводство и хлебопашество. Скотоводство заметно развивается в абживском округе, хлебопашество в пицундском. Развитию этому способствует местность округов.

Скот абхазский по неимению зимою сухого фуража, мелкий и не может иметь достаточного сбыта на рынке. Буйволы только - хорошей породы и стоят в цене.

Из сортов хлеба сеют только кукурузу и гомию (род проса).

Промышленность и торговля. Торговлей абхазцы не занимаются. Она вся в руках турок и мингрельцев. Абхазцы же торговлю считают делом постыдным. Вся торговля состоит в обмене сырых абхазских произведений преимущественно на соль и бумажные грубые изделия заграничного производства.

Промышленность также слабо развивается.

Газ. «Кавказ», 1867 г. №№59-61,63.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СУХУМ-КАЛЕ»

Сухум-Кале. 27-го августа. Наступает конец лета, а вместе с тем конец различным времяпровождениям, которые составляют для многих необходимую принадлежность летнего сезона - я говорю про поездки к минеральным водам, к целительным грязям, к морским купаниям, поездки с различными целями и надеждами, и без всяких целей и надежд, - просто с скромным желанием проехаться, поглядеть, время убить.

Скоро Сухум будет видеть обратное течение путешественников, которые совершили поездки - кто на целебные грязи на Таманском полуострове, около Керчи и Феодосии, кто на южный берег Крыма, на морские купания, и т.д.; а стечение будет

громадное, судя по тому, что все эти места, особенно последнее, осчастливлено пребыванием государя императора, - привлекает в этот год большое число посетителей на Кавказ, из других мест России и из-за границы. Только наше восточное прибрежье бедно посетителями: едущих сюда лечиться очень немного, о чем мы уже говорили в прошлом сообщении; желающих поглазеть на этот уголок еще меньше, а исследователей и мирных путешественников совсем нет. Оно и понятно, - все боятся лихорадки и неудобства жизни и скорее едут на южный берег Крыма, чем на новый какой-нибудь пункт нашего прибрежья. А помимо лечения здешним благорастворённым морским воздухом, наше прибрежье представляет также возможность пользоваться и морскими купаниями, благодетельное действие которых на весьма многие болезни теперь вне всякого сомнения. Немногие больные, едущие сюда с этой целью избирают либо Сухум, либо Гагры, небольшое укрепление, лежащее на север от Сухума, где находится один линейный батальон, и которое прикреплено к скале, словно гнездо ласточки. Чающие найти в этом месте, какие бы то ни было удобства горько разочаровываются в своих надеждах, но по крайней мере утешают себя мыслью, что они будто бы обезопасены от лихорадок, хотя эти кавказские фурии (да простит мне Юпитер подобное сравнение!) - правда, редко, - но все же встречаются и там. Летний сезон этого года в Гаграх был крайне беден посетителями: всего три-четыре гостя, а в Сухуме - и того меньше: тут купались только постоянные жители, а приезжих почти совсем не было.

Наше Черное море вело себя это лето не совсем тихо и мирно. Известия о частых бурях и крушениях судов на Черном и Азовском морях, я думаю уже известны читателям из столичных газет. Отовсюду слышны рассказы о том, как тешится море в своем «роковом просторе» отовсюду слышишь жалобы на неприятности качки и ее результата - морской болезни, на что так щедро теперь наше море; отовсюду получаешь известия о различных вынесенных судами авариях, (слово техническое - означающее бурю или вообще непогоду на море). В сухумский рейд, который представляет естественную и довольно спокойную бухту, постоянно заходят суда, чтобы переждать непогоду и отдохнуть

после борьбы с бурным ветром; очень часто также заходят сюда суда по причине значительных повреждений, течи, подмоченного груза и т.п. обстоятельствам, мешающим продолжать дальнейший путь.

Говорят, что новый пароход рионского пароходства «Новосельский», о появлении которого мы уже сообщали, вытерпел около Редут-Кале такую сильную бурю, что вынужден прекратить теперь на время свои рейсы до исправления нанесенных ему повреждений. Говорят также, что устройстве парохода (он плоскодонный, приспособленный к речному, но не к морскому плаванию) было отчасти причиной неблагоприятного исхода борьбы с бурей. Уже около месяца, как мы не видим его на нашем рейде, - обстоятельство, дающее большую вероятность сообщенным выше слухам.

Несмотря на довольно бурную погоду на море, мы никогда не видели водяных смерчей, которые несколько раз наблюдались в Азовском море и наделали там немало бед, о чем читатели тоже, вероятно, знают из столичных газет.

Не могу пройти молчанием одного отрадного факта, касающегося нашей территории. В прошлых нумерах «Кавказа» был помещен труд г-на Завадского, который как нами, так, вероятно, и остальной читающей публикой, был встречен с большим удовольствием. Труд этот, под немного громким заглавием: «Абхазия и Цебельда», в сущности есть нечто иное, как краткий социально-статистический этюд, род кратких заметок - об этой местности, составленных однако очень добросовестно, с большим старанием и знанием того, о чем говорит автор.

При поразительной бедности подобного рода произведений в нашей современной кавказской литературе труд этот производит приятное впечатление и принимается с благодарностью, тем более, что он может служить драгоценным материалом для дальнейших описаний нашего края.

Г. Завадский хорошо знает Абхазию, потому что он прожил в ней порядочное число лет и имел случай ознакомиться с ней, не сидя в кабинете, а непосредственно наблюдая и сближаясь с тамошним людом.

Было бы очень желательно, чтобы он, либо кто другой, более подробно и все сторонне познакомил бы нас с этой богатой, но к сожалению, мало известной еще страной и подарил бы публике кроме кратких, в виде конспекта, заметок, уже напечатанных, более обстоятельное и подробное сочинение, в котором указал бы главным образом на промышленное, положение и на те природные богатства страны, эксплуатация которых могла бы значительно увеличить общественное, промышленное и торговое значение этой страны.

Вот одна из тех задач нашего времени, которые стоят на очереди и настоятельно требуют разрешения, - задача, которая, по нашему крайнему разумению, исключительно должна занимать лица, по мере знания, сил и возможностей изучающие Кавказ и знакомящие с ним нашу публику. Задача эта, повторяем, - реальное, естественно научное изучение Кавказа и его природных богатств и указание на те виды добывающей и обрабатывающей промышленности, которые находятся либо в неизвестности, либо в младенчестве, либо творятся нелепо, нерасчетливо, без учения, без знания, а потому - и без толку. Немного у нас трудов, совершенных в этом направлении, и справедлив и тягостен тот упрек, который делают нам жители коренной России, что мы не знаем нашего Кавказа; особенно тягостен он для туземцев, которые отличаются замечательным равнодушием к изучению своего родного края в этом направлении, преимущественно полезном и могущем дать блистательные результаты.

Начало сделано. Дай Бог, чтобы с легкой руки г-на Завадского мы побольше и "подельнее" стали бы производить исследования и писать о крае, в котором уже довольно давно стали жить мирно, без военных действий, а это обстоятельство дает возможность всецело и спокойно предаться этому честному и полезному делу.

Газ."Кавказ", 1867 г., №73

ИЗ СТАТЬИ «О ПОЛОЖЕНИИ АБХАЗИИ В РЕЛИГИОЗНОМ ОТНОШЕНИИ»

Население Абхазии, в религиозном отношении может быть разделено в настоящее время на православных христиан, магометан и язычников; хотя, собственно говоря, нет ни одной религии, которая бы сохранила свою чистоту.

В древнейшие времена абхазцы были язычниками, поклонялись священным деревьям и вообще обожали природу. Но с прибытием в страну св. апостола Андрея Первозванного, внесшего сюда слово божие, язычники начали поклоняться истинному богу. В последние времена, вследствие различных переворотов в судьбе народа христианство, несмотря на влияние Византии, весьма много содействовавшей к поддержанию его, стало снова падать. Вместе с подпадением Абхазии под власть турок в стране стали упадать начала христианства и большая часть населения, хотя только по внешности, однако принуждена была принять магометанство. В 1808 году, при принятии владетелем Сафар-беем подданства России, христианство снова было введено и православная религия, павшая во время владычества турок, стала опять водворяться между населением.

Магометанская религия в крае не имела значительного успеха, христианская то же окончательно не привилась, так что господствующая религия в Абхазии все-таки осталась языческая, к которой, к сожалению принадлежит и теперь главная часть народонаселения. Христиане и магометане, по незнанию догматов религии, а главное, по причине общего недостатка образования, за исключением весьма немногих, проникнуты также языческим суеверием, смешали свои обряды с языческими и вообще имеют самое шаткое и искаженное понятие о боге. Так что, говоря вообще, все жители Абхазии, без различия вероисповедования, поклоняются некоторым божествам, совершают языческие обряды и приносят жертвоприношения.

Мы находим излишним распространяться про абхазскую мифологию; желающие с нею познакомиться могут обратиться к статье г.Званбая «Абхазская мифология и проч.», помещенной в газете «Кавказ» №№ 81 и 82 за 1855 г. и снова перепечатанной

в 1867 году; здесь же достаточно сказать, что главных божеств считается пять: Афы, бог грома и молнии, Джаджы, бог растительности, Шасшу, покровитель кузнецов, Ажвепшаа Абна-Инчваху, бог лесов, охоты и зверей, и наконец Айтар, покровитель домашнего скота. Все эти божества, по мнению абхазцев, созданы всевышним для покровительства людям на земле; определенных форм они не имеют, но им нужно приносить жертвы для испрошения их покровительства. Замечательно, что все вообще абхазцы признают всевышнего, как бога богов и поклоняются ему. Они также имеют без различия вероисповеданий и сословий один общий праздник Амшап, совпадающий всегда с днем пасхи у православных христиан. Амшап - значит по-абхазски: предшествующий день. В 1-й день этого праздника каждый хозяин режет скотину и приготовленным из него кушаньем как бы разговляется, - к этому же празднику красят яйца. Второй же день назначен для поздравлений и поминок, - в этот день при встречах поздравляют друг друга и передают желание провести счастливо наступающее время. Множество развалин древних храмов и монастырей, разбросанных повсеместно доказывает, что здешнее народонаселение исповедовало когда-то христианскую веру.

При Юстиниане было построено несколько храмов, в том числе храм во имя божьей матери в Пицунде. Кроме того, о процветании христианства в стране свидетельствуют храмы, сохранившиеся до настоящего времени в с.с.Соуксу Драндах, Дыдрыпш. Мук, Илори и других. Из них Илорский, построенный, по преданию еще в IV веке, во имя св. Георгия, пользуется и поныне особенным уважением не только абхазцев, но даже самурзаканцев, мингрельцев и имеретин.

С водворением владычества и влияния турецкого, т.е. с исхода XVI столетия, явились здесь первые проповедники учения Магомета. Турки не щадили ни издержек, ни трудов для привлечения жителей к исламизму. Но несмотря, однако на давность появления этого учения и на постоянные усилия турецкого правительства, проповедники ислама, встречая противодействие в господствующем классе населения, не имели сначала здесь успеха.

В конце прошлого и в начала нынешнего столетия, магометан между жителями, было весьма немного и только некоторые лица, имевшие частные торговые сношения с турками и вступившие с ними в родство и связи, приняли магометанскую веру. Но мало помалу, в числе последователей исламизма начали появляться лица первостепенных княжеских и дворянских фамилий и, к сожалению в то время, когда магометанские муллы при содействии своего правительства, несмотря на неудачи, прибегали к сильным и энергическим мерам для распространения своего учения, край этот нами оставлен был в совершенном забвении. При бездействии нашем последование исламизма начало быстро развиваться; появились муллы даже из горцев и вскоре княжеские и дворянские роды, за весьма редким исключением, предались мусульманству.

Примеру князей и дворян последовала значительнейшая часть подданных, и в настоящее время святое учение сохранилось только в доме князей Шервашидзе* и частию в низшем сословии. Но и эта незначительная часть христианского народонаселения большею частью, христиане только по имени; они совершенно незнакомы с догматами исповедуемой ими веры, и даже члены бывшего владетельного дома открыто присваивали себе имена магометанские, христианские же их имена в народе даже мало известны.

По мере успехов исламизма, учение пророка приняло направление политическое и в настоящее время, с исповеданием магометанской религии как бы соединяется понятие о противодействии владычеству нашему на Кавказе. Исповедание мусульманской веры сделалось как бы отличительным признаком высшего и порядочного класса людей, так что многие без всякого убеждения, а только из желания не отделяться от порядочных людей принимали магометанскую веру.

До минувшей войны, народонаселение Абхазии, отличалось значительной веротерпимостью и даже мусульмане нисколько

** Сафар-бей, владетель Абхазии, приняв в 1808 г. подданство России, вместе с тем принял и св.крещение; семейство его тоже принадлежало к православным христианам.*

не чуждались браков с христианами. Во многих семействах одни дети следовали учению христианскому, другие магометанскому, без всяких семейных раздоров. Такое равнодушие к религии служило явным признаком, что народ готов принять ту которая выставлена будет ему лучшею. Ныне уже начал проявляться дух нетерпимости, и есть много примеров, что при желании отца-христианина, мать-магометанка не дозволяет крестить детей своих.

Одной из главнейших причин такого положения христианства в Абхазии было совершенное равнодушие бывшего владетеля Шервашидзе, и вообще членов этой фамилии к предупреждению действий проповедников Магомета, которые готовы были прибегать ко всевозможным средствам для совращения христиан в магометанство.

В то время, как проповедники учения Магомета, не устрашаясь неудач и препятствий, шли к своей цели с силою и упорством и не щадя ни средств, ни трудов, устраивали на собственный счет мечети и школы; наше духовенство, не приготовленное как миссионеры, конечно, не могло иметь успеха и не пользовалось большим уважением. Церкви и монастыри в Абхазии находились в развалинах, храмы лишены были всякого благолепия, народ не сохранял в церквах благочиния, многие никогда не бывали на исповеди и у св. причастия, и вообще не только что не исполняли никаких таинств, но смотрели на них с полным равнодушием.

Христианская религия распространяется здесь слабо. Абхазское духовенство почта без исключения не владеет абхазским языком[43] и народ охотнее слушает понятную ему проповедь об учении Магомета.

Несмотря однако на то, что исламизм, по-видимому, взял вверх над христианством, - есть еще весьма много начал, опираясь на которые можно с успехом действовать для восстановления здесь христианства.

Народонаселение Абхазии, принимая исламизм примешивало к этой вере остатки прежних своих верований и абхазцы, называя себя магометанами, вообще весьма плохие мусульмане. Они нисколько не знакомы с догматами исламизма, не имеют совершенно никакого понятия о коране, и вообще

исламизм не оказывает заметного влияния на образ мыслей туземцев и на их нравственность; весьма многие даже не исполняют магометанских обрядов; большая часть до сих вор следует некоторым, обрядам христианским, смешивая их с языческими; празднуют светлое Христово воскресение, рождество Христово и Троицын день; почти все едят свинину и пьют вино, и вообще весьма мало заботятся о пророке.

Но из этого еще нельзя выводить заключения; чтобы жителей, совращенных в магометанство легко было бы снова склонить к принятию св. крещения, но следует заключить то, что если не будут приняты меры к уничтожению влияния проповедников корана, то народонаселение Абхазии при суеверии своем может быть ловкими проповедниками весьма легко завлечено в фанатизм и тогда будет трудно не только восстановлять христианство, но даже без значительных пожертвований и совладеть с ними. В возмущении 1866 г., религиозный вопрос играл немалую роль в этом кровавом происшествии.

Меры, о которых мы упомянули, должны иметь характер мягкий, резкость действий может возбудить фанатизм магометанского народонаселения и вообще иметь весьма неблагоприятные последствия.

Отсюда видна вся важность учреждения в Абхазии миссии из людей, к тому специально приготовленных, возобновления храмов и некоторых монастырей и устройства в крае духовного училища.

Нет сомнения, что проповедники слова божия встретят здесь величайшие затруднения и должны будут действовать с необыкновенным терпением и искусством, а потому то для выполнения святой цели нужно обратить особое внимание на выбор людей и только при миссионерах умных, искренне преданных делу и изучивших народные обычаи и язык, возможно ожидать совершенного успеха.

Нет сомнения, что только этим способом возможно поддержать и даже придать движение и развитие христианству, приостановить в то же время усиленные действия мусульманского духовенства и искоренить вместе с тем некоторые обычаи, несовместимые с учением Христовым.

Считаем не лишним упомянуть здесь о некоторых из обычаев, особенно вредных не только чистоте, но и распространению

религии, и искоренение которых потребует чрезвычайных усилий, как со стороны духовенства, так и со стороны светских властей, - например, обычай бросать жен по болезни их или за нерождение сына. Абхазец считает совершенно естественным удалить из своего дома как неспособную к семейной жизни жену, часто или продолжительно болеющую или нерожающую ему сына. В первом случае жена уходит к родителям, родственникам или к каким-нибудь знакомым откуда по выздоровлении, она все-таки не теряет права снова возвратиться в дом мужа; во втором случае возврат ее почти невозможен. Муж во время отсутствия жены берет другую и случается так, что по возвращении, первая застает в своем доме уже целое новое семейство; но это нисколько не мешает мужу принять ее снова и продолжать жить с обеими; поэтому часто встречается, что у абхазца христианина две жены, дети от обеих, и он живет с ними совершенно как мусульманин.

Обычай не жениться на девушке, а держать ее вместе с тем в доме, как жену. Абхазец, с дозволения родителей, берет у них дочь, живет с ней, как с женою, но женится на ней только тогда, когда она окажется способною быть хорошею хозяйкою, испытание это продолжается год, иногда и более.

Обычай отдавать детей на воспитание магометанам. Отец, к какому бы сословию он не принадлежал, считает предосудительным держать при себе своих детей, так что, если ему только позволяют это средства, он всегда старается сыновей, равно как и дочерей, отдавать на воспитание в чужие руки и преимущественно магометан. Дети, которых аталыки / воспитатели/ возвращают родителям уже взрослыми, конечно, не крещенные, исповедуют магометанскую веру и вносят в дом отца все обычаи мусульманства; следствием этого бывают весьма часто семейные раздоры....

Обычай не оставлять вдовою жену умершего брата. Так как здесь весьма часто бывают, что в одном семействе исповедуют разные веры, то в таком случав если один брат христианин умрет, то другой брат, магометанин, женится на вдове его и из этого выходят, что христианка сделавшись женою магометанина переходит в мусульманство.

Обычай, дозволяющий жениться христианам на магометанках и наоборот. Из этого само собою выходит, что вследствие любви и привязанности весьма часто меняется религия.

Наконец обычай гостеприимства. Часто крестьяне недовольные своим помещиком, целыми селами переселяются под покровительство какого-нибудь влиятельного лица и тогда, если он мусульманин и потребует от них перемены веры, то они, чтоб не лишиться его покровительства и куска хлеба, конечно, бывают принуждены исполнить его волю. Но не лучше бывает, если и мусульмане прибегают к гостеприимству христианина; постоянно осмеивая посты, обряды и образ жизни христиан, они нередко совращают их с пути истинного и проповедью своею имеют, конечно, огромное влияние на абхазцев...

Газ. «Кавказ», 1868 г., № 5

ИЗ СТАТЬИ П. НЕВСКОГО «ЗАКУБАНСКИЙ КРАЙ В 1864 г. (ПУТЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)»

В мае 1864 г., на южном склоне Западного Кавказа, разыгран был последний акт кровавой драмы, длившейся много лет. С этого времени физиономия Закубанского края* изменилась в более определенную форму, хотя еще и доселе неустановившуюся. Пищущий эти строки отчасти был свидетелем этой метаморфозы, во время странствований по краю, тотчас же по окончании военных действий; тогда все имело особенный оригинальный характер, - вообще носило отпечаток военной суеты, проявляющейся как в устройстве поселений, дорог, так и в самом образе жизни обывателей этого в те время обширного военного стана. Поселенцы, заручившись льготами и помощью

** Под именем Закубанского края мы разумеем здесь пространство, заключенное меяду р.р. Кубанью, Бзыбом и Черным морем.*

правительства, лениво, спустя рукава, устраивали свой быт и хозяйство и т.п. Такая картина, со всеми оттенками, представлялась нам на каждом шагу.

Оригинальнейшим из последних эпизодов войны на Западном Кавказе было переселение горцев в Турцию единодушное и почти одновременное, как будто они повиновались влиянию какой-нибудь особенной силы, призывавшей их куда-то, в неведомую даль. Таким образом, в 1864 году, в глубине гор, на обоих склонах Западного Кавказа, до абхазской границы, была пустыня, где нередко встречались казачьи посты, лагеря русских отрядов, да дымящиеся развалины аулов, - печальные остатки кипевшей некогда здесь жизни.

Бывшие обитатели Закубанского края долго отстаивали свою независимость, свои горы и леса; но, вследствие исторического хода событий должны были покинуть свои пепелища и искать нового счастья в добровольном изгнании.

Будущий историк Кавказа тщетно будет искать рассказов, преданий и пр. о жизни и нравах суровых и диких противников наших; по большей части он встретит лишь одни, ничего не выражающие, названия племен, да разноречивые повествования так называемых людей бывалых; письменных актов, летописей, легенд, песен, сказок и пр. не найдет, потому что у горцев письменности почти не было; памятников зодчества и др. данных, по которым ученый привык делать свои неясные, разноречивые, часто не верные и обманчивые заключения о прошлом, имеется слишком мало, да и те не исследованы; воинственные сыны Кавказа, современные нам, жили племенной жизнью так же как и все народы в старину до начала исторической жизни. Самая местность на каждом шагу представляла естественные преграды как иноземному вторжению, так и мирным сношениям с другими народами. Вследствие такой замкнутости, постоянных междуусобий и неурядицы, воинственность развилась у горцев в ущерб гражданственности и всем ее благим последствиям. При таких условиях, всякие изыскания по прошедшей жизни горцев почти невозможны, в особенности теперь, когда уже многие кавказские племена положительно исчезли и унесли особой в вечность свое прошлое.

Все выселившиеся племена западного Кавказа принадлежали главным образом к двум поколениям - Адыге и Азега и имели свои особые языки, за исключением - ногайцев - говоривших по-татарски, убыхов, имевших совершенно отдельный язык, не принадлежащий ни к одному из означенных языков и хакучей, у которых образовалась смесь из всех наречий закубанских племен, вследствие особенных условий происхождения этого общества.

Последние военные действия даховского отряда направлены были весною 1864 года исключительно против убыхов, последнего племени, стоявшего до тех пор всегда во главе горцев западного Кавказа в войне против России и пользовавшихся у них обоянием особенного могущества, которого на самом деле не было.

Убыхи владели самыми лучшими по плодородию климату землями, занимались преимущественно земледелием, торговлей и имели много рабов. Территория их, примыкавшая с одной стороны к главному хребту, а с противоположной к Черному морю, что было довольно удобно для сношений как с горскими племенами, так и с турками. Ближайшими соседями их были: шапсуги, хакучи, джигеты и пр. Происхождение убыхов неизвестно, некоторые полагают их потомками алан?!

Племя это, слабое числом, но более прочих развитое, было самое аристократическое и богатое на всем западном Кавказе. Многие члены его имели сношения с Стамбулом, роднились с турецкими вельможами, что в глазах горцев имело важное значение, почему, вероятно, убыхи и приобрели большое влияние на дела закубанских племен. Заслоненные от ударов русских натухайцами, шапсугами и абадзехами, они были спокойными зрителями гибели своих соседей, беспрестанно впрочем поджигая их к войне с нами; снабжали их иногда более или менее искусными предводителями (из коих в последние годы прославился Хаджи Дагомуков), небольшое число воинов, искавших боевой славы, а более всего заманчивыми обещаниями скорой и сильной помощи из-за моря. Простодушные горцы слепо верили словам и мнимому могуществу убыхов и напрягали все усилия в борьбе с нами, в которой и гибли бесполезно. С падением этого оплота исчезло мгновенно и мнимое могущество

убыхов, разделившихся в последнее время на 2 партии: войны и мира. Первая одержала верх; но вспышка была более чем ничтожна, непродолжительна и проявилась только в одном значительном деле, - 18 марта 1864 г., при устье р. Гойдликх (впадающей в море), у развалин древнего христианского монастыря, где убыхи были разбиты... Хладнокровные зрители этого дела - 8 ничтожных авантюристов - (поляки и французы), приехавших с нарезными пушками защищать убыхов против нас, поспешно бежали в Турцию на кочерме, предварительно затопив в реке нарезное стальное орудие (армстронга), вытащенное впоследствии нашими войсками.

Не менее убыхов замечательны и хакучи. Изолированное общество это было весьма немно. очисленно и составлялось из бродяг - абреков различных горских племен, неужившихся почему-либо на родине и беглых русских солдат и казаков. С данного времени сброд этот занимал верховья р. Псезуапсе, под главным хребтом, в местности чрезвычайно суровой, доступной только в летние месяцы, потому что зимою глубокие снега, покрывавшие даже леса, совершенно отрезывали хакучей от остального мира. Такая обстановка и разбойничий элемент сделали их до того дикими и неприязненными, что они избегали всяких сношений с людьми; вели беспрерывную войну с соседями, не открытой силой, а посредством хитрости, засад с величайшим жестокосердием... Они были чрезвычайно скрытны, не поддавались ни на какие подарки и деньги, не имевшие для них никакого значения. Религиозные верования их были не менее оригинальны: на полях и кладбищах они ставили кресты, и вместе с тем исполняли многие магометанские и языческие обряды.

Совершенная отчужденность хакучей не мешала им однако знать положение дел своих соседей, но, надеясь на свою неприступную местность, они не ждали вторжения русских и упорно отказывались от переселения. С жестоким сопротивлением встретили они русские войска, действуя врассыпную, небольшими партиями, внезапно нападая из засад. Хотя они и терпели поражения на каждом шагу, но нужны были долгие усилия и труды, чтобы выжить их совершенно: не имея пристанища в истребленных огнем аулах, захватив продо-

вольствие, они разбрелись отдельными группами по дремучим лесам своей родины и долго поддерживали разбойничью войну, скрываясь от преследования в таких трущобах, куда не скоро мог проникнуть наш стрелок.

Из Хакучинского укр. (связанного с морским берегом кордонной линией) постоянно высылались легкие колонные и стрелковые команды, которые, исходив эту трущобу во всех направлениях, в половине августа 1864 г. почти совершенно изгнали упорных врагов; но и после еще гнездились кой-где отдельные партии, затруднявшие местные войска...

Эта последняя борьба была лишь незначительным исключением в общем ходе событий 1864 года. Вообще, Закубанскую область можно было уподобить колеблющейся поверхности моря после недавней бури, с разбросанными повсюду обломками судов и пр. Такой характер имели склоны западного Кавказа и берега Черного моря в июне 1864 г. В дремучих вековых лесах, покрывающих сплошною массой горы, все было мертво, тихо как в пустыне. На небольших полянах, изредка встречающихся в этом мрачном царстве лесов, на неприступных скалах, виднелись лишь обгорелые остатки аулов., где порою жалобный вой голодных собак, да ропот бурного потока нарушали глубокое безмолвие, воцарившееся повсюду. На каждом шагу, в особенности на берегах моря, видны были следы переселения горцев: везде разбросанные трупы животных, разная домашняя рухлядь и т.п. По узкой полосе пустынного морского берега, где изредка пройдет бывало торопливым шагом отряд войска, уныло бродили полуживые лошади, рогатый скот, овцы, кошки, собаки; валялся разный хлам, выброшенный на берег морскими волнами; множество гниющих трупов животных заражали раскаленный воздух... Всюду носился отпечаток смерти и запустения... Еще незаметен был быстрый переход от военных бурь к мирному преобразованию страны, долго бывшей театром упорной борьбы цивилизации с ... фанатизмом и дикою необузданною свободой горцев, борьбы - имевшей даже некоторую поддержку издалека; но ничто не устояло пред всесокрушающей силой времени, повергающего в область смерти все старое, которое должно было уступить место новой жизни, полной сил и энергии. Но первым новым поселенцам этой

прекрасной страны, русским солдатам и казакам, после боевой деятельности, тотчас же предстояла не менее трудная работа по устройству края, как напр., проложение дорог чрез неприступные горы, постройка станиц, штаб квартир и др. поселений. Но вообще развитие края, согласно обстоятельствам, относится уже к другой эпохе, не входящей в программу наших заметок, почему мы снова обратимся к рассказу о бывших обитателях его.

Аулы закубанских горцев состояли из отдельных, так сказать хуторов,- разбросанных по лесам; скучивалось не более 10 дворов, а чаще 3-5, смотря по свойству местности и экономических условий. Жилища их были весьма незатейливы. Деревянные вообще сакли, с тесовыми иногда крышами, походили иногда на малороссийские хаты, обмазанные только одной глиною. Хижина разделялась на две половины: одна предназначалась для приема гостей, другую занимала семья поселянина. Посредине сакли, во всякое время дня и ночи и во всякое время года горел или курился костер, вокруг которого располагались все на корточках; здесь же готовилось и кушанье; над таким очагом устраивалась в крыше деревянная дымовая труба, обмазанная глиной; свет проникал в саклю чрез небольшие окна, без рам и стекол, закрывающихся на ночь деревянными ставнями. Богатые горцы устраивали свои жилища несколько комфортабельнее, вставляли в окна даже рамы со стеклами, введенные в употребление пленными и беглыми русскими солдатами и казаками. К сакле примыкали хлевы, конюшни, гумна для кукурузы и пр. Дворы обносились деревянными заборами, а также и сады, которые были у всякого. К усадьбе, если позволяла местность, непосредственно и примыкало и поле.

Социальное устройство закубанских горцев имело особенный своеобразный характер. Каждое племя (клан) делилось на колена и роды; но это деление было только номинальное: крепкая социальная организация невозможна в таком обществе, каждый член которого считает себя совершенно свободным, независимым в обширном значении этого слова; где обычай (адат), переходивший из рода в род, заменял законы...

Администрация горцев была также оригинальна. Аул занимал нередко пространство в 1 кв. милю, по причине своей

разбросанности, заключал около сотни дворов; эта сотня управлялась старшиной и составляла как бы отдельную республику; следовательно, каждое племя - федерация нескольких подобных республик. Общие дела народные решались в собраниях депутатов, посылаемых от каждой сотни по 2. Такие собрания созывались очень редко, в случаях особенной важности. Сотни, вообще, делившиеся на десятки, управлялись комитетом из 10 десятков под председательством старшины. Вообще у всех закубанских племен правление было вполне республиканское, демократическое, за исключением убыхов, где преобладал аристократический элемент...

* * *

Богослужение совершалось при полном собрании народа, под открытым небом, в какой-нибудь священной роще, где под сенью развесистого дуба устраивался алтарь, украшенный простым деревянным крестом грубой работы. Пред этим символом забытого христианства старец, носивший звание жреца всегда пожизненно, накидывал на себя бурку наподобие ризы и, сняв шапку, коленопреклоненный, с воздетыми вверх руками, читал известные молитвы, приносил в жертву животных, делал моления, освящал хлеб и бузу, заменявшую вино.

Горцы признавали единство Бога, верили в бессмертие души и будущую жизнь, где наслаждения и гурии ждали доброжелательных и адские мучения - злых. Вообще многое, как напр. употребление весной красных яиц у хакучей, напоминало христианство.

Единственный историк горский кабардинец Шора Ногмов «Истории адыхейского народа» («Кавказ, календарь» за 1862 г.) приводит множество еще и других доказательств прежде бывшего христианства у западных горцев. Кроме того следы христианства замечены у абхазцев, так что вообще следы этой религии, встречаемые у того или другого племени не исключительные. В «Военном сборнике» за 1859 год писали даже об открытых в укр. Надеждинском барельефах, изобра-

жающих епископа, с чашею в руках и рыцаря и том как эти барельефы валялись около станичного плетня. Неизвестно какая судьба постигла эти барельефы...

Суровая и величественная природа породила в них веру в духов, а следовательно и множество легенд и преданий, созданных пылким воображением и не лишенных своеобразной поэзии; из них приводим следующие:

«На недоступных высях обитает владыка гор и царь птиц, которому известно будущее. Он знал, что великий Та за старые вины пошлет из полуночных стран, где царствует вечная зима великанов, покорить его мрачное царство. Седовласому старцу не хотелось расставаться с своими заоблачными владениями, принадлежащими ему от начала мира, и он, в мучительной тревоге неоднократно поднимался со своего ледяного трона (Эльбурс?) и со всех высей и пропастей Кавказа созывал полчища духов против русских. Когда он летал, то от ударов его крыльев тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и страшным ревом своих волн будило дремлющих в его пучинах духов... Иногда от снежной вершины, где был трон царя, раздавался плач и стоны; тогда умолкало пение птиц, увядали цветы, вздымались и ревели потоки, вершины гор одевались туманом, тряслись и стонали скалы, гремел гром, - все покрывалось мраком... Порой неслись гармонические звуки и пение блаженных духов, витавших над троном грозного владыки гор, желавших пробудить в нем раскаяние и покорность воле великого Та: в это время облака быстро исчезали с лазурного неба: снеговые вершины сверкали, как алмаз; ручьи тихо журчали, цветы благоухали, повсюду водворялся мир, тишина: но грозный старик не внимал зову небес, угрюмо глядел в будущее и из преисподней ждал помощи против русских.»

Другое предание, слышанное в одном месте, сходное с историческим мифом о Прометее, - также весьма поэтично. Место действия - Эльбрус:

«На высокой снеговой горе, на самой вершине ее, есть громадный шарообразный камень, на котором сидит старик с длинною до ног бородой; все тело его обросло седыми волосами; ногти на руках и ногах очень длинны и похожи на орлиные когти; красные глаза его горят как раскаленные угли.

На шее, посредине тела, на руках и ногах - тяжелая цепь, которой прикован он с незапамятных времен. Он прежде был близок к великому Та, за свое благочестие; некогда вздумал свергнуть его и стать выше, то погиб в борьбе и прикован к скале на вечные времена. Немногие его видели, потому что доступ к нему сопряжен с большими опасностями; никто не мог видеть его два раза: кто пытался этого достигнуть - погибал.»

В народе, до его переселения, много еще носилось преданий о разных духах, обитавших на заколдованных вершинах гор и стерегущих хранящиеся там клады...

* * *

От Гузерибльского поста, о котором упоминали мы в самом начале статьи, мы двинулись к перевалу сначала по левой стороне одного из притоков Белой; в верховьях его перевалили чрез один из отрогов главного хребта, и к вечеру подошли к высокому скалистому хребту Тхок, идущему от Оштена. Было еще светло, когда мы остановились на ночлег, и взорам представилась мрачная картина: черные тучи, пронизываемые молнией, покрывали вершины и обливали нас дождем, сопровождаемым громовыми раскатами, которым вторило громкое эхо. Справа высился погруженный в облака скалистый гребень; слева - одетое сплошной корой снега и льда извивалось узкое ущелье, на дне которого ревел под снегом Гузерибль, один из главных верховных притоков Белой; позади глухо шумел колеблемый ветром темный лес; пред нами вилась по снегу черная тропинка и исчезала в тумане.

Утром мы двинулись по узкому на хребте проходу между двумя отвесными скалами. Об одной из них (западной, высшей), между горцами носилась легенда, что «на ней есть провал (кратер), ведущий в недра горы, в волшебный чертог - из золота, бирюзы и камней драгоценных; где на роскошном ложе, покоится прелестная окаменелая дева, а посредине пылает костер, на коем жарится злой дух, терзаемый, страстью, осужденный Пророком на вечные мучения, за обольщение и похищение с

небес одной из его гурий. Сладострастный черт издавал по временам страшные, жалобные стоны, потрясавшие скалы. В горах являлись иногда любопытные джигиты, желавшие поглядеть на спящую красавицу, взбирались на гору, подходили к кратеру и только осмеливались заглянуть в мрачную бездну, тотчас же обращались в камень* . Когда наши жены узнали свойства этой страшной горы, то разными женскими уловками старались посылать туда своих простаков мужей, чтобы на свободе погулять с любовниками, которые водились и в наших суровых горах. Чего не сделает нечистая сила, называемая женщиной!» заключил со вздохом старый Убых»...

* * *

В полдень следующего дня мы перешли Главный хребет, у подошвы Фишта, чрез перевал Шитлиб, вступили опять в область лесов и вечером были в убыхском ауле Бабукова (2.345 ф.н.у.м.), находящемся под главным хребтом, на правом берегу р. Шахе, в весьма красивом ущелье, обставленном отвесными, лесистыми хребтами. В ряду разбросанных в беспорядке хижин, приютившихся в тени садов, возвышается новый, двухэтажный деревянный дом с тесовою крышей, бывшего владельца аула Хаджи-Бабукова. В верхнем этаже, на котором мы расположились, находились комнаты князя, оклеенные дешевыми разнокалиберными обоями; в спальной стояла железная широкая кровать с балдахином, увенчанным короной. Комнаты освещались окнами, в которые были вставлены рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея; в нижнем - конюшня и кладовые.

Из аула мы потянулись в ущелье Шахе, по тропинке, беспрестанно перебегавшей с одного берега на другой, а в некоторых местах упиравшейся в реку и мы шли по воде, а поднявшись на высоты - вязли в грязи непроходимой лесной

** Рассказывают, что на этой горе есть много камней странной формы, похожих на части человеческого тела и давших вероятно повод к означенной басне.*

чащи. Пришед к устью р.Ажу (впад. в Шахе с прав. стороны) мы увидели, что Шахе прорывает громадный хребет, образовав расселину с вертикальными, поросшими лесом стенами, в которой пеший едва может пролезть, по тропинке, то взбегающей круто наверх, по выступам скал (ступеньки - в 1, 1 2 ар. высоты), то вертикально опускающейся вниз, так что, подвигаясь вперед, нужно цепляться руками за деревья и скалы. Лошади, которых мы вели в поводу, тянулись за нами с большим трудам, дрожа от страха и опасности оборваться в реку, ревущую здесь оглушительно. Пораженные ужасным видом расселины, мы с радостью встретили конец ее у впадения р.Бзыча, измученные донельзя, и прошли в этот день всего 7 верст.

В 4-х верстах от ночлега, у устья р. Бзыч (впадает в Шахе с левой стор.), поднялись на левую сторону шахинского ущелья, в средоточие земли убыхов и, чрез перевал Сонта (на высоком скалистом хр., идущем от Главного, по левой стороне рр.Бзыч и Шахе, вплоть до самого моря, где оканчивается уступом, у поста Головинского), спустившись в долину Дагомыса, по левой стороне которого направились к конечной точке бывшей убыхской кордонной линии - кубанскому посту, на берегу Черного моря.

В виду в горах - была пустыня и глубокое безмолвие и только лишь встречались, как следы недавних военных действий, развалины аулов, да покинутые казачьи посты и лагеря наших войск. Иногда попадались в пути батальоны и отдельные команды, возвращавшиеся в свои штаб-квартиры после боевых трудов.

Кубанский пост выстроен на крутой горе, при впадении Дагомыса в море. Здесь был расположен лагерем батальон черноморского полка. На берегу моря разбросано было несколько балаганов с различными товарами, привезенными евреями из Керчи и других приморских мест Крыма.

День был прекрасный и довольно жаркий. Море едва колебалось, а зеркальная, изумрудного цвета поверхность его была так прекрасна, что невозможно было наглядеться. На горизонте виднелись кой-где паруса и дым пароходов, у берега колыхалось на якоре несколько мелких судов, приплывших с товарами из разных мест.

Отдохнув и освежившись купаньем в море, около 3-х часов тронулись мы на юг, к Навагинскому форту (ныне пост Даховский). После мучительного прохода по горам, нам показалось чрезвычайно приятным путешествие по ровному, каменисто-песчанному берегу. Гора, подступив здесь к самому морю, как и на всем протяжении от Анапы до Адлера, обрезаны вертикальными уступами, покрытыми густой растительностью и иссеченными потоками. Незадолго до солнечного заката мы пришли к развалинам Навагинского форта, находящегося в приустье Сочи, на левом берегу ее.

Укрепление было прекрасно отстроено. Оно состояло из каменной ограды с бойницами и башен двухъярусной обороны. Башни полуразрушены, но стена сохранилась хорошо; от каменных крепостных зданий и церкви остались почти одни фундаменты.

Подле крепости на берегу стояли в 2 ряда балаганы с различной рухлядью, а в особенности с водкой и другими заманчивыми напитками; подле них шумно толпился военный люд, а потому и уединённые развалины крепости казались весьма оживленными.

До Адлера, куда мы прибыли 8-го июня вечером, характер береговой местности один и тот же; но, судя по кладбищам, беспрестанно встречающимся на пути, эта часть прибрежья была густо заселена; растительность здесь весьма разнообразна: мирты, кипарис, пальма, перевитые диким виноградом и колючими нитями растений, перебегающих с одного дерева на другое живописными фистонами, видны на каждом шагу; полевые цветы - прекрасны и отличаются необыкновенным богатством красок.

Мыс Адлер (Константиновский), где романтически погиб известный Марлинский (Бестужев Александр), - небольшая, около 6 квадр. верст поляна тупым углом выдавшаяся в море, прорезывается широкою р. Мзымтой при устье которой, на правом берегу находились развалины прекрасного форта св. Духа; подле него расположен был тогда лагерем знаменитый Даховский отряд.

Боевой лагерь имел оригинальный, весьма живописный характер. От развалин укрепления он отделялся целым городом,

построенным торговцами различных наций: здесь были греки, турки, грузины, евреи, армяне, даже немцы и др. западные спекулянты. С утра и до глубокой ночи толпился народ у лавок и походных трактиров, в самых разнообразных костюмах и позах. Далее к горам тянулись стройные ряды палаток и орудий, с походной церковью посредине. У берега стояло на якоре много торговых судов, из коих турецкие - нагружались последними обитателями гор, с грустью и непримиримой злобой к русским - покидавшими свои пепелища. Часто появлялись на рейде и военные пароходы, привозившие провиант, войска и проч... На горизонте моря, на ясном фоне неба, везде рисовались паруса...

Наши палатки были разбиты у самого моря и я целые часы просиживал над ним, утопив взоры в безграничную водную гладь, прислушиваясь к говору волн. Вечер накануне нашего отъезда в горы оставил в душе неизгладимое впечатление. С полудня небо начало хмуриться и солнце скрылось в облаках, скопившихся черною массой на западе, на горизонте моря. Задымились острые пики Кавказа, поднявшегося к небесам исполинскою зубчатою стеной, окаймленной серебристой лентой снегов; в ущельях клубами поднимался сизый туман и лениво тянулся к вершине хребта, на черном фоне которого, во многих местах вспыхивало большое, яркое пламя: то пылали аулы, сжигаемые нашими войсками, дабы пресечь скрывавшимся в горных трущобах хищникам всякую возможность остаться в горах и основать разбойничьи притоны, опасные для будущих поселений.

В 9 часов раздался пушечный выстрел, который продолжительными громовыми раскатами пронесся по ущельям. Музыка заиграла «Коль славен наш Господь в Сионе», затем при начале обычной молитвы бывшие в это время на берегу пали на колени и молились, при шуме пенящихся волн, вторивших доносившемуся из лагеря пению; загремел барабан и стихло все. Всплыла и луна меж облаков и покрыла фантастическим светом белые развалины крепости, темные силуэты кораблей изволновавшееся море, над коим нависли черные тучи; а яркое пламя в горах, при совершенном безветрии, поднималось все выше и выше...

В 7 часов утра, 11-го июня мы покинули Адлер в сопровождении 2-х сотен казаков, отправляющихся в укр. Псебай. Пройдя 16

верст по правому берегу р. Мзымты, поднялись влево на лесистый хребет и спустились к ночи в уроч. Эскол-рипш. Отсюда начинается чрезвычайно крутой и длинный подъем на высокий, покрытый густым лесом хребет, идущий параллельно Главному хребту от р. Мзымты и упиравшийся в Сочу, у поворота ее в море. Спустились мы почти по отвесному скату этого хребта к подножию остроконечной вершины его Ахцу, омываемой Мзымтой, ревущей здесь с оглушительным шумом, в узком диком ущелье, возбуждавшем невольный трепет своим ужасным видом. Далее мы шли опять по правому берегу Мзымты до исторического урочища Кбаада (1730 ф. н.у.м.), на котором завершилась кавказская война, где и остановились на ночлег. Это большая, покатая к реке площадка, окаймленная кустарником и деревьями; посредине ее возвышаются две вековые сосны громадной величины, под сенью которых была ставка его императорского высочества, наместника кавказского, во время молебствия и парада 21-го мая 1864 года. Кроме того, на площадке, испещренной красивыми полевыми цветами, разбросаны были могилы горцев, сохранявшиеся весьма тщательно, что доказывают устроенные над ними павильоны и памятники из тесанного камня. Поднимавшиеся из ущелий тучи к вечеру заволокли все небо и разразились ливнем с ужасным громом, от которого дрожали скалы; я нашел прекрасное от бурь убежище - под мирною кровлей одной из горских могил; в надгробном павильоне находились широкие лавки, на которых я очень удобно и крепко спал, под дождем и громом, - всю ночь, в соседстве с мертвыми, и странно, приятнейшие в моей жизни сны грезились на могиле.

Утром, когда мы двинулись в дальнейший путь, моросил мелкий дождь проникавший до костей и сопровождавший нас все время, с небольшими промежутками, что приводило в отчаяние. С приближением к перевалу путь наш становился все труднее и опаснее. Солдаты и казаки изнемогали от тяжкого похода, недостатка в пище, лихорадок и непогоды. Вьючные лошади наши обессилели от крайнего изнурения и недостатка корма так, что мы принуждены были навьючить казачьих лошадей, впоследствии пришедших также в совершенную негодность. Затруднения еще более увеличивались, когда близ

ледника в верховьях одного из притоков Мзымты, одна из лучших наших лошадей оборвалась в кручу. Прокатившись кубарем саж. 15, она была задержана вы ступом скалы. С большим трудом и опасностью несчастное животное было вытащено из пропасти страшно искалеченным; несмотря на это, лошадь снова была навьючена, терпеливо донесла до конца свою ношу и пала уже чрез три дня по прибытии в Псебай.

На леднике наши мучения были невыносимы. Медленно двигались мы по ледяной стене, ведя на поводу лошадей и ежеминутно рискуя попасть в одну из бесчисленных трещин, окружавших излучистую тропу.

Перевал (Псегашко - 6.870 ф.н.у.м.), которого я достиг одним из первых, представлял узкую покатую площадку, обставленную кругом суровыми скалами, изборожденными в различных направлениях потоками и покрытыми большими полосами снега и льда; но кой-где на перевале зеленела трава, пестрели цветы. Странствование наше от этого перевала до Псебаевскоto укр. не представляло уже ничего нового, как по характеру местности, так и по неприятным приключениям, сопряженным с путешествием в горной пустыне. С томительным нетерпением ждали мы конца нашим бесполезным скитаниям по трущобам Западного Кавказа и чрезвычайно обрадовались, завидев вдали церковь штаб-квартиры Севастопольского полка.

Газ.«Кавказ», 1868 г, №№97, 101.

СТАТЬЯ П.УСЛАРА «О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ Г. КАМЕНЕВА»

Исследование горских языков, которое со времен Гюльденштедта, наподобие русских богатырей сиднем сидело не тридцать, а три раза тридцать лет, в последние шесть лет сделало заметные успехи. Главная деятельность сосредоточивается в Дагестане, которому по превосходству приличиствует поэтическое выражение арабов: гора языков! В этой горе скопаны уже главнейшие языки. Вопреки показанию классиков

о целой сотне или даже более переводчиков, которые будто бы необходимы были римлянам в Диоскурии для объяснения с горцами, - Западный Кавказ в отношении разноязычности, вероятно, всегда уступал Восточному. Оставляя в стороне семейство грузинских языков, к которому, кроме мингрельского, по всей вероятности, принадлежит и сванетский, на западном Кавказе до окончательного покорения его существовало три языка: абхазский, убыхский и адыгский. Абхазский язык исследован не вполне, но достаточно, чтобы дать понятие о грамматическом строе его. По мнению покойного Люлье, убыхский язык не имеет решительно никаких соотношений ни с адыгским, ни даже с которым либо из кавказских языков. Люлье практически хорошо, знал адыгский язык; этнографические труды его, к сожалению, весьма малочисленные, - отличаются редкою и заслуживающего полного уважения добросовестностию, но Люлье не подготовлен был к отчетливым лингвистическим исследованиям. В этом он сам мне сознавался не раз, оставив в стороне всякое самолюбие. Отзыв его об убыхском языке основан был на положительно известном ему факте, что ни адыги, ни абхазцы, ни даже какие-либо другие кавказские горцы не понимают убыхов. Но таковой факт ничего не доказывает, когда дело идет о сродстве языков. Под влиянием сильного напора языков абхазского, адыгского и турецкого, убыхский давно уже находился в состоянии агонии. Последние события нанесли ему смертельный удар. Едва ли уцелел один убых на Кавказе: дети тех, которые ушли в Турцию, не будут уже понимать языка своих предков.

Осенью 1861 года мне случилось находиться в одном из отрядов, действовавших со стороны Майкопа вверх по реке Белой. У нас в лагере проживал 15-ти летний мальчик известной убыхской фамилии Берзеков. С ним приступил я к исследованию убыхского языка. Зная, что занятия мои могут прерваться не сегодня, так завтра, - я спешил ознакомиться, хотя бы бегло с грамматическим строем языка. Действительно, занятия мои прервались на шестой день, - и именно на деепричастиях. Юный Берзек исчез из лагеря, не знаю куда. Мой грамматический очерк вышел чем-то в роде Вагнеровского человечка, которому совестно показаться на свет Божий. Но мне в то время абхазский

язык был несколько известен; об адыгском я не имел никакого понятия. Но уже и то крайне немногое, что узнал я об адыгском языке, вполне убедило меня в близком родстве его с абхазским, хотя и встречаются в нем явления несходные. Будучи заклятым врагом всяких голословных показаний, из которых на Кавказе тоже можно было сложить своего рода гору мнения своего я не навязываю никому. Если кому-либо откроется непредвидимая мною возможность заняться дальнейшим исследованием убыхского языка, то я готов передать ему сделанные мною заметки, которые, быть может, облегчат для него начало труда. Медлить нельзя, потому что убыхский язык при последнем издыхании, и лингвисты будут горько сожалеть о том, что исчез он, не оставив по себе другого следа, кроме моего хилого, шестидневного грамматического очерка!

Дозволив себе выразить личное мнение о близком сродстве издыхающего убыхского языка с абхазским, я должен повторить, что отношения как абхазского, так и убыхского языка к адыгскому, остались для меня неизвестными. Случалось мне читать, будто бы абхазский язык близко родствен адыгскому, но положительных на то доказательств я нигде не находил. Просматривал я и кабардинскую грамматику Шора-бека Мурзина, но формы ее, записанные по образцу русской, остались для меня темными.

На днях, в Дербенте, посетил меня проездом г. Каменев. Мне уже прежде известен был весьма оригинальный обычай его. С каким бы народом Кавказа служебные отношения ни сводили его, он тотчас же приступал к изучению языка этого народа. Благодаря замечательной энергии своей, г. Каменев везде успевал в языкознании; несколько лет тому назад он без пособия грамматики и письменности изучил аварский язык так, что уже не нуждался в переводчике. В недавние годы он находился при абадзехах и, следуя раз принятому обыкновению, изучил их язык. Абадзехский язык составляет одно из адыгских наречий. Не знаю, осталось ли сколько-нибудь абадзехов на Кавказе, но во всяком случае их наречие должно исчезнуть в непродолжительном времени. По счастию, г. Каменев изучил это наречие не изустно, но записывал тщательно все, что слышал от туземцев. Записывал он с помощью азбуки, составленной для кабар-

динского языка. Эта азбука была предложена кабардинцам в виде опыта, но принята ими без поправок. Не могу судить о ее достоинстве; впрочем, совершенство тут есть дело относительное. О том, верно ли записал абадзехские слова г. Каменев, - могу судить еще менее. Он основывался не на собственном своем слухе, а на азбуке языка, близко родственному абадзехскому; одно это уже обусловливает значительную степень успеха. Во всяком случае заметки г. Каменева составляют весьма ценный материал, как для познания абадзехского наречия в частности, так и для понимания общего грамматического строения адыгского языка. Г. Каменев писал эти заметки собственно для себя. Метода, придуманная им для изучения языка есть самая рациональная на тот случай, когда нет никаких предварительных пособий, когда между самими туземцами нет человека, который бы в состоянии был обсуживать свой язык грамматически. Этот метод требует огромного запаса настойчивости. Г. Каменев записывал на абадзехском языке какую- нибудь простую фразу, - как напр. «дай мне кусок хлеба». Чтобы записанная фраза способствовала разъяснению языка, необходимо, было разложить ее правильно на составные части. Работа может показаться весьма простою тому, кто никогда не имел серьезного дела с горскими языками. Не буду утомлять внимания читателей изложением систем горских спряжений, но замечу, что напр. фраза: «дай мне» - на многих языках вовсе не выражается двумя отдельными словами, а особою глагольною нераздельною формою, в которой различие: «дай мне», от «дай ему», «дай нам» и т.п. обозначается, иногда изменением окончания глагольной формы, иногда же изменением внутреннего ее сложения. Таковую напр. фразу, как «дай мне кусок хлеба», г. Каменев подвергал безусталому анализу: он ее кроил, перекраивал, выворачивал наизнанку и пр. пр., и всегда добивался ясного ее понимания. Полагаю, что сначала разбор одной из таковых фраз стоил ему нескольких вечеров, посвященных им лингвистическим исследованиям в виде отдыха от служебных занятий. Абадзехская грамматика, само собою разумеется, вышла у него клочками, в виде анализа 75 фраз. Тут встречается много повторений; иное надобно пояснить, другое поправить, целое же привести в порядок.

Весьма желательно, чтобы сам г. Каменев занялся этой работой; иначе труд его может пропасть безвозвратно в настоящий период быстрого исчезновения адыгских наречий.

Скажу лишь одно: просмотрев труд г. Каменева, я извлек для себя полное убеждение в родстве адыгского языка с убыхским и абхазским. Для меня явственно очертились три группы кавказских языков: западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская. Последняя мне наименее известна или откровенно сказать, вовсе неизвестна. Составляет ли она звено между кавказскими группами: западною и восточною? Составляет ли она совершенно чужое семейство? Разрешение этих вопросов еще в будущем и... вероятно, выпадет не на мою делю. Ars longa et vita brevis

Дербент, 19-го сентября 1868 г.
Газ. «Кавказ», 1868 г., №113.

СТАТЬЯ Н. ДЬЯЧКОВ-ТАРАСОВА «НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАСЕЛЕНИИ ЦЕБЕЛЬДЫ»

В прошлом году, после выселения из сухумского военного отдела беспокойного и малополезного цебельдинского племени в Турцию, огромное пространство до 1.300 кв. верст поступило в состав казенных земель, находящихся в ведении кавказского горского управления.

Находясь в тылу Абхазии, Цебельда по характеру местности представляя важный опорный пункт на случай войны, предложена к заселению преданным народом; кроме этого населения там необходимо для развития в крае хозяйства и промышленности, которые у абхазцев находятся в жалком виде; вследствие этих данных, часть этой земли, около 16.000 десят., где преимущественно жили цебельдинцы, определены под поселение и около 4.000 десят. под продажу частным лицам.

Места, назначенные под поселения, можно разделить на три участка, каждый из них будет отделен от другого естественными

границами - горами. Первый - до 7.010 десят.; в них удобной земли до 2.650 десят.; под лесом и кустарником до 4.000 десят. - отделенный с севера хребтом Пыртуха* от земли, неназначенной в продажу, а с юга ограниченный грядою гор: Чижауш, Агиш, Апианчи и Адагуа. Участок этот представляет волнистую низменность, сжатую к западу волнистыми горами.

Климат умеренный и здоровый; хотя зимою, преимущественно в январе, выпадают большие снега, но сильных морозов не бывает, виноградные лозы не зарываются на зиму.

Строевые леса по вершинам гор, а долины покрыты кустарником, который в особенности разросся в отсутствии жителей. Нужно заметить, что большую часть участка покрывает кустарник, который легко уничтожить при поселении, чрез это прибавится много удобной земли. Почва, как и во всех участках глинистая, на возвышенных местах встречается каменистая.

Здесь протекает несколько рек: два Амткяля, Келасуры, две Маджары и Щукуран, три последние бывают полноводны только весною и после дождей, а первые замечательны по быстроте течения; наибольшая из цебельдинских рек - Кодор составляет восточную границу этого участка, но она не будет доступна для жителей по причине возвышений на правом берегу, оканчивающимися к реке отвесными скалами.

Второй участок до 4.200 десят., из которых около четвертой части удобной земли, под лесом и кустами до 2.500 десят., от южных склонов гор Чижауша и Агиша до южной границы Цебельды с Абхазиею - имеет чрезвычайно пересеченный вид. Климат теплее, нежели на первом участке, но зато не так здоров, протекающие здесь Келасуры и Маджары делят участок на две части, из них большая от Келасуры до Маджары содержит в себе более удобной земли, возвышеннее, оттого и здоровее, а вторая между Маджарами имеет местами болотистую почву, летом там свирепствует лихорадка; вследствие этого прежнее население жило преимущественно недалеко от р. Келасуры. Растительность здесь богаче - главный доход живших там цебельдинцев был от продажи в Сухуме фрукт.

** Все приводимые мною названия местностей можно найти на карте Кавказа в 2 верстном масштабе*

Третий участок лесист, на 3.500 десят. всего 500 десят. чистых мест, находится на юго-восточном склоне высот, носящих название Герзеульских, к р. Кодору, и резко отличается от предыдущих: ровностью, обилием разных пород лесу, в котором преимущественно дуб и бук, и удобством путей сообщения, отсюда даже в настоящее время есть единственная в Цебельде колесная дорога в Сухум и к морю. Река Кодор имеет отлогие берега и будет доступна на всем участке, кроме этой реки есть три ручья, никогда не пересыхающие.

Удобное сообщение с морем, всего 11 верст, а до Сухума 30, богатая растительность, здоровый климат со временем при населении сделают эту местность выгодною для всей Цебельды.

Северная часть Цебельды - горы, скалы и леса - по большой пересеченности неудобна для поселения, кроме Дальского ущелья (ущелье р. Кодора), занятого уже военным поселением с целью прекращения воровства и т.п. Оно в недавнее время служило убежищем всех неблагонамеренных людей из Цебельды и Абхазии, - там в долинах рек есть прекрасные летние пастбищные места, куда ежегодно пригоняется из Абхазии и Самурзакани от 8 до 9.000 голов мелкого скота.

На всех участках, применяясь к количеству удобной земли предложено поселить до 150 семей*. Главная цель поселений, как уже сказано, это развитие в крае промышленности, следовательно выбор лиц, желающих поселиться должен быть сделан с большой разборчивостью.

Наш русский крестьянин преимущественно хлебопашец, в переселении у него главная цель приобретение выгодной земли для этой промышленности, - хотя почва в местах для поселения глинистая, удобная для пшеницы, но есть возможность предполагать, что хлебопашество не будет прибыльным занятием: зимою выпадают скоро тающие большие снега, чрез что в то время там страшная сырость, а постоянные с февраля на июнь дожди так растворяют землю, что люди и скот ходят по колено в грязи, - большая и долгое время сырость будет иметь дурное влияние на посевы - озимые; можно надеяться только

** В это число не входит 40 семей греков - каменщиков и 30 семей рудокопов, о поселении которых уже поднят вопрос.*

на яровые и кукурузу, которая впрочем всегда давала хороший урожай; кроме того Цебельда, как место гористое не слишком удобна для этой отрасли промышленности, тем более для наших крестьян, не имеющих понятие о жизни в горах.

Имея в виду важность поселений и благосостояние поселян - следует предоставить им те занятия, от которых они не только не могли получить ущерба, а напротив имели бы хорошие выгоды, следовательно предметы уже испытанные или подходящие к условиям местности и климата. Такие отрасли хозяйства: садоводство, виноделие, скотоводство и пчеловодство.

Приступить к первым двум будет не трудно: на местности, назначенной под поселения, есть в настоящее время 5.132 ореховых деревьев, до 700 яблонь, айвы, персиков и других плодовых деревьев и 2.324 виноградных лозы, - в несколько сажен длины каждая и около вершка в диаметре толщины - при урожае лоза может дать до 1 6/19 пуд винограду; все это растет не в садах, а разбросано по всему пространству - около бывших селений цебельдинцев.

При наделе земли каждой семье придется по нескольку деревьев и лоз, что будет служить хорошим подспорьем к разведению садов. Пчеловодство, несмотря на первообраз ульев (что-то вроде маленького корыта закрываемого доскою) приносит хорошие выгоды, - этому много способствует обилие как садовых, так и диких плодовых деревьев и цветов. Хотя за шелководство никогда никто не брался, но необходимое пособие к этому занятию - дикорастущие шелковичные деревья во втором участке.

Все эти занятия, кроме умения взяться за них, требуют еще затраты капитала, который не с первого же года начнет возвращаться с процентами, - а трудно рассчитывать, чтобы из наших крестьян явились охотниками на переселение люда зажиточные; судя по имеющимся данным, можно думать противное, - в нынешнем году являлись из разных губерний выборные от крестьян, желающих переселиться в Цебельду, им была указана местность со всеми подробностями; места, назначенные для поселений, несмотря на гористый характер им понравились, но все выборные, по осмотре мест, спрашивали: сколько будет им от казны денежного пособия, на сколько лет

льготы и долго ли будут давать провиант: когда узнавали, что правительство кроме льгот не предоставит ничего все отказывались: были и такие выборные, которые по приезде в Сухум, не осмотрев еще Цебельды узнавали, что денежного пособия не будет и возвращались обратно, не взглянув даже на места, где желали бы жить при денежном пособии - это сделали херсонские: на таких людей нельзя надеяться, чтобы они были хорошими хозяевами, - на Кавказе этому много примеров.

Поселение 150 семейств чехов представляет более надежд на успех, как людей привыкших к горной жизни и знакомых с высшею культурою хозяйства, кроме того, те придут не с пустыми руками, благодаря нашим комитетам для вспомоществования чехам, переселяющимся в Россию.

Но чтобы безошибочно достигнуть желаемых результатов, т.е. заселение края и успешного развития хозяйства и промышленности, следовало бы на земли, назначенные под поселение, назначить в продажу, разумеется, русским. В этом случае будут достигнуты обе цели: край заселится предприимчивыми и трудолюбивыми и, нет сомнения, разовьется возможная в Цебельдс промышленность, иначе при продаже и быть не может, - ленивый и не предприимчивый человек не решится затрачивать деньги в малоизвестном крае, как бы не казалось это дело. В горах Цебельды много ископаемого богатства, уже теперь без особого труда найдены медная, железная и свинцовая руды, но все это может остаться не тронутыми поселянами крестьянами по недостатку средств, а ежели у кого они окажутся, то не рискнут браться за незнакомое дело, а при землевладельцах выйдет наоборот, - они сами будут отыскивать все подобное, а это общая польза.

Могут возразить, что и теперь в Цебельде есть земли под продажу, но нужно сказать, что лучшие пойдут под поселение, а на назначенные в продажу трудно будет найти охотников приобрести их: большая часть этой земли находится в теснине между хребтами Пыртуха и Амзара, - северная часть скалиста, а южная болотиста: та и другая покрыты лесами и находятся в очень пересеченной местности, так, чтобы проложить там кое-какую дорогу надобны большие издержки: на левом берегу реки Кодора также есть участки для продажи, но они одинакового характера с предыдущими, также пересеченная местность, круто спускающаяся к реке, также камениста и лесиста. Могут быть

куплены между р. Амткял, на левом берегу р. Амткяля, Джемпала и на р. Маджаре восточной. Эти последние участки до 1.500 десят. порознь, малы для предприимчивого человека, вместе нет расчета купить, потому что последний далеко от первых двух.

Остальная северная часть Цебельды имеющая летние пастбища остается в казне, эти земли несмотря на не развитие края и бедность жителей, уже в нынешнем году принесли до 600 рублей доходу, со временем при заселении Цебельды и развитием в крае промышленности, цифра дохода значительно будет увеличиваться, в особенности если в горах будет дозволена продажа лесу.

Следует сказать, что Цебельда в настоящее время по бездорожью далеко не привлекательный край, туда не только нет колесной дороги, кроме только до 3-го участка на р.Кодоре, а даже порядочной вьючной, ежели в Цебельду также нескоро будут проложены дороги, то нечего и говорить, что ни зажиточному крестьянину, ни чехам, ни покупщикам не придет охота забираться в гористую местность, где они бездорожьем будут отрезаны от прочего населения и от моря, да наконец без дороги какое же может быть поселение?

Остается только желать, чтобы проектированная в нынешнем году дорога из Сухума в Цебельду, к разработке которой уже приступлено, была бы скорее окончена, для чего немного нужно - только усилить рабочие руки, которых теперь очень мало, - всего 150 человек, и из тех к концу срока работ выходят только на работу от 40 до 50 человек, остальные переболели, работы же предстоит много на протяжении 35 верст, где около 5, 5 верст надобно рвать скалы, а это трудная работа.

Дорога эта будет хорошая - избегаются, чрез прорыв скал между горами Агиш и Апианчи, все крутые спуски и подъемы, существующие теперь на вьючной дороге, сокращается самая дорога - всего до Сухума, а следовательно и до моря будет 36 верст от мест для поселения, т.е. от первого участка, а от второго 18 верст. Третий участок будет соединен разработкою дороги, которая также будет проектирована.

г.Сухум, 10 октября 1868 г.

Газ. «Кавказ», 1868 г., № 129.

ИЗ СТАТЬИ Н. ХОДЖАЕВА

«Несколько слов об открытии Псхувского ущелья»

При открытии псхувского ущелья, где в настоящее время расположена штаб- квартира 2 кавказского линейного батальона, состояние дороги, ведущей от Сухум-Кале в Псху мало было известно не только батальону, переселяющемуся туда, но и тем, которым принадлежит почин открытия Псху, потому первоначальное движение этого батальона к месту назначения должно было иметь остановку по неразработке удобной дороги от уроч. Доуляка до Очавчара, и только по открытии дороги от вершины Доу до самого ущелья Псху могло быть с трудом предпринято дальнейшее движение.

В промежуток времени между окончанием разработки дороги в неизвестное до того время ущелье и началом прибытия туда нам пришлось находится по службе в Псху, о котором мы намерены сказать здесь несколько слов. Рассказ наш по своей безискуственности если и не будет так занимателен для читающей публики, то по крайней мере дает некоторое представление о Псху, насчет которого до прибытия штаб-квартиры батальона шли весьма разнообразные толки. Многие интересовавшиеся ущельем, как местом еще в то время неизвестным, говорили, что Псху по географическому своему положению из числа тех тропических мест, которые природа так щедро наградила своими дарами, что в Псху растут бананы и другие тропические растения* , а климат сравнивали с климатом Рио-де-Жанейро, способным исцелять даже чахотку. Впрочем, впоследствии, когда нам пришлось пожить в Псху, нельзя было не убедиться, что климат псхувский весьма благорастворен и исцеляет лихорадочную болезнь, с которою солдаты прибывают в Псху.

Прибытие батальона на Доу доказало, однако ж, всю невозможность дальнейшего следования к месту назначения: путь, пролегающий от вершины его до Очавчара, был покрыт

---

* *Ссылаемся на слова полк.Г., слышанные им при выступлении батальона из Сухум-кале.*

глубоким снегом, несмотря на то, что уже был май месяц. Кое-где потребовалось разрывать скалу; роты батальона не ожидавшие таких затруднений в дальнейшем следовании до предназначенного места, занялись разработкою дороги с расчетом, чтобы до половины мая проложить дорогу в самое Псху.

Таким образом, нахождение батальона в Доуляке имело целью преодолеть препятствия, встречаемые на пути, хотя это стоило немалых трудов и усилий.

При всей усталости солдат от пройденной не совсем удобной дороги от Сухума до Доуляка, работы шли самым успешным образом. Офицеры, наблюдавшие за работами, возвращаясь в лагерь, представляли в самой ужасной картине положение местности и рассказывали, каких трудов стоит пробраться на Доу, сколько зигзагов проложено, сколько нужно еще проложить, чтобы добраться до вершины. Однако ж, все те препятствия которые казалось, трудно было преодолеть, как вообще их представляли, легко уступали усиленной работе, произведенной в короткое время на протяжении всего Доу и Очавчара. Надо заметить, что Доу находясь между Сухумом и Псху, составляет и в настоящее время с трудом проходимую гористую местность, высота которой, как полагают, 2.100 с лишком фут. На подъеме этой горы построен пока временный шалаш, который и служит местом ночлега для приезжающих из Сухума в Псху и отъезжающих обратно в Сухум. Но с открытием новой дороги все затруднения, встречаемые на подъеме Доу, будут устранены, потому что дорога эта, пролегая от Двух-речек, находящихся в недалеком расстоянии от Сухума, имеет те удобства, что, во-первых, сокращает расстояние от Сухума до Псху на 12 верст, и во-вторых, огибая южную сторону Доу, ведет прямо на вершину Очавчара, так что перевал Доу, представляющий чрезвычайно крутой подъем, остается совершенно в стороне. Дорога эта пройдена пока трассировкою 10 ротами Пятигорского полка, но не вполне еще разработана по причине скалистой местности.

Выступлению батальона после непродолжительной разработки дороги почти ничто не препятствовало, тем более, что и известие, полученное от посланного в Псху офицера, давало надежду на свободное следование до места назначения. Обрадованные таким известием, временные жители Доуляка,

конечно, мало думали о затруднениях, - напротив, с нетерпением ожидали дня выступления и приготовлялись к нему в ожидании распоряжения начальства.

Наступило 4 число мая - день выступления из местности Доу. С ним возобновилась на время прерванная деятельность батальона. Предварительно полученное чрез офицера сведение о положении Псхувской местности хотя и говорило в пользу дороги, пройденной им, но все-таки требовалось на первый раз отправиться налегке.

Суетливая поспешность, с которою мы выступали из лесистого ущелья Доу, была весьма естественна: нужно знать, что эта местность по своему положению меж высоких окаймляющих ее гор, недоступная в продолжении целого дня лучам солнца отличается крайне сыростью, а потому понятно желание вырваться из нее как можно скорее: каждый хотел быть скорее в Псху, расположиться, подышать свежим воздухом, погреться солнечными лучами. Потому-то еще до приказания к выступлению все были уже как говорится, на походной ноге. Офицеры, отдавая свои пожитки во временно устроенный цейхгауз, приказывали своим денщикам брать с собою только необходимое. Относительно провизии и говорить нечего: единственной мясной пищей служил в это время плохой окорок, который как редкость подавался к столу.

Все шумело вокруг, а на громкие приказания командиров рот в виду выступления отзывалось эхо в недрах гор, ожидавших своих посетителей. После завтрака, в 10 часов утра, колонна пустилась в путь. Во главе переселяющихся в ущелье Псху, как водится, был начальник колонны. Решимость, с которою он шел впереди, не доставляла никакого сомнения в каждом из следовавших за ним, что предстоявший переход через Доу, как бы ни был затруднителен, мог быть завершен благополучно. После нескольких спусков и всходов от места прежнего расположения на довольно крутые возвышенности добрались до тропы, ведущей к самой горе, и оттуда шла дорога, только что пройденная разработкой, чрез Доу на Очавчары. Преодолев усталость, колонна опять пошла лазить по самому Доу, вершина которого, теряясь в облаках, казалась совершенно недосягаемой вдали, на одной из покатостей, чуть-чуть виднелись палатки

нескольких рот Крымского полка, находящихся там для разработки дороги, в виду небольшой массы снега, сохранившегося под тенью от палящих лучей снега. У этого лагеря последовал отдых: наслушавшись здесь всевозможных предостережений насчет дальнейшего пути от встретивших нас офицеров и командира батальона, мы пошли далее, достигнув в продолжении дня только до вершины Доу и, наконец могли пройти по ровной тропе к спуску Очавчара, покрытого сплошным снегом на расстоянии семи верст. Пройдя и этот снежный путь, сильно затруднявший наше следование, спустились в ущелье: тут наконец принял нас под свою тень лес высоких, упирающихся в облака елей. Надо заметить, что как этим деревьям, так и многим другим по пройденной нами местности, видно, не совсем легко бывает расти. Почва как здесь, так и во многих местах всего протяжения дороги от Сухума покрыта известняком и другими породами камней и деревьям приходится выворачивать грунт корнями для того, чтобы отыскать рыхлую почву. Там и сям камни, покрытые мхом, лежа один над другим, представляют род арки, а над ними возвышаются деревья, опуская вниз свои обнаженные корни, которые только у подошвы этих камней трогают землю, так что кажется, они растут в воздухе, а между тем эти деревья, достигающие удивительной высоты, будто сросшиеся с камнями, стоят так твердо, что не легко сваливаются даже и от сильной бури.

Прибытие наше в эту местность после долго тянувшегося перевала, казалось, сильно встревожило лесных обитателей. Серые дрозды, испуганные приходом колонны вылетали стрелой из под кустов и с шумом перелетали с места на место, как бы извещая свою пернатую семью о неприятельском нашествии на их обиталище, до того времени недоступное. Дятлы, сидя на вершинах деревьев били кору их своим штыкообразным клювом, добывая себе пищу. Усталость располагала к отдыху. Кругом царила прохлада и слышалось журчанье источников. Там и сям вода чистою струёй вьется под каменьями, увлажая корни деревьев; в некоторых местах она стремительна пробивается из под камней и образует каскады. Усталые солдаты, сидя около этих ручейков под тенистыми деревьями, ели с невыразимым аппетитом свои сухари и запивали водой. В группе молодых

солдат, занятых едой отличался один - старший сроком службы - краснобай; он ел за двоих, рассказывая притом всякую всячину насчет бывших псхувских жителей. Собеседники его с торжественным вниманием глядели на говорившего, закидая его простодушными расспросами об особенностях псхувского ущелья. Более любопытные из собеседников обращались с просьбой к нему рассказать им подробнее о житье-бытье псхувских жителей, о которых, как видно, они слышали многое. Окончив еду, краснобай принял предложение своих сотоварищей не без удовольствия и все они, обратясь в слух и внимание, приготовились его слушать. Но вот он хлебнул из манерки остаток воды и, крякнув, как водится, стал рассказывать им: «О Псхе я уж, говорил вам; теперича скажу о его жителях, которые обитали в эфтих горах, где мы находимся. Жили они тут зря - и ничем путем не занимались. Когда же мы перевалились через ту гору, на верхушке которой видим снег, сдали их в туречину. Пошли, значит, псхевцы в туречину. Приходят. Потребовало их в это самое время тамошнее начальство и подумало, куда бы их девать. Поселить их в туречине не поселило, а решило послать их в Арабию, чтобы значит, там они расплодились и разумножалися. Вестимое прежде чем послать в Арабию их, как следует быть, совратили в магометанскую веру, - дескать живали на русской земле, веры своей не опознавали и обрядов не соблюдали. - Что же, пошли в Арабию? - спрашивали собеседники. «Как же не пойти, пошли. Где тут Арабия, дивуются, - кругом степь, да и только. Идут, все степь, как есть, голая; ни травки земной, ни ручейка студеного, окромя горячего песку под ногами. Долго шли псхевцы по голой степи, если б не накрыла их беда». Тут рассказчик приостановился, а собеседники видимо спешили узнать конец рассказа. Он стал продолжать: «В один день, когда псхевцы шли по голой степи, отыскивая себе пристанища, поднялся, братцы мои, страшный ураган, такой, что и сказать не можно: поднял ураган этот большой столб песку в самое значит, поднебесье, и эфтим-то столбом песку как посыпал на псхевцев, так и засыпал» - Значит померли? - спросили слушатели. «Померли», - ответил рассказчик. При этом некоторые из собеседников, в виде крайнего сожаления, покачали головами, а другие засмеялись во все горло.

Окончив мнимую историю псхевцев, рассказчик встал с места и перекрестившись трижды, пошел вперед, за ним потянулись и его сотоварищи.

Место нашего отдыха пересекая горное пространство, нами пройденное, вело террасами к котловине, где предстояло батальону расположиться. Переход от Очавчара до псхувского ущелья в сравнении с пройденными нами подъемами и спусками был легок. Дорога, идя вначале по ущелью, представляет небольшие подъемы и спуски, пересекается небольшими речками, которые впрочем нетрудно переходить, потому что они наполнены глыбами камней. Пройдя большую часть террас, расположенных по протяжению котловины, спустились в овраг небольшого ручья, образовавшегося здесь от водопада, вытекающего в три ручья из расщелин высокой горы, которая представляет от вершины до бассейна ровную стену, как бы нарочно высеченную.

Полюбовавшись водопадом, колонна стала двигаться далее по ровной местности и к вечеру 4 мая расположилась на одной из террас псхувской котловины.

Проведенная здесь ночь памятна и теперь. Палатки и другие походные принадлежности батальона были оставлены до будущей оказии на Доуляке, а поздний приход наш не давал возможности тотчас же приступить к постройке шалашей. Между тем, несмотря на летнее время, было так холодно, что едва-ли мог кто-нибудь спать хоть несколько минут. Ночной холод так пронял нас, что поутру многие дрожали и тряслись как в пароксизме лихорадки.

На другой день роты занялись временной постройкой бараков на месте, указанном им командиром батальона. Почти в один день были построены эти временные помещения как для низших чинов, так и офицеров, находящихся при батальоне. Хотя правда, импровизированные эти помещения мало могли защитить от дождей и ветров, пробивавшихся из всех щелей, но все-таки до постройки казарм более или менее удовлетворяли своей цели. Кровати, стойки и скамейки устраивались само собою разумеется, из того же материала, как и бараки, - именно из турлука, очень нехитро сплетенного и на куриных ножках. Впрочем многие из солдат, не довольствуясь такой

незатейливой обстановкой, часто забегали в разрушенные жилища бывших псхувских жителей и выкапывали там разные дощечки. Бог весть какими судьбами уцелевшие и этими дощечками дополняли недостаточную обстановку своего помещения, употребляя их на скамейки и столики. Иные из них приносили дощатые круг и осколки разной глиняной посуды, которые переходили из рук в руки и с таким вниманием осматривались, с каким едва ли бы антикварий осматривал иероглифы на египетских пирамидах.

Пробыв на описанной местности некоторое время, батальон перешел потом на другую террасу близ упомянутого уже водопада. На террасе этой разрешено было по строить для нижних чинов казармы и лазарет на 200 человек.

* * *

Не вдаваясь в подробности произведенных прошлым летом построек, мы только скажем, что постройки возводились успешно, несмотря на то, что все необходимое, кроме леса с трудом доставлялось из Сухума. Нельзя было иногда не удивляться, что некоторые работы, требующие специального знания, производились офицером - малознакомым со строительным искусством и оказывались удовлетворительными. На обязанности офицера было еще следить за успешным добыванием извести, необходимой для построек и выделкой кирпича, который в начале выходил негодным, рассыпаясь при малейшей сырости в мусор, но впоследствии, после некоторого опыта, сделанного над его выделкой, кирпич вполне оказывался удовлетворительным.

Все постройки, произведенные в продолжении прошлого лета, считаются временными, ибо для штаб-квартиры батальона на будущее время указано место на южной стороне реки Бзыби, на косогоре, идущем от Очавчара близ предполагаемой дороги на Псебай, через перевал Айшхо.

Целью основания штаб-квартиры на этом месте служит то, что указанная местность обширнее террас, расположенных по северную сторону Бзыби и, находясь на дороге, ведущей к

Псебаю, может служить заезжим пунктом как со стороны Сухума, так и с линии.

Говоря однако ж о поселении штабс-квартиры батальона, считаем необходимым познакомить читателей с характеристикой самого ущелья. Конечно, за строгую точность приводимых ниже данных нельзя вполне ручаться, тем более, что местность эта не имеет еще и топографической съемки, но во всяком случае описание, хотя и составленное по кое-каким сведениям, не будет далеко от действительности при специальном впоследствии исследовании.

Псхувское ущелье, которому суждено играть со временем немаловажную роль как стратегическому пункту - на случай внешней войны, - отделяется от берега Черного моря довольно высокими горами: южная его часть по левому берегу р. Бзыби составляет один из отрогов главного Кавказского хребта, пересекающего береговую линию, а северная, по правому берегу Бзыби (урочище Доуляка и по протяжению его Две-речки и Гумиста), пересеченная горами, имеет границею Сухум-Кале. С северо-востока тянутся горы по направлению к местечку Ац, оканчиваясь на береговой линии Черного моря: с юга отрасли того же кавказского хребта по направлению к урочищу Гагр. Пересекаясь в разных направлениях он образует возвышенную местность, более гористую, чем волнистую, представляя большею частью ущелья. Не имея точных данных для подробного описания перекрещающихся здесь горных хребтов, упомянем только об одном, имеющем значение для псхувского ущелья - о хребте, составляющем гору Моруг и идущем с южной стороны. Хребет этот, не имея пока правильного названия, служит здесь верховьем Бзыби с протоками других речек.

Из подошвы этой горы, соседственной с горою Доуляка, берет свое начало река Бзыбь. Принимая в самом начале несколько мелких протоков, она образует под Очавчарой, соединяющейся с горою Доуляк, довольно большую котловину. Бзыбь в своих верховьях прокладывает себе обширное русло, а далее, будучи стеснена горами, входит в ущелье (название которого неизвестно) и течет им около 80 верст по направлению от вновь населенной местности Псху в Черное море.

По описанной местности, начиная от Трапеции (первая гора, тянущаяся от Сухума), идет дорога к речке Гумисте. Дорога эта,

почти до названной речки, благодаря заботливости начальника отдела довольно широка, так что может считаться колесною: но после переправы чрез реку Гумисту и небольшую ее поляну начинается подъем на гору к Двум-речкам, которые текут по ущельям перекрещивающихся гор. По протяжению тропной дороги, считая от подъема, встречаются крутые возвышенности, не везде удобные для перевозки вьюков. Далее дорога или лучше сказать, тропа, идя от урочища Двух-речек, пересекает горы, следуя по направлению к Доуляку, а также горные ручьи, соединяющиеся с Двумя-речками. Как дорога эта, так и описанный в начале статьи перевал Доу, составляя пока единственный путь в ущелье Псху, представляет большие трудности для движения по ней. Словом, дорога эта от Двух-речек до ущелья Псху находится в первобытном состоянии*. Поэтому, кроме затруднений, происходящих от гористой местности, малейший дождь усиливает трудность движения по ней, особенно в тех местах, где почва глинистая: нечего и говорить, что после дождя, здесь образуются топи, крайне затрудняющие сообщение.

По климату, вообще здоровому, местность Псху должна быть причислена к умеренной полосе с теми же явлениями холода зимой и жаров летом.

Самый холодный пункт по причине высокого местоположения - это Доуляк с Очавчарой. Здесь снег выпадает в половине октября и достигает значительной вышины, так что на некоторое время прекращается сообщение с Сухумом: в ущелье же Псху он не бывает глубже аршина, как на местности низменной в сравнении с Доу. Снег в ущелье сходит совершенно в апреле, а на Доуляке и на Очавчаре лежит почти до июля месяца. В период таяния снегов на этих возвышенностях бывают небольшие завалы, мало угрожающие опасностию. Дожди как в ущелье, так и по протяжению всей гористой местности к Сухуму бывают периодические. Во время дождей ущелье покрывается сплошным туманом, спускающимся с гор его окружающих.

** С нынешнего года должна быть проведена до Двух-речек колесная дорога.*

В описываемой местности климат мягче и благорастворенее: здесь произрастает орешник и пшеница, сеянием которой, как говорят, занимались бывшие жители Псху*, водятся дикие пчелы, мед которых служит весьма выгодной статьей для промысла абхазцев - жителей окрестных аулов, прибывающих в Псхувское ущелье зимою единственно с целью добывания меда, который продается ими в Сухуме и частною в Псху, а остальное употребляется в домашнем быту. Промысел абхазцев впрочем одним этим не ограничивается: они занимаются еще и ловлей куниц, которых здесь водится множество. Ловля эта производится исключительно зимою и бывает весьма удачна, благодаря хитро устраиваемым капканам вполне заслуживающим описания.

Устройство этих капканов таково: сплетши из толстых прутьев нечто в роде ящика с отверстием, ставит его под деревом так, чтобы сук удобно можно было притянуть к ящику. Установив таким образом ящик, вбивают в него с обеих сторон отверстия, небольшие колья, на которых утверждают две перекладинки, расстоянием одна от другой не более дюйма. Протянув сук дерева к перекладинам веревкой из лыка, а конец веревки продев через промежуток между перекладинами, зацепляют его за нарочито проделанный зубец или язычек так, чтобы остальная часть веревки могла образовать петлю около отверстия ящика: конец же веревки, идущей от петли, привязывают крепким узлом к перекладине и затем капкан закрывают валежником. Зверь, всовывая голову в отверстие ящика, оставленное свободным, чтобы достать приманку, незаметно отодвигает упругую веревку, чуть-чуть придерживаемую зубцом, и тут-то сук, высвободившись, моментально выпрямляется и крепко затягивает шею зверя. Приманкою служит мед или мясо диких коз, которых в Псху также много. Мех псхувских куниц довольно пушист и нисколько не уступает достоинствам меху сибирской куницы, Сверх того существование здесь чернобурой лисицы и белого волка также несомненно.

---

* *Существование прежнего хлебопашества доказывается пшеницей растущей в диком состоянии на полях, где основано поселение.*

Жаль только, что псхувское ущелье не обладает большими полянами и лугами, которые дали бы возможность заняться здесь скотоводством. Невозможность заготовления корма на зиму в значительном количестве обусловливается крайней сжатостью местности, представляющей террасы на которых трава растет далеко не в изобилии. Впрочем южная сторона Псхувского ущелья по направлению от предполагаемой дороги к Псебаю (в расстоянии от штаб-квартиры до 25 вер.) имеет довольно большие поляны: на одной из этих полян, удобных и для хлебопашества, предположено основать поселение, которое будет названо «Мариинским поселком», но пока местность эта не совсем еще заселена. Нижние чины батальона, в числе 20 семейств, с ранней весной должны будут заняться постройкою себе жилищ на поляне. Семействам, переселяющимся в Псху даны преимущества в денежном пособии и продовольствии провиантом в течении одного года. Желаем от души процветания Мариинскому поселку.

Здесь кстати упомянуть, что с основанием штаб-таартиры в уроч. Псху появились уже торговцы спиртом и всякою мелочью, необходимою в солдатском быту: они, впрочем, тянулись за батальоном, как дельфины за пароходом, еще со дня выступления его из Сухума. В настоящее же время из всех прежде бывших торговцев остались только двое: оба они торгуют преимущественно спиртом. Для определения торговых оборотов их мы не успели собрать сведения, но можно наверное сказать, что лавки эти приносят порядочный доход своим хозяевам - в особенности лавка, открытая каким-то эфенди, который обязался при том поставлять на роты и мясо. Существование подобных заведений если и полезно с точки зрения развития торговли в ущелье Псху, но тем не менее, полагаем, вредно для солдат, составляя неизбежную приманку и заставляя их пускать последнюю копейку ребром. Впрочем, у этих торговцев, кроме спиртных напитков да гнилой селедки, нет почти никакой провизии для живущих здесь офицеров. - и почтенный эфенди, дав волю своему Ганимеду соединять полезное с вредным смотрит, вероятно, не без удовольствия, как этот ловкий виночерпий выручает из ведра спирга, как говорят, до 18 руб. сер., разбавляя его вдоволь даровою водою Бзыби. Конечно, если нет худа без

добра, то и существование этих лавочек в Псху, повторяем, в торговом смысле необходимо и потому для вящего поощрения этой торговли не существует даже и таксы, несмотря на то, что каждый продукт в этих лавочках продается баснословно дорого. Если прибавить к этому еще и то, что живущие в Псху офицеры, не удовлетворяясь продуктами местных лавочек, поневоле все необходимые припасы выписывают из Сухума, то торговля псхувская будет вполне охарактеризована...

Газ. «Кавказ», 1869, №№ 104, 105.

ИЗ СТАТЬИ К. КРАСНИЦКОГО «ОСВЯЩЕНИЕ ВОЗОБНОВЛЕННОГО ИЗ РАЗВАЛИН ДРЕВНЕГО ПИЦУНДСКОГО ХРАМА»

О времени постройки пицундского храма существует два мнения: одни говорят, что храм этот воздвигнут святым апостолом Андреем Первозванным - первым проповедником христианства в Абхазии, другие приписывают постройку его византийскому императору Юстиниану II-му в VI веке; последнее чаще упоминается и является более достоверным. Так Dubois de Montpereux в своем "Voyage autour du Caucase" на стр. 229-231 приводит рассказ современника занятия византийцами восточного берега Черного моря, секретаря Велизария Прокопа, который между прочим говорит, что абазги (нынешние абхазцы) не имеют ни религии, ни нравственности, что они поклоняются лесам, и в своем варварском невежестве оказывают деревьям божеские почести, что со времени владычества Юстиниана Августа нравы этого народа начали заметно смягчаться, потому что они стали принимать христианство, что Юстиниан Август построил на берегу моря храм, посвятив его матери божьей и назначив в нем священников для учения народа абхазского и проповеди между ними о религии Христа, что сверх того он послал к ним одного из своих придворных по имени Ефрат, родом абхазца, с целью запретить князьям обращать детей в евнухов и продавать их в рабство. Свидетельство Прокопа о постройке

храма подтверждается и хрониками Гелатского монастыря, постройку которого также приписывают Юстиниану, и в который по занятии Абхазии турками удалились из пицундского храма католикосы.

Царевич Вахушт говорит, - что церковь Bidchvinda построена и богато украшена императором Юстинианом*. Шарден, ссылаясь на показания монаха Жозефа-Мария-Цампе говорит, что церковь Puccinta - была посвящена св. Марии, но что абхазцы особенно почитавшие св. Андрея, назвали церковь его именем, и при этом упоминает о мнении некоторых, что храм этот построен самим апостолом Андреем**. Рейнегс также приписывает постройку этой церкви Юстиниану***.

Сначала пицундский храм был местопребыванием епископов, но потом, когда положение мцхетских католикосов в потрясаемой попеременно персами, аравитянами, монголами и пр. Грузии было трудное, и когда даже самые цари Грузии искали убежища в Абхазии, а эта страна, менее тревожимая нашествиями варваров, пользовалась относительным благосостоянием и сделалось самостоятельным царством абхазским, местопребыванием католикосов сделался храм пицундский. Католикосы были верховные главы церкви в Грузии и их называли духовными царями; они имели особое войско, владели огромными церковными поместьями, свободными от всякой дани царям Грузии, - от них зависело назначение духовных должностей и проч. Костюм их отличался от епископского тем, что на воскрыльях черного клобука из жемчуга и драгоценных каменьев, вышивались два серафима; на челе клобука бриллиантовый крест; мантия была из бархата с серебряными источниками (?), митра с крестом, обложенная по опушке зубчатою парчой, и в служении на персях возлагались две панагии и один крест**** .

**Deserip Geograde la Deorgie/ 1842*

**Шарден, 1 т., стр.51*

***Reinegg. 11, стр.3 и 8*

**** Историческое обозрение Грузии сост. А. Головиным*

С самого своего основания, и до половины прошлого столетия, пицундский храм играл весьма важную роль в жизни не только всей Абхазии, но и соседних с ней Мингрелии, Имеретин и Гурии: из этого пункта свет христианского учения разливался по всем близлежащим странам и католикосы и патриархи абхазские блюли чистоту и ненарушимость православной религии. Прямых указаний на то, когда именно абхазские католикосы оставили пицундский храм, нет; известно только, что в 1529 году католикосы еще были там - об этом свидетельствует колокол, присланный в дар этой церкви, Мануелом Мачутадзе, посвященным патриархом в сан священника, а на карте царя Александра имеретинского, составленной в 1738 году, Пицунда еще считается местопребыванием патриарха.

Предание говорит, что турки по занятии Абхазии не изгнали духовенство из пицундского храма, но распространяя магометанство сильно притесняли монашествующих, так что они перебрались в греческий монастырь, в восьми часах пути от Трапезунда, и перевезли туда большую часть драгоценностей храма и что будто и поныне в том монастыре есть ветхая тетрадь из пергамента, содержащая сказания о пицундском храме*. С удалением монашествующих и увозом многих драгоценностей в храме была оставлена необходимая для служения утварь и все это было передано в введение имеретинского духовенства, которому турки будто бы не запрещали совершать служение в храме, но только требовали от него не препятствовать распространению в крае мусульманства. Впоследствии, когда возникло неудовольствие турок на имеретинское духовенство, храм был передан в ведение духовенства мингрельского, и к этому времени предание относит окончательное перенесение всех остальных драгоценностей в Гелатский монастырь. Предание это очевидно разнится с историческими сведениями, хранящимися в Гелатском монастыре, по указанию которых католикосы со всеми драгоценностями, оставив пицундский храм перешли в

** Покорнейше просим нашего ученого корреспондента в Трапезунте удостовериться в справедливости этого предания.*

монастырь гелатский. Во время заведования храмом мингрельского духовенства высылался в Пицунды монах для служения, и предание называет одного из них Григория, который между прочим занимался обучением абхазских детей и раз при поездке своей в Мингрелию он будто бы увез одного из мальчиков, с согласия родителей, под предлогом прислуживания ему в пути; но остановясь в Сухуме, Григорий продал этого мальчика туркам, за что потом, когда народ абхазский узнал об этом, то не только не позволил ему служить в храме, но даже не допустил его высадиться на берег, и Григорий возвратясь обратно в Мингрелию объявил, что абхазцы все сделались мусульманами и отказались принять к себе духовенство; это было, как говорят абхазцы, поколения два тому назад, и с той поры храм пицундский оставался без духовенства; но чтущие святыню абхазцы не трогали в нем ничего и в 1830 году, когда русские войска, именно 44 егерский полк высадился в Бомборах и Пицунде (как рассказывает очевидец майор 21 линейного баталиона Воронов, бывший тогда унтер-офицером того полка), то в храме стояло еще несколько икон, и были целы священнические ризы; книги на грузинском языке и другие вещи лежали как будто бы после только что оконченного служения. Кроме этих церковных вещей в храме лежало много монет, оружия и домашних вещей, принесенных абхазцами в жертву храму; никто их не трогал опасаясь страшной кары божией. Вера в эту кару поддерживалась в народе рассказом, что будто бы один джигит по фамилию Колциба, при нападении партии своих соотечественников на Абхазию, похитил из храма золотую руку, служившую при мироварении, и от этого у него лопнул череп. Абхазцы слепо верят в эти рассказы и до сих пор не рискуют трогать вещей, принесенных в жертву и лежащих на открытом *воздухе близ развалин около древних храмов, разбросанных по* всей Абхазии.

С оставлением пицундского храма католикосами, с более и более увеличившеюся мусульманскою пропагандою, христианство пало в Абхазии и едва несколько сот семейств остались верны этой религии - остальные сделались мусульманами, хотя надо правду сказать, что это новое учение никогда не создавало мусульманских фанатиков в крае и абхазцы снова стали

походить на тех абхазцев, какими они были по описанию Прокопа; от христианства отстали, к мусульманству не пристали, да и не забыли своих древних языческих преданий, и таким образом образовалось в них какое-то смешанное верование; так это продолжалось долго спустя и при нашем владычестве в крае.

Вот какие грустные последствия имело для Абхазии падение пицундского храма. Но настало новое время; вопрос о восстановлении христианства на Кавказе сделался одним из самых главных предметов заботливости правительства; вспомнили о значении пицундского храма, явилась мысль, восстановив его из развалин, сделать его соответственно современному положению вещей опорой и рассадником нашей религии в крае.

* * *

Мысль о возобновлении пицундского храма принадлежит покойному императору Николаю 1-му. В сороковых годах был прислан в Пицунды для осмотра храма академик Норов, которому было вменено возобновление храма в том же виде, как он был построен. Тогда же было приступлено к работам, инженеры поставили леса и возвели вместо старого, заросшего кустарником и даже деревьями* новый купол; затем академик Норов уехал путешествовать по Кавказу для изучения современных пицундскому храму построек; работы остановились, а последняя турецкая война заставила прекратить их совсем. В сентябре месяце 1863 года главнокомандующий кавказскою армиею его высочество великий князь Михаил Николаевич посетив храм и заботясь о сохранении этой замечательной святыни, приказал впредь по возможности приискать источник для окончательного возобновления храма, ассигновать 2 т.

---

* *На вершине купола кроме кустарников росли две сосны, из которых одна по срубе оказалась имеющею 6 вершков в отрубе. Любопытное описание развалин храма у Дюбуа де Монпере помещено на стр. 223-229. Voyage autor du Caucase.*

рублей на исправление крыши, чтобы тем сберечь его от окончательного разрушения. Деньги эти были переданы бывшему в укр. Пицунде воинскому начальнику майору Воронову, тому самому, о котором как об очевидце храма в 1830 году было сказано выше. Старик Воронов, с самою поступления на службу из простых крестьян Воронежской губернии по рекрутскому набору, дослужившийся до майорского чина. почти всю службу провел в Пицунде и, как человек религиозный глубоко чтил ежедневно находившуюся перед его глазами святыню и потому с полной охотой принялся за исполнение порученного ему дела и кончил, наконец, тем, что вместе требуемой от него поправки крыши за отпущенные ему 2 т., возобновил храм окончательно, передержав из собственности 1746 руб.

Об этом замечательном возобновлении стоит сказать несколько слов.

Когда было получено приказание августейшего главнокомандующего, в храме только сохранились стены; вновь возведенный купол был цел, леса, поставленные для устройства его, были частию уничтожены турками во время занятия ими в минувшую войну Абхазии, частию валялись вокруг храма совершенно сгнившими. Внутри храма каменный иконостас лежал в обломках; оконных рам, перил на хорах - не существовало, пола не было, лестница, ведущая на хоры, была в полуразрушенном состоянии, штукатурка, а вместе с нею и древние фрески, также и карнизы обвалились - нужно было все это сделать вновь. Рабочими были даны солдаты и уж, конечно, не из лучших, потому что известно, что всякий командир части не отпустит от себя хорошего мастерового: он нужен ему самому на каждом шагу. С такими-то средствами майор Воронов, не унывая, принялся за работу. Прежде всего он начал самих мастеровых учить снова; каменщиков заставил заняться грубою отескою камней, и потом мало-помалу довел их до совершенства и образовал из них таких каменотесцев, что работы, сделанные ими, решительно заставляют изумляться... Но терпение все превозмогло; не унывал старик даже и тогда, когда заметил, что в двух местах наружная стена храма имеет от самого купола и до фундамента сквозные трещины; он стал присматриваться, отыскивать причину этого, и наконец нашел ее в том, что с

наружной стороны, близ стены, в том месте, где показались трещины, было много могил: гроба сгнили, грунт ослаб, и потому стена, подавшись наружу, разошлась в двух местах. Со свойственною ему практическою опытностию, он приказал в средине храма вырыть крестообразно две канавы и поставил на краю их три каменные ступы, с устроенными на рычагах железными пестами, каждый весом в 4 пуда; в ступах этих толокся кирпич для цемента, на трещины в нескольких местах старик наклеил бумажки и стал наблюдать. Чрез несколько дней после начала толчения кирпича майор Воронов заметил, что бумажки сморщились, а затем еще через несколько дней стены сошлись окончательно и теперь едва можно заметить направление трещин, и только тогда, когда они будут указаны знающим их. Всякий поднятый обломок каменного подсвечника, части иконостаса, карниза - служили ему образчиками, так что все, что было уничтожено, теперь сделано вновь в том же виде, как был храм в древности. Каждая тончайшая линия карниза, выступа отделана с величайшею аккуратностию, так что нигде незаметно и тени неправильности. Старик не жалел своих трудов, имея около 70 лет и не будучи в состоянии всходить вверх под купол по устроенным лесам, он сделал для себя кресло как на качелях и, садясь на него, на блоке поднимался под самый купол на высоту 14 саж. 2 арш. и следил за каждым вершком работы обученных им мастеровых* . Понятно, что только человек глубоко проникнутый религиозными чувствами, и давший себе задачею посвятить всецело остаток дней своих этому делу, мог решиться на такой гигантский труд и теперь, благодаря этому святому, подвижническому труду в настоящее время снова своды пицундского храма огласились словом божьим. День освящения храма 27 сентября - есть поистине замечательное событие не только для Абхазии, но и для всего христианского дела в России, а для старика Воронова - можно себе вообразить, что это была за минута, когда началось первое архиерейское

** Вот размер храма: длина по наружной стене 20 саж. 1 арш., шир. 10 саж. 2 арш. И высота с оконечностью купола 14 саж. 2 арш., и возобновление такой громады стоило 3746 руб.*

служение в возобновленном им храме! Убеленный сединами стоял он на коленях большую часть службы и молился со слезами на глазах.

26 сентября преосвященный Гавриил, епископ имеретинский и абхазский с духовенством и начальник Сухумского отдела генерал-майор Гейман, пригласив до 30 человек служащих в крае военных и гражданских чинов, на винтовой шхуне «Пицунда» отплыли из Сухума в м. Пицунды. В темную ночь под проливным дождем все эти лица вышли на берег и прямо отправились в храм. Единственный маленький колокол частым звоном приветствовал преосвященного; тотчас же началась всенощная, а на другой день совершено торжественное освящение храма. До 2 т. народа абхазского - христиан и мусульман - присутствовало во время служения. Преосвященный Гавриил по окончании служения сказал проповедь сначала чрез переводившего священника на абхазском языке, а потом по-русски. Несмотря на значительное скопление народа в храме было просторно. Резонанс удивительный и каждое произнесенное слово внятно слышалось во всех частях храма.

Певческий хор был составлен из казаков и воспитанников горской школы - абхазцев, которые несмотря на то, что несколько месяцев тому назад еще не умели ни слова говорить по-русски теперь научились петь всю церковную службу на этом языке и при том еще по нотам; конечно, при таком торжественном служении желательно было бы слышать лучшее пение - но за всем тем хор пел недурно.

По окончании служения начальник отдела пригласил преосвященного, все бывшее с ним духовенство, а также всех г.г. военных и гражданских чинов на обед, а для народа было устроено угощение на церковной площади, как раз против дома, занятого на этот раз генералом Гейманом. За обедом первый тост был предложен начальником отдела за здоровье государя императора в следующих словах. «Настоящее освящение пицундского храма есть особенно замечательное событие по трем причинам; во-первых - как торжество христианства над мусульманством: древний храм этот, его значение в христианской религии было уничтожено мусульманами и вот теперь снова крест восторжествовал над луною и мы снова слышим в храме

слова нашей религии и присутствуем при торжественном в нем служении; во-вторых - как торжество цивилизации над варварством: император Юстиниан воздвиг храм пицундский для проповеди слова божия между абхазцами, для смягчения их нравов и прекращения торговли рабами - при императоре Александре II - освободителе от рабства миллионов людей - храм этот был возобновлен снова; в-третьих - как политическое событие, которое знаменует окончательное присоединение Абхазии в нравственном и религиозном отношении к единоверной с нею России. Всеми этими успехами мы обязаны нашему доброму государю и потому, я уверен, что каждый из нас с особенным чувством восторга выпьет предлагаемый мною тост за здоровье нашего обожаемого монарха!» Громкое ура как в обеденной зале, так и на площади было ответом на те слова, а хор военной музыки исполнил народный гимн. Потом был начальником отдела провозглашен тост за здоровье августейшего главнокомандующего кавказской армии, сочувствию и вниманию которого к нуждам края мы обязаны настоящим торжеством. Дружное ура было ответом и на этот тост. Затем преосвященный Гавриил предложил выпить за здоровье генерала Геймана, своею энергическою деятельностию поставившего край на тот путь, который поведет народ абхазский к полному и всестороннему развитию. В ответ на это генерал Гейман, подняв бокал, сказал: «Администрация есть врач тела, духовенству принадлежит забота уврачевать душу; при энергической деятельности преосвященного Гавриила можно надеяться, что душевное врачевание Абхазии скоро достигнет желаемого результата. Выпьем за здоровье нашего уважаемого владыки преосвященного Гавриила!» Затем пили за здоровье возобновителя храма майора Воронова, супруги генерала Геймана, присутствовавшей за столом как хозяйки празднества и, наконец, за благоденствие и счастие абхазского народа и всех, которым выпала доля быть виновниками начавшегося развития края. После обеда все гости вышли к народу и там снова было предложено несколько приличных тостов; начались народные пляски и затем празднество закончилось неизбежною при всяком торжестве, в котором принимают участие туземцы - скачкою. К

вечеру празднество окончилось и многие из гостей присутствовали у всенощной, а на другой день, в воскресенье, преосвященный отслужил раннюю обедню в том же вновь освященном храме; потом, после легкого завтрака, преосвященный с духовенством отправился в объезд по абхазским приходам, а генерал Гейман со всеми сопровождавшими его возвратился на шхуне в Сухум.

Так кончилось торжество освящения пицундского храма. Теперь уже мы можем поздравить себя с тем, что дело христианства в Абхазии окончательно стало на прочную почву, что теперь не страшна ему мусульманская пропаганда; абхазцы уже более года начавшие возвращаться к православию, теперь еще с большей готовностию присоединяются к нашей религии.

Спустя несколько дней и именно 4 октября было совершено освящение храма во имя св. Симона Канонита; храм этот переделан из двухэтажного каменного дома, построенного из развалин древнего храма Симона Канонита, одним из усердных поклонников Магомета, полковником Гасаном Маргани, несколько лет тому назад бежавшим в Турцию и умершим там.

В заключении нельзя не пожалеть о том, что вновь освященный пипундский храм до того не богат средствами, что едва нашлись деньги на покупку свечей, необходимых для служения; в нем недостает паникадила, иконостас хотя написан сносно художником за 500 руб. далеко не соответствует общему величию этого замечательного храма. Ризница крайне бедна - как мы слышали в ней имеется только два священнических облачения, из которых одно новое - пожертвованное государыней императрицей, а другое старое и едва годное для служения: прихожане абхазцы народ бедный, недавно еще обращенный к православию, конечно, не в состоянии будут поддержать благолепия этого храма, и жаль будет видеть его в такой бедной обстановке. Мне кажется, что было бы весьма полезно осуществление мысли, еще в прошедшем году заявленной генералом Гейманом о том, чтобы при пицундском храме был образован монастырь из настоятеля и нескольких монахов из русских, которые могли бы взять на себя роль миссионеров, а в построенном в прошлом году при церкви здании школы - открыть духовное училище для обучения абхазских детей и подго-

товления лучших из них на духовные должности в среде единоплеменного им народа.

Теперь все дело зависит от воли августейшего вашего главнокомандующего и от сочувствия к делу православия как общества восстановления христианства на Кавказе, так и от любящих благолепие храмов божьих, сочувствующих словом и делом всякому полезному для наших отечественных интересов делу - а недостатка в таких личностях, благодаря бога, нет и мы смело уверены, что древняя святыня пицундского храма не останется в той бедной обстановке, в которой мы видим ее теперь.

Считаем не лишним прибавить к этому, что 2 октября была преосвященным освящена закладка часовни в селении Лыхнах - в память убитых в 1866 году во время возмущения полковника Коньяра и бывших с ним; а также и лыхненской приходской школы, что в настоящее время уже прибыли в Абхазию мастеровые и на днях будет приступлено к постройке шести церквей в селениях, вновь обращенных в православие. Близко то время, когда не останется ни одного мусульманина в этом крае: по крайней мере все совершающееся теперь на наших глазах дает полную надежду верить в этот, давно ожидаемый результат.

Газ. «Кавказ», 1869, №122, 123.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ А. НИСЧЕНКОВА «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ В ТУРЦИЮ»
(Из воспоминаний кавказского офицера)

Грозно прогремела по всему Кавказу злополучная весть, что самые ревностные поборники Газавата (священной войны), обитатели гор восточного Кавказа повсеместно изъявляют покорность и сами сдают русским укрепленные аулы; еще грознее была весть, что пал и последний оплот Имама - Гуниб, что и сам Имам, видя невозможность держаться сдался русским, повергая свою судьбу милосердию русского царя.

Такая весть, быстро облетев горы, грустно отозвалась в сердцах их обитателей и не могла не оказать огромного и самого благотворного влияния на все непокорные племена Западного Кавказа. Уничтожив существовавшее убеждение, что Кавказ непобедим, весть эта быстро изменила самый взгляд туземцев как на огношение их к русским, так и на собственное их положение.

Увидев, что все обещания эмиссаров остаются только обещаниями, Турция не шлет к ним ни войска, ни кораблей на подмогу, что между тем русские в своих действиях становятся с каждым днем энергичнее, и пролагая новые кордонные линии все более теснят их, западные горцы поняли, что держаться долее в горах нет никакой возможности и спешили для обеспечения своей участи изъявлять полную покорность.

Не принимая их покорность, русские не могли верить в искренность таких обещаний; долголетние опыты показали, как умеют горцы хранить заключаемые с ними договоры; оставлять их на прежних местах жительства значило бы вечно воевать с ними: чему доказательством служит и до сих пор Терская область, где часто раздаются выстрелы и по настоящее время; поселять же между них русских переселенцев, значило бы подвергать последних разным.случайностям и отдавать их на жертву грубому фанатизму.

Поэтому, чтобы избежать столь грустных последствий, пришлось решиться на единственное средство: выселить горцев на плоскость и колонизировать край русскими переселенцами, которые уже с 1861 года стали стекаться со всех сторон.

В это время появилась просьба горцев, не соглашавшихся селиться по Кубани на плоскости, о дозволении им перебраться в Турцию к своим единоверцам, где, по уверениям эмиссаров, появившихся в горах в разное время, ждут их братские приветствия, полная свобода и такие же горы. Такая просьба вполне отвечала и желаниям нашего правительства и желаниям горцев и не согласиться на нее было невозможно.

Позволение дано, назначен окончательный срок; войскам приказано сдвинуться со всех сторон и, как только минет определенное время вступить в горы. Поняв, что другого исхода нет, собирались абадзехи, убыхи и другие племена в путь и со

всеми пожитками стекались к берегу моря у устья р. Туапсе, близ поста Вельяминовского, где ожидали уже турецкие кочермы, готовые к отплытию.

На берегу точно азиатский базар; толпа горцев разного пола и возраста скучились около берега, поглядывая на кочермы. Там и сям виднеются загороди, сложенные наскоро из камней; внутри их целые семьи отправляют домашние свои занятия: кто моет белье, кто переодевается, а кто варит пищу или спит, ожидая очереди.

Погрузка, уже началась давно; лодки то и дело что шныряют между берегом и кочермами. Вот лодка пристала к берегу. Посмотрите, с каким неистовством кинулись в нее горцы, многие, не попав в лодку, попадали в море и, несмотря на крики, угрозы, а иногда и побои, сыплющиеся со всех сторон, ухватились за борт и после долгих усилий наконец взобрались на нее.

А на базаре между тем кипит деятельность другого рода: там продают все имущество, которое брать с собой не позволяется; что за дешевизна: винтовка идет за 50 коп. и много за рубль; шашки и кинжалы с превосходными клинками отдаются часто дешевле того серебра, в которое отделаны их ножны; старики, не желая продавать свое оружие, так долго служившее им, проклиная Стамбул, с каким-то, немым отчаянием кидают его в море. Вот превосходную лошадь с седлом и уздечкой покупают за 10 р., пару годовалых жеребят за 50 к., а там 150 баранов отдают за 8 р. Многие семейства, подъехав к берегу и узнав, что весь скарб свой придется бросить, продать даже свое оружие, поворачивают арбы назад и на вопросы солдат «знаком, куда садись?» отвечали: «Стамбул яман, коп яман; Кубань якши! Кубань садись!» И решившись на это идут к начальнику объявить, что готовы поселиться на плоскости.

Горцы переселились, кто на плоскость, кто в Турцию и теперь на местах их жилищ появились новые станицы с населением почти в 15 т. Не слышно более роковых выстрелов, их заменяет тихий благовест, призывающий христиан на молитву в убогие временные церкви, а самые горы, то там, то сям бороздит русский плуг.

«Всемирная иллюстрация»,
1869, №8, с. 122.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АБХАЗСКОГО МИССИОНЕРА ИЕРОМОНАХА ИОНА «О НОВЫХ УСПЕХАХ ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИИ»

В настоящее время, когда две великие и образованнейшие державы вооружившись семи усовершенствованными орудиями военного искусства, к сожалению всего христианского мира, ведут ожесточенную борьбу, наше скромное кавказское духовенство одерживает значительные победы над суеверным язычеством и мусульманством, приобретая с каждым днем новых чад для православной церкви. Я получил недавно из Абхазии письмо, в котором пишут, что в течение апреля, мая и июня месяца приняли православие до 3.500 человек. Цифра почтенная и мы с удовольствием спешим поделиться радостной вестью с читателями «Кавказа». С 1867 года, со времени христианского движения, охватившего Абхазию вследствие благоприятных исторических обстоятельств, число христиан увеличилось в этой стране до 16.000 человек, епископы Александр абхазский, ныне викарий грузинский и Гавриил, епископ имеретинский, с своими достойными сотрудниками - совершили эти мирные завоевания без всяких принудительных мер, благодаря вседействующей и всемогущей силе кроткого и убедительного слова Христова.

Все друзья человечества и истинного прогресса отдадут им должную дань справедливого уважения за их христианские подвиги на миссионерском поприще. С принятием христианства абхазцы вступают в семью просвещенных народов. Это небольшое племя, по официальным сведениям (см. Кавк. календарь на 1870-й год) до 75.000 чел., займет видное место среди кавказских племен. Пишущий эти строки сам участвовал в миссионерских трудах обоих епископов и считает священным долгом высказать со всею христианской откровенностию несколько слов о будущих задачах, решение которых требует спорного решения. Он смеет думать, что его искренние убеждения будут приняты с сочувствием всеми благомыслящими людьми. В 82-м № «Кавказа» помещено письмо Е.Л. Прудкова; со всею откровенностью патриота, он высказал свое мнение о вредном действии на развитие образования грузинского языка,

на котором совершается теперь богослужение во всех абхазских приходах. Не имею ничего против употребления при богослужении и совершении треб на этом языке в законных пределах, то есть, в Карталинин, Кахетии и Имеретии, пожалуй даже в Гурии и Мингрелии, хотя язык гурийцев и мингрельцев имеет значительное отличие от языка жителей, так называемых картвелов (карталинцев, кахетинцев и имеретин), особенно от устаревшего церковного языка, отдалившегося от современного грузинского языка; в этих областях весьма естественно употребление при богослужении церковно-грузинского языка; совсем иное дело в Сванетии, Чечне, Дагестане, Осетии и Абхазии; жители этих областей не понимают грузинского языка; зачем же, вопреки желаниям жителей, силою навязывать непонятный им язык? В Абхазии лучше и естественнее всего ввести в богослужение наш славянский язык. В одном из приходов, во время моей миссионерской службы в Абхазии, я служил по-славянски; некоторые молитвы (Святой Боже, Верую Отче наш и Господи помилуй) дьячки пели по-абхазски: с каким умилением жители слушали неслыханное ими доселе пение на своем языке! Как горячо и искренне они благодарили меня за доставленное им религиозное удовольствие - трудно передать это словами. А теперь новоуверовавшие христиане лишены этого удовольствия и, быть может, долго им не придется испытывать оного.

Газ. «Кавказ», 1870, №94.

ИЗ СТАТЬИ «О НЕЗАМЕТНОМ «ВЫМИРАНИИ» ГОРСКИХ ПЕСЕН И ПРЕДАНИЙ»

Наши кавказские горцы, как и вообще все народы, не выработавшие самостоятельной письменности, удовлетворяли свои.. |умственные потребности запасом изустных преданий и песен, переходивших от поколения в поколение вместе с другими предковскими заветами. Пока каждое племя жило отдельно,

самобытною жизнью, оно дорожило этими... остатками народного творчества, потому что находило в них единственный источник для знакомства с своим прошлым и в то же время пример и науку для настоящего. Но едва только рушилась цельность раз установившегося племенного быта, произведения народного ума начали утрачивать прежнее свое значение, ибо народу, озабоченному вопросом о своем существовании, некогда уже было думать о песнях и рассказах.

Люди, знакомые с горцами, могли заметить у них подобное явление со времени переселения части туземцев в Турцию. Последовавшие же затем преобразования в быту горцев, подорвав в корне все основные начала народной жизни, заставили народ окончательно забыть об умственном завещании его предков, так что, в настоящее время, можно сказать, горцы совсем перестали петь и рассказывать, по крайней мере, как бывало это прежде.

А нельзя не пожалеть об этом. Мы вообще очень мало сделали до сих пор в деле изучения прошлой жизни кавказских племен и потому не должны бы дать погибнуть бесследно единственным памятникам этой жизни - народным сказаниям и песням. Если справедливо вообще мнение, что без знания прошлого нельзя составить себе верного понятия о настоящем, то с чисто практической точки зрения (не говоря уже о научном интересе), подобное равнодушие к горской старине является совершенно неизвинительным: ведь приносятся же известные материальные и иные жертвы для достижения и не столь важных по своим последствиям целей, какою по справедливости нельзя не признать возможно основательное изучение кавказских племен - в историческом, этнографическом, лингвистическом и т.п. отношениях?

Между тем, у нас до сих пор не было сделано ни официальным, ни частным образом, сколько-нибудь серьезной попытки, с целью собственно собирания на месте сохранившихся у различных племен Кавказа песен и сказаний. Единственным в этом роде предприятием можно бы считать еще «Сборник сведений о кавказских горцах», о котором не раз уже говорено в нашей газете, если бы он только не ограничивался печатанием того, что поступает со стороны, а нашел бы вместе с тем,

возможность рассылать сведущих людей для собирания материала во все места, снабдивши их надлежащими инструкциями, как и что записывать. Кроме того, в силу самого своего происхождения, издание это поставлено в такие условия, что рассчитывать ему на сколько-нибудь значительный круг читателей, хотя бы, например, такой круг, при котором мыслимо было бы печатание в нем более или менее самостоятельных исследований горского быта, - совершенно невозможно. А других изданий, периодических или повременных, которые бы приняли радушно не только какие-нибудь сухие лингвистические изыскании о горских языках, но даже общедоступные и, пожалуй, не лишенные интереса для многих описания горского быта, в настоящее время, - сколько нам известно, нет в целой России. И это совершенно понятно: издания эти печатают только то, что в данную минуту может интересовать их читателей; и большинству читателей, успевших ознакомиться с Кавказом по прежним описаниям, нет никакой надобности изучать быт каких-нибудь кавказских горцев, когда можно с большею приятностью читать романы Шпильгагена и подобных ему иностранных и отечественных авторов.

Чтобы слова наши не показались голословными, укажем на то, что в наших литературных журналах, имеющих более или менее обширный круг читателей, за последние три-четыре года не появилось ни одной сколько-нибудь заметной статьи, касающейся Кавказа, а единственное в этом роде сочинение г. Дубровина «Адиге» (черкесы) помещено в специальном органе военного министерства, тогда как ему скорее следовало бы появиться в каком-нибудь из более распространенных журналов.

Вывод из всего этого представляется сам собою: хотя у нас существуют и литературные журналы, и специальные научные издания в виде записок различных обществ и учреждений, тем не менее, однако, лицам, которые задумали бы посвятить несколько лет своей жизни разработке какой бы то ни было стороны горского быта, грозит печальная участь - остаться самим единственными созерцателями своих трудов, потому что едва ли найдется настолько наивный издатель, который бы решился рискнуть своим капиталом, взяв на себя печатание подобных трудов.

В виду этого нельзя, само собою разумеется, удивляться тому, что у нас вообще еще мало людей, имеющих желание и возможность предаться изучению истории и этнографии Кавказа (не говоря уже об языках, хотя практическое знание их для служащих на Кавказе было бы несравненно полезнее, чем переливать из пустого в порожнее на французском диалекте).

Кому, в самом деле, придет охота терять время и труд на заведомо бесплодное предприятие? Разве уж какому-нибудь чудаку, для которого собственное сознание исполненного долга заменяет все мирские блага, но таких исключительных субъектов в ваше практическое время можно поискать со свечой; большинство же современных деятелей науки и литературы, как известно, весьма сведущи в политической экономии и не любят работать ради одного удовольствия.

Можно бы, конечно, приискать множество оправданий такому положению научно- литературного дела по отношению к Кавказу, но вопрос не в оправданиях - так как здесь никто и не обвиняется, - а в том, как помочь самому делу. Ведь, если невозможно приняться за что-нибудь в обширных размерах, из этого вовсе не следует, что нужно совсем отказаться от дела? Напротив, практика и здравый смысл предписывают примириться с малым, когда нельзя рассчитывать на великое, - словом, лучше делать хоть что-нибудь, чем ничего не делать. Например, допустим, что уже найдутся люди, имеющие желание и возможность посвятить часть досужего своего времени собиранию и обработке сведений о наших горцах, сношения с которыми с каждым днем становятся чаще и теснее, и что они не будут стремиться к невозможному, т.е. к тому, чтобы сразу прославиться и зашибить деньгу, а зададутся более скромною задачею - принести посильную пользу ближнему и, вместе с тем, доставить себе удовольствие занятием никому не вредящим, а напротив, могущим, пожалуй кому-нибудь послужить и в пользу. Что мешает таким людям, не подвергая себя различным мытарствам и напрасным унижениям, неизбежным при сношениях с промышленниками-издателями, помещать свои труды хотя бы в местных губернских ведомостях, имея, разумеется, при этом в виду не полное вознаграждение за свой труд /на которое такие издания не могут быть щедры/, а скорее

для того, чтобы труды эти не пропали совершенно бесследно, что всего печальнее для произведений ума, без различия их относительного достоинства. По крайней мере, мы думаем, что наши Терские Вед., поставившие себе задачею, между прочим, посильное собирание и разработку этнографических, исторических и др. сведений, касающихся не только одной области, но и вообще горского населения Кавказа, /мало чем отличающегося вообще друг от друга/ охотно приняли бы всякий труд, в каком-либо отношении знакомящий с бытом этого населения. Мы даже слышали, что за подобные труды областное начальство не прочь бы назначить и небольшое вознаграждение авторам.

(Адиль-Гирей Кеш)

Газ. «Терские ведомости», 1871, №20.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Сухум 19-го июля. Под видом корреспонденции мы решаемся передать читателям «Кавказа» весьма интересный факт, как кажется пропускавшийся или незамеченный всеми, описывавшими Абхазию и Самурзакань - это порядок обсуждения дел в этих странах на народных сходках.

Известно всем - что такое «мирская сходка» в российских селах и деревнях. Соберется народ, один или двое, обыкновенно старших на сходках, начинают рассуждать перед толпою, не извещенную предварительно в чем дело - является оппозиция в лице природного краснобая или человека, обремененного семьей, в том случае, если дело касается какого-либо предполагаемого денежного сбора, подымается нередко спор, галденье и зачастую случается, что при таком способе обсуждать дела и предлагаемые к разрешению вопросы, сходка остается без результата, а если и достигает утвердительного конца, то всегда оставляет в молчаливой части толпы убеждение, граничащее с сознанием произведенного на толпу внешнего давления, так сказать не убедившего, а заставившего делать то или другое. Поэтому можете себе представить наше

удивление, когда мы узнали, что в Самурзакани и Абхазии словоговорение на сходках совсем не так совершается, как в других местах России и даже Кавказа, почему невольно рождается вопрос - откуда в эту страну, называемую ныне вообще «Сухумским военным отделом», забрался этот обычай, и не составляет ли он собой остаток старины, когда здесь процветали греческие колонии - Диоскурия, Анакопия и пр. А дело, право не дурно.

Происходит оно, вот как, например, в Самурзакани. Собирается по какому-нибудь поводу сходка, сошелся народ. Лица, собравшие его обращаются к нему с изложением причин сходки и разъяснением дела, по которому она созвана. Народ слушает молча до самого конца вашей речи. Наконец, вы, положим останавливаетесь. Кто-нибудь из народа спрашивает: «кончили ли вы?» Вы, положим, распространяетесь еще с убедительнейшею речью, наконец, исчерпавши все доводы и доказательства, объявляете, что вы кончили и к изъясненному делу более ничего прибавить не можете. Тогда народ заявляет вам, что теперь «мы подумаем" «мы рассмотрим, что ты нам сообщил». Затем весь народ разбивается на кучки, чаще всего по три человека в каждой, но при нужде и по 4 и по 5, затем заявленный собранию вопрос рассматривается, в каждой кучке, причем, разумеется, такая кучка останавливается на чем-нибудь одном, а именно: если согласиться - то в какой степени и почему именно, «если не согласиться - то почему именно». Придя к какому-либо решению, каждая кучка из среды себя выбирает кого-либо оратором, который и должен говорить в духе того, на чем остановились все они во время обсуждения вопроса. Затем такая кучка начинает ходить между народом спрашивая - «кто окончил?» и тем отыскивая такую же троицу лиц, порешивших с вопросом также, как и они, и также избравших из среды себя одного оратором. Вообще необходимо найти две такие кучки, так что из трех составляется уже одна от 9 до 15 человек численностью, так что вскоре весь народ из мелких групп собирается в подобные же 9-душные группы или в 9 (или около) человек. В таких случаях большинство лиц уже соблюдают строгое молчание, наблюдая только за своими ораторами, между которыми уже исключительно происходит борьба мнений. Когда

эти ораторы порешат на чем-нибудь одном, то они также для выражения своего мнения выбирают одного говоруна, а затем также отыскивают группы, окончившие прения и составляются уже толпы около 30 человек в каждой, наконец, таким же порядком около 100, и наконец собирается в одну толпу весь народ, т.е. вся община, так как в административном отношении весь Самурзакан делится на общины. Затем последние ораторы, состязавшиеся перед лицом целого народа, во главе одного, подходят к лицу, созвавшему сходку и объявляют ему: «господин» или «начальник» - народ рассмотрел сделанное тобою предложение, находив, что оно полезно или своевременно, почему он соглашается сделать то, что ты предложил. Если же народ не соглашается, то те же ораторы таким же порядком объявляют несогласие его, причем пересчитывают и причины, почему не могут их исполнить. Вся же толпа в обоих случаях стоит уже в безмолвии и только слушает своих избранных. Не правда ли, поразительный способ «народоговорения» и «народообсуждения» дел?

Собственно в Абхазии только в том состоит отличие, что первая толпа разбивается по фамилии, в которых бывает и 5 членов, бывает и 30, но затем продолжается тот же порядок дальнейший.

Подобным, например, образом обсуждалось высшими привилегированными сословиями в Абхазии и Самурзакани решение о пожертвовании ими 50% из имеющегося поступить в распоряжении зависимых сословий средств - в пользу сухумской женской прогимназии.

Газ. «Кавказ», 1871, №88.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК»

Сухум, 28 апреля. (Открытие сталактитовой пещеры). Кажется еще нигде не было сообщено, что 9 января в 7 верстах от Сухума на склоне одной из гор Гумского ущелья случайно открыта великолепная сталактитовая пещера. Пещера состоит из ряда

залов, корпусов, гротов и таких пустот, которым трудно подобрать сравнение. По одному направлению с Ю. на З, пещера тянется на 150 футов, да потом из последней залы прямо на З. футов на 30, и там в конце опять по меридианальному направлению две залы: в одной будет до 50 фут., а в другой около половины, так что если считать по зигзагам, то наибольшая (открытая) длина этой подземной пустоты приблизительно будет до 200 футов. Высота некоторых залов крайне велика.

Описать красоту и величие этой пещеры трудно. Надо видеть, чтобы составить себе о ней определенное понятие. Чем далее, тем своды из сталактитов (постройка из капель) белее, прозрачнее, блестящее, а на полу и откосах сталагмиты (состав из капель), все возвышаются и также красивы в своем роде. На значительном пространстве этой пещеры встречаются кости каких-то не малых животных.

Вход в пещеру не столько труден, сколько неудобен: вы перепачкаетесь о мокрую землю, почему при посещении пещеры необходимо одеть старое платье. Жаль, что до сих пор не разделан этот вход, который некогда был, должно быть, широк, но ныне представляется засыпанным и земляными и каменными осыпями с вершины горы. В старину пещера, вероятно, была занимаема людьми, почему под насыпью, образовавшеюся во входе и в первой зале, можно ожидать встретить старинное оружие, быть может бронзовое или каменное, и другие предметы домашнего обихода.

Путь к пещере верховой, для чего обыкновенно нанимают лошадей в Сухуме у казаков или абхазцев, но можно ехать и в экипаже.

Также казалось нам необходимым приставить к пещере сторожа, который вместе с тем мог бы быть и проводником, а то посетители каждый раз ломают на память великолепнейшие экземпляры сталактитов, от чего, разумеется, со временем теряет пещера. У сторожа могли бы быть и свечи, необходимые в пещере, книга для записывания посетителей и, пожалуй, кое-какая закуска.

По направлению к пещере со временем, говорят, будет шоссейная дорога от Сухума.

Газ. «Одесский вестник», 1872, № 102.

СТАТЬЯ А.ЭМУХВАРИ «САМУРЗАКАНСКИЕ ПОВЕРЬЯ»

Долгое время самурзаканцы находились в заблуждении, думая, что всякий кузнец (т.е. ремесленник) может распоряжаться жизнью и смертью человека. Каждый самурзаканец, при нанесении ему кем-либо обиды, приходил к какому-нибудь кузнецу и просил напустить на его врага такие чары, которые причинили бы ему долговременную болезнь, а если можно, то и смерть. Если после колдовства обидчик заболевал чем-нибудь, то это немедленно приписывалось не действию природы или карам божьим, а наущению чар на него каким-нибудь кузнецом по просьбе врага. Больной же, чтобы убедиться в действительности чар, в свою очередь отправлялся к ворожее.

Последняя приносила обыкновенно 41 зерно лобия (фасоли) и начинала гадать; при этом она много говорила и в своей болтовне искусно выпытывала от пришедшего на кого он имел подозрение. Ворожея, между прочим брала 41 зерно лобии и говорила: «41 зерно лобии! Не погуби этого бедного человека понапрасну! Укажи нам причину болезни его!» Сказав это, она бросала зерна на стол и, пристально глядя на них, называла виновником болезни того именно человека, на которого проситель имел подозрение. При прощании же уговаривала больного помириться с могущественным кузнецом и принести в пользу его наковальни известное.количество денег.

Такое суеверие укоренилось между самурзаканцами по следующему поводу.

Раз заболел один крестьянин горячкой и находясь в бессознательном состоянии, начал бредить: «Ох! Как губят людей эти проклятые кузнецы своими чертовскими наковальнями! Помогите мне и не убивайте меня от рук кузнеца Похвала; я его недавно обидел и он меня проклял за это своею наковальнею и теперь хочет убить; помогите, помогите...»

Словам больного родные удивились и пригласили ворожею, чтобы убедиться правду ли говорит больной. Ворожея подтвердила. «Чем ему помочь?» - спросили родные. «Помиритесь с этим кузнецом, - ответила ворожея - дайте ему сорок пять рублей; и пользу же его наковальни пожертвуйте двух

белых овец, одного белого бычка и 2-х пестрых козлов. Если исполните это, я наверно скажу, что больной выздоровеет». Простодушные люда поверили ее словам и действительно, спустя несколько времени исполнилось предсказание ворожеи. С этого времени самурзаканцы усвоили повсеместно это дикое суеверие.

Теперь я скажу несколько слов о том, как проклинали самурзаканцы друг друга и каким образом совершались жертвоприношение. Для этого необходимо описать один случай, не лишенный в свою очередь интереса.

Был один кузнец, по имени Пэпу, человек высокого роста и стройного телосложения. Черты его лица были так привлекательны, что все сверстники завидовали Пэпу. В 18.. году он засватал одну девицу, которая также отличалась особенною красотою. Через два месяца после обручения Пэпу заболел и пролежав три месяца лишился употребления ног. Невеста, узнав о несчастии, постигшем жениха, вышла замуж за односельца крестьянина, не испросивши даже согласия родных. Несчастному Пэпу сказали о поступке его невесты. «Правда, - ответил он ,-мне нельзя было жениться после такого несчастия и сам я хотел освободить ее от данного слова, но так как девушка вышла замуж без моего ведома, то проклинаю ее.» Пэпу для этой цели приготовил свечку; сидя около своей наковальни и держа свечку вертикально, он начал проклинать невесту следующими словами: «Наковальня! Ты всемогуща, видишь, как обидела девушка твоего несчастного слугу, пожалей меня бедного! Если спишь, проснись, а если нет, побей ее молотком.» Потом он взял одной рукою за нижний конец свечки, а другою за верхний и поворачивая им в воздухе, говорил: «Так крути ей шею до тех пор, пока она не заплатит мне 200 рублей, а наковальне не пожертвует 20 руб., одного белого быка и двух белых овец». В заключении Пэпу зажег еще свечку и держа ее немного наклоннее против прежнего положения, продолжал: «Вот так заставь плакать ее, как свеча плачет от огня». Этим не кончилось однако заклинание: Пэпу каждое воскресенье возобновлял к наковальне свою просьбу.

Бывшая невеста Нэпу приготовляла обед и стоя около очага, упала в обморок, при чем сильно обожгла руку; очнувшись же

стала кричать. На крик ее сбежались все соседи, в числе их и я. В комнате мы увидели страшное зрелище; вся правая рука бедной женщины была покрыта пузырями, происшедшими от обжога. Бедная страдалица металась от боли, обливаясь слезами. Соседи, собравшиеся на крик, говорили между собою: «Не дай бог никому иметь врагом кузнеца! Потому что видите, как губит молодую женщину Пэпу со своею наковальнею.» Услышав эти слова, деверь этой женщины схватил ружье с целью застрелить Пэпу, но соседи усмирили его. «Ты этим нисколько не поможешь больной, - сказали они, - лучше ищи другое средство, а то пожалуй он вас всех проклянет.» «Ну, хорошо, какое это средство?» - спросил деверь их. «Как какое средство! Приведи ворожею и она скажет,» - ответили соседи. Призванная деверем ворожея сказала ему, чтобы он исполнил все, сказанное Пэпу во время проклинания. По совету ворожеи, все родные больной женщины должны были просить прощения у Пэпу. Хвастливый Пэпу обрадовался этому случаю и назначил им срок, не позже которого они должны придти для принесения даров.

И вот разнесся слух по всей Самурзакани о кузнеце Пэпу и его наковальне; никто из знахарей не осмелился лечить бывшую невесту кузнеца, пока она не помирилась с Пэпу и не принесла жертву его наковальне. Полагали даже, что наковальня разгневается и на того, кто будет соболезновать женщине и проч. и проч. На 4-й день после несчастий, родные больной приготовили все необходимые вещи и взяли больную к Пэпу. Пэпу пригласил по этому торжественному случаю всех жителей своей деревни. Я случайно попал в число приглашенных и был свидетелем этого комического обряда, т.е. жертвоприношения. Мы увидели следующую картину: Близ наковальни, окруженной народом, были привязаны белый бык и две белых овцы. Сам Пэпу сидел с одной стороны наковальни, а больная с завязанною рукою с другой. Спустя несколько времени, Пэпу произнес громким голосом следующие слова; - «Господа! Послушайте меня. Вы хорошо знаете какое несчастие случилось со мною и кто этому причиной. Но видите, в каком состоянии изменница. Такое несчастие причинено ей наковальней по просьбе моей. Сегодня она принесла жертву наковальне и хочет помириться

со мною. Она очень обидела меня и я хотел лишить ее жизни, но теперь прощаю ей.» Потом говорящий снял шапку и обратясь к наковальне, приподняв руки немного кверху, громким голосом произнес: «Наковальня, ты исполнила мою просьбу. Я очень благодарю за такое усердие оказанное тобою мне. Теперь же я прощаю преступление и прошу, чтобы и ты простила несчастной. Если согласна ты на это, заставь белого быка стряхнуться.» Сказав это, он приказал вылить воды на спину быка. Его приказание исполнили, но бык не зашевелился. «Может быть ты не желаешь простить ей? - сказал Пэпу, опять обратясь к наковальне, - Прости, прости несчастной! Ты уже довольно наказала ее. Этого наказания довольно, прошу тебя, прости ей!» Во все время комедии этой народ стоял без шапок и с удивлением слушал Пэпу. Потом Пэпу приказал другой раз налить на спину быка воды. Один из стоявших тут взял стакан воды и налил на то место, которое уже было смочено. Бык на этот раз удовлетворил желание Пэпу, что удивило весь народ и заставило убедиться в чудесной силе наковальни. «Простила ей, простила ей!» - говорили самурзаканцы. Пэпу приказал зарезать белого быка и обеих овец. Скоро обед был готов. Пэпу потребовал сердце и печень зарезанного быка и стакан вина. Ему подали требуемое в чашке. Приказав больной стать пред наковальней на колени и держа чашу, Пэпу начал шептать. Долго он шептал, а потом приказал больной встать. «С сегодняшнего дня ты свободна! -произнес шарлатан торжественно. После этого подали обед. Приступая к обеду, каждый из присутствующих суеверов молился наковальне. Пообедавши, все поодиночке прикладывались к наковальне, а затем толпы народа разошлись по домам.

В 1867 году, 24 июня, местный священник объявил самурзаканцам, чтобы никто из них не смел приносить более жертвы наковальне, доказывая, что все это вздор и пустяки. Но скоро приказание духовного отца было нарушено одним крестьянином. Об этом немедленно донесли священнику, который тотчас потребовал крестьянина и ворожею, гадавшую ему. Виновные скоро явились. «Подите, дети, сюда! - сказал священник им. Как хорошо вы исполняете приказание духовного отца. Ты зачем просил ее отгадать причину болезни твоего

брата?» - обратился он к крестьянину. Тот долго молчал, понуря голову, и наконец шепнул? - «Что же делать, батюшка, ведь больной может умереть, если не позаботиться о нем.» А ворожея, на спрос, как она осмелилась обманывать, ответила бойко: «Нет, я вовсе не обманула. Эта сила дана мне самим богом». Услышав такой ответ, священник хотел передать кощунствующую в руки полиции, но ворожея, видя это, начала кричать: - «Батюшка, не погуби меня? Я ей богу ничего не знала и не знаю. Правда, я его обманула как других, хотя он мой дядя, потому что он, мне за это заплатил два горшка лобии, а теперь даю честное слово вперед не обманывать никого». Не смотря на такое обещание с ее стороны, священник, с целью повлиять на зрителей, приказал отвести ворожею к гражданскому начальству, что и было исполнено.

Нельзя не сказать несколько слов о благодетельном влиянии сего последнего случая на самурзаканцев.

Кузнецы до того времени пользовались большим почетом и жили очень богато, потому что большинство самурзаканцев отдавало сыновей своих на воспитание к кузнецам, делая им большие за то подарки, дабы впоследствии дети-ученики сами сделайтесь кузнецами и обогатились бы, чрез что число кузнецов умножилось и с увеличением его беднел народ, но, благодаря почтенному священнику, в настоящее время число кузнецов уменьшается заметно, и нынешнее поколение кузнецов не пользуется прежними благами и живет беднее других.

Газ. «Кавказ», 1873, №5

«СУХУМ»
ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

В одном из последних номеров «Кавказа», душетский корреспондент, как бы в виде пролога к своему письму говорит, что корреспонденция даже из самого мелкого провинциального уголка известной страны имеет свою долю участия в общем движении мировой жизни. Вполне согласен с этою, но тем не

менее не лишенною справедливости мыслью, а с своей стороны могу прибавить, что если провинциальная корреспонденция относится к общему значению литературы как 1:1.000, то возбудительная сила ее относится к пользе и интересу описываемого ею уголка, как 1: 10. И это практически верно. Не каждому ли из нас, следящих за ходом обыденных дел известно, что есть места человеческого населения, где буря в уличной луже производит иногда более сильное впечатление, чем буря глубокого, необозримого океана, и это потому, что первое произошло на наших глазах, забрызгав грязью наше пальто, а последнее совершалось где-то там, в далекой стране, не зацепив нас ни одной водяной пылинкой с седого гребня высоко поднятой и с страшным грохотом низринутой волны. Например, настоящее балансирующее положение Франции, смерть экс-императора Наполеона, последние переговоры между русским и английским правительствами по поводу Туркестана, все это скользнуло по нашим сухумским мозгам словно по зеркальному вылощенному паркету, тогда как первое наше письмо, коснувшееся подробностей местной жизни, было причиною возбуждения споров, озлобленных похвал, дало предмет для чтения даже тем, которые никогда не заглядывали в газеты, и послужило поводом к некоторым благим начинаниям и к скорейшему осуществлению уже сформулированного местного вопроса. Говоря так, мы слишком далеки от воспитания какого бы то ни было панегирика нашему первому фельетону: соринка, попавшая в наш собственный глаз, чувствуется нами сильнее, чем нож, брошенный в глаз нашего ближнего. Доказательством этого может служить заметка в № 9 «Кавказа» о том, что по словам «Тифлисского вестника», «Сухум занят в настоящее время похвальным делом: отыскиванием скромного наблюдателя.» Не вдаваясь ни в какие препирательства ни с юным «Тифлисским Вестником», ни с лицом, передавшим ему это известие, мы просто надеемся на суд наших читателей, между которыми едва ли найдутся личности, взглянувшие на рекогносцировку за скромным наблюдателем не иначе, как на жалкие остатки «доброго старого времени», которое, к счастью, с каждым новым днем уходит все глубже и глубже в пучину прошлого, в реестр забвения, в архив истории... Серая, почти бесцветная краска,

действительной жизни принимает иногда самый свежий, яркий, поразительный колорит. Так и теперь: читатель пусть поверит нам на слово, что перо наше и в этом письме не прихватит у поэтов ни одного малейшего штриха чтобы охарактеризовать движение нашей сухумской жизни за последние два месяца... Как и следовало ожидать, отражение это явилось в самом невинном виде, именно, в наборе многочисленных игрушек для детской елки, устроенной в зале здешнего клуба в ночь на 5 января. Отдел для девочек остался в той же рутинной колее чашечек, ложечек и куколок; отдел же, предназначенный для мальчиков, в большинстве состоял из оловянных фигурок, французских гусар, немецких драгун, артиллерии, сапер, из всевозможных игр и задач на мотив названной выше войны; не забыты были, как всегда, трубы, рожки, ружья и барабаны, и, наконец, посреди всего этого важно возвышался картонный феодальный замок с подъемными мостами, бойницами и башнями, над главными воротами которого краснела крупная надпись: «Седан». Таким образом, мы не упустили случая послужить эхом затихшей последней войны и в то же время, чуть ли не с колыбели приготовить наших мальчиков к восприятию самых бравурных элементов... Словом, мы далеки от мысли самоисключения из общего движения вперед. «Мы делаем, что можем». Только немножко сожалели мы о том, что встреча нового года не была совершена так торжественно и шумно, как в прошлом году. Инициатива подобного рода дела находится, говоря кудрявым словом, в руках нашей «мечущей черноземной силы», как это всегда бывает в провинциальных захолустьях и проч. и проч. и проч.

Переходя от игрушек к действительности, следует сказать, что последние два месяца ознаменовали себя прорытием глубоких канав для протока бежавшей прежде в беспорядке по улицам «города» горной речки, срывавшей по причине плохого нивелирования и малой глубины канав все деревянные наброски, носившие здесь название мостиков! Эти последние заменены в настоящее время новыми, с чугунными перилами и с досчатою настилкою, положенною частью на деревянные брусья, а частью на железнодорожные рельсы.

Далее, кроме гигиенически полезного, прибывающего с каждым годом, распахивания окрестных доступных возвышенностей для посева, табаку, вытесняющего здесь всякое другое производство, самое плато, занятое Сухумом, подверглось коренному преобразованию. Каждый домовладелец обязан прорыть в своем участке две-три канавки, выложить их дно на два три дюйма гравием и снова засыпать землей, короче, устроить дренаж. Условия целесообразного заложения дренажа гарантируется, как известно, кроме известного расстояния между канавами и их размеров, главным образом, нивелировкою их и гравием. Но гравий, употребляемый для дренажа в Сухуме, едва ли выполнит с успехом свое назначение: он слишком мелок и толща его заложения малозначительна; не говоря уже о том, что большие открытые канавы, воспринимающие просачивающиеся воды дренажных канав, не должны встречаться с ними под прямым углом, как это здесь принято: всегда грязная вода больших канав неизбежно будет забивать илом скважины устья дренажа. Во всяком случае, будем надеяться, что господствующая здесь лихорадка перестанет подрывать наше здоровье и окрашивать наши лица в свой грязно-палевый цвет, и что каждая новая весна будет поглощать все менее и менее жертв чахотки.

И, однако, при всех этих улучшениях, развитие Сухума находится в настоящее время на неверной почве колебания... Сухум своим относительным процветанием, за неимением других условий, обязан квартирующим в нем батальонам; следовательно, вопрос останутся ли войска, при ожидаемом переформировании их, в Сухуме, принимает вид первой важности. Значение его, разумеется, чисто материальное: с выводом войск, те ежегодные десятки тысяч рублей, которые ныне остаются в Сухуме, перейдут в другое место, и все настоящие благие начинания местной торговли замрут, лишенные пищи, т.е. денег. Все многочисленные фундаменты, немудрено, могут оставаться только таковыми, а строящиеся одно и двухэтажные каменные дома для жилья и магазинов едва ли выручат затраченные на них капиталы. Заговорив о последних каменных постройках, нельзя умолчать о слишком казенной архитектуре их. Ни одной свежей художнической черты! Один дом - как другой, другой - как третий и т.д., словом, ряд

аракчеевских казарм, как известно, неповинных ни в одной фантазии современного строительного искусства. Вообще во всех делах Сухума видна какая-то сухость и незаконченность. Так, мы желая оградить наш берег от волн Черного моря и для этой цели строим набережную. Говорят, отпускают деньги, говорят вбивают сваи; заготовляют битоны, размеры которых, в сравнении с силою черноморских бурь, почти миниатюрны...|А море, как волк голодный, нет да оторвет то один, то другой кусок берега, подмывает и сваливает великолепные десятисаженные тополи, подбирается под скамейки бульвара, на передней аллее которого прогулка не совсем безопасна. Несмотря на последнее, мы все-таки торчим на бульваре, потому что других общественных удовольствий и мест собрания, кроме клуба, Сухум не имеет. Страшная скука проела нас насквозь; естественным продуктом ее явилось дробное деление общества на партии и кружки, вызвавшее ту враждебную разъединенность, следствие которой возникла наша клубная трагикомическая история. Потом задумали мы было организовать персонал для любительского спектакля, но при этом встретились препятствия, уничтожившие эту мысль в зародыше. Г.П., в голове которого родилось это предприятие, сочинил даже и план его: всякий желающий участвовать каким бы то ни было путем в спектакле, должен записаться членом сценического искусства; право членства приобретается единовременным взносом 10 рублей. Деньги, могущие остаться за всеми расходами по постановке спектакля, должны идти в пользу какого-нибудь благотворительного дела. Казалось, что могло быть проще и, для нашего общества, интереснее этой мысли; одним зарядом мы убили бы трех зайцев: изгнание скуки, получение удовольствия и приношение посильной лепты в кассу филантропии. Нет-с, вот результаты, добытые г.П. при предложении им подписи: г. А - устарел, Б. -занят службою, В. - не имеет никакого желания стать на доску актера, Г. Г. завален детьми, почему 10 руб. капитал для него, г-жа А. не имеет необходимых для сцены платьев и вообще нарядов, г-жа Б. не может участвовать, потому что В. отказалась, а г-жа Г. считает для себя неловким быть там, где будет фигурировать г-жа Д. и т.д. до бесконечности, т. е. до полного фиаско проектированного общества. К сожалению, г. П., по причине той же разъединенности общества, пришлось выстрелить холостым патроном...

А между тем, если хотите, сухумская интеллигенция не лишена двух-трех личностей, самобытные организаторские способности которых при иных условиях могли бы развиться в полезное широкое дело. Так, например, мысль о разведении чайных плантаций в Заказказском крае родилась в Сухуме; мы же открыли замечательную сталактитовую пещеру и, наконец, один из наших землевладельцев предполагает рассадку лимонных и апельсиновых деревьев под открытым небом. Табак же сухумского произведения почти не уступает турецкому. Только жаль, что один из главных местных съестных продуктов - рыба, находится в руках неумелых турок...

Но об этом предмете поговорим в следующий раз...

Скромный наблюдатель

Газ. «Кавказ». 1873, №22

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ А. ИОАКИМОВА «ПРЕДРАССУДКИ МОИХ УЧЕНИКОВ»

(Из жизни пансионеров Сухумской горской школы)

I

Это было в один из теплых вечеров сухумской зимы. Полный месяц с высоты небосклона озарял дремавшую землю бледным сиянием. Ряды высоких тополей с обнаженными ветками чернели в объятиях полусветлого неба. Море погрузилось в мертвый покой: волны, бушевавшие днем, умолкли. Только из окрестных гор проводились ночной тишиной вопли и стоны шакалов, да собаки с различных сторон города разнохарак-терным воем вторили своим диким собратьям.

Я был окружен толпою детей, засыпавших меня вопросами, которые таинственно тревожили их незрелые умы.

«Господин учитель, что это такое? Вон эти черные пятна на луне?» - спросил меня мальчик, указывая на луну. Я объяснил сколько мог.

- Нет, это не так. У нас абхазцы вот что рассказывают об этом. «Жил когда-то богатырь Нардсысыргва[45]. У него был глупый брат, которому богатырь поручил пасти свое стадо. Однажды глупец прошел мимо озера и утопил в нем все свое стадо. Узнав о безумном поступке своего брата богатырь в ярости и отчаянии бросился в бездонное озеро и упал на луну, которая в это время находилась на другой стороне земли. Здесь он нашел свое стадо и до сих пор пасет его. Мы видим теперь его со стадом, как черные пятна».

- Нет! - возразил другой абхазский мальчик: - это старуха из зависти замарала лицо луны грязью.

- А у нас, - начал мальчик из трапезондских греков, - вот что говорят об этом: «Солнце и луна - брат и сестра. Между ними возник однажды спор, дошедший до драки; кому быть солнцем? Драка закончилась тем, что луна выколола у брата своего один глаз, а солнце выпачкало метлой светлое лицо своей сестры. Вот почему на луне пятна и она не так хорошо светит. Отсутствие же одного глаза у солнца служит причиной того, что оно не воспламеняет землю, а только греет.»

- Господин учитель! - обратился ко мне мальчик из абхазцев: - почему покойники свистят ночью?

Эти слова заразили детей какой-то панфобией: они сомкнулись в тесную кучу вокруг меня и всякое движение производило в них ощущение страха. Напрасно я старался успокоить возмущенную толпу детей; в таком состоянии они сильнее жаждали суеверных рассказов и пошел разговор о покойниках и их ночных похождениях.

Школьное воспитание бессильно против мощного здания суеверий, воздвигнутого в дитяти семьей. Но если воспитатель не уничтожил их, то напрасно думает, что сделал что-нибудь. Эту мысль мы докажем яснее в следующей главе.

I

Северо-запад горел светлым, прозрачным отблеском, окаймленный густою зеленью тополей, плакучих ив, белых акаций, растущих в изобилии по улицам Сухума. Окна купца Персопуло заблистали двумя яркими огоньками и затем

постепенно потухли. Сверчки и лягушки огласили воздух непрерывным шумом и, когда стемнело, по воздуху засверкали светляки мелькающими золотистыми огоньками. Группа детей живописно расположилась вокруг меня: некоторые положили свои головы на мои колени, плечи; другие сидели на песке, устремив на меня свои глаза; третьи стояли по-братски обнявшись; были между прочим и нарушители спокойствия, которые на этот раз получали от меня легкие выговоры. У нас шла оживленная беседа о различных вещах; но я изложу здесь только то, что относится к нашей задаче.

- Абхазцы полагают, - рассказывал Д., уже несколько сомневающийся в мировоззрении своих соплеменников, - что души утопленников остаются в воде и после того, как их самих вытащили на берег и предали земле. В своей водной темнице подобная душа не находит покоя и издает жалобные крики, как будто только что тонет. Многие в нашем селе уверяли, что они своими, будто бы ушами слышали эти крики. Для освобождения души утопленника из воды, родственники или знакомые его берут с собою музыкантов и идут на то место, где, по их мнению, находится она. Подойдя к воде, погружают в нее открытый конец бурдюка и произносят: «душа такого-то, заходи в бурдюк!» Музыканты начинают свою игру. Бурдюк делается тяжелым, так что его с трудом вытаскивают из воды. Душа из бурдюка кричит: «Спасите, утопаю!», но никто не слушает ее. Толпа идет на кладбище. Здесь предварительно на могиле утопленника выкопано отверстие. Бурдюк развязывается и мнимая душа впускается через проделанное отверстие в могилу и сейчас же засыпается землей. Таким образом, будто, душа бывает спасена от страданий в воде.

Ученик М. сообщил мне рассказ о Прометее:

- На земле, между людьми ходил святой человек Абулскир[46]. Он стоял ниже ангелов, но выше людей. У него были светлые волосы и голубые глаза. По размеру своего тела он принадлежал к великанам самой умеренной величины; но опираясь на свой длинный жезл, перепрыгивал с одной горы на другую, ударялся об небосклон и снова отскакивал. Абулскир до бесконечности любил людской род и сообщал ему тайны неба. В селении, в котором он жил, одна корова давала неистощимое количество

молока для всех и одна кукуруза или гоми были достаточны для прокормления целого семейства. Когда в Абхазии папоротник своим чрезмерным ростом грозил опасностью засеянным полям, Абулскир проникал в глубину рек, где уничтожал какие-то корни, отчего на целый год приостанавливалось развитие папоротников. Не уничтожал папоротника совершенно потому, что им в Абхазии кроют крыши домов. Абулокир ходил всегда прямо, считая унизительным для человеческого достоинства нагибаться перед чем бы то ни было. Все препятствия на его пути должны были повиноваться его могучей воле. Бывало, когда ему приходилось проходить по лесу между раскинутыми по деревьям виноградными лозами, Абулскир в таком случае, чтобы не нагнуться и чтобы принесть людям пользу, очищал себе дорогу ударами своей сабли и отрубленные ветки пересаживал двумя противоположными рядами.

Нескончаемые благодеяния Абулскира людям возбудили ропот неблагодарных людей и гнев неба; ангелы заковали его в цепи и заключили его одну мрачную пещеру около Карачая. До сих пор невинный страдалец находится там и сетует на враждебное ему небо. Черный пес грызет его цепи и когда звено утончается до нитки, девушка, стоящая там на страже, дает об этом знать слепой старухе, которая ударом волшебного жезла снова прикрепляет звенья между собой.

Некоторые из учеников рассказывали, что Абулскир преследовал людей с светлыми волосами и голубыми глазами. Ученик из мингрельцев к рассказу прибавил вот еще что:

«Когда Абулскир однажды, опершись на свой длинный жезл, хотел перескочить с одного края пропасти на другой, прилетел дятел и ударами клюва разбил, жезл. Абулскир упал в пропасть, а края пропасти соединились вместе и образовали пещеру».

- Абулскир, - обратился ко мне другой абхазский мальчик, был очень злой человек. Долго амалыки /ангелы/ старались поймать его, но это никак не удавалось, потому что Абулскир необыкновенно шибко бегал, так что и ветер не был в силах догнать его. Амалыки сделали совет и решили поймать его хитростью.

- «Гордый Абулскир! - сказал один из амалыков: - тебя славят по всей земле, как человека, с которым в беганьи не сравнится

и самый ветер, но мы в этом сомневаемся. Мы вызываем тебя играть с нами в лапту и надеемся, что между нами найдется такой, который помрачнит твою славу».

Затронутый в своем самолюбии, Абулскир с большой охотой согласился на предложение амалыков.

Местом для игры было назначено широкое поле. Амалыки предварительно, еще за день до игры, застлали все это пространство только что снятыми кожами быков. Легкий слой травы скрывал кожи от взоров Абулскира.

В назначенный день игра началась, и Абулскир, нисколько не подозревая, чем хотели угостить его амалыки, в быстром беге по скользкой поверхности свежих кож упал. Амалыки торжественно схватили его и заковали в цепи.

III

- Отчего луна не совсем полная? - спросили меня однажды мои ученики, которые устремили свои глаза на неполный месяц. Я ответил детям, что объяснение этого явления без чертежей будет им непонятно, а потому условились отложить его до следующего благоприятного случая.

- А если бы вы знали, что об этом наши абхазцы рассказывают! - сказал С.

-Расскажи, послушаем.

С. передал мне следующего рода рассказ.

- В одном семействе жили три родных брата в мире и любви. Предметом их сильного желания было рождение сестры, которой у них недоставало. Случилось, что это их желание исполнилось, но в день появления на свет сестры младший брат исчез без всякой вести и в то же самое время стали пропадать из табуна лошади. Прошло несколько дней, и младший брат явился к родным, говоря им, что он во сне был взят на небо и лежал на облаке, под одним громадным дубом, проснувшись, от страха размахнул саблей, после чего нашел детский палец, который он взял с собою.

Слушавшие этот странный рассказ побежали к новорожденной и нашли ее с отрубленным пальцем. Рассказчик неслы-

ханного дива, как помешанный, был немедленно изгнан из родного дома. Новорожденная же после этого стала изумлять окружающих своими сверхъестественными поступками; она поглощала безнаказанно твердую домашнюю утварь и росла очень быстро. Из этого заключили все, что она чародейка, а потому изгнанный брат был оправдан и снова принят в родительский дом.

Когда чародейка выросла, то вышла замуж и прежде всего съела своего мужа. Среди дикой и безлюдной местности стояло ее одинокое жилище, куда не смел проникать ни один смертный, но младшему брату чародейки вздумалось заехать к ужасной своей сестре для свидания. Брат был принят сестрой с наружным радушием и прежде всего сочла она своим долгом выйти на двор и пожрать одну ногу лошади, на которой приехал ее брат. Возвратившись в комнату она оказала: «Братец мой, на скольких ногах ты пришел сюда? - На трех, - ответил брат. Чародейка вышла и съела другую ногу лошади, а потом обратилась к брату с тем же вопросом. Брат ответил, что он пришел на двух ногах, и когда таким образом были съедены все ноги лошади, то он ответил, что приполз к сестре на туловище. «Так значит я тебя съем, ты подожди меня здесь немного, я пойду пока выточу себе зубы». Чародейка вышла, но опасаясь, что брат ее убежит, возвратилась назад, поместила его в большой бурдюк и, наконец, удалилась. В отсутствии чародейки крысы разгрызли бурдюк и освободили заключенного, который взял с собою из дома своей сестры щепотку соли и горсть пшеницы, а потом дал тягу. Спустя несколько времени чародейка возвратилась и к величайшей своей досаде нашла пустой разорванный бурдюк. Она в бешеной ярости бросилась вослед своему брату. Последний издали заметил свою преследовательницу и бросил пшеницу, отчего между ними образовался дремучий лес. Когда это не помогло, он бросил соль и образовалось большое море. Чародейка, преодолев все эти препятствия, догнала своего брата у самого его дома. Здесь между чародейкой и женой преследуемого возникла ужасная драка, и ни одна сторона не могла взять верх; наконец чародейка сказала: «Оставим эту бесполезную драку, она может продлиться очень долго. Лучше вот что мы сделаем: я буду есть твоего мужа

мало-помалу, а ты корми и пополняй его.» Последовало согласие и все трое очутились на небе. Луна это брат, которого ест сестра и не пополняй его жена, у нас не было бы луны.

Землетрясение, по мнению моих учеников, которые преимущественно абхазцы и самурзаканцы, можно объяснить двояко:

«Первое объяснение состоит в том, что внутри земли живут люди, которые разводят там огонь, чтобы варить себе кушанье и т.д. Дым и пары воды стремясь вверх шатают земную поверхность.

Второе объяснение заключается в следующем:

Мир, обитаемый людьми, состоит из трех частей: верхней, средней и нижней. Мы жители средней части вселенной, поэтому у нас поясница в средине нашего тела; у тех же, которые живут выше нас, эта часть тела приходится у шеи, а у нижних жителей у самих ног. Люди, живущие под нашими ногами /антиподы/, над собою видят морское дно, заключенное в громадный прозрачный сосуд и освещающее их страну подобно солнцу. В самом подземном мире находится кит, на спине которого утверждены два рога. На эти рога опирается наша земля. Если на спину кита сядет муха, то он ее стряхивает, отчего и происходит землетрясение.

Заканчивая пока нашу статью, мы надеемся когда-нибудь снова сообщить читателям «Кавказа» различные поверья питомцев горской школы, вынесенные ими из родных семей.

Газ. «Кавказ», 1873 №№54, 66, 82.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

В статье «Предрассудки моих учеников», помещенной в вашей газете за настоящий год, г. Иоакимов познакомил нас с весьма интересными верованиями абхазцев и самурзаканцев. Но так как сведения об абхазцах очень дороги в настоящее время для этнографии края, то надеемся, что если прибавить несколько слов о поверьях этого народа, то не сделаем лишнего дела.

В настоящий раз мы не успеем вдаваться в подробности, а потому ограничимся описанием обрядов и верований абхазцев при поражении кого-нибудь молнией. Молнию и гром, по понятиям горных абхазцев и самурзаканцев, производит божество, называемое у них Темургвара.

Оно является в фантазии народа в виде почтенного седого старца сидящего на крылатом коне, который топотом своих мощных копыт производит гром, а обнаженный извилистый меч ездока сверкает молнией. Абхазский громовержец вечно преследует злого духа, беспрестанно перелетающего с предмета на предмет в образе мухи, а если случится, что он сядет на человека, то извилистый меч Темургвары не пощадит и его, хотя и непроизвольно. Пораженный молнией, как жертва божества, если он умер, считается блаженным, в противном же случае его приводят в сознание следующим обрядом.

Абхазец простодушно верует, что печаль в подобном случае может погубить лишенного чувств, а потому старается выражать в это время все признаки веселья. Толпа из аула с песнями и музыкой стремится к тому месту, где лежит пораженный и тут вокруг него образуется кольцо пляшущих. Старик из толпы выделяется в качестве жреца и запевает таинственные слова, направленные к Темургваре.

Старик - Ой,атла чопа!

Круг - Ой, очоупара!

Старик - Атла чоупа Темургвара!

Круг - Воса-амара!*

В заключении пляски приносится божеству жертва и мясо животного кладется в а-шюынкет т.е. навес, покрытий папоротником. Если пораженный приходит в сознание, то абхазцы приписывают это, конечно, своему мистическому обряду. Случается, что жертва Темургвары уходит в вечность, тогда покойника кладут на а-шюынкет и оставляют его там навсегда. Подобные а-шюынкеты с покойниками попадались очень часто в прежнее время, а теперь, кажется, местная власть

---

* *Слов этих не понимают сами абхазцы. Авт.*

преследует их. А-шюынкеты защищались от нападения хищных зверей забором.

Если пораженный молнией а-псуа /абхазец/ приходит в сознание и минует смерти, то народ приписывает ему различные сверхъестественные качества: думает, что он может лечить всякую болезнь и предсказывать будущность. Такие прорицатели известны у абхазцев под именем а-цзавю и свои пророчества высказывают в неясных словах с странными мотивами, возбуждающими страх в невежественной толпе. По поводу одной женщины в Лихни, славившейся во всей Абхазии своими чудесами, произошел между мной и молодым абхазцем следующий разговор:

Я.- И ты веришь, что она правду говорила?

А-псуа. - Как же не правда, когда все, что ни предсказала она, сбылось и все наши абхазцы могут подтвердить мои слова.

Я. - Ты сам видел это?

А-псуа. - Видел.

Я.- Что она тебе предсказала?

А-псуа. - Мне?... мне ничего, но вот, что я вам расскажу: помощник начальника Пицундского округа тоже не верил подобно вам в действительность ее предсказаний и в ее могущество, а потому приказал казакам поймать ее и взять в Сухум, чтобы посадить ее в тюрьму. Как вы думаете - казаки не успели подойти к дому, где жила а-цзавю как были приподняты какою-то силой вверх и упали вниз, едва минуя смерти; молния в это время сняла крышу с дома помощника и убила несколько его лошадей.

Я. - Ведь это рассказывают только так, а ты конечно не видал?

А-псуа. - Странно вы судите. Скажите теперь вы: видали ли когда-нибудь, как земля вращается, что утверждаете это?

Я. - Нет, но ведь это можно тебе явно доказать, когда разовьешься до того, что будешь в силах понимать меня.

А-псуа. - Никогда не пойму вас, так как мне кажется очень странным, что при вращении земли один предмет не ударяется о другой.

Я. - Зачем же тебе не кажется странным, когда при плавании судна, например, хоть на нашей бухте, одна мачта не ударяется

о другую... но об этом еще успеем, - продолжай говорить, что случилось после этого с а-цзавю.

А-псуа. - Ничего, она жила себе и по прежнему предсказывала в песнях будущность людей...

Газ. «Кавказ», 1873, №150

ИЗ СТАТЬИ А. ИОАКИМОВА «АБХАЗЦЫ»

I

Генеалогия абхазцев до сих пор остается неисследованной. Арриан, описавший Абхазию по поручению Адриана, называет их Абзил; Константин же Багрянородный, определяя местом их жительства северный берег Черного моря от Сихии до Сотирополиса, говорит о них под именем авасхов (αβασχοί). То же наименование дают этому народу Прокопий Кесарийский и все другие византийские писатели, упоминающие об абхазцах. У черкесов они известны под именем хачабчей, наконец, сами себя они называют апсуа или, как иные думают, абсуа* и абсне. Последнее наименование навело Эйхвальда на мысль считать абхазцев выходцами из Абиссинии. Существует также такое предположение, будто абхазцы происходят от армян, но для подтверждения этих гипотез нет никаких осязательных фактов, что, конечно, достойно сожаления.

Нужно полагать, что в числе посещенных аргонавтами земель в Колхиде находилась и нынешняя Абхазия и до сих пор обнаруживающая в некоторых своих частях золотые россыпи. Как много лет прошло от этого полудейственного путешествия, и до сих пор Абхазия не больше исследована, чем внутренняя Африка. Другой мифический рассказ о Прометее переносит нас

** Нужно заметить, что в произношении абхазцев никогда это слово не слышится как абсуа, а всегда апсуа, а если а считать за член, который прибавляют они перед каждым именем, то выйдет а-псуа - псуа. Но и то очень вероятно, что произношение обращает б перед с в п.*

в страну карачаевцев - соседей абхазцев - на гору Эльбрус. Так, по крайней мере, говорит нам одно абхазское преданье, именующее Прометея а-Булыскир[46]. Языческая Греция никогда не могла забыть места ссылки великодушного титана, томившегося на одной из скал Кавказа в ужасной агонии за свой славный подвиг в пользу смертных. Понятно после этого пилигримство в страну и без того полную религиозных воспоминаний, о которых говорит нам греческая мифология. Жители Кавказа, нет сомнения, переняли рассказ о Прометее у этих пилигримов и изменили его сообразно своему характеру и другим условиям, не оставив также имени прототипа героя этого рассказа. Различное наименование одного и того же святого, принадлежащего одной нации разными племенами, мы видим и теперь в Закавказья (Хыдир-эллаз*, дзминда Георгэ - св. Георгий). В прошлом году мы уже сообщили рассказ абхазцев о Прометее**, а потому повторение его здесь было бы излишним.

В Абхазии мы должны искать город Диоскуриас, основанный милетскими выходцами в честь братьев Диоскуров, которые, сияя на небе подобно двум ярким звездам, по милости отца их Зевса, покровительствовали мореплаванию и служили путе-водителями для странствующих по морям греков. Одна серебряная монета, найденная в Сухуме на берегу моря, с одной стороны изображает две горные вершины и по звезде на каждой, а с другой стороны сохранилась надпись: ΔΙΟΣ ΚΟΥΡΙΑ (Διο δυονρϊΰs Диоскуриас). Излишне бы было объяснять, что горы эти означают кавказские вершины, а звезды Кастора и Полукса в созвездии Близнецов, в которые обратились братья Диоскуры. О знаменитом городе Диоскуриасе Страбон /уроженец Понта/ говорит, что в него стекалось семьдесят разноплеменных народов, преимущественно сарматского происхождения; по уверению же других писателей, число народов, посещавших этот город, доходило до трехсот... При римлянах Диоскуриас носит название

** Так называют татаре, смешивая сурп-Саркиса /св. Сергия/ армянского с св. Георгием*

***См. газ. «Кавказ» 1873 г., статью мою: «Предрассудки моих учеников».*

Себастополис. Из милетских колоний здесь славился еще Питиус /на месте нынешней Пицунды/, разоренный впоследствии готфами и снова возобновленный римлянами.

Во время могущества Митридата, царя понтийского, Абхазия входит в состав его владений и он, преследуемый Помпеем, ищет сначала подкрепление и убежище в Диоскуриасе, но немилость изменчивой фортуны гонит его в нынешнюю Керчь, где он кончил свою гнусную жизнь трагическим образом. После этого весь Понт с Абхазией становится провинцией Рима, но не нужно при этом упускать из виду того, что абхазцы, защищенные гористой страной, не подвергались влиянию чужеземцев или по крайней мере, влияние это было очень слабо.

Спустя сорок лет после Р.Х., как гласит предание /но не абхазское/, два апостола: Андрей Первозванный и Симон Канонит являются в страну абхазцев с евангельскою проповедью, но, полагать надо, они не проникали вглубь Абхазии, где и до сих пор еще не исчезло совершенно язычество. При Диоклитиане Абхазия делается местом ссылки для христиан и также впоследствии сюда был сослан гений красноречия Иоанн Златоуст, но на дороге скончался и не успел доехать до Питиуса, места своего заточения. Впоследствии, о распространении христианства между абхазцами заботились Юстиниан, царица Тамара и другие византийские и грузинские цари и наконец, западные миссионеры; на долю же России выпало взяться за окончательное водворение христианства на Кавказе.

В 285 г. по Р. Х. готфы в числе 15.000 душ на кораблях осаждают хорошо укрепленный порт Питиус. Римский гарнизон, упорно защищавший город, несколько раз приводил варваров в отчаяние, но успех переходит на сторону неприятеля и древний милетский город с своими классическими великолепиями уничтожается почти до основания. Прошло несколько лет после этого события: в Абхазию явился другой народ -алланы, который очень скоро покинул эту страну и направился в другую, для приискания выгодной военной добычи.

В 445 году византийцы вступают во владение Абхазией и потом передают ее грузинам, как приданое дочери Льва Великого, вышедшей замуж за Вахтанга. В 566 г. отряд персов

под предводительством Набеда овладевает Абхазией. Абхазия в это время управлялась владетелем Тридатом[47]. Обольщение жены этого владетеля возмущает всех абхазцев, не привыкших подчиняться чужому игу и вот вооруженный народ в короткое время истребляет неприятеля. Во время смут и беспорядков, возникших от войн, греки снова владеют Абхазией и еще в 619 году, император Ираклий из своих политических видов подарил Леону 1, владетелю Абхазии город Никопсию, как свою собственность и тем заключает с ним дружбу. С Леона II в Абхазии владетели называются царями. Этот государь расширил пределы своего царства до Сурамского хребта и выбрал себе резиденциею город Кутаис. После него является ряд царей, при которых абхазцы приходят в столкновение с грузинами, армянами и византийцами и наконец в 985 г. Абхазия присоединяется к Грузии, под управлением Баграта III. /Отчасти извлечено из «Истории Грузии», князя С.Баратова/.

В ополчении Темир-хана /около XIV века/ против Баязета находим абхазцев; следовательно и татары коснулись Абхазии. Здесь были также крестоносцы, генуэзцы, венецианцы, а до русских турки. До сих пор замечается в Абхазия присутствие итальянского элемента, так, напр., есть княжеская фамилия Маршани и дворянская Маргани. Первая обнаруживает свое происхождение от купца /вероятно она происходит от какого-нибудь венецианского или генуэзского негоцианта/.

Не будучи специалистом ни по археологии, ни по этнографии, а всего менее по «геральдике» мы не могли в непродолжительное свое пребывание в Абхазии проникнуть в прошлую жизнь описываемого нами народа, т.е. разрешить некоторые ее загадки, но эта небольшая статья, служа для людей трудящихся материалом для преподавания отечествоведения, вместе с тем пусть примется за приглашение к деятельности на той почве, где так много необработанного материала* до которого еще не коснулась наука.

** Один только русский натуралист в настоящее время вполне предался изучению Абхазии; известна его работа по зоографии Понта, которая еще не закончена.*

I

Абхазцы относятся к своим мифическим предкам с каким-то юмористическим презрением. «В старину, - говорят они, - люди очень мало отличались от животных, а бывали случаи, когда уступали им в сообразительности. Они не знали употребления ни одежды, ни самого простого орудия. Греясь перед костром, при усилении жара защищали свое тело от действия огня, намазав его бычьим пометом и пример собаки, постепенно удалявшейся в том случае от огня, служит им поучительным уроком». Невинные, как малютка, абхазцы не знали тогда о существовании ветра, раз старик заметил, что борода козла качается сама собою. Это его сильно поразило и он очень долго не мог дать себе объяснения этому странному явлению и прошло очень много времени, пока он узнал, что есть ветер, качающий предметы. В этом рассказе скрывается глубокая психологическая истина: внешний мир не сразу, но постепенно выделяется в нашем сознания в своих единичных явлениях. Кто из нас не знает, что предметы, которых мы не замечали в детстве, впоследствии, стали видеть очень живо и как много вещей видит натуралист, которые скрыты от взоров обыкновенного наблюдателя!

Во многих абхазских рассказах выражается явная насмешка над первобытными предками, а именно: «Зарезав быка / противоречие с другими рассказами, древние абхазцы поднимали его к потолку /тоже/, где висела соль и таким образом солили мясо. Далее, абхазцы не дошли еще до той хитрости, чтобы чесать свою голову, а если грязь или насекомое слишком беспокоили их, то снимали свой череп и, вычистив его, клали снова на прежнее свое место, как шапку. Одна старуха, как гласит предание, собирая в лесу дрова, забыла свой череп под деревом и откуда возьмись тут - собака схватила его и дала тягу. Лишившись своей природной шапки, старуха произнесла проклятие на весь мир и с тех пор будто бы, люди начали думать, как бы жить поудобнее: явились различные орудия, хозяйство и другие заботы, о которых до тех пор они не имели никакого понятия».

Никогда нам не приходилось говорить с абхазцами о происхождении мира и человека, но мы можем передать

читателю рассказ об огненном потопе. «Стала с неба падать белая хлопчатая бумага, покрывшая землю толстым слоем; а-фу[48] /Бог грома, у самурзаканцев называется Темургвара/ воспламенил ее и люди со всеми живущими тварями погибли». Такого же рода катастрофу ожидают они и в будущем. Это случится так: «Бог поразил дикого человека а-Дау, который стоит неподвижно и земля с течением времени погружает его в себя, и когда же весь он проникнет в нее, наступит а-кы ямет /потоп - слово взято у Магометан/».

Фантазия абхазца, воспитанная гористой страной, создала тот поэтически-восхитительный мир, который можно найти только в эпосе классических народов, но в мировоззрении абхазца проглядывает так логически верная философия народа. Наступает вечер и дневное светило лишается постепенно света и теплоты, которыми щедро наполняло днем весь мир, потом погружается в огненное море и утром является, полное сияния и теплоты. В этом объяснении нет ничего нелогичного и оно гораздо естественнее, чем миф о Гелиосе, живом существе, купающем в море и пр. пр.

Есть другие рассказы об а-Мыре /солнце/[49], которые представляют его живым существом. «А Мыр - говорят - презирает змей и приходит в негодование, когда люди не убивают их и радуется, увидя истребление этих гадов». Отчего произошло такое противоречащее воззрение? Оттого, нам кажется, что абхазцы имеют не только свою мифологию, но свою философию* или, как называют, космогонию.

Луна то является местом, где пасутся стада пастуха-великана нарта Сырхвы, который бросился в озеро и очутился на луне, то живым существом, то - обыкновенном светилом. «Луна - объясняют они, не греет ночью, потому что днем погружается в холодную область льдов, где замерзает». Итак, абхазцы признают обитаемость луны. Факт поистине замечательный, потому что подтверждает общераспространенность веры в

** Об абхазской философии, насколько известно, ничего не написано, о мифологии же см. «Абхазская мифология» - Званбая, газета «Кавказ», 1855 г., №№ 81,82.*

обитаемость миров, с которой французский астроном Камилл Фламирион говорит: «Эта глубокая внутренняя вера, заставляющая нас считать мир неизмеримым царством, где жизнь развивается в различнейших формах, где тысячи народов в одно время обитают в пространстве - эта вера, конечно, возникла на земле вместе с появлением человеческого сознания. Первый мыслящий человек, который со смиренною верою невинной души углубился набожно в созерцание неба, заслуживал понимания небесного языка. Все народы и между ними именно, индийцы, китайцы и арабы, поныне сохранили сказания о богах и рассказывают в них, что в звездном мире также находятся человеческие жилища*. Считают ли абхазцы и звезды обитаемыми, трудно было нам узнать; только самурзаканцы о падающих звездах говорят, что они - иконы и передвигаются с одного места на другое. Воображаемая икона на одной из скал в Дыдрибши считается одной из таких звезд.

Гром и молнию, как мы упомянули выше, абхазцы приписывают божеству а-фу, почтенному старцу на крылатом коне, с извилистым мечом в правой руке. Он вечно занят преследованием злого духа, который в виде мухи перелетает с одного предмета на другой. Об этом, впрочем, было сообщено в свое время на страницах «Кавказа», а потом мы расскажем, что делают абхазцы при бездожии. Они идут на гору Коцыхылпа и поворачивают находящееся там нечто вроде «шапки», до тех пор, пока не дадут ей прежнего положения, отчего, по мнению их, будет идти сильный дождь. В этом же случае поступают еще и иначе, ввертывают в тряпку шелковичного червяка и, прикрепивши один конец тряпки к берегу какой-нибудь реки, другой с червячком бросая в воду, чтобы он там плавал. Иногда для той же цели наряжают какую-нибудь железную вещь в женское платье, берут ее к реке и, погружая в нее, поют:

Дзиов, дзиов! Дзиари како мыркылдьш;

Ах, ипха адза шадакыт!

** См. Многочисленность обитаемых миров, Камилла Фламириана, профессора астрономии в Париже. Природа и землеведение 1865 г., № 3.*

Дзыху-чик, дзыху-чик:
Дзыхичиказы дахзытевам
Дук а - азыхва дехтевойт*

Понятия абхазцев о загробной жизни не имеют ничего общего ни с христианством, ни с магометанскими учениями. После смерти человека тень покойника /а - дны-игау/ блуждает по домам и свистит. А - дны-игау бледен и одет в белый саван, абхазцы приносят ему жертву в некоторых случаях и питают к нему страх и уважение, как к божеству.

Женщины иногда после своей смерти обращаются в водяных дев, напоминающих русских русалок.

Заключим эту часть статьи еще некоторыми описаниями суеверных обычаев абхазцев.

Вечером 14 августа самурзаканцы выделяют из всех прочих. Происходит пальба, зажигают стебельки сухого льна, перепрыгивают через пламя и до самого утра стараются не сомкнуть глаз. В это время происходит в Табаконе заседание чертей. Председатель злых духов требует представления похищенных вещей и ловких мошенников сдабривает, а те, которые не могли ничего стащить, тех наказывает самым странным образом, невыразимым в печати... В июне месяце каждого года абхазцы разводят огонь /тоже жгут стебельки льна/ на таком месте, где три дороги сходятся вместе, обходя костер три раза, они расходятся и прячутся. Вот они устремляют свои глаза на пылающий огонь, ожидая кого-то. Является человеческая фигура и если в нем узнают одного, из своих знакомых, то думают, что он в том же году помрет непременно. Потушив огонь, они идут на какое- нибудь возвышенное место и подслушивают, что происходит в соседнем доме: если трусится одеяло, то помрет кто-нибудь в этом доме женского пола; стук топора предвещает кончину мужчины

** «Дзиов, дзиов, /название куклы/! Иди крупный дождь! Ах, отцу, девушки пить хочется! Немножко воды, немножко воды: за малое не продадим, за многое продадим». Чтобы несколько понять смысл этой песни, нужно обратить внимание на то, что абхазцы продают девушку мужу. Эта песня дает повод предполагать, что когда-то абхазцы приносили в жертву Богу дождя, который по их мнению жил в реке, девушек.*

Опытный этнограф из этих описаний может сделать некоторые сравнения абхазцев с другими народами в смысле научных выводов, но мы отказываемся от этого, уверенные, что специалисту более сподручен такой труд. Явятся же когда-нибудь и наши Тэйлоры, которые посвятят себя изучению первоначальной культуры кавказских племен и тогда такие факты будут иметь цену.

Во всяком случае, нашим учителям народных школ /в особенности, окончившим в учительской школе и продолжающим оканчивать в учительском институте/ пора не шутя взяться за изучение своей родины во всех отношениях. Г. Э-й раз как-то написал два-три слова об абхазцах для того, чтобы больше ничего не писать: а между тем на школьной скамейке, как много мы обещаем делать на пользу образования своих соотечественников?! Но послушаем, например, что говорит о нас один из уважаемых нами педагогов; я хочу оказать о Дистерверге: «Что подумают, - говорит он, - и что скажут мыслящие люди о таком учителе, который в своем отечестве не как дома, а как в чужой стране; который незнаком, ни с историею местности, ни с людьми, ни с страною, где живет он? Но это еще не высшая точка зрения - высшая точка зрения следующая: учитель должен усвоить себе точные и полные познания о своем отечестве для того, чтобы, как человек и гражданин, он стал бы достойным «тружеником школы»...

III

Три вещи обусловливают общественную жизнь всякого народа: предание /наследственная передача/, переходящее из рода в род; среда, в которой он живет, /т.е. природа/ и влияние других народов. Хотя генеалогия абхазцев нам и неизвестна, однако не подлежит сомнению то, что народ этот не мог произойти от какой-нибудь цивилизованной нации. Доказательством тому может служить отсутствие у них письменности и вообще каких бы то не было следов образования.

Влияние природы, влияние гор придало особый характер их общественному строю, в общих чертах напоминающему таковое

же устройство других горцев на земле и в этом отношении мы находим много соприкасающих сторон между этим народом - с одной стороны и курдом, черногорцем, швейцарцем - с другой. Последняя нация, конечно, в других отношениях стоит неизмеримо выше всех упомянутых, но во всех этих народах виден закаленный горец с его пламенным чувством любви к родине, неустрашимостью, великодушием /в известных границах/, набожностью, доходящею подчас до предрассудков, с его необыкновенною преданностью обычаям и преданиям, мешающая, прибавим, его прогрессивному развитию. Горец менее, чем кто-либо нуждается в общественной поддержке; вот почему первые государства возникают на равнинах /Ганга и Инда, Желтой и Голубой реки и Нила/, а не в гористых странах, но они достигают высшего своего совершенства в горах Греции и Италии, где оказывает свое влияние и море; и только теперь, при господстве человека над природой, общество и образование почти везде находят удобную почву для своего развития...

Итак, в горцах замечается склонность к раздольному «житью-бытью»; но нападения соседних народов и другие невзгоды заставляют их составлять союзы, которые могли бы обеспечить личную безопасность каждого. Таким образом, общественное устройство абхазцев, по свойству населяемой ими страны, должно выражаться в развитии народоправления, что мы отчасти и видим в самом деле. Но спрашивается, откуда, например, произошло сословное деление в той же Абхазии?

Разрешение этого вопроса в настоящее время более чем трудно; одно только бесспорно, что власть отдельного лица была, так сказать, продуктом чисто историческим. Византийцы, грузины, турки, в течении десятков лет влияли на строй абхазской жизни и наложили неизгладимый след на прошлое страны.

«Каждый союз /в Абхазии/ несмотря на различие сословий представляет собственно две категории населения, два рода отношений, составляющих сущность союза, именно: каждый союз состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке это выражается словами: ахолапшюю - патрон, покровитель, заступник, и хипши - состоящий под покровительством, подвластный, зависящий. Из взаимодействия этих обоих элементов населения союза,

вызываемого настоятельными, насущными потребностями и образовались все действовавшие в среде союза отношения»* .

Покровительствующее сословие делилось на князей /а-тавады/ и на дворян /а-мста/, составлявших привилегированный класс народа.

В покровительствуемом сословии важное место занимает а-нхае, пользовавшее большею свободой, чем все остальные /непривилегированные/. Они не несли никаких особых работ для своих покровителей и «повинности» их образовались из приношений или оказывания услуг и пособий, или близких обычных отношений по усыновлению и воспитанию**.

После а-нхае следовало сословие а-хойу. Лица, принадлежавшие к этому классу, должны были работать у своего покровителя три раза в год и в конце этого времени отдать ему одну овцу с ягненком. Дочь а-хойу с шестилетнего возраста воспитывалась у покровителя и несла там предлагаемые ей работы. С достижением совершеннолетия она могла выйти замуж и жених обязан был заплатить воспитывавшему ее покровителю выкуп, заключавшийся в шести коровах и шести рублях. Было еще одно сословие а-чнагума; оно исполняло в стране полицейские обязанности и составляло отдельную касту, переходившую из рода в род. Прислуга у привилегированного сословия состояла из а-хойу. В Абхазии существовал класс рабов а-хашла. Он не пользовался никакими правами и не имел никакого имущества; числом он доходил до 1300 душ обоего пола*** . Выше а-нхае называют еще одно непривилегированное сословие шинагмы[50].

Предпочитая в настоящей статье факты рассуждениям, пользу которых нисколько не желаем отвергать при других обстоятельствах, мы представим здесь некоторые картины из семейной жизни абхазца. Начнем со дня рождения.

---

* *Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. 1870: «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани».*

** *Там же.*

****Сообщено молодым абхазцем в Сухуме.*

Рождение дитяти возвещается отцом семейства вблизи живущим друзьям пальбою из ружья. Услышав это, друзья отвечают тем же, а там, где-нибудь под деревом, молодежь обоего пола устраивает качели и раздается известная при таких случаях песня:

Оргело, оргело геладжимши!

Падзауз махахи иуйт!

Оргело геладжимши!

«качели, качели лук /растение, а не орудие/! Падзауз /человек у которого рождается сын /делает пир! Качели лук/» При дитяти женского пола поется та же песня так:

Оргело, оргело геладжимши!

Пхадзауз лычма дзыхит!

Оргело геладжимши!

Пхадзауз в отличии от падзауз означает отца, у которого рождается дочь; слово же лычмадзыхыт означает выкуп, платимый за невесту.

Начинаются поздравления. Каждый поздравляющий подходит к колыбели новорожденного и, если он мужского пола, кладет под его подушкой порох и пулю - символ будущего его назначения. Девочке под голову кладут какие-нибудь подарки, состоящие из денег или вещиц, в знак того, что она создана доставить отцу выкуп, даваемый женихом...

Через несколько дней знакомые женщины собирают у соседей всякого рода яства и, собравшись вместе в доме новорожденного, едят их, а лицам мужского пола и девушкам нельзя тогда употреблять их пищи. То место, где принят младенец из утробы своей матери, обозначается крестом, посредством какой-нибудь железной вещи. Абхазцы пеленают ребенка и у них есть обычай в пупок новорожденного поместить кусочек угля, который срастается с ним и остается навсегда. Это считается предохранительным средством от болезней. В корыто, в котором купают ребенка, бросают предварительно раскаленный уголь. При купании младенца расправляют его члены, приговаривая слова, чтобы они были известной красивой формы.

Ребенка до известного возраста не оставляют одного ни на один миг, а в многолюдное собрание его не показывают, из опасения, чтобы там кто-нибудь из присутствующих а-гызмал

не сглазил его, С понятием а-гызмал, у абхазцев соединяется старик или старуха, ездящие на волке и жизнь их так тесно связана с жизнью этого животного, что прекращается одновременно. У а-гызмала самый дурной глаз и он считается волшебником. Менцар /самурзаканское слово/ может отличить между людьми а-гызмала. Один из этих менцаров живет в Набакеви. А-гызмал, часто случается, что сосет коров и хозяевам ничего не оставляет; иногда он вынимает у животного сердце и кладет вместо него тряпки. Опасно для ребенка также, если он увидит а-дны-игау /тень покойника, см.выше/. Чтобы в таком случае предотвратить неизбежную болезнь дитяти, приносят а-дны-игау жертву.

Увидя во сне доброго духа а-шаца, малютка улыбается. В день рождения ребенка добрые духи а-шаца делают в доме, где он родился, совет о судьбе его. Каждая отдельная личность, по понятиям абхазца, создается и находится под попечением промысла а-шацы.

По истечении некоторого времени, в первый раз стригут ребенка и отрезывают ему ногти и последние вместе с волосами прячут где-нибудь до тех пор, пока он начнет лепетать; тогда подносят их к нему и спрашивают: какому они животному принадлежат. Ребенок скажет что-нибудь случайно - и, по его словам могут предвидеть какое у него будет богатство.

Ребенок высшего сословия очень рано отрывается от семейства и дается на воспитание а-нхае.

Не вследствие ли этого в колыбельных песнях, назначенных для малюток из князей и дворян не слышится ни одного нежного материнского возгласа в роде: «дитя мое милое, ангел мой» - выражения, - которыми так обильны такие же песни армян, грузин и татар? Где эти многознаменательные: «нани, суло джан, щвило джан, нани!*» или «нянни; фоки джан орор, нянни орор!**» или «нянни, гадан алым, нянни! нянни, балам нянни***... Приведем здесь две колыбельные песни абхазцев, с приблизительным их переводом.

---

* *Убаюкивание грузин.*

** *Армян*

*** *Татар.*

1.
Нани, нани, о нани!
О, а-бна гу изгуда!
А-бна цевяа изчеда;
А-бна куты - шкири - шкирва;
А-дзу - куты - бзеры-бзерва;
А-бын чахус калам ырша;
Цхяа хылпа даыхца хамы;
А-ла дзирхва а-ча змыс;
Ахмат ила паракеза;
Дыхуджуп а-ха длашароуп!

2.
Нани, нани шири!
Нани, о нани?
Сымыш сыдзых сичкуниоми.
Нани, нани шири!
Нани, о нани!

1.«Баюшки баю, неустрашимое сердце, воспитанное в лесу! У тебя кожа, как у лесного человека. О неустрашимое сердце, воспитанное в лесу! Лесная курица - шкири-шкирва /летит - звукоподражание/; утка - бзеры-бзерва /звукоподражание/, молодой лесной олень мечет свои легкие, как перья ноги. У тебя шапка обшита золотом, ты имеешь шубу из барсовой кожи? Вот собака бросилась и убила оленя! Ты достойный сын Ахмата / имя взято нами произвольно/, ты его дорогой кошелек!»

2.«Вторая песня поется низшим сословием и в ней мало слов, выражающих какое-нибудь ясное понятие, а потому мы не переводим ее. Замечательно только то, что в ней встречается слово: «дитя мое» /сичкуниоми/, чего в первой не замечаем. И не в одной Абхазии мы видим это безучастное отношение высокопоставленной знати к своим собственным детям и горячую привязанность к ним людей не менее известных в обществе. Так было в то время, когда господствующим чувством у высшего сословия была фамильная гордость, и она была главным принципом во всех действиях его. «Теперь все

изменилось - говорит член французской Академии Эрнест Легуве в замечательном своем сочинении: Les peres et les en fanis au XIX siecle; - естественные чувства преобладают».

Можно себе представить, о каким тревожным желанием абхазец старается узнать, пока еще не появился ребенок, кто он - мальчик или девочка? Женщины, как более любопытные, берутся за разрешение этого вопроса различными средствами. Пузырь животного с его содержимым кладется на огонь; если он лопнет, то это печальное предвещение появления девочки, а если же жидкость брызнет фонтаном, то это доброе предсказание, что родится сын. С тою же целью ломают дужку два лица противоположного пола и в чьей руке останется больший кусок, тому полу и будет принадлежать будущий ребенок. Не одни абхазцы интересуются, кто такой будущий ребенок - мальчик или девочка? и, конечно, настанет день, когда людей этот вопрос будет занимать менее, чем что-нибудь другое. До сих пор, почти у всех первобытных народов, сын считается божьим даром, а дочь наказанием, в особенности у нас, за высокими горами Кавказа, где ничего нельзя найти более достойного сожаления, чем в семействе женщина...

Беременная мать не должна смотреть на кровь /на эту, как говорит Фаусту Мефистосфель, «особую жидкость»/, чтобы избегнуть несчастий, возникающих от этого, а чтобы не разгневать божества а-Дзавю, она должна приносить ему жертву.

Жертвоприношение в таких случаях происходит следующим образом: режут барана и пока животное мечется, беременная женщина с сильными симптомами перед родами должна крепко схватиться обеими руками за конечность его. С прекращением жизни животного надеются, что прекратятся и страдания женщины. Абхазцы говорят, что убивши змею, которая держит во рту лягушку, нужно освободить последнюю и пройти между двумя этими животными. Человек, сделавший это, имеет таинственную силу облегчать роды, если перешагнет через страдающую. Иногда больной дают пить порошок, оскобленный из оленьего рога, другой раз, при подобных случаях, привязывают ей на пупок алмаз или берут ее и кладут на одеяло и качают. Камень а-джу, при этих обстоятельствах, имеет важное значение: порошок его, разведенный в воде облегчает роды. Если беременность у женщины продлится более обыкновенного

срока, то она должна кормить солью лошадь полами своего платья, чтобы разрешиться от бремени.

Много еще других обычаев и нелепых средств, употребляемых при беременности женщины, но и этих немногих довольно, чтобы понять на какой степени умственного развития стоит народ, который некогда пленял наших знаменитых поэтов своим бесстрашием и отвагой – качествами, имеющими в настоящее время лишь относительную свою ценность и то с другими благородными свойствами человека.

Браки в Абхазии заключаются помимо желания сторон, иногда с самого дня их рождения. Обычай нередкий на всем востоке. Жених не должен произнести имени своей невесты наоборот, они оба не должны встречаться межу собою при других и долго еще после брака; обыкновенно молодая жена, увидя своего мужа при других, немедленно прячется. Жена, как мы уже сказали, покупается у родителей и делается рабыней в полном смысле этого слова[51].

Вот все, что мы можем сказать о браке в Абхазии, хотя и сознаем, что о нем то стоило бы поговорить побольше. Наш пробел, надеемся, пополнят наши учителя в Абхазии; они заметят также нам наши погрешности, которых, вероятно, мы не могли избегнуть.

Еще есть один замечательный обычай абхазский, впрочем, уже оставленный. При смерти первородного сына, отец отсекал себе уши и клад с ним вместе в гроб. Говорят, и до сих пор есть в живых такие отцы, у которых недостает ушей, вследствие помянутого обычая[52].

Этим заключаем мы нашу статью, с выражением величайшего сожаления, что так мало и поверхностно пришлось нам изучить абхазцев и их страну, во многих отношениях замечательную*.

Газ. «Кавказ», 1874, №№39,47.

---

* *Об абхазцах можно читать еще в 5-м томе «Русского Вестника» за 1842 год, в т. LVI. «Б-д.чт.» 1843 г., в Сборнике сведений о кавказских горцах за разные годы.*

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

«Местечко Очемчири в Абхазии: празднование в нем турецкого рамазана; скачка по этому случаю»

Турецкий рамазан в прошлом 1873 году начался у нас 9-го октября, большою церемонией и торжеством: пред закатом солнца турки собрались на балконе своей кофейной лавки и производили выстрелы из ружей и пистолетов, также пускали ракеты с разноцветными огнями: это продолжалось до 9 часов вечера. Праздник прекратился, но не кончился 8-го ноября; так как церковь православная в этот день празднует собор св. Архистратига Михаила, но турки не желая отправлять вместе с христианами рамазан, отложили его до следующего дня. Хотя они днем и не морили себя голодом, как в предыдущие дни, но все же, чрез христианский праздник им пришлось отложить рамазан до следующего дня, отчего, вопреки заведенному порядку, он продлился одним днем, закончившись только 9-го ноября. Турки, в продолжении рамазана, как известно, ничего не едят днем; а чтобы нетрудно было до вечера остаться с пустым желудком, то они ночью три раза загружают себя пищею. Момент, с которого они могут принять пищу возвещается нарочно для этого назначенным турком, который в сумерки выходит на балкон означенной кофейни и производит пистолетные выстрелы, оповещающие, что пора приниматься за приготовление пищи, разумеется - мясной. Сверх того, я узнал от одного знакомого турка, что каждый из них в продолжении рамазана должен издержать, будто по предписанию алкорана все то, что приобретено им в течении целого года. По окончании рамазана, турки, наряжаясь в праздничную разноцветную одежду, выходят гулять, держа в руках белые палки, ими же самими выструганные. Как меня уверяли, вне пределов Турции, рамазан нигде не справляется с такою пышностью и торжеством, как у нас, в Очемчирах. Вот как это происходило в минувшем году: 9-го ноября, на площади перед домом бывшего владетеля Абхазии и на балконе этого дома собралось множество народу и зрителей как турок, так и абхазцев и других почетных лиц. При этом нужно заметить, что каждый благомыслящий человек и добрый христианин невольно высказывал сожаление, видя, какое

деятельное участие принимали в описываемом празднестве абхазцы недавно обратившиеся в христианство и не вполне еще в нем утвердившиеся. Они, получив дозволение местной власти, в 3 часа пополудни отправили скакунов в селение Гудава (в 12 верстах от Очемчир) для открытия скачки в честь рамазана; пред заходом солнца первою прискакала лошадь князя К. Л., за нею вторая и третья лошадь; с четвертою же, как мне передавали, случилось несчастие: она провалилась в речку, причем едва не утонул всадник, мальчик лет 13-14. Вообще скакали малолетние мальчики. Турки в благодарность князьям и дворянам, пускающих своих людей на скачку, берут красный товар и делят его на несколько призов. На этот раз владельцу первой лошади, прискакавшей к флагу, выставленному в честь рамазана, подарили, разумеется, лучший приз, хозяину второй лошади средний, третьей еще меньше, а вовсе не явившейся лошади назначен был самый пустой приз. В сущности же все четыре приза ничего не стоили... По окончании скачки, кн. К. Д. в сопровождении князей и дворян, явясь на своей серой лошади, принимал поздравления от лиц ему знакомых. Нужно было видеть в этот момент получивших призы: лица их сияли восторгом, который напоминал мальчика, нечаянно убившего воробья.

Рассказав о скачке в Абхазии, по случаю турецкого рамазана, невольно наталкиваешься на вопрос: ради чего так много народа съезжается из Мингрелии, Самурзакани и Абхазии; если их интересует приз, то он не стоит того, как читатели могли убедиться из вышесказанного; если же для того, чтобы отличиться скакуном, то в Очемчирах на скачку в рамазан пускали таких лошадей, что совестно каждому, хотя несколько знающему в них толк, участвовать в этом жалком состязании. Притом, не надо упускать из виду, что некоторые «состязатели» увлекающиеся этой забавой, не из бедных, да еще имеют чины и занимают не низкое в свете положение!

За время моего пребывания в Абхазия, в м. Очемчиры - священником очень много прибавилось турок торговцев, да еще коренных мусульман с семействами наберется вдвое больше христиан, так что можно смело сказать, по истечении двух или трех лет м. Очемчиры уподобится турецкому городу Батуму. Мое пребывание здесь дало мне возможность узнать и то, что

торговля в Абхазии сосредотачивается вся в руках турок; доходит даже до того, что никто из абхазцев и абхазок, доставляющих что-нибудь на базар для сбыта, пока наперед не предложит своем знакомому турку и не узнает, желает ли он взять то или другое, ни за что не продаст другим.

Таковы отношения турок к абхазцам.

Да не подумают читатели, что в моем незатейливом рассказе мною руководила какая-либо предвзятая мысль; я не более как бытописатель всего виденного и слышанного.

Священник Иосиф Берзенов
Газ. «Кавказ», 1874, №6

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Мы получили для напечатания следующую заметку.

М. К мне случилось прочесть статью об Абхазии в газете «Кавказ». Из этой статьи ясно видно, что автор её обладает большими сведениями, но так как достоверной истории Абхазии нет, а о ней упоминается только в исторических книгах о других народах и упоминается вскользь только о том периоде истории, в котором Абхазия имела столкновения с другим народом, то по этим историческим данным составить себе правильное понятие об истории Абхазии, обычаях, преданиях, сказках, суевериях и поверьях, конечно, нельзя. Автор же статьи, напечатанной в газете «Кавказ», именно задался задачею писать исторический очерк Абхазии... Посмотрим, насколько новая попытка по плечу новому исследователю старых недоумений...

Например, кто-то сказал автору два слова о вечере 14-го августа в Самурзакани и, кукле «Дзивове», чем автор довольствуется в своей статье? Мало, очень мало!..

Прежде чем приступить к описанию вечера 14 августа, скажу несколько слов о том, почему он соблюдается в Самурзакани.

Самурзаканцы полагают, что существует злой дух, который они называют «Мазакваном». У злых духов есть свой начальник, по имени "Топали», живущий на одном неизвестном месте, под

названием «Табакона», где по их мнению, совершается в этот вечер заседание.

Этот «Ропапи» будто в силе - всех на свете живущих сразу съесть, но только стальной цепью привязан к железному столбу, который самим богом воткнут очень глубоко в землю. «Ропапи» держит железный молоток, чтобы ударить им птичку синичку, которая, как только «Ропапи» начинает вынимать столб из земли, взлетает на столб и начинает махать хвостиком. Злой дух, желая убить её, ударяет в столб, но синичка, как ловкая птичка, успевает уклониться, а столб от сильного удара еще глубже уходит в землю. Таково-то значение маленькой синички у «Ропапи».

Кто из самурзаканцев бросит камнем в птицу, тот обязан пожертвовать богу пару быков.

Нужно сказать, что Мазаквани могут вынуть у человека сердце во время сна и вместо него положить тряпочку или кусок бурки. И к вечеру 14 августа, все они, т.е. Мазакваны, обязаны доставить своему начальнику «Ропапи» по два или по одному сердцу человека, а также и животных о чем, конечно, «духи» должны заранее похлопотать. Дух, не исполнивший этой обязанности наказывается, как уже сказал г. П...въ в своей статье.

Мазакваны, все в этот вечер, отправляются в «Табакону» на волках верхами или летят туда, сидя на какой-либо посудине...

В виду такого суеверия о злых духах, Мазакванах, самурзаканцы вечером 14 августа собираются по соседям вместе, зажигают сухие стебельки льна и перепрыгивают через пламя, говорят: «если какой-нибудь злой дух гонится невидимо за мною, то чтобы крылья у него сгорели!» Это каждый из них делает по три раза, а потом стараются не заснуть эту ночь, чтобы Мазакваны во время сна не вынул у них сердце, почему и танцуют до самого утра.

Еще в этот вечер каждый самурзаканец делает ружейный выстрел, говоря: «если какой-нибудь злой дух думает повредить мне, то чтобы эта пуля повредила ему, т.е. попала в него.» Затем каждый домохозяин ставит впереди своего дома крестообразную палку, которую ужасно боится по их мнению, злой дух.

Далее, о кукле «Дзивов», г. автор изволил сказать не более двух слов. И это, повторяем, мало...

Церемониал совершается так:

Абхазские и самурзаканские мальчики и девочки при бездожии одевают крестообразную палку в женскую одежду, сажают её на осла и, принимая куклу за дочь сильного человека, ешака за карету, отправляются к ближайшей реке просить с нею у бога дождя.

Просьбу свою они выражают пением. Прежде чем начнут петь, они разделяются на две партии. Партия девиц становится на левой стороне ешака, а партия мальчиков на правой и затем раздается протяжное пение:

Дзивов, дзизова.
Дзари кваква миркилдахш.
Ах ипха адзиба дакъвойт.
Агвилзвом, адзи лавом.
Аквороква емулдъвойт,
Адзи хучик, адзи хучик.
Адзи хучик азихван ааит* .

Они с этими песнями доходят до речки и в нее заводят ешака с куклой и там же продолжают петь. После долгой песни, каждый из поющих, взяв в руку воду, обрызгивает куклу, будто бог послал ей с неба дождь. Затем куклу совершенно опускают в воду, после чего разбирают там же и расходятся по домам. А если не исполнится их желание, то прибегают к более, по их мнению, точному средству и ловят лягушку, убивают её и бросают на землю под открытым небом, чтобы бог мог с неба её видеть, а он, видя такое нечистое н притом дохлое животное на земле, пожелает очистить землю от него, почему непременно и пошлет дождь.

Еще далее автор напечатанной статьи в газете «Кавказ», т.е. П-в изволил сказать в своей статье, что у самурзаканцев бог грозы называется «Темурквара», в этом он, так сказать, ошибается, потом бог грозы у них называется Жиниши, а «Темурквара» есть его песня.

Очемчирец.

Газ. «Кавказ», 1874 № 63.

** Дзивов, дзивов /название куклы/,а Дзари кваква /ласковое имя куклы/, «Мыркилдаш /название пуговицы/ Ах ипха /дочери владетеля пить хочется/, Вина не пьёт, воды не достаёт. "Реченки! обходит. Воды немного, воды немного? За малой водой пришли.*

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ Н. ПЕТРОВСКОГО «ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»

Окрестности Сочи, Адлер, долины р. Псоу и южная конечность Черноморского округа.

Из проданных вблизи Сочи участков земли, подробнее других осмотрели мы участок г. Мамонтова, заключающий в себе более тысячи десятин. На участке этом идет деятельная работа: срубаются ненужные деревья и кусты, выкорчевываются пни и распахивается целина. Вообще говоря, г. Мамонтов принадлежит к числу тех светлых личностей, на котором с удовольствием останавливается взор каждого обозревателя здешнего края.. Не жалея средств на заведение хозяйства на купленной земле, он часто расходует их с щедростью. Так, деревянный дом управляющего, привезенный на коммерческом судне готовым - откуда-то издалека, чуть ли не из Херсона и сложенным вновь на берегу, обошелся ему, говорят, до 12 т. руб., и с устройством при этом доме небольшой пасеки и питомника фруктовых деревьев, издержки его простираются до 20 т. рублей. «Побольше бы», говорили мне в Сочи, «таких богато наделенных денежными средствами предпринимателей для Черноморского округа - и все пошло бы как по писанному: прибрежье украсилось бы дачами-дворцами, утопающими в зелени роскошных парков; долины превратились бы в сплошные сады, а склоны гор, обращенные к югу, - покрылись бы виноградниками; у берегов, защищенных от морских непогод молами и брекватерами, закишели бы сотни яхт и пароходов, переполненных приезжими туристами и больными, жаждущими свежего горного воздуха, яркой зелени и здорового купанья в море, под ласкающими лучами южного солнца. А в глубине гор, тем временем, расплодились бы тысячи хуторов и деревень, окруженных заботливо возделанными полями и садами, занявшими места непроходимых ныне лесов...»

Вот в каких чертах обрисовал мне идеальное будущее южного прибрежья Черноморского округа один из сочинских обывателей-утопистов, помещающийся пока, в ожидания блаженного времени, в довольно непривлекательной каменной избушке.

Я упустил из виду упомянуть, что из верховьев р. Сочи, верстах в 25 от. берега моря, вывозится пальма, растущая там

сплошными массами; по случаю бездорожья, она вывозится из гор на вьюках; так как в продажу посгупают только совершенно целые куски, то получившие - при бросании с гор или рубке - трещины, бросаются. Ежегодный вывоз пальмы доходит до 100 т.п.; присоединив сюда и все бракуемое количество, - обыкновенно 2/3 всей заготовки, имеем 300 т. пуд. ежегодно срубаемого многоценного материала. Пошлины в таможенное ведомство за вывозимую пальму взимаются по 15 коп. от пуда. Как велика вся масса растущего в Черноморском округе пальмового дерева, к сожалению, неизвестно. В настоящее время, говорят, Николаевским адмиралтейством сделан пробный заказ некоторого количества пальмового (и кизилового) дерева, и если оно окажется удовлетворяющим потребностям - для отделки кают судов и проч., то за этим первым заказом последует и другой, уже в значительном количестве - что, несомненно повлияет на возвышение цен на это красивое и плотное дерево.

Вторая поездка из Сочи была сделана нами в деревню «Раздольную». Вначале ехали берегом моря, по сыпучим пескам; затем, повернув налево поднялись на гору и несколько времени едва пробирались по тропинке, среди густого леса и ползучих растений. Спустившись вниз с горы по крутой и избитой выбоинами тропе, прибыли мы вдеревню Раздольную, раскинутую по долине, в количестве до сорока дворов. Река Бзугу, протекающая по дну долины, принадлежит к общему типу горных речек; в сухое время она струится едва заметным ручейком, а в дождливое бушует огромным потоком.

Долина р. Бзугу довольно широка, но извилиста, вся покрыта лесом между попадающимися по дороге деревьями часто встречались нам ореховые, инжирные и гранатные деревья. Цветок последнего отличается ярко-красным колером, резко бросающимся в глаза среди прочей зелени. Жители смотрели здорово и весело; между тем, говорят, два-три года тому назад, при начале водворения, они повально страдали лихорадками. Тут мы услышали рассказ поселян об убытках, причиняемых им чрез истребление посевов диким кабаном. Между прочим, они объяснили нам способ, с помощью которого дикий кабан достает себе в пищу плоды, выбрав деревце потоньше, но уже покрытое фруктами, животное становится у его основания на

задние лапы и, навалясь всей тяжестью массивного тела на деревцо, пригибает его до земли и, сползая затем по стволу сметает, так сказать, все фрукты на землю; по окончании этой проделки деревцо принимает прежнее положение, а сползший на землю хищник начинает уплетать рассыпавшуюся по траве добычу. Кроме кабанов, обижает поселян и рысь - известное хищное животное из породы кошек. Но рысь полей не трогает, а принадлежит к числу животных плотоядных, занимается истреблением мелких домашних животных, в том числе и собак, если только верный пес-сторож предпочтет вступить в неравный бой с непрошенным ночным посетителем хозяйского двора, а не поспешит запрятаться куда-либо подальше. По словам поселян, видевших не раз из окна хаты как рысь распоряжалась у них на дворе, но боявшихся показать нос на двор, прием, употребляемый рысью для захвата добычи, состоит в следующем: охватив наскоком в когти лап собаку, поросенка, овцу или маленького теленка, рысь закидывает добычу на спину и удаляется бегом, «в приструскy», а при погоне - скачками. Таким образом, приемы эти неотличаются от таковых же, усвоенных прочими хищниками кошачьей породы. Кроме рыси, в трущобах лесных поселяне встречали и медведя - охотника до дикого меда. Отыскав где-нибудь в дупле дерева, пчелиный улей, медведь жадно набрасывается на мед, пожирая его вместе с воском. «Уморительно смотреть - говорят поселяне, как степенный неуклюжий зверь, едва держась на качающейся древесной ветви, одною переднею лапой спешить набить себе пасть медом, а другой отбивается от докучливых нападений пчел. Иногда, не вынеся дружного натиска мириад пчел, жалящих его беспощадно по всему телу, медведь грузно падает на землю и начинает кататься по траве, стараясь задавить неприятелей, набившихся ему в нос, и в уши.

Впрочем, ни в Раздольной, ни в других виденных мною деревнях, я не слышал ни об одном случае нападения на человека рыси или медведя, хотя оба зверя эти водятся на всем протяжении лесов округа. В усилиях защитить поля и хозяйство от истребления хищными животными, поселяне не остались без содействия местной администрации; кроме пороха, выдаваемого поселянам, зачастую бесплатно, они снабжены и

самым главным орудием защиты - ружьями, по особенному ходатайству, из местных линейных батальонов, получивших ружья новейших систем. Поселяне питают большую благодарность за оказанную им, таким образом, практическую помощь; «а то, без ружей, совсем житья не было от проклятого зверья» - говорили они.

Нелишним считаю передать некоторые сведения о породах зверей и птиц, водящихся в лесах Черноморского округа. Как я уже сказал, кабан, рысь и медведь водятся на всем протяжении округа; затем следуют: шакалы, лисицы, барсуки, по берегам рек - выдры или порешни куницы с превосходным мехом, продающимся на месте не менее 4-6 руб. за штуку, в чаще вековых лесов олени и барс; иногда же, из трущоб главного Кавказского хребта заходит тур, известный по своему массивному телу и рогам; водятся также куры и зайцы. Из птиц, оседло живущих, замечателен фазан; особенно много этой птицы в части округа от Анапы до Туапсе: фазан составляет лакомое кушанье, в особенности для жителей наших северных губерний и обеих столиц, бывали примеры приезжали из Новороссийска некоторые записные любители охоты с целью именно пострелять фазанов. Разумеется, новороссийские знакомые таких страстных любителей благородной охоты за фазаном употребляла все усилия, чтобы количество убитой дичи вполне оправдывало цель приезда.

Из Раздольной в Сочу мы возвратились дорогою, по которой в 1871 году, следовал великий князь наместник кавказский. И теперь, при сухой погоде, довольно тяжело и затруднительно было взобраться по этой - вернее - тропинке, чем дороге; до того она узка, крута и вся изрыта выбоинами. Что же было в проезд его высочества, в самую распутицу и период проливных летних дождей, когда каждая гора представляла из себя один сплошной родник воды, стремительно бегущей вниз по всем дорожкам и ложбинкам; когда в размокшей глинистой почве лошади тонули, скользили и оступались на каждом шагу.

Часть водораздела между рр. Бзугу и Сочи составляет участок в 200 десятин, проданный агроному П.В. Верещагину, имеющему в Москве агрономическую контору и обладавшему обширными сведениями по части сельского хозяйства. Участок этот,

спускаясь к морю. кончается у самого берега и покрыт частью мелким лесом разных пород; вообще, прекрасный клочок земли, ожидающий лишь дельного начала, чтобы дать хорошие результаты по этой отрасли хозяйства, устройству которой будет отдано предпочтение агрономом владельцем.

Спеша на прибывший ночью в Сочи казенный пароход (шхуну), мы направились далее, параллельно прибрежью и наконец, подошли к мысу Адлер, у устья р. Мзымты, куда тотчас же и съехали. Ущелье Адлера довольно широко; склоны его покрыты лесом, а по дну протекает неизбежная речка, у начала песков разбросано несколько построек, заключающих бакалейные лавки; тут же склад провианта военного ведомства, а по обе стороны дороги лежат развалины укрепления св. Духа, составлявшего когда-то довольно сильный оплот противу горцев, а ныне представляющего одни жалкие остатки развалившихся стен и батарей, заросших деревьями и увитых плющом. Поэтические руины, напоминающие о бренности всего земного! Без грустного чувства сожаления глядишь на них, а напротив с чувством удовольствия; они служат выражением, что кипевшая там недавно на этих берегах губительная война, а с нею дикие грабежи и убийства, окончились безвозвратно, уступив место гражданскому процветанию и открыв дорогу мирному труду земледельца.

К довершение поэтического настроения, овладевшего мною при обозрении развалин крепости св. Духа, мне напомнили о безвременной смерти на здешнем прибрежье известного нашего писателя А. Бестужева (Марлинского). Он служил в экспедиционном отряде и убит в кровавой схватке с горцами, при движении войск из Адлера в Сочи; как известно, труп убитого оставлен в добычу неприятеля.

На берегу Адлерском, опустелом не знаю почему, казенном каменном доме, накормила нас отличным обедом поселянка, занимающаяся, кроме хозяйства в поле, прокормлением всех посещающих Адлер. У нее же мы запаслись свежим белым хлебом для будущих странствий по округу.

Рекомендую эту почтенную поселянку и ее хлебосольный стол вниманию всех, кого подобно мне, случайность или дела забросят в Адлерские Палестины! Фамилия ее - Литвиненкова.

Проехав по Адлерской поляне версты полторы, мы выбрались на чистое безлесное пространство, уходящее далеко вглубь гор и все покрытое посевами всевозможных родов. Мы ехали дорогою, по обе стороны которой колыхалось целое море колосьев пшеницы, кукурузы и даже льна; изредка, поля перемежались огородами и так называемыми «баштанаки». т.е. посевами арбузов и дынь. Благодаря выпадавшим частым дождям; урожай обещал быть богатым; кукуруза в особенностни порожает громадностью роста - выше головы всадника. Четыре года тому назад, Адлерская поляна представляла вид крайнего запустения и была сплошь покрыта кустарниками и колючкою. Быстрому же превращению в возделанную ниву она обязана трудолюбию жителей, поселенных в ней деревень: Первинки, Молдованки и Высокой. Деревни эти расположены так: по левому от берега боку ущелья, на небольшом холме стоит «Первинка»; по тому же направлению, в расстоянии от нее версты на три, раскинулась «Молдованка», деревня же «Высокая» находится в глубине долины, где последняя суживается, переходит в неширокое ущелье.

Население деревни Первинки по времени основания - старейшего гражданского поселения в округе, все состоит из греков. В числе 20 семейств они явились в начале 1868 года из Кутаисской губернии, где, по переселении из Азиатской Турции, им почему-то не понравилось. Теперь они живут довольно зажиточно; сеют пшеницу, кукурузу и разводят табак. Домики их снаружи довольно чистенькие; лица покрыты здоровым загаром; лихорадками почти не болеют. Что им живется здесь привольно - видно из того, что они все хлопочут, как бы перетянуть к себе и родичей, оставшихся в Турции; многим это удалось, так что, хотя население деревни по документам не превышает двух десятков семейств, но на деле их гораздо больше. Некоторые из первенцев пошли по пути внешнего прогресса и дальше: сбросили турецко-греческие шальвары и куртки и облеклись в европейские брюки и пиджаки, а двое или трое из этих новаторов щеголяли пуховыми круглыми шляпами, украшавшими их курчавые головы. Посредником в разговоре - «толмачем», служил житель той же деревни - Шаинов - по фамилии, занимающийся мелкою бакалейною торговлею. По костюму Шаинов смотрел

решительно уже европейцем и небрежно поигрывал серебряною цепочкою, украшавшею его грязноватый жилет. К сожалению, фиолетовый цвет носа толмача обличал, что владелец его вместе с прогрессом, сдружился с тем напитком, употребление которого так вредно в здешнем жарком климате. Ближайшие соседи первинцев - жители деревни Молдаванки, почему у них и поля смежные и дороги общие. Соседство это сделалось яблоком раздора между двумя мирными деревнями. Дело в том, что протекающая по долине речка почти подходит к деревне Молдаванке и затем, делая извилину, удаляется от полей деревни Первинки. Таким образом, у молдаван вода, что называется, под рукою, а греки должны возить ее издали. Чтобы помочь беде, последние и вздумали провести к себе канаву, начав ее в верховьях ущелья и проведя, по условиям местоположения, под самою дер. Молдаванкой, чему жители последней противятся и по причине очень разумной - с точки зрения, как гигиенической, так и сельскохозяйственной; неумело проложенная канава в половодье, наверное, размоет берега и занесет поля песком, а в жаркое время года не замедлит сделаться источником лихорадочных миазм.

Проехав некоторое расстояние по дороге, идущей между полями, огороженными плетнем и миновав границу обеих деревень - ворота из хвороста поперек дороги, мы прибыли в дер. Молдаванку. Расположение ее такое же, как и предыдущей деревни: маленькие домики с хозяйственными постройками рассыпаны по склону хребта и прячутся в тени деревьев. Нас пригласили во двор дома местного старосты Райляна. Из любопытства заглянув в хату я увидел, что ее хозяин перенес с собою и обычаи своей родины: в углу помещались образа, кровать завешана, покрывалом в роде полога; около нее сложены, одна на другую, различные цветные ткани; на полках круги желтого воска; из-за печки выглядывает веретено и пачка прошлогоднего запаса льна. Жителей в деревне /до 50 семей, все - молдаване, пришедшие в 1869 году из Бессарабской области. Живут припеваючи, так как потребности их крайне ограничены: была бы саламата из кукурузной муки - национальное кушанье молдаван, а там - хоть трава не расти. Впрочем, все они народ очень трудолюбивый, без чего едва ли

достигнули бы теперешнего беспечального житья. Лица у молдаван открытые и простодушные; изредка встречаются физиономии с тонким, едва уловимым выражением в чертах хитрости и лукавства. Трудно поверить, а между тем доказано фактами, что молдаване - самые кроткие, и смирные из всех поселенцев Черноморского округа, в то же время самый драчливый и спорный народ между собою; ни один приезд в Адлер мирового судьи не обходится, чтобы у него не перебывало все население Молдаванки и притом с претензиями самого мелочного свойства о какой-нибудь обиде словами, за курицу и проч. Бывший с ними местный начальник поселении, пожурив молдаван за такую страсть к жалобам, велел всем бывшим на последнем разбирательстве у мирового судьи отойти в сторону - и почти вся толпа двинулась. Разумеется, поднялся хохот, в котором приняли деятельное участие и сами бывшие жалобщики. Вообще говоря, молдаване народ очень симпатичный; какая-то детская доверчивость и простодушие слышны в их словах; они готовы также скоро помириться и забыть обиду, как быстро и поссорились. Поэтому, большая часть заявляемых мировому судье жалоб оканчивается примирением спорящих сторон.

Третья деревня «Высокая» расположена, как я уже сказал, в конце Адлерской поляны, где боковые хребты суживаются, отчего горизонт деревни, в противоположность ее названия, очень ограничен. Жители - до 40 семей - выходцы из Херсонской губернии прибыли в Новороссийск в начале 1868 года, но как этот год, так почти и весь следующий прожили непроизводительно на казенных квартирах и казенном провианте, все бракуя места, предлагаемых им для водворения - благо в то время, по малолюдству, было из чего выбирать. Наконец, по собственному желанию, они водворены на теперешнем месте. Выбор оказался, однако, неудачным: неурожаи у них часты, болеют лихорадками почти сплошь все. Ближайшее соседнее поселение «Ахштыр» отделено от них Мзымтою, самою большою и бурною рекою Черноморского округа, чрез которую и в хорошую погоду переправляются не в брод, а в каюке, а в дождливую погоду и не думай.

Бывали примеры, что рискнувшие переходить Мзымту в половодье, уносились течением и погибали. Между тем, по своим

нуждам, жителям дер. Высокой часто приходится бывать на Ахштыре, где поселенные воинские части благоденствуют под боком своих злополучных соседей, имея хорошую покосную и под полями и огородами - землю. К довершению досадного положения жителей Высокой, Ахштыр есть одно из тех злачных мест, которые когда-то так радушно представлялись их выбору местной администрацией и почему они от него отказались - непонятно; разве побоялись нелепых слухов о горцах, но и Высокая стоит неподалеку от этой местности.

К искренней, неподдельной радости поселян, им было обещано местным начальством переселить их на заветаый Ахштыр, как только водворенные там воинские части повыйдут в отставку или бессрочный отпуск - в Россию.

Проезжая в обратный к берегу путь, но уже другою дорогою, проходящую по самой средине долины, между волнуемой легким ветром зелени посевов, мы остановились около поля десятин десять в окружности, огороженного сплошь прочным плетнем и засеянного пшеницею; небольшое, оставшееся свободным от посевов пространство было занято под жилые постройки; тут же на плотине, преграждавшей незначительный ручей, поставлена мельница с быстро вертящимся колесом. Приветствовал нас человек среднего роста, с орлиным носом на выразительном лице; на груди его красовался георгиевский крест. Оказалось, что все огороженное поле с усадьбою и мельницею, принадлежит этому седому, но еще бодрому старинку - сербу происхождением, служившему в крымскую кампанию в греческом легионе и раненному в одной битве с англо-французами. По окончании достопамятной войны, после долгих скитаний по белу свету, паладин этот приютился, наконец, под гостеприимную сень Черноморского округа и, приписавшись простым селянином к деревне Молдаванке, усердно занимается хозяйством. Из храброго солдата-воина вышел не менее образцовый труженик-земледелец! Пример - достойный подражания!

Побеседовав с Георгием Еличем - так зовут почтенного ветерана-серба - я, напившись светлой, холодной как лед воды из колодца при его усадьбе, мы отправились далее; мимоходом

заехали на участки, состоящие в пользовании разных лиц на основании устава о сельском хозяйстве, но так, как и на подобных же участках в долине Сочинской не оказалось никого и ничего, кроме крайнего запустения и дичи.

* * *

Шкуна наша, направившись в море подошла к устью реки Псоу. Выходящее здесь к морю ущелье широко и лесисто. На берегу навалены большие груды узких дубового дерева досок. Это так называемые трости, служащие материалом для сооружения бочек, бочонков и иных надобностей бочарного дела. Тут же виднелось несколько человек абхазцев - караульщиков заготовленного леса, а далее паслись вьючные лошади, на которых «трости» вывозятся из мест заготовления - верховий ущелий, часто едва доступных и для вьючной перевозки. Эксплуатацией леса, с давних пор занимается некто - сухумский купец Метакса, вносящий ежегодно в казну лесной пошлины не менее трех тысяч рублей. Сбыт леса идет так выгодно, что в несколько лет Метакса составил себе довольно солидный капитал. Лес, растущий у Псоу, действительно хорош высокостволен и ценных пород: ясень, дуб и проч., есть и пальма. Но еще лучший «заветный» лес, говорят, произрастает между рр. Псоу и Лапстою, доходя до самого моря. Этот-то прибрежный участок состоит в распоряжении титулярного советника Шишко на 10 лет с платою по 79 р. за десятину - за право пользования. Приблизительно стоимость десятины такого леса превышает здесь тысячу рублей. Г. Шишко обещал устроить лесопильный завод и вообще сделать всевозможные применения, выработанные современною наукою для прогрессивного ведения лесного дела, но не сделав ничего, переуступил право аренды другому лицу, взяв с него премию в 25 т. руб. Как поведет дело новый предприниматель - еще неизвестно, но вообще говоря какой-то печальный фатум тяготеет над прекраснейшими по плодородию или богатству лесных насаждений землями Черноморского округа; то и дело переходит он из рук в руки. Участь, повторяем, печальная - тем

более, что громадная сила растительности здешней почвы не заставляет себя ждать и все более и более покрывает прибрежье, являясь в виде колючек, сорных трав и всякой зелени.

В деревню Веселую, расположенную в верховьях ущелья р. Псоу, направились мы верхами; часто приходилось проезжать между полей кукурузы, пшеницы и прочих хлебов. Самая деревня расположена на некотором возвышении с левой стороны ущелья, на месте, где прежде был аул джигетского князя, потомок которого Геч Решид по фамилии, служит ныне поручиком в русской службе. Всего в деревне Веселой до 100 семей молдаван. Они появились в округе в 1869 г. из соседней Кубанской области, где жили арендаторами на земле какого-то казачьего помещика, обиравшего их немилосердно. По прибытии в г. Новороссийск они представляли, говорят, толпу нищих, покрытых рубищем, все достояние их заключалось в кое-какой домашней утвари, земледельческих плохих орудиях и небольшом количестве скота. По доставления их на казенном пароходе, в место теперешнего жительства, администрацией округа была оказана им всевозможная помощь: деньгами - для покупки скота, земледельческими орудиями из особо выписанного для поселян ассортимента плугов и проч., и самое главное, семенами - для посевов и хлебом - для пропитания, заболевшие, а -их первое время было немало, немедленно принимались в военный госпиталь для пользования на казенный счет. И молдаване не обманули возлагавшихся на них надежд: в два-три года энергичного труда они превратили запустевшую долину в роскошный оазис возделанных полей и огородов; в то же время склоны ущелья покрылись уютными домиками и при них фруктовыми садами; положено начало разведению и винограда. Веселовцы производят и отпускную торговлю - чем бы вы подумали - арбузами? Этот род овощей засевается ими во множестве и, родясь крупной величины, с сочным и сладким содержанием, охотно закупается турецкими купцами для отвоза на парусных судах в анатолийские города.

Шумными приветствиями встречало нас население деревни Веселое, едва мы по крутому подъему взобрались на небольшую площадку - центральное место деревни; собралось не менее трехсот душ. Молдаване - поселенцы не покидают ни обычаев

родины, ни национального костюма. Большинство мужчин носит длинные белые из полотна рубахи, подпоясанные кушаком, на голове - шапка из барашка с плоским верхом, на ногах - неуклюжие сапоги с шароварами в голенище. У женской половины населения костюмы смешанные: одни, как и мужчины, в рубахах, другие же в ситцевых платьях. Повторилась та же история, что и с жителями Молдаванки: более половины населения перебывало у мирового судьи.

Заглянув в лавку, построенную на самой площади, я увидел в ней товары самых разнообразных сортов и назначений: пшено, свиное сало, вермишель, макароны, у сапожные принадлежности, женская обувь, селедки, табак, махорка, сахар - переполнили нижние полки; верхние же полки были заняты под товар мануфактурный, красный: ситцы ярких цветов, полотна, которые молдаване так любят брать себе на рубахи и проч. Несколько фунтов кантонского чая «фу-че-фу», 80 к. фунт, занимали почетное место на самой видной полке, в одном из углов лавки скромно приютились четыре бочонка с спиртуозною жидкостью: истинная добродетель, дескать, всегда скромна и знает себе цену!..

Потребители всего перечисленного - жители дер. Веселой, платящие за товар в большинстве не деньгами, а сельскими произведениями: коровьим маслом, кукурузою, фруктами. Конечно, этот род меновой торговли очень выгоден для продавца, забирающего у поселян все по собственной оценке, за неимением конкурента. При мне поселяне заявили своему местному начальнику жалобу на притеснения, терпимые ими от новых соседей - покупателей земель вблизи д. Веселой, из которых двое или трое прислали на свои участки управляющих. Мотивом претензии служила неопределенность границ земель деревенских и участковых, вследствие чего поселенский скот нередко заходит в угодья помещиков, причем управляющие рекомендовали себя с самой грубой стороны. Самым придирчивым соседом поселяне называют ближайшего владельца, пресмешно коверкая его довольно благозвучную фамилию. Так как все проданные земли еще не отмежеваны вполне, а только указаны в натуре временными признаками, то, стало быть, истинные границы участков еще сомнительны и для самих

приобретателей. Но вообще ссориться с поселянами и возбуждать в них такой резкий антагонизм к себе - крайне, по мнению нашему, непрактично со стороны новых владельцев. Теперь рассерженное сельское население, по всей вероятности, ни за что не пойдет к ним работать, а это очень важно там, где приходится выписывать рабочие руки издалека и за дорогую цену.

По окончании беседы с поселянами, мы были приглашены на завтрак к проживающей в деревне супруге землемера, отводящего в окрестностях земли покупателям. Молодая дама эта, прибывшая сюда после приезда мужа - из Новороссийска до Сочи следовала на коммерческом пароходе, от Сочи до Адлера на казенной шкуне, а оттуда - в Псоу на частной утлой лодке (фелюга); от берега же моря до деревни Веселой - версты 4, она прошла пешком, с некоторыми пожитками в руках. Такое путешествие может считаться подвигом со стороны дамы и объясняется, конечно, ее молодостью и любовью к мужу. Несмотря на недавнее прибытие в Веселую, молодая дама устроилась на занятой квартирке довольно комфортабельно; предложенный же ею чай и кофе, после продолжительного моциона на свежем воздухе показалась нам чудом гастрономического искусства. Утолив голод, я осмотрел комнату, в которой до сего помещались сами хозяева, уступившие ее постоялке за три рубля в месяц. Комната невелика, но содержится опрятно; стены и пол обмазаны почти белою глиною, а потолок облицован ясеневыми досками; по стенам развешаны узорчатые полотенца и куски ситца с яркими узорами; в одном углу образа, а над дверью лубочная картина «Утро в Венеции».

Из окна видна вся долина и примыкающие к ней хребты гор. Холмы, подымаясь все выше и выше, террасами громоздятся друг на друга; все видимое пространство покрыто сплошным лесом, густым до того, что казалось, смотришь на волнующееся море яркой зелени. Многие из этих холмов, с заключенными между ними плодоносными, хотя и небольшими долинами, отходят в частное владение лиц, соседство которых так не по нраву молдаванским переселенцам. Затем мы обошли деревню; почти при каждом домике растут фруктовые деревья и с одного развесистого каштана нам сорвали, на память кусок ветви с

распустившиеся пушистым цветком; видели еще гранатные, инжирные и гигантские ореховые деревья. При свежем горном воздухе не чувствовалось духоты, хотя солнце и обливало все миллионами лучей; дышалось свободно и весело.

Самое возвышенное место деревни предназначено занять под церковь, которую предложил построить на свой счет названный мною лесопромышленник Метакса. Церковь будет видна далеко с моря, что при высоком куполе и золоченном кресте, среди окружающих гор и лесов, составит весьма живописную картину.

С возвышения деревни море виднелось на громадном пространстве, среди которого наша маленькая шкуна казалась какою-то «каплею» в море. Уставшие от созерцания моря глаза с удовольствием переносили свой взгляд на яркую зелень лесов; так и манило забраться куда-нибудь в глушь, чащу, подальше от людей; невольно вспоминалось и, главное осмысливалось гейневское: «в горы, в горы - я оттуда улыбнулся вам без злости». Действительно, при созерцании красот природы смягчается самое суровое чувство и является потребность идиллии в натурах самого прозаического свойства.

На месте теперешнего поселения прежде существовал большой горский аул, имений особого князя из фамилии Геч Решидов; от аула не осталось и следов, а от большого княжеского дома сохранился лишь фундамент. Дом же, говорят, был в два или три этажа и его видно было с палуб наших военных судов, крейсировавших у Кавказского прибрежья до окончательного покорения горцев.

Вообще, от аборигенов Кавказского прибрежья Черного моря, делившихся на многие племена, отличные одно от другого языком и характером: шапсугов, убыхов, хакучей и проч., не осталось других следов, кроме одичавших фруктовых деревьев, да разбросанных кое-где могильных насыпей. Оно так и следовало быть. Горцы были скорее воины, чем земледельцы, строили хижины кое-как из турлука, хозяйством занимались мало, а большую часть жизни посвящали набегам, с целью грабежа.

Севши на судно часов в 5 пополудни, мы шли до наступления темноты, когда нам было объявлено, что мы находимся пред ущельем «Мехадыр». Ночлег был назначен в открытом море; сначала капитан парохода и хотел подойти к берегу, чтобы

заночевать на якоре, но его пугало то обстоятельство, что сколько судно не подвигалось ближе к берегу, глубина все не уменьшалась и бросаемый лот то и дело показывая: «одиннадцать, сажен -пронесло». Напрасно местно-служащие и вообще плававшие у этих берегов уверяли капитана, что значительная глубина вообще свойственна этой части прибрежья; ему все мерещились скалы да рифы, и вот, протолкавшись «тихим ходом» с час времени то вперед, то назад, то в эту сторону, то в другую - по мере надобности для бросания лота, мы удалились, наконец, в открытое море и заночевали «под парами», а наутро подошли к берегу и поспешили высадиться.

Широко расходящее ущелье Мехадар имеет очень низменный берег; берега реки покрыты густым лесом, часть которого вошла в участок, купленный в казне одним отставным офицером из южных губерний европейской-России, в количестве 3 т. дес. земли. Об этом помещике будет ниже сказано мною несколько слов. На берегу расположен казачий пост, около которого мы встретились с местным кордонным лесничим:- одетым в оригинальный костюм, состоящий из соединения сюртука лесного ведомства, азиатских сандалий из бычачьей кожи (по казацки - "постолы"); кинжал за поясом и двустволка в руке довершали воинственное впечатление, производимое этим загорелым молодым человеком.

Почти все прилегающие к Мехадыру местности проданы частным лицам; участки их, главным образом занимают течения рр. Жеопсе, Хошупсе и Бегерепсты. Из числа этих покупателей смелым почином заявил себя вышепереченный отставной офицер, задавшийся мыслью на собственные средства проложить дорогу от берега моря на свой участок. Несмотря на преклонный возраст, почтенный предприниматель долгое время проживал в ветхом бараке, лично наблюдая за ходом работ; должность главного инженера исполнял какой-то абхазец, получавший за то от помещика в месяц по 50 руб. «Работы стоили так дорого и подвигались столь медленно, что издержек до 5 т. руб., он все-таки не довел дороги до участка; наконец бросил все и уехал в Россию. Лучше бы, говорят, и не начинал, чем деморализировать общее мнение и без того настроенное - верить, что здесь ничто не удается!

В мехадырском лесу мне впервые пришлось увидеть пальму (самшит, buxus); растущие у самой дороги экземпляры имели вышины от 1 до 3 аршин; диаметр самого крупного ствола не превышал впрочем, 2 до 6 вершков. Кавказская пальма растет очень медленно и для достижения 3-х аршинной высоты ей нужно лет 30. Впрочем, по прибрежью сохранились лишь молодые деревья; сплошные же вековые насаждения пальмы растут в нагорной полосе, преимущественно, в верховьях рр. Мзымты и Сочи. В недавнее бесконтрольное, по бывшему военному положению страны, время, пальма вырубалась в громадных массах и вывозилась сотнями тысяч пудов турецкими и греческими промышленниками без всякого платежа, - эти жадные эксплуататоры истребили целые рощи самых лучших, по прямизне ствола и толщине диаметра, пальмовых деревьев; теперь, бесконтрольный вывоз пальмы прекращен, везде царит бдительный глаз чинов лесного ведомства, но вырубленных - веками взлелеянных лесов не возвратить, а с ними и тех тысяч дохода, которых казна лишилась. Однако, я должен заметить, что южная окраина Черноморского округа и теперь представляет из себя едва ли не богатейшую местность во всем Кавказском наместничестве; в нагорной части бассейнов рек Мехадыр, Лапсты, Псоу, Мзымты, Хероты, Кудепсты, Агуры, Сочи, Шахе и др. растут столетние лесные гиганты сплошными площадями. Ценные породы: пальма, орех, каштан и негной - это наше кавказское красное дерево - еще ожидают смелого предпринимателя, чтобы явиться на европейских рынках достойными представителями богатства здешней флоры. При ограниченности размеров лесной промышленности в настоящее время, в лесной доход южного Сочинского лесничества поступает в год свыше 10 т. р., не считая таможенных пошлин за вывоз в заграничные порты. Справедливо говорили мне еще в Новороссийске, что Черноморский округ в промышленном отношении разделяется на две половины: от Анапы, продолжая Новороссийском и кончая Туапсе с окрестными деревнями - табачную и от Туапсе до Гагринского хребта - лесною. Действительно, пока садоводство, виноградарство, виноделие и пчеловодство едва только начали возникать и развиваться, находясь, так сказать, еще в

младенчестве, табачная и лесная промышленность занимают в Черноморском округе почетнейшее место в ряду источников, обеспечивающих народное благоденствие.

Единственное поселение на Мехадыре - деревня Пиленкова, получившая это название от основателя ее, начальника Черноморского округа, от великого князя наместника кавказского при проезде здесь его высочества в 1871 году; расположенная на возвышенности, по левую сторону Мехадырского ущелья, деревня эта заключает в себе до 40 семей молдаван из Бессарабской области, пришедших сюда под предводительством дворянина Хечана, сделавшийся тут деревенским старостой. Домики поселян рассыпаны очень живописно и примыкают к огородам и садам; в последних есть фруктовые деревья, выписанные генералом Пиленко из-за границы и Крыма (до 500 штук) и подаренные селянам. Кроме того, им подарены жерновные камни для водяной мельницы; до устройства же ее, в пользовании поселян состояла патентованная, тоже выписанная, ручная мельница; затем им были даны железные плуги для распашки полей, а для стада породистый производитель швицкой породы, вообще нужно удивляться, до каких мелочных вещей должна была доходить заботливость местной администрации.

Посещением деревни Пиленковой завершилась поездка моя в южное прибрежье Черноморского округа, так как в нескольких верстах начинаются пределы Сухумского военного отдела; Гагринский хребет служит границею между двумя административными единицами Кавказского Наместничества.

Все посещенные мною, от Туапсе до Гагринского хребта земли и поселения принадлежат к так называемой прибрежной полосе Черноморского округа, небольшая ширина которой не превышает 15 верст; затем следующая цепь поселений по характеру местности носит название полосы нагорной; в ней мы не были.

Вообще говоря, нагорная полоса труднее доступна, чем прибрежная - по бездорожью и гористому свойству местности; продажа земель в частные руки в этой полосе еще не начиналась и когда будет начата еще неизвестно; главное богатство ее - это те вековые, ценные породы леса, о которых я говорил выше.

Газ. «Кавказ»; 1874., №№ 66, 67.

СТАТЬЯ «ОТ СУХУМА ДО ПЯТИГОРСКА»

В половине апреля, в 9 часов - ясного и безоблачного, но немножко свежего весеннего утра, - я вступил на палубу парохода Р.О. и Т. – «Голубчик», содержащего правильные еженедельные рейсы по понедельникам, между Поти и Сухумом. Сдавши в агентство пожитки и получив билет с контрамарками, я нарочно поспешил на пароход несколькими минутами раньше предполагаемого времени для отхода, рассчитывая на какую-нибудь неверность часов, так как примеры бывали нередки, что две-три минуты просрочки - и беспечному пассажиру приходилось ожидать целую неделю до следующего рейса. Так, например, рассказывают, что капитан парохода «Ольга» оставил в Керчи на берегу почтальона и привез в Сухум почту сам, под тем лишь предлогом, что почтальон явился на пристань в момент, когда снимали мостик и, несмотря на все мольбы несчастного, скомандовал пароходу отчаливать...

Заплатив за билеты и багаж, я получил две контрамарки на бесплатный проезд пассажиров до парохода, на шлюпках агентства; тщетно проискав на набережной и пристани агентских лодок и получая везде один и тот же ответ, «что они все у парохода», я принужден был взять частную. Четверо дюжих матросов в синих рубахах, мигом доставили меня на пароход, за условленную плату, хотя впоследствии и оказалось, что они то именно и были от агентства. На пароходе нам сказали, что снимаемся не в 9 часов, как гласит объявление, вывешенное в агентстве, - а только в 10, ибо, по соображениям капитана оказалось нужным пробыть на рейде еще час. Так как «Голубчик» имел специальной задачей перевозить только пассажиров и их багаж, то мы недоумевали относительно причин задержки, очевидно ничем не вызванных, разве только интересным разговором с пассажирами и пассажирками парохода «Цесаревна». Пробегав с пяти часов утра с дорожными хлопотами, я порядочно проголодался, но тем не менее, опасаясь со стороны капитана нового изменения маршрута, - воздержался съехать на берег, где добрые знакомые приготовили было завтрак.

Волей неволей приходилось ожидать 11 часов, когда на пароходе дают есть, а в ожидании, покуда тронемся в путь,

любоваться от нечего делать панорамой г. Сухума. За последние годы, в нашей периодической печати, много раз подымались толки о постройке в Сухуме порта, о приведении к нему железнодорожной ветки от м. Ново-Сенаки и о розыскании удобного направления для устройства колесного пути в Кубанскую область, через один из перевалов главного Кавказского хребта, в пределах между верховьями рр. Кубани и малой Лабы - с одной стороны, Кодора и Мзымты - с другой. Толки эти, надо предполагать, не лишены некоторого основания, если принять во внимание неудачный ход потийских портовых работ, встречающих ежегодно новые, совершенно непредвиденные препятствия, и кое-каких работ по промерке и исследованию дна сухумской бухты. Для исследования путей, ведущих в Кубанскую область, через главный хребет из Цебельдинской территории, в прошлом году был даже командирован один из офицеров Сухумского отдела; к сожалению офицер этот, как неспециалист, не мог доставить более подробных и интересных сведений, какие уже имеются в местных архивах, добытых из показаний гуртовщиков, перегоняющих скот из Карачая и кратких донесений незначительного числа лиц, которым приходилось, по обязанности службы, раза два или три спускаться в долину р. Кубани за все время нашего господства в Абхазии. Все эти, хотя еще и слабые намеки, однако же указывают, что в высшей правительственной сфере начинает слагаться убеждение о важности значения Сухума, для будущих военных и торговых интересов целого края. Нет сомнения, что это будущее не так далеко, как обыкновенно выражает это слово, в настоящее время принятое для обозначения пожелания, которое может осуществиться только через десятки лет. Сухум, хотя социально существует под названием города с 1846 года, но в сущности стал принимать наружные и внутренние формы города с 1868 года, когда местная администрация энергически принялась за его, так сказать, воссоздание, несмотря на множество финансовых, климатических, экономических и бытовых местных затруднений. Но, чтобы двинуться Сухуму в колею самосто-ятельных городов русского государства и фундаментально заявить о своей экономической жизнедеятельности, надо пережить еще две

эпохи. Во-первых, связать себя прочными дорогами с внутренностью края и во-вторых, устранить поземельные нужды населения. Вряд ли в целой России найдется другой город, подобный Сухуму, экономические условия которого были бы хуже; город существует тридцать лет, не имея ни клочка не только собственной земли, но даже и такой, которую можно было бы арендовать хотя бы за плату. Без городского надела немыслимо приращение населения, а без продуктов земли не может быть торговли; следовательно, до настоящего времени Сухум ничем не мог привлечь к себе извне ни людей, ни капитала, а перебивается лишь теми скудными средствами, какие дают пребывание в нем двух батальонов, штаба начальника Сухумского отдела и других ад министра-тивных учреждений. Устранение названных препятствий неминуемо благотворно повлияет на развитие благосостояния в крае и даст сильный толчок к самой широкой эксплуатации неистощимых богатств роскошной почвы, согреваемой почти тропическими лучами южного солнца. Теперь же, пока Сухум не замечателен ничем, кроме живописного местоположения, особенно хорош вид с палубы парохода, - да несколькими обширными и замечательно великолепными сталактитовыми пещерами, находящимися в 4 верстах от города, по старой псхувской дороге. Знаменитые сухумские лихорадки, так долго слывшие драконом геспородских яблок Абхазии, потеряли свой разрушительно-злокачественный характер и перестали быть страшилищем. Мягкий, теплый и умеренно влажный климат и обширное протяжение морских берегов бухты чрезвычайно способствуют к устройству дач и лечению страдающих расстройством грудных органов, особливо, если при этом будет открыто заведение для приготовления кумыса. Несмотря на отсутствие в настоящее время врачебных и многих житейских удобств как-то: сухих и с хорошей вентиляцией квартир, недостаток и дороговизну порядочной прислуги - особенно женской, а также основательного изучения свойств и особенностей местного климата, в применении к терапев-тическому его действию на организм больных, несколько счастливых случаев почти полного исцеления страдающих чахоткой начинают понемногу привлекать в Сухум больных. Успеху лечения будет также много помогать

находящееся, верстах в 80 от Сухума, тоже на морском берегу - м. Пицунды, с великолепной сосновой рощей и смолистым бальзамическим воздухом. К сожалению, должно сказать, что местный врачебный персонал, состоя исключительно из медиков военного ведомства, не имеет возможности, за своими специальными обязанностями, частыми командировками и переменами места службы, заняться основательно и систематически этим в высшей степени интересным делом. Если Бот, Ревель, Гапсаль, Биарриц и другие города привлекают своими морскими купаниями ежегодно тысячи лечащихся, то что же мешает Сухуму стать в уровень с ними и сделаться лечебницей для известной категории больных? Ответ короток: приведенные выше причины, худая слава как места крайне лихорадочного и ничем необъяснимая скромность наших отечественных врачей, которые как специалисты могли бы обрисовать Сухум в настоящем действительном свете. Несмотря на всю неясность, неполноту и сбивчивость противоречащих одно другому сведений, появляющимся по временам в печати, Сухум мало помалу все-таки приобретает некоторую известность в среде русской публики, как наилучший приют для чахоточных. Со времен медицинской географии Торопова до сих пор, ни один врач не посвятил своего досуга, хотя некоторые имеют его достаточно, на основательное описание сухумского климата и на средства к устранению вредных его особенностей для здоровья. Выработанные из опытов прошлого, основательные гигиенические правила должны сделаться главным достоянием публики, входя в программу не только обыденной жизни каждого в частности, но сообразно им; примениться и к другим внешним условиям, как-то: по постройке жилищ, содержанию улиц и осушению низменных и топких пространств, как вне, так и внутри городской черты. Деятельность сухумского санитарного комитета принесет, несомненно, самые благотворные плоды, если только он отрешится от безуспешных попыток осушения города и его окрестностей путем канализации чрез посредство грунтовых канав и самоучек техников, расходующих капиталы без всякой пользы. Новейшие популярные сочинения об общественной гигиене и ряд общественных фактов, добытых практикой, указывают на более дешевые средства к

уничтожению влажности в почве и атмосфере, а с тем вместе в ограничении предела распространения миазматических лихорадок и несомненному улучшению воздуха увеличением в нем процентного содержания озона. Эти средства суть следующие: 1) засадка обширного луга к западу от Сухума до ручья Гнилого (Адзапш), заливаемого водой как с горы, так и непосредственно выпадающей на его площадь в виде дождя, сплошь эвкалиптусом, что по прошествии 5-6 лет может организовать превосходный парк с бальзамическим воздухом; 2) сделать обязательным посадку этого растения на всех дачах, лежащих в низменности, в виде изгороди: дворах, огородах, улицах и площадях, вместо слишком тенистых плакучих ив и акаций; 3) не выдавать планов на постройку домов без удостоверения, что место, к тому предназначенное, хорошо осушено посредством дренажа или иным способом и материал для постройки дома как-то: камень и морской песок, надлежащим образом проветрены, ибо первый, употребляемый обыкновенно в дело с каменной ломки, содержит в себе очень много влаги, а последний, не будучи промыт в пресной воде, заключает в себе различные соли, которые по соединении с известью, в кладке приобретают свойства - жадно втягивать влагу в стены жилищ, и 4) обязательное мощение водосточных канав и тротуаров булыжным или плитным камнем. Посадка эвкалиптуса, растения, самого по себе драгоценного, как суррогата хинина (из него приготовляется микстура, употребляемая против лихорадок и некоторых неявных страданий) принесет более пользы нежели тридцать с лишком тысяч р., затраченных на осушение сухумских болот и, кроме того, превратит в прекрасный парк места, бывшие до того главным депо лихорадок, как-то: луг и часть ботанического сада, лежащую в левую сторону от р. Сухумки. Попытки местной администрации к привлечению в край русских людей, посредством даровой раздачи казенных земельных участков в окрестностях Сухума, в Цебельде и Пицундах, а также и развитию разумной культуры ценных растений, хотя еще и не принесли особенных результатов, но во всяком случае, положили уже грунт для будущих рисунков. Вся беда в том, что из числа получивших участки, весьма немногие считаются жителями Сухума; одни из них - иногородние, не считают нужным

приезжать в Сухум из-за ничтожного лоскута земли от 2-30 десятин и постарались приобрести землю, в надежде будущих выгод от перепродажи; другие принялись за возделывание кукурузы, а третьи - меньшинство, хотя и затратили значительные капиталы на устройство дач, разведение садов и виноградников, но не будучи сами опытными хозяевами и не имея основательных сведений об особенностях почвы и климата Абхазии, принялись за дело слишком широко, гоняясь за иногородними интересами. Как и во всякой новой колонии, о которой ходят в массе публики самые разнообразные преувеличенные толки, появляются на первых порах праздные туристы, то восхищающиеся всем видимым, то порицающие то, чего не видят, то промотавшиеся спекулянты, жаждущие новых мест, в надежде, ничего не делая, зашибить капитал и незначительное меньшинство дилетантов - хозяев, мечтающих о чайных плантациях, лимонных, апельсиновых и финиковых рощах, виноградных садах, дающих 4.000 ведер вина с десятины и других, не менее выгодных предприятиях. При здешней могучей растительности, одинаково быстро воспроизводящей сорные травы и кустарники и культурные растения, мне кажется, хозяевам, занимающимся садоводством, следует придерживаться, во избежание значительных расходов на постоянную расчистку почвы, нижеследующего правила: обыкновенно в Абхазии двух годовалые крымские прививки фруктовых деревьев из Крыма дают достаточное количество плодов на четвертый год; прививки к 5-6 летним дичкам на месте - на третий год; персики от косточек тоже на третий год; виноград от черенка на четвертый год дает уже полный сбор; содержание фруктового и виноградного сада за это время, десятин на пять, стоит, считая по 50 руб. на десятину за год - на очистку и перепашку почвы 30 рублей - 400, а в 3 года 1.200 рублей, между тем 1.000 деревьев в школе займут 1.000 саж., а 10.000 лоз, по одному квадратному аршину на каждую, потребуют места 1 ? десятины; по этому же расчету виноградник в три года потребует расхода 320 руб., а фруктовый сад 120 руб.; остающаяся свободной земля может быть обращена под луг, огород или поле и дать тоже некоторый доход. Уход за лозами и деревьями на таком ограниченном пространстве может быть лучший и более тщательный, а при

пересадке на место, сад будет уже приносить доход за всеми расходами на содержание. Наконец, воспитание в школе лоз и деревьев имеет еще за собой и другие выгоды, а именно: устройство лечения растений от разных болезней, oidime ржавчины, древесных вшей, почти совершенно уничтоживших грушевые деревья, причем становится возможным высаживать в сад растения сильные и вполне здоровые.

Размышления мои были прерваны раздавшимся, давно ожидаемым свистком; колеса парохода запенили спокойную поверхность моря; с соседнего парохода и окружающих фелюг раздались взаимные пожеланья; шляпы приподнялись на воздух и мы тронулись в путь. На корме поднялась суматоха: какой-то солдатик, провожая куму, загулялся и в сердечных излияниях за чаркой пенного, прозевал свисток, - а теперь хотел броситься за борт навстречу догонявшей фелюге. Отчаяние солдата тронуло капитана: он приказал дать задний ход и воин благополучно был спущен на шлюпку после порядочной головомойки. Пассажиры первого и второго классов повылазили из кают на рубку: кто кутался в шаль или шубу, кто грелся стаканом вина или пунша и сообщал соседям вскользь свои замечания насчет холодной погоды, окрестных видов, или затевал какой-либо серьезный деловой разговор в роде эксплуатации каменного угля Рионского бассейна, причем предполагалось сбывать его за границу, надеясь стоимость его довести в Батуме не дороже 12 к. за пуд. Будущий эксплуататор, какой-то офицер, в синем сюртуке, расспрашивал другого в сером пиджаке, по-видимому горного инженера, о подробностях добывания угля в шахтах, о положении слоев, о ценах на рабочих, перевозку и в продаже. Серый пиджак, покуривая ароматную папиросу и поигрывая брелоками, с улыбкой посвящал новичка в подробности этого производства настолько, насколько находил его совместимым с своими личными интересами. На другом конце молоденький краснощекий немчик, из под Аншпаха, с коротенькой трубкой во рту, в куцем экономическом фраке-пиджаке из коричневого верблюжьего сукна с бесчисленным множеством металлических пуговиц, громко рассказывал о своих надеждах в Тифлисе, причем живости его физиономии и жестикуляции много энергии придавали несколько бутылок

выпитого им вина. Два молодых человека, как видно, спасавшиеся от нового закона о всеобщей воинской повинности, доказывали один другому, где скорее можно получить офицерские эполеты: в пехоте или в драгунах? На баке по временам раздавался дружный взрыв хохота: какой-то потешник из русской артели рабочих, едущих в Поти, вывернув мехом вверх шубу, показывал к полному удовольствию публики, как медведь горох воровал у баб. Отлогий берег Сухума мало помалу начал сливаться с водою, как бы утопая в голубой влаге; волнистые же окрестности пестрели дачами, возделанная почва коих выделялась темно-коричневыми пятнами на светло-зеленом фоне распустившейся листвы кустарников и лесов, покрывающих сплошными зарослями все побережье. Снежные, зубчатые, конические вершины Кавказского хребта в самых разнообразных рисунках и красках, резко очерчивались в прозрачном утреннем воздухе. От Дранд характер края быстро изменился: прибрежные холмы - последние отроги Кавказских гор, спускавшихся почти в море на всем протяжении берега от Новороссийска до Сухума, начали убегать вглубь страны, образуя обширную, низменную, лесистую равнину Очемчирского округа и Самурзакани, сливающуюся за Ингуром с Мингрелией и Пририонскими болотами. Величественные, живописные ущелья со стороны моря выглядывают широкими воротами, как бы маня пытливый ум натуралиста и геолога в свои таинственные дебри. В здешнем крае, посреди лесных зарослей и непроходимых без топора цепких лианообразных колючек и кустарников, скрывается множество драгоценных для археологов памятников старинной цивилизации края. Почти на каждом шагу натыкаешься то на башню, крепость, храм или целую линию оборонительных построек, защищавших, как видно, приморскую полосу от разбойничьих нападений горцев; за мысом Искурия, в глухом дремучем лесу, открываются остатки некогда богатого торгового города Диоскурии - древней греческой колонии. В памяти народа сохранилось очень много преданий, указывающих на его близкое родство с образованной когда-то Грецией, господствовавшей на морях известного тогда света, начиная от Геркулесовых столбов до Понтикапеи. В бытность мою в Самурзакани, один из пастухов

с. Соберия рассказывал, что в горах Сванетии, куда жители обыкновенно на лето отгоняют скот на пастьбу, есть скала с двумя огромными железными кольцами, которыми, в отдаленные времена, был прикован злым волшебником один мудрец, и это сказание впоследствии мне не раз приходилось слышать также и от охотников. Не прямой ли это миф о Прометее? Как он зашел сюда и сохранился в памяти народной... Множество ценных металлических вещей, монет: греческих, римских, генуэзских, между которыми из греческих попадаются некоторые с изображениями тиранов - времен борьбы греков с персами за независимость, выбрасываются морем или попадаются при раскопках. Подробное изучение края, его природы и памятников, без сомнения прольет новый лучезарный свет на его прошедшее, так как до сих пор попадаются только весьма темные намёки в немногих хрониках, да в коротких, поверхностных рассказах немногочисленных иностранцев, посещавших Закавказский край в разное, не совсем благоприятное время для любознательности туристов.

Газ. «Кавказ», 1874, №130

ИЗ СТАТЬИ Я. ПАСХАЛОВА «ДУДРИПШ» - СВЯТАЯ ГОРА В АБХАЗИИ»

К бесчисленным и мифическим рассказам и предрассудкам абхазцев следует отнести и как нечто выходящее из разряда обыкновенного, поверье, по отношению к горе «Дудрипш». Гора эта до настоящей поры почитается у них священнейшею и служит, по их верованиям, местом самой верной присяги, которая допускается там лишь по важным делам; присягнувший же на этой горе ложно, подвергается неминуемой каре свыше. Преисполненный чудесных рассказов о Дудрипше съизмала абхазец, с чувством благоговения вспоминает об этой горе и, когда по призыву рока суждено явиться туда ему на присягу, он робко, в душевном волнении, вступает на эту гору и, под давлением фанатического страха, должен произнести истину...

Дудрипш расположен в 15 верстах к сев.востоку от селения Лыхны* Пицундского округа и стоит, примерно, более 2.000 футов над уровнем моря. Гора эта представляет не отдельно сплошную массу, а есть продолжение цепи Кавказских гор, окаймляющих берег Черного моря и потом в этом месте дугообразно впадающих в континент на расстоянии 20 верст от берега. Рядом с Дудрипшем на восток тянутся более значительные высоты, носящие на абхазском языке такие названия. Быгырытсха, Кумушха, Лохуджера и проч., а за ними красуются вершины смежных гор. Дудрипш называют абхазцы еще и другим именем: Ахата (образ, икона). Гора эта, как и все соседние, покрыта вечно-зеленным лесом.

Почти у самой подошвы Дудрипша лежит абхазское селение Ачандары, с 240 дворами; вот сюда-то прибыли мы сначала из Лыхны, пользуясь внимательным содействием г. помощника окружного начальника, с небольшой компанией, переводчиком и всадниками, с целью отдохнуть и взобраться на гору. Мы расположились в конце селения, на поляне (место сходки ачандарцев), под тенью одного гигантских размеров чинара; окружность нижней части его ствола по измерению равнялась шести соединенным человеческим обхватам (около 40 футов). В 10-15 шагах от него стояли еще 2 таких дерева немного меньшей величины Деревья в это время (июль) сбрасывали с себя шероховатую кору, обнажая свою нежно-гладкую серебристую поверхность и представляли нечто подобное метаморфозе. Тут-же невдалеке красовалась небольшая церковь и только что отстроенная красивенькая сельская школа**, с одной комнатой для 20 учеников и удобным помещением для учителя. Приезд наш привлек на эту поляну большую толпу абхазцев; все они, от мала до велика, были

Резиденция помощника Пицундского окружного начальника.

*** Не излишне будет упомянуть, что в яме, вырытой при постройке школы, для насыпки извести, в глубине 6-7 футов, найдено одно древнее оружие, состоящее из железной шишки с острыми разной величины шипами и с небольшой углубленной рукояткой; можно полагать, что оно из рода тех батиков, которыми дрались ургутцы из Бухарии, и о котором упомянуто автором статьи «Ургут» в журнале «Дело» за май месяц 1874 г., стр. 292.*

вооружены большими палками; говорят, что это неотъемлемая принадлежность каждого абхазца, но, тем не менее, первое полученное впечатление – самое дурное... Однако ж, ачандарцы, как христиане-неофиты, пользуются прекрасной репутацией, особенно со стороны духовенства, по усердию в церкви и по доброй нравственности. Вот дети гор и долин расположились на земле возле нас амфитеатром и трудно передать наверно: они ли нами поражались более, или мы, глядя на них? Но обе стороны жадно переглядывались между собою. Знай мы их язык – было бы любопытно пуститься с ними в самые интимные беседы, но, увы... это были кровные абхазцы; кроме нашего переводчика никто их не понимал, а силы переводчика, к сожалению не совсем ясно выражавшегося по-русски, берегись для горы Дудрипш – нашего чисто случайного путешествия.

Рассказывают, что абхазец не любит отвечать на вопрос прямо. Он пускается в многословный анализ самого простого предмета, который можно бы было растолковать какой-нибудь парой слов, и, в конце концов, вопрос бывает часто неразрешенным. Вся опора при этом на мыслительную способность переводчика – схватывать и передавать один лишь искомые идеи. Словом, абхазец словоохотлив. Характеристичность эта, с другой стороны, полагаем, не бесполезна для научных данных: в Абхазии, так точно как в Грузии и Имеретии, почти на каждом шагу встречается много памятников, развалин, пещер и других древностей*; стоило бы специалистам пожертвовать временем и трудом для изучения края в отношении археологическом, нумизматическом, историческом и этнографическом. Край жаждет исследований. Вооружиться долготерпением, снискать доверие абхазца, дать простор его детскому воображению и, путем симпатии, дружеских отношений теплых бесед – чего бы, кажется, нельзя выпытать из сокровенных недр его души? Абхазец, правда, словоохотлив, как мы объяснили выше, но он бывает и могильно молчалив, или

** В Сухуме, во время прибоя, море часто выбрасывает в своих волнах золот., сереб. и медные монеты и статиры: Диоскуриаса, Колхиды, Александра Македонского, Лисимаха, Кесаря, Полемона и проч. Попадались золотые перстни и однажды - золотая корона.*

корчит идиота, когда не доверяет и не желает удовлетворить какому-нибудь вопросу.

День догорал и солнце все больше и больше клонилось к западу, когда мы карабкались гуськом промеж деревьев по крутой, змеистой, ухабистой и каменистой тропинке на гору Дудрипш* с нашей компанией, к которой присоединились и несколько человек из ачандарцев. В числе ачандарцев мы познакомились с некоим Чичбаем – лицом, как будет объяснено ниже, соприкосновенным к истории Дудрипша. Мы взбирались на гору пешком и с большим трудом, в то время, как смелые горцы шибко, чуть ли не вскачь, двинулись вперед на конях; казалось, что вот-вот споткнется чей-либо конь и, опрокинувшись назад, задавит нас на месте. Натурально-подобное событие на святой горе послужило бы поводом для новых аллегорий.

Таинственная гора была покрыта густым лесом и представляла глубокую девственность; незаметно было, чтобы человеческие руки дотрагивались до ее роскошной растительности. «Разве жители не пользуются тут строевым лесом, дровами, дикими плодами и проч?» - спросили мы на ходу, через переводчика, одного из абхазцев. «Нет», - отвечал категорически: «тут ничем нельзя пользоваться: Бог накажет; скотина и та инстинктивно чует это и не пользуется ни одной травкой с Дудрипша; гуляя на воле, она дойдет до самой подошвы, но тотчас остановится, повернется и отойдет дальше». «Младенческая мистика» - подумали мы, пораженные силой убеждения, с которым были произнесены эти слова.

Наконец, компания наша сгруппировалась на косогоре, в чаще леса, на высоте около 500 футов. Нас обдало здесь страшной сыростью.

** Мы взбирались не на самую вершину Дудрипша, а только к тому месту, где совершается присяга; сожалеем, что у нас не доставляло времени подняться на самую вершину, куда ни один абхазец не пробирался никогда; он верит, что взошедшему туда предстоит неминуемая смерть. Как бы нарочно нижеследующие случаи еще более укрепили в этом их суеверие: однажды, какой-то русский землемер, взобравшийся для съемок на самую вершину горы, заболел и вскорости умер, в другой раз, солдат – тоже.*

«Вот тут самое место присяги» - объявили некоторые, указав на одно отдельно стоящее, величественное, с раскидистыми ветвями, дерево (красное дерево – негной), Подошел к нему близко с одним из компаньонов, мы заметили, что нижние ветви нашего таинственного великана обвешаны разными металлическими предметами, именно висели: топорик, или скорее, древняя секира с длинной железной рукояткой с турецкой надписью на одной стороне топорика; шлем ветхий, заржавленный – помятый; полоса старого железа изогнутая пополам, и жестяное сито. Еще внизу, на траве, у самого ствола дерева поставлены: обыкновенная турецкая медная кастрюля с крышей; за ней другая такая же кастрюля, но без крышки, да заржавленное сито. Абхазцы молчком сидели поодаль и следили за нами, наверное поражаясь нашей смелостью, с которою мы, бесцеремонно, брали в руки эти святости и рассматривали их со всех сторон, не признавая, впрочем, со своей стороны, никакого таинственного смысла в этих эмблемах. Общая тишина пока была прервана маленьким курьезом: один из компаньонов нагнулся к земле взял одну из кастрюль; едва приподняв, он в ужасе бросил ее обратно, отскочил и вскрикнул: «Ой, зверь!.. змея!..» Абхазцы вскочили на ноги, но не тронулись с мест; оказалась одна из полезнейших амфибий – земляная жаба (вид Bufo vulgaris); испуганная в свою очередь и встревоженная в своем покое, она вспрыгнула в дупло дерева.

Покончив осмотр, мы подошли к нашему знакомому – Чичбаю, старику лет около 70 и белому с головы до ног: из под белого архалука и белой чохи его выглядывала белая сорочка; с седой маститой бородой и седыми волосами, с сияющей лысиной и бледной физиономией, выражающей солидность и непоколебимость укоренившейся в нем инерции, он представлялся чем-то фантастичным. Он и все потомство Чичбаевых, (которых насчитывается ныне 20 дворов), суть властители горы «Дудрипш», охранители ее закоренелых преданий и блюстители ее святостей. Гора эта переходит к ним наследственно из года в год; без присутствия Чичбаевых, по народному обычаю, присяга на горе недействительна; и Чичбаевы пользуются этим прекрасным случаем, взимая дань с народа – 50 коп. с каждого присягавшего субъекта. Чичбаевцы чтутся в Абхазии, как и

потомки Сеидов в Персии, и присягающие делают взносы без всякого сопротивления, хотя, как рассказывают, они являются сюда на присягу не совсем охотно, отчасти угнетаемые страхом, отчасти из-за гонорария, который должны приплачивать каждый раз. Но как бы то ни было, гора Дудрипш, как оказывается, пока есть единственное место, на котором у абхазца можно выпытать истину.

«Как же тут присягают? – спросили мы, приседая осторожно возле самого Чичбая. – «Очень просто» - не замедлил ответить переводчик: - «подсудимый обращается лицом к топору и ведет оправдательную о себе речь, в том смысле, что он невиновен по делу, по которому его обвиняют, и речь его – как и всех присягающих – заключается обыкновенно сими словами: арэила сара цугераишсымам абри анеха ныс» (Ничем не виноват я, клянусь этим образом)! «Что ж, этим и оправдывается подсудимый?» «Нет, он может быть оправдан только своими соприсягателями, которых сам же избирает в количестве 3-4 человек и более; соприсягатели обязаны также поклясться в его невинности, и согласитесь» - продолжал переводчик – «не всякий же хочет заслужить Божье наказание из-за человека, поступки которого ему неизвестны или мало известны»*.

Вслед за сим мы обратились, через переводчика, к самому Чичбаю, крайне молчаливому, и вот ряд вопросов и ответов, происходивших между нами в последние 20 минут нашего пребывания на Дудрипше.

-Давно ли вы считаетесь владетелем этой горы?

-Этого мы не помним, а знаем, что отцы и деды наши владели ею.

-А давно ли висят вот те предметы на ветках красного дерева и кем они повешены первые?

** Вот свежий факт, характеризующий наклонность народа к суеверию: недавно у одного абхазца, принявшего на святой горе ложную присягу, начали умирать дети; после смерти второго или третьего сына, жена его в отчаянии, решается заявить всенародно и пред начальством о мужнином поступке, привлекшим за собою в семейство ряд несчастий: является муж и с чувством раскаяния признается во своей лжи. Протокол об этом событии представлен начальству.*

-Начало появления их на этом дереве ни я, никто другой не знают; они всегда тут находились.

- А можно ли добавить к этим вещам, привесив сюда же рядом с ними на ветке еще одну маленькую икону, которую я намереваюсь пожертвовать? – спросил полушутливо один из наших компаньонов.

- Не знаю... нет... - заикнулся и нерешительно ответил старец, значительно покачав головою.

- Чтутся ли абхазцами подобные вещи, как топор, кастрюля, железо, сито и проч. в домах?

-Нет.

- Гора ли Дудрипш собственно чтится за святыню, или эти символические предметы?

-Дудрипш, и вместе с ней и предметы, как тут же найденные.

-Почему же гору Дудрипш считают святою?

-Во время оное раздавались тут выстрелы и каждый раз – перед опасностью для абхазцев; откуда выстрелы? кто стрелял? – неизвестно.

-Ну-с?

- В старое время нас часто беспокоили враги, иноплеменные... живущие за этой горой. Они появлялись тут большим полчищем, с целью перейти гору, завладеть нашей землей и заполонить нас самих; но святая гора не допускала их далее своей вершины. На Дудрипше начиналась перестрелка без войска, т.е. без войска с нашей стороны, и враги, каждый раз, отступали, отраженные невидимой рукой. Иногда, вершина горы покрывалась страшной темнотой, что служило признаком появления врагов. Однажды, когда враги собрались на вершине и отдыхали там под тенью одного большого дерева, то дерево это, на другой же день высохло совсем с корнем...

Старик замолчал: лоб у него сморщился; по видимому он не желал раскрыть нам всех мельчайших подробностей о Дудрипше; надо было ближе быть с ним знакомым и располагать некоторого рода его доверием. Жаль, что и мы не могли располагать временем. Вечерело. Попрощавшись с ачандарцами, мы спустились с горы, сели на коней и двинулись по направлению в селение Лыхны.

Позади нас ехали всадники из абхазцев. Весело тянули они абхазскую хоровую песню. Чудным эхом пронеслась эта песня

на ближайшей горе. Один запевал мелодию, а четверо ему аккомпанировали. Мотив состоял из 3-4 длинных, несвязных ноток, оканчивающихся весьма оригинальной трелью; уловить мотива не было возможности. Аккомпанемент же шел довольно стройно; униссоном тянул хор три ноты, переходя постепенно и правильно в большую терцию. Нам передавали, что абхазцы бедны своими национальными песнями; слова же придумываются и складываются ими в песне, произвольно на какой-нибудь случай в жизни.

Не станем описывать вид местности, по которой мы двигались, благоухая ароматом роскошной зелени нас окружающей и вдыхая чистейший горный воздух. Кому неизвестны горные пейзажи Кавказа? – это живая панорама, меняющая свои картины каждые двадцать минут, по мере вашего передвижения. Проезжали мимо некоторых селений, но самих селений, признаться, не видали: кое-где, через версту и более, появлялась изолированная абхазская сакля, а за ней – виноградные и фруктовые сады и посевы кукурузы; этим только объяснялось пребывание тут селения. Абхазцы все еще не дозрели до мысли группировать свои селения в одно общее целое. Вопрос этот, однако, поднят администрацией и обуславливается в данном случае полным авторитетом с ее стороны. Было бы, полагаем, рационально, при осуществлении этой цели, которая должна споспешествовать прогрессивному развитию экономического и общественного быта народа, поставить в некоторых селениях для образца и наглядности русские бревенчатые избы, незатейливые, простые, но удобные для житейского обихода – с русской печкой и прочими атрибутами домашнего устройства в той надежде, дабы, с течением времени, русские избы могли вытеснить ужасающие абхазские сакли, в которых жильцы лишены самых необходимых гигиенических условий, хотя бы например, вследствие

---

* *Замечательно, что в Пицундском округе есть турлучные сакли, существующие более 100 лет. В них живут и теперь. Сакли эти сплетены из особого рода кустарника, по абхазски именуемого «ахор». Один экземпляр такого кустарника обещали доставить нам для исследования.*

уродливого устройства очага без трубы, расположенного в самой середине сакли, где ежедневный дым, пробиваясь сквозь маленькое оконце, двери и дырявые турличные стены, угощает их в продолжение жизни значительным количеством углерода* .

Комментируя настоящую статью в принципе, мы опять-таки приходим к заключению, что недуг хронических предрассудков, которым заражены абхазцы, не есть только плод одних преданий древности, но они варьируют между ними и в новейшее время на свой лад, продолжая развивать свои заразительные корни в народе. Если есть и были народы по национальным песням которых изображалась история их прошлого, то это, как объяснено выше, никак нельзя отнести к абхазскому племени. Усматривается практичным, по нашему мнению, дабы судить о его прошлом посредством настоящего, остановиться ближе всего на больной их жилке: суеверных рассказах, преданиях, параболах; собирать их путем доверия из уст народа в возможно большом количестве и комбинировать в должном порядке – и чтобы они не тонули в тьме таинственности, стараться обнаруживать их резонерство между ними посредством открытых бесед; сравнивать между собою тот или другой тип легенды и подвергать все собранное критическому анализу, дабы определить: вследствие каких жизненных условий зараза предрассудком и в наше время не уменьшается, но напротив возрастает. Не с одинаковой же инерцией передают и веруют все во все; мы и теперь слышали мельком, что некоторые из абхазцев даже к горе «Дудрипш» относятся индифферентно, и вот вам уже реакция, вследствие которой являются новые мнения, подтверждающие новые факты, противоположные первым; из pro и contra вытекает истина. Искать истину с любовью и интересом общечеловеческим, просвещая притом умственный кругозор юного абхазского поколения организацией и увеличением сельских школ, при опытных деятелях - курсовниках учительских семинарий, значит подать руку помощи человечеству, чтобы спасти его от той бездны деморализации, в которую ввергло его невежество.

Газ. «Кавказ», 1874 г., №141

СТАТЬЯ Г. САНДЕЦКОГО «О ПУТЯХ, ВЕДУЩИХ ИЗ АБХАЗИИ НА СЕВЕРНЫЙ СКЛОН КАВКАЗСКИХ ГОР»

Несколько лет отыскивается удобный путь из Абхазии через хребет Кавказских гор на Кавказскую линию. Дорога эта, как начинающаяся у незамерзающего и удобного Сухумского порта и соединяющая Черное море с плодородною Кавказскою линиею и с Ростово-владикавказскою железною дорогою, имела бы большое значение как в коммерческом так и в военном отношении.

Абхазия простирается от Черного моря не только за хребет Абхазских гор, но и за хребет Кавказских гор. Пути через Абхазские горы, соединяющие Абхазскую приморскую равнину с Бзыбским плато и Кавказскими горами до настоящего времени нам не вполне известны; вследствие этого направление предполагаемой дороги всегда делалось по указанию абхазцев, а они, не желая почему-то знакомить нас со своим краем, указывали пути в совершенно противоположной стороне, и в таких местностях, где невозможно сделать удобной колесной дороги.

Я сказал, что Абхазия простирается за хребет Кавказских гор на том основании, что в ущельях этого хребта абхазцы пасут свои стада; там у них лучшая охота на зубров, туров, оленей и прочих зверей: на высоком Бзыбском плато абхазцы откармливают своих изнуренных лошадей, где, при благорастворенном воздухе питательность трав так велика, что исхудалые, едва живые лошади в течении двух месяцев делаются совершенно сытыми, бодрыми и сильными.

В июле 1862 года я имел честь быть в числе членов комиссии, осматривающей пути, ведущие из Абхазии на северный склон Кавказских гор. Путеводителями нашими были абхазцы. От Сухума до Псху, через гору Доу, мы следовали сначала по ущелью Гум, потом без дорог, по крутым оврагам, как будто бы наши путеводители желали удостоверить нас, что через Абхазские горы на север нет никаких путей. От Псху, поднимаясь на крутые горы и спускаясь с них, мы следовали на северо-восток, к истоку реки Бзыбь, а отсюда повернули на северо-запад, вдоль хребта

Кавказских гор, по высокой плодородной Бзыбской равнине, и, на седьмой день по выезде из Сухума, ночевали у горы Бея-Чхарпарта вблизи перевала Цагеркер, через который мы перешли на северный склон Кавказских гор.

На южном склоне Кавказских гор и на равнине вблизи его, мы не заметили ни жилищ, ни развалин древних зданий; вся эта равнина, за исключением небольших лесных участков казалась пастбищною местностью.

На северном же склоне Кавказского хребта мы встречали развалины храмов и каменные фундаменты от древних жилищ. Воздух везде хорош, но в особенности на южном склоне - оживляющий. Вид на хребет гор со стороны южного склона пред восходом солнца – фантастичен.

Проходя через хребет Кавказских гор наши путеводители угощали нас мясом зубра и тура, а также заквашенным молоком. Провизия эта являлась к нам как бы по волшебству; но верно то, что она приносилась пастухами, присматривающими за стадами наших же путеводителей. Стад этих мы не видели: они были убраны как от наших глаз, так и от убыхов, которые, согласно полученных там известий, после нападения на Семеновскую станицу, отправились к хребту гор, отыскивая нас. Мы же, переходя хребет гор, чтобы скрыть от убыхов наши следы, делали обходы по разным ущельям хребта.

Из рассмотренных нами местностей во время описанного здесь путешествия можно сделать следующее заключение: от Сухума, через ущелье Гум и гору Доу до истока реки Бзыбь колесной дороги проложить невозможно. от истока же реки Бзыбь по равнине вдоль хребта Кавказских гор, а также по ущельям этого хребта дорога может быть сделанною. Восточнее ущелья Гум нет пути к Бзыбской равнине, - следовательно, путь к хребту Кавказских гор нужно искать в западной Абхазии.

За десять лет до описанного здесь путешествия, а именно в феврале 1852 года после отражения убыхов, нападавших на Абхазию, бывший начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии, полковник /впоследствии генерал-лейтенант/ Колюбакин, командировал меня для осмотра на реке Бзыбь Хацха /владетельского моста/, по которому убыхи, следуя в Абхазию, переправлялись.

Путеводителями моими тоже были абхазцы, которые повели меня по хребту Абхазских гор* . Переночевав вблизи вершины гор, на другой день мы вступили на вершину этих гор, покрытых снегом и продолжали путь по горе Хоу /длинная дорога/ до горы Дзена. Далее мои путеводители отказались следовать по направлению к Хац-ха. В числе предлогов к этому отказу была боязнь наткнуться на убыхов, которые могли еще тогда быть у этого моста. Вступив в разговоры, я узнал от моих провожатых, что до моста Хац-ха мы тогда не дошли 2,5 версты; что мост находится внизу и спуск к нему крутой; что этот мост есть природная скала, соединяющая оба берега реки Бзыбь и под скалой природа или река проделали себе корыто; что таких мостов два, большой и малый, и они оба не в дальнем расстоянии один от другого, что убыхи, идя в Абхазию для нападений всегда переправлялись через реку Бзыбь по этому мосту и что один из древних владетелей Абхазии, желая прекратить нападения убыхов, приказал мосты эти взорвать; работа была начата, но остановилась - за недостатком пороха.

На обратном пути мы заночевали на обратном хребте абхазских гор над ущельем, имеющим вид деланной дороги, и на всем видимом его протяжении, верст около пяти совершенно свободным от снега, тогда как вся окружающая нас местность была покрыта глубоким снегом. От своих провожатых я узнал: что ущелье это называется Аура-Цаута /древняя дорога/: оно имеет направление от юга к северу, к хребту Кавказских гор и что ущелье это ведет к самому низкому и удобному перевалу Хоу, вблизи озера Рица, на северный склон Кавказских гор и что как в ущелье Аура-Цаута, так и в ущельях перевала Хоу бывает зимою небольшой снег, но только тогда, когда таковой выпадает в приморской равнине Абхазии. Другой же путь к этому перевалу есть по реке Апста, но первый более близок и более удобен.

Полагать можно, что мост Хац-ха находится или на пути ущелья Аура-Цаута, или вблизи его, потому что убыхи /как

** Вершина Абхазских гор в западной ее части есть большое плоскогорье с выдающимися на ней шпилями гор разнообразных и фантастических форм . Передняя часть вершины гор свободна от снега и представляла площадь, закрытую от частых громовых ударов.*

известно/ многократно нападали только на западную часть Абхазии, т.е. между устьями рек Бзыбь и Дахора, и всегда переправлялись через реку Бзыбь по мосту Хац-ха. Выступив с места своих жилищ убыхи направлялись к северу и следовали всегда вблизи хребта Кавказских гор и притом всегда зимою, когда снег уляжется и во избежание бедствий от могущей быть метелицы /они бывали в пути около тридцати дней/ держались всегда ущелий, лесов и, наконец, таких направлений, где бы можно было чаще встретить какой-нибудь приют или укрытие от непогоды. Пройдя мимо земли джигетов, убыхи направлялись в Абхазию для нападения, а чтобы скрыть свое движение, а также и предполагаемый пункт атаки, они, если не следовали по ущелью Аура- Цаута, то придерживались его, следовательно, и переправу через Бзыбь делали там же по мосту Хац-ха.

В 1852 году убыхи имели намерение сделать нападение на Абхазию из ущелья Аура-Цаута, но при выходе из ущелья были встречены абхазцами, которые видя у себя в резерве несколько рот наших войск, не допустили убыхов выйти из ущелья, и эти последние, после несколько-часового боя, отступили, но не по ущелью Аура-Цаута, а с места отступления поднялись на хребет Абхазских гор и следовали между рекою Хыпста и ущельем Аура-Цаута. В этом случае убыхи поступили практично, поднявшись на вершину Абхазских гор, ибо не были преследованы, так как вершина этих гор, составляя плоскогорье, дает возможность отступающему делать укрепленные засады.

У подножия южного склона горы Доу проходит ущелье по направлению от востока к западу. Ущелье это имеет подобие ущелья Аура-Цаута и полагать можно, что имеет сообщение с дорогою, идущей по реке Апста, выше истока этой реки, берущей начало, в Абхазских горах. Предположение это основано на том, что путь, идущий по реке Апста, пролегает очень близко горы Доу.

Ущелье Аура-Цаута начинается у подошвы Абхазских гор, в Пицундском округе, между реками Хыпста и Дахора /называемая жителями Соуксу/. Хотя ущелье Аура-Цаута находится на северо-запад от Сухума, в верстах около сорока, но пространство, отделяющее Сухум от Аура-Цаута, есть равнина, дающая возможность проложить по ней удобную колесную дорогу. Во

всяком случае /если показание абхазцев справедливо/, путь от Сухума до хребта Кавказских гор есть единственный самый удобный и близкий по ущелью Аура-Цаута, находящемуся в западной части Абхазии.

Газ. «Кавказ», 1875 г., №141.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ «ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ ДЕТЕЙ, БРАТЬЕВ И СЕСТЕР БЫВШЕГО ВЛАДЕТЕЛЯ АБХАЗИИ, ПОКОЙНОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ШЕРВАШИДЗЕ»

Государственный Совет, в соединенных департаментах гражданских и духовных дел и законов и в общем собрании, рассмотрев представление военного министра по делу об определении прав детей, братьев и сестер бывшего владетеля Абхазии, покойного князя Михаила Шервашидзе на титулы, и порядка наследственности оных, мнением положил:

1.Старшему сыну покойного владетеля, князю Георгию Михайловичу Шервашидзе, сохранить лично предоставленный ему на основании высочайше утвержденного 21-го августа 1834 года положения комитета министров, титул светлости; потомкам же его, не исключая и старшего в роде, пользоваться титулом сиятельства.

2. Второму сыну бывшего владетеля, князю Михаилу Михайловичу Шервашидзе, и братьям бывшего владетеля, князьям Константину и Александру представить титул сиятельства, с переходом сего титула и ко всем потомкам их – и

3. Младшей дочери бывшего владетеля Абхазии, княжне Варваре Шервашидзе, именоваться сиятельною до выхода ее в замужество. Старшей же, замужней дочери покойного князя Михаила, княгине Тамаре Дадиани, и сестре его Русудан Маршани и их потомству пользоваться титулами, присвоенными их мужьям и отцам.

На подлиннике собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему».

Газ. «Тифлисский листок», 1875 г, № 30.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПРИБРЕЖЬЕ»

Действия Сухумского отряда (с 29 апреля по 5-6 мая). 29-го апреля, утром, командиром Сухумского отряда, генерал-майором Кравченко последовательно были получены телеграммы из Поти и Очемчир о движении вдоль берега неприятельского флота. 17 часов вечера, мимо Сухума, по направлению к северо-востоку прошли шесть неприятельских судов: один колесный пароход, два пароходо-фрегата и три броненосца. Известие о движении неприятельского флота тотчас же было сообщено по телеграфу по всему прибрежью, а войска изготовились к отражению десанта.

Переночевав в Пицундской бухте, неприятельские пароходы на рассвете 30-го апреля, подошли к Бомборам, где в продолжении нескольких часов, занимались промером рейда, а затем, приблизившись к устью р. Гумысты, спустили три фелуки с десантом, которые направились к берегу. Здесь турецкие фелуки были встречены 3-ею сотнею Сухумского конно-иррегулярного полка, которая, рассыпав по берегу цепь, подпустила их на 300 шагов и дала по ним три залпа, после которых они поспешно удалились. Подобные и столько же неудачные попытки произведены были турками в этот день и у Бомбор.

1-го мая получены были сведения: о приготовлениях неприятеля к десанту в значительных размерах, о волнении в населении Пицундского округа и о раздаче жителям оружия. Количество десанта, состоявшего из кавказских переселенцев, было весьма преувеличено; на самом деле, он не превышал 1.500 человек. При таких условиях, а именно, под огнем шести неприятельских судов, а также при волнении и местного населения, отстаивать Сухум оказывалось весьма затруднительно, а потому генерал-майор Кравченко, отправив сухумский госпиталь в Цебельду, расположился с пехотою позади высот, лежащих близ Сухума, а кавалерию выслал за реку Гумысту* .

** В этот ден один из неприятельских пароходов бомбардировал Очемчиры.*

На следующий день, в 5 часов пополудни, шесть турецких судов начали бомбардировать Сухум и устье р. Гумысты, причем во время бомбардировки, продолжавшейся $2^1/_2$ часа и произведшей в городе пожары и значительные разрушения, неприятель попытался свезти на берег десант, спустив с этой целью восемь фелук.

Для воспрепятствия высадке, в Сухум был тотчас же послан 3-й батальон 162-го Ахалцыхского полка с двумя орудиями 6-й батареи 20-й артиллерийской бригады, под начальством майора князя Эристова, который спустившись в город, двинулся по улицам к берегу, предшествуемый густой цепью стрелков. Это решительное движение, совершенное под учащенным огнем турецкого флота, не нанесшим, однако, нашим войскам потерь, заставило неприятельские фелуки быстро удалиться и отойти к своим судам, Попытка свезти десант у Гумысты была также успешно отражена спешенною кавалериею.

Имея в виду, что неприятель попытается высадить десант ночью, генерал-майор Кравченко приказал князю Эристову отступить в лагерь, не скрывая своего движения, а напротив, сделав его заметным с тем, чтобы, введя неприятеля в заблуждение, неожиданно атаковать его ночью. С наступлением темноты, в горящий с разных концов город собралось до 5.000 возмутившихся абхазцев, которые рассеялись по улицам Сухума, предаваясь грабежу. В это время направленные к городу пять рот пехоты, два орудия и сотня казаков скрытно подошли к неприятелю и открыли по нем огонь залпами. Эта неожиданность сильно подействовала на толпы абхазцев; слабо отвечая на наш огонь, они бросились из города и были рассеянны казаками. Турецкий флот за темнотою ночи не мог принять участие в деле. Войска наши, во избежание потерь, к утру были отведены в лагерь.

На следующий день, 3-го мая, как только рассеялся туман, часть турецкой эскадры (два монитора и один фрегат) двинулись по направлению к Маджарскому ущелью, по которому пролегает дорога в Цебельду, а другая часть, оставшись под Сухумом, стала обстреливать наш лагерь. В это время генерал-майор

Кравченко, получив известие, что неприятель предполагает высадиться у Маджарского ущелья и что туда же направились толпы абхазцев, числом до 8.000 человек, а также с целью прикрыть склады, расположенные в Цебельде, приказал отряду двинуться через с. Александровское к Маджарскому ущелью. Движение это, замедляемое многочисленным обозом, двигавшимся в середине колонн и произведенное под огнем неприятеля, особенно сильно беспокоившего арьергард и среднюю часть колонн, было исполнено войсками в примерном порядке. Не доходя до Маджарского ущелья, в отряде получено было известие, что стоявшая там сотня казаков и рота пехоты атакованы неприятелем; тогда на подкрепление им двинуты были к берегу моря две роты Ахалцыхского полка, расположенные у входа в ущелье, которая, подоспев к спешенным казакам, отстреливавшимся от неприятеля, метким огнем заставила его отступить. В этом деле с нашей стороны убиты два казака и один ранен.

К вечеру отряд подошел к Маджарскому ущелью, а на следующее утро, 4-го мая, отошел к с. Ольгинскому, где и расположился лагерем. По прибытии к этому пункту, сделано было распоряжение об укреплении Ольгинского плато и входа в Маджарское ущелье, а также об уничтожении мостов и порче дорог, ведущих в Чижеуш, Агиш и Аушту.

5-го мая, вследствие полученных известий о нападении на сел. Анастасьевское, а также потому, что в окружающих горах замечено было много одиночных абхазцев, к сел. Анастасьевскому посланы были две роты, а для очищения гор от мелких шаек абхазцев, направлен в горы отряд охотников из 130 человек под командою Ахалцыхского полка подпоручика Ляшкова. Оба сказанные отряда успешно исполнили возложенные на них поручения.

Газ. "Руский инвалид", 1877г., 142.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ВНЕШНЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ПО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ (ОФИЦИАЛЬНЫМ) ИЗВЕСТИЯМ»

Телеграмма его императорского высочества главнокомандующего кавказскою армиею, 12 мая. Сухумский отряд, заняв позицию пред Цебельдой, около Ольгинского селения, был некоторое время уединен восставшим населением в окрестностях Сухума; но сегодня открыто сообщение о ним. Он удерживает занятые позиции и имел несколько удачных стычек с неприятелем, занявшим развалины Сухума. Посланные к сухумскому отряду подкрепления продвигаются беспрепятственно усиленными переходами.

В Адлере, после сильного бомбардирования, неприятель произвел вчера высадку с 7-судов; большею частью высажены прежние переселенцы с Кавказа.

(Правит. Вестник) 15-мая, воскресенье. Турки обстреливали беззащитные поселения черноморского прибрежья, на расстоянии 150 верст, от м. Адлера до Очемчир, высаживают в некоторых пунктах незначительное число регулярных войск, а также прежних переселенцев с Кавказа, с целью взволновать абхазское население. Участок, подверженный нападениям турок, представляет узкую береговую полосу, огражденную крутыми и лесистыми скатами Кавказского хребта. Дорога, идущая по прибрежью, образована морским прибоем, нанесшим естественный путь из голышей и мелкого камня; дорога эта во многих местах пересекается ручьями и речками, во множестве стекающими с гор, причем воды эти, задержанные силою прибоя, в низких местах разливаются и образуют стоячие воды, порождающие жестокую кавказскую лихорадку. Горы, ограждающие берег, равно как и береговая полоса, весьма мало населены, труднодоступны и имеют только несколько проходов и то неудобных, ведущих внутрь страны. После окончательного покорения Кавказа, жители этой местности - убыхи, джигеты и другие черкесские племена, частию переселились в Турцию, частию выселены на плоскость; эти то переселенцы и составляют теперь толпы для высадок, производимых турками. Из этого краткого очерка можно заключить, что попытки турок с

этой стороны, по недоступности Кавказского хребта и по бедности населения прибрежья, не имеют особенно важного значения.

Из телеграммы его императорского высочества главнокомандующего кавказскою армией, от 11-го мая.

По сведениям, дошедшим с Адлера, турецкие суда высадили там до 3.000 горцев. Находившийся в Адлере пластунский батальон кубанского казачьего войска отошел чрез Ахтырь к Сочe. В перестрелке с неприятелем в наших войсках было 13 убитых и 7 раненых. Из Кубанской области направлены войска для занятия горных перевалов.

В Абхазии отряд генерал-майора Кравченко занимает позицию у Ольгинского. 10 мая отряжена им колонна из двух сотен казаков и двух горных орудий; они имели жаркое и удачное дело с неприятелем, который понес значительный урон. В отряде генерал-майора Кравченко до сих пор было всего 30 раненых. Подкрепления из Рионского края приближаются.

«Мирское слово», 1877 г., №20.

ИЗ ОБОЗРЕНИЯ «ПЕТЕРБУРГ, 16-ГО (28-ГО) МАЯ»

Высадка черкесов в Сухуме и Адлере и других пунктах черноморского побережья была для нас совершенно неожиданностью. Турецкое правительство имело, конечно, в виду, что вместе с объявлением войны, русские войска в Закавказье непременно двинутся на Эрзерум, и задумало произвести замешательство в тылу нашей армии, произведя восстание на Кавказе. Высадка на берег Черного моря, несомненно, приготовлялась задолго до начала кампании, но все приготовление совершались в такой тайне, что о них долетали только смутные слухи.

Высадка горцев наделала много шуму; вся Европа говорит о ней; английская пресса ликует, но, на деле, она не окажет заветных последствий на ход военных действий и даже не отвлечет от действующей армии значительного числа войск.

Мы уже говорили однажды, что наше Закавказье в войне с Турциею, представляет два совершенно отдельные театра военных действий. Один - долина Риона и низовьев Ингура (Сухум-Кале, Зугдиди, Поти, Кутаис), другой - анатолийский театр (Алесандрополь, Ахалкалаки, Ардаган, Карс, Баязед, Эрзерум). На обеих театрах могут происходить военные действия и успех или неуспех на одном театре не будет иметь влияния на другой. Восточная война наглядно доказала это. Омер-паша высадился в Сухуме, возмутил абхазцев и окрестные кавказские населения, взял Зугдиды, двинулся в долину Риона и имел в ней значительный успех, действуя как бы в тылу графа Муравьева, стоявшего у Карса, как бы угрожая его тылу. Несмотря на это, граф Муравьев спокойно выжидал сдачи Карса, потому что долины Риона и Ингура уединены от соседних стран. Они лежат как бы в ящике, ограниченные с запада Черным морем, с севера и северо-востока непроходимым кавказским хребтом, а с востока и юга столь же непроходимыми хребтами Аджаро-Месхийским (Сурам) и Аджарским.

Если мы всмотримся ближе на предмет, то увидим, что высадка горцев не угрожает ни тылу анатолийской армии, ни долинам Риона и низовьям Ингура. Отличительное свойство всех воинственных горских населений в том, что они бесподобно дерутся в своих горах, где защищают каждую саклю, каждое ущелье, каждую тропу, но если горцы оставляют свои горы и выходят на равнину, то обыкновенно выходят на погибель. Все воинственные горские населения имеют огромную оборонительную силу (Черная гора, Дагестан, Сванетия, Чечня), но не их удел наступательные действия. Омер-паша должен был иметь с собою 20.000 десантных войск, чтобы горцы присоединились к нему и вышли на равнины.

Восточный берег Черного моря, входящий в состав кавказского наместничества, тянется на протяжении 600 верст от Новороссийска до форта св. Николая. Главнейшие пункты на этом берегу: Новороссийск, Гагры, Туапсе, Редут-Кале, Поти. Но ни один из них не может назваться хорошим портом. Форты, некогда построенные нашими на берегу, давно уже брошены. Русские поселения водворялись с чрезвычайным трудом и до сих пор число их незначительно.

Кавказский хребет, начинаясь у устья Кубани, тянется почти параллельно восточному брегу Черного моря. скаты этого хребта,

обращенные на северо-восток, пологи; обращенные же к Черному морю - круты, обрывисты, скалисты. Начинаясь легкими холмами у устья Кубани, хребет поднимается у Новороссийска до 3.000 фут., доходит у Туапсе до 9.000 фут., а затем уже тянется остроконечною грядою с среднею высотою 11.000 футов.

Легко представить себе общий вид восточного берега Черного моря от Туапсе до Сухума. Громадный хребет, высотою в этом месте от 10.000 до 17.000 фут., скатывается на берег моря на расстоянии каких-нибудь 20 или 30 верст. Тут горы громоздятся на горы, скалы громоздятся на скалы. Реки текут каскадами в недосягаемых стремнинах. Чудная растительность южных, жарких стран перемешана с вечными льдами и снегами на недосягаемых высотах. Отроги хребта уходят в море скалами. Величайшего труда стоило нашим войскам проложить приморский путь для сообщения между фортами. Горцы жили здесь всегда отдельными обществами, и даже при завоевании края русскими, они, вследствие свойств местности, не могли действовать в связи между собою и каждое племя было покорено отдельно. До сих пор, не везде, по берегу моря, проведена дорога, и до сих пор отдельные поселки сносятся между собою по морю на кочермах.

От Туапсе до Сухум-Кале, хребет составляет безусловно непроходимое препятствие для войск и вне береговой полосы невозможны никакие военные операции. Здесь кавказский хребет, покрытый вечным снегом и льдом, проходит в самом близком расстоянии от моря; высшие точки, с водораздельною линией, отходят от берега Черного моря, при устье Туапсе, всего на 20 верст (линейного расстояния); при устье р. Шахе на 25 верст, при, устье Сочи на 30 верст; при устье Мдзымты и Псоу на 50 верст. От Сухум-Кале, главный хребет уже тянется на 65 верст; но зато, по мере удаления хребта, прибрежная полоса наполняется отрогами его, столь же недоступными, столь же дикими и угрюмыми.

От Туапсе до Кодора (южнее Сухум-Кале), на громадном расстоянии 240 верст, существует только три, не дороги, а тропы через Кавказский хребет, которыми можно пройти в долину Кубани. Первая из них ведет от форта Головинского, долиною реки Шахе, на перевал у Бабукова урочища (на высоте 7 тыс. фут.), откуда дорога разветвляется и ведет в долину реки Пшеха,

по течению реки Белой, к укреплению Даховскому, к источникам Белой.

Вторая тропа от форта Св.Духа (Адлер), при устье реки Мдзымты, ведет по течению этой реки на едва доступный перевал (на высоте 8.000 фут.) у истоков Малой Лабы и следует вниз этою речкою по едва доступным теснинам, в долину Кубани.

Третья тропа ведет по течению реки Бзыбь и по притоку ее Баул на перевал в долину реки Большой Лабы.

Все эти три перевала доступны для движения только от половина июня до половины августа, а затем почти недоступны.

Вот свойства края и местности, на которой происходит высадка горцев...

Теперь, благодаря официальным телеграммам, мы знаем уже, что с отрядом генерала Кравченко, отступившим из Сухума к Цебельдинскому, главнейшим образом вследствие восстания абхазцев, уже открыто сообщение и отряд этот вошел в связь с войсками, находящимися в долине Риона. С Кубани наши войска двинулись и заняли перевалы через хребет. К северу от Туапсе, горцам рискованно идти. Затем, для хода дела решительно все равно, будут ли несколько тысяч черкес на берегу Черного моря, замкнутые со всех сторон, считать себя восставшими!

Окончание войны на главном театре военных действий, на Дунае и решительные удары, нанесенные на Балканах, вот что кончит дело побережья Черного моря и предоставит его, но уже предоставит навсегда, для мирных и цветущих русских поселений.

Газ. « Санкт-Петербургские ведомости», 1877 г., №134.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ДЕЛО 2-ГО ИЮНЯ НА Р. ГАЛИЗГЕ»

От м.Илори до м.Очемчиры шесть верст. На средине между ними р.Гализга впадает в Черное море. При впадении она делится на три весьма коротких рукава, образующих два островка. Здесь суждено было пройти весьма жаркому нападению на нас неприятеля, причем для обороны наша колонна не успела ничего предпринять и прикрывалась кустарником и мелкими канавками.

За несколько дней до 2-го июня, колонна, состоящая из 1-го бат. 76-го Кубанского полка, 4 казачьих орудий, 2 сотен казаков Лабинского полка и 2 сотен самурзаканской дружины, расположилась на левом берегу р.Гализги, у самого ее устья. 2-го июня в 6 час. утра сюда пришел 2 бат. помянутого полка, а в 11 час. дня - 4 бат. полка ахалцихского. 2-й батальон кубанцев не успел еще поставить ружей, как получил приказание занять указанное место. На правом берегу р.Гализги, в 7 час. утра завязалась учащенная перестрелка с неприятелем, наступавшем под прикрытием трех турецких броненосцев, грозно и величественно шедших у самого берега, под двумя флагами, красным и синим с изображением на них луны со звездою.

По берегу, впереди, шла кавалерия, в которой заметны были арабы и весьма красиво наряженные абхазские князья и старшины. Застрельщики казаки отступили на левый берег реки. Неприятельская кавалерия бросилась вперед с обычным гиканьем и, встретив залп 1-й роты кубанцев, замялась; оправившись, она снова бросилась. Хаджи, чтимый абхазцами, первый пал мертвым. За ним знамя переходило пять раз из рук в руки. Пятый знаменосец наклонял знамя, спрятавшись за защиту. Неприятельская пехота рассыпалась по берегу и открыла огонь. На минуту как-то все замолкло. Между тем броненосцы выстроились в ряд в 3 верстах от устья, и открыли огонь из 7 и 10-дюймовых орудий новых систем. Бой на всем пространстве мгновенно оживился, продолжаясь беспрерывно до 11 час. дня; потом он снова начался в 2 часа дня и совершенно окончился при общем отступлении неприятеля в 6 часов вечера. Броненосцы выпустили до 150 снарядов, часть коих собрана в целости. Наша артиллерия не могла действовать.

Неприятель потерял, по словам лазутчиков, 1 хаджи, 8 именитых князей - убитыми, 7 старшин ранеными и до 70 убитыми и ранеными простых абхазцев.

Бомбардировка нашей позиции 2 июня имела заметное влияние на абхазцев. Между восставшими поселилось несогласие и убеждение в слабосилии Турции.

Удачным результатом мы вполне обязаны 4-й линейной роте и стрелковому полувзводу 3 лин. роты, которые удерживали неприятеля. Командир 4-й линейной роты штабс-капитан Якутин, отличный призовой стрелок, мастерски руководил стрелками.

Солдаты о нем говорят: «умора с командиром! И палит хорошо, и смешит складно».

О вооружении неприятеля свидетельствуют собранные в количестве 10.000 медные гильзы и патроны магазинной и других систем ружей.

Газ. «Кавказ», 1877 г., №126.

ВОСПОМИНАНИЕ В. ПОТТО «ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИР АВКСЕНТЬЕВИЧ ЯЦКЕВИЧ»

Телеграф принес нам известие, что командиром первого кавказского корпуса, на место скончавшегося недавно незабвенного князя Михаила Кайхосровича Амиреджиби, назначен комендант карсской крепости генерал-лейтенант Владимир Авксентьевич Яцкевич. Дорогое наследие переходит от одного старого кавказского бойца к другому старому же кавказскому бойцу, который сумел сохранить незыблемыми те крепкие устои, на коих в течение целого века созидалась слава нашей кавказской армии. Сохранятся эти устои - и победа, как в дни Асландуза, Ленкорана, Баш-Кадык-Лара, Чолока и Кюрюк-Дара, будет прикована к нашим знаменам. Сколько бы ни писали длинных рассуждений о том, как надобно одерживать победы, ларчик будет открываться просто: кто сильнее духом, чей вождь сумел вдохнуть более мужества в сердца своих воинов, у кого крепче духовная связь вождя со своими подчиненными, тот и выйдет торжествующим из атак кровавых состязаний. Эту тайну побед хорошо понимали наши старые кавказские солдаты. В этих понятиях воспитался покойный князь Амиреджиби, и эти же понятия присущи и его преемнику. Довольно сказать, что в течении трехмесячной кампании в Абхазии в 1877 году В.А. Яцкевич четыре раза оказывал такие выдающиеся подвиги, которые восходили на рассмотрение кавалерственной думы, - и все четыре подвига дума нашла одинаково достойными награждения орденом Георгия 4-й степени.

Этот случай исключительный, другого подобного примера мы не знаем.

Не будем останавливаться подробно на прохождении службы и на полученных наградах В.А. Яцкевича. Воспитанник Константиновского кадетского корпуса, он выпущен был в 1858 году офицером в казачью артиллерию и с тех пор не покидал Кавказ. С 1865 года командовал он 4-ю конною батареею кубанского войска, затем конно-артиллерийскою бригадою в том же войске, потом был старшим помощником начальника Кубанской области и наказного атамана и, наконец, в 1898 назначен комендантом крепости Карса. Сухие выписки из формуляра ничего не говорят и ничего не объясняют, а потому перейдем прямо к тем подвигам В.А. Яцкевича, которые занимают почетные страницы в летописях русской конной артиллерии и которые представляют собой редкие, можно сказать, исключительные случаи в употреблении этого рода оружия.

Нельзя не пожалеть, что военная литература наша о минувшей турецкой войне вообще слишком бедна, а отсутствие в ней эпизодических описаний до того ощутительно, что многие имена и подвиги, которые должны были бы служить образцами, составляют поныне достояние лишь мертвых архивов, рыться в которых, при том хаотическом состоянии в котором они находятся у нас на Кавказе, охотников найдется немного. В свое время подвиги В.А. Яцкевича известны были всем, но надо, чтоб они были известны молодому поколению.

Турецкая война 1877 года застала его полковником и командиром 4-батареи конно-артиллерийской бригады кубанского казачьего войска. Дивизион этой батареи, под личной командой его, назначен был в ингурский отряд генерала Алхазова, прикрывавший в то время Мингрелию и Самурзакань со стороны Черного моря. Сухум находился уже во власти турок и был занят сильным десантом; по Черному морю свободно плавали турецкие эскадры, кругом кипело народное восстание, а слабый отряд Алхазова должен был ограничиться только пассивною обороною. Он занял позицию у сел.Илори, за рекой Гализгой.

Пока военные действия шли в окрестностях Кобулет, турки спокойно сидели в Сухуме; но едва неудачная атака цихисдзирской позиции заставила нас очистить Кобулетский санджак, как неприятель перешел в наступление и со стороны Сухума.

Значительный турецкий десант, усиленный еще народным ополчением абхазцев, изменивших нам поголовно, двинулся в Илори, чтоб атаковать самого Алхазова. Наш отряд приготовился к бою. Полковник Яцкевич с взводом конной артиллерии стоял на левом фланге, примыкавшей почти к самому морю.

13-го июня 1877 года в десять часов утра неприятель повел наступление. Два орудия, выдвинутые турками для прикрытия переправы своей пехоты через довольно глубокую реку Гализгу, вступили в бой с орудиями Яцкевича. Но бой этот продолжался недолго: через полчаса обе турецкие пушки были подбиты и сняты с позиции. Турецкая пехота остановилась. Если бы она попыталась теперь начать переправу, казачьи орудия, обстреливавшие реку, засыпали бы ее картечью. Прекрасно выбранная позиция давала Яцкевичу все шансы нанести неприятелю страшное поражение. Турки это поняли и на смену подбитых орудий выдвинули три громадных броненосца. Оба стали в линию близ устья Гализги и принялись громить самого Яцкевича. Трудно было держаться под этим адским огнем; но Яцкевич с своими маленькими четырехфунтовыми пушками не задумался вступить в упорный бой и с этими морскими чудовищами. Страшен был этот долгий артиллерийский поединок. Нельзя описать того впечатления, которое производил один только рев, гул и свист проносившихся тучей громадных снарядов, сотрясавших воздух. Но не дрогнули под этою грозою сердца лихих артиллеристов; они почерпали силы в ледяном хладнокровии и мужестве своего командира, стоявшего под огнем, как статуя из бронзы или мрамора. Его спокойствие передавалось и прислуге; все сосредоточенно занимались только своим делом; дружно работали банники, быстро подносились снаряды, раненные возвращались назад или сменялись другими, - и огонь не прекращался. Тела орудий разогрелись до того, что к ним нельзя было притронуться. Восемь часов длилась эта борьба, и в течении восьми часов три броненосца не могли сбить с позиции двух конных орудий. Между тем день клонился уже к вечеру, было шесть часов пополудни. Туркам приходилось или отказаться от наступления или открыть переправу, во что бы то ни стало. И вот, на вечернем небе вдруг высоко поднялась ракета, - и как только рассыпалась

она огненными звездочками, в турецких войсках ударили барабаны, заиграла музыка, и колонны их двинулись к переправе; слышно было даже пение священных гимнов. Минута наступила решительная. Не обращая внимания уже на броненосцы, продолжавшие сыпать снаряды, Яцкевич повернул орудия и направил весь огонь на колонны, спускавшиеся к реке. Загудела, запрыгала картечь в их рядах - неприятель не выдержал... Атака была отбита.

Так окончился бой 13-го июня.

На другой день неприятель не предпринимал ничего; но присутствие его на Гализге волновало местное население, которое толпами бежало в турецкий лагерь. Силы турок удвоились. Видя это, Алхазов сам решил перейти в наступление, чтоб оттеснить неприятеля подальше от нашей границы. Но турки предупредили. рассвет 15-го июня открыл длинные линии их, быстро приближавшиеся к переправе. На этот раз к трем броненосцам прибавилось еще три полевые дальнобойные орудия, которые в продолжении короткого времени выпустили против двух пушек Яцкевича, более трехсот снарядов. Этот бой был еще более страшен, чем предыдущий. «Но полковник Яцкевич, - говорит официальный документ, - несмотря ни на что, сосредоточил весь свой огонь на неприятельской пехоте, отбил ее приступы и тем дал возможность нашить войскам перейти в наступление.

Но переправа через глубокую и быструю Гализгу была трудна и для нас, так же как для неприятеля. В двухстах шагах от реки, на противоположном берегу находился лесок, сильно занятый турецкими стрелками, которые наносили нам значительные потери. Едва стрелковая цепь спустилась к реке, как большая часть ее была уже переранена, убитые и упавшие люди уносились течением; цепь отозвали назад. Завладеть переправой под таким губительным огнем было невозможно. Заметив критическое положение нашей пехоты и поняв необходимость во чтобы то ни стало отвлечь от нее огонь турецких стрелков, Яцкевич скомандовал: «В передки!» и во главе двух военных орудий понесся карьером к переправе. Вихрем мчались наши орудия, на всем скаку кинулись они в реку – и через минуту добрые кони, выхватив их из воды, вынесли на противоположный берег. Опять раздалась команда: «С передков!

Первое. Второе !» - и опушка леса была буквально засыпана картечью. Все это произошло так быстро, так неожиданно, что Алхазов с изумлением увидел наши орудия на том берегу и при них ни одного солдата в прикрытии. Он тотчас послал туда свою конвойную казачью команду, - но лес уже был очищен от неприятеля. Геройская смелость казачьей артиллерии сразу изменила весь ход дела: весь неприятельский огонь обратился на наши орудия, и пехота, пользуясь этим, без потери перешла Гализгу, Ошеломленный неприятель поспешно стал отступать к Очемчирам. Но Яцкевич не дал неприятелю отступить в порядке. Вот что говорит об этом официальный документ: «Яцкевич, быстро пополнив убыль людей и лошадей во взводе, понесся вслед за неприятелем и, быстро меняя позицию за позицией, не давал времени отступающим остановиться и оправиться, вследствие чего турки бросили и ложементы и сильно укрепленные Очемчиры, которые, таким образом, перешли в наши руки. Столь успешный ход боя был следствием геройского поведения и меткой стрельбы артиллерии, руководимой полковником Яцкевичем.»

Очемчиры были взяты, но удержаться в них было нельзя. Огонь трех броненосцев и шести пароходов заставил наши войска отойти назад за Гализгу к селению Илори. Турки опять заняли Очемчиры и прикрыли их сильно укрепленною позицией у д.Меркулок. Позиция эта считалась неприступною. Тем не менее Алхазов решил овладеть ею, чтобы не допустить турок войти в пределы Мингрелии, и поручил это трудное дело полковнику Яцкевичу. В его распоряжение было назначено три батальона пехоты, две сотни казаков и четыре конные орудия. Яцкевич 10-го июля атаковал неприятеля и, несмотря на отчаянную защиту его, взял позицию штурмом. Падение Меркулок произвело такую панику среди турецких войск, что они поспешно очистили Очемчиры и отступили в Сухум. Весь Кодорский участок, населенный абхазцами, сложил оружие и изъявил безусловную покорность.

Затем оставалось взять Сухум. Полковник Яцкевич командовал авангардом ингурского отряда, состоявшего из двух батальонов пехоты, сотни казаков, двух его конных и четырех горных орудий. Искусным маневром он успел занять удобную

позицию против неприятельских батарей, расположенных на высотах Абжагвы, и 19-го августа открыл канонаду. Скоро три дальнобойные турецкие орудия были подбиты, и огромный запас снарядов, взорванный нашей гранатою, взлетел на воздух. Пользуясь замешательством турок, Яцкевич кинулся на штурм и занял нижние траншеи. В ту же ночь турки покинули Сухум, и Абхазия была очищена от неприятеля.

Таковы были подвиги В.А. Яцкевича. Он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, а храброй батарее его пожалованы серебряные георгиевские трубы.

Прибавим, что В.А. Яцкевич был главным инициатором карсских торжеств и сооружения в Карсе достойного монумента, который предполагается воздвигнуть на костях наших падших героев.

Газ. «Кавказ», 1903 г., №335.

ВОСПОМИНАНИЕ В. ПОТТО

«Былое Черноморского флота (Адмирал Макаров в последнюю турецкую войну)»

Летом 1877 года турки овладели Сухумом и подняли в Абхазии мятеж. Для нападения на них с севера сформирован был в Сочи особый отряд под начальством полковника Шелковникова, который должен был во чтобы то ни стало прорваться в Абхазию через узкий гагринский проход и соединиться с другими отрядами, направленными к Сухуму под начальством генералов Алхазова и Бабича. Шелковников подошел к Гаграм 3-го августа, но дальше двигаться не мог, так как путь лежал вдоль берега моря, а тропа обстреливалась турецкими броненосцами «Ассари-Шефкет», день и ночь сторожившим этот опасный проход.

Три дня Шелковников разыскивал обходную дорогу, но не найдя ее, решился дождаться ночи и в темноте попытался пройти мимо ожидавшего его броненосца. Но броненосец точно

угадал его намерение, и едва стемнело, как принялся громить дорогу из всех своих громадных орудий. Идти под таким огнем было невозможно. Роты прилегли к земле - и картечь, и бомбы, и гранаты проносились над ними сплошной тучей. Роты лежали молча и неподвижно.. Через полчаса броненосец приостановил огонь и стал прислушиваться. Темнота обманула его; он отошел назад, а Шелковников быстро поднял пехоту и проскользнул незамеченный.

Зато другая половина колонны - вся артиллерия, конница и обозы, -пройти уже не могла, и отряд оказался разрезанным на две части. Положение было критическое. В это время начало светать, и страшный броненосец, заметив нашу колонну, столпившуюся у входа в ущелье, быстро повернулся к ней бортом. Еще минута. - и залп, быть может, снес бы половину отряда. Но тут случилось нечто неожиданное. Броненосец вдруг повернул назад и на всех парах понёсся по направлению к. Сочи. Вся колонна, воспользовавшись этим мгновением, не справляясь уже о причине такого счастливого оборота дел, - бросилась вперед и соединилась с Шелковниковым.

Впоследствии оказалось, что русскую колонну спас пароход «Константин». Крейсируя в Черном море Макаров получил известие о критическом положении Шелковникова и явился на помощь к нему в тот острый момент, когда несколько сот человеческих жизней висело, можно сказать, на волоске.

Решившись во чтобы то ни стало привлечь на себя броненосец, Макаров налетел на него так близко и так смело, что тот, ожидая минной атаки, должен был принять меры к собственной обороне; а потом, когда пароход, точно испуганный видом морского чудовища, быстро убрал катера и повернул назад, броненосец не выдержал и, пользуясь быстротой своего хода, пустился за ним в погоню. Схватить такой знаменитый приз, как «Константин», было слишком соблазнительно, тем более, что командир броненосца рассчитывал, что борьба с таким ничтожным противником долго длиться не может, и что он успеет еще вернуться для встречи русского отряда. Но вышло иначе. Макаров маневрировал чрезвычайно искусно; он то на всех парах уходил от своего противника, то останавливался и манил тяжелого врага все дальше и дальше от отряда. Гагры давно уже скрылись из глаз, когда броненосец, истративший напрасно

огромное количество снарядов и измученный погоней, наконец остановился и повернул назад. Но когда он прибыл к Гаграм, - отряд Шелковникова был уже далеко.

«Таким образом, - писал в приказе главный командир черноморского флота, - лейтенант Макаров оказал полковнику Шелковникову своевременную помощь и отвлечением турецкого броненосца дал ему возможность пройти ущелье и одержать блистательную победу.»

Но Макаров не остановился и на этом. Он задумал еще раз напасть на «Ассари-Шефкет» с тем, чтобы изнести ему еще более тяжкий удар, -попытаться потопить его, или по крайней мере надолго вывести из строя. С этой целью он в ту же ночь возвратился к Гаграм. Погода стояла бурная, гремела, гроза, и волны подымались горами. Несмотря на то, четыре катера, спущенные с парохода, бесстрашно прошли до самых Гагр, но броненосца там уже не было: ушел в Сухум. Тогда Макаров пошел к сухумскому рейду. «Я решился на это, - писал он в своем донесении, - потому, что в случае удачи, затопленный в Сухуме броненосец легче может быть поднят нами после войны.» Ночи стояли лунные, светлые, неудобные для нападения; но вскоре ожидалось затмение луны, и этот момент Макаров выбрал для своей атаки.

Вечером 11-го августа пароход остановился невдалеке от Сухума; минные катера тотчас были спущены и понеслись к сухумскому рейду. Уже видны были белые здания города, освещенные полной луной, когда миноноски свернули в сторону и укрылись под берегом, чтобы выждать лунное затмение. Оно началось около полуночи, и скоро наступила такая темень, что мы могли приблизиться к рейду незамеченными. В городе в это время был сильный пожар: горел госпиталь и огромное зарево так освещало весь рейд, что ясно можно было видеть и кучу фелюг, столпившихся у берега, и два боевые судна, из которых ближайшее к ним был броненосец «Ассари-Шефкет». На него и направлена была наша атака. Катера «Синоп» «Наварин» и «Минер» шли впереди, «Чесьма» под командой лейтенанта Зацаренного, держалась за ними, и придавала передним умеренность, как говорит Макаров, что в резерв идет лучший катер, с бравым товарищем, который в случае всего всегда их выручит. «Зарево выдало однако приближение наших миноносок,

и турки открыли по ним сильный огонь как с броненосца, так и с береговых батарей. Но катера неслись уже на полных порах. «Синоп» налетел первый и пустил крылатую мину; за ним ударил «Наварин» и затем «Минер». Все три мины попали: две разорвались под самой серединой броненосца, третья - под трапом. Раздался взрыв, и «Ассари-Шефкет» сильно накренился на бок. В это самое время «Синоп» схватился с турецким катером, стоявшим у самого борта броненосца. Произошла рукопашная свалка, турки защищались отчаянно баграми и веслами; командир «Синопа» лейтенант Писаревский был ранен в голову; турки захватили его крючьями и едва, не стащили в воду, но бравая команда отбила и выручила своего офицера. Все это было делом одной минуты. Едва «Синоп» оттолкнулся от борта, как последовал новый взрыв, и турецкий катер исчез под водой. На броненосце послышались крики ужаса, вопли и стоны погибающих». «Я в это время стоял с «Чесьмою», - рассказывает Зацаренный, - у самого носа броненосца. Крики и вопли смутили меня; они могли доноситься с одного из наших катеров, а потому я счел священною обязанностью подать им помощь. Имея готовую мину, я бросился вдоль берега от носа к корме броненосца и сам попал в страшный водоворот, в массу сыпавшихся на меня людей и обломков. Сам броненосец, накреняясь все больше и больше, нажал наконец на мой катер так, что смял весь его правый борт, а налетевшая волна, произведенная размахом броненосца, залила нас наполовину; «Чесьма» накренилась, и на ней все полетело - и люди и батареи; последние разбились; мина моя зацепилась также за какой-то обломок, и пришлось обрубить ее». Видя, что «Ассари-Шефкет» опустился уже кормою в воду, я с большим усилием от него оттолкнулся и выбрался на чистое место. В это время весь корпус его уже погрузился в воду и на поверхности виднелся только один рангоут. Все дело продолжалось не более пяти минут, и наши катера, выйдя на рейд, понеслись обратно к пароходу.»

Это было как нельзя более кстати. В ночном тумане, расстилавшемся над морем, с «Константина» заметили высокий рангоут турецкого броненосца, быстро приближавшегося к нашему пароходу. Надо было спасаться. Люди утроили силы, и катера взлетели к верху один за другим, Когда три катера были подняты, показался другой броненосец. Но в это время

четвертый катер отделился уже от воды, и машина начала работать полным ходом. Весь подъем шлюпок продолжался около семи минут, и только благодаря этой быстрой работе «Константин» успел уклониться от неравного боя.

«Я не могу нахвалиться распорядительностью лейтенанта Зацаренного, - доносил Макаров, - да и вообще потопление купеческих судов, у самого Константинопольского пролива, и вылазки, подобные тем, которые мы произвели, нападая на Батум, Сулим, Гагры и Сухум, можно делать безнаказанно только при той лихорадочной любви к делу, с которой все до последнего матроса исполняют свой долг на вверенном мне пароходе».

Донесение Макарова вызвало следующий приказ по черноморскому флоту: «Объявляя о новом лихом деле с блестящим результатом, которое вносит в список славных дел нашего флота еще новый подвиг, я выражаю мою сердечную благодарность бравому командиру лейтенанту Макарову и всем чинам парохода «Великий князь Константин» за столь славное и геройское исполнение своего долга. Государю императору и августейшему генерал-адмиралу доношу обо всем телеграммой.

«Радуюсь, - отвечал государь, - новому славному подвигу молодцов-черноморцев; объяви им мое сердечное спасибо и поспеши представлением отличившихся.»

Генерал-адмирал в свою очередь отвечал телеграммой: «Что за богатыри, наши дорогие моряки! Счастлив, что им удалось порадовать государя!»

Макарову пожалован был чин капитан-лейтенанта и орден св. Георгия 4-й степени.

Газ. «Кавказ», 1904 г., №125.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «О ДЕЙСТВИЯХ ПАРОХОДА «В.К. КОНСТАНТИН» НА СУХУМСКОМ РЕЙДЕ»

Помещаем ниже приказы главного командира черноморского флота и портов, заключающие в себе подробности взрыва миноносными катерами парохода «Великий Князь Константин» турецкого монитора, стоявшего на рейде в Сухуме.

«Августа 15-го дня 1877 года, № 416. Предписав командиру парохода «Великий Князь Константин» отправиться 4-го числа

сего августа, к кавказскому берегу для содействия нашему сухопутному отряду, следовавшему под командою полковника Шелковникова в Абхазию, я объявил уже о своевременной помощи, оказанной этому отряду командиром «Константина», который основываясь на полученной мною телеграмме от полковника Шелковникова, дал ему возможность отвлечением турецкого броненосца пройти ущелье и одержать блистательную победу. Затем, командир «Константина», побывав в Сочe и Новороссийске, направился в Сухум, где, в ночь с 11-го на 12-е августа, произвел своими четырьмя миноносными катерами нападение на стоящий на рейде в Сухуме турецкий броненосец и взорвал его. Об этом доблестном деле лейтенант Макаров доносит мне из Ялты телеграммою, которую с особенною радостию спешу объявить во всеобщее сведение по черноморскому флоту.

Лейтенант Макаров телеграфирует следующее:

«Получив приказание вашего превосходительства отправиться к кавказскому берегу и оказать содействие войскам полковника Шелковникова, я решил, если позволят обстоятельства, ночью напасть на броненосец, а днем отвлекать их от берегов. Посланные на этом основании на рекогносцировку, в ночь с 6-го на 7-е августа, минные катера искали броненосцев между Гагрой и Сандрипш, но не нашли, а с рассветом, показавшись на вид Гагринского рейда, я этим маневром отвлек в море стоявшего там броненосца, который, погнавшись за «Константином», преследовал его около двух часов, чем и была спасена одна из колонн отряда полковника Шелковникова, которая иначе была бы под неприятельским огнем. В ночь с 7-го на 8-е августа минные катера, в течении трех часов, при сильной зыби и грозе, искали снова броненосца в Гаграх, но безуспешно. В это время начинались лунные ночи, а потому я пошел в Новороссийск, имея в виду воспользоваться для своих поисков затемнением луны. Хотя я и предполагал встретить на сухумском рейде боны, но решился атаковать неприятельские суда на этом рейде на том основании, что, в случае удачи, затопленные в Сухуме броненосцы легче могут быть подняты после войны. Вечером 11-го числа, подойдя к Сухуму, я спустил минные катера: «Синоп» - лейтенант Писаревский, волонтер

мичман Подъяпольский, вольный штурман Беляков и пять нижних чинов; «Чесна» - лейтенант Зацаренный, волонтер вольный штурман Максимович, вольный машинист Нагорский; «Минер» - мичман Нельсон-Гирст, волонтер минный офицер лейтенант Королев и пять нижних чинов; «Наварин» - лейтенант Вишневецкий и пять нижних чинов. Катера, общее начальство над которыми было поручено минному офицеру лейтенанту Зацаренному, отвалили, как всегда, в полном боевом порядке. Предположено было сперва взорвать бон, потом напасть на два броненосца одновременно. Катера, приблизившись, как только началось затмение, вышли на рейд, освещенный пожаром, горевшего госпиталя и большими кострами; они нашли на рейде только одного броненосца типа «Шевкет», Тогда, по приказанию лейтенанта Зацаренного, все катера пошли в атаку к правому борту неприятельского судна, в линии кильватера. Каждый из них был уверен, что имеет в резерве лучший катер с бравым товарищем, который всегда выручит. Вслед за окликом, броненосец открыл ружейный огонь, а с берега посыпались туча пуль и картечей. Первым шел и взорвал мину катер «Синоп», вторым «Наварин», третьим «Минер»; лейтенант Зацаренный, на катере «Чесма», кинувшись вслед за катерами, чтобы помочь кому нужно, попал в кучу обломков и громадное волнение от раскачавшегося взрывами броненосца, но ловко и благополучно выпутался. Через пять минут после начала атаки все катера были уже далеко от неприятеля - на месте сбора не было только катера «Минер»; лейтенант Зацаренный, на своем быстроходном катере, искал его и когда все собрались, то направились к пароходу «Константин» и, благодаря Бога, все в целостности. Оказалось, что катер «Синоп» сцепился с гребным катером, стоявшим у борта броненосца. Произошла рукопашная схватка, турки дрались веслами, причем пробили лейтенанту Писаревскому голову и отпорным крюком едва не стащили в воду, но бравая команда спасла своего лейтенанта и меткими выстрелами отбилась от неприятеля. Все произведенные три минных взрыва были очень хороши; из них - взрыв катера «Синоп» поднял столб черной воды, - вероятно удар пришелся в угольные ящики; взрывом катера «Наварин» сильно раскачало броненосца, взрыв катера «Минер», где волонтером был минный

офицер лейтенант Королев, был взрыв глубокий и хорошо направленный. Я убежден, что броненосец потоплен. Каждый взрыв сопро-вождался громкими «ура» на всех катерах. На броненосце поднялся ужасный крик, но слышна была чья-то отчетливая команда и тревога. Вообще, он сопротивлялся слабо, тогда как с берега открыт был сильный огонь. Уже в 4 $^1/_2$ часа, когда значительно рассвело, лейтенант Зацаренный, распорядительностью которого я не могу нахвалиться, возвратился на пароход с катерами, при громких криках «ура», которым мы от души отвечали. Прикрытием для катеров, высланных генералом Оклобжио, воспользоваться, к счастию, не пришлось. Удостоверившись, что все бывшие катера вернулись благополучно и здоровы, я приказал как можно скорее поднимать катера. В это время штурманский офицер заметил в тумане рангоут с правой стороны. Жаль было бросить катера. Люди утроили свои силы и катера взлетели кверху один за другим. Когда три катера были подняты, показался рангоут и корпус с другой стороны. В это время четвертый катер отделился от воды и машина начала работать полным ходом. Весь подъем шлюпок продолжался около семи минут, и только благодаря этой быстрой работе, катера были спасены. Потопления купеческих судов у самого Константинопольского пролива и вылазки, подобные тем, которые мы произвели, нападая на Батум, Сулим, Гагры и Сухум, можно делать безнаказанно только при той лихорадочной любви к делу, с которой все до последнего матроса исполняют свой долг на вверенном мне пароходе».

Объявляя по флоту об этом новом лихом деле, с блестящим результатом и без малейших потерь, которое вносит в список славных дел нашего флота еще новый подвиг, я ставлю себе приятным долгом выразить мою сердечную благодарность бравому командиру, лейтенанту Макарову, всем офицерам и команде парохода «Великий Князь Константин» за столь славное и геройское исполнение своего долга.»

В следующем затем приказе от 16-го августа за № 417 изложено:

«В ответе на всеподданнейшее донесение мое, по телеграфу государю императору о последнем молодецком деле парохода «Великий Князь Константин» на Сухумском рейде и о блестящих

результатах этой лихой атаки, я имел счастие получить от его императорского величества телеграмму следующего содержания:

«Радуюсь новому подвигу наших молодцов черноморцев; объяви им мое сердечное спасибо и поспеши представлением отличившихся.»

В то же время я имел счастие получить также следующую телеграмму от его императорского высочества генерал-адмирала:

«Что за богатыри наши дорогие моряки! Счастлив что им удалось опять порадовать государя; с нетерпением жду дальнейших подробностей. Сколько раненых и как здоровье раненого лейтенанта? Кто командовал минными катерами?»

Сообщив немедленно эти драгоценные слова государя императора, и нашего августейшего генерал-адмирала командиру парохода «Великий Князь Константин» лейтенанту Макарову, я, имея в виду поделиться этою радостью со всеми сослуживцами, спешу настоящим приказом объявить обе телеграммы по вверенному мне флоту и управлению».

Газ. «Русский инвалид», 1877 г., №186.

ИЗ СТАТЬИ «ЧЕРКЕСЫ В ТУРЦИИ»

Известно, что во время кавказской войны среди черкесов являлись турецкие агенты, подстрекавшие их к враждебным действиям против России и к продолжению неравной борьбы. Турция же подстрекала Шамиля и чеченцев. Она давала советы, как друг, но хуже не мог посоветовать и злейший враг. Горцы воевали, т.е. умножали свои страдания, не зная ни силы России, ни планов, ни намерений ее относительно себя и своей родины. Все это истолковывали им дальновидные турецкие агенты и их английские друзья, принимавшие даже депутации от Кабарды в Лондоне. Турция и Англия ответственны в высшей степени за последствия вражды горцев к русским на Кавказе, обе как подстрекательницы.

Война кавказская кончилась, горцы усмирились. И тут же не прекратились козни мнимых друзей их. Россия обратит вас в христианство, насильно сделает вас гяурами и будет брать в солдаты - так пугали эти друзья горцев, после окончательного покорения Кавказа. Наше правительство объяснило горцам свой образ действий относительно их и свои будущие планы и намерения относительно их родины. «Эмигрируем к падишаху!» - решил нафанатизированный муллами и посланцами Порты народ - и пошла эмиграция, злополучная, обруганная всеми в свое время, бедственная эмиграция. Упрекали за нее, конечно, русское правительство, тогда как следовало упрекать турецкое, давно задумавшее, с английскими друзьями, колонизовать черкесов, своих сородичей, между болгарами и боснийцами. По задуманному плану, они должны были составлять охранную, постоянную стражу для Турции от восстающих славян. План верно рассчитан, цель ныне «прекрасно» достигается. Посыпались беды на несчастных славян от новых соседей.

О страданиях эмигрантов в свое время много писали и в русской печати и особенно, в сердобольной иностранной. Нечего воспроизводить это. Важно теперь вспомнить, как благоустроили турки своих гостей единоплеменников, единоверцев, искавших помощи, братского сочувствия... На кавказско-турецкой границе, в Карсском пашалыке - эмигрантам отвели голые камни без леса, без воды, так сказать, на припеке солнца и луны... Турецкие власти нимало не заботились о гостях-братьях; эти последние переносили, получив оседлость, всякие лишения и нужда заставили их, на первое время сродниться с курдами по ремеслу воровскому. В числе этих эмигрантов был /вожаком/ и генерал-майор русской службы, богатый человек, осетин Мусса Кундухов /мусульманин/, пожелавший променять старое отечество на новое. Эмиграция состояла из осетин, чеченцев, ингуш и отчасти кабардинцев. Они призваны теперь защищать турок... и, как известно, Кундухов занимает важный пост на теперешнем театре военных действий. Плохим друзьям и плохая защита. Эмигранты жаждут возвращения на родину, о чем не перестают просить с самого отправления своего; многим удалось возвратиться, а многие доселе ждут, как пленники.

В то время, когда еще происходила конференция, из Карсского пашалыка являлись «случайные» вестовщики между горцами,

предсказывавшие близкую войну Турции против России, ну и, разумеется победу над гяурами. Можно было записать кое-какие рукописные стихи, которые читали немногие, ради интереса, с целью узнать, что в них содержится. Так утверждала молва. Странное дело, всякий мулла-проходимец, всякий ханжа ради тщеславия и популярности побывавшие в Медине и приобретшие чалму хаджи, является истолкователем воли Турции, - и народ терпит их, ради святости. Впрочем, горцы несколько научились из прошлых опытов, чтобы не верить этим обманщикам...

Перейдем теперь к европейской ветви эмиграции, или к тем черкесам, которые прославились в сербско-турецкой войне и болгарской резне. Настрадавшись от морской болезни в пути, с семействами, с грудными детьми, перенесши разные лишения, настрадавшись от холода и голода на стамбульских площадях* , эмигранты были наконец отправлены в Болгарию селиться. На первое время приютили их в болгарских деревнях, в болгарских хижинах. - Мы не отказали им ни в помещении, ни в доставлении помощи для пропитания на первое время; нам жаль было их... Но турецкие власти заставили нас работать на них, строить им дома, пахать землю и вообще заниматься устройством их поселений, сами черкесы не имели денежных средств для заведения хозяйства, не могли и не хотели работать; пошли насилия с их стороны, грабежи, воровство. Мы их возненавидели, они - нас. Туркам как будто это и нужно было. - Такой отзыв слышали мы в 1867 году от развитого болгарина, бывшего

---

* На пути и в самом Константинополе погибло от болезней и бедствий, от крушения пароходов множество эмигрантов. На кавказском берегу Черного моря англичане и турки красавицами набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда и удержать на родине. Поставщики гаремов и турецкие покупщики остались, вероятно, в больших барышах от вашего товара... В «Киевлянине», кажется за 1864 - или 65 г.» было напечатано письмо с трогательными сценами на одной константинопольской площади, где расположились эмигранты с семействами. Плач, стоны больных, крики детей, изнуренные и грустные лица... Одна из женщин узнав, что возле стоит русский офицер, обращается к нему, с плачем отрезает косу и просит его бросить ее на родине, когда он возвратится туда, говоря: «Ведь мы дышали одним воздухом – земляки!» Вероятно, русский вырос нравственно в глазах врага, узнавшего бессердечность и бесчестность турецкого правительства.

в Болгарии, когда там селились черкесы. На первое время они были поселены на хорошей земле. Она принадлежала помещикам, которым правительство обещало платить и платило за пользование землею эмигрантами, известную плату; казенных взносов за землю черкесы пока не делали. Потом им объявили, что они должны платить разные земельные сборы - правительству, помещикам и арендаторам. Они отказались; начались ходатайства о предоставлении им земли без платежа податей, по крайней мере - помещикам и арендаторам. Им предложили переселиться в другие места, на свободные земли, не помещичьи, которые оказывались малогодными или никуда не годными. Они не соглашались переселиться; тогда пригнали вооруженную силу и заставили их перекочевать на места малоплодородные, безлесные и, вероятно, уцелевшие от раздачи заслуженным лицам по негодности. Так упокоились «земляки наши» и враги, оставившие нас с ненавистью. Болгары - народ не воинственный, трудолюбивый и хозяйственный, эмигранты, напротив, воинственный, храбрый, не любящий работать, неумелые в хозяйстве; первые безоружные, вторые вооружены. Можно себе представить все последствия такого соседства, особенно при том условии, что черкесы не получили хороших земель, что оба народа питали друг к другу религиозную нелюбовь. Тут еще несчастное восстание Болгарии, московские гяуры /старые враги черкесов/, опасность исламу: храбрых и страстных джигитов спустили на бедных безоружных болгар. Что вышло, известно. Но кого винить в вине черкесов? Только турецкие власти; они подготовили эту резню, они создавали для нее все необходимые условия, и, когда нужно было дали свисток к избиению, к резне, к погромам! Болгарам досталось бы от них даже и в том случае, если бы ни один из них не восстал против турецкого правительства: стоило для этого черкесам сказать только десяток зажигательных слов. Как возможно дозволить в одном государстве существование таких враждебных элементов в соседстве!

Итак, черкесы «отличаются», «воюют» по своему, ради приверженности к турецкому правительству, к султану? Нисколько. Для них, это вопрос хлебный, но не политический, верноподданнические чувства тут в стороне. При несколько

других условиях, при иной постановке дела в Болгарии, они, черкесы, обратили бы оружие против общего врага, против Турции, причинившей им столько несчастий - своими агентами и прямыми подстрекательствами на Кавказе, наконец, заманившей их в свои когти; как тушителей славянского жара.

Горец.

Газ. «Кавказ», 1877 г., №134.

СТАТЬЯ «К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ АБХАЗСКОГО ВОЗМУЩЕНИЯ»

В № 185 газеты «Голос» помещена, корреспонденция из Зугдид, автор которой, прося не верить тому, что абхазцы начали сознавать свою ошибку, - с уверенностью, не допускающею возражения, указывает нам причины абхазского возмущения. Так как указание это сделано специальным корреспондентом, т.е., по нашим понятиям, лицом облеченным доверием редакции и, в силу этого, обязанным строго и разумно относиться к затрагиваемым им вопросам, то полагая, что его мнение о причинах возмущения абхазцев разделяется редакцией «Голоса», мы не считаем себя вправе пройти молчанием измышления г. специального корреспондента.

Он говорит: «я не видел и не знаю народа более легального, чем абхазцы; у них свои понятия о правде и справедливости во многих отношениях, но эти понятия глубоко вкоренены в абхазских нравах; законность для них святое дело. А между тем, они в последнее время не только были оскорблены в этих именно своих чувствах, но были самым несправедливым образом обманываемы. Для абхазца земельный вопрос - один из самых жизненных, и он был разрешен несправедливо: благодаря многим ходам, о которых говорить теперь не время, у абхазцев отрезаны лучшие земли, которые перешли к фамилиям, ненавидимым в Абхазии. Уже в то время, несколько лет назад, абхазцы готовы были взяться за оружие; но им было обещано, что дело будет пересмотрено и «ошибки» исправлены; шли года, а об

исправлении ошибок никто и не думал. Абхазцы, оскорбленные и обиженные, давно уже точили ножи и, конечно, взялись за оружие при первом удобном случае. С какой стати положат они его теперь?»

Предоставляя администрации Сухумского отдела опровергнуть возводимые на нее обвинения, мы остановимся только на второй половине обвинения корреспондента, касающейся неправильного разрешения земельного вопроса в Абхазии. Эта часть тирады, по нашему мнению, доказывает одно из двух: или крайнюю недобросовестность корреспондента, который, принадлежа сам к одной из заинтересованных сторон, под видом порицания земельной реформы в Абхазии старается провести свой взгляд; или полное его невежество в затронутом им вопросе. Мы склонны, конечно, предполагать последнее и для того, чтобы сообщить автору корреспонденции то, что он должен был знать прежде чем взяться за перо, - мы кратко изложим основания, принятые для разрешения земельного вопроса в Сухумском отделе и самый характер приведения реформы в исполнение.

Высочайше утвержденным 8 ноября 1870 г. Положением (ст. 24) за всеми жителями Сухумского отдела, к какому бы сословию они ни принадлежали, утверждаются на праве полной собственности все земли, составляющие по местному обычаю частную собственность каждого лица или дыма.

Полагаем, что более широкого признания прав на земли быть не могло: и в действительности, Абхазия, чуть ли не единственный уголок в России, в котором признана земельная собственность за всеми жителями без исключения, даже за лицами самого низкого сословия - ахашал (раб). В России и на Кавказе, в смежных с Абхазией губерниях, земля признана принадлежащею лицам высших сословий и, уже не говоря о рабах, крестьяне-землепашцы обязаны выкупать те земли, которые в размере, указываемом условиями каждой местности, признаются необходимыми для существования семьи.

Выработка подобных сказанным выше оснований, полагаем, исключает всякую возможность упрека в пристрастном и недобросовестном отношении к делу учреждения, на обязанности которого лежало изучение быта народа и составление положения о земельном его устройстве.

Такой постановкою земельного вопроса в Сухумском отделе, исключающую возможность эксплуатации труда и почти нового закабаления низших сословий, могли быть недовольны только лица высших сословий: тавад и амиста, что в действительности и было и что, как можно догадываться, и подало повод корреспонденту написать, что жители жаловались на неправильное решение земельного вопроса. Совершенно неосновательно заявление корреспондента, что жалоба лиц привилегированных сословий Сухумского отдела не была рассмотрена. Она была обследована особою комиссией и затем доклад комиссии по этому делу со всеми сделанными ею опросами был рассмотрен в Тифлисе, в комитете по устройству туземного населения, при участии депутатов, избранных самими же привилегированными сословиями. Решение, неблагоприятное для высших сословий, последовало не потому, чтобы хотели отобрать землю у одних и передать ее другим, а потому, что притязания высших сословий были основаны не на действительных правах их, а на желании добиться разрешения земельного вопроса в смысле исключительно - благоприятном для их интересов, т.е. добиться признания земли принадлежностью лиц высших сословий, как это сделано в Мингрелии. Из этой последней и послана корреспонденция, что нам и дает право заподозрить корреспондента если не в принадлежности его к какой-либо из заинтересованных сторон, то, по крайней мере, в эксплуатации его незнания лицами заинтересованными делом.

Что земельный вопрос в Сухумском отделе разрешен не односторонне, т.е. не в интересах одних низших сословий населения, это корреспондент мог бы увидеть из 27 ст. того же высочайше утвержденного положения, по которой: из земель, не составляющих частную собственность лицам привилегированных сословий должно быть отведено от 25 до 250 дес. на двор.

Ограниченное строго в своих действиях высочайшею волею, учреждение, приводившее в исполнение земельную реформу, весьма понятно, не могло делать никаких отступлений, тем более в такой грубой форме, как отчуждение лучших земель у жителей и передача их фамилиям ненавидимым абхазцами. Мы бы

просили корреспондента указать нам эти последние фамилии. Убеждены, что он не в состоянии этого сделать.

Стоя близко к осуждаемой корреспондентом реформе, мы можем положительно уверить, что из туземцев до настоящей войны надел произведен окончательно (т.е. обмежеван и произведен ввод во владение) камер-юнкеру двора его величества Георгию Шервашидзе, сыну оказавшего в войну 1853-56 г. услуги правительству, полковника гвардии Дмитрия Шервашидзе и проектирован надел полковнику гвардии Григорию Шервашидзе. Надеемся, что корреспондент, приписывающий такое большое влияние фамилии Шервашидзе, что оно повлияло даже на недружелюбное отношение к нам Мингрелии, не станет доказывать, что фамилия Шервашидзе ненавидима в Абхазии.

Кстати, по поводу последней фразы г. корреспондента. Мы убедительно просим его объяснить нам, какая логическая связь существует между притязаниями владетеля Абхазии на Самурзакань и замеченным им неудовольствием противу нас мингрельцев - неудовольствием, положительно вымышленным корреспондентом, что доказывают несколько мингрельских дружин, отлично дерущихся в настоящее время в наших рядах. Какая связь, наконец, существует между Мингрелией и Самурзаканью. Зная существующие между этими частями прибрежья отношения, мы положительно можем уверить, что в приведенной фразе корреспондента столько же логики, как, например, в следующей: Макар Петров недоволен Степаном Кузьминым, потому что Сидор Иванов украл козу у Егора Макарова. Правда, корреспондент поставил эту замысловатую фразу между кавычек: но ему, по его собственным словам, не дающему веры слухам, не следует распускать нелепостей, бросающих дурную тень на целое население.

Но возвратимся к поземельной реформе в Сухумском отделе. Приведение ее в исполнение, на основании выраженных в Положении, при разбросанности и многочисленности частных владений, весьма естественно должно было потребовать значительных средств и значительного периода времени, тем более, что наделу землею должно было предшествовать определение родов и лиц высших сословий края и освобождение зависимых сословий. На эти предварительные работы было потрачено около пяти лет (обязательный период выкупа стоимости повинностей зависимых сословии определен

Положением четырехлетний с 19 февраля 1871 года) и только в начале 1876 года, по окончании съемки, было приступлено комиссиею к проектированию наделов. К началу настоящей войны был окончен проект наделов четвертой части Сухумского отдела, именно Гумистинского участка, жители которого, согласно особой милости великого князя наместника, были допущены к пользованию, независимо от земель, составлявших их частную собственность и находящихся все время в их пользовании, теми участками свободной земли, которые вошли в их наделы.

Г. специальный корреспондент «Голоса», не имея понятия о деле, о котором он трактует, позволил себе употребить фразу: «благодаря многим ходам, о которых говорить теперь не время», дающую право предполагать, что при проведении земельной реформы в исполнение имели место какие-то интриги. Жаль очень, что корреспондент так неуместно скромен и признает не своевременным говорить об этих интересных ходах. От прибавки одной лишней сплетни ко всем написанным им, корреспонденция его, право, ничего бы не потеряла.

Как доказательство полного незнания корреспондентом предметов, о которых он говорит, мы можем удостоверить, что поименованных им названий сословий «дзыныки» и «мониамы» никогда не существовало, и что страшный абхазский владетель, так гибельно, по словам корреспондента, действующий на настроение к нам мингрельцев, умер в Воронеже в 1865 году, а с 1866 г. воспрещено проживание в Абхазии не только семейству бывшего абхазского владетеля, но и ближайшим его родственникам,

В заключении не можем не высказать своего удивления редакции «Голоса», печатающей под видом специальной корреспонденции всякое случайно попавшее к ней письмо, не заботясь о том, насколько выставляемые в письме факты верны. Присоединение части абхазцев к туркам само по себе явление весьма не отрадное и, по нашему мнению, заслуживающее того, чтобы к нему отнестись серьезно и постараться устранить возможность повторения этого грустного явления на будущее время. Для этого, конечно, необходимо выяснить причины, заставившие абхазцев изменить нам: но при выяснении причин нужно быть крайне осторожным и вымышленными причинами не затемнить настоящих. Указанная корреспондентом причина

- неудовольствие жителей на разрешение и приведение в исполнение земельной реформы - впервые появляется в печати, но, как слух, она появлялась несколько раз. Для прекращения подобных слухов мы должны указать факт, имеющий весьма важное значение: к началу настоящей войны проект наделов был окончен в одном Гумистинском участке и жители его, как сказано выше, были допущены к полному использованию проектированными к отводу им землями. Между тем первые присоединявшиеся к туркам были именно жители этого участка; они же имели первое вооруженное столкновение с нашими войсками на Акапских высотах и они же поголовно теперь выселились в Турцию. Следовательно, надо полагать, что не неправильное разрешение земельного вопроса и медленное приведение этого решения в исполнение были причинами измены абхазцев, а существовали какие-то другие причины. Раскрытие этих последних причин и могло бы принести пользу в будущем, но, конечно, раскрытие их не людьми, подобными специальному корреспонденту «Голоса», а лицами, более добросовестно относящимся к делу и знакомыми с положением края.

Газ. «Кавказ», 1877 г., № 182.

«ВЗЯТИЕ СУХУМА» (0ТРЫВОК ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА). СУХУМ, 23-ГО АВГУСТА.

«20 августа мы взяли Сухум после трехдневного боя.

17-го числа наш отряд приблизился к Сухуму на пять верст и остановился бивуаком в ущелье скрытно от неприятеля. В ночь на 18-е августа охотники нашего отряда напали на передовые посты неприятеля, турки осыпали их градом пуль, подняли тревогу во всем своем лагере, пушечные выстрелы доказывали, что с батареи артиллерии турок не жалели снарядов. Но благодаря ночному мраку, снаряды и патроны турками были потрачены бесполезно. Охотники наши подняли на ноги турецкий лагерь, исполнив свою задачу, скрылись в кустах и заняли свое прежнее место без потерь; не было даже ни одного раненого.

1-го числа, рано утром, начальник штаба нашего отряда производил рекогносцировку неприятельской позиции.

Охотники заняли секретные посты вблизи неприятеля. Для рекогносцировки были взяты 4-я стрелковая рота и в резерв еще три линейных роты. Только что стрелки вышли из ущелья и поднялись с ротою на большую сухумскую дорогу, на седловину, соединяющую две высокие горы, как с кургана перед Сухумом раздался пушечный выстрел и просвистела первая граната; она упала шагах в пятнадцати и осколки засвистели в воздухе, а дым с пылью покрыл место падения снаряда. Признаться, первая неприятельская граната произвела на меня впечатление крайнего удивления. Падает граната в 40 шагах, разрывается и ни один осколок не падает в густую колонну стрелковой роты. Турки открыли канонаду с двух батарей, снаряды то перелетали, то не долетали. Прошли еще три роты – то же самое. Окончив рекогносцировку, мы вернулись на свою позицию, провожаемые турецкими гранатами. Турки метили хорошо, снаряды ложились удачно, но выбор снаряда был крайне неудачный. Им следовало стрелять картечными гранатами, а они стреляли простыми. Вернувшись с рекогносцировки, 4-я стрелковая рота была послана на высокую гору, занять сторожевой пикет, на смену 3-й стрелковой роте.

С большим трудом мы взобрались наверх по почти отвесной скале, поросшей лесом.

Расставив сторожевую цепь, я с своим субалтерн-офицером, прапорщиком Голициным, отправились на нее, взяв себе по нескольку пачек патронов.

Вершина горы была покрыта вековым лесом, а скат, обращенный в неприятельскую сторону, имел совершенной иной характер. Мелкий кустарник, прогалины, поросшие бурьяном и отдельно стоящие высокие деревья позволяли удобно рассмотреть всю впереди лежащую местность. Этим обстоятельством мы и воспользовались. Осторожно мы спустились по горе и выбрали себе обсервационный пункт на дереве, на которое мы и влезли.

С этого дерева нам отчетливо было видно все боевое расположение неприятеля. Шесть батарей с ложементами для резервов в цепи, построенных на высотах, окружающих Сухум с трех сторон, усиливали уже и без того сильную по своему

местному положению позицию турок. На всех доступах к этим батареям были устроены всевозможные препятствия: проволочные сети, волчьи ямы, частокол и, как впоследствие оказалось, с восточной стороны фугасы. В четырех местах были видны лагерные палатки. Три монитора, два военных корабля и несколько шхун стояли на якоре вокруг Сухума полукругом. Охваченный этим грозным турецким кольцом со всех сторон лежал наш несчастный Сухум. Не было в нем видно признаков жизни, мрачная тишина царствовала в городе. Лишь только вечерние сумерки покрыли окружающую местность, как яркое зарево осветило прибрежье Сухума, густыми темными клубами дым взвился к небу. Сухум горел в нескольких местах. Всю ночь огонь свирепствовал в городе. Утром 19 числа пушечная пальба с востока возвестила о наступлении отряда генерала Алхазова, Пальба учащалась, началась и ружейная; бой завязался серьезный; часам к 10 утра, четвертая рота получила приказание спуститься с горы и во главе авангарда двинуться по направлению к Сухуму. Цепь охотников была впереди. За ней шла четвертая стрелковая рота, наша горная батарея в два орудия и 3 стрелковая рота. Остановились мы в балке, шагах в 1.000 от одной и в двух верстах от другой турецких батарей. Гранаты, ружейные пули шипели, трескались и свистели безостановочно. У меня был дальномер Ле-Буланке. Начальник авангарда, командир нашего полка, полковник Трейтер, спросил меня не желаю ли я определить расстояние до обеих неприятельских батарей. Конечно, я пожелал и вместе с командиром батареи, подполковником Горбатым, мы поднялись из балки на место, избранное для наших орудий и, определив расстояние, которое оказалось в точности верным, мы вернулись. Вслед за тем выехала на позицию наша батарея. Обе наши стрелковые роты составили прикрытие. Началась борьба артиллерией. Более часа наши артиллеристы отвечали на *усиленный огонь двух на нас* обращенных батарей. Наконец, замолчала меньшая, затем и большая неприятельские батареи, - артиллерия свое дело сделала. Перестрелка в цепи продолжалась оживленная, все ближе к батарее подходили наши охотники, пока наступление вечера не прекратило ожесточенного боя. Ночью турки очистили батарею против нашего правого фланга.

На 20-е августа было назначено штурмовать укрепления с трех сторон; с севера, востока и запада: наш отряд с севера, отряд генерала Алхазова с востока и полковника Шелковникова с запада. Я получил приказание двинуться ночью с своею ротою в цепь против большой батареи, поддерживая связь с цепью охотников. В два часа ночи я тронулся с ротою и пошел по лощине, на противоположном берегу которой я расставлял цепь. Покровительствуемый темнотой ночи, я занял выгодную стрелковую позицию, охватив батарею во фланг. Турки и не подозревали моего приближения. Чуть стало рассветать, как со всех сторон началась пальба. При первых же выстрелах турки, видя свое опасное положение, бросились бежать к Сухуму, но так быстро, что я со стрелками насилу поспевал за ними пробираться чрез их ложементы и батарею; даже в самом Сухуме они не дали отпора, бросились в шлюпки и на шхуны; убитых они оставили в кустах и на берегу моря. Потери их трудно определить, ибо они бросали трупы в море. Панический страх нагнал на них отряд Шелковникова, батарея которого заняла позицию на высокой горе близ моря, к западу от Сухума. Торопливая стрельба турецкой артиллерии, а в особенности пехоты, в этот день не причинила нам никакого вреда, между тем как 19-го числа у нас выбыло из строя шесть человек ранеными, в том числе один тяжело раненый. В то время как Шелковников занял батарею к западу от Сухума, а Алхазов имел горячую перестрелку с востока, я с ротою, преследуя неприятеля по пятам, имел честь первым, совместно с охотниками вступить в Сухум и занял его своею стрелковою цепью, к тому же времени подошли и наши охотники. Резервы подходили сзади. Итак, 20-го числа утром, Сухум был занят нашим марухским отрядом, при содействии отрядов генерала Алхазова и сочинского – полковника Шелковникова. Громадное количество скота и лошадей они не успели забрать с собою и оставили нам. В настоящее время Шелковников со своим отрядом остался на берегу Черного моря, отошел от Сухума. Алхазова отряд расходится по частям, а наш отправляется обратным путем. Мы пойдем опять в Лабинскую».

Газ. «Кавказ», 1877 г., №199.

ПО ПОВОДУ ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЙ В АБХАЗИИ

Тифлис, 9 сентября

Турки оставили Абхазию. В результате временного занятия этой страны турками получились разорение и обезлюдение ее. Еще месяц тому назад - если верить газетным сообщениям - более 14.000 абхазцев оставили свою родину; население особенно уменьшилось в южной Абхазии, жители которой объятые паникой перед продвигающимся с юга ген. Алхазовым, целыми селениями бежали в Турцию. Турки, несмотря на неудачный исход занятия ими Абхазии, не остались в проигрыше и даже успели вывезти из Абхазии значительную массу населения, которая может со временем пригодиться для совершения полигонов в роде тех, какими себя уже ознаменовали черкесы, выселявшиеся в Турцию. Нечего распространяться о том, что эмигрировавшие абхазцы мало помалу утратят свой язык, свою национальность и сольются с турецким населением. Оставшиеся на родине менее или мало виновные абхазцы, доведенные до крайней нищеты, должны возложить все свои упования на великодушное русское правительство.

Бросим ретроспективный взгляд на подавленное уже окончательно движение в Абхазии. - Почему спрашивается, абхазцы не оказали надлежащего сопротивления высадившимся в их страну туркам? Будь Абхазия страна магометанская, еще было бы понятно поведение ее населения, но в Абхазии мусульманский элемент был весьма слаб (мусульманское население составляло в ней едва 30% общего числа жителей; вдобавок абхазцы были весьма плохими мусульманами и абхазские муллы с отдаленных времен составляли предмет насмешек для посещавших Абхазию турок). Далее, абхазцы по происхождению не имеют положительно ничего общего с турками; прочно-оседлого турецкого населения в Абхазии, можно сказать, не было - туда прибывали лишь для заработков и для торговли турецкие подданные и то на короткое время и в малом количестве. Турки не пользовались в Абхазии и особенною симпатиею; напротив того, вся новейшая история названной страны явно указывает на стремление последней освободить-

ся и от того слабого влияния, которое имела на нее прежде Турция. Этому стремлению надо приписать между прочим и успехи утверждения в Абхазии русского владычества.

Отчего же, спрашивается, довольно значительная часть абхазского населения примкнула в последнее время к туркам? «Северный Вестник», «Голос» и некоторые другие органы столичной прессы старались объяснить движение в Абхазии злоупотреблениями чиновничьего люда. Если принять на веру это толкование, то все-таки останется нерешенным вопрос, почему злоупотребления чиновников должны были проявляться сильнее в Абхазии. Вышеприведенное мнение оказывается уже несостоятельным в виду того обстоятельства, что правительство, произведшее в последнее время ряд реформ, имевших целью улучшение социального и экономического быта жителей, заботилось о сформировании лучшего служебного персонала для Абхазии. Если в среду последнего и пробрались своекорыстные люди, эксплуатировавшие население и подрывавшие таким образом доверие к самому правительству, то и эти субъекты навряд ли могут считаться единственными виновниками того движения, которое совершилось недавно. Нельзя в данном случае придавать особого значения и вопросу о земельном наделе, так как размер его был вполне удовлетворительный.

Нам кажется, что для надлежащего уяснения последних событий в Абхазии, нужно принять в соображение более существенные обстоятельства. Не подлежит сомнению, что этнографический, социальный, политико-экономический быт и мировоззрение абхазцев резко отличают их даже от соседних народов. При прежней политике, обращавшей главное внимание на небольшое число влиятельных лиц в крае, можно было без особого труда поддерживать в нем спокойствие, о чем преимущественно и заботились. Но в последнее время, вследствие коренных реформ, даровавших социальные права населению, агенты правительства поставлены были прямо лицом к лицу к народу. Самая задача правительства по отношению к Абхазии сделалась несравненно шире и сложнее: правительство решилось наделить эту страну, добровольно соединившую свою судьбу с судьбою великой державы, теми благами, которыми пользуются и обитатели других подвластных

последней земель. Открылась и для Абхазии эпоха прогресса. Но для этого ей пришлось расстаться с своеобразным, странным складом жизни, невыгодным во всех отношениях для жителей, но выработанным и освященным веками. В данном случав предстояло агентам правительства дело далеко не легкое: им нужно было низойти к понятиям народа и уметь растолковать ему все благодетельные последствия вводимых реформ. Здесь, кроме сильного желания принести пользу народу, необходим был большой запас терпения. Этого-то последнего свойства и недоставало многим агентам правительства на первых порах введения реформ в Абхазии. Отсюда возникло взаимное неудовольствие, поддерживаемое, вдобавок, подпольными интригами лиц, недовольных новым положением. Все это, как известно, разразилось задолго еще до настоящей войны с Турциею, бунтом, жертвою которого сделались агенты правительства. Весьма несправедливо было бы считать большинство погибших тогда чиновников нечестными людьми; но бесспорно и то, что они мало отвечали особым условиям этого края.

Самую существенную помощь правительству в его стремлении ввести абхазцев на путь прогресса могли бы оказать народные школы. Правительство обратило внимание на это обстоятельство. Благие намерения правительства встретили сильное сочувствие со стороны Общества восстановления христианства на Кавказе. Оно решилось обставить, как нельзя лучше в материальном отношении основанные им школы: начертало оно и вполне целесообразный план их устройства. Обществу оказал существенную помощь покойный Услар, изучивший абхазский язык и составивший алфавит для этого языка. В основу этого алфавита принята была русская азбука. Составлена была и книга для первоначального обучения абхазцев. Туземцы, при помощи которых изучил абхазский язык Услар, знали хорошо русский язык и благоговели перед Россией. Лучших наставников для основанных школ и нельзя было желать. Незабвенный наш кавказский деятель, горячо любящий Россию, заранее утешал себя мыслью, что Абхазия, просвещенная Россиею, свяжется с нею тесными, неразрывными не только политическими, но и нравственными узами.

Но обстоятельства не дозволили созреть доброму семени: школы перешли в другие руки и дела приняли совершенно другой оборот. Здесь не место входить в подробности дальнейшего ведения школьного дела. Масса населения по-прежнему коснела в грубом невежестве. Не удивительно, что они перешли на сторону Турции, которую они считали самою могущественною державою в мире. Теперь абхазцам приходится расплачиваться за свое невежество, причинившее затруднение и для России.

Печальные факты мы рассказали. Пессимист может из них сделать неутешительные выводы.

Газ. «Тифлисский вестник», 1877 г, №195.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СУХУМ» 30 АВГУСТА, 1877 г.

Сухум разграблен, сожжен, уничтожен дотла, - все новости старые, горькие; давно уже известны; еще раньше, 2-го и 3-го мая, Сухум пострадал несколько от выстрелов броненосцев и затем был подожжен абхазцами и разграблен. Даже и в это время от Сухума еще можно было ожидать реставрации, ибо сгорело не больше 1/3 части города; погорело, правда, много хороших домов, преимущественно деревянных; зато сгорели и кварталы, выстроенные без всякого плана. 20 августа мы въехали в город... Первое впечатление было ужасно, невыносимо.

В город я попал дорогой, ведущей в него из сел. Александровского через бывший лагерь на Абжавских[54] высотах. В самом лагере турок зарезанные животные, некоторые целые; от некоторых же отрезаны только самые лакомые части, валялись всюду; вдоволь полакомились в последнюю ночь турки на счет абхазцев (оба замечания верны). От лагеря по обеим сторонам дороги валяется масса скота и даже на самой дороге десятки коров, коз, буйволов и лошадей. Спустившись с горы на низменную площадку (от дома Чапарова к Сухуму), которая прежде представляла довольно болотистую поляну, покрытую травой и мелким кустарником, вправо от дороги к стороне речки

Безследки (правильнее р. Бесла), все пространство - версты на 3-4 был лесок, весьма почтенных размеров, густой, весь переплетенный ползучими растениями; вся эта местность как ладонь гладка; деревья срублены, болото выбито досуха животными. Первое здание, которое теперь ближе всех ко мне, - это громадный госпиталь. Еще два дня тому назад мы знали от перебежчиков-абхазцев, что госпиталь горит; теперь же он окружен небольшим дымом и печально курятся остатки стен, а между тем турки отлично знали, что это госпиталь. Над ним не один день висел флаг Красного Креста.

Мост через реку Безследку цел; испортить турки его не успели, а мост ценный, железный! У турок душа, я думаю, страдала от такого казуса; помилуйте, все сжечь и разрушить, подчас совершенно негодное, а русскую ценную вещь оставить.

Когда мы переехали мост, то стало очевидным, что хотя въехали в город, но по домам напрямик можно ехать, так же, как и по бывшим улицам! Вот и поехали мы прямиком прежде всего к «ботаническому саду».

Место сада было совершенно ровно; видно, что тут ходил скот. Нет следов тех восхитительных орехов, каштанов.. Впрочем, можно ли перечислить то замечательное разнообразие всех растений, которые с такими трудами были собраны в этом саду. Исчезли чайные кусты, банан, кактусы, геркулесы, поражавшие всех своей величиной, бесчисленное множество отличных лимонных деревьев. Турки не ограничились сжиганием домов; они по большей части все каменные крепкие стены взрывали и уничтожали дома до основания, и даже фундаменты расстроены в некоторых постройках. Телеграфная линия уничтожена весьма хитроумно: чугунные столбы отбиты при основании и брошены в море. Крепость осталась цела, т.е. такая же развалившаяся как и прежде. Собственно это небольшой квадратный клочок земли, обнесенный полуразвалившегося стеною, вместить в себя крепость может не больше 1-го батальона. Видно, что турки полюбили это место: приспособили северо-западную сторону к ружейной обороне и поставили пушку. Казарму в крепости не тронули. Срубили они тут красное дерево, которому по величине не было равного в целой Европе. Набережная цела.

С сильной головной болью от падали, которая на каждом шагу навалена, мы вернулись восвояси. Все потеряно в Сухуме, все пошло прахом!

P.S. Реки разлились, почты у нас нет, а потому корреспонденции мои так же запаздывают, как и письма, адресованные ко мне: по целому месяцу бродят!

Газ. «Тифлисский вестник», 1877. №204.

К ВОПРОСУ О БУДУЩЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ АБХАЗИИ

Передовая статья № 210 газеты «Тифлисский вестник» посвящена вопросу, кем заменить ушедшее население Абхазии[55]. Изыскания автора по этому вопросу приводят его к заключению, «что из всех наших племен и народов мингрельцы совмещают в себе все качества для успешной и выгодной для государства колонизации опустелой Абхазии». Качества эти, по словам автора статьи: привычка мингрельцев жить в стране, обладающей климатом почти таким же, как климат Абхазии и происходящая вследствие того как бы акклиматизация их, любовь и способность мингрельцев к труду, колонизаторские их способности и, наконец, политическая благонадежность. При поселении мингрельцев, по мнению автора статьи, культурное положение Абхазии быстро разовьется, громадные естественные богатства не будут пропадать непроизводительно, а получат сбыт и применение: «на благодатной почве Абхазии они (мингрельцы) могут развить земледелие до обширных размеров, предаться лесным промыслам, благодаря обилию богатейших лесов и придать обширные размеры виноделию.»

Если вопрос идет только о том, чтобы заселить кем бы то ни было Абхазию, возражать автору не приходится, так как мы сами убеждены, что Мингрелия без всякого затруднения может доставить необходимый контингент поселенцев. Но будет ли качество поселенцев отвечать их количеству - это вопрос совершенно иной, и нам кажется, что автор статьи разрешает его ошибочно.

Если бы мингрельцы обладали способностями и знанием для того, чтобы поднять культуру края, то, конечно, Мингрелия, пользующаяся полным продолжительным спокойствием, давно бы продвинулась в этом отношении. Что же мы находим в Мингрелии - посевы кукурузы и гоми встречающиеся в Абхазии и тот же первобытный, как и в Абхазии, способ обработки полей, те же допотопные земледельческие орудия, те же первобытные сады, те же патриархальные пацхи вместо удобных домов. Переезжая из Мингрелии в Абхазию, замечаешь только одну особенность - полное отсутствие путей сообщения в последней.

Мы бы просили автора статьи, доказывающего такое преимущество развития мингрельца перед абхазцем, указать нам хотя бы на какую-либо отрасль сельского хозяйства или промышленности, выдающуюся в Мингрелии. Мы по крайней мере, проживя около двадцати лет в Мингрелии и Абхазии положительно затрудняемся указать различие их даже в сельскохозяйственных и промысловых приемах. Мы думаем даже, что имей абхазцы пред глазами хорошие образцы хозяйства, они значительно опередили бы мингрельцев, так как по умственному развитию они значительно выше мингрельцев.

По мнению автора статьи, мингрельцы народ трудолюбивый. Полагаем, трудно назвать человека трудолюбивым, если его любовь к труду не простирается дальше того, чтобы приобретать только самое необходимое для удовлетворения самых скромных своих способностей и чтобы все остальное время употреблять на ничегонеделание. Между прочим мингрельцы, равно как и абхазцы, обладают любовью к труду именно в этих пределах. Тысячи мингрельцев, переселившихся вследствие недостатка земли на родине в Сухумский отдел, занимая лучшие во всех отношениях земли, в продолжении почти пятнадцати лет и, что главное, занимая их бесплатно, не в состоянии были устроить свои хозяйства и настоящая война застала последние ничуть не отличающимися от хозяйства абхазцев. Единственно, что внесли мингрельцы в Абхазию - это страсть к бесцельному уничтожению лесов, благодаря которой лучшие леса Абхазии - Коджельский, Гудавский, Репский и Драндский почти уничтожены. Уничтожение леса производилось при массе валежника, на топливо, на корм скота и поделки домашней

первобытной утвари и земледельческих орудий. Подобное употребление леса, как например, рубка векового дуба или ореха для выделки сохи, не думаем, чтобы привело к процветанию края, и избави Бог какой бы то ни было край от подобных эксплуататоров лесов.

Автор статьи тоже заблуждается, выставляя климатические условия Абхазии настолько вредными, что, по его словам, поселение какой бы то ни было национальности. исключая мингрельской, должны чуть ли не поголовно погибнуть. Не станем опровергать: приводимый им пример поголовной гибели от климатических условий Абхазии 80 сванетов в начале 60-х годов, хотя, проживя долго в Абхазии, мы ничего подобного не слышали, но думаем, что если это и действительно было, то приводимый случай может устрашить тех, кто не знает условий жизни в Сванетии. Полагаем, что ни одному колонизатору не придет в голову заселить край, имеющий среднегодовую температуру 15,7° сванетами, у которых подобная температура бывает только в продолжении нескольких июльских дней. Сванеты живут в горах у предела вечных снегов, думаем, что на них должно повлиять перемещение в теплый край так же, как повлияло на греков из Трапезунда перемещение в верховья р. Бзыби, в урочище Псху, где они наполовину вымерли. Подобные примеры доказывают только незнание лицами производившими колонизацию, условий местности, как той, где жили поселенцы, так и той, куда их поселяли. Доказательством этого может служить, что и другая колония трапезонтских греков, поселенная недалеко от Сухума, отнюдь не страдала от болезней и что отставные солдаты, поселенные в Псху и Цебелъде, не подвергались чрезмерной болезненности.

Не один только автор передовой статьи «Тифлисского вестника», но и многие другие судят о климате Абхазии по преданиям тридцатых и сороковых годов. Серьезному изучению, или вернее сказать, наблюдению, сколько нами помнится, климат Абхазии подвергся только один раз, в начале шестидесятых годов. Затем, несмотря на то, что вследствие восстановившегося на Кавказском побережье спокойствия, область наблюдения сделалась значительно обширнее и сами наблюдения более возможными. Об изменениях, происходивших в местных

условиях центрального пункта Абхазии - г. Сухуме знали только местные жители, и знали не по научным наблюдениям, а по собственному опыту... (далее идет несколько абзацев с описанием климата - сост.). Теперь-то позволяем себе констатировать факт, который, надеемся, подтвердят все жившие в Сухуме, что мингрельцы, проживавшие в Сухуме, подвергались заболеванию лихорадкой в одинаковой степени с другими. От природы слабый и значительно истощенный организм мингрельца-работника делал его еще восприимчивее других к заболеванию и это было причиной, что значительная часть их удалялась на родину на июль и август месяцы.

По мнению автора статьи, мингрельцы обладают способностями к торговле. Если под словом торговля понимать мелкое барышничество и умение всеми дозволенными и недозволенными способами выжимать копейку, то мнение автора верно, в этом отношении мингрельцы поспорят с евреями. Но мы не думаем, чтобы правительство выигрывало, вводя подобный элемент в прибрежное население, и чтобы оно передало еврейской эксплуатации мингрельцев оставшееся население Сухумского отдела. Неспособность мингрельцев к ведению торговых оборотов лучше всего доказывается тем, что несмотря на естественные богатства Мингрелии и Абхазии, вся внешняя торговля этих местностей находилась в руках армян и греков. Братья Бузиянц, Серкесянц, братья Метакса, Персопуло держали всю торговлю в своих руках, мингрельцы, как знающие местные наречья, служили у них только посредниками между ними и туземцами.

Оставляя в стороне вопрос о политической благонадежности мингрельцев, как вопрос в настоящее время несвоевременный, мы, на основании сказанного выше, приходим к такому заключению, что указывать на мингрельцев, как на лучших поселенцев, могущих заменить ушедших абхазцев, может только незнающий ни настоящего положения Абхазии, ни мингрельцев. Главное основание, приводимое автором статьи - приспособление организма мингрельца к климату Абхазии; если бы оно и действительно существовало, в настоящем случае не может иметь значения. Ушедшие в Турцию абхазцы принадлежали к Пицундскому округу, к участкам Гудаутскому и Гумистинскому.

Местность этих участков гористая и по климатическим условиям далеко разнится от Мингрелии. Следовательно, при выборе поселенцев нет надобности обращать особенного внимания, жили ли до этого поселенцы в болотистой местности или нет. Абхазия нуждается в поселенцах развитых, могущих быть образцами для оставшегося туземного населения, - мингрельцы сами нуждаются в развитии и кроме свойственных им пороков ничего неспособны привить населению, каковы абхазцы Абхазии нужны поселенцы трудолюбивые и предприимчивые, но предприимчивые не в смысле уничтожения естественных богатств, а в смысле разумного их эксплуатирования, - мингрельцы положительно не способны на это. Абхазии нужны поселенцы, безусловно преданные правительству и энергичные, которые могли бы отстоять свою самостоятельность и повлиять на туземное население так, чтобы заставить его слиться с собой, - мингрельцы же способны скорее быть порабощенными.

Поэтому, по нашему мнению, самый лучший контингент поселенцев могут дать русские губернии южной и средней полосы. Наглядным подтверждением этому могут служить казаки Кубанской и Терской областей, в среде которых все вошедшие в состав казаков национальности, совершенно стушевались и составили одну общую русскую семью. Подобное население действительно способно поднять культуру страны и будет служить, в случае внешних столкновений, верным оплотом.

Бесспорно, что первое поколение этих поселенцев будет страдать от перемены климатических условий, но оно будет страдать не более того, как страдало при заселении предгорий Кубанской и Терской областей. Но зато пройдет десяток лет, и Россия будет иметь на своей границе такое надежное и преданное население, которое в случае внешних столкновений в состоянии будет само себя отстоять и не потребует тех громадных затрат, какие сделаны в настоящее время.

Не понимаем, что побудило автора статьи отыскивать в мингрельцах все указываемые им, но в действительности не существующие достоинства и думаем, что при искреннем убеждении в необходимости скорейшего занятия нашего Черноморского побережья полезным и надежным населением,

он введен был в заблуждение лицами, доставившими ему сведения о мингрельцах. Мы вполне разделяем его мнение в необходимости заселять Абхазию более развитым надежным населением, но хорошо зная мингрельцев, никак не можем считать их годными для этой цели.

Ген. -лейт. Лазарев

Газ. «Кавказ», 1877, № 07.

ИЗ ОБЗОРА «ПИСЬМА ОБ АБХАЗИИ»

...Перед войной Сухумский отдел состоял из четырех участков - Гудаутского, Гумистинского, Кодорского и Самурзаканского, из которых первые два составляли Пицундский округ, вторые - Очемчирский. Общее число населения округов доходило до 80 т. душ., распределявшихся почти равномерно между округами. Собственно абхазцы (азега) населяли первые три участка: население Самурзакани, хотя бесспорно относится к тому же самому племени, но соседство и родственные связи его с населением Мингрелии настолько повлияли на его язык и нравы, что составили как бы отдельное племя. Сходство самурзаканцев с абхазцами сохранилось в сословных нравах, в отношениях высших сословий к низшим, в некоторых народных обычаях, перешедших к настоящему поколению от их общих предков, и в тождестве и родстве тавадских и аамистинских (княжеских и дворянских) фамилий. Язык самурзаканцев не считается чистым языком абхазцев, а составляет смесь этого последнего и мингрельского, носит название самурзаканского наречия.

После возмущения 1866 г., в 1867 году дозволено было абхазцам, желавшим переселиться в Турцию, оставить наши пределы и даже оказана была им для этого материальная помощь. Дозволением этим, помимо лиц, скомпрометированных в возмущении, желали воспользоваться все абхазцы-

магометане, так что переселение, происшедшее в настоящее время, осуществилось бы еще в 1867 году и осуществилось бы, конечно, без всякого вреда для края. Ограничение турецким правительством числа, переселенцев в 4 т. семейств, заставило силою удержать значительную часть жителей Пицундского и часть Очемчирского округа. Ограничение это, вызванное подвигами в Турции первых эшелонов абхазцев, к сожалению, последовало слишком поздно, когда все желавшие переселиться частью уже распродали свое имущество и даже некоторые из них отправили часть своих семейств. Остановленное в самом, так сказать, разгаре, переселение тогда же вызвало брожение в среде туземного населения и потребовало принятия некоторых репрессивных мер, благодаря только которым и удалось удовлетворить желанию турецкого правительства. Переселение действительно было прекращено, но оно оставило слишком глубокие корни неудовольствия против нас, которое, рано или поздно, должны были принести свои плоды. Частью разоренные дешевой распродажею своего имущества, частью разоренные несвоевременною остановкою переселения, семейства продолжали тяготеть к Турции и все свои невзгоды приписывали не турецкому правительству: как оно в действительности было, а русскому. Они жили, так сказать, двойственной жизнью и, безусловно выполняя распоряжения местной администрации, ждали удобного случая, чтобы открыто высказать свое желание - соединиться с родственниками из Турции.

Хотя негласный, но тем не менее явный протест их прежде всего высказывался в противодействии распространению христианства в среде их, и большинство жителей селений, из которых произведено было переселение в 1867 году, до последней минуты оставались магометанами. Правда, что в значительной степени этому последнему обстоятельству содействовало распространение христианства в Абхазии людьми неспособными для этого и на чуждом для абхазцев грузинском языке. Вынужденные одновременно изучать два языка - русский, для сношения с администрацией и грузинский, для понимания слова Божия, - абхазцы, имея возможность в первом случае обращаться к содействию переводчиков, а во

втором слушать мулл, говоривших на понятном им абхазском языке, отбросили изучение того и другого языка. Жители селений, окружавших Сухум - Эшири, Гумы, Яштха, Акапа, Бырц и Абжаква - в продолжении десяти лет миссионерской деятельности нашего духовенства доставили самый ничтожный процент обратившихся в христианство, и религиозное состояние их в день занятия Сухума турками было почти то же, какое было при начале христианской проповеди в Абхазии в 1867 году.

Ту же роль, какую в Пицундском округе играли означенные селения, в Очемчирском округе, в Кодорском участке, играли селения Джгерды и Чилов, бывшие строгими ревнителями и пропагандистами магометанства. Часть жителей их официально числились христианами, но принятие ими христианства обнаружилось первоначально крещением и затем состоянием в списках христиан. Незадолго до настоящей войны, нам приходилось быть свидетелями принятия присяги лицами, числившимися 5-6 лет христианами, причем оказывается, что они не только не имели понятия о догматах религии, но даже не умели слагать крест. Причины такого упорного сохранения магометанской религии в этих селениях были те же самые, что и Пицундском округе. Из этих двух селений был самый значительный контингент выселившихся в 1867 году в Турцию, с которыми они все время поддерживали самые деятельные сношения.

Религиозное состояние остальных жителей Пицундского округа (за исключением селений Лыхны и Лдзаа) и Кодорского участка, далеко нельзя было назвать христианским, хотя они и числились в списках христиан. В селениях Лыхны и Лдзаа воспоминание о христианской религии, перешедшее к ним от их отцов, поддерживалось близостью древних храмов Лыхненского и Пицундского и счастливо выпавшим на долю первого священником Иоаном Гегия, природным абхазцем, говорившим с прихожанами на их родном языке.

Что в настоящем возмущении и выселении абхазцев, помимо других причин, о которых говорить теперь не время, религия играла чуть ли не первостепенное значение - это лучше всего доказывается как ходом возмущения, так и результатом выселения. Достаточно было высадки нескольких человек

абхазцев-переселенцев в сел. Апыцхва для того, чтобы жители этого селения и Звандрипш присоединились к ним. Оставление нашими войсками Гудаут тотчас же обнаружило малую связь между прежними христианами Абхазии и неофитами и еще меньшую между последними и нами. Жители селений Лыхны и Лдзаа, несмотря на самое возмутительное поведение с ними высадившихся черкесов, турок и их же соплеменников абхазцев-магометан остались в стороне от возмущения и по большей части скрылись в горных ущельях, тогда как большинство жителей, обращенных в 1867 г. в христианство, охотно приняли от турок оружие. Оставление нашими войсками Сухума было сигналом восстания Гудаутского участка, которое затем последовательно разрасталось по мере отступления наших войск к р. Гализге, границе Самурзакани. Обратное наступление наших войск к Сухуму служило сигналом удаления враждебного нам магометанского населения.

Обвиняют турок в насильственном выселении абхазцев. Что насилие было, это доказывают уничтоженные абхазские жилища и имущество, на всем пространстве от р. Кодора до р. Гумисты, но что не желавшие выселения имели возможность, правда с потерею всего имущества, избежать его, - это доказывается обнаруженным теперь результатом выселения. Из Кодорского участка, занимавшегося неприятелем, выселилось в Турцию до 1.200 семейств, т.е. около четверти всего населения, причем выселение произошло преимущественно из сел. Джгерды, Чилов и Гуп, и из скомпрометированного нападением на колонну полковника Микеладзе сел. Адзюбжа. Гумистинский участок, населенный преимущественно магометанами, выселился поголовно. В Гудаутском участке осталось до 1.600 семейств, исключительно прежних христиан. Таким образом выселилось из Абхазии до 35 т.д. Что в числе их есть некоторые подвергшиеся насильственному выселению, - в этом нет никакого сомнения, и лучшим доказательством этому служит уход в Турцию мингрельцев, живших около Сухума, в имении князя Шервашидзе, но что преимущественно выселение происходило добровольно, в этом тоже не может быть ни малейшего сомнения.

Может показаться странным, что на ход выселения не имели влияния реформы, происшедшие в Абхазии с 1867 года и,

главным образом реформа освобождения зависимых сословий; но объяснение этого явления мы находим в существовавших после этого акта отношениях между владельцами и их зависимыми. Крепостного состояния, в том смысле как понимали его наши отцы, в Абхазии не было: вся зависимость низших сословий от высших выражалась ежегодным, приношением первыми последним строго определенного и весьма незначительного количества продуктов сельского хозяйства и незначительным числом рабочих дней, именно от 3 до 50 в год, смотря по принадлежности зависимого к тому или другому сословию. При освобождении зависимых сумма, образовавшаяся от капитализации этих повинностей, по десятилетней сложности, была разделена на десять частей, из которых сами зависимые в течение четырех лет выкупали только четыре части, остальные же шесть частей выплатило владельцам правительство. Так как сложность четырех десятых повинностей, только в весьма редких случаях доходила до 75-100 р. с дыма, по большей же части была максимум 25 р., то владельцы, ввиду незначительности причитавшейся им ежегодно платы с своих зависимых, не требовали уплаты повинностей деньгами и, сохранив тем хорошие отношения к ним, пользовались их работою и приношениями почти в тех же размерах, как и до выкупа повинностей. Оставшиеся после освобождения зависимых хорошие отношения между владельцами и зависимыми поддерживались со стороны первых предстательством и хозяйством за последних пред властями и посредничеством между самими зависимыми при всех спорах и недоразумениях. Такой характер отношений сохранился и до настоящей войны и, вероятно, сохранился бы надолго, так как он всеми мерами поддерживался бы со стороны бывших владельцев, видевших, хотя в номинальном управлении своими бывшими зависимыми, остатки прежнего своего значения, выражавшегося количеством зависимых. Собственно владельцы, при освобождении зависимых, не понесли никакого материального ущерба, так как независимо от денежного вознаграждения за отбывавшиеся последними повинности, они получили еще увеличение своего земельного надела на две десятины за каждый дым и почти сохранили к ним прежние

отношения, сделавшиеся только из обязательных необязательными, т.е. принявшими такой характер, который с уступками с той и с другой стороны, поддерживался бы еще продолжительное время.

Существование хороших отношений между высшими и низшими классами населения и еще слишком свежее в памяти населения значение высших классов при владетеле Абхазии - были причинами, что тавады и амиста сохраняли значительную долю своего влияния в крае, влияния еще настолько сильного, что несмотря на то, что с прекращением зависимости все освободившиеся сделались собственниками находившейся в их пользовании земли, они могли уговорить их выселиться в Турцию.

Что при настоящем выселении абхазцев привилегированные сословия играли значительную роль, в этом не может быть и сомнения. Привыкшие к интригам, имевших большое применение при владетеле, они постоянно тайно интриговали против нашего управления и поддерживали сношения с своими родственниками в Турции, из которых многие успели добиться там хорошего положения. Эти последние всегда доказывали сравнительно лучшее положение высших классов в Турции, где они сохранили свои права на подвластных. Надежда на восстановление своих, утраченных в России прав с переселением в Турцию вместе с бывшими своими подвластными было одною из главных причин, заставлявших высшие сословия желать переселения в Турцию. Желание это иногда высказывалось даже гласно в форме хвалебных гимнов Турции и описания того положения, в котором находятся там высшие классы. Нет никакого сомнения, оно высказывалось в иной форме в частной переписке с родственниками, деятельно поддерживавшейся. Еще в ноябре прошлого года в народе ходила молва, которая прямо указывала лиц, получивших письма из Турции, в которых заранее назывались будущим эмигрантам абхазцы - деятели восстания и предсказывалось то, что случилось впоследствии. Во всех этих рассказах фигурировали лица высших сословий, и низшие сословия прямо высказывали опасение, что край будет погублен ими. Почва для восстания в Абхазии подготовлялась с начала недоразумении наших с Турцией и самое восстание могло быть

сюрпризом только для тех, кто живя в крае индифферентно относился ко всем слухам и даже к таким явлениям, как отбитие в селении Ацы, арестованного властями, эмиссара Турции. Что почва была давно подготовлена, лучшим доказательством может служить разграбление абхазцами местечка Гудауты 16 апреля, когда еще турецкий флот не показывался у берегов Абхазии и принятие выходцев из Турции, Камбулата и Узбека Маргани, как давно жданных гостей.

Что виновники восстания и выселения абхазцев - высшие классы, это подтверждается тем, что большинство выселившихся из числа бывших зависимых принадлежит тавадам и амнста, ушедшим в Турцию и наоборот, бывшие зависимые лиц, оставшихся верными правительству, не покинули Абхазии. Насколько сильно в этом отношении было влияние лиц привилегированных классов, можно судить из того факта, что достаточно было появления на несколько часов в сел. Бармыш, жители которого хотели уйти в Турцию, оставшегося верным правительству прежнего их владельца князя Константина Инал-ипа, чтобы все жители отказались от переселения.

Некоторые из газет, при возмущении абхазцев, не зная положения края старались объяснить это явление различными причинами, причем не останавливались пред вымыслом. Так, например, приписывали возмущение происками фамилии Шервашидзе. Подобное объяснение, конечно, основывалось на участии членов владетельской фамилии в возмущении абхазцев в 1866 году; но то, что имело полное основание в 1866 г., не имеет ни малейшего теперь. С 1866 г. ни один из членов владетельской фамилии не только не жил в Абхазии, но и случайное пребывание кого-либо из них проездом чрез Сухум не продолжалось более нескольких часов. Приписывать возмущение населения тому или другому лицу или фамилии, по нашему мнению, более чем странно. Здесь виноваты: общий строй абхазской жизни, религиозная рознь, которая, при поддержке проповедниками из Турции, не могла быть уничтожена нашим мало развитым духовенством и недобросовестность и неразвитость лиц высших сословий, не могших помириться с ограничением их прежнего произвола. Из этих трех источников вытекали все недовольства различными мероприятиями и нашей администрациею.

Как бы то ни было, но совершенное разрушение Сухума, разорение и уход в Турцию почти половины населения Абхазии факты совершившиеся и теперь на очереди станет вопрос, как исправить зло и как поставить край и оставшееся в нем население так, чтобы повторения грустных явлений, подобных настоящему, не могли уже быть. Наше мнение по этим вопросам мы постараемся изложить в следующих письмах.

А

Газ. «Кавказ», 1877, №№22

СТАТЬЯ Н. КУЧИНСКОГО «К ИСТОРИИ ВЫСЕЛЕНИЯ АБХАЗЦЕВ»

(Сочи (Черноморского округа), 9 окт

Переправа. - Мост без затей. - «Махаджиры». - Курьез. - Турецкие сообщения, деньги и квитанции. - Стоянка. - Гадауты. - Сообщения иеромонаха Виссариона. - Благодетели-турки сортируют покровительствуемых. - Расправа с священником.

10 августа, с 7 час. утра началась переправа Сочинского отряда через быструю реку Бзыбь, продолжавшаяся до 12 часов пополудни. Во все время переправы начальник отряда не отходил от берега; быстрое течение Бзыби не одного солдата свалило с ног, не одного конного казака опрокидывало с лошади, но ни одного не произошло несчастного случая, благодаря своевременной помощи тех же конных казаков и абхазцев, во весь карьер бросавшихся догонять утопавших, уносимых быстрым течением Бзыби; не погибла даже ни одна солдатская кепи, благодаря той же помощи удальцов. Здесь удивлял всех своею отвагой один рыжий мингрелец на своей высокой, гнедой, худой, но сильной лошади. Благодаря этому мингрельцу на обратном пути, 26 августа, переправа Сочинского отряда через Бзыбь совершилась очень скоро. Этот мингрелец, Липонов, выражаясь его словами, собственным своим умом в голове, хотя он и не инженер, сделал через широкую реку мост, по которому

нехотя, хоть гуськом, перешли очень благополучно. Мост был без особых затей - это были брошенные абхазские арбы.

По дороге к Гадаутам, не вдали от р. Амшиш[56], где наш отряд имел ночлег, под большим развесистым дубом, нас встретила громадная толпа абхазцев, которые, как можно было заметить по их физиономиям, были очень рады при виде войск нашего отряда. В разговоре этих абхазцев с начальником отряда очень часто повторялось слово «махаджиры». Из простого повторения этого слова можно было заключить, что «махаджиры» чрезвычайно неприятны для абхазцев. Об этих махаджирах впоследствии нам удалось узнать такого рода новости, за достоверность которых не ручаюсь, но имея в виду ту быстроту действий эскадры Абдул-Гамида, с которой она совершила свои подвиги в Абхазии, эти новости могут иметь некоторое значение. По объявлении войны эскадра, начав крейсировать у берегов Абхазии и Черноморского округа, как говорят, успела выбросить на берег несколько этих махаджиров, которые секретно являясь к своим родственникам, начали подготовлять почву, пригодную для действий турок. Без выбрасывания на берег этих махаджиров не обошлось и 29 апреля, когда турецкая эскадра, пройдя мимо Сухума и Гадаут, остановилась для стоянки в Пицундской бухте. Замечательно здесь одно курьезное обстоятельство. Рассказывают, когда эскадра приближалась к Пицунде, отсюда в сел. Лыхны, около Гадаут, прискакал нарочный с известием к начальнику Пицундского округа о незваных гостях. Г. начальник округа возвратил нарочного обратно с приказанием дать ему знать об эскадре в то время, когда последняя остановится на якоре. Но последняя, узнав, вероятно, о таком приказании начальника округа, 30 апреля утром, явилась к Гадаутам, откуда к ней выехала фелюга какого-то фис-маргани и, по возвращении последнего на берег, началось бомбардирование Гадаут, а начальник отряда, он же и начальник округа, с своим небольшим конным отрядом отступил в Сухум. В виду такого обстоятельства, турки сделались полными господами Абхазии от границ Черноморского округа. Войска, предназначенные турками для десанта в Гадаутах не были спущены; вместо них выбросили 40 человек махаджиров для вооружения абхазцев магазинками и ударными ружьями. При

помощи этих махаджиров туркам легко было справиться ко 2 мая и с теми абхазцами, которые занимали пространство от Гадаут до Сухума. Рассказывают также, что турки, приглашая абхазцев стать на их сторону, обещали им расширить Абхазию до г. Анапа; в случае же отказа, грозили им окончательным разорением. Абхазцы сочли за лучшее остановиться на первом их обещании. Вероятно, благодаря этому обстоятельству, наши молдаванские деревни не сожжена абхазцами в надежде жить здесь когда-нибудь. Во весь период своего трехмесячного господства турки очень щедро наделяли абхазцев и оставшихся там нескольких русских политическими новостями самого животрепещущего и победоносного характера. Не говоря о наших больших портовых городах как Керчь, Севастополь и Одесса, попавших в руки турок, даже Тифлис был взяты и турецкие войска, не встречая нигде препятствий уже приближались к самому сердцу России - Москве. Эти новости мы узнали от русских, спрашивавших нас о судьбе поименованных наших городов. Наделяя таким образом абхазцев политическими новостями, турки еще щедрее наделяли их за разные жизненные продукты своими бумажными деньгами и квитанциями такого содержания: «от такого-то принято столько-то килей кукурузы, или: взято у таких-то столько-то баранов и столько-то рогатого скота». По этим квитанциям деньги могли быть получены только из казначейства во всех городах Турции, а также в Одессе и Севастополе.

В случае же перемены военного счастия, турки обещали абхазцам избавить их от варварства русских. Но так как все имущество абхазцев заключалось в табунах разного скота, и абхазцам жалко было бросить свое имущество, турки и тут нашлись в обещаниях: весь скот имел быть перевезенным на пароходах. Вследствие этого абхазцы .свои табуны скота выгнали к берегу моря и эти табуны, вместо турецких пароходов, попали в руки войск Сочинского, Марухского и Ингурского отрядов.

В глубокую полночь с 10 на 11 августа большая часть Сочинского отряда с артиллерией с урочища Амшиш налегке отправилась на Гадаутскую позицию атаковать неприятеля, проводившего нагрузку абхазцев на пароходы, оставив на месте

только обозную колонну с необходимыми частями войск для ее прикрытия. Утро 11 августа было прекрасное, на небе ни облачка. С восходом солнца услужливые денщики засуетились около самоваров для своих господ, крепко почивавших еще после недавно испытанных впечатлений на Гагринском горном проходе, где более суток пришлось просидеть в томительном ожидании при виде грозного турецкого броненосца, и неотвязчивых думах за будущее, без воды и без хлеба. Стоянка наша в этом урочище представляла много удобств для лошадей много хорошего подножного корма, хорошая вода и, самое главное - это вкусный абхазский сыр, разная птица и гроздья винограда, которыми наделяли нас абхазцы за весьма умеренную цену: курица, напр., стоила «один шавр - два шавр» (шавр - 5 коп,), а «три шавр» казалось дороговизной. С 8 ч. утра с Гадаутской позиции к нам донеслись частые орудийные выстрелы и нашей горной артиллерии; эта канонада с обеих сторон с моря и суши, продолжалась до 1 ч. пополудни; интересно было знать, что там впереди нас делается? Этому любопытству нашему, в 2 ч. пополудни положен был конец приказанием двигаться в селение Лыхны, от которого Гадаутская позиция находится в трех верстах.

Движение с обозной колонной для меня как человека не имевшего никакого отношения к этой колонне, представляло много невыгодного. Видя радушие абхазцев, с каким встречали они Сочинский отряд я поехал вперед и к закату солнца на позиции в селении Лыхны, между высокими роскошными липами на громадном плато, где стоял наш отряд, любовался ружьем Пибоди; тут было десятка два магазинок, несколько десятков ударных штуцеров, два металлических ящика патронов для ружья Пибоди и десятка два турецких солдатских серых шинелей. Это были, так сказать, первые трофеи, доставшиеся Сочинскому отряду от неприятеля. Однако эти трофеи достались отряду не без жертв: у нас выбыло из строя 5 убитыми и около 20 ранеными. Во всю дорогу, когда я ехал на эту позицию, турки не переставали стрелять с броненосцев и почти до самой полуночи своими выстрелами свидетельствовали, что они не думают еще покинуть Гадаутского рейда, а багровое зарево на берегу моря также свидетельствовало, что турки, вместо

красивого местечка оставят нам одни развалины. Замечательно, что турки, выжигая Гадауты, выжгли только русские строения; своею мечеть, и лавки, принадлежавшие здесь турецким торговцам, оставили нетронутыми. Чем руководились они, оставляя собственность своих соотечественников, решить трудно. На другое день, 12 августа, явившийся в ставку начальника отряда из Гадаут иеромонах Виссарион, служивший в Абхазии миссионером и находившийся под арестом турок в Гадаутах, рассказал, что за вчерашний день турки потеряли до 80 человек выбывшими из строя. Этот иеромонах и другие явившиеся с ним рассказывали, что турки прозвали наш отряд отчаянным. Можно сказать, что благодаря отчаянности нашего отряда, турки, забирая абхазцев, не успевали забрать их домашнего имущества, как-то: медные котлы, разную посуду, подушки, одеяла, долго служившие нашим солдатам в их трудном походе, а главное, турки не успели забрать сотни пудов кукурузы; которая могла бы служить для самих турок хорошим подспорьем, по выгрузке абхазцев на гостеприимный берег Турции, где в настоящую пору абхазцы, чувствуя голод, благодаря своим благодетелям, заявляют представителям Германии свои жалобы на благодетелей турок, силой вывезших их из Абхазии, которой не даст им Турция. В связи с этими жалобами, о которых заявляют иностранные корреспонденты, небезинтересно будет поделиться с читателями и такого рода фактом, что турки на пароходы брали абхазцев и старых и малых; но как только пароход скрывался вглубь моря - тут происходила сортировка абхазцев: всех стариков, неспособных носить оружие, старух, негодных к отправлению известных животных потребностей, и малюток, за которыми еще нужен уход родителей, бросали в море. На вопрос наш, обращенный к некоторым старикам-абхазцам почему они не ехали в Турцию? «Чтобы бросили за борт» или: «чтобы держать их веру», - за этим не стоит ехать в Турцию»; был их ответ. Между живущими здесь русскими и мингрельцами нам пришлось слышать неподдельную скорбь об одной вдове, абхазской дворянке с ее очень красивой 16-ти летней дочерью, которые долго, скрывались от турок по саклям и горам и, несмотря на свое нежелание бросать родину, несмотря на свои мольбы пред турецким пашою, все-таки увезены в Турцию.

Не меньшую скорбь пришлось видеть мне между этими людьми и о священнике прихода села Лыхны. Целых три месяца скрывался бедный священник от турок, и не столько от турок, как от махаджиров, которые, 5 августа, найдя его верстах в 10-ти от села Лыхны, в одной сакле и задушив, надели на его голову подушку с перьями. Покойный оставил по себе сына, воспитывающегося в тифлисской дух семинарии. Рассказывают, что о. Иоанн в мае месяце, чрез одного из своих прихожан послал было сыну 300 рублей, но эти деньги попали в руки турок. С самим же о. Иоанном махаджиры так бесчеловечно поступили потому, что он, будучи абхазцем, не желал ехать в Турцию и удерживал свой приход.

Во время четырехдневного отдыха в селении Лыхны, абхазцы сносили данное им турками оружие, которое также вошло в состав отбитых трофеев.

Газ.»Русский мир», 1877, №295.

НА КАВКАЗЕ

1

ПО АБХАЗИИ И САМУРЗАКАНИ
(из записок о недавнем прошлом)

...Чуть начала заниматься заря, как мы уже подъезжали к закрытому туманом берегу. Не предполагал я тогда, что турки смогут забраться в сухумскую превосходную естественную гавань. Две горные косы, смело выскочив в открытое море, сурово сомкнулись, оставив между собой небольшой проход в гавань. Налево, на подошве голой скалы раскинуто кладбище, и мы верили, что даже эти скромные кресты на могилах должны были навести страх на мусульманскую луну, если б у Сухума не оказалось пушек в момент защиты. По мере того, как туман поднимался, окутывая нежной вуалью далекие и близкие вершины гор, вид становился и оживленнее и красивее.

На самом берегу - белая таможня, - бульвар с рядом деревьев, низко наклонившихся к морю, которое неумолимо подмывает их корни; далее - большой губернаторский дом с каменной набережной. Масса лодочек, из которых мелькают красные фески, красные куртки и голые ноги туземных моряков; в стороне монотонно покачивается казенный пароход для «особых поручений». За бульваром виднеется ряд белых желтых и коричневых домиков и под всей этой картиной высится - красавица-гора, которая за свои правильные боковые очертания и вершину, срезанную, как бы искусственно, ровно - прозвана «Трапецией». Пароход на берегу не пристает, а потому что надо спуститься с высокого берега на лодочку и в ней уже переправляться на сушу.

-Постойте, куда вы? - кричат мне, когда я занес ногу за борт.

-Что такое?

-Ваш багаж над» обревизовать, - говорят мне.

-Да ведь мы едем из России, из Поти, всего 100 верст отсюда? -оправдываюсь я.

-Все равно, были в Батуме - пожалуйте багаж.

Это не морской, а сухопутный бар, подумал я, подчиняясь требованию маленького таможенного старичка.

Вот и суша, наконец, а вот и абхазцы. На маленьких длинношерстных лошадках мимо нас промчалось несколько всадников. У одного на голове башлык, у другого ничего нет; рост прелестный, тальи тонкие как у андалузских испанок; у всех на обеих сторонах груди патронташи, а у левого бедра весьма почтенной наружности кинжал, у двух-трех за спиной в лохматых чехлах длинные азиатские ружья. Лошади крепкие, - вместо узды иногда веревочка, а вместо седла - голая крутая спина. Около гостиного двора, по местному названию - караван-сарая, таких лошадок стоит около десятка. Абхазцы - всадники сидят на ступеньках и мирно истребляют чеснок. За караван-сараем длинная улица с признаками заросшей мостовой, с грязными тропинками вместо тротуаров и столетними плакучими березами по бокам. Гостиница содержится, конечно, армянином. За маленькую комнату надо заплатить 2 р. в сутки. Затруднение заключается в одном - куда поставить постель. Деревянный двухэтажный домик весь изрезан окнами и лечь в комнате иначе

нельзя, как выставив напоказ через окно свою голову и ноги. Идем дальше. Налево офицерский клуб, где недавно праздновался юбилей одного храброго кавказского героя; там на славу угощали не только седовласого воина, но за столом присутствовал и его боевой конь. Направо фундамент нового офицерского клуба и будущего каменного собора. Фундаменты эти покинуты, так как болотистая почва города потребовала сначала дренажа, а потом уже постройки, и наискось поглотила начатые здания, когда ее требования не были исполнены. Через трясучую площадку будущего украшения Сухума виднеется убогая деревенская церковь - единственная в городе. Еще дальше приютился под защитой гор знаменитый ботанический сад. Увы, я попал в сад после «пятого» года; таким годом называется правильно периодически посещающая Сухум суровая зима. Четыре года длинный срок для местности, где земля дает растениям обильную благотворную влагу, а южное солнце безостановочно шлет сверху свое знойное тепло. В четыре года веточка апельсина разрастается в красивое деревцо и требует, чтоб его подпирали подставками: - сотня плодов гнет долу молодое дерево. На пятый год является мороз и ... портит. Как пожар способствовал украшению Москвы, так и сухумский мороз украшает сад. Вымерзнет - тотчас явятся новые деревья, до сих пор небывалые, проложатся живописные тропинки по недавнему болоту. Что именно может расти в Сухумском отделе - сказать трудно. Я думаю, что все, потому что видел и лимоны, и апельсины, и чай, и мох.

За обедом, вофицерском клубе, я познакомился с некоторыми представителями местного суда и администрации. Чтобы пояснить тот интерес, который возбудили во мне разговоры с ними, я должен сделать маленькое отступление и рассказать в кратких словах, что такое Сухумский Отдел. Абхазия и Самурзакань величиной приблизительно в хорошую русскую губернию имеют отдельное управление от прочих кавказских городов и сел. Во главе стоит начальник отдела, а уже потом за ним следует комиссия, - по преимуществу из офицеров, для разрешения местных земских и городских вопросов; части отдела управляются особыми второстепенными военными начальниками, у которых в руках сосредоточена и

административная и судебная власть, причем им задана трудная задача - руководствоваться судебными уставами 1864г. В Сухуме есть высшая инстанция суда, а над ней апелляция прямо в старые департаменты сената. Это расположение властей; а вот и расположение жителей. Последнее восстание в Абхазии и последовавшая за ней двойная эмиграция - в Сибирь и Турцию - очень обезлюдели богатый край. Едешь, бывало, десяток верст и встретишь только одну хату, - и опять на несколько верст пустырь, разве кое-где сохранились плодовые сады ушедших, совершающие обратный цикл природы — от культурного к дикому состоянию. Как все горцы и жители южных стран, население Сухумского отдела (в особенности в Абхазии) не особенно трудолюбиво и в особенности насчет наук. Окруженные густыми лесами, имея своими соседями больше зверей, чем людей, абхазец, и отчасти самурзаканец ведут вполне патриархальную жизнь. В его избе, стоящей на десятки верст особняком, не только домашний очаг, но даже целое царство. Земли не меряны, сады растит сама природа, южный климат не требует ни особенной пищи, ни особенного труда для ее добывания; под рукой рабы, законные рабы, которым даже официальный срок освобождения наступил лишь в половине семидесятых годов. Ограничение права власти над рабами сглаживались под влиянием сурового обычая, да и кто же мог знать и расследовать, что делается в одинокой хате, среди густого леса, где даже зверь останавливается, будучи не в силах проложить себе дорогу через перепутавшиеся колючками и любовно обнявшие друг друга ветви вековых великанов?

Я приехал в самый разгар цивилизующей деятельности в крае. Рабство отменялось окончательно, землевладение приводилось в порядок, предполагалось и народное просвещение. Одним словом, представители сухумского управления были в том завидном настроении духа, когда близкое будущее рисует административному деятелю полное благоустройство с межами и границами во всех отраслях общественной жизни. Для водворения цивилизации есть, как известно, много путей и пробованных и новых. Вот о них и зашел мой разговор с местной интеллигенцией.

- Это вопрос у нас еще нерешенный, - серьезно ответил мне один из маститых Сухума, человек очень образованный и, кажется, даже воспитанный за границей. Мы в обществе препираемся, что лучше сделать из этой дичи - Францию или Швейцарию.

-Как-с? - переспросил я, несколько усомнившись, не изменяет ли мое ухо.

- Францией или Швейцарией должна быть эта дичь, - серьезно повторил собеседник. - Вы незнакомы с нашим краем и для вас это кажется непонятным. Дело же состоит вот в чем; абхазцы живут вразброс, один тут, другой за десять верст.. Невозможно же к каждому дому приставить чиновника, - и потому масса преступлений остается даже неузнанными, но и самая цивилизация края немыслима: абхазец запрется в своей хате, - и делай что хочешь. Так могут пройти столетия и край не изменится ни на йоту.

-Так что вы признаете необходимым сконцентрировать население в известные пункты? - несмело спросил я.

- Да, я склоняюсь к этой мере. У меня на глазах пример Франции и Швейцарии. Изолированные формы последней послужили громадным тормозом к развитию просвещения, а во Франции наоборот: села превращались в города и блестят своей цивилизацией.

-Так что было бы хорошо обратить Абхазию... некоторым образом во Францию?

-Пока нет, но я думаю, что это единственный исход.

Как я сожалел, когда через два года после этого разговора, турки отодвинули Сухум еще далее от начертанного ему идеала, чем в то время, когда мы так мирно за вкусным обедом готовили Отделу счастливую будущность!

Разговор подействовал на меня очень возбуждающе; мне захотелось увидеть абхазца воочию и убедиться самому к какому из западных идеалов больше склонен этот статный народ. Случай удовлетворил мое любопытство. Против клуба помещается суд, и чрез 5 минут я уже сидел и наблюдал. Обвинялся человек лет 30, с прекрасной выразительной физиономией. Его вина состояла в том, что он кого-то убил. Бедняк говорил на особом наречии, судья же был русский;

потребовался переводчик, но тут случилась маленькая неожиданность; тот, кто знал язык подсудимого, не знал по-русски и наоборот. Наконец дело уладилось тем, - что возле подсудимого поставили двух переводчиков. Подсудимый скажет по своему, первый переводчик повторит по-грузински второму, - а второй уже передает судье.

-За что ты убил такого-то? - спрашивают обвиняемого.

- Потому, что он убил моего родственника, год тому назад, - хладнокровно отвечает подсудимый.

Приводят свидетеля. Входит и держит голову набок, в сторону от подсудимого.

-Ты болен, что ли, что так голову воротишь? - спрашивают у него.

- Нет здоров, а голову ворочаю потому, что не смею увидеть подсудимого: по нашему закону, если я увижу его, то должен сию же минуту убить, - поясняет также спокойно свидетель.

-За что?

-Он убил одного из моей родни.

-А что, если суд выпустит подсудимого на свободу?— спрашиваю я у свидетеля.

- Я его сейчас же убью, конечно, - отвечает свидетель как бы находя самый вопрос весьма наивным.

Я вышел из суда несколько разочарованный в надеждах на будущее. Было уже поздно, голова несколько отяжелела от неудобоваримых местных блюд и местных вопросов.

- Не хотите ли поохотиться на уток? - кричит мне с другой стороны улицы только познакомившийся со мной офицер местной милиции.

-Устал я сегодня, - отвечаю.

- Да тут близко - видите вон площадь посреди города: - там болото - прелесть и уток масса прилетает на ночь! - А, если в городе, тут же - идем!

А. Друг.

Газ. «Русский мир», 1877, № 345.

ИЗ ОБЗОРА ГАЗЕТЫ «ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК»

Ввиду того, что черкесы, переселившиеся в Турцию, играют такую выдающуюся роль в настоящих печальных событиях Турции, - не будет лишне пересказать вкратце историю переселения черкесов и их житья бытья на новой родине. Мы воспользуемся данными, приведенными Каницем в его известном сочинении «Дунайская Болгария и Балканский полуостров». - В этом сочинении Каниц весьма удачно назвал одну главу «Кавказ на Балкане»,- удачно, так как никто не станет отрицать, что Кавказ, в лице переселившихся черкесов, значительно повлиял на судьбу балканских христиан, преимущественно - болгар. Одна часть покоренных черкесов, возбуждаемая агентами Порты, обещавшими черкесам золотые горы, а часто руководимые собственными инстинктами, предпочли переселению на Кубань, предоставленное ей на выбор, - переселение в Турцию. По сообщениям «Русск. Инв.», число переселенцев, выселившихся в течение зимы и весны, до 10 июля 1864 г., в разные гавани было следующее:

Из Тамани	37.337 ч.
« Анапы	16.542 ч.
«Новороссийск	61.995 ч.
« Туапсе	63.449 ч.
«Кубани и Сочи	46.754 ч.
« Адлера и Хосты	20.731 ч.

а всего 236.718 человек, из которых на русские средства были отправлены 61.395 человек. Такой наплыв эмигрантов поставил в большое затруднение Порту, не обладающую большими колонизаторскими способностями. Для вспомоществования черкесов была открыта подписка в «Courier de l Orient». Сам падишах пожертвовал 5.000.000 пиастров, остальные же пожертвования дали самую ничтожную сумму. Все это не могло облегчить бедствий черкесов даже в малой степени. Уже в феврале месяце из 10.000 черкесов, высадившихся в Требизонде /Трапезунде/, 3 тыс. чел. сделались жертвой смертельных болезней. В Сере-Дере умирало ежедневно 300 человек, в Дервенте и Ирмаке до 500 человек на 40-50 тыс. переселенцев. В начале сентября один Самсун заключал в себе

50.000 черкесских трупов рядом с 60.000 живых переселенцев. - В Ларнак, на острове Кипре, вошли три маленьких судна, заключавшие в себе 2.100 черкесов. Эти несчастные были натисканы, как сельди и из них дорогой умерло от голода и жажды, в течение тридцати двухдневного переезда, 1.300 человек.

Наконец, после долгих бедствий черкесов расселили; но положение их не сделалось лучше на первых порах. Д-р Бародзи говорит следующее в докладе, представленном им Порте: «Положение черкесов не лучше даже, когда они водворены. Они остаются без крова, никто о них не заботится. Они живут в нищете, посреди дохлых животных и мертвецов, остающихся без погребения, истребляемые оспою, занесенною ими с Кавказа и распространяемую далее тифом и другими близкими к нему болезнями, являющимися всегда вследствие разных лишений и голода. В каждом семействе есть по крайней мере один больной. Нередко случается также; что и целые семьи вымирают. Больные остаются без всякого ухода; они лежат на голой земле, не ограждаемые ничем от непогоды и лишенные всякой медицинской помощи. В этом состоянии они умирают и, умерши, гниют на том же самом месте».

Черкесов расселили следующим образом: Большая часть эмигрантов была поселена в Малой Азии. В Родосто, на берегах Мраморного моря. поселился в области, особенно выгодно расположенной, Гаджи-Кирандуг, глава большого убыхского племени, с принадлежащими ему лично 350 семействами. Недалеко оттуда в Пандерме, была основана колония в 6.800 человек. Многие тысячи переселенцев были отвезены на остров Кипр, в Смирну и Исмид. Число черкесских эмигрантов, вывезенных в Европу доходило, по официальным турецким данным, уже в июле 1864 года до 40.000 семейств. 6 тысяч семейств было провезено через Бургос в Адрианополь и Ислимию; 13 тыс. семейств через Варну и Шумлу, в пашалыки Силистрию и Виддин; 12 тыс. семейств были отправлены в генерал-губернаторства Ниша и София /из них до 12.000 душ были поселены в знаменитом Косовом поле близ Приштины/, и 10.000 семейств в Систов, Никополь и Добруджу. Общее число всех поселившихся в вышеупомянутых местах доходят до 150 - 200.000 душ.

Общее число всех переселенцев с Кавказа превышало цифру 400 тысяч душ.

Если Порта проявила мало колонизаторских способностей, зато они заявили свой доморощенный политический талант: колонии черкесов расположены таким образом, чтобы образовать полосы между христианским населением и обуздывать последнее в случае надобности. Колонизация эта причинила особенно много горя болгарам, которые принуждены были строить дома своим пришлым соседям, отплатившим им за такое гостеприимство - грабежами и убийствами...

Новейшие подвиги черкесов памятны всем. Порта думала найти в черкесах цемент для сплочения своей распадающейся империи, но оказалось, что именно черкесы, в сообществе с баши-бузуками, способствовали много разложению оттоманской империи. Не будь майских ужасов в Болгарии, по всей вероятности, не было бы и военного вмешательства в дела Турции, по крайней мере не в настоящее время...

Газ. «Одесский вестник», 1877, №140.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В «Северном Вестнике» мы встретили корреспонденцию из Новгородской губернии, в которой г. Ю.Полуянский описывает как очевидец положение, в котором находятся кавказские переселенцы, высланные в северные губернии за волнения, которые они производили, или к которым их подстрекали агенты изменников, как старший сын Шамиля, Каз Магома.

Г. Полуянский, осмотрев в разных местах поселения кавказских изгнанников, передает такие подробности о положении этих несчастных людей, что от них подирает мороз по коже. Горцев этих нельзя считать за поселенцев, хотя бы и ссыльных; так как их поместили где попало, целыми семействами в одном доме, или скорее притоне. Это вовсе не поселенцы, это - просто изгнанники и притом самые несчастные, обреченные на явную гибель.

Прибавлять что-либо к тем ужасным краскам, которыми описывает корреспондент положение кавказских горцев, было бы излишним, а потому мы и отсылаем читателей к помещенной ниже, почти полной корреспонденции.

Но мы не можем при этом удобном случае не остановиться на одном месте корреспонденции г. Полуянского, которому бросился в глаза добродушный вид этих печальных изгнанников. Корреспондент свидетельствует о том, что со времени прибытия кавказских горцев в Новгородскую губернию не произошло ни одного буйства, несмотря на то, что незнание языка и обычаев окружающего их населения могли бы вызвать недоразумения.

Этот добродушный вид горцев, поразивший корреспондента «Северного Вестника», в особенности при той обстановке, в которой он застал их, не мог не броситься в глаза также и автору настоящей заметки, когда в июле 1864 года ему случилось быть в течение нескольких часов между приходом и отходом парохода, в уничтоженном ныне, а тогда довольно миловидном Сухум-Кале.

В то время происходило выселение в Турцию непокорных абадзехов, (абхазов – сост.) Сухум-Кале был наполнен толпами этих изгнанников, превратившихся теперь в беспощадных башибузуков. С моря, на плоских вершинах шиферных гор черноморского побережья Кавказа, видны были покинутые поля с поспевающей жатвой.

На главной улице Сухума, обсаженной громадными мимозами и вавилонскими ивами, толпились массы горцев, по преимуществу мужчин. По дороге от пристани к ныне уничтоженному очаровательному ботаническому саду, насаженному заботливостью князя Воронцова, попадались группы только что прибывших или готовившихся к отъезду в Турцию горцев. Все они были отлично одеты в серые и темные черкески с разноцветными живописными башлыками. Большинство горцев представляло образец красивого кавказского племени, напоминая во многом черты великоруссов. И на всех почти лицах отражалось то самое выражение доброты, которое заметил г. Полуянский в горцах, сосланных в Новгородскую губернию.

На улицах и в закоулках Сухума везде играли дети, так же беззаботно, как будто не было и следа пришельцев, выгнанных с гор и выпроваживаемых на чужбину. Казалось, что этих детей ужасно много, может быть именно потому, что климат, запертый со всех сторон горами долины Сухума, пользуется дурною славою. Но дети эти, по преимуществу русские дети, беспечно резвились и бегали по улицам и матери их не думали прятать от абадзехов (абхазов - сост.), которые в своих недоступных горных трущобах быть может и казались страшными зверями, но здесь, когда их выгнали на «плоскость», представлялись такими добродушными и мирными мужчинами, что об опасности, грозившей жителям Сухума, не было и речи.

Ни в самом Сухуме, ни во всем Закавказье, от Поти до Тифлиса, не слышно было ни о каких беспорядках со стороны изгоняемых горцев. Несмотря на такое далеко не обыденное явление, как выселение целого многотысячного народа, об этом никто ничего не говорил, точно не происходило ничего особенного.

А может быть и говорить-то было не с руки; по крайней мере расспросы наши ни к чему не приводили. Смотря на этих абадзехов, невольно задавался вопрос: неужели эти люди - такие отверженцы, что для них нет места среди умиротворенного края? Неужели под этою кажущеюся добротою скрывается жестокая кровожадная натура?

Хотя в этом отношении и трудно оставаться скептиком в виду жестокостей, совершаемых в нынешней войне баши-бузуками и черкесами - именами столь же впрочем, собирательными, как и закавказские карапахи - но все-таки мы не настолько изверились в человечество, чтобы считать кавказских изгнанников, сосланных в Новгородскую губернию, закоренелыми варварами и позволяем себе надеяться, как это думает и корреспондент «Северного Вестника», что положение описанных им черкесов должно обратить на себя внимание администрации и земства.

КАВКАЗСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ЧЕРЕПОВЦЕ, КИРИЛЛОВЕ И БЕЛОЗЕРСКЕ

«Я видел, говорит г. Полуянский, поселенцев в трех городах; Череповце, Кириллове и Белозерске; в числе их: молодых мужчин почти нет, по большей части все старики, женщины и дети. В Череповце горцы помещены в полуразвалившейся, давно необитаемой лачуге, состоящей из трех каморок. Тут все и все; тут женщины совершают роды, тут умирающие и умершие, тут же висит конина для пищи, валяются лохмотья, тут грязь... Благодаря таким условиям из пятидесяти человек уже умерло до тридцати, преимущественно детей, от чахотки и брюшного тифа. В Кириллове помещение несколько лучше: горцам отведен старый острог в кирилловском монастыре; но процент смертности тот же. Самым лучшим помещением, правда только на зиму, пользуются переселенные, вчисле 60 человек, в Белозерске им отведен летний кабак, необитаемый зимой, выстроенный из барок на низменном берегу озера. Располагая свободным временем я пошел посмотреть черкесов... Ни кроватей, ни коек, разумеется, нет, все лежат на кучах, из под всевозможных грязных лохмотьев высовывались исхудалые желтые лица, бросая на меня тусклые, унылые взгляды. В одной из комнат, у простенка лежал покойник и над ним покойной горец, вероятно мулла, бормотал, должно быть, молитвы, другие лежали, ходили, говорили, не обращая на покойника ни малейшего внимания, как будто такое зрелище было для них обыденным явлением. Какое, однако, красивое это кавказское племя, несмотря на грязь и лохмотья, какая стройность фигуры и ловкость в движениях, даже у стариков. Женщин молодых совсем нет, пожилые же нехороши. Дети по большей части исхудалые и чахлые; я по крайней мере заметил только одного румяного бойкого пятилетнего мальчугана. Что за прелестный чертенок! Глядя на его румяные щечки, невольно пришло на ум: еще несколько дней, пойдут морозы градусов в сорок, подует ветер с Белого моря, и этот розовый мальчуган увеличит собою число больных. При всем том эти горцы имеют какой-то добродушный вид; со времени их прибытия не было ни одного буйства, несмотря на то, что незнание языка и обычаев легко

могло породить не одно недоразумение. Когда я роздал больным и детям несколько денег, то между детьми поднялась веселая возня и хохот, а старшие подступали ко мне, спрашивая: «начальник (так они величают каждого порядочно одетого), начальник, завтра будет лето?» Бедняжки, они и не догадываются, что ждет их впереди. Все это производит тяжелое впечатление и даже на местное простонародье.

При выселении горцев, вероятно, имелась в виду двоякая цель: избавиться от беспокойных обитателей на Кавказе и колонизировать малолюдный север. Относительно второй цели могу с уверенностью сказать, что она достигнута не будет. Я убежден, что, принимая эту меру, не предвидели всех ее последствий; я еще более убежден, что единственно благодаря такой глуши, как Череповец, Кириллов и Белозерск, в Петербурге нет сведений о том, что тут происходит, и потому ограничиваются тем, что отпускают ежедневно по 6 коп. на взрослого и по 3 коп. на малолетнего. Для пользы дела я счел необходимым напечатать о том, что видел и слышал. Неотлагательное принятие мер необходимо и по другой причине: есть полное основание опасаться, что нынешние помещения черкесов превратят в рассадник эпидемии и, по крайней мере в таком смысле слова были делаемы представления местною полицией одного из тех уездов, где помещены черкесы. Виденное мною относится к двадцатым числам прошлого октября».

Газ. «Вечерняя почта»,
1877 г., 4 декабря.

ИЗ СТАТЬИ Г. ЛЕБЕДИНЦА «ИЗ СУХУМА »*

Сухум расположен на восточном берегу Черного моря и окружен со всех сторон горами, что защищает его несколько от ветров. Здесь город имеет, включая и войска, около пяти тысяч жителей; в последнее время город стал быстро увеличиваться

** Мы помещаем, это отрывочное воспоминание о бедствиях, постигших Сухум и сухумцев в недавнюю войну, потому что оно принадлежит очевидцу, человеку, который сам претерпел в катастрофе, так больно отозвавшейся в сердце каждого русского. - Ред.*

и населяться, благодаря своему прекрасному климату и, сравнительно с другими городами Закавказья, дешевой жизни. Селившиеся в Сухуме и его окрестностях были любители хозяйства и садоводства, чаявшие в будущем от богатой земли безбедного существования. Первые попытки обработать почву дали великолепные результаты. Такие успехи на поприще земледелия стали привлекать многих. Во главе всех этих поселенцев стоял известный натуралист Владимир Иванович Чернявский, поселившийся в Сухуме одним из первых и сделавший почин, обрабатывая с большим усердием свой участок десятин в двадцать. Город стал улучшаться быстро. Высшее начальство города обратило внимание на красу Сухума - ботанический сад. В.И.Чернявскому было поручено очистить его от ненужных деревьев, что тот и исполнил с успехом. Назначенный в этот сад ученый садовник, Б.К.Горачек, деятельно принялся улучшать сад, высаживая редкие цветы и деревья. К началу 1877 года сад принял цветущий вид. Еще при прежнем начальнике сухумского отдела, генерале Геймане, для улучшения воздуха Сухума были приняты меры; по всем улицам были проведены канавы, в которых целый год протекала чистая вода, стекавшая в море. Бульвар, служивший публичным гуляньем для всех жителей, украсился хорошеньким павильоном. Через реку Беслетку, протекавшую возле самого города, был перекинут изящный железный мост. Весь город со стороны моря походит на прелестную игрушку, украшающую окружающие ее мрачные горы.

Сухумцы были очень привязаны к этому городку и мечтали, что он еще более разрастется и поднимется в торговом отношении благодаря своей прекрасной тихой бухте во все времена, года. Лучшей и более спокойной стоянки для судов нельзя и делать. Пароходы могли доходить до самой пристани, не боясь ни мелей, ни камней. Ко всему этому, разнесшийся слух о проведении ветви железной дороги из Новых Сенак до Сухума, еще более воодушевил сухумцев и заставил их приняться за труд с новым рвением. И вот 2-го мая уничтожился этот дорогой уголок для всех сухумцев! Сильно горевали жители о потере такого благодатного уголка, да и как не горевать, когда пришлось покинуть то место, где каждый имел ежели не дом, то

обработанный участок земли, мечтая на нем устроиться, обстроиться.

Духу не хватает описывать при каких тягостных обстоятельствах был оставлен Сухум.

В самый день объявления войны по улицам города ходило несколько человек жителей; женщин же не видно было совсем. Семейства более или менее состоятельных жителей города разбрелись, как народ Израиля, по всей России, а некоторые переехали в греческое селение Ольгинское, находившееся верстах в тридцати от Сухума, чтобы в случае мира быть ближе к городу и немедленно приняться за прерванный труд. Желанию этому не суждено было исполниться!

Дома в Сухуме стояли запертыми, домашняя птица, не имея хозяев, бродила, где хотела; собаки выли, предчувствуя скорую погибель города. Настало 12-е апреля; день был пасмурный и дождливый. Начальник Сухумского отряда, генерал-майор П.П.Кравченко, созвал всех начальников частей и сказал им, что война объявлена. И пошла нерадостная жизнь оставшихся жителей и солдат! Целые ночи никто не смыкал глаз, целые дни все ожидали броненосцев или нападения абхазцев, уже тогда начавших пошаливать. При ничтожнейшей тревоге, все жители запирали поскорее дома с остатками имущества и бежали к госпиталю, чтобы там, под сенью Красного Креста, защититься от залпов броненосцев.

2-го мая, броненосцы на самом деле заглянули в Сухум; выстроились как следует благонравным туркам и начали осыпать город снарядами. Из массы бомб только несколько штук достигли своего назначения, остальные падали в море; отважный турецкий флот, боясь русских девятифунтовых орудий стоял на почтительном расстоянии от берега. Войскам был отдан приказ немедленно очистить город и отступить на позицию верстах в двух от Сухума, а к вечеру другого дня войска отступили к Ольгинскому, оставя без боя многострадальный Сухум. И потянулся отряд по шоссе, устроенному Султановым, утопая в грязи по колено...

Солдаты были ужасно злы на абхазцев за то, что те без боя заняли Сухум и постоянно говорили о том, как бы поколотить бунтовщиков.. Несколько дней в Ольгинском прошли довольно

спокойно. Войска отдохнули. Как вдруг в окрестностях Ольгинского абхазцы сожгли дачу, застрелили жившего ней монаха и ранили двух сторожей. Окрестные дачи ограбливались абхазцами среди белого дня и испуганные жители бывшего Сухума стали группироваться на площади Ольгинского: кто поставил палатку, а кто и шалаш. Через несколько дней войска имели стычку со скопищем абхазцев; в этой стычке без вести пропал храбрый прапорщик Ховренко. Большинство солдат утверждает, что он погиб под шашками абхазцев; меньшинство - что: он, весь израненный попал в плен. Нескольких убитых в этой схватке привезли в Олъгинское и положили их перед госпиталем. Страшное впечатление произвели эти убитые на солдат; но более всех поражал артиллерист с улыбающихся лицом и открытыми глазами. Пуля поразила его прямо в сердце. Все эти убитые надолго запечатлелись в памяти каждого русского, видевшего их.

Прошло еще два дня. Утром, 12-го мая, был отдан следующий приказ: собраться войскам в течении двух часов и отступить к реке Кодору. Надо было видеть суету, поднявшуюся после такого приказа. Каждый старался захватить с собою все, что только возможно. Кто надевал несколько рубах, кто три-четыре сюртука или жилета; к довершению несчастья дождь лил как из ведра. Раненых накладывали по несколько человек на воз, накрывали их небольшими брезентами и отправили вперед с конвоем казаков в тридцать человек и столькими же санитарами. За ранеными потянулась и большая часть жителей, в том числе и болгары. Жителям приходилось идти пешком за транспортом раненых и для облегчения пути скидывать с себя то один сюртук, то другой, то одну рубаху, то другую. От дождя платье намокло и липло к телу, парализуя движения. Холод был ужасный; путь затрудняли частые и глубокие выбоины, наполненные грязью. Ночь скорыми шагами наступала. В темноте двигаться вперед становилось невозможно и весь транспорт остановился среди поляны, поросшей высочайшим папоротником. Здесь и была первая ночевка раненых и жителей, следовавших за транспортом. Но разве эту ночевку можно было назвать ночевкой! Это был ад, не имевший только огня, а пронизывающую до мозга костей сырость и холод; к тому же

дождь продолжал поливать исстрадавшихся пешеходов и больных. Все жались один к другому, чтобы хоть немного согреться и не загасить оставшуюся в груди искру жизни. Всю ночь слышались стоны раненых и стук челюстей конвойных и жителей.

Наступившее утро осветило ужасающую картину: раненые солдаты с намокшим платьем, полузастывшие от холода, страшно выпученными глазами, сильно стонали. Болгарки прижимали своих детей к груди, думая воротить их к жизни. Дети кричали каким-то отчаянным голосом! Неопределенный стон стоял над поляной. Ужасная действительность!!

Транспорт двинулся, но скоро остановился. Раненые были посланы по тропинке, по которой пешему трудно пройти, не то что на подводах. Можно судить, сколько мучений прибавилось к тем страданиям, которые вынесли за прошлый день. И вот все двинулись по тропинке почти непроходимой.

Что пришлось еще испытать - может понимать только тот, кто был свидетелем этого несчастного отступления. Раненым приходилось перелезать через груды камней, носивших название тропинки, подниматься к облакам и опускаться в глубину зиявшей пропасти. Надобно заметить, что все раненые навылет шли пешком и только тех несли сердобольные казаки, которые не могли пошевелить ни одним членом. К вечеру, преодолев все препятствия, добрались к Кодору. Командир стоявшей там роты приказал немедленно переправить всех. На той стороне Кодора раненых поместили в плетенных шалашах, а жители и болгары растянулись на голой и мокрой земле под открытым небом, поливаемые моросившим дождиком. День испытания не прошел бесследно; второй переносили с большим стоицизмом, чем первый. Стонов почти не было слышно и только кой-где раздавался неясный вздох какого-нибудь раненого.

К утру небо прояснилось и показалось красное солнышко, благодетельно повлиявшее на всех.

Многие, в ожидании транспорта подошли к реке и стали глядеть на другой берег, с которого несколько мингрельцев тщетно старались переправить с сотню буйволов чрез быструю реку. Толпа умножалась. Вдруг с противоположной горы посыпались пули на стоявшую массу народа, а затем загремели

выстрелы, но не надолго. Буйволы, испугавшись выстрелов, вмиг рассыпались по берегу и исчезли в лесу, несколько погонщиков бросилось в реку, чтоб добраться до своих, но быстрое течение их унесло и они потонули. Толпа, так беззаботно смотревшая на буйволов, бросилась бежать по дороге, направлявшейся к аулу Джгерды. Бегство было неописанное: бежали и жители, бежали и санитары (санитары были набраны из таможенных солдат и полицейской команды г. Сухума), бежали и женщины, бежали и врачи; остались только солдаты и казаки, завязавшие сильную перестрелку с неприятелем, да еще два-три жителя, остальных же трехсот душ жителей и санитаров не осталось и следа. Впрочем, некоторые из санитаров воротились к своим местам и с помощью тех же конвойных казаков вынесли и повели раненных. В этом бегстве жители опять пострадали: ежели что и было ими донесено до Кодора, то во время перестрелки побросали и остальное, в том числе детей и деньги Из этого можно заключить, насколько паника овладела злосчастным населением Сухума. Налетевшая абхазская милиция расхватала последние остатки брошенного всеми имущества. Это был безнаказанный грабеж среди белого дня!

В Джгердах мы немного оправились... Переход из Джгерд в Поквеш свершился благополучно; день был великолепный и потому никто не жаловался на свою судьбу, довольствуясь и тем, что нет дождя, замораживающего все члены. Но зато день переезда из Поквеш в Акум[57] припомнил каждый. Дождь лил ливмя, дороги размокли, глинистая почва сделалась до того вязкою, что подметки от сапог оставались там зачастую. Рек на пути было бесчисленное множество, что еще более затрудняло путь, так как всем приходилось идти в брод и иногда по пояс. С ноющими костями добрались до Акума, где и остановились. Один из солдат не выдержал и отдал Богу душу. Страдания были написаны на всех лицах, но, благодаря Бога и помощника начальника Очамчирского округа - Соломко, все раненые и жители получили теплый угол и остановились отдыхать после тяжелого отступления на несколько дней. Г. Соломко все это время не имел покоя и принимал горячее участие во всех этих бездомных сухумцах. Большая часть

транспорта только ему и обязана, что осталась жива. и не умерла от холода и голода.

Из Акума раненых перевезли в Зугдидский госпиталь, а жители и болгары разбрелись по всему Кавказу искать приюта. Достоверно известно, что большая часть живших в Сухуме, по окончании войны отправляется на свое старое пепелище, чтобы снова заняться тем, что было создано в течении нескольких лет и разрушено в течение одного дня абхазцами. Сколько поту, сколько трудовых денег погибло без всякого вознаграждения!..

Кутаис. 10-го февраля, 1878 года.
«Пчела», 1878, №21.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СУХУМ» 1-ГО ИЮЛЯ

Пароход русского общества П. И. Т. привез нас в Сухум 26 июня вечером в 5 часов для того, чтобы сдать пассажиров на большой пароход «Коцебу», который должен был круговым рейсом прибыть в Сухум раньше, но мы, придя в Сухум парохода «Коцебу» не застали.

В четверг, когда «Коцебу» вышел из Одессы, был очень сильный ветер и барометр стоял очень низко, так что «Коцебу», даже кают компании, которую залило раза 2 водою, должен был, потеряв целый день, вернуться обратно в Одессу. Выйдя снова в пятницу, он был в Сухуме уже во вторник (вместо понедельника) в 8 ч. пополудни.

Таким образом, пассажиры «Риона» имели время, отправившись на берег, осмотреть следы разрушения, которое потерпел Сухум от войны.

От всех зданий безусловно остались один только стены и те уже разваливаются. Это общий вид с парохода. Затем, когда «Рион» встал на якорь, подошла фелюга (лодка) и, взяв с пассажиров по 20 к. перевезла нас на берег. От пристани, по

которой были устроены скамеечки и где гуляло прежде сухумское общество, осталось только три ряда свай, так что мы пристали с фелюгой против того места, где было агентство Р.Об., прямо к берегу. На месте бывшего агентства открыта маленькая турецкая кофейня. Там часть общества хотела что-нибудь поесть, так как на «Рионе» многих укачало и в особенности дамы ничего не могли взять в рот. Но в кофейне оказалось только; кофе, коньяк, хлеб и сыр, не было даже самоваров. Пройдя немного по берегу и завернув в переулок налево, отыскали два духана, где нашли баранину и заказали шашлыки, отправились в сад по главной улице, которая была шоссирована, а теперь заросла бурьяном, а на месте бывших по бокам аллей видны отрубленные у корня деревья.

Здания все разрушены; крыш, полов, потолков, окон и дверей нет и вид домов до такой степени изменен, что нельзя даже тем, которые видели Сухум, приблизительно узнать, чьи дома изображают некоторые развалины; на одном, впрочем, доме уцелела надпись, которую мы все прочли совершенно таким тоном, каким читают надписи на гробницах: №6 купца Мгеброва.

При входе в сад встретили возвращающуюся компанию крымских армян, человек 6,7; у всех были в руках букеты.

Сад весь зарос бурьяном, так что без проводника трудно найди дорогу в цветник. Дойдя до цветника в глубине сада, увидели разрушенную оранжерею и развалины какого-то помещения неизвестного. Сохранилось штук 10 великолепных кактусов, и между ними один, вышиною сажени в 2, который скоро начинает цвести. По незнанию ботаники я не могу вам сообщить, какие именно сохранились цветы и деревья и, наконец и мы увидели очень порядочные букеты из чайных роз и других очень разнообразных цветов. Нечего говорить про другие улицы, в которых дома состояли тоже из голых стен; только в 2-х - 3-х домах есть крыши.

Начальник Цебельдинского округа г-н Золотницкий, живет и теперь в Сухуме, в остатках какой-то кухни; во дворе у него комната из остатков как будто купальни. Ему удалось очистить Сухум от скелетов и трупов животных, благодаря какому-то

коммерсанту, который взялся возить скелеты и навоз на сев. от крепости за право беспошлинного вывоза за границу костей. Во многих местах видны столбы, около которых заливали известь для дезинфекции города и теперь даже не слышно никакого дурного запаху. Некто У. О. Черномазов, хорошо известный сухумским жителям (у него были прежде бани), с разрешения начальства собрал с крыш железо и покрыл кое-как домики поселян. Там же отдал одну комнату неутомимому ботанику г. Чернявскому, который кажется, теперь занялся палеонтологией и просил позволения откопать несколько черепов. На месте бывшего его имения были турецкие батареи.

На даче полковника Введенского начали посев овощей и рабочие уже работают.

Из греков вернулось до 150 семейств, которые собрались из Зугдид, Кутаиса и Сурама. Абхазцев же, говорят, обратно вернулось семейств 50.

Мы слышали, что трапезундские армяне прислали депутацию осмотреть земли и хотят поселиться в Сухумском отделе.

Из уроков прошлой войны, кажется убедились теперь в необходимости дорог и, говорят, предложено провести две дороги - одну в Кубанскую область, а другую для соединения береговых деревень.

Дом Черномазова и упомянутые два духанчика сказались существенными благодетелями общества парохода, которые в этих местах кое-как утолили свой голод.

В Сухум теперь никто не переходит; но надо полагать, что в случае мира Сухум быстро заселится. По крайней мере видно, что Сухум очень привлекателен для бывших в нем жителей. Я видел почтенного купца, который три раза горел и потерял все в Сухуме и все-таки мечтает о том, когда снова удастся ему торговать в нем.

Газ. «Тифлисский Вестник», 1878, №149.

СТАТЬЯ Е. ФЕЛИЦИНА «МАРУХСКИ ОТРЯД (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДВИЖЕНИИ ЕГО НА СУХУМ)»

Марухский отряд, быстро сформированный в Кубанской области для наступательных действий вАбхазию и преимущественно в Сухум, начал собираться в назначенном месте, близ станицы Кардоникской* к 25 -июля. Известно, что еще в мае месяце высадился на берег и укрепился в Сухуме сильный турецкий десант, с которым отряд генерала Алхазова в течении мая, июня и июля месяцев имел уже ряд перестрелок и несколько серьезных дел. Марухский отряд получил свое название по имени перевала Марух, чрез который он должен был совершить свое движение в Абхазию. Во главе собиравшихся войск стоял почтенный кавказский ветеран, генерал-лейтенант П.Д. Бабич, ознаменовавший свою долговременную службу рядом незабвенных боевых заслуг, в особенности при покорении Западного Кавказа, где на долю его вышло сделаться одним из главных виновников приобретения края. Начальником отрядного штаба назначен был генерального штаба подполковник В.В. Залесский.

В состав отряда поступили 2-й и 4-й батальоны 149 пехотного черноморского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка, 2-й и 4-й пешие пластунские батальоны, 2 сотни Урупского конного полка, 6-я сотня Горско-Кубанского конно-иррегулярного полка, взвод (2 горных орудия) 6-й батареи 20-й артиллерийской бригады, 2 пеших сотни, сформированных из жителей Карачая. Таким образом в отряде находилось: 4 батальона пехоты, 5 сотен кавалерии, 2 горных орудия, что в общей сложности составило более 3.000 человек.

Для перевозки сухарного запаса, провианта, спирта, овса, боевых снарядов и других тяжестей, следовавших с войском, нужен был вьючный обоз не менее как в 1.000 лошадей, и притом таких, которые могли бы преодолеть трудности предстоящего движения чрез главный хребет по местности, покрытой

** Баталпашинского уезда, в 105 верстах от Невиномысской станции Ростово-Кавказской железной дороги.*

высокими, скалистыми и труднодоступными горами, с глубочайшими теснинами, где с бешеною быстротою несутся холодные воды снежных потоков, опрокидывающие все, что преграждает их путь. Подобным условиям могли удовлетворять исключительно только лошади, рожденные и выросшие в горах, т.е. карачевские и принадлежащие горцам, живущим по рекам Большому и Малому Зеленчуку. Численный состав вьючного транспорта окончательно определился лишь за две недели до сбора отряда; тем не менее, к назначенному сроку, заботливостью Баталпашинского уездного начальника, на которого командующий войсками Кубанской области и Черноморского округа возложил это поручение, обоз был совершенно готов. Сбор Марухского отряда значительно оживил Баталпашинский уезд, погруженный до тех пор в мирный и ничем не возмущаемый покой: все как-то сразу засуетилось и задвигалось. Жители станиц, расположенных вблизи, усердно занялись заготовлением сухарей для войска из отпущенной муки* к станице Кардоникской потянулись повозки с боевыми снарядами, зерновым фуражом и другими тяжестями; в бывшем Хумаринском отделении открылся госпиталь, словом, всюду проявилось обычное движение, обусловливаемое сбором войск, предназначенных для экспедиции. Погода стояла в это время вообще неблагоприятная, а в горах проливные дожди шли чуть ли не беспрерывно каждый день; реки, переполненные водою, выступили из берегов и попортили дороги, так что движение отряда на первых же порах должно было встретить значительные затруднения. Для исправления пути, по направление к Марухскому перевалу, и для наведения мостов, где укажет надобность, назначена была колонна, состоявшая из трех сотен 4 пешего пластунского батальона, 4-го батальона 149-го пехотного Черноморского полка, с полусотнею Урупского конного полка и выступила со сборного пункта 27 июля утром, а вслед за нею на другой же день остальные части отряда,

---

* *В местных продовольственных складах сухарей в запасе не имелось, так как движение в Сухум из Кубанской области было предпринято совершенно неожиданно, - и притом стало известным только за 2 недели до выступления в поход.*

снявшись с бивуака, перешли к Эстонскому поселку, находящемуся в 16 верстах от ст. Кардоникской. Здесь были сделаны окончательные приготовления отряда к выступлению в поход. 29 июля все части войск получили десятидневный запас сухарей и ожидали приказания тронуться. 30 июля командующий войсками Кубанской области и Черноморского округа генерал-лейтенант Кармалин прибыл к месту расположения отряда, произвел ему смотр и, оставшись доволен молодецким видом войск, поздравил их с походом. На небольшой полянке за Эстонским поселком, у подошвы подъема на хребет, замыкающий течение реки Марухи с левой стороны, войска отряда построились в каре для выслушивания напутственного молебствия. Священник 149 пехотного Черноморского полка по окончании богослужения произнес напутственное слово. С веселыми песнями двинулись войска по извилистой тропинке на гору, растянувшись длинною и пестрою лентою по склону хребта, куда направлялась дорога к перевалу. Командующий войсками, проследовал с отрядом более 6-ти верст и простившись в последний раз с удалявшимися частями, возвратился в ст. Кардоникскую, где оставался пять дней, дабы ближе следить за продвижением отряда, так как путь, по которому он направлялся, считался едва проходимым; это, впрочем, подтвердилось и рекогносцировками, произведенными незадолго до выступления в поход Марухского отряда, несколькими сотнями, посланными для осмотра местности за перевал. И действительно, на пути движения отряду генерала Бабича предстояло встретить неимоверные затруднения. На расстоянии более 150 верст, т.е. почти до самого Сухума, приходилось идти по совершенно безлюдной, чрезвычайно пересеченной местности, отличающейся дикой природой, где на каждом почти шагу обнаруживается полное отсутствие всякой культуры. Тропа, означенная на пятиверстной карте, в действительности не существовала; нельзя было отыскать даже и признаков ее. Опытные проводники-горцы - недоверчиво качали головами, посматривая на движущиеся колонны. У кубанских черкесов, с незапамятных времен Марухский перевал считался, не без основания, самым трудным; его всегда избегали и для сообщения с Абхазией избирались другие

проходы чрез главный хребет. В памяти у многих еще не изгладилось воспоминание о бедствиях одного летучего русского отряда, избравшего эту дорогу и поплатившегося за свою смелую попытку громадными жертвами. В некоторых местах на перевале лошадей этого отряда на веревках спускали вниз и, кажется, до настоящего времени, это был единственный случай, когда войска наши следовали в Абхазию чрез Марухский перевал. Неудивительно потому, что старые кавказцы, находившиеся в рядах генерала Бабича, мрачно посматривали вдаль, задумываясь о трудностях, ожидавших их впереди. И они не ошиблись: их ожидания подтвердились вполне.

Выбор этого направления для движения в Абхазию, как слышно, указан был в Тифлисе, тогда как за несколько времени до сбора отряда толковали, что он пойдет чрез Санчарский перевал; говорили даже; что о состоянии пути и об условиях следования войск чрез этот перевал собирались подробные сведения официальным путем. Некоторые, к числу которых принадлежу и я, до последней минуты были уверены, что вышеприведенные слухи не лишены правдивого основания и, вероятно, не замедлят вскоре подтвердиться фактически. С точки зрения удобства пути сообщения чрез главный хребет гор, Санчарский перевал имеет значительные преимущества перед Марухским. Эта неопровержимая истина хорошо известна всем, кто хотя поверхностно ознакомился с гористою полосою Кубанской области, - следовательно, нам, местным жителям, не было повода сомневаться в верности толков; мы считали их вполне справедливыми и не могли предполагать, чтобы вышло иначе. Санчарский перевал рано освобождается от снегов, легко доступен; пролегающая чрез него дорога к Сухуму от ст. Сторожевой располагает довольно благоприятными условиями для движения войска. Следовательно, не должно казаться странным наше удивление, когда сделалось положительно известным, что отряд направляется не чрез Санчарский, а чрез Марухский перевал, о котором речь будет впереди.

По пути следования Марухского отряда нельзя было найти и сотни саженей удобных для движения пешком и с вьюками, почти каждая пядь земли требовала разработки, иногда весьма капитальной, с применением всех усовершенствований технико-

дорожного дела. При отсутствии сапер, работы по проложению тропы производились частью войсками, частью пешими сотнями карачаевцев, под руководством Н.Г.Утякова, владельца Хумаринских каменноугольных копий, с полною охотою принявшего на себя эту обязанность по предложению командующего войсками. В первый день отряд прошел 21 версту, и переход этот, несмотря на короткость расстояния, казался ужасно трудным для войск: день был жаркий, палящие лучи солнца сильно накаляли землю, и в воздухе стояла томительная духота. На протяжении 18-ти верст от Эстонского поселка тропа пролегала по гребню высокого и длинного хребта, где нельзя было найти ни одной капли воды. Хребет этот тянется параллельно руслу реки Марухи: и, по мере отдаления от поселка на юг, поднимается все выше и выше, образуя на гребне ряд холмов и отдельных вершин. Гребень хребта, выступая за пределы низкорослой сосны, находится в области альпийского дерна, почему можно предполагать, что возвышается над уровнем моря не менее 6 т. футов. Безостановочно, в продолжении нескольких часов, подымаясь все на гору и находясь под полным влиянием знойного солнца, люди сильно утомлялись; нестерпимая жажда причиняла понятные мучения, а тут, как на беду, на всем пути ни одного ручейка. Не было никакой возможности хоть немного освежиться на походе водою и ободрить себя, так что некоторые падали от изнеможения, не имея сил двигаться вперед. На 18-й версте от поселка начинается длинный и крутой спуск к р. Марухе, называемый карачаевцами Ажемгуа, что означает «Коровий спуск» крутизна его в общем более 30°, в иных же местах доходит до 50°. Кавалерия и все верховые, приблизившись к спуску, принуждены были слезть с лошадей и идти вниз пешком, так как груды острых каменьев усыпавших тропу, страшно затрудняли движение. Вьючные лошади едва переступали, напрягая все свои силы, чтобы удержаться на передних ногах, куда сосредоточивалась вся тяжесть груза. Встречались места, где положительно они следовали на брюхе, но при всем том некоторые из них скатывались вниз - кубарем. Нелегко было и людям: ноги не имели под собою прочной опоры: ничем не прикрепленные в землю камни, при первом прикосновении к ним, летели вниз,

увлекая за собою массу других и вместе с этим каменным потоком очень часто катился и человек, тщетно пытаясь удержаться за скользкую и такую же непрочную поверхность спуска. Невольный смех, возбуждаемый обыкновенно падением ближнего, не имел здесь места, и подобные случаи вызывали на лицах очевидцев выражение беспомощного участия. Не до смеха было... Каждый ожидал, что и его легко может постигнуть та же участь. С закатом солнца, опустившись с Ажемгуа отряд, сильно утомленный трудным переходом имел первый ночлег на ровной поляне у реки Марухи; арьергард же, не дойдя до бивуака, ночевал на горе близ казачьего поста и подошел к главным силам только на другой день. От спуска Ажемгуа до Марухского перевала оставалось 34 версты. На этом пространстве тропа пролегала по узкому ущелью, заваленному грудами обломков горнокаменных пород, обрушившихся с соседних вершин. Ручьи, сочащиеся в изобилии из боков ущелья, и снежные потоки, ниспадающие каскадами с ближайших снеговых гор, образовали по низменному дну теснины ряд небольших озер с прозрачною как стекло водою, в которой стадами плавает форель. От озер по разным направлениям распространяются непроходимые топи, поросшие болотными растениями. Острые обломки каменьев, скрытых в зелени, маскирующей воду, страшно препятствуют движению по этим трясинам и делают его в высшей степени опасным. Ноги лошади, по самую грудь погружались в зыбкую почву, попадали между обломками и несчастные животные освобождали их оттуда с неимоверными усилиями, рискуя каждую минуту искалечить себя навсегда. И таким путем нужно было шаг за шагом плестись более 8-ми верст! О приведении дороги в такое состояние, чтобы по ней можно было совершенно беспрепятственно следовать вперед, понятно, не могло быть и речи: ни время, ни средства не позволяли предпринимать никаких капитальных работ. Между тем, по свойству местности часто встречалась надобность в порохо-стрельных работах, для взрыва недоступных скал; нужно было прокладывать путь к твердым каменным породам, не поддающихся ни молоту, ни кирке. Но по необходимости все сводилось к тому, чтобы, по мере возможности, устранить самые неопределимые затруднения пути и дать хоть слабую

возможность отряду двигаться вперед, отбросив, разумеется в сторону всякое желание о самых скромных удобствах. Помимо главной своей задачи, т.е. наступательного движения на Сухум, с целью принуждения неприятеля очистить этот город, Марухскому отряду предстояло еще обеспечить себе тыл - беспрепятственное возвращение назад по тому же пути. Это последнее обстоятельство в значительной степени осложнило и без того трудную роль отряда. С одной стороны, нужно было торопиться прибытием к Сухуму, куда одновременно с Марухским подвигались отряды генерала Алхазова и полковника Шелковникова, тогда как с другой, столь же безотлагательно требовалось озаботиться проложенном удобного сообщения с Кубанской областью через перевал. Тактические соображения ясно указывали необходимость одновременного и точного выполнения обеих задач, находившихся между собою в тесной зависимости. Поэтому в тылу отряда оставлено было три сотни, на которых и возложена разработка дороги за перевал. Упомянув о Сочинском отряде, находившемся под командою полковника Шелковникова, считаю не лишним добавить, что по распоряжению командующего войсками генерал-лейтенанта Кармалина, он направлен был из Черноморского округа в Сухум по береговой дороге.

* * *

Описав, насколько это было возможно. Марухский перевал, возвращаюсь опять к прерванной хронике движения отряда, 4-го августа главная колонна, в составе 3-х сотен 2-го пешего пластунского батальона, 6-ти рот Черноморского пехотного полка. 1-й сотни Урупского конного полка, взвода горной артиллерии со всеми вьюками и частью карачаевского транспорта, имея во главе почтенного своего начальника со штабом, выступила с бивуака и потянулась на перевал. В это время снега на главном хребте были еще крепки, таяние не начиналось, и потому, сверх ожидания, переход совершился благополучно. В тот же день, т.е. 4-го августа, к вечеру, отряд,

добрался на ночлег к урочищу Хамурза-Эшта, где уже находились в ожидании прибывшие накануне колонны майора Гордиевского и полковника Трейтера. Любопытную картину представлял собой переход наших войск чрез перевал: люди лепились по крутизнам подъема, напоминая собой мух, ползущих по отвесной стене вверх. Невероятным казалось, чтобы эти серые движущиеся точки достигли когда-нибудь грандиозной высоты перевала. Снизу едва заметные на поверхности снега, существа эти представлялись настолько ничтожными, что, право, как-то не верилось, чтобы они могли преодолеть такую могущественную твердыню, как Марухский перевал.

Однако, поднявшись до утеса, они исчезли за ним; движущаяся змейка час от часу делалась все короче и короче и вот, наконец, скрылся и хвост ее. Русский солдат осилил перевал гораздо легче, чем можно было предполагать вначале. Я находился в составе 4-й сотни Хоперско-Кубанского конного полка, которая располагалась на позиции у Шереметева перевала. К сожалению, по независящим от меня причинам, я не мог следовать с отрядом далее к Сухуму и о том, что происходило; после перехода чрез Марухский перевал, я пишу со слов очевидцев, заслуживающих, впрочем, полного доверия. Далее, как говорят они, до озера Лахта, живописно расположенного на горе того же имени, в 25-ти верстах от бывшего Цебельдинского укрепления, отряду пришлось пробираться по узким скалистым ущельям, переполненным грудами каменьев, где бушуют стремительные горные потоки. Им также пришлось преодолеть еще два чудовищных перевала, перед которыми Марухский кажется игрушкою - ничтожеством. Воображение решительно отказывается воспроизвести с желаемой верностью те внушающие ужасы, крутые подъемы и спуски по совершенно отвесным скалам, с зияющими под ними безднами, по которым лежал путь наших войск. На этом пространстве, вероятно и до сих пор лежат еще десятки лошадиных остовов, наглядно свидетельствующих, какими жертвами окупался каждый шаг нашего отряда. Достаточно заметить, что при движении своем войска потеряли до 70-ти лошадей, сорвавшихся в пропасти, чтобы составить некоторое понятие о трудности дороги. Понятие это будет, разумеется,

слабое, ибо никакое описание не может выразить действительности во всей ее реальной правде. О попорченных лошадях, получивших серьезные повреждения ног и сильные ушибы, с печальною перспективою дальнейшей негодности, я не упоминаю, не имея на этот счет верных данных, хотя убежден, что цифра их должна быть весьма почтенная. Орлы, стервятники и стаи хищных воронов прилетали со всех сторон в пустынные до тех пор ущелья и огласили их своими зловещими и неприятными криками. Алчные птицы, почуяв добрую добычу, не замедлили явиться в неведомые им места, и войска, пройдя перевал, приготовили им богатый пир, так что в конце августа от разбившихся лошадей остались едва заметные признаки мяса на обглоданных костях. Нужно, однако, заметить, что Марухский отряд совершил свой поход невероятно счастливо. Горцы, компетентные судьи в данном случае, предсказывали потерю, по крайней мере, половины общего числа лошадей, а потому потеря 70-ти штук должна считаться весьма незначительною в сравнении с тем, что следовало ожидать при других обстоятельствах. Марухский отряд, бесспорно, совершил замечательный в военной истории войн поход и оставил по себе много поучительного, когда будут обнародованы подробные сведения о движении его к Сухуму.

12-го августа отряд пришел в Цебельдинское ущелье и дальнейшее его следование по разработанной колесной дороге совершилось без особенных затруднений, тем более, что после ужасов пройденного пути, всякая другая дорога, как бы убийственна она не была, никого устрашить уже не могла, и, вероятно, показалась чуть ли не совершенством в сравнении с теми тремя перевалами, оставшимися позади. К довершению картины нужно еще добавить, что со второго дня выступления, до самого озера Лахты, погода стояла холодная и сырая; дождь шел каждый день; солнце ни разу не выглянуло из-за серо-свинцовых облаков, которые непроницаемою сплошною пеленою покрывали неприветливое небо. Дни напоминали осенние сумерки. Палаток отряд не имел, во избежание увеличения и без того большого транспорта для горного пути. Ночевать приходилось на снегу и без дров. Могущественные силы природы точно сговорились противопоставить отряду

всевозможные затруднения. Но во главе стоял закаленный в боевых лишениях 70-летний генерал Бабич и воины наши стойко перенесли все и с честью выполнили возложенную на них задачу. 14-го августа началось движение к Сухуму. 15-го отряд находился в селении Гум, от которого произведена рекогносцировка в сторону неприятеля. В ночь с 17-го на 18-е наши охотничьи команды подползали к турецким батареям почти на 20 шагов, но во время были открыты неприятелем, почему и не могли овладеть батареями; 18-го, начальник штаба под огнем турецкой артиллерии и ружейной пальбы, произвел удачную рекогносцировку, с целью определить силы и вооружение передовых укреплений Сухума. При этом обнаружилось, что турки прекрасно защитили город со стороны Гумского ущелья, соорудив впереди несколько рядов ложементов, волчьих ям и т.п. приспособлений новейшей фортификации.

18-го августа, с 12-ти часов дня, Марухский отряд завязал усиленную перестрелку с турками. С наступлением темноты перестрелка прекращена и войска наши, оттеснив неприятеля назад к батареям, заночевали в занятых ими ложементах, так как на другой день предполагалось общее наступление соединенных отрядов: Ингурского, Сочинского и Марухского. В деле 19-го августа Марухский отряд потерял 7 человек ранеными.

20-го, с рассветом, передовые части отряда вошли в Сухум, настигая оставшиеся в городе турецкие войска, которые торопились садиться на суда, стоявшие на рейде. Главные силы неприятеля, как полагают многие, оставили город еще ночью. Со вступлением в Сухум отрядов, турки быстро снялись с якоря и направились к своим берегам. Отплывая, они пустили с броненосцев на берег несколько бомб, не причинивших никакого вреда нашим войскам. Сухум перешел в наши руки в крайне печальном виде: все дома были разрушены вконец, сады истреблены, тысячи буйволиных трупов с содранною кожею загромождали улицы и наполняли воздух невыносимым смрадом. Впрочем, подробности занятия Сухума сообщены в газетах раньше, а потому я не буду повторять известное. По удалении турок часть Марухского отряда (2-й и 4-й пешие пластунские батальоны) оставлена в Сухумском отделе, колонна же под командою полковника Рубашевского (3-я сотня

Урупского конного полка, взвод 6-й батареи 20-й артиллерийской бригады и вся милиция) вместе с начальником отряда и его штабом направились в область чрез более доступный Санчарский перевал. Генерал Бабич испросил разрешение избрать этот путь для возвращения в Кубанскую область ввиду того, что Марухский перевал, вследствие сильного таяния снегов в средних числах августа, сделался положительно непроходимым и угрожал потерею всех лошадей отряда. К тому же, в конце августа на перевале поднялись сильнейшие вьюги, начались жестокие холода; тропа, по которой производилось сообщение, замелась снегом и исчезла; таким образом, всякое движение чрез перевал в эту пору было бы крайне опасным и едва ли возможным. 9 сентября около полудня, колонна полковника Рубашевского приближалась к станице Сторожевой и генерал-лейтенант Бабич встречен был атаманом Батал-пашинского военного отдела, полковником Медушевским, выехавшим для этой цели вперед за станицу. Начальник отряда со своим штабом, не слезая с лошадей, направились в храм для выслушания молебна. Богослужение совершено было торжественно тремя священниками. Приятно было смотреть на мужественное и полное добродушное лицо маститого воина - начальника отряда. Убеленный сединами и несмотря на свои преклонные лета, он являл собой образцовый тип представителя тех немногих героев, которых могла создать одна лишь многотрудная Кавказская война, тяжкие лишения похода не оставили на нем ни малейшего следа. Таким же бодрым и бравым видом высматривал окружавший его штаб. 10 сентября войска возвратившиеся в область и расположенные бивуаком близ ст. Сторожевой, выстроились для прощания с начальником отряда. На груди у некоторых блистали новенькие георгиевские кресты, все смотрели молодцами. Генерал-лейтенант Бабич благодарил каждую часть особо, поздравлял с окончанием похода и затем объявил, что с сегодняшнего числа отряд распускается. С песнями потянулись сотни в предназначенные им стоянки; вслед за тем на другой день выехали из Сторожевой и начальник отряда со своим штабом.

К сказанному нужно еще прибавить, что в настоящее время от Эстонского поселка до Марухского перевала путь сделался

неузнаваемым: вместо тропы теперь существует весьма порядочная колесная (аробная) дорога, разработанная войсками и горцами под наблюдением баталпашинского уездного начальника капитана Ф.А. Кузолева в августе месяце. Блестящему выполнению задачи, возложенной на Марухский отряд, весьма много способствовало сочувствие и преданность нашему правительству горцев Баталпашинского уезда. В то время, как в других местах Северного Кавказа магометанское население, отуманенное кратковременными и непрочными успехами турецкой армии в Азиатской Турции, пришло в волнение и взялось за оружие, - все горцы Кубанской области остались спокойны, не обнаружив ни малейших признаков неприязненности. В Баталпашинском же уезде, по первому призыву уездного начальника, в среде их проявилась поразительная готовность сражаться в рядах наших войск и оказать всевозможное с своей стороны содействие к одержанию над турками побед. При сформировании Горско-Кубанского конно-иррегулярного полка из горского населения Кубанской области, в Баталпашинском уезде собраны были две сотни; одна из жителей карачаевского племени, другая из горцев, живущих по реке Зеленчуку. Весь цвет магометанской молодежи наперерыв стремился попасть в ряды формируемых сотен и многие из желающих, за недостатком вакансий, с большим сожалением принуждены были остаться дома, не осуществив своих надежд. Нужно было видеть этих джигитов, когда сотня собралась на смотр. Щегольски одетые, увешанные богатым оружием, на прекрасных карачаевских и кабардинских лошадях, они олицетворяли собою образцовую и лихую кавалерию, не оставляющую желать ничего лучшего. Выросшие на коне, каждый из них был прекрасным наездником и искал случая щегольнуть ловкостью и достоинствами хорошо выезженного скакуна своего. Даже и для неопытного глаза ясно было, что здесь сосредоточились все лучшие силы и цвет молодежи горского населения. Аулы не жалели ничего, чтобы выставить русскому царю отборное войско. На артельное хозяйство деньги жертвовались обществами щедрою рукою. Зеленчукская сотня на первых же порах имела у себя более 11.000 руб. наличными деньгами. Еще с большею яркостью выразилась преданность горцев

Баталпалинского уезда, когда явилась надобность экстренно, в две недели сформировать для Марухского отряда вьючный транспорт до 1.000 лошадей с седлами и с надлежащим числом вожаков. Это случилось в самую горячую рабочую пору, в средних числах июля. В такое время очень естественно, каждая рабочая единица в хозяйстве земледельческого класса имеет особенно важную ценность. Горцы, довольствуясь, правда немногим, засевают хлеба сравнительно мало, но тем дороже для них собрать это немногое, потому что этим они должны прокармливать свои семьи в течении целого года. Как известно, в семье горца рабочих рук вообще немного; значит, формирование вьючного транспорта, казалось, должно бы встретить серьезные затруднения, вызвать в среде их неудовольствие и, пожалуй, ропот но, однако, на самом деле задача эта разрешилась с удивительным успехом и быстротою. Вьючный транспорт готов был как раз к назначенному дню и отслужил свою тяжелую службу с редким усердием и добросовестностью. В высшей степени гуманное отношение к горцам, заботливость об улучшении их быта и внимание ко всяким нуждам этого народа бывшего уездного начальника, полковника Петрусевича, и настоящего капитана Кузолева, вселили в магометанском населении уезда полную привязанность и доверие к представителям местного управления. Услышав о предполагавшемся наступлении наших войск из Кубанской области в Абхазию чрез главный хребет Кавказских гор, горцы Баталпашинского уезда сами предложили для вьючного транспорта своих лошадей, не требуя за это никакой платы; разумеется, они были вознаграждены. Но смело можно сказать, что без горского транспорта отряд не мог двинуться в столь трудный поход. Предполагавшаяся присылка из-за Кавказа черводаров не заменила бы карачаевских лошадей и к тому же потребовало бы огромной затраты денег. Транспортировка провианта для отряда за Марухский перевал, по головоломной тропе, чрез ледники и снега, в дождливую, сырую и холодную погоду возможна была только на таких лошадях, какими владеют горцы; другие - обладай они самими лучшими достоинствами, но не рожденными в горах, не вынесли бы и сотой доли того, что пришлось испытать транспортным лошадям. Но и эти последние,

несмотря на всю свою выносливость, карабкаясь с вьюками по скалам, очень часто оставляли на снегу кровавые следы своих копыт. Подковы терялись постоянно; никакая ковка не в состоянии была выносить этой адской дороги. Спотыкаясь об острые камни и прыгая по скалам, лошади срывали себе копыта до мяса. Большая часть их остались навсегда искалеченными. Я сам был очевидцем, как возвратившиеся из Хамурза-Эштского поста на позицию у Шереметева перевала вьючные лошади по два и по три дня без движения лежали на траве, с распростертыми ногами, без копыт, обнаруживая живое мясо, не будучи в состоянии даже подняться, и не принимали никакого корма... А вожаки? Одетые в плохенькие дырявые черкески, в легких чувяках на босую ногу, они потерпели не менее своих лошадей. Заботливость о сохранении врученного им для перевозки провианта имела трогательный характер. Я видел, например, подобную картину: по узенькой тропинке, пробитой в снегу, взбирается на перевал партия вьюков, мешки с сухарями покрыты брезентами и рогожами. Идет сильный дождь при холодном ветре; вожаки, боясь подмочить сухари и не доверяя прочности брезентов, снимают с своих плеч единственные бурки и башлыки и покрывают, ими вьюки, а сами остаются в одних черкесках, ежась от холода, обдаваемые дождем и пронзительным суровым ветром. И в таком положении они без малейшего ропота проводили многие дни... Нужно ли прибавлять к этому что-либо? Думаю, что немногие факты, приведенные мною выше, дадут надлежащую оценку пользы, оказанной горцами в экспедиции к Сухуму: если перевести на деньги все то, что предоставляли они в распоряжение правительства, и вычесть из этого выданную им заработную плату, то окажется, что пожертвования крошечного населения горцев Батал-пашинскога уезда, не превышающего 23.000 душ мужеского пола, выразится солидною цифрою в 100.000 руб. сер. Какой же из наших уездов в самом сердце России пожертвовал на военные надобности такую сумму??

Газ. «Кавказ», 18781, №44, 46.

Сухумский отдел за исключением цебельдинского попечительства, состоящего из переселенцев греков и болгар, заключает в себе два округа, Пицундский и Очамчирский. Население обоих округов недавно еще доходило до 99.000 душ обоего пола. Из этого числа 86.000 принадлежали к православному вероисповеданию, а 13.000 к мохамеданскому. Во всем отделе было 57 церквей, из которых 37 в центре Абхазии. Постройки этих церквей и возобновление трех древнейших соборов: пицундского, драндского и моквского производилось на счет казны; в доставке матерьялов и провизии, рабочих, во многих случаях и само население принимало живейшее участие. Древнейшие памятники христианства в Абхазии способствовали к обращению и утверждению абхазцев в православной вере. Между духовенством и самим народом не существовало никакого антагонизма.

Относясь благотворно ко всем благотворным мерам правительства, абхазцы-христиане не отставали и в деле образования своих детей. Так, например, в Очамчирском округе устроено было восемь сельских школ, в Пицундском - две. В самом Сухуме существовала двухклассная горская школа с приготовительным классом и женская прогимназия. Одних кандидатов к поступлению в горскую школу состояло до 70-ти мальчиков. Родители абхазских девочек, учащихся в прогимназии, с особым удовольствием вносили ежегодно по 10 руб. в пользу этого заведения. Девочки эти, под руководством лучших преподавательниц, выписанных из петербургского николаевского сиротского института, оказывали блестящие успехи и в ближайшем будущем готовили из себя умных и честных матерей и полезных гражданок своей родины. Абхазцы были настолько прочувствованы пользою образования своих детей, что привилегированное сословие само принимало участие в доставке материалов для некоторых школ. Немало абхазских детей, окончивших курс учения в горской школе, в настоящее время воспитываются в средних учебных заведениях. Одно, что могло служить тормозом к дальнейшему прогрессивному движению края - это недостаток путей сообщения и разбросанность абхазских населений.

Мохамеданская часть населения Абхазии, расположенная преимущественно в ближайших окрестностях Сухума, безусловно находилась под влиянием или безграмотных турок или турок, прибывавших сюда ежегодно из Батума или Трапезунда для рыбных промыслов. Названные турки имели свободный доступ к жителям упомянутых окрестностей, распространяли между ними мохамеданское учение; посвящали не только мужчин из абхазцев, но и женщин в муллы, и секретно советовали им выпрашивать разрешение о постройке мечетей. Такими подпольными назиданиями нетрудно было наэлектризовать умы абхазских мохамедан настолько, чтоб поколебать в них верноподданность к русскому правительству и, напротив, склонить их на сторону турок, выставляя им могущество Оттоманской империи.

Этому же много содействовали появляющиеся разновременно к ним отставные солдаты из казанских и кубанских татар, прослужившие свой срок в военной службе, и эмиссары из самой Турции. Сначала эмиссары незаметно появлялись в Сухуме, потом также незаметно, направлялись к абхазцам. Некоторые из ветеранов, задолго до войны, успевали тайно собирать сходки и показывали народу какие-то мнимые прокламации, будто полученные из Турции и чуть ли не из самой Мекки! В архиве дел пицундского окружного управления имеется следственное дело по этому предмету.

Абхазцы давно уже были предупреждены о войне. К ним еще в 1876 году не раз являлись на легких турецких фелюгах разного рода подозрительные личности, под именами софт и турецких мулл, которые секретно уговаривали абхазцев, пользовавшихся в народе дурной репутацией и особенно мохамеданскую часть населения, чтоб они готовы были, в случае войны, содействовать Турции. Личности эти частью были пойманы, частью скрылись неизвестно куда. Последнее волнение перед войною сухумских жителей и перенос их вещей в безопасные места начали открывать глаза абхазцам на приближение неизбежной для Абхазии войны. Наступила пора серьезного раздумья о предстоящей участи. Меньшая часть населения, особенно ближайшие окрестные жители города Сухума, начали явно обнаруживать расположение к Турции, а потому опасно было

рассчитывать на их помощь и даже на организацию из них милиции. Наибольшая же часть жителей в дальнейших округах ни под каким видом не желала войны и инстинктивно предсказывала гибель Абхазии от первого появления турок на абхазской территории. Вот как сами абхазцы выражались о формировании из них милиции: «Правда, что должно и полезно из абхазцев формировать милиции, но было бы лучше, если б эти милиции не оставлять в пределах Абхазии, а командировать их в составе отрядов, расположенных в Имеретии или в Грузии. Подобным распоряжением начальства, во-первых, можно отнять у нас возможность о возмущении, а во-вторых, в случае появления турецкой армии, нам не стесняясь, можно заявить ей о невозможности нашего содействия неприятелю, в видах интереса жизни отсутствующих милиционеров (родных и родственников), которым может угрожать поголовное истребление».

Почетные лица, исправляющие разного рода сельские должности в Абхазии, которые имели влияние на народ или запасом абхазского красноречия, или по наследственным правам уважения, также признавали, в свою очередь необходимым в случае объявления войны, очистить прежние места, а с ближайших возвышенностей, которых немало в Абхазии, наблюдать за неприятелем и при первом его появлении открыть против него огонь. Уничтожение турецкого десанта генералом Шелковниковым на берегу Сочи вполне оправдывает это мнение почетных лиц Абхазии.

Вот в каком положении застала абхазцев нынешняя война, объявленная 12-го апреля 1877 года.

Пицундский округ состоял из двух участков: гумистинского и гудаутского. Четыре общины входили в состав гумистинского участка, жители которого, большею частью, составляли окрестное население Сухума и непосредственно управлялись начальником округа и его помощником, проживающем в самом городе. Заведование 17-ю общинами гудаутского участка принадлежало другому помощнику начальника округа, имевшему постоянное место пребывание в селении Лыхнах, отстоящему от Сухума на расстоянии 45 верст. От этого селения, на расстоянии 5 верст, находилось на берегу моря местечко Гудаут.

Нужно заметить, что селение Лыхны расположено на роскошной местности, все пространство которой представляет из себя великолепнейший природный парк, богатый виноградными и фруктовыми деревьями. Против помещения заведующего участком на огромной площади, с одной стороны рисуются роскошные липы, свидетели народного судопроизводства, а с другой - стоит одинокий памятник, говорящий пришельцу о последнем возмущении абхазцев. В Абхазии немало живописных местностей и видно, что она не обижена природою.

12-го апреля была объявлена война, а 15-го апреля выехали из гудаутского участка, как удаленного от главного места расположения наших войск, все представители местной власти, к которой присоединилось и таможенное ведомство, состоявшее в местечке Гудаут. Таим образом, население всего участка освободилось от административного контроля. Бездомные и бескровные абхазцы, ввиду такого положения участка, составили из себя довольно значительную партию и, присоединившись к другой подобной партии из лиц, пользовавшихся в народе незавидной репутацией, бросились к местечку Гудаут, выбили из помещений и лавок двери, окна, железные решетки и пр. и с этими трофеями вернулись тотчас же назад, по домам.

Правда, в покинутых помещениях и лавках торговцев, проживавших в местечке Гудаут и беспощадно эксплуатировавших абхазцев, ничего ценного не было, кроме голых построек; но совершившийся факт нельзя было оставить без внимания, а потому штабс-капитан Тито Маргани, которому была вверена абхазская милиция в числе 100 человек. обратился к народу и потребовал доставить виновных, участвовавших в демонстрации.

К сожалению, требование Маргани осталось безуспешным: во-первых, потому что к нему абхазцы не питали такого страха, как к администрации, а во-вторых и сам Маргани, в случае надобности, не мог употребить в дело вверенных ему абхазских милиционеров против своих же абхазцев. Сверх того, из 100 этих человек, только 25 находились безотлучно с Тито Маргани. Иначе и быть не могло: ему приказано было со своею милицией доносить о первом появлении неприятеля и оберегать прибрежные селения и местечки, как-то Лыхну, Гудаут, Пицунду и Гагры. На оберегание каждой из этих местностей

необходимо было командировать из сотни, по крайней мере, по 20 человек. Нужно было при этом знать, что из селения Псырцхи до местечка Гагры 83 версты.

Во избежание неурядиц, подобных совершившейся в местечке Гудаут, штабс-капитан Тито Маргани вошел с донесением к начальнику округа о случившемся происшествии. Начальник округа тотчас же командировал на место происшествия одного из своих помощников с приказанием произвести дознание и, арестовав виновных, оштрафовать жителей двух близлежащих селений к местечку Гудаут 2.000 рублями. Помощник начальника округа, приехав на место происшествия с сотнею вооруженных казаков и немедленно собрав жителей участка, высказал особенное свое неудо-вольствие безмолвно стоящему народу. Когда от собравшихся жителей потребовано было исполнение распоряжения начальника округа, в народе послышался общий ропот, и уполномоченные от населения заявили следующее: «Хотя справедливо, что лыхненская и куланурхвинская общины, в ближайшем соприкосновении с границею местечка Гудаут, и несколько человек из нас оказались виновными в нападении и ограблении названного местечка; но нельзя обвинять все население двух общин в поголовном принятии участия в совершившемся поступке. Мы не смеем не подчиниться приказанию начальства, но не можем не сказать и о том, что было бы гораздо справедливее, если б, по доставлении виновных в этом деле, нам было дозволено продать их имущества и удовлетворить требование правительства. В крайнем случае, мы готовы даже пополнить общим взносом недостающую сумму, лишь бы освободили нас от подозрения».

При таком общем заявлении со стороны абхазцев, вооруженных кинжалами, шашками и палками, необходимо было действовать чрезвычайно осторожно. В пылу увлечений и приведения в исполнение какого-нибудь своего желания, особенно когда дело касается народного интереса абхазцы забывают себя, и достаточен один шаг вперед одной личности, чтоб мгновенно бросилась вся толпа. «Мы правы, мы потребуем суда и правды!» Вот на чем обыкновенно стоит абхазец. Поэтому, если силою преградить ему дорогу в его энтузиазме, то он отступит в молчании, но в своем отступлении создаст

тысячу обстоятельств для мести и для успокоения своего взволнованного сердца. Наоборот, сделай ему в данный момент уступку, тогда он - верный раб, готовый все сделать для того, чтоб остаться в полнейшем повиновении.

По донесениям об этом начальник округа сам лично прибыл 27-го апреля с двумя сотнями казаков, и взыскал сначала с куланурхвинских жителей 960 рублей, а потом с лыхненских 1000 рублей - всего 1960 рублей. После взноса этих денег, были доставлены и виновные в нападении на местечко Гудаут, в числе 30-ти человек. Такая энергичная мера начальника округа, с одной стороны, вызвала неудовольствие абхазцев, с другой породила в них страх и дала понять, что поступок не мог пройти бесследно, безнаказанно и русское правительство вовсе не думало оставлять их на произвол судьбы.

Через два дня после этого происшествия, именно 29-го апреля штабс-капитан Тито Маргани прискакал в селение Лыхны и донес начальнику округа, что на море показались турецкие броненосцы...

Утром, 30-го апреля, шесть турецких броненосцев приблизились к берегам Абхазии и стали на якоре против местечка Гудаут. В эту критическую минуту, впопыхах прибыл в Лыхны из ближайшего селения Дурипш тамошний абхазский дворянин Хусейн Омар-ипа Лакербай.

Личность этого человека достойна внимания. Почти по всей Абхазии Хусейн Лакербай пользовался общим доверием, некоторою известностью и уважением. Каждое его слово в народе имело особенный вес. Быть в Абхазии и не заехать к Хусейну Лакербай считалось каким-то особенным нарушением народного обычая. Гостеприимный дом его был открыт для всех посетителей; со дня принятия им православия, он выдавался непритворною преданностью своей русскому правительству и много раз содействовал преуспеянию его целей, всякий раз, когда нужно было, возвышая свой веский голос в среде народа. Этот уважаемый человек притом немало способствовал обращению абхазцев в христианскую веру.

Волнение абхазцев и появление турецких броненосцев не могли оставить Хусейна в покое. Бросив свой домашний очаг, он прибыл в Лыхны и, найдя толпу из лиц ему доверенных, в

числе которых находились и три православных абхазских священника - Давид Ахведиани, Иван Гегия и иеромонах Виссарион, держал им такую речь: «Сердце мое преисполнено предчувствием близкой опасности Абхазии; она погибнет безвозвратно, если начальник округа не вытребует из Сухума сюда к нам побольше войска. Абхазцы готовы спрятать свои семейства в горы -и стать в ряды русских, чтоб соединенными силами идти против неприятеля; но если начальник округа оставит нас на произвол судьбы, то мы несчастные будем вынуждены покориться турецкой власти, а потому желательно было бы и я настоятельно прошу донести мое заявление кому следует!»

Заявления такого рода делались и многими другими такими же личностями как Хусейн Лакербай, но неизвестно почему, эти заявления не могли дойти до того, «кому следовало».

Энтузиазм Лакербая был прерван внезапно прибывшим в толпу абхазским дворянином Шаханом Званбаем, который немедленно вызвал в сторону Хусейна Лакербай и сообщил ему следующее: «Дорогой Хусейн! Дела наши плохи. Вчера ночью из турецких пароходов высадился известный негодяй, проклятый Узбек Маргани и, приехав к однофамильцу своему дворянину Хирипсу Маргани в дом, взял его с собою на пароход и представил турецкому паше. На вопрос паши: «Посоветуйте, как в данную минуту поступить с абхазцами?» Хирипс Маргани заявил, что держать какой-нибудь совет с абхазцами и просить у них помощи не поможет делу, так как большинство абхазского населения решительно за русских, а меньшинство в свою очередь боится горсти казаков, расположенных в селении Лыхнах; поэтому турки выиграли бы свое дело, если б паша приказал бомбардировать местечко Гудаут и куланурхвскую общину. При первом открытии огня, начальник округа сейчас же оставит гудаутский участок. В этот момент пусть Узбек Маргани с товарищами своими обойдет кругом и, догнав начальника с казаками, откроет против них с тылу меткий огонь. С таким соображением паша согласился и приказал означенным лицам высадиться на берег и действовать тотчас после сигнала, сделанного посредством пушечного выстрела. Вот таковы дела, дорогой Хусейн, и нет возможности принять какие-нибудь меры против негодяя Узбека Маргани!»

Происшествие это поразило почтенного старика Хусейна. Нельзя было не верить сообщенной новости, так как известно было, что дворянин Шахан Званбай, проживавший в селе Звандрипш, также отличался прекрасной репутацией и дружелюбным отношением к нашему правительству. Нельзя было ни под каким видом откладывать этого дела, а поэтому Хусейн Лакербай уговорил переводчика, князя Антона Инал-ипа, зайти к начальнику округа и доложить ему лично обо всем том, что было передано Шаханом Званбаем и, сверх того, посоветовать начальнику или идти с приверженными нам абхазцами против неприятеля, или немедленно удалиться из Лыхны, чтоб по примеру прошлых событий, не навлечь на абхазцев обвинения в убиении представителей русского правительства.

Донесение было передано. Начальник округа, выйдя к народу, спросил, кем был послан к нему переводчик.

«Я посылал к вам переводчика вашего - ответил Хусейн Лакербай - потому что опасность на носу и следует решиться на что-нибудь!»

Не успел начальник округа высмотреть неприятельские броненосцы, как одна бомба упала на Лыхненской площади. С другой стороны показался абхазец, во все горло кричавший, что идут турки и черкесы занять Абхазию. Начальник округа, получив свое предостережение от Хусейиа и взяв с собою казаков, выехал немедленно из Лыхны.

Проводив начальство, Хусейн Лакербай вернулся обратно в Лыхны, где застал дворянина Узбека Маргани с 25-ю товарищами. Нужно было во что бы то ни стало задержать эту отчаянную шайку. Пользуясь своим значением в народе, Хусейн решился остановить дурные замыслы злоумышленников. Он обратился к Узбеку со следующими словами: «- Узбек! Какой дьявол принес тебя в Абхазию? Какое новое зло хочешь ты еще причинить нам? Неужели мало еще преступлений совершил ты среди нас? Неужели ты не насытился еще нашей кровью? Мы и без тебя погибаем, а ты еще увеличиваешь нашу погибель. Слезай с лошади и отвечай, что тебе нужно?»

«Добрый Хусейн! Не мешай нам. Ведь ты знаешь, что Абхазия принадлежит нам; мы должны завладеть ею во что бы то ни

стало, на прежних условиях. Оставь меня; я догоню сейчас кого следует и покажу ему, что Узбек Маргани опять в Абхазии!»

После таких возгласов. Узбека трудно было остановить от преследуемой им цели; но Хусейн, желая временно задержать его, сообщил ему о смерти родного брата Узбека, о чем он ничего не знал.

Таким образом, Хусейну удалось выиграть время и спасти начальника округа от неминуемой смерти.

По окончании беседы между Хусейном и Узбеком Маргани, явился к ним подполковник турецкой армии, Камлат Маргани и, выразив сильно неудовольствие своему родственнику, Узбеку Маргани за то, что он подался обману Хусейна, тут же приказал Узбеку, во что бы то. ни стало догнать начальника округа и снять с него голову. Узбек с храбрыми своими товарищами с быстротою молнии поскакал и, действительно, догнал было начальника округа, но в виду казаков, а особенно абхазской милиции, быстро повернул коня и заявил Камлату Маргани, что убиение начальника округа повело бы к стычке с абхазской милицией, против которой он не мог выпустить ни одной пули.

В первые дни по объявлении войны, имя Маргани было у всех на устах, причем нередко смешивали Узбека с Камлатом, племянника с дядей.

В Пицундском округе, в селении Хвапи, издавна проживал дворянин Кац Маргани (дед Узбека Маргани), который до покорения Восточного Кавказа оказывал нашему правительству важные услуги. Он командовал не раз отдельными русскими отрядами против убыхов, джигетов (племен этих не существует теперь) и за храбрость дослужился до чина генерал-майора. Слава Каца Маргани была известна и в Турции, а последний владетель Абхазии, светлейший князь Михаил Шервашидзе, не раз принимал меры против ослабления влияния его на абхазцев и черкесов. Возвратившись из путешествия в Мекку, Кац Маргани вскоре умер, завещав сыновьям своим быть верными русскому царю. У большинства князей абхазских исповедовавших тогда мохамеданство, было в обычае отправлять одного из своих сыновей в Мингрелию с дозволением принимать православие и учиться грузинской грамоте, особенно священному писанию. Кац Маргани, еще при жизни, выбрал для этой цели из своих сыновей

Тито (Давида) Маргани, который действительно принял православие в Мингрелии и там же получил первоначальное образование. Женившись на мингрелке, он возвратился к отцу. В последнее время, мы его видим в нашей милиции, в чине штабс-капитана, с тремя или четырьмя орденами на груди. Другой сын Каца Маргани скончался и оставил после себя героя рассказа - Узбека Маргани, подозреваемого в принятии участия в предпоследнем возмущении абхазцев и, последнее время, в убиении мингрельца Лолуа, вследствие чего и бежал в Турцию. Третьим сыном Каца Маргани был Камлат Маргани.

Наружность Узбека Маргани не представляла ничего привлекательного. Увлекаясь удальством товарищей своего детства по части воровства и грабежей, он еще в юном возрасте начал подражать им и обнаруживать такие способности по этому ремеслу, что смело мог стать во главе их. Неоднократно содержался в тюрьме, но каждый раз находил возможность бежать. Он отличался чрезвычайной ловкостью в движениях, особенно в беганье; делал трехсаженные прыжки и, как искусный скороход, состязался однажды с лучшими скакунами абхазскими. Ловкость, энергичность, неустрашимость выработали в нем своего рода героизм; некоторые отважные мероприятия прославили его настолько, что имя его произносилось со страхом и любовью по всем селениям Абхазии и Самурзакани. Для достижения своей цели, он бросал и дом свой, и жену, и детей. Этот человек был, как скала тверд в данном своем слове. Узбека никогда не занимали ни красота жены, ни чины, ни ордена, ни богатство. Он всегда желал быть героем народных сказаний, а потому всегда старался предприятия свои доводить до конца. Одно время он даже был старшиною в абхазском селении и, неся эту обязанность безукоризненно, приходил в восторг если слышал одобрение от начальства. При своем кипучем темпераменте, он положительно не мог оставаться без дела.

Камлат же Маргани был совершенно другого характера. Помимо известной энергии и храбрости, он обладал даром слова. Качества эти породили в нем чрезмерное самолюбие: высокомерие его не имело границ. Он терпеть не мог равного себе, и когда русское управление в Абхазии приступило к земельному устройству, он по добровольному желанию выехал

в Турцию, огорченный до крайности своими однофамильцами и родственниками, которые без ведома и желания Камлата, в своих показаниях нашему правительству заявляли о своих земельных правах. Цель жизни его состояла в том, чтоб быть хозяином нескольких деревень и держать народ в зависимости. Словом, он желал добиться сперва общего безусловного к нему повиновения, потом - звания владетеля известной местности, с условием вассального отношения к нему соседних князей и дворян. Камлат Маргани, почувствовав, что сила его и вес, которыми он господствовал над известной горстью жителей края, подорваны, оставил Абхазию. Уходя с родины, он с негодованием обещал отомстить абхазцам. Он сдержал свое слово. Час мщения настал...

* * *

По выезде начальника округа из селения Лыхны, турецкие пароходы не переставали бомбардировать прибрежные местности, а вечером 30 апреля, сошли с парохода три человека и сожгли местечко Гудаут. Потом Камлат Маргани собрал всех понаехавших из ближайших селений абхазцев: простых людей он оставил на берегу, а князей и дворян взял с собою на пароход и представил турецкому паше. На вопрос паши, что думают абхазцы сделать, выступил вперед дворянин Хусейн Лакербай и от имени народа заявил паше следующее: «До настоящего времени мы находились под покровительством России, и русское правительство, оставляя нас, объявило, что так как земля наша занимает довольно большое пространство, то чтоб во время сражений не причинить вреда населению признает полезным вывести свои войска из Абхазии, и освободить нас от всякой воинской повинности. Начальник же округа, выезжая из наших селений, тоже обещал возвратить забранных им арестантов, обвиненных в нападении и ограблении местечка Гудаут. Сверх того, нам русские же объявили, чтоб мы по прежнему продолжали заниматься своими обычными занятиями; но, в случае если одна из воюющих сторон одержит верх, мы

обязаны заявить наши верноподданнические чувства той стороне, которая примет Абхазию в свое владение. В виду такого объявления со стороны нашего правительства, мы надеемся, что и вы, как представитель турецкого падишаха, не тронете нас, освободите от всякой повинности и не разорите нашей страны высадкой на берег турецкого войска, чтоб правительство наше не заподозрило нас в переходе на вашу сторону.

- Я слышал, - возразил паша, - что все абхазцы недовольны русскими, желают освободиться от них и принять подданство султана, и если в настоящее время не заявляют желания идти против русских, то это потому, что они обезоружены. Если желаете, я, согласно приказанию султана, могу раздать вам оружие, и первая слава будет принадлежать вам, как освободителям Абхазии.

- Мы не отказались бы, - ответил быстро Хусейн, - и от такого предложения, но ввиду того, что абхазцы давно обезоружены, а молодежь не научилась владеть им, надеемся, что вы освободите нас от этого воинского призыва».

Объяснение Хусейна Лакербай, по-видимому, благоприятно повлияло на пашу, и он даже согласился с доводами представленными уполномоченным от абхазцев Хусейном, но иные планы были уже созданы относительно Абхазии, и теперь они приводились только в исполнение.

В это время Камлат Маргани, Шератлух Лакербай (родом из убыхов). Узбек Маргани, Беслан Лакербай и Иминбей Адуль-ипа уверявшие Оттоманское правительство от имени абхазцев о желании принять подданство Турции, вышли на берег к оставленным ими абхазцам.

- «Друзья наши! - обратились они к народу - Хусейн Лакербай нелепым ответом, данным паше, погубил всю Абхазию. Мы, когда находились еще в Турции, не раз были поражаемы доходившими до нас слухами, что русское правительство порешило водворить всех абхазцев на жительство в Сибири. Жалея вас и родину нашу, общую с вами,мы почти в течение пяти лет, беспокоили султана просьбами обратить внимание на весь народ абхазский. Сверх того, пришлось нам заявлять такую же просьбу в лондонский министерский совет, по участию

которого (?) султан и разрешил прислать к вам на помощь войско, раздать оружие, соединенными силами прогнать русских на прежних основаниях занять нам нашу землю. Вы должны и обязаны теперь же решиться на предлагаемое; в противном случае, бомбардировка шести броненосцев, наполненных арабами-людоедами уничтожит вас и все ваши деревни».

Услышав эти угрозы, большинство абхазцев все-таки, в нерешимости осталось на берегу моря, а меньшинство отправилось на пароходы и приняло оружие от паши.

1-го мая турецкий паша высадился на берег в Гудауте и лично приказал раздать оружие находившимся там пешим и конным абхазцам. В ту же ночь, вооруженные абхазцы были отправлены в Сухум. Сам паша с броненосцами отправился туда же и начал бомбардировать город. Но, так как из города не было никакого ответа, то на берег высадилось 18 человек, вероятно, охотников, и сожгли город.

Вскоре прибыл в Сухум и сам паша, чтоб осмотреть тех вооруженных абхазцев, которые из местечка Гудаут, по его приказанию, должны были собраться в Сухуме. К немалому своему удивлению, он почти никого не нашел в городе из абхазцев, так как большая часть их, по получении оружия разошлась по домам и предалась осмотру своих военных доспехов. В виду такого исхода дела, паша потребовал Камлата Маргани с двумя его товарищами и отправил их в селение Лыхны с строжайшим приказанием о немедленной явке абхазцев к указанному месту. Приехав в селение Лыхны, Камлат Маргани сразу заметил, что абхазцы почти не расположены идти в Сухум. Он собрал народ и именем паши потребовал, чтоб каждый из двух дворов выставил одного человека, обязанного стоять в рядах турецкого войска.

«В противном случае, - грозно объявил он народу - турки перестанут воевать с русскими и, вернувшись к абхазцам, одну часть из них вырежут, а другую - отведут в Турцию для вечных работ и страданий».

Слова эти были произнесены три раза. Известная часть абхазцев отправилась в Сухум.

Во всех делах абхазцы должны были стоять впереди, иначе им угрожали турецкие штыки. Отчаяннее всех сражались против

нашего отряда окрестные жители города Сухума, абхазцы мусульмане. Почти до 15-го июня сами турки ни разу ни принимали участия в делах* .

15-го июня турки хотели нанести решительное поражение отряду генерала Алхазова. В этот день, паша в первый раз употребил в дело низам совместно с черкесами и абхазцами. Все были уверены в благополучном исходе дела и в окончательном уничтожении нашего отряда; но когда генерал-майор Алхазов разбил наголову неприятеля и лучшая часть абхазской молодежи легла на поли брани, оставшиеся в живых абхазцы бросились без оглядки бежать по домам.

Угрозы о новых взысканиях и штрафах в размере ста рублей и т.п. уже более не могли подействовать на абхазцев. Они, после катастрофы, остались немыми ко всяким грозным воззваниям. Виду такого оборота дела, приступлено было, по приказаниям паши, к отобранию у абхазцев оружия. Абхазцы отказались возвратить оружие, вследствие чего Камлат Маргани, как распоряжавшийся абхазцами, мог поплатиться жизнью и имуществом, потому что паша, заподозрив Камлата в измене, уже установил было над ним строжайший надзор.

К этому времени вдруг пришло известие о поимке русскими Хирипса Маршани. Новость эта окончательно поразила всех в турецком лагере, так как на него возлагались большие надежды.

Хирипс Маршани - родной брат известного нам ротмистра Алмасхида Маршани, оказавшего нашему правительству немало услуг, как во время возмущения абхазцев в 1866 году, так и в нынешнюю войну. Хирипс Маршани же не был похож на братьев, ни на остальных абхазцев. Человек этот одновременно успевал появляться как в русском, так и в турецком отрядах, заверять в своей преданности и пользоваться всецело доверием обеих сторон. Убийство, грабеж, поджоги, воровство, измена, клятвопреступление были для Хирипса обыкновенным делом. При ограблении церквей, он выносил образа и, повесив их на эшаков, потешал турок. Вот такой-то человек был выбран в

** Население Самурзаканского участка входящего в состав Сухумского отдела, не изменило нашему правительству, и большая часть из них участвовала во всех делах нашего отряда против абхазцев. Жители этого участка, в числе 22.000 все православного вероисповедания.*

русском войске для разведывания турецкой силы! Конечно, Хирипс воспользовался случаем и брал вознаграждение как с одной, так и с другой стороны; но наши молодцы, казаки, положили предел его злодеяниям. Он был пойман и арестован.

Камлат Маргани, в свое оправдание, уговаривал пашу во чтобы то ни стало выселить абхазцев в Турцию и тем самым показать султану, что если не успели окончательно завоевать Абхазию, то по крайней мере, представили турецкому правительству новых воинов, годных для кавалерийской службы. Результатом этого соображения было объявление 15-го июля, от имени паши, абхазцам о поголовном переселении их в Турцию.

Абхазцы протестовали:

«Что вы делаете с нами? Вы первоначально объявили о водворении нас в Абхазии, на прежних условиях нашей жизни, и об освобождении от переселения нас в Сибирь русским правительством, а в настоящее время выходит совершенно другое. Мы вполне довольны были русскими и обстановкою жизни; если же соблазнились идти с вами против русских, то этот соблазн был вызван обещанием раздать нам земли в таком количестве, в каком мы прежде пользовались и, сверх того возвратить из Турции к нам абхазцев, наших кровных родственников, выселившихся в 1864-1866 годах. Как скоро все это не оправдалось, мы ни под каким видом не согласимся выполнить требование паши».

- «Русские давно решились уничтожить вас, - возразил паша» - Для этого им нужно было отыскать какой-нибудь законный предлог. Предлог этот теперь им представлен в вашем возмущении, а потому они неминуемо разорят вас и вообще всю Абхазию и ниже семи лет никого не пощадят; словом, вырежут вас поголовно. Ввиду этого, я признаю выгодным и лучшим переселить вас в Турцию!».

Когда и это предложение не удалось, паша приступил к выселению мохамеданской части населения, а к христианскому послал Камлата Маргани. Трудно было склонить абхазцев-христиан на сторону турок; Камлат Маргани, кроме страшных угроз, делаемых им от имени своего правительства, и представлении опасений, якобы ожидающих их со стороны русских, прибегал к таким коварным мерам, что устоять против них трудно было абхазцам.

Вот некоторые мероприятия Камлата Маргани, способствовавшие выселению абхазцев из края.

В один день Камлат Маргани успевал побывать в пяти или шести деревнях с заверениями, что прибыли будто бы свежие турецкие войска на броненосцах; что с каждым днем численность турецких войск увеличивается и уже доходит до громаднейших размеров; что на абхазской территории не менее 60.000 турок! Между тем известно, что при появлении первый раз турецких броненосцев, на них почти никого из турок не было, за исключением экипажа этих судов и 400 черкесов. Когда же паша высадился в Сухуме и, не встретил сопротивления занял его без боя, он, чтоб упрочить за собой весь край вызвал около 8.000 турецкого войска. Собственно же говоря, на театре войны в Абхазии, может быть, находилось не более 10.000 или 12.000 турок. Абхазцы потому больше поддались обману, что одни и те же броненосцы в разных пунктах Абхазии являлись разновременно; Камлат же и его товарищи пользовались всяким благоприятным случаем, чтоб наводить панику на доверчивых абхазцев, говоря, что «только сейчас прибывший броненосец из Константинополя привез 20.000 или 30.000 войска». Сверх того, броненосцы выпускали ужасно много бомб как по направлению к берегу, так и в противоположную сторону, в открытое море, чтоб этим больше повлиять на жителей. Когда же броненосцы где-нибудь высаживали турок, то высадка происходила вечером или в сумерках, с особенным криком или шумом, чтоб в народе пронеслась весть о высадке еще нового войска; к рассвету тот же самый броненосец брал к себе обратно высадившихся, а потом высаживал их на другом месте и на спрос абхазцев: «а эти войска откуда?» Камлат отвечал, что «десант прибыл из Батума или Варны». Два или три броненосца часто ночью уходили с рейда в открытое море, а на другой день, подходя к какому-нибудь пункту Абхазии, внезапно открывали огонь; клевреты паши при этом распускали слух, что прибывшие новые броненосцы присланы султаном на помощь абхазцам.

Вот образец дипломатической способности турок, их военной тактики, талантливых действий, породивших, само собой разумеется, вдуше наивных абхазцев известного рода экзальтацию...

5-го августа, Хуссейн. Лакербай получил приказание от паши явиться к нему с женою. В видах ограждения находившихся у него иеромонаха Виссариона и священника Давида Ахвледиани, Хуссейн отправил их в свой дом, а сам явился к паше. Между тем многие узнали, что турки оставляют Абхазию, что они вскорости должны быть с трех сторон окружены русскими и что турецкий паша не имеет никакого приказания выселять насильно абхазцев в Турцию. Хуссейн Лакербай, узнав об этом вперед, перед тем, как следовало ехать к паше, признал необходимым открыто предупредить народ о том, чтоб они не думали о выселении, энергично настаивая, чтоб все отправились по своим домам. Камлат же Маргани, своими вероломными действиями, скорее достиг преследуемой цели и успел уговорить и отправить часть абхазцев на пароход, для доставления их в Турцию.

Бедные абхазцы не в состоянии были оказать явное сопротивление вооруженным туркам. Многие из них, благодаря особой случайности, успели скрыться в горы, оставив жен и детей на произвол судьбы, и явились только тогда, когда наши войска заняли Сухум. Другие подверглись страшному обезображению, а остальная часть (из христиан), собранная на пароходе, находилась в каком-то оцепенении. Картина была страшная, и нельзя было смотреть равнодушно на многих, рвавших на себе волосы и проливавших слезы отчаяния...

7-го августа, иеромонах Виссарион, по совещании с Хуссейном Лакербайем, тайно отправил письмо к полковнику Шелковникову (умершему в чине генерал-майора) через прапорщика милиции, князя Константина Инал-ипа. В письме выражалась надежда на возможность нападения врасплох на турецкий отряд, причем упоминалось и о возможной задержке абхазцев в крае. По каким-то, в настоящее время неизвестным причинам, это сведение дошло к полковнику Шелковникову только 10-го августа, и то не письменно, а словесно. Интересно бы расследовать: почему Константин Инал-ипа на проезд 30-ти верст через самые безопаснейшие места употребил три дня? Если полковник Шелковников, под убийственным огнем броненосцев с небольшим отрядом пробрался благополучно через опасное Гагринское ущелье, то ему легко было двинуть отряд из селения Колдахвары, находящемся на расстоянии 30 или 35 верст от

селения Лыхны, т.е. от места народных волнений. К сожалению, иногда на деле друзья хуже врагов, и несвоевременная передача вышеозначенного сведения, быть может послужила отчасти в пользу насильственного образа действия турок против абхазцев* .

Между 7-м и 10-м августа случилось другое немаловажное происшествие.

Когда 7-го августа Хуссейн Лакербай хлопотал об отправке письма к Шелковникову и громогласно предложил идти абхазцам по домам, против приказаний паши, как сказано выше, то о таком самовольном распоряжении Хуссейна, конечно, была передано паше с разными донесениями. К несчастью, и секрет о доносе его Шелковникову тоже был разоблачен. По поводу этого, от имени паши явились 12 человек и, задержав Хуссейна с женою его, Чич, доставили их прямо к паше, который с того момента до удаления броненосцев ив Абхазии, никуда уже более не выпускал их от себя и учредил над ним строжайший надзор.

С этого времени, Абхазия осталась без всякого руководителя, и легко было предвидеть печальную развязку драмы - переселения абхазцев в Турцию.

Одновременно с арестом Хуссейна и жены его, были доставлены к паше иеромонах Виссарион и священник Давид Ахвледиани, как подозреваемые в демонстрациях и участии по составлению и отправлению письма к Шелковникову. Эти лица предстали перед пашой. После долгих объяснений с ними о их дурном поступке, о неблаговидности к турецкой власти, оставившей их в Абхазии на свободе и проч.. паша объявил им за измену приговор: смертную казнь через расстреляние, на пароходе, в присутствии абхазцев, черкесов и всего турецкого войска. Видя, каким решительным тоном был произнесен над ними приговор, они обратились к паше с просьбою разрешить им там же сотворить последнюю молитву и принять таинство причащения. Паша дал просителям на это получасовый срок.

На броненосце, вместе с пашою, находилось много абхазцев и черкесов, выселившихся из Абхазии в Турцию в 1864 и 1866

** В ночь с 10 на 11 августа генерал Шелковников напал врасплох на турецкий отряд, принудил его очистить гудаутский участок и задержал остальную часть абхазцев в крае.*

годах. Если черкесы и абхазцы соблазнились идти в Абхазию, то приманкой для них служила сама Абхазия - их родной край; они льстили себя надеждою навсегда остаться на своей любимой родине. Не раз бывали примеры, что переселившиеся черкесы и абхазцы, оставляя свои семейства в Турции, секретно приставали к берегам Абхазии, а потом обращались с просьбою к местной власти - разрешить им остаться в Абхазии. Мечты абхазцев были известны и турецким властям; они воспользовались и начали щедро дарить их заверениями и обещаниями относительно их поселения в родном крае. Таким путем нетрудно было загнать их в Абхазию и потом орудовать ими, как пешками. Гений Камлата Маргани и тут проявил свою изобретательность: он выписывает жену и мать из Турции, приказав посланным от себя людям в Турции объявить соседним черкесам и абхазцам об окончательном покорении Абхазии турецкою армией. Как известно, шейх-уль-ислам провозгласил султана «победоносным» за занятие всего Абхазского края. После всего этого, натурально, абхазцы со рвением стремятся занять земли родных своих и, бросая все свое добро в Турции, жаждут с торжеством вступить в Абхазию.

И вдруг разочарование! Черкесы и абхазцы почти в сотый раз приступают с мольбою к паше отправить их поскорее в Турцию, чтоб не быть свидетелями несчастий, постигших их собратов. Они поражены исходом дела; они вопиют против распоряжения паши брать с собою абхазские семейства, и когда паша, не внимая их мольбам, приказывает привести в исполнение приговор над духовными лицами, черкесы в отчаянии выдвигаются вперед и, переговорив предварительно с князем Решидом Гечь, уполномочивают его заявить следующее:

«Паша! Мы никак не предполагали быть свидетелями горьких слез, проливаемых нашими братьями-абхазцами. Вы видите, что Абхазия переживает последнюю минуту своего существования и погибает безвозвратно. По воле рока, мы давно лишились родной земли, и одному богу известно, сколько пришлось нам вынести горя и мучений со дня нашего выселения из Абхазии. Но нас утешала мысль, что оставшиеся наши братья в Абхазии найдут себе место и будут жить согласно целям русского правительства. В настоящее время, нет надежды на

занятие Абхазии турецкими войсками и, не принеся себе пользы, мы сделали несчастных абхазцев ответственными лицами перед русскими. Мы никогда не будем свободными от нравственной ответственности перед абхазскими семействами, которых вы теперь насильно переселяете в Турцию и которые, на ваших глазах плачут, рвут на себе волосы и проклинают нас всех, как виновников насильственного их сбора! Конечно, грех за все это ляжет на вас; но зачем же вы хотите еще принимать на себя новую и тяжелую ответственность убиением двух бедных христианских священников? Бог знает еще. чем разыграется история убитого пред этим священника Ивана Гегия! Европейская печать, особенно английская, упоминая о жестокостях русских на театре войны, прославляет турецких главнокомандующих за их снисхождение и внимание к христианскому населению; между тем казнью священников можно повредить репутации победоносного турецкого войска, отличающегося великодушием к побежденным. Скрыть убийство священников немыслимо, так как один из них, иеромонах Виссарион, как бывший духовник владетеля Абхазии, не только известен абхазцам, но и всем черкесам, проживающим в Турции. Мы скорее готовы все поголовно умереть, чем известить об этом наших в Турции. Наконец, что могли и что могут сделать против нас эти священники? Если теперь русско-подданные абхазцы изменили русским и перешли на нашу сторону, то можно ли обвинять священников, если б они участвовали хоть бы в отправке письма к полковнику Шелковникову? Своя рубашка ближе к телу, а потом хлеб и соль русских для них дороже, чем мы. В виду этого, мы просили бы вас, паша помиловать их.»

«Уступая просьбе вашей, - ответил паша, - и единогласному заявлению вашему, я освобождаю этих священников от смертной казни, но с условием, что возьму их в Батум».

«Брать этих священников, - возразил Гечь - с собою в Турцию значить вредить денежным интересам султана: их легко взять с собою; но нет возможности соответственно прежнему условию их жизни содержать, так как они живут не хуже турецких полковников».

Просьба черкесов, вообще, была убедительная, настоятельная, хотя с большими прикрасами. Паша разрешил священникам высадиться на берег моря, но приказал остаться там до ухода броненосцев в Турцию.

Что же касается других священников, остановившихся во время возмущения в Абхазии, то, при первой высадке турецкого десанта, им указаны абхазцами более безопасные места для жительства, дальше от центра военных действий, с гарантией их полнейшего спокойствия.

Небезынтересен факт убийства священника Ивана Гегия. Поводом к этому послужила кровавая распря между Камлатом и Узбеком Маргани. Камлат, в пылу увлечений, сжег в селении Хват православную церковь, в которой была похоронена родная дочь Узбека Маргани. Чем отомстить Камлату за такое неуважение к праху своего ребенка? Зная, что священник Иван Гегия находится под ближайшим покровительством Камлата Маргани, Узбек подсылает товарищей и убивает Ивана Гегия...

Несколько слов о прапорщике милиции, князе Решиде Гече.

Гечь Решид - родом из джигетцев. Живя на родине, он не раз обнаруживал свое усердие к нашему правительству. При общем переселении черкесов и джигетцев в Турцию в 1864 и 1866 годах, Гечь Решид хотя и выселился с семейством в Турцию, но вскорости прислал просьбу его высочеству наместнику кавказскому о разрешении вернуться в Абхазию. Великий князь, оценив прежние заслуги князя Решида, разрешил ему приехать назад, предоставил пожизненную пенсию в размере 1000 руб. и дозволил носить прежний чин прапорщика милиции. Будучи облагодетельствован таким вниманием, князь Решид Гечь, со дня переселения из Турции и поселения в Абхазии, именно в селении Гагрипш (близ местечка Гагр), по настоящее время был вполне верен нашему правительству и всегда избегал сношения с абхазцами, чтоб не быть замешанным в какую-нибудь народную смуту. Дом его был совершенно изолирован от прочих абхазских сакль; он занимался своим хозяйством не пускаясь в тщетные разъезды, разведки, вмешательства и проч., подобно другим абхазцам, которые зачастую от безделья посещают окружные управления, надоедая своим сутяжничеством. Один из сыновей Гечь Решида обучался в сухумской горской школе

и был на счету отличным. С самого появления турецких броненосцев, Решид нигде не показывался, но его взяли насильно и, доставив к паше, уже более не. выпускали.

Вот последние слова Решида к абхазцам:

- «Прошу передайте великому князю наместнику кавказскому, что недостойный его раб, князь Гечь Решид, лобызает стопы его высочества. Узнав о моей участи, да не подумает великий князь, что Решид изменил ему и не желал бы вернуться назад!»

Слова Хуссейна Лакербая, тоже насильно взятого, очень замечательны:

«Братья мои! Берут нас насильно, но мы не изменим нашей христианской вере, нашему православному русскому царю, а потому, если вы останетесь живыми и правительство русское по обыкновенному великодушию простит вам и нам нашу вину, передайте ему, чтоб нас считали военнопленными!»

Всех выселившихся, приблизительно, будет более 35.000.

В заключении, два слова о жене Хуссейна Лакербай, Чич (Екатерина), урожденной Анчебадзе. Она была одна из редких женщин во всей Абхазии, как по красоте, так и по всем достоинствам, украшающим женщин. Честность, благородство, гостеприимство, внимание ко всем, без разбора сословий и вероисповедания - вот основные черты ее характера. Почти с самого первого дня появления черкесов в Абхазии до последнего времени, Чич Анчебадзе днем и ночью не находила себе покоя, так как, по обычаю края, должна оказать приличное угощение всем посетителям, между которыми было очень много голодных до изнеможения. Не приняв посетителей, Чич могла навсегда потерять вес в глазах всей Абхазии и всего черкесского племени. Наконец, между черкесами, большею частью, посещали гостеприимную хозяйку и такие, которые были с нею связаны родством или давнишним знакомством.

Дальние гости Востока, в минуту увлечений и воспоминаний дел давно минувших, доверяли доброй хозяйке такие политические тайны, что слушать их положительно было возмутительно.

Из этих интимных бесед, происходивших между черкесами и Чич, между прочим обнаруживается, что некоторые лица, состоявшие при начальниках отрядов сухумского и ингурского

далеко не заслуживали того полного доверия со стороны русского правительства, которым они пользовались в столь критические минуты. Тайна отрядов весьма ловко передавалась противной стороне. Черкесы и абхазцы никогда не осмелились бы действовать так энергично, если б они не получали от названных интриганов особых указаний. Желание этих недобрых людей совпало с желанием навредить Пицундскому округу и некоторым привилегированным лицам Абхазии, чтоб с одной стороны выместить на них зло, с другой стороны - заверить начальство, что «мы - абхазцы, но не жалеем своих же абхазцев, когда они поступают дурно.»

Вот факты. Пусть судит теперь о них русское общество...

[Д.] Мачавариани

Газ. «Голос», 1878, №№198,199.

БИОГРАФИЯ ХЕЙРЕДДИНА -ПАШИ

Хейреддин-паша, новый великий визирь, родом абхазец, он уроженец Бамбури, местности, соседней с Сухумом.

Благодаря странному стечению обстоятельств, случилось, что этот сын Кавказа появлялся на арене общественной деятельности то в качестве африканского воина, то в образе дипломата, то наконец, в лице хранителя печатей падишаха!

В 1835 году три маленьких мальчика из племени абхазцев, три брата сидели, скорчившись в углу рынка невольников в Топхане. Бедные дети боязливо прижимались друг к другу и едва осмеливались поднять глаза.

Два агента сераля заметили мальчиков и начали торговать их у владельца. Тут подоспело еще несколько барышников - это были агенты бея тунисского. Эти добрые люди не стали много спорить между собой о добыче - агенты падишаха удовольствовались тем, что оставили себе только двух мальчиков, а третьего любезно уступили тунисцам. Таким образом, судьба разлучила братьев и с тех пор у каждого из них своя история, полная самых странных перипетий.

Поступив в сераль, два маленьких абхазца сделались прислужниками сыновей султана, Абдул-Меджида и Абдул-Азиса. Один из них получил название Явера, а другой Мухлиса. Когда они подросли, они избрали себе каждый особую карьеру, согласно их наклонностям и вкусам. Явер посвятил себя изучению музыки, драматического искусства и упражнениям в цирке. Благодаря своим необыкновенным способностям маленький невольник сделался несколько лет тому назад известным артистом; он играл на всех инструментах, был превосходным актером и появлялся в цирке акробатом и наездником.

Все эти качества сделали Яверь-бея человеком известным, придворным львом: Абдул-Меджид не мог обойтись без него. Султан был только номинальным владельцем сераля, а Яверь-бей распоряжался всем как полный господин.

Мухлису, младшему из трех братьев, посчастливилось менее других: сначала он участвовал в музыкальном хоре сераля, оттуда он вышел в 1855 году с чином полкового адъютанта. В это время мы были товарищами с Мухлисом, т.к. оба служили адъютантами при Мустафа-паше, мушире и начальнике батумской армии.

Мухлис в настоящее время паша; он принимал участие в последней компании в Армении и был ранен в сражении при Кизиль-тепе.

По странной прихоти судьбы, оба брата Мухлис и Хейреддин столкнулись недалеко от места своего рождения. В 1855 г. Хейреддин прибыл в Батум начальником артиллерии, состоящей при тунисском экспедиционном корпусе. Оба брата признали друг друга без труда: зная, что оба абхазцы, после некоторых расспросов, они уверились в своем родстве.

Помню, Мухлис показал мне своего брата Хейреддина. Его статная фигура, с белокурой бородой и усами врезались в мою память. Кто бы мог подумать, что этот тунисец в красной шапке сделается когда-нибудь великим визирем Турции!

Что касается карьеры Хейреддина, то мне известно, что бей тунисский послал его во Францию для окончания его военного образования. Там молодой невольник не терял времени даром, он работал так усердно, что вернувшись к своему господину,

затмил всех своих товарищей и сделался одним из выдающихся людей в стране.

Вступив в министерство, Хейреддин естественно должен был заниматься большой политикой, нежели своей специальностью. В качестве министра бея тунисского Хейреддин два раза был в Париже для переговоров по некоторым делам с правительством и финансистами. После одного из таких путешествий он обнародовал брошюру о восточной политике, которая была замечена и имела успех.

По какой причине Хейреддин расстался со своим повелителем, каким образом ему удалось добраться до падишаха - этого я положительно не знаю. Очень может быть, что его братья приготовили ему хороший прием и обеспечили поддержку в серале. Вероятно, также, что бей тунисский послал Хейреддина на помощь Халифу, подобно тому, как саксонский король когда-то отправил Вейста для поддержки авторитета австрийского престола.

Возвышение Хейреддина в сан великого везиря - очень важное событие не только по причине его военных и политических способностей, но и вследствие состава нового кабинета.

В глазах турок одно его имя - Хейреддин (счастье веры) уже есть талисман и хорошее предзнаменование. Имя это напоминает Хейреддина Рыжую Бороду, знаменитого морского разбойника, наводившего ужас на все Средиземное море. Могила этого святого корсара находится в Беликтаме и усердно посещается богомольцами.

Русская дипломатия не имеет причин радоваться этой перемене в министерстве, так как Хейреддин и его товарищи не могут считаться друзьями России. Беменскому трактату также не поздоровится от этого быстрого поворота турецкой политики, поворота, совпадающего с неудачей, понесенной комиссией Восточной Румелии и с вооружениями, производимыми в Золотом Роге.

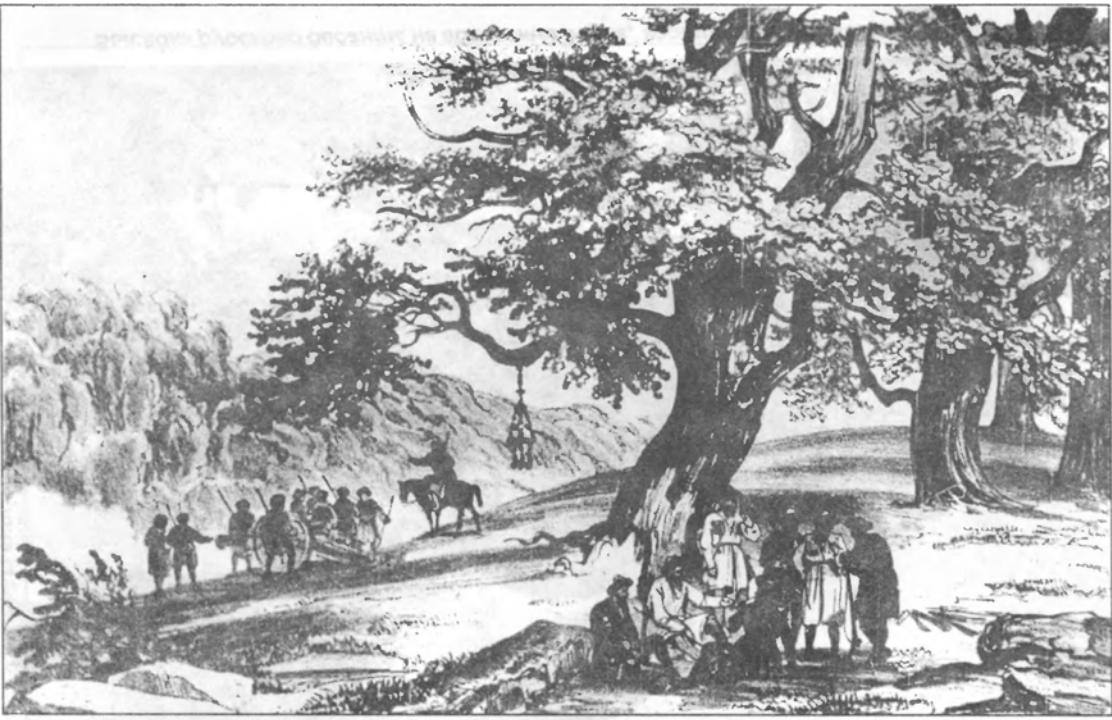
Осман-бей

Газ. «Новое время», 1878 , № 989

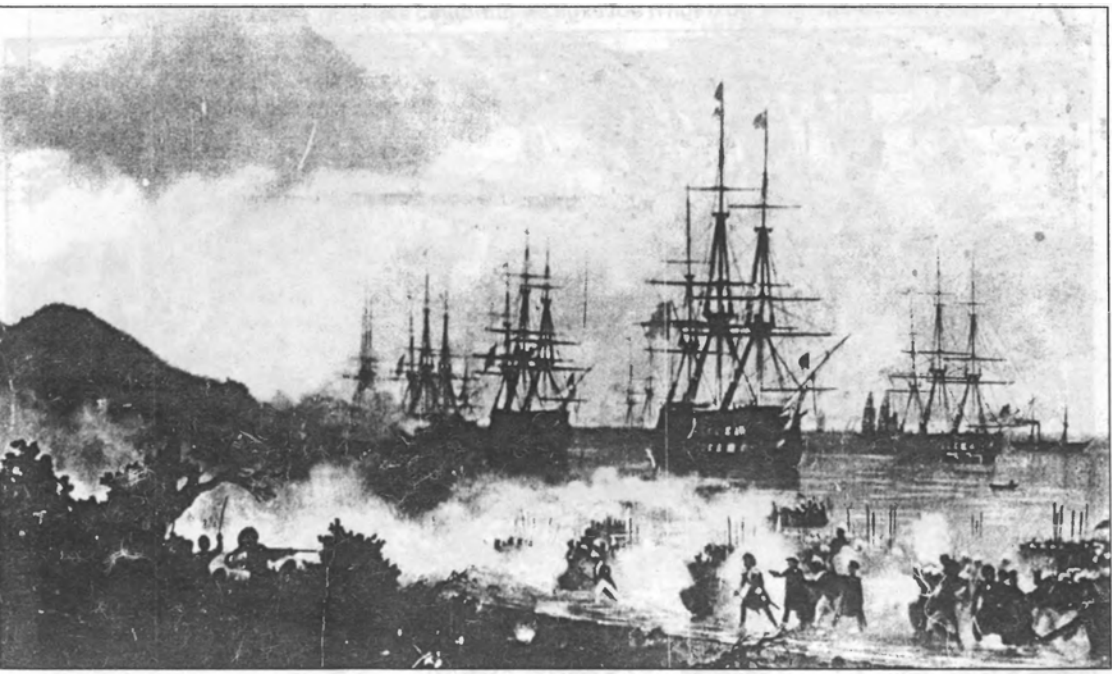
Абхаз из Сухума (1823 г.)

Аджгирей-ипа Кучук (Халхалба) (1825 г.)

Воин-абхаз (1835 г.)



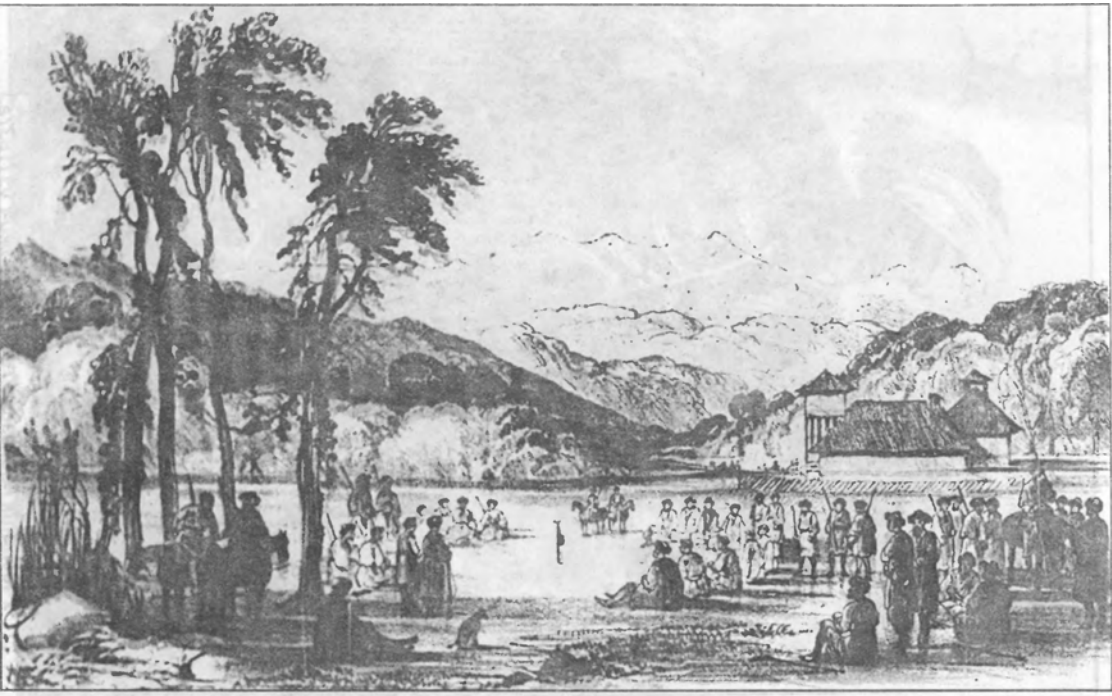
Архныщна-ахэы – древнее святилище абхазов и убыхов в Шача-пста (1837 г.).



Высадка русского десанта на абхазский берег, картина Айвазовского (1838г.)

«Конный рыцарь» – «Черкес- воин» (1840 г.)

Круговой сбор черкесского войска (адыгов, убыхов, абхазов), Западный Кавказ (1837 г.)



Съезд абхазов, убыхов и шапсугов в мест. Геч (Малая Абхазия) (1837г.)

Участник Кавказской войны Хаджи-Гуз (1837г.)

Убыхи (1840 г.)

Дал-Цабал, Марщаны (1864 г.)

Убыхи (1864 г.)

Хаджи-Берзек Керантух (1877 г.)

Абхазские депутаты (1866 г.)

Военный Архив

Р. Кавказское Военно-Народное Упр.

ДЕЛО

№ 191 Заведения Особой канцел.

Переписка

О переселении абхазцев в Турцию. (Не полное дело).

Начато 5-IV-1866 г. 193 г.

Оконч 5-IX-1866 г. 193 г.

На 254 листах

Абазинский дворянин – (II пол. XIX в.)

Мухлис-паша (1877 г.)

Ах-ипа Гьаргь Лаша Ачачба (1876 г.)

Стоят слева направо: 1. Тытба Нарбеи; 2. Маан Таташь; 3. Маан Озбакь.
Сидят: 1. Маан Титу; 2. Маан-Чачба Като (1876 г.)

Абхазские офицеры и старшины с абхазами – турецкими офицерами (1877 г.).
В центре стоит Аршба Гедлач, полулежит Дзыгу-ипа Цгу.

Великий визирь (Премьер-министр) Туниса и Турции, Маршал Хайреддин-паша (1876 г.)

Ахмытбей Чачба – последний владетель Абхазии (1816-1866г.г.)

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Имеется в виду фамилия Маршан.

2. В абхазской историографии существует и иное мнение по поводу убийства Келешбея. В частности, историки С.З. Лакоба и Р.Х. Агуажба считают, что владетельный князь Келешбей стал жертвой сговора российских генералов, княгини Мегрелии Нино Дадиани и ее зятя (мужа дочери) – сына Келешбея Сафарбея (Георгия), которые руководствовались интересами колониальной политики царизма на Кавказе (см.: **Лакоба С.З.**. Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. – Сухум. 1999; **Агуажба Р.Х.**. Сафарбей. *Газ. "Республика Абхазия". 1999. №69.*

3. Лыхны.

4. Акапа.

5. Речь идет о второй карательной экспедиции под командованием генерала М.Д. Горчакова, проведенной в цельях «усмирения» абхазов. Первая экспедиция была осуществлена в 1821 г.

6. Крепость и порт севернее Поти, у устья р.Хоби.

7. Абжуйское.

8. Географические названия публикуются без комментариев, так как они заслуживают специального историко-лингвистического исследования.

9. Сафарбей.

10. В данном случае подразумеваются собственно абхазы.

11.Генерал Н.Н. Раевский с 1839 г. по 1842 г. являлся командующим Черноморской береговой линии, куда входили 17 русских фортов расположенных на Черноморском побнрнжье, от устья р. Кубани до крепости Святого Николая (Шекветили).

12. Укрепление на р.Туапсе под названием Вельяминовское было построено в 1838 г.

13. Гечба.

14. Аредба (Ардба)

15. Цанба.

16. Драндский храм был построен в VI веке, т.е. гораздо раньше до появления генуэзцев в Абхазии. См.: **Хотелашвили М.К.,**

Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия). Византийский временник. Т.45. М.1984; **Воронов Ю.Н.** Древняя Апсилия. - Сухум. 1998. С. 228-229.

17. Как в данной, так и в других публикациях под термином «племя» следует подразумевать этнографическую группу или же территориальная общину того или иного народа, стоящего на ступени феодального строя.

18. Айбга.

19. Ахчипсоу.

20. Мзымта.

21. Чужгуча.

22. Кац Маргания (Маан).

23. Данная статья вошла в сборник **С.Т. Званба.** Абхазские этнографические этюды. Сост.: **Дзидзария Г.А.** – Сухуми. 1982.

24. Под этими инициалами публиковал материалы известный писатель Соллогуб Владимир Александрович (1813 -1882 гг.).

25. Следует читать дед, т.е. Келешбей.

26. Цхенис-цкали является правый приток р. Риони.

27. Существует мнение, и о том, что Кораксинская, она же Великая Абхазская стена, была воздвигнута для самообороны от нашествия с юга и юго-востока. (**Гунба М.М.** Келасурская стена. Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. в Тбилиси. 1974. С. 137-151; **Пачулия В.П.** Древняя, но вечно молодая Абхазия. Сухуми.1991. С. 260-262).

28. По данным акад. М. Броссе, Симон Канонит умер в Сванетии, а затем его тело было перезахаранено в г. Анакопию. **М. Броссе**. История Грузии. Тифлис. 1895. "Издательство Ачара". Батуми. 1998. С. 34. (на груз. яз.).

29. Генерал-лейтенант.

30. Генерал-майор

31. Ассаство институт гостеприимство включающий также приют переселенца. (**Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. Сухуми, 1965. С. 420-433).

32. Речь идет о патронимии (по-абхазски абипара).

33. Акуаскьа.

34.Имеется в виду Лыхненское (Абхазское) восстание 1866 г.

35. Под термином «род» следует подразумевать фамилию или же патронимию.

36.Полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что у абхазов привод второй жены допускается лишь в исключительных случаях, в частности, если первая жена оставалась бездетной и на это было согласие первой жены и ее родственников.

37. Автор не разобравшись в сложнейших взаимоотношениях членов семьи, в частности в обычаях избегания, ошибается говоря как о бесправном положении женщины, так и о деспотическом управлении семьей её главой. Традиционная действительность подтверждает обратное – о почетном положении женщины и демократическом управлении семьи ее главой.

38. Речь идет о пережитках левирата, характерных в XIX веке для многих народов Кавказа, да и всего мира.

39.Как свидетельствует множество материалов, приведенных в сборнике, горцы Кавказа были депортированы в результате колониальной политики царизма, а религиозный фанатизм автохтонов края был выдуман идеологами самодержавия в цельях оправдания факта массового выселения из родных земель целых народов.

40. Псирцха.

41. Речь идет о Тамаре – царице Абхазо-грузинского царства (1184-1213 гг.) и ее дочери царице Русудане (1213-1245 гг.).

42. Давид III (куропалат), в конце IX нач. X вв. правил Тао-Кларджетским княжеством.

43. Имеется в виду грузинское духовенство, представители которого целенаправленно засылались из Грузии в Абхазию.

44. Речь идет о Лыхненском восстании 1866 г. Требование народа заключалось в удовлетворении не религиозных, а социально-экономических и политических проблем.

45. Нарт Сасрыква.

46. Абраскил.

47. Войско Набеда в Абхазию вступили в 550 году. В этот период правителями Западной Абхазии был Скепарна, а восточной – Опсит. (История Абхазии. - Сухум. Алашара.1991. С.59).

48. Афы.

49. Амра.

50. То же самое что ачнагума, т.е. ашнакума.

51. Эти выводы автора ошибочны, так как женщина в абхазской семье занимала почетное положение.

52. Данный обычай не подтвержден в этнографической действительности Абхазии.

53. Дыдрипш.

54. Абжаквских.

55. Подразумевается обширная статья Я. Гогебашвили «Кем заселить Абхазию?», которая была опубликована в газ. «Кавказ» 1877. №№209, 210, 243-245, 248, 249.

56. Видимо р. Мчишта.

57. Окум.

Содержание

От составителей 3

Материалы

Из статьи «Абхазы»..... 6

Известия внутренние. Санкт-Петербург, 6 декабря..... 8

Известия внутренние. Санкт-Петербург, 9 декабря..... 9

Статистический взгляд на Абхазию..... 9

Рапорт командующему Черноморскою линиею, господину генерал-майору и кавалеру фон-Штейбену командира Геленжикского отряда военных и транспортных судов..... 29

Согум-кале 31

Из «Обозрения Восточного берега Черного моря» 41

Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления..... 84

Статья Павла Россиева «У Черного моря» 91

Письмо владетельного князя Абхазии генерал-майора М.Шервашидзе генерал-лейтенанту Н.Н.Раевскому 102

Рапорт начальника Черноморской береговой линии г. Военному министру..... 104

Древний генуэзский храм в укреплении Дранды 106

Из повеления Императора России..... 108

Из корреспонденции «В Абхазии»..... 108

Из статьи «Горские племена, живущие за Кубанью»..... 109

Корреспонденция из газеты «Кавказ»..... 114

Из корреспонденции газеты Кавказ»..... 115

Статья С.Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию»... 115

Географический очерк Цебельды..... 124

Из корреспонденции газеты «Кавказ» 134

Из статьи Г.С."Возвращение" 134

Корреспонденция из газеты «Кавказ» 149
Корреспонденция из газеты «Кавказ»..... 150
Из письма о Сухуме 152
Известие с восточного берега Черного моря 155
Известие с восточного берега Черного моря..... 157
Из статьи «Абхазия и абхазы»..... 160
Из письма К.Чернышева к А.П.Берже «Еще об Абхазии»..... 169
Корреспонденция «Из Абхазии»..... 175
Известие из Абхазии..... 175
Из Кутаисского генерал-губернаторства..... 176
Из статьи Дм.Бакрадзе «Очерк о Мингрелии,
Самурзакани и Абхазии»..... 178
Из Кутаисского генерал-губернаторства..... 193
Телеграмма с Кавказа. Поти, 14 мая 195
Кавказская летопись. Известия о последних военных
действиях на Западном Кавказе 195
Корреспонденция из газеты «Морнинг пост»,
перепечатанный в газету «Русский инвалид» 212
О переселении кавказских горцев в Турцию..... 215
Из статьи С.Эсадзе «К 40-летию уничтожения автономии
в Абхазии 225
Корреспонденция «Кавказская летопись». Черноморский
берег..... 254
Статья И.Пантюхова «О Самурзакани»..... 255
Корреспонденция из газеты «Русский инвалид» 258
Корреспонденция «Сухум-кальские происшествия» 260
Из корреспонденции «Из Сухума», 29 августа..... 262
Корреспонденция "Из Сухума"..... 265
Статья из газеты «Русский инвалид»..... 270
Из очерка И.Аверкиева «С северо-восточного прибрежья
Черного моря» 276

Распоряжения воинского начальства..... 324
Корреспонденция «Переселение абхазцев» 325
Из корреспонденции «Из Абхазии» 326
Статья «Горцы абазинского племени» 327
Статья И.Пантюхова «О мифах и поверьях туземцев в Рионской долины»..... 330
Статья «Черкесы в Болгарии»..... 339
Статья Ф.Завадского «Абхазия и Цебельда» 341
Корреспонденция «Сухум-кале» 360
Из статьи «О положении Абхазии в религиозном отношении»..... 364
Из статьи П.Невского «Закубанский край в 1864 г. (путевые воспоминания)»..... 370
Статья П.Услара «О лингвистических трудах Г.Каменева» 384
Статья Н.Дьячков-Тарасова «Несколько слов о заселении Цебельды»..... 388
Из статьи Н.Ходжаева «Несколько слов об открытии Псхувского ущелья”..... 394
Из статьи К.Красницкого «Освещение возобновленного из развалин древнего Пицундского храма»..... 405
Корреспонденция А.Нисченкова «Переселение горцев вТурцию (из воспоминаний кавказского офицера)»..... 415
Корреспонденция абхазского миссионера иеромонаха Иона «О новых успехах христианства в Абхазии»..... 418
Из статьи «О незаметном «вымирании» горских племен и преданий» 419
Корреспонденция из газеты «Кавказ» 423
Корреспонденция из газеты «Одесский вестник»..... 425
Статья А.Эмухвари «Самурзаканские поверья»..... 427
Из корреспонденции «Сухум» из газеты «Кавказ»..... 431

Фольклорные материалы А.Иоакимова «Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Сухумской горской школы)» 436
Из корреспонденции газеты «Кавказ» 442
Из статьи А.Иоакимова "Абхазцы" 445
Корреспонденция из газеты «Кавказ» 461
Корреспонденция из газеты «Кавказ» 463
Корреспонденция Н.Петровского «Из записной книжки» 466
Статья «От Сухума до Пятигорска» 483
Из статьи Я.Пасхалова «Дудрипш – святая гора в Абхазии» 491
Статья Г.Сандецкого «О путях, ведущих из Абхазии на северный склон Кавказских гор» 500
Информационное сообщение «Об определении прав детей, братьев и сестер бывшего владетеля Абхазии, покойного князя Михаила Шервашидзе» 504
Корреспонденция «Военные действия на Черноморском прибережье» 505
Корреспонденция «Внешнее обозрение по правительственным (официальным) известиям» 508
Из обозрения «Петербург, 16(28-го) мая» 509
Корреспонденция «Дело 2-го июня на р.Галидзге» 512
Воспоминание В.Потто «Генерал-лейтенант Владимир Аквсентьевич Яцкевич» 514
Воспоминание В.Потто «Былое Черноморского флота (Адмирал Макаров в последнюю турецкую войну)» 519
Корреспонденция «О действиях парохода «В.К.Константин» На Сухумском рейде» 523
Из статьи «Черкесы в Турции» 527
Из статьи «К вопросу о причинах абхазского возмущения» 531

Взятие Сухума (отрывок из частного письма).
Сухум, 23-го августа 536
По поводу последних событий в Абхазии. Тифлис,
9 сентября 540
Корреспонденция «Сухум». 30 августа, 1877 г. 543
К вопросу о будущей колонизации Абхазии. 545
Из обзора «Письма об Абхазии» 550
Статья Н.Кучинского «К истории выселения абхазцев» 557
Из статьи «На Кавказе» 562
Из обзора газеты «Одесский вестник» 568
Кавказские горцы в Новгородской губернии 570
Из статьи Г. Лебединца «Из Сухума» 574
Корреспонденция «Сухум, 1-го июля» 580
Статья Евг. Фелицина «Марухский отряд (несколько
слов движении его на Сухум)» 583
Статья «Народные смуты в Абхазии» 597
Биография Хейреддина-паши 619
Иллюстрации 622
Примечания. 642

Аԥсни аԥсуааи урыстәылатәи апериодикаҿы
(XIX – XX ашә. алаг.)
I ашәҟәы

Аиҧәыршәаҩцәа: Агәажәба Р.Ҳ., Ачыгәба Ҭ.А.

Абхазия и абхазы в русской периодике
(XIX – нач. XX вв.)

Книга I

Составители: ***Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.***
Художественно-техническое оформление: ***Лейба Н.***
Корректор: ***Джинджал Л.Х.***
Компьютерный набор: ***Капш А. Я.***
Форматирование и макет: ***Ахиба А.П.***

Формат 60х90 1/16. Тираж 500. Усл. печ. л. 40,75.
Заказ № 519.

Республика Абхазия
ГПП "Дом печати"
г. Сухум, ул. Эшба, 168.